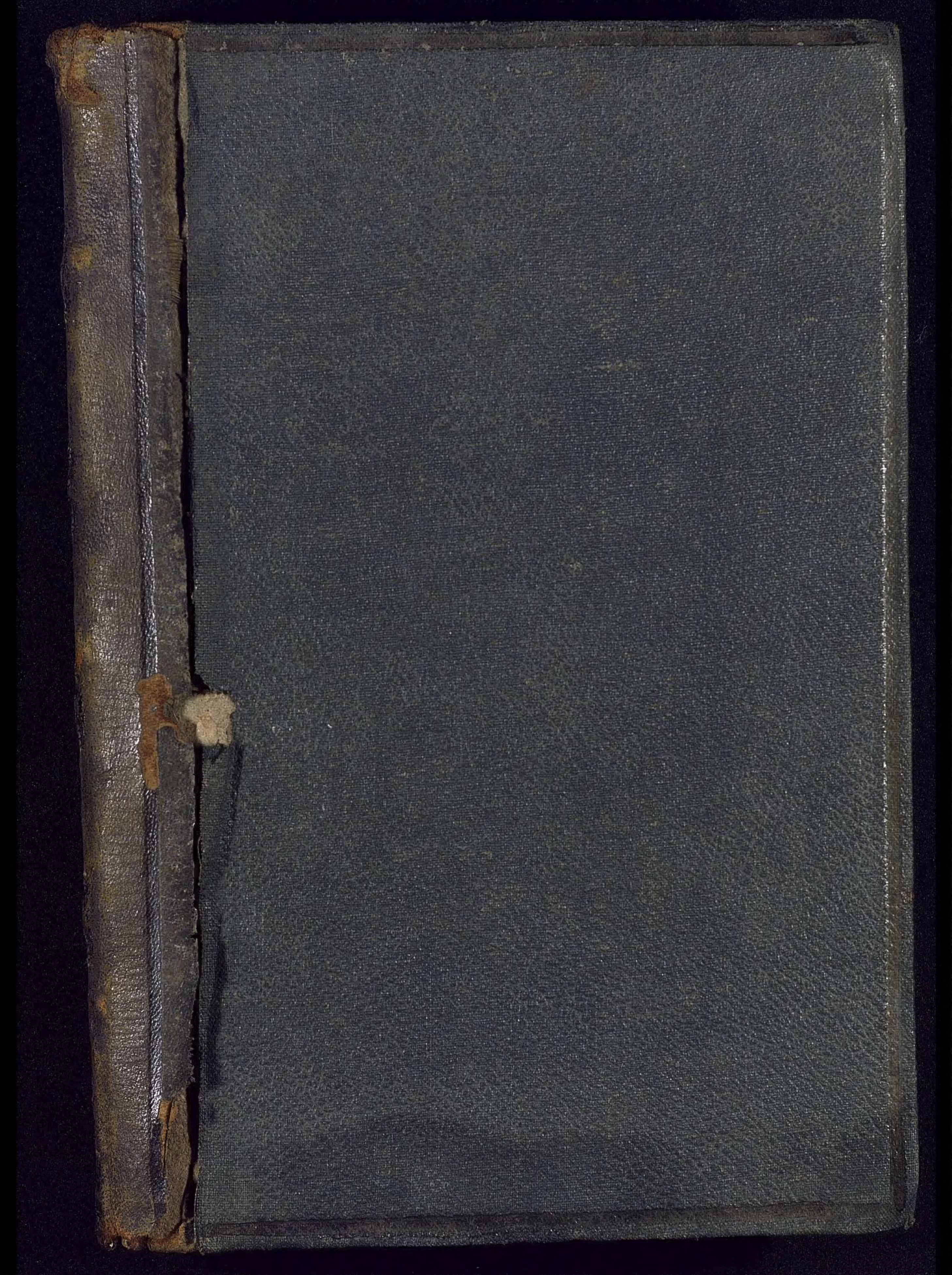
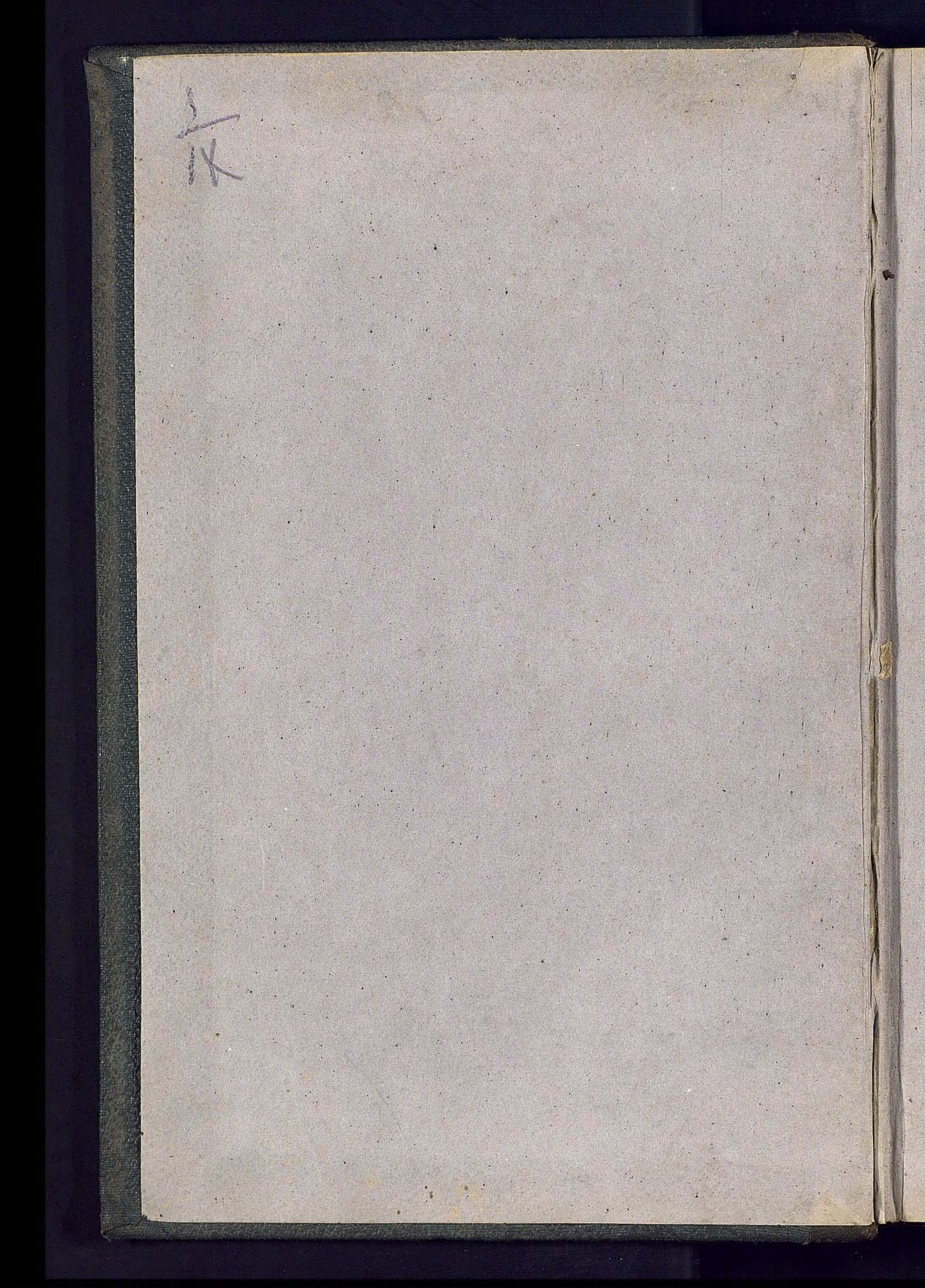
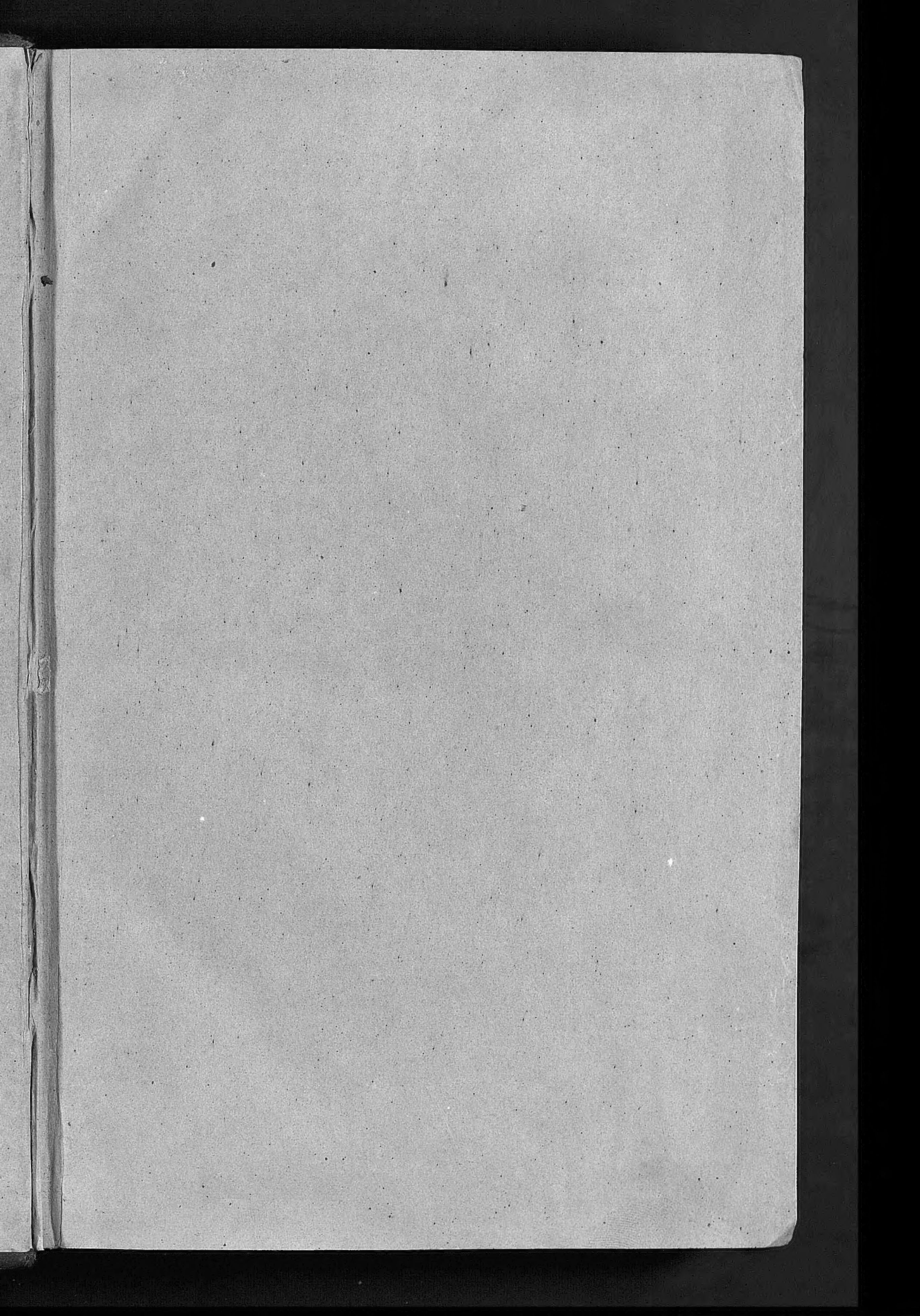
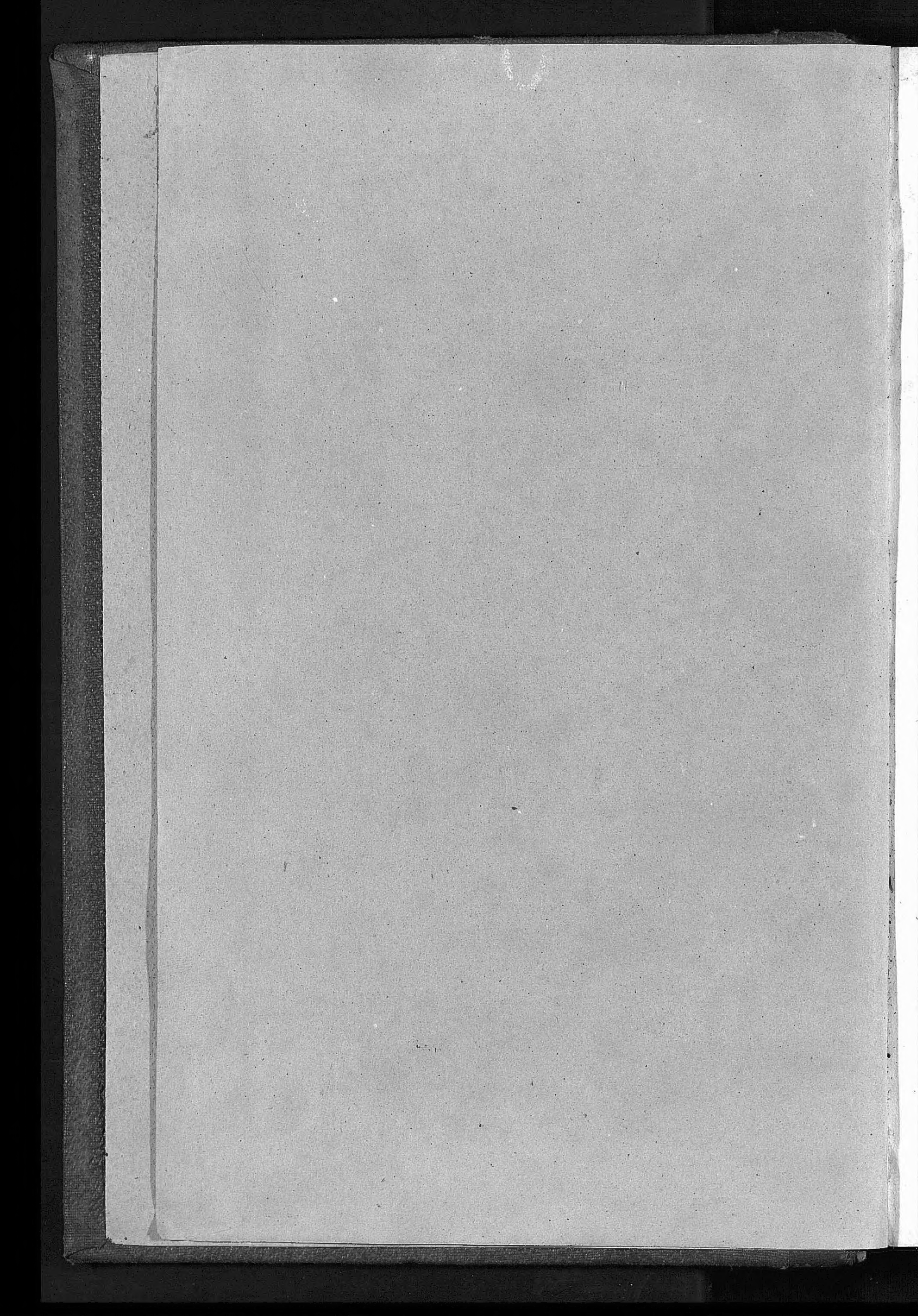

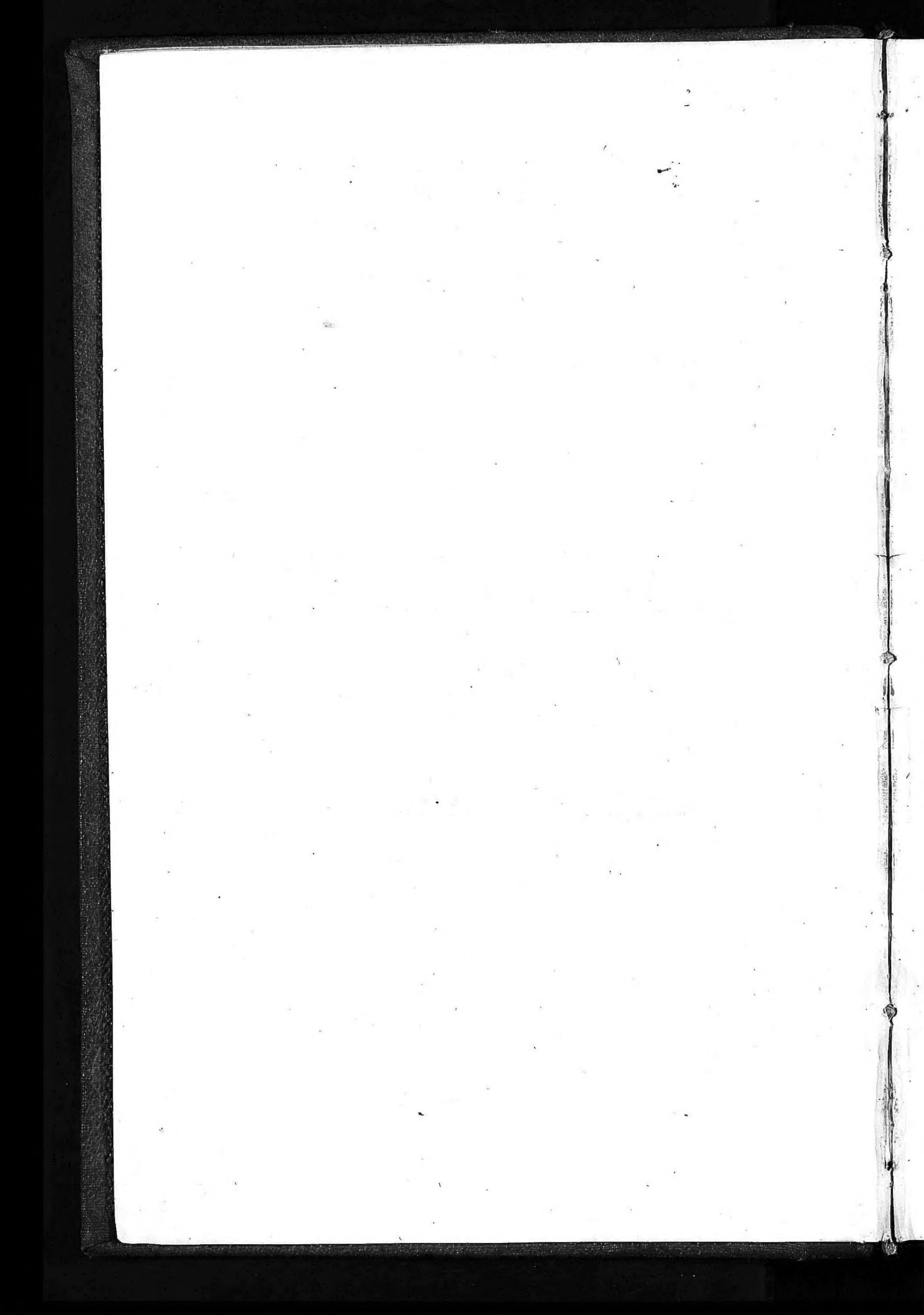

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ПЯТЫЙ ГОДЪ.—ТОМЪ VI.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

ПЯТЫЙ ГОДЪ.

ТОМЪ VI.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Невскомъ просп., у Казан. моста № 30.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ № 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1870.

ТИПОГРАФІЯ Ф. СУЩИНСКАГО.
УЛИЦА МОГИЛЕВСКАЯ, 2
С.ПЕТЕРБУРГЪ.

НАЧАЛО ЕДИНОДЕРЖАВІЯ

ВЪ

ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Писатели, сообщающіе историческія свѣдѣнія о древнихъ славянахъ, согласно между собою показываютъ, что въ тотъ періодъ, когда исторія начала знакомиться со славянскими племенами, славяне не терпѣли единовластія, оказывались неспособными къ сплоченію и образованію государствъ, до чрезвычайности любили свободу и, по причинѣ своего свободолюбія, жили малыми общинами или республиками, не только не додумавшись до установленія между этими общинами взаимной охранительной связи, но оставляя необузданный произволъ ссорамъ и недоразумѣніямъ, которыя неизбѣжно должны были возникать между ними. Не слѣдуетъ видѣть въ этомъ какого-нибудь исключительнаго, какъ бы судьбою заранѣе предназначеннаго племенного свойства. Славяне долѣе своихъ европейскихъ соплеменниковъ сохранили тотъ характеръ разбивчивости и первобытнаго натуральнаго свободолюбія, который хотя съ многоразличными и своеобразными видоизмѣненіями въ разныя времена существовалъ вездѣ и у всѣхъ. Ссорами славянъ пользовались иноплеменники, и потому славяне безпрестанно попадали въ рабство, то къ тѣмъ, то къ другимъ. Такъ проходили вѣка за вѣками. Порабощеніе дикими или полудикими завоевателями не могло быть долговременно: по скудости условій жизни завоевателей, при всей временной тягости, оно не оставляло большого отпечатка на нравахъ и обычаяхъ побѣжденныхъ и покоренныхъ. Славяне самою судьбою, безъ большихъ уси-

лій, освобождались отъ иноплеменнаго ига, но потомъ легко и скоро подпадали подъ другое. Несчастія мало ихъ научали. Гдѣ только славяне были предоставлены самимъ себѣ, тамъ они оставались съ своими первобытными качествами и не выработывали никакого прочнаго общественнаго строя, пригоднаго для внутреннаго порядка и внѣшней защиты. Только крѣпкое завоеваніе или вляніе иноземныхъ стихій могло бы привести ихъ къ тому. Шляхетская Польша, едва ли не самая чистая славянская нація, сохранившая въ своемъ національномъ характерѣ тѣ черты, которыми отличались славяне за тысячелѣтія, рѣзко показала исторіи, къ какому политическому и общественному строю способны придти славяне, предоставленные себѣ самимъ, свободно развивая свои древніе національные задатки. Польша выработала себѣ республику, но безъ тѣхъ свойствъ и условій, которыми можетъ держаться республика; дала своей республикѣ монархическую внѣшность, но питала постоянное отвращеніе къ монархіи и вѣчно опасалась превратиться въ настоящую монархію. Такъ дѣлалось въ той славянской странѣ, которая менѣе другихъ подвергалась насильственному давленію иноземщины. Въ Чехіи монархическій элементъ былъ вносный, нѣмецкій. Въ Сербіи онъ явился временнымъ продуктомъ византизма и не представлялъ ничего прочнаго. Но Русь сроднилась съ монархизмомъ болѣе чѣмъ всѣ другіе славяне; только здѣсь онъ вошелъ въ плоть и кровь народа до такой степени, что русское политическое общество сдѣлалось немыслимымъ иначе, какъ въ образѣ монархіи.

Въ наукѣ существовало и до сихъ поръ существуетъ мнѣніе, что развитіе монархическаго принципа слѣдуетъ видѣть во всемъ ходѣ русской исторіи, съ водворенія княжескаго варяжскаго рода, или такъ-называемаго основанія Русскаго государства. Выводили монархію изъ того родового быта, въ которомъ пребывали славяне въ незапамятныя времена, такъ что послѣдующая эпоха царскаго самовластія представлялась естественнымъ продолженіемъ того, что́ возрастало послѣдовательно и непрерывно многіе вѣка, и весь смыслъ нашей политической исторіи главнымъ образомъ заключается въ постепенномъ построеніи единодержавнаго государства. Такой взглядъ, съ видоизмѣненіями въ подробностяхъ, высказывали многіе достопочтенные дѣятели русской исторической науки и, сообразно такому взгляду, они не признавали за татарскимъ завоеваніемъ ничего важнаго, ничего такого, что́ бы измѣнило нашъ общественный бытъ и наши понятія объ устройствѣ государственнаго тѣла. Татарское завоеваніе, по ихъ мнѣнію, отразилось только разореніями и народными бѣдствіями; но и безъ татарскаго завоеванія на Руси вышло бы тоже самое, что

вышло путемъ непрерывнаго развитія на непреложномъ основаніи историческихъ законовъ. Г. Кавелинъ, наприм., приписывалъ зародышъ монархическаго принципа особенностямъ великорусскаго племени, которое позднѣе другихъ составилось изъ переселенцевъ западной и южной Руси въ восточныя страны, смѣшавшихся тамъ съ народами финно-тюркскаго племени, но согласно съ г. Соловьевымъ и онъ не признаетъ вліянія татарскаго завоеванія на послѣдующее устройство Россіи. Не такъ это было на дѣлѣ.

I.

Въ древнія доисторическія времена славяно-русскій народъ разбивался на народцы: каждый имѣлъ свое особое названіе, свои обычаи, свою исторію и свою генеалогію; послѣднее показывается лѣтописцемъ о радимичахъ и вятичахъ, производившихъ себя отъ родоначальниковъ Радима и Вятка; мы думаемъ, что и вообще названіе народа на «ичи», вѣроятно, означало происхожденіе отъ родоначальника. По словамъ нашего стараго лѣтописца, каждый изъ этихъ народцевъ отличался «своимъ нравомъ и обычаемъ»; не согласно жили они между собой, напротивъ, вели междоусобныя войны, какъ показываетъ вражда, существовавшая между полянами и древлянами. Такая рознь славянскихъ племенъ, жившихъ на русскомъ материкѣ, не изгладила однако между ними сознанія общаго для всѣхъ племенного единства и оттого-то они всѣ легко усвоили названіе русскихъ. Самое время, когда возникло это общее для нихъ названіе, еще не опредѣлено исторіею окончательно. Во времена болѣе ясныя мы застаемъ слово «Русь» какъ бы мѣстною принадлежностью земли полянъ; но это слово тогда имѣло и болѣе обширное значеніе, обнимавшее вообще всѣ славянскія племена нынѣшняго русскаго материка: такъ лѣтописецъ, пересчитавъ одно за другимъ эти племена, говоритъ: «се бо словенескъ языкъ въ Руси», и слѣдовательно разумѣетъ подъ этимъ словомъ всю страну, населяемую пересчитанными племенами, а между тѣмъ онъ писалъ въ то время, когда Русью означали преимущественно кіевскую землю. Нельзя навѣрное утверждать, что это названіе занесено къ намъ пришлыми варягами, какъ обыкновенно думаютъ. Быть можетъ, оно было нашимъ домашнимъ названіемъ и прежде, такъ что еще въ глубокой древности, когда славяно-русскія племена не соединены были властью единаго княжескаго рода, уже для нихъ существовалъ общій признакъ единенія подъ общимъ для всѣхъ названіемъ Руси. Во всякомъ

случаѣ, если нѣсколько народцевъ могли додуматься до взаимнаго избранія единой власти надъ собою, а другіе болѣе или менѣе легко усвоивали объединяющее начало, то это одно показываетъ, что, при разности обычаевъ и нравовъ, между славяно-русскими народами было сознаніе ихъ связи, склонявшее всѣхъ къ единенію. При такой наклонности къ единству, вмѣстѣ съ существованіемъ собственныхъ нравовъ и обычаевъ въ каждомъ народцѣ отдѣльно, зародышъ федераціи лежалъ въ первобытномъ строѣ общественнаго быта. Разумѣется, мы здѣсь говоримъ о тѣхъ первоначальныхъ признакахъ, которые какъ ростки указываютъ на будущее растеніе, а не воображаемъ себѣ существованія какихъ-либо формъ общественной связи, способныхъ быть причисленными къ видамъ федераціи.

Каждый изъ народцевъ составлялъ уже до нѣкоторой степени политическую единицу подъ названіемъ «земли». Слово это, въ полномъ его значеніи, мы встрѣчаемъ при описаніи покоренія древлянъ Ольгою. Послы, прибывшіе въ Кіевъ сватать Ольгу за князя своего Мала, объявляли ей, что ихъ послала вся Деревская земля. Такимъ образомъ видно, что понятіе о землѣ, какъ о политической единицѣ, совмѣщавшей въ себѣ самовластіе народа, понятіе, которое мы встрѣчаемъ развитымъ и укорененнымъ въ болѣе позднія времена, существовало и въ отдаленныя эпохи. Гдѣ была земля, тамъ необходимо должно было быть и собраніе земли; иначе безъ этого собранія Деревская земля не могла бы посылать отъ себя пословъ; слѣдовательно тогда уже были вѣча—слово, означающее совѣщательное собраніе земли. Кромѣ вѣча, у земли были и начальники—князья. Впослѣдствіи мы ясно видимъ, что гдѣ была земля, тамъ было и княженіе, а иногда и нѣсколько княженій; тоже было и въ болѣе отдаленное время; изъ нашего же стараго лѣтописца мы узнаемъ, что еще до прибытія варяговъ у каждаго изъ народцевъ было, кромѣ своей земли, еще и свое княженіе: «Держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ, въ Деревахъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане». Княженіе совпадало съ землею. Какого роду были эти князья—мы не знаемъ; были ли то родоначальники, дѣлавшіеся князьями по рожденію и по праву родового старѣйшинства, или же то были князья, выбранные на совѣщаніи земли,—лѣтописцы объ этомъ молчатъ. Едва ли есть какіе-нибудь положительные признаки, по которымъ можно заключить такъ или иначе. Мы также не знаемъ, куда дѣлись эти князья съ ихъ родами послѣ прибытія варяговъ съ ихъ родомъ, и какъ они исчезли. Несомнѣнно только то, что съ половины IX-го вѣка, другой родъ, призванный извнѣ (если только

на-слово вѣрить лѣтописнымъ сказаніямъ), начинаетъ замѣнять прежнихъ князей славяно-русскаго материка. Подробности, съ какими совершалась эта замѣна у русско-славянскихъ племенъ, отъ исторіи ускользнули, кромѣ Деревской земли.

Пріемы, съ какими управляли наши первые пришлые князья, показываютъ, что у нихъ не было сознанія государственнаго начала. Власть ихъ ограничивалась сборомъ дани съ тѣхъ, съ кого собрать было можно. Цѣль достигалась двумя способами: первый состоялъ въ томъ, что князь разъѣзжалъ по землямъ и бралъ сколько могъ; такой способъ имѣлъ характеръ набѣга и грабежа, — продолженіе того же, что̀ случалось прежде до призванія варяговъ и что̀ описываетъ лѣтописецъ такими словами: «имяху варязи дань на словенехъ и на чуди и на кривичехъ»; другой способъ собиранія дани—посредствомъ назначенія по городамъ «мужей». Посланный въ городъ, къ которому тянула земля, окруженный приведенною съ нимъ военной силой, такой «мужъ» собиралъ дань вмѣсто князя и отправлялъ ее къ князю, получая себѣ часть за труды. Вначалѣ размѣръ дани не былъ установленъ; князья и ихъ мужи обирали покоренныя племена по своему произволу, и сами подвергались опасности сдѣлаться жертвою ожесточенія народа, если онъ потеряетъ терпѣніе и возстанетъ на своихъ «мучителей»; тогдашніе собиратели дани по сказаніямъ самого лѣтописца, «мучили» покоренныхъ: о Свѣнельдѣ, воеводѣ Игоря, говорится: «и примучи Уличи». Не только самъ князь и посланные имъ мужи, но и княжескіе бояре со своими дружинниками, по собственному произволу, ходили вымучивать дань у слабыхъ и разъединенныхъ славянскихъ племенъ. Такъ дружина князя Игоря завидовала дружинѣ Свѣнельда и говорила своему князю: «Свѣнельдовы отроки изодѣлись оружіемъ и платьемъ, а мы наги, пойдемъ, княже, собирать дань, и ты добудешь, и мы». Здѣсь слышится такая же рѣчь, какую услышали бы во всѣ времена отъ шайки разбойниковъ, обращающейся къ своему атаману съ требованіемъ поступить такъ, какъ поступила съ выгодою для себя шайка другого атамана. Способъ обращенія Игоря съ данниками изобличаетъ вполнѣ разбойничій характеръ. Набравши дани и возвращаясь домой, Игорь разсудилъ, что древляне народъ смирный и податливый, и задумалъ ограбить ихъ побольше. Ни о какомъ правительственномъ устроеніи покоренной земли Игорь не думалъ; онъ оставлялъ Древлянской землѣ ея князя, ея вѣче, и древляне невозбранно могли сотворить совѣщаніе между собой о томъ, какъ избавиться отъ разбойниковъ: «повадится волкъ въ овчарню—говорили они—вынесетъ все стадо, если не убьютъ его». Та-

ковъ былъ приговоръ ихъ вѣча. Убили Игоря, перебили его дружину, точно также, какъ бы перебили всякую другую разбойничью шайку. Описаніе этого событія въ нашей лѣтописи—живой образчикъ того, какъ въ то время собиралась дань; и въ такомъ собираніи состояла вся дѣятельность власти пришлыхъ князей надъ покоренными народами. Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы такое обирательство славяно-русскихъ народовъ должно было совершаться только посредствомъ иноплеменниковъ, и на такомъ предвзятомъ мнѣніи выводить, что вся княжеская дружина состояла исключительно изъ иноплеменниковъ. Для составленія разбойничьей шайки не нужно, чтобы въ этой шайкѣ были исключительно люди иного племени, а не того, который терпитъ отъ ея разбоевъ. Разбойничья шайка легко составляется изъ того же народа, который она разоряетъ; и если въ дружинѣ Игоря были варяги, то конечно были молодцы изъ разныхъ туземцовъ и, вѣроятно, преимущественно кіевляне, которые находились въ давней враждѣ съ древлянами, а потому наѣздническая алчность должна была у нихъ соединиться съ народною непріязнью къ сосѣдямъ. Вообще въ тотъ вѣкъ было много охотниковъ жить насиліемъ надъ другими. Это послѣднее свойство вѣка подало князьямъ важнѣйшее средство распространять свою власть надъ покоренными народами. То былъ наборъ военныхъ силъ, который, вѣроятно, происходилъ въ большомъ размѣрѣ, судя по частымъ и широкимъ войнамъ съ Византіей. Въ рати Олега, по словамъ лѣтописца, находились не только всѣ извѣстные ему народы славянскаго племени на русскомъ материкѣ, но также инородцы—чудь и меря. У Игоря, кромѣ русско-славянскихъ племенъ, были и варяги и печенѣги. Нельзя предполагать здѣсь чего-нибудь въ родѣ военной повинности; звать съ собою на войну было въ тѣ времена скорѣе честь, чѣмъ обязанность. Стоило Олегу и Игорю послать мужей и кликнуть кличъ, и къ нимъ тотчасъ стекались радимичи, сѣверяне, кривичи, словене, уличи и тиверцы. Лѣтописецъ, замѣтивъ, что Олегъ велъ рать (войну) съ тиверцами, скоро послѣ того помѣщаетъ этихъ враговъ въ ряду воиновъ, пошедшихъ съ Олегомъ къ берегамъ Босфора. Тѣ же тиверцы, которые упорно отбивались отъ наѣздника, естественно пошли съ этимъ же наѣздникомъ за одно, лишь только онъ указалъ имъ вдали общую добычу.

Понятно, что часто повторяемые походы на Византію содѣйствовали сближенію русскихъ народовъ, участвовавшихъ въ этихъ походахъ, но до государственности было еще далеко. Въ періодъ отъ прибытія Рюрика до Владиміра напрасно искать зачатковъ государства. Правда, въ исторіи мы не рѣдко встрѣчаемъ при-

мѣры, когда завоевательный духъ полагалъ основу государственному принципу,—но когда? Тогда, когда завоеватели, такъ или иначе, стремятся занять края побѣжденныхъ народовъ, осѣсться въ нихъ прочно и установить какой-нибудь порядокъ. У варяжскихъ князей и ихъ дружинниковъ, какъ внутри русскаго материка, такъ и въ войнахъ съ византійской имперіей, не было другой цѣли, кромѣ добычи. Походъ Святослава на Болгарію предпринятъ былъ въ такомъ же наѣздническомъ духѣ, какой руководилъ его предшественниками въ дѣлахъ съ славянорусскими народцами. Легкость, съ какою Святославъ промѣнивалъ русскій Кіевъ на болгарскій Переяславецъ, наглядно указываетъ, что варяжскіе князья за цѣлое столѣтіе власти надъ русскими славянами не выработали для себя на русской почвѣ государственныхъ взглядовъ и понятій. Это наѣздническое направленіе власти въ ранній періодъ нашей исторіи было причиною того, что эта пришлая власть не измѣнила древнихъ народныхъ обычаевъ и быта, не приносила съ собою ничего существенно новаго, и народы, при благопріятныхъ условіяхъ, могли впослѣдствіи развиваться на собственныхъ началахъ. Земли оставались съ своимъ самоуправленіемъ; наѣздники довольствовались грабежемъ, гдѣ только представлялся случай; около нихъ толпились молодцы, готовые вмѣстѣ съ ними поживляться насчетъ кого бы то ни было. Такимъ образомъ, князья расправлялись съ русскими при помощи не только варяговъ, но и русскихъ: съ полянами ходили на древлянъ, съ сѣверянами на радимичей, съ кривичами на уличей или тиверцевъ и т. д., и со всѣми ими ходили они грабить грековъ. Варяжскіе князья, владѣя славянскими народами, не требовали отъ нихъ существенныхъ измѣненій быта, и подвластные народы, при благопріятныхъ условіяхъ, могли развиваться на собственныхъ началахъ. Долгое время подчиненные народы, платя дань наѣздникамъ, имѣли своихъ князей. По крайней мѣрѣ посланные отъ Игоря заключать договоръ съ греками, были «отъ великаго князя русскаго и отъ всякое княжья и отъ всѣхъ людей русскіе земли».

Замѣчательно, что Ольга первая является въ исторіи съ нѣкоторыми признаками государственности; это видно изъ установленія дани и уроковъ. До тѣхъ поръ не было никакого установленія: брали сколько хотѣли. У Ольги разбойничій наѣздъ сталъ замѣняться подобіемъ закона. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что великая княгиня Ольга поступала такъ вслѣдствіе знакомства съ пріемами греческой образованности, которое должно было произойти послѣ крещенія. Мы допускаемъ это тѣмъ болѣе, что годъ крещенія Ольги никакъ нельзя отнести къ году

путешествія ея въ Константинополь, описаннаго императоромъ Константиномъ: изъ того же описанія видно, что она была уже крещена, потому что имѣла въ своей свитѣ духовника, слѣдовательно крещеніе ея должно было произойти ранѣе, можетъ быть въ Кіевѣ, а можетъ быть и въ Цареградѣ, только не въ тотъ пріѣздъ, о которомъ сохранилось византійское извѣстіе, а потому установленіе дани и уроковъ могло случиться тогда, когда она была уже крещена и ознакомилась съ греческими понятіями о законѣ.

Но такъ или иначе, а признаки государственныхъ дѣйствій въ поступкахъ Ольги были также исключительны и единичны, какъ ея крещеніе, и не положили основанія единодержавному государству на Руси. Въ послѣдующія за тѣмъ времена давняя раздѣльность выказывается рѣзко. При Ольгиномъ сынѣ Святославѣ, новгородцы приходятъ въ Кіевъ просить себѣ князя вовсе не такъ, какъ подданные, а какъ независимый народъ; они грозятъ кіевскому князю, что если онъ не дастъ имъ князя, то они и безъ него сами себѣ выберутъ въ иномъ мѣстѣ. Святославъ покорилъ вятичей и наложилъ на нихъ дань, но вятичи, скоро послѣ смерти завоевателя, не хотѣли повиноваться его преемникамъ, должны были подвергаться новымъ завоеваніямъ и до конца XI-го вѣка управлялись своими князьями не Рюрикова рода; одного изъ такихъ князей, Ходоту, побѣдилъ уже Владиміръ Мономахъ. Въ земляхъ кривичей и дреговичей, тотчасъ послѣ смерти Святослава, появляются князья не изъ Рюрикова рода—въ Полоцкѣ Рогволодъ, а въ Туровѣ Туръ: то были пришельцы изъ-за моря; неизвѣстно, откуда они прибыли и какимъ образомъ усѣлись въ русскихъ земляхъ, но, во всякомъ случаѣ, они не были посажены князьями кіевскими, слѣдовательно бѣлорусскій край не принадлежалъ послѣднимъ.

Владиміръ открылъ новую эпоху сплоченія славянорусскихъ народовъ. Съ чужеземною помощью варяговъ этотъ князь побѣдилъ и уничтожилъ своего брата Ярополка, истребилъ Рогволода съ семьей, овладѣлъ затѣмъ Полоцкою землею, усмирилъ возставшихъ вятичей и присоединилъ къ Кіеву югозападную часть славянорусской страны, которую оспаривали ляхи (Червень, Перемышль и другіе города). Владиміръ, какъ показываетъ лѣтописецъ, одолженъ былъ своими успѣхами пришлой силѣ варяговъ, и хотя отослалъ ихъ въ Грецію, когда они стали ему въ тягость, но часть ихъ оставилъ у себя и роздалъ нѣкоторымъ изъ нихъ города въ управленіе. Это показываетъ, что кіевскій князь нуждался въ иноземной силѣ для поддержанія своей власти. Вятичей ему приходилось укрощать еще одинъ разъ. Взбун-

товались и радимичи, но воевода Владимира, Волчій Хвостъ, укротилъ ихъ. Способъ власти надъ укрощенными радимичами оставался прежній: побѣжденные должны были давать дань и возить повозъ (подводы). Этимъ и ограничивалось ихъ подчиненіе Кіеву.

Такимъ образомъ, и при Владимирѣ-язычникѣ власть князя надъ подчиненными народами продолжала имѣть прежній наѣзднический характеръ. Она по прежнему поддерживалась дружиною, составленною изъ разныхъ пришельцевъ; кто хотѣлъ, тотъ и поступалъ къ князю; кто былъ угоденъ князю, тотъ и возвышался передъ другими. Недаромъ старыя пѣсни о временахъ Владимира Краснаго-Солнышка приводятъ его богатырей изъ разныхъ странъ: кто изъ земли греческой, кто изъ заморья, кто изъ града Леденца (олицетвореніе сѣверныхъ холодныхъ странъ), кто изъ Галича, кто изъ Мурома, кто изъ города, кто изъ села, кто поповскій сынъ, кто крестьянскій. Эта дружина знала одного князя; князь ее одѣвалъ, поилъ, кормилъ, ласкалъ; она была подпорою князю, исполняла его волю, за то и князь зависѣлъ отъ дружины, долженъ былъ совѣтоваться съ нею и даже потакать ея своенравію и прихотямъ. Такимъ образомъ, дружина Владимира, зазнавшись, не хотѣла ѣсть деревянными ложками и потребовала серебрянныхъ. Владимиръ исполнилъ ея желаніе: «Серебромъ и золотомъ не найду дружины, а дружиною найду серебро и золото; такъ отецъ и дѣдъ мой дружиною доискались серебра и золота». Такія слова влагаетъ лѣтописецъ Владимиру, и они краснорѣчиво изображаютъ тогдашнія понятія о власти: цѣль ея была — добыча, а средствомъ для достиженія цѣли — дружина, пестрая шайка удальцовъ, набранныхъ отовсюду.

Но вмѣстѣ съ дружиною сила князя опиралась также на кіевлянахъ или полянахъ, какъ на первенствующемъ племени, среди котораго князь жилъ и съ которымъ долженъ былъ дѣлить господство надъ другими покоренными народами. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ случаи, когда князь, кромѣ дружины, совѣтывался съ градскими старцами, а эти градскіе старцы были, безъ сомнѣнія, старцы всей земли русской, т.-е. кіевской. Этого мало, соображая тогдашнія обстоятельства, мы видимъ, что самое принятіе христіанства произошло какъ уступка воли Кіева: городъ этотъ давно уже былъ знакомъ съ христіанскою вѣрою; она уже выдержала въ немъ борьбу съ язычествомъ и явно брала перевѣсъ. Оттого-то въ Кіевѣ не видно ни малѣйшей тѣни сопротивленія, тогда какъ въ другихъ земляхъ оно было.

Надобно мысленно отступить за нѣсколько столѣтій назадъ, отстранить все прожитое и усвоенное русскимъ народомъ въ послѣдующія времена, войти въ міръ первобытной культуры, стать

на точку зрѣнія дѣвственнаго народа, уразумѣть объемъ его дѣтскихъ понятій, почувствовать то, что́ онъ чувствовалъ, и тогда только можно сообразить, какой великій переворотъ произвело на Руси христіанство. Цѣлый міръ новыхъ невѣдомыхъ до того понятій, связей, отношеній открывался разомъ младенчествующему міросозерцанію язычниковъ. Явилась церковь, такое общественное тѣло, о которомъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія, съ своеобразными пріемами, съ новыми правилами жизни, явилась письменность, понятіе о книжномъ знаніи; сверхъ обычая явился божественный законъ; сверхъ отеческаго преданія—нравственный долгъ.

Вмѣстѣ съ церковью явилось непремѣнно и государство, хотя бы въ младенчествующемъ образѣ; христіанство безъ него невозможно; христіанство можетъ существовать только среди общества сколько-нибудь устроеннаго, и самая церковь, какъ благоустроенное общество вѣрующихъ, должна была послужить моделью тѣмъ же вѣрующимъ, чтобы стремиться къ созданію у себя благоустроеннаго общества политическаго. Представлялось одно изъ двухъ: либо съ христіанствомъ долженъ былъ войти въ Русь новый, чуждый для нея государственный строй изъ того края, откуда пришла новая вѣра, либо тѣ зачатки гражданственности, какіе существовали въ языческомъ быту, должны были, подъ вліяніемъ христіанской образованности, выработываться въ государственные признаки. Православіе не вводило въ новопросвѣщенный край ни чужого языка, ни чужихъ административныхъ и юридическихъ формъ; оно мирилось со всякими формами, насколько они не стояли слишкомъ въ разрѣзъ съ главными началами христіанства: оно старалось только такъ-сказать охристіанить то, что находило въ язычествѣ. Таковъ основной духъ православія; такимъ оно явилось и у насъ. Пришедшая къ намъ изъ Греціи вѣра создала у насъ царство «не отъ міра сего»: церковь наша была одинакова съ греческою, но формы греческой имперіи къ намъ вмѣстѣ съ нею не перешли. Политическая и гражданская Византія могла соприкасаться съ Русью исподволь, безъ всякаго требованія со стороны вступавшей въ свои права церкви не только усвоивать ея аттрибуты, но даже и знакомиться съ ними. Наше старое могло развиться, только видоизмѣняясь по мѣрѣ сближенія съ христіанствомъ. На самобытную жизнь земель церковь не нападала; правда, она всегда благопріятствовала тѣмъ стремленіямъ къ единенію, какія встрѣчала въ политической жизни, но дѣйствовала тихо, не давала толчковъ впередъ, а только помогала ходу того, что уже само собою, по стеченію чисто мірскихъ обстоятельствъ, приходило въ движеніе. Впро-

чемъ, въ самомъ устройствѣ церкви было нѣчто отчасти совпадавшее съ тѣмъ сочетаніемъ самобытности частей съ единствомъ цѣлаго, которое лежало въ нѣдрахъ стихій русской жизни. Такимъ образомъ, подъ первенствомъ митрополита всея Руси устроивались епископства въ главныхъ городахъ земель, и ò-бокъ политической автономіи земли возникала въ той же землѣ и церковная автономія.

Справедливо говорятъ, что нужно много времени, пока выростетъ молодое посаженное деревцо. Политическія и гражданскія идеи, съ которыми долженъ былъ ознакомиться русскій народъ послѣ принятія христіанства, не могли скоро воплотиться и окрѣпнуть. Власть все еще выражалась собираніемъ дани съ подвластныхъ народовъ; это продолжало быть ея главнымъ признакомъ, но съ княжескимъ значеніемъ осязательнѣе и прочнѣе соединилась нравственная обязанность защищать землю отъ внѣшнихъ враговъ и творить въ ней правый судъ. Эта идея существовала уже и въ древности, въ эпоху призванія князей, если только, повторимъ, оно дѣйствительно такъ, какъ передаетъ его преданіе, если только слова, произнесенныя новгородскими славянами и ихъ союзниками: «идите володѣть нами *по праву*», не вложены (какъ мы сильно подозрѣваемъ) впослѣдствіи людьми, получившими уже большее развитіе и знакомыми съ идеею права. Но несомнѣнно, идея эта сознавалась язычниками очень слабо и еще слабѣе воплощалась въ жизни. Допустимъ даже, что князья дѣйствительно призывались для внутренняго порядка и внѣшней защиты: все-таки это дѣлалось въ такой вѣкъ, когда люди въ своихъ поступкахъ соображались болѣе съ побужденіями, страстями и обстоятельствами, чѣмъ съ сознаніемъ справедливости. Понятно, что князья заботились усерднѣе о своихъ ближайшихъ выгодахъ, чѣмъ о порядкѣ въ землѣ и о спокойствіи ея жителей; притомъ же, стеченіе обстоятельствъ и положеніе русскаго края повели къ тому, что нравственное значеніе призванія князей съ устроительными цѣлями должно было ослабиться и даже совсѣмъ забыться въ первыя же времена. Мы видѣли, что князья стали наѣздниками и обирателями подвластныхъ народовъ; само по себѣ разумѣется, что ихъ отношенія къ покореннымъ были не тѣ, какія могли быть къ призвавшимъ ихъ добровольно, а впослѣдствіи, когда число покоренныхъ стало больше числа призвавшихъ, отношенія ихъ къ тѣмъ и другимъ стали одинаковы. Въ итогѣ выходило все равно — были ли князья въ началѣ призваны, или же они овладѣли посредствомъ оружія всѣми безразлично — послѣдующія обстоятельства поставили ихъ такъ, что они для славянорусскихъ народцевъ могли быть только въ родѣ атама-

новъ разбойничьей шайки, называемой дружиною, и болѣе ничѣмъ. Христіанство, внушая князьямъ вообще нравственныя понятія, возродило и выдвинуло впередъ то нравственное значеніе княжескаго званія, которое лежало въ самой его сущности, какъ въ званіи правителя; принявши крещеніе, князь долженъ былъ почувствовать, что на немъ лежитъ долгъ, что если онъ пользуется выгодами и почетомъ своего званія, за то и самъ обязанъ понести на себѣ трудъ за другихъ; языческій эгоизмъ страстей долженъ былъ, хотя бы до нѣкоторой степени, подчиниться христіанской идеѣ служенія обществу. На князѣ-христіанинѣ возлегла обязанность употребить свою власть и значеніе на распространеніе христіанства между подвластными: это представлялось ему какъ средство для собственнаго спасенія души; такимъ образомъ, для самого князя явилась иного рода польза быть княземъ, кромѣ собиранія дани и собственнаго обогащенія. Князь-христіанинъ, князь-распространитель христіанства постоянно находился въ связи и общеніи съ духовенствомъ, близко знакомился съ церковнымъ порядкомъ и сталъ переносить пріемы церковнаго быта въ сферу своего княжескаго управленія. Вотъ, князья познакомились съ Кормчею; они должны были сообразно съ нею установлять у себя степени подчиненія церковному суду и указывать границы церковнаго вѣдомства; плодомъ этого были дошедшіе до насъ уставы о церковныхъ судахъ Владимира, Ярослава и др. Этого мало; въ Кормчей князья нашли, кромѣ церковныхъ законовъ, еще и гражданскіе и изъ нихъ узнали что̀ такое было у образованныхъ народовъ мірское письменное законодательство, ка̀къ установлялись права, обозначавшія гражданскую жизнь, что̀ почиталось преступленіемъ и ка̀къ преступленіе наказывалось. Эти «градскіе» законы византійскихъ царей, встрѣчаемые при нашихъ старыхъ Кормчихъ, правда, не были у насъ обязательнымъ кодексомъ, но несомнѣнно послужили моделью законности и даже нерѣдко практически прилагались къ дѣлу, по силѣ того уваженія, какое въ народахъ менѣе образованныхъ существуетъ къ народамъ, стоящимъ выше ихъ по образованію. Вмѣсто того, чтобы быть наѣздникомъ и грабителемъ, христіанство требовало отъ князя, чтобы онъ былъ правителемъ, судьею, защитникомъ и охранителемъ своего народа; церковь указывала ему впереди идеалъ главы государства.

Но до этого идеала было далеко; его не допускали закоренѣлые нравы, понятія и взгляды народа.

II.

Нѣтъ ничего ошибочнѣе, какъ воображать себѣ Владимира и Ярослава монархами и, хваля за мудрое строеніе государства, обвинять ихъ за отеческую слабость, съ какою они, по мнѣнію нѣкоторыхъ, разрушивъ собственную работу, раздавали волости своимъ сыновьямъ и тѣмъ раскрыли дорогу безконечнымъ ссорамъ и усобицамъ. Если ужъ приходится хвалить или порицать этихъ дѣятелей давно минувшихъ вѣковъ нашей исторіи, то ихъ скорѣе можно похвалить за тотъ раздѣлъ Руси между сыновьями, за который ихъ порицали. Мы такъ думаемъ именно потому, что этотъ фактъ приводилъ Русь къ единству, а не отдалялъ ее отъ него. Впрочемъ, ни Владимиръ, ни Ярославъ не могли имѣть такихъ понятій о единствѣ русской земли, какія выработались въ болѣе близкія къ намъ времена. Для нихъ, какъ и для всѣхъ ихъ современниковъ, Русь, въ обширномъ смыслѣ этого слова, была все еще преимущественно скученіемъ народцевъ, обязанныхъ платить дань Руси въ тѣсномъ смыслѣ, «иже дань даютъ Руси». Куда досягало княжеское собирательство дани, тамъ была и Русь; слѣдовательно, Русь могла расширяться и съужаться, смотря по обстоятельствамъ: по отношенію къ кіевскому князю политическій составъ Руси не имѣлъ въ себѣ ничего органически единаго, кромѣ платежа ему дани.

Но съ христіанствомъ возникало для нея другое единство — единство вѣры, а вмѣстѣ съ нею возникала потребность и единства пріемовъ управленія, насколько вѣра касалась общественной жизни. Для такого-то единства раздача волостей сыновьямъ была не помѣхой, а скорѣе содѣйствіемъ. Это единство было гораздо прочнѣе тогда, когда по разнымъ землямъ, прежде политически соединеннымъ по отношенію къ власти однимъ платежемъ дани кіевскому князю, усѣлись сыновья этого кіевскаго князя, чѣмъ тогда, когда бы тамъ сидѣли бояре или посадники, несвязанные между собой единствомъ рода: такіе посадники со своими дружинами при первой же возможности отложились бы отъ Кіева и въ разныхъ мѣстахъ появились бы свои Рогволоды и Туры, какихъ мы видѣли у кривичей и дреговичей при началѣ княженія Владимира. Мы въ подробности не знаемъ тѣхъ средствъ, какими не допускали до этого Владимиръ и Ярославъ, но по естественному ходу вещей при первой слабости кіевской власти, необходимо угрожалъ бы разрывъ плохо сшитыхъ кусковъ разношерстной ткани, чему можно уподобить тогдашній аггломератъ народовъ, платившихъ Кіеву дань. Замѣтимъ еще, что

власть Кіева надъ землями легче могла держаться прежде, пока все ограничивалось только платежемъ дани, а затѣмъ ничего болѣе не требовалось, чѣмъ тогда, когда христіанство породило иныя требованія, при которыхъ было необходимо тѣснѣйшее соприкосновеніе власти съ народною жизнью, распаденіе было неизбѣжно, если бы не явились событія, послужившія мѣрами къ его предотвращенію. Кіевская власть могла поручить воеводѣ Волчьему-Хвосту укрощать радимичей и заставить ихъ платить дань и возить повозы, но кіевской власти не было возможности слѣдить за механизмомъ управленія, правосудіемъ, распространеніемъ христіанства и безопасностью отдаленныхъ земель; пришлось бы повѣрить все княжескимъ боярамъ и передать имъ такую власть, которая довела бы ихъ до значенія самостоятельныхъ владѣтелей, и результатомъ такого порядка вышло бы то, что—либо намѣстники отложились бы отъ Кіева, либо земли, недовольныя ломкою старыхъ обычаевъ и тягостью кіевскаго управленія, воспользовались бы слабостью послѣдняго и пріобрѣли независимость. Водвореніе князей въ различныхъ земляхъ предохранило отъ опасностей того и другого рода. То, что иначе долженъ былъ дѣлать кіевскій князь, управляя отдаленными краями, то дѣлалъ теперь князь, помѣщенный въ самой средѣ края, далекаго отъ Кіева, и дѣло его конечно должно было пойти удачнѣе, потому что кругъ дѣйствія былъ болѣе узокъ. Несомнѣнно, умноженіе князей въ земляхъ и городахъ было однимъ изъ важныхъ средствъ распространенія христіанства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и водворенія началъ цивилизаціи въ русскихъ земляхъ. Единая православная вѣра, единый книжный и правительственный языкъ и единый для всѣхъ земель княжескій родъ—вотъ были краеугольные камни постройки новой русской, христіанской жизни, внутренняго національнаго единства, вмѣсто прежней внѣшней связи, основанной на наѣздническомъ вымогательствѣ дани. Положеніе земель, ихъ извѣчные обычаи были таковы, что развѣтвленіе княжескаго рода не приводило къ возникновенію независимыхъ государствъ изъ княжескихъ удѣловъ безъ особыхъ новыхъ толчковъ, сообщаемыхъ жизни исторіею.

Православная вѣра боролась только съ тѣмъ, что прямо мѣшало ея распространенію, вообще не трогая того, съ чѣмъ была какая-нибудь возможность ужиться. Славянинъ, получивъ христіанство изъ Византіи, могъ оставаться славяниномъ, не обязываясь дѣлаться византійцемъ, и только свободно, безъ всякаго внѣшняго натиска, заимствовалъ изъ болѣе образованнаго общества то, чего не находилъ у себя. Древнія понятія объ автономіи земель и ихъ самоуправленіи продолжали существовать, не вы-

тѣсняемыя, какъ выше сказано, новыми элементами. Случилось только такое измѣненіе: старинныя наименованія этнографическаго свойства—древлянъ, сѣверянъ, радимичей, кривичей и т. п. стали замѣняться названіями по главнымъ городамъ земель. Стали говорить: земля полоцкая, земля смоленская, земля русская (кіевская), земля черниговская, земля рязанская, земля суздальская, земля новгородская и т. д. Перемѣна эта произошла, вѣроятно, во-первыхъ, вслѣдствіе усилившейся тяги къ городамъ, гдѣ при власти кіевскихъ князей былъ центръ собиранія дани; во-вторыхъ оттого, что этнографическія наименованія не сходились въ точности съ понятіями о землѣ, и одна и та же народная вѣтвь могла разбиваться на нѣсколько земель: такъ, еще въ глубокой древности, при Рюрикѣ и Олегѣ, кривичи были и въ Полоцкѣ и въ Смоленскѣ, но составляли два различныхъ центра и слѣдовательно двѣ разныя земли.

Подъ главнымъ городомъ состояли другіе города, иначе пригороды, которые, смотря по благопріятнымъ обстоятельствамъ, иногда возвышались болѣе другихъ, и къ нимъ тянула ихъ собственная территорія, носившая также названіе земли по имени своего города: такъ, въ землѣ рязанской была земля пронская, въ землѣ полоцкой земля витебская; иногда такія возникшія земли со своими городами продолжали пребывать частями общей земли, иногда стремились къ выдѣленію и обособленію. Гдѣ городъ, тамъ земля; гдѣ земля, тамъ городъ. Земля—то была совокупность населенія, связаннаго сознаніемъ своего ближайшаго пункта единенія, что не препятствовало этому населенію сознавать свое единство, болѣе далекое съ другими землями. Земля была община, имѣвшая средоточіе въ городѣ, а, при размноженіи князей, и своего князя въ томъ городѣ. Автономія земли выражалась часто повторяемыми въ нашихъ лѣтописяхъ фразами: «сошлась вся земля, двинулась вся земля». При понятіи о землѣ существовали понятія о волости и княженіи. Волость не то что земля, и не то что княженіе, хотя эти понятія нерѣдко совпадали одно съ другимъ. Волостью называлась совокупность территорій, состоящихъ подъ единою властью, будь эта власть городъ или князь. Это мы ясно видимъ изъ договоровъ Новгорода съ князьями, гдѣ пересчитываются новгородскія волости, т.-е. территоріи, принадлежащія Великому Новгороду: Вологда, Югра, Терскій берегъ, Пермь, Двина, Волокъ-Ламскій; всѣ они отличаются отъ собственно новгородской земли, которая впослѣдствіи является разбитою на пятины и въ эпоху независимости Великаго Новгорода въ его договорныхъ грамотахъ никогда не поминается въ числѣ волостей. Точно также Кіевъ

2*

владѣлъ деревскою или древлянскою землею, то была его волость, но не земля; у Кіева была своя земля, которой средоточіемъ или выраженіемъ служилъ онъ самъ. Въ томъ же смыслѣ понятіе о волости, прилагаясь къ князьямъ, различалось отъ понятія о землѣ. По раздѣленіи Руси между сыновьями Ярослава, сынъ его Всеволодъ получилъ Переяславль близъ Кіева и суздальскую землю; Переяславль и Суздаль составляли одну волость по отношенію къ князю, но не составляли одной земли. Часто волость и земля совпадали между собою, такъ что одна и та же территорія была въ одномъ объемѣ и волостью и землею. Но волостью она была по принадлежности или подчиненію, а землею по автономіи и по самоуправленію. Волость иногда совпадала и съ княженіемъ, такъ какъ съ понятіемъ князя соединялось понятіе и о власти; но не всегда существовало такое совпаденіе; въ одной волости, по ея принадлежности верховному городу, и въ одной землѣ по ея автономіи могло разомъ существовать нѣсколько княженій. Такъ въ кіевской землѣ, напримѣръ, мы видимъ по нѣскольку князей разомъ, а слѣдовательно и нѣсколько княженій, и всѣ они находились въ одной землѣ. То же самое мы встрѣчаемъ болѣе или менѣе во всѣхъ земляхъ. Княженіе не давало права на образованіе новой земли: не потому была земля, что тамъ былъ князь, а скорѣе князь являлся именно тамъ, гдѣ была уже земля. Въ отношеніи къ волости тоже. Великій Новгородъ давалъ приглашеннымъ князьямъ города въ кормленіе; то были княженія этихъ князей, но никогда не волости; какъ волости, управляемые ими города и территоріи принадлежали Великому Новгороду. Слово «волость», означая вообще принадлежность территоріи, принималось также въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, какъ часть земли или княженія, когда приходилось обозначить, куда эта часть принадлежала. Такимъ образомъ, если нужно было сказать о двухъ или трехъ селахъ и указать къ какому городу они тянули, то называли ихъ волостями этого города; такъ, подъ 1176 годомъ говорится о двухъ селахъ Лопастнѣ и Свѣрилескѣ, и они названы черниговскими волостями. Смыслъ принадлежности перенесъ слово волость на частное имѣніе князя, боярина и вообще землевладѣльца; и въ такомъ-то смыслѣ въ договорахъ Великаго Новгорода съ князьями ставилось условіе, чтобы князь не смѣлъ отымать волостей у мужей новгородскихъ. Въ болѣе позднее время, когда подъ татарскимъ вліяніемъ вѣчевой строй упадалъ, а княжеская власть возвышалась, волость означала подраздѣленіе княженій, такъ что каждое княженіе подраздѣлялось па волости.

Всѣ эти единицы поземельнаго дѣленія переплетались меж-

ду собою, то совпадая одна съ другой въ своемъ значеніи, то отдѣляясь одна отъ другой, смотря по обстоятельствамъ, такъ какъ въ періодъ до татаръ, все подлежало случаю и стеченію обстоятельствъ; но всегда оставалось прежнее понятіе: гдѣ земля тамъ должно быть вѣче — земское собраніе; ни волость, ни княженіе не условливали непремѣннаго бытія вѣча, хотя и часто случалось, что на вѣче сходились люди, составлявшіе одну волость, одно княженіе; понятіе о вѣчѣ однако принадлежало исключительно только понятію о землѣ. Вѣче было выраженіемъ автономіи послѣдней, — а не волости, не княженія.

Вѣча существовали въ незапамятныя времена. Варяжскіе князья не уничтожили этого коренного признака славянорусской жизни, да и не могли и не старались его уничтожить, въ ту эпоху, когда власть княжеская ограничивалась собираніемъ дани, понятіе о подвластности только и выражалось платежомъ дани, когда вопросъ, влагаемый лѣтописцемъ одному изъ древнихъ князей: «кому дань даете?» былъ равносиленъ вопросу: «кому вы подвластны?» Поэтому не удивительно, что по принятіи христіанства и по раздѣленіи на княжескіе удѣлы краевъ, прежде платившихъ дань Кіеву, мы видимъ полное господство вѣчевого начала во всѣхъ земляхъ. Къ большому сожалѣнію, наши лѣтописи не даютъ намъ возможности, ни исторически прослѣдить дѣятельность вѣчъ, ни опредѣлить степени ихъ значенія и характера въ разныхъ земляхъ. Тому виною характеръ самыхъ нашихъ лѣтописей. Онѣ по преимуществу говорятъ о внѣшнихъ событіяхъ и главнымъ образомъ слѣдятъ за дѣятельностью князей, а потому ихъ справедливо въ этомъ отношеніи можно назвать княжескими. Причину тому слѣдуетъ искать въ томъ законѣ человѣческой природы, что въ обществѣ, въ которомъ еще мало развито стремленіе къ размышленію, впечатлѣнія обращаются исключительно ко внѣшности и исключительно останавливаются на крупныхъ явленіяхъ внѣшняго міра; князья же были органами внѣшней дѣятельности общества. Слѣдя за разсказомъ нашихъ лѣтописцевъ, мы легко замѣтимъ, что ихъ вниманію подвергались такія событія, которыя почему-либо выходили изъ уровня обыденной жизни и нарушали ея однообразіе. Только это наши лѣтописцы и считали достойнымъ записыванья. Изъ-подъ пера нашихъ лѣтописцевъ едва ли ускользнула хоть одна война или усобица, какъ бы ничтожною она намъ теперь ни представлялась, потому что каждая война или усобица вела за собою движеніе или перемѣны въ теченіи обыденной жизни; рѣдко впрочемъ лѣтописецъ вдавался въ ея причины, а если и касался ихъ, то только со стороны внѣшнихъ признаковъ: из-

слѣдованіе было не по головамъ тогдашнихъ писателей. Лѣтописцы замѣчали каждое мало-мальски поражавшее ихъ естественное явленіе, затменія, метеорологическіе феномены, появленіе кометъ, даже сильныя грозы; описывали общественныя бѣдствія: голодъ, моръ, пожары; но то, что̀ составляло рядъ нормальныхъ, обычныхъ, повседневныхъ жизненныхъ явленій, ихъ мало интересовало. Наши лѣтописцы очень скупы на извѣстія, изъ которыхъ можно было бы узнать объ общественной и домашней жизни нашихъ предковъ, и множество вопросовъ, для насъ наиболѣе любопытныхъ, остается и, вѣроятно, навсегда останется безъ отвѣта. Мы, напримѣръ, знаемъ, что нѣкоторые города вели значительную торговлю; но какъ и куда шла эта торговля, насколько тѣ или другія обстоятельства ей благопріятствовали, какіе предметы составляли ея главную силу, въ какомъ размѣрѣ и кѣмъ она велась—этого напрасно станемъ мы спрашивать у нашихъ лѣтописцевъ; по неизмѣннымъ свойствамъ умственнаго развитія общества, среди котораго жилъ лѣтописецъ, онъ не счелъ нужнымъ ничего подобнаго описывать или записывать: въ его голову не могла придти и мысль, что потомкамъ его гораздо любопытнѣе было бы знать объ этомъ, чѣмъ о мелкихъ дракахъ князей между собой. Мы знаемъ, напримѣръ, что у насъ были училища, были люди книжные, писались сочиненія духовныя и свѣтскія, были пѣвцы, прославлявшіе подвиги князей и т. д.; но лѣтописцы не сообщили намъ гдѣ и какъ устраивались эти училища, чему тамъ учились, не назвали намъ ни одного изъ древнихъ произведеній словесности, стяжавшихъ въ свое время славу. Если бы случайно не было открыто Слово о полку Игоревѣ, мы бы съ нашими лѣтописцами не имѣли понятія ни объ этомъ сочиненіи, ни о существованіи Бояна, соловья стараго времени. Какъ одѣвались предки наши, что ѣли и пили, какъ строили свои терема, какъ отправляли свои празднества — ничего почти объ этомъ не узнаемъ изъ лѣтописей. Даже и о борьбѣ язычества съ христіанствомъ мы узнаемъ кое-что изъ духовныхъ сочиненій стараго времени, а совсѣмъ не изъ лѣтописей. Неудивительно, что при этомъ лѣтописцы не замѣчали и не считали нужнымъ замѣчать такихъ обыденныхъ и неважныхъ въ ихъ глазахъ явленій, каковы, напримѣръ, сходбища людей на совѣщанія о своихъ дѣлахъ. Для нашихъ лѣтописцевъ все это было слишкомъ обычно, а потому не достойно записыванья, такъ какъ этимъ не нарушалось, или слишкомъ мало нарушалось житейское однообразіе. Есть у нашихъ лѣтописцевъ мѣста, гдѣ они простодушно отмѣчаютъ цѣлый годъ словами: «не бысть ничтоже». На ихъ языкѣ это зна-

чило: не произошло ничего такого, что̀ бы остановило ихъ вниманіе своей необычностью. Мудрено ли, что, при такомъ основномъ взглядѣ на окружающій міръ, лѣтописцы мало сообщаютъ намъ извѣстій о вѣчахъ. Они упоминали о нихъ только тогда, когда дѣло шло объ исключительныхъ, нарушавшихъ обычную жизнь случаяхъ, въ которыхъ участвовали вѣча, да и тогда не всегда называли ихъ по имени, а обозначали признаками, напримѣръ: «сдумали, сдумавше» кіяне, ростовцы, суздальцы и т. д. Или же просто, описывая событіе, они давали знать своимъ описаніемъ, что эти событія сами по себѣ такого свойства, что неизбѣжно предполагаютъ предварительныя народныя совѣщанія, какъ, напр., видимъ въ выраженіяхъ: «пріяша, предашася, послаша»; или же представляли горожанъ говорящими, но приводили содержаніе ихъ рѣчи съ мѣстоименіемъ «мы», а это само собою, по здравому смыслу, предполагаетъ бывшее между горожанами совѣщаніе.

О вѣчахъ въ новгородской и псковской земляхъ сохранились болѣе полныя и подробныя лѣтописныя извѣстія. Такая кажущаяся особенность повела нѣкоторыхъ къ заключенію, что въ самомъ дѣлѣ Новгородъ и Псковъ представляли въ нашей исторіи исключительность и что въ этихъ городахъ развились республиканскія начала, тогда какъ общественная жизнь въ другихъ русскихъ городахъ устроилась совсѣмъ иначе. Было мнѣніе, приписывавшее эту особенность Новгорода и Пскова вліянію иноземцевъ, съ которыми Новгородъ, какъ извѣстно, велъ торговыя сношенія. Нѣтъ ничего неосновательнѣе такого предположенія. Стóитъ только взвѣсить положеніе, какое занимали пріѣзжавшіе въ сѣверно-русскіе города торговые нѣмцы, чтобы видѣть, какъ мало вліянія могли они оказать на нравы и обычаи русскаго народа. Въ Новѣгородѣ, сидя въ своемъ нѣмецкомъ или готскомъ дворѣ, эти иноплеменные гости не имѣли съ жителями Новгорода никакихъ сношеній, кромѣ оптовой торговли, да и та не происходила ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, кромѣ самаго иноземнаго двора. По-русски говорить они не умѣли и объяснялись съ новгородцами черезъ переводчика. Пріѣзжавшая весною въ Новгородъ артель ганзейскихъ торговцевъ осенью возвращалась домой; эта артель носила названіе лѣтнихъ гостей; на смѣну ей прибывала новая артель, называвшаяся зимними гостями, и въ свою очередь проживала въ Новгородѣ только до весны. Въ такое короткое время иноземцамъ невозможно было ни научиться по-русски, ни освоиться съ русскою жизнью до того, чтобы оказывать на нее вліяніе. Притомъ же ревнивое и осторожное ганзейское правительство не дозволяло своимъ

торговцамъ учиться по-русски изъ опасенія, чтобы кто-нибудь не заводилъ съ туземцами торговыхъ сношеній, выгодныхъ только для себя и невыгодныхъ для всего нѣмецкаго торговаго общества. Избѣгали также посылать нѣсколько разъ однихъ и тѣхъ же торговцевъ въ Новгородъ. Пріятельскихъ и братственныхъ отношеній Новгородцевъ съ нѣмцами мы не видимъ; напротивъ, легко замѣтить постоянное нерасположеніе однихъ къ другимъ, которое не всегда сдерживалось и проявлялось въ видѣ обоюдныхъ кровавыхъ дракъ и убійствъ; иногда по этому поводу прерывалась вся торговля между обоими народами на болѣе или менѣе продолжительное время. Нѣмецъ смотрѣлъ на русскаго, какъ на грубаго мужика, котораго по причинѣ его невѣжества легко надувать; нѣмецъ старался держать этого мужика, такъ сказать, въ черномъ тѣлѣ; у Ганзы было предвзятое правило, всѣми силами не допускать русскихъ чему-либо научиться: иначе русскіе дошли бы до такого состоянія, что не позволили бы нѣмцамъ эксплуатировать себя въ своей странѣ; за то и русскій въ своемъ безпросвѣтномъ невѣжествѣ, при своемъ племенномъ простодушіи позволяя себя обманывать нѣмцамъ, не пропускалъ случая отомстить разомъ нѣмцу за все и ободрать его, какъ только представится возможность. Новгородскіе люди несравненно рѣже ѣздили за границу, чѣмъ нѣмцы въ Новгородъ; ихъ посѣщеніе нѣмецкихъ земель не нравилось нѣмцамъ и послѣдніе старались не допускать новгородцевъ до такихъ поѣздокъ. Нѣмцамъ казалось удобнѣе самимъ ѣздить въ русскія земли и сбывать русскимъ всякую дрянь, заранѣе подготовленную къ такому сбыту, чѣмъ допускать покупателей пріѣзжать къ продавцамъ и выбирать товары по своему вкусу. Какъ же, при такомъ взаимномъ обращеніи, могло образоваться какое бы то ни было вліяніе одного народа на нравы другого? Да притомъ же что̀ такое заимствовали новгородцы отъ нѣмцевъ, еслибы въ самомъ дѣлѣ была возможность что-либо заимствовать отъ нихъ?

Новгородскій строй политической жизни не имѣетъ подобія съ устройствомъ нѣмецкихъ городовъ: если начать сравнивать нашъ новгородскій строй съ подобнымъ въ другихъ земляхъ, то окажется, что Новгородъ въ этомъ отношеніи ближе къ древнимъ греческимъ республикамъ, чѣмъ къ средневѣковымъ нѣмецкимъ городамъ. Топографическія особенности и историческія обстоятельства дѣйствительно положили на Новгородъ своеобразный отпечатокъ, по которому онъ разнился отъ другихъ русскихъ городовъ болѣе, чѣмъ остальные разнились другъ отъ друга; но это является уже собственно въ періодъ татарскаго владычества надъ Русью, когда въ другихъ русскихъ земляхъ

возникалъ уже иной жизненный строй, противоположный тому, какой существовалъ до татаръ, между тѣмъ какъ Новгородъ, не подвергшись вначалѣ татарскому погрому, защищаемый отъ прочихъ русскихъ земель дремучими лѣсами и непроходимыми болотами, и, наконецъ, по своему географическому положенію, державшій въ своихъ рукахъ всю русскую торговлю и черезъ то болѣе всѣхъ богатый, оставался съ старинными формами, дорожилъ ими, крѣпко стоялъ за нихъ и только постепенно, мало-по-малу уступалъ силѣ новыхъ формъ, которыя рано или поздно должны были охватить всю Русь и истребить въ ней остатки стараго порядка. Такъ какъ о Новгородѣ въ періодъ послѣ татаръ мы знаемъ больше, чѣмъ въ татарскій періодъ, то вообще не давая себѣ труда вникнуть въ важный переломъ политическаго строя, произведенный татарскимъ погромомъ, мы легко впадаемъ въ ошибку и признаки позднѣйшаго времени переносимъ на предшествовавшее время. Старина, составлявшая особенность Новгорода въ тотъ періодъ, когда въ остальной Руси выработывался новый порядокъ, принадлежала прежде не только Новгороду и его меньшему брату Пскову, какъ особенность этихъ только земель, но составляла общіе для всей Руси признаки господства вѣчевыхъ началъ. Никакія историческія данныя не даютъ намъ права заключить, чтобы Новгородъ по главнымъ чертамъ своего общественнаго состава въ давнія времена отличался отъ остальной Руси, какъ позже въ XIV и XV вѣкахъ. Должно кромѣ того остерегаться не относить къ міру фактовъ того, что̀ собственно составляетъ только свойство лѣтописей. Такъ, объ Новгородѣ и Псковѣ остались намъ спеціальныя лѣтописи, которыя такъ сказать полнѣютъ и дѣлаются подробными уже въ тотъ періодъ, когда Новгородъ и Псковъ рѣзко отличались отъ остальной Руси своимъ строемъ. Извѣстія о событіяхъ до татарскаго періода въ тѣхъ же лѣтописяхъ гораздо короче, а мы легкомысленно и безъ разбора готовы относить къ XII и XI вѣкамъ то, что̀ говорится о XIV и XV. О многихъ другихъ русскихъ земляхъ: о Черниговской, Рязанской, Полоцкой и Смоленской до насъ вовсе не дошло спеціальныхъ лѣтописей. Но мы имѣемъ мѣстныя, спеціальныя лѣтописныя повѣствованія о земляхъ Кіевской, Галицкой и Суздальской. И что же? При всѣхъ упомянутыхъ выше качествахъ нашихъ лѣтописцевъ, мѣшающихъ намъ узнать нашъ внутренній бытъ, легко понять, что общественный строй этихъ земель былъ одинъ и тотъ же, что̀ и новгородскій, а слѣдовательно послѣдній въ своихъ основныхъ чертахъ никакъ не былъ продуктомъ какихъ-нибудь особенно сложившихся обстоятельствъ, а еще менѣе иноземнаго вліянія.

Въ Суздальской лѣтописи подъ 1176 годомъ есть драгоцѣнное извѣстіе; лѣтописецъ проговорился, и въ противность своему обычаю замѣчать только необыкновенныя событія, высказалъ то, что дѣлалось на Руси обыденно и повсемѣстно во всѣхъ русскихъ земляхъ: «Новгородцы бо изначала и Кіяне и Полочане, и вси власти, аки на думу на вѣче сходятся и на чѣмъ старѣйшіе сдумають, на томъ пригороды станутъ». Это извѣстіе XII вѣка указываетъ ясно, что обычай вѣчевого совѣщанія былъ повсемѣстенъ во всѣхъ русскихъ земляхъ въ одинаковой степени. Его сила и живучесть въ южной Руси подтверждается тѣмъ, что даже въ XVI вѣкѣ сохранялось это названіе въ смыслѣ народной сходки, хотя это дѣлалась уже въ тѣ времена, когда другія условія политической жизни уже вытѣснили большую часть древнихъ понятій и наложили новый отпечатокъ на народные нравы.

Вообще древняя славянщина не любила точныхъ формъ; неопредѣленность, отсутствіе ясныхъ рубежей составляетъ характеръ славянской жизни, а русская отличалась тѣмъ въ особенности. Поэтому и понятіе о вѣчѣ имѣло ту же неопредѣленность и подъ этимъ именемъ разумѣлось вообще всякое народное сходбище, какъ бы оно ни составилось, если только оно думало изображать собою выраженіе воли земли или части земли, сознававшей до извѣстной степени въ данное время за собою автономію. Мы сказали, что средоточіемъ земли былъ городъ; когда понималась земля независимая и состоявшая изъ частей, изъ которыхъ каждая носила въ мѣстномъ смыслѣ названіе земли, то средоточіемъ такой сборной земли былъ старѣйшій городъ и въ немъ собиралось вѣче, выражавшее собою всю землю; подъ старѣйшимъ городомъ были пригороды, села и волости: въ каждомъ изъ пригородовъ могло быть также свое вѣче, т.-е. совѣщаніе той части сборной земли, которой ближайшимъ средоточіемъ былъ пригородъ; наконецъ, вѣче, какъ народное сходбище, могло быть и въ каждомъ селѣ, какъ скоро это село имѣло общіе свои интересы и члены его имѣли причину сходиться на совѣщаніе о дѣлахъ своего села. Но пригороды и всякія поселенія въ землѣ зависѣли отъ старѣйшаго города въ томъ смыслѣ, что части земли, взятыя каждая отдѣльно, зависѣли отъ цѣлой земли, — иначе, всѣ вмѣстѣ зависѣли отъ себя вполнѣ: потому-то вѣче пригорода не имѣло полновластія и зависѣло отъ вѣча старѣйшаго города.

III.

Отношеніе пригородовъ къ старѣйшимъ городамъ, иначе пригороднихъ или малыхъ вѣчъ къ вѣчу большому въ главномъ городѣ—одна изъ важнѣйшихъ жизненныхъ сторонъ въ древней Руси. Къ сожалѣнію, по скудости матеріаловъ этотъ вопросъ остается мало разъясненнымъ и обработаннымъ. Мы по неволѣ должны допускать предположенія на основаніи немногихъ данныхъ, иногда обоюдотолкуемыхъ. Прежде всего надо уяснить себѣ, что такое городъ и какъ онъ возникъ въ русской славянщинѣ?

Въ глубокой древности славяне жили дворами. Съ развѣтвленіемъ семей дворы размножались. Ихъ соединяла сначала родовая связь. Дворы, соединенные между собой, составляли села. Частыя опасности отъ иноземцовъ вызывали потребность самозащищенія и самосохраненія. Это по-неволѣ сближало и соединяло жителей отдѣльныхъ селъ. Необходимы оказались центры такого соединенія. И вотъ жители расположенныхъ близко между собою селъ, строили укрѣпленныя мѣста, принадлежавшія всѣмъ имъ вмѣстѣ, и для всѣхъ въ равной степени служившія въ случаѣ надобности убѣжищемъ. Такія укрѣпленныя мѣста назывались градами или, по русскому нарѣчію, городами. Вообще городъ означалъ мѣсто, обведенное оградою, напр. частоколомъ или плетнемъ, и это слово однозначительно со словомъ, «огородъ». Построить городъ значило вначалѣ обвести загороду. Простыя загороды были въ древности достаточнымъ мѣстомъ защиты и туда прятались славяне, когда слышали о нашествіи непріятеля. Туда уносили они съ собою все, что было драгоцѣннаго въ ихъ простой жизни, а жилища свои оставляли на произволъ судьбы: въ случаѣ разоренія возобновить ихъ было не трудно при обиліи лѣсовъ и несложности постройки. Естественныя условія помогали защитѣ: мѣстоположенія для городовъ выбирали такія, которыя были сами по себѣ недоступны; кромѣ того деревянныя загороды по надобности обводились еще и рвами, называемыми въ древности groблями. Обычай убѣгать изъ своихъ жилищъ въ города сохранялся очень долго даже въ такіе вѣка, когда жизнь значительно усложнилась; такъ, на Руси въ XVI и XVII вѣкахъ, жители съ приближеніемъ непріятеля убѣгали въ городъ «въ осаду», покидая свои жилища.

Городъ — мѣсто самосохраненія и сбереганія имуществъ естественно сдѣлался скоро мѣстомъ сходбищъ и совѣщаній тѣхъ, которые строили этотъ городъ, а также и мѣстомъ управленія,

когда внутреннія безладицы заставили ихъ додуматься до необходимости имѣть управленіе надъ собою. Окрестность стала тянуть къ городу. Естественно было желать селиться ближе къ городу, чтобы, въ случаѣ опасности, можно было скорѣе поспѣть въ убѣжище, и потому-то около городовъ стали возникать поселенія и назывались посадами. Посадъ становился многолюднѣе, чѣмъ были прочія села, и дѣлался мѣстомъ всякихъ сношеній, пунктомъ обмѣны произведеній или торговли. Въ самомъ городѣ, т.-е. укрѣпленіи, помѣщалось начальное лицо края, признаваемое жителями, тянувшими къ городу, а при немъ собиралась и ратная сила, державшая порядокъ и защиту. Такъ создавались города жителями кружка селеній, почувствовавшихъ сначала нужду въ самозащитѣ, а потомъ и въ постоянномъ, общемъ для нихъ управленіи. Эта совокупность селеній по отношенію къ связи между ними носила самое простѣйшее названіе—*земля*, обозначая не только пространство, на которомъ всѣ жили и которое всѣ считали своимъ, но и тѣхъ, которые на немъ жили. Понятно, что *земля* и *городъ* были равнозначительны, ибо городъ не значилъ ничего, кромѣ той же земли, нашедшей для себя средоточіе. Въ городѣ сходилась земля, и потому словомъ *городъ* стали замѣнять слово *земля*, и въ силу такой однозначительности, вмѣсто—земля сѣверская, стали говорить—земля черниговская или просто Черниговъ, вмѣсто земля—словенъ-ильменскихъ, стали говорить—земля новгородская или просто Новгородъ и т. д. Но земля, какъ собраніе людей, расширялась, захватывались новыя пространства, дѣлались выселки изъ старыхъ поселеній, основывались и возрастали новыя. Жители новыхъ по мѣсту жительства отдалялись отъ своего города; трудно и неудобно имъ было для самозащиты поспѣшать туда, и вотъ явилась необходимость строить другіе центры защиты, и они строили ихъ; но такъ какъ они были связаны родовой связью съ тѣми, которые строили большой старѣйшій городъ, то они съ своими новыми городами продолжали оставаться въ прежнемъ неразрывномъ единеніи съ городомъ старымъ, служившимъ общимъ выраженіемъ той земли, которой принадлежали ихъ дѣды и отцы и они сами. Такимъ образомъ, построенные ими новые города находились въ зависимости у старѣйшаго города и въ отличіе назывались меньшими или пригородами. Пригороды строились по распоряженію всей земли, т.-е. по рѣшенію вѣча въ старѣйшемъ городѣ, въ видахъ защиты земли, обыкновенно тамъ, гдѣ наиболѣе могла угрожать внѣшняя опасность. Иногда пригороды съ ихъ территоріями населялись переселенцами прямо изъ старѣйшаго города; такъ было между

прочимъ въ двинской землѣ, куда переселялись новгородцы съ промышленными цѣлями; чаще же ихъ ставили жители окрестныхъ поселеній по волѣ всей земли или старѣйшаго города. Но бывали случаи, когда изъ старѣйшаго города жители выходили на новоселье вслѣдствіе недоразумѣній и волненій, и тогда построенные ими новые города стремились не оставаться пригородами стараго, а хотѣли быть независимыми. Такой примѣръ представляетъ намъ Вятка; эта новгородская колонія никогда не хотѣла повиноваться своей метрополіи, сдѣлалась главою особой земли и имѣла свои собственные пригороды. Были еще пригороды иного рода: тѣ, которые основывали князья и населяли разнаго рода пришельцами и переселенцами. Такъ поступалъ Владиміръ святой, когда строилъ въ Кіевской землѣ города и населялъ разнаго рода людомъ—и словенами новгородскими, и кривичами, и чудью. Такъ возникли нѣкоторые города въ сѣверо-восточной Руси, между прочимъ Владиміръ-на-Клязьмѣ; къ тому же разряду слѣдуетъ, вѣроятно, отнести Москву, а на югѣ образчикомъ построенія такихъ городовъ можетъ служить Холмъ, основанный Даніиломъ Романовичемъ. Такіе города, населенные пришельцами отовсюду, находясь на почвѣ, принадлежавшей извѣстной землѣ, считались на этомъ основаніи пригородами старѣйшаго города; но не связанные со старѣйшимъ городомъ узами происхожденія болѣе другихъ, они показывали стремленіе къ самостоятельности, а при благопріятныхъ условіяхъ покушались стать выше старѣйшихъ городовъ и сдѣлаться главою земли. Такъ-то выбился Владиміръ изъ-подъ зависимости Ростова и сдѣлался старѣйшимъ городомъ.

Степень зависимости пригородовъ отъ городовъ опредѣляется въ общихъ чертахъ словами Суздальской лѣтописи: «на чѣмъ старѣйшіе сдумають, на томъ пригороды станутъ». Но здѣсь не разумѣлось такого рабскаго подчиненія, при которомъ жители пригородовъ были бы не болѣе, какъ безгласные исполнители воли своихъ господъ. Пригороды должны были сообразоваться съ постановленіями старѣйшаго города не потому, чтобы старѣйшій городъ былъ ихъ владыка, а потому, что старѣйшій городъ изображалъ средоточіе всей земли, и его вѣче было собраніе не горожанъ, а земляковъ, членовъ земли, которой часть составлялъ пригородъ. Если житель пригорода находился въ послушаніи у старѣйшаго города по своей принадлежности къ пригороду, то въ тоже время онъ былъ полноправный участникъ вѣча по своей принадлежности къ землѣ, какъ землякъ. Въ такомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать тѣ извѣстія, когда, повѣствуя о вѣчахъ, собиравшихся въ старѣйшемъ городѣ, лѣтописцы говорятъ: «сошлась вся

земля». Но встрѣчались примѣры, когда на вѣче въ старѣйшій городъ особенно приглашались для взаимной думы жители того или другого пригорода.. Такъ, напримѣръ, въ 1132 году въ Новгородѣ, по сказанію новгородской лѣтописи, была «встань великая въ людехъ», и тогда были призваны на совѣтъ псковичи и ладожане. Подобное нѣсколько разъ повторялось въ новгородской исторіи. Въ извѣстіяхъ о другихъ краяхъ русскихъ встрѣчаются случаи, когда лѣтописецъ, разсказывая о вѣчѣ, поименовываетъ города, участвовавшіе на собраніи земли своей; такъ, подъ 1158 годомъ говорится, что «Ростовцы, Суздальцы, Владимірцы и всі» (слѣдовательно люди всѣхъ пригородовъ) собирались на вѣче. Подъ 1175 годомъ, участвовавшими на вѣчѣ поименованы ростовцы, суздальцы, переяславцы, владимирцы. Къ сожалѣнію, тутъ и останавливаются наши знанія: при какихъ условіяхъ созывались особенно жители пригородовъ по принадлежности къ мѣстной корпораціи на общее вѣче—неизвѣстно. Соображая вообще характеръ неопредѣленности во всѣхъ отправленіяхъ тогдашней общественной жизни, кажется справедливымъ будетъ предположеніе, что твердыхъ и неизмѣнныхъ правилъ насчетъ этого нигдѣ не существовало; все зависѣло отъ обстоятельствъ. Повсемѣстно въ русскихъ краяхъ мы встрѣчаемъ тотъ важный фактъ, что нѣкоторые пригороды возвышались по значенію передъ другими своими собратіями; иные, не выходя изъ связи съ главнымъ городомъ, достигали почти равнаго съ ними значенія; иные же стремились вырваться изъ-подъ зависимости старѣйшаго города и стать средоточіемъ собственной вольной земли. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ пригороды съ бо́льшимъ значеніемъ передъ другими: въ полоцкой землѣ Витебскъ и Минскъ, въ смоленской Торопецъ, въ рязанской Пронскъ, въ черниговской Новгородъ-Сѣверскій, въ галицкой Перемышль; въ ростовско-суздальской землѣ въ древнѣйшія времена являются два города равные по значенію между собою — Ростовъ и Суздаль, потомъ возвышается Владимиръ и изъ пригорода дѣлается главнымъ городомъ земли; часть этой земли съ пригородомъ Тверью отдѣляется и дѣлается самобытною землею, главою своихъ собственныхъ пригородовъ; изъ той же владимирской земли выдѣляется съ своей территоріей бывшій пригородъ Москва и дѣлается средоточіемъ собственной Московской земли, а потомъ подчиняетъ себѣ и бывшій свой главный городъ Владимиръ. Въ новгородской землѣ Псковъ, бывшій пригородомъ Новгорода, успѣлъ подняться до того, что Новгородъ самъ призналъ его независимость, довольствуясь тѣмъ, что послѣдній именовалъ Новгородъ своимъ старшимъ братомъ, а себя называлъ младшимъ.

Въ тоже время въ новгородской землѣ показывалъ стремленіе къ возвышенію и Торжокъ. Въ XIII вѣкѣ онъ былъ настолько значителенъ, что вступалъ въ споръ съ властью старѣйшаго города, и Новгородъ уступалъ ему. Напримѣръ, въ 1229 году Новгородъ отправилъ туда посадника, а новоторжцы его не приняли. Пригородъ возвышали обстоятельства; мѣстоположеніе сообщало пригороду силу, если главному городу трудно было расправиться съ нимъ въ случаѣ непослушанія; торговля, обогащая его жителей, давала ему вѣсъ и значеніе. Иначе, стремленіе пригорода къ самостоятельности наказывалось какъ измѣна землѣ. Тотъ же Новгородъ не такъ снисходительно поступилъ съ другимъ своимъ пригородомъ, Ржевою; когда она вздумала не платить дани, новгородцы опустошили огнемъ всю ея волость. Много помогало возвышенію пригородовъ особое княженіе; какъ скоро въ пригородѣ появится свой князь, то пригородъ черезъ то самое пользовался большей автономіей и хотя не освобождался отъ зависимости старѣйшаго города, но возвышался передъ другими пригородами, не имѣвшими своихъ князей. Впрочемъ, вообще пригороды вездѣ пользовались въ извѣстной степени автономіею въ своихъ мѣстныхъ дѣлахъ, если только это согласовалось съ интересами старѣйшаго города. Въ нашихъ лѣтописяхъ есть извѣстіе о такихъ случаяхъ, когда пригороды составляли у себя вѣча и рѣшали судьбу свою; такъ, въ 1171 году, бѣлорусскій городъ Друцкъ выбралъ себѣ князя Рогволода, и главный или старѣйшій городъ земли Полоцкъ не противился ему; въ 1433 году, новгородскій пригородъ Порховъ заключилъ договоръ съ великимъ княземъ литовскимъ Витовтомъ, и Новгородъ утвердилъ этотъ договоръ.

Не должно думать, чтобъ вѣче само по себѣ, какъ сходбище, знаменовало какую-нибудь верховную власть: оно было только ея выраженіемъ; верховная власть по внутреннему смыслу оставалась не за вѣчемъ, а за землею. Это понятіе о самоуправленіи земли является еще въ глубокой древности, переживаетъ многіе вѣка, противныя обстоятельства и невзгоды, уцѣлеваетъ при иномъ государственномъ строѣ страны. Такъ какъ въ глубокой древности древлянскіе послы говорили Ольгѣ, что ихъ послала земля, такъ въ смутное время Московскаго государства, въ началѣ XVII вѣка, московскіе послы подъ Смоленскомъ говорили полякамъ, что ихъ послала земля съ своимъ приговоромъ и они сами могутъ быть только слѣпыми исполнителями ея воли. Между тѣмъ въ это время земля уже составляла совокупность тѣхъ частей, изъ которыхъ каждая считала себя нѣкогда самостоятельной землей и притомъ уже въ смыслѣ единодержавнаго

тѣла. Дѣло защиты отечества противъ поляковъ и возстановленіе престола совершилось именемъ всей земли. Несмотря на самодержавную власть царей, они сами все еще иногда питали уваженіе къ землѣ, собирали земскія думы и желали знать мысль и волю земли, которой управляли. Только съ преобразованіемъ Россіи на западный образецъ забылось значеніе земли подъ вліяніемъ новой бюрократіи, не имѣвшей съ землей ничего общаго по роду происхожденія.

Въ до-татарскій періодъ Русь только чувствомъ, а не размышленіемъ понимала единство своего бытія и не додумалась до какого-нибудь вѣча вѣчъ—сходбища всѣхъ земель, выраженія ихъ федеративной связи. Земли, повидимому, стремились не къ соединенію, а къ раздробленію: въ земляхъ, какъ мы уже показали, возвышались города, которые со своими территоріями имѣли, если не въ настоящемъ, то въ будущемъ задачу обособленія. Но за то начало духовнаго единенія не только не умирало, а развивалось и укрѣплялось съ распространеніемъ православной вѣры при отсутствіи вотчиннаго права въ княжескомъ управленіи.

IV.

Тѣ заблуждались, которые воображали, что древніе князья были вотчинники или владѣльцы своихъ удѣловъ, точно также какъ невѣрно думаютъ тѣ, которые въ дѣлѣ преемства князей придаютъ большое значеніе родовому старѣйшинству между членами Рюрикова дома. Одинъ изъ талантливыхъ писателей по русской исторіи, г. Сергѣевичъ, справедливо замѣтилъ, что мнѣніе о старѣйшинствѣ между князьями вызвано нѣкоторыми выраженіями источниковъ, взятыми отрывочно внѣ связи съ другими свидѣтельствами тѣхъ же источниковъ, которыми необходимо было воспользоваться для уясненія ихъ дѣйствительнаго смысла, и притомъ частныя опредѣленія отдѣльныхъ договоровъ приняты за обычаи родового быта. Дѣйствительно, всматриваясь въ дѣло безъ предвзятыхъ заранѣе мнѣній, окажется, что между князьями не существовало никакого юридическаго старѣйшинства, кромѣ того, которое неизбѣжно указывала природа, да и то выражаемо было въ неопредѣленныхъ чертахъ, которымъ можно придавать теперь различный смыслъ. Тотъ князь, который былъ старѣе другихъ по лѣтамъ, назывался старѣйшимъ между князьями и имѣлъ право быть названнымъ такимъ именемъ, а у насъ стали подобныя наименованія принимать за нѣчто юридическое, неза-

висимое отъ возраста, за нѣчто такое, что давало бы этому князю право на званіе старѣйшаго даже и тогда, когда бы этотъ князь былъ моложе другихъ. Понятіе о старѣйшинствѣ имѣло и переносное значеніе: кого признавали сильнѣе, умнѣе и вліятельнѣе другихъ князей въ данное время, о томъ выражались, что онъ старѣе другихъ. Наконецъ, было еще естественное семейное старѣйшинство: дяди надъ племянникомъ, какъ брата отца и слѣдовательно равнаго отцу, старшаго брата надъ меньшимъ, какъ старѣйшаго по лѣтамъ между равными; такія отношенія внушали извѣстнаго рода уваженіе младшихъ къ старшимъ. Случаямъ такого естественнаго въ семейномъ быту уваженія у насъ придавали ученые юридическое значеніе. Отецъ, умирая, скажетъ сыновьямъ: «ты, старшій братъ, будь вмѣсто меня отцомъ меньшимъ, а вы меньшіе почитайте старшаго, какъ отца». Такія фразы говорились повсемѣстно, и теперь еще говорятся въ семейномъ быту, но въ сущности такія фразы принадлежатъ къ разряду тѣхъ нравственныхъ сентенцій, которыя безпрестанно повторяются и рѣдко исполняются; никакъ нельзя выводить изъ нихъ юридическихъ обычаевъ или измѣрять ими смыслъ юридическихъ событій; такъ точно, какъ на томъ основаніи, что въ разныя времена старики говорили: «не должно лгать, любите другъ друга, не будьте корыстолюбы», нельзя полагать, чтобъ тѣ, которые слушали подобныя нравоученія, исполняли ихъ; даже и тотъ, кто произносилъ ихъ, часто совсѣмъ былъ не таковъ въ своихъ поступкахъ, каковъ на словахъ. Прямое, дѣйствительное старѣйшинство князей являлось тогда, когда князь княжилъ въ старѣйшемъ городѣ, и въ такомъ случаѣ насколько городъ, въ которомъ онъ сидѣлъ, считалъ себя старѣйшимъ по отношенію къ другому городу, настолько и князь его былъ старѣйшимъ по отношенію къ князю, сидѣвшему въ меньшемъ городѣ или пригородѣ. Такимъ образомъ, князь, сидѣвшій въ Полоцкѣ, былъ старѣйшимъ передъ тѣмъ княземъ, который сидѣлъ въ Друцкѣ или Минскѣ; впрочемъ, такое старѣйшинство было дѣйствительнымъ настолько, насколько послѣдній князь лишенъ былъ благопріятныхъ обстоятельствъ и не обладалъ смѣлою предпріимчивостью, чтобы свергнуть съ себя это старѣйшинство: такъ и поступали князья, сидѣвшіе въ тѣхъ пригородахъ, которые хотя и обязаны были признавать волю старѣйшаго города, но не всегда ее признавали и при первомъ благопріятномъ для нихъ поворотѣ обстоятельствъ стремились къ независимому положенію. До униженія Кіева, во второй половинѣ XII вѣка, потерявшаго свое первенство и обѣднѣвшаго отъ междоусобій и отъ натисковъ кочевниковъ, старѣйшимъ между

князьями, всѣхъ русскихъ земель былъ князь, сидѣвшій въ Кіевѣ; но это не давало ему надъ прочими князьями какой-нибудь власти и его вліяніе на другихъ князей измѣрялось не столько его саномъ, сколько умомъ княжившей личности и умѣньемъ показать свою силу. Съ упадкомъ Кіева сталъ возвышаться Владиміръ въ сѣверовосточной Руси. Ни этотъ городъ, поднявшійся недавно изъ пригорода, ни его князья не имѣли права на власть надъ другими князьями и ихъ землями. Тѣмъ не менѣе однако, князья, сидѣвшіе во Владимирѣ, по стеченію обстоятельствъ, были сильны и богаты, и потому играли роль старѣйшихъ между князьями, и многіе изъ князей заискивали ихъ дружбы и покровительства. Недаромъ пѣвецъ Игоря выразился о Всеволодѣ Юрьевичѣ, что онъ можетъ Волгу раскропить веслами и Донъ вылить шеломомъ. На самомъ дѣлѣ Всеволодъ былъ лично уменъ и силенъ, и потому его считали старѣйшимъ; а между тѣмъ за нимъ невозможно натянуть никакими способами родового старѣйшинства надъ другими князьями.

Право земли и ея верховная власть надъ собою высказывается повсюду въ до-татарское время. Земля должна была имѣть князя; безъ этого ея существованіе, какъ земли, было немыслимо. Гдѣ земля, тамъ вѣче, а гдѣ вѣче, тамъ непремѣнно будетъ и князь: вѣче непремѣнно изберетъ его. Земля была власть надъ собою; вѣче—выраженіе власти, а князь—ея органъ. По словамъ лѣтописца, въ половинѣ IX вѣка, сѣверные народцы говорили призываемымъ варягамъ: «земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ, идите княжить и володѣть нами по праву»; то же фактически повторялось въ каждой землѣ при каждомъ вступленіи князя на княженіе. Если призваніе варяжскихъ князей выдумано, то оно выдумано невольно, по естественному свойству человѣческой природы переносить на отдаленныя времена признаки современнаго быта: что дѣлалось въ XII вѣкѣ, то переносилось воображеніемъ на IX-й. На Руси сложилось такое понятіе: безъ князя въ землѣ ни порядка, ни охраненія, ни суда, ни правды; безъ князя начнется безпорядокъ, сильнѣйшіе будутъ обижать слабѣйшихъ; роды и семьи передерутся между собой; не будетъ единодушія ко взаимной защитѣ; набѣгутъ чужіе и разорятъ землю; ратная сила не будетъ повиноваться начальнику, если этимъ начальникомъ не будетъ князь. Князь призванъ володѣть, т.-е. держать власть, править, защищать; но онъ не былъ вотчинникомъ земли. *Володѣть* на древнемъ языкѣ совсѣмъ не значило то, чтó впослѣдствіи. Князь не былъ государемъ — онъ былъ только господиномъ. Оттого Новгородъ, удержавшій долѣе дру-

гихъ земель древнія формы быта, не хотѣлъ въ XV вѣкѣ назвать московскаго великаго князя государемъ, а давалъ ему по старинѣ только титулъ господина; для новгородцевъ государемъ былъ Великій Новгородъ т.-е. сама земля новгородская; князь же былъ только господинъ, т.-е. призванный володѣть по праву, иначе—по волѣ земли. Князя выбирала земля потому, что онъ для земли былъ нуженъ.

Мы видѣли, что съ незапамятныхъ временъ у славянъ были князья, что они были и въ славянорусскихъ земляхъ до прихода варяговъ. Кіевскіе князья пріучали народы къ дани посредствомъ дружины, составленной изъ разнаго сброду. Прежнихъ князей замѣнили въ земляхъ князья Рюрикова рода. Сыновья Ярослава, назначенные отцомъ князьями въ разныя земли, конечно, вначалѣ держались тамъ также посредствомъ дружины, но скоро освоились съ земскою жизнью, а пришлая дружина слилась съ мѣстными жителями; съ одной стороны, пришельцы дѣлались землевладѣльцами и членами земли, съ другой—въ княжескую дружину входили мѣстные жители. Старое вѣчевое выборное начало вошло въ прежнюю колею тѣмъ легче, что и до того времени зе́мли, платя кіевскимъ князьямъ дань, внутри не покидали старыхъ обычаевъ; теперь князья, не ограничиваясь уже однимъ собираніемъ дани, а сдѣлавшись, какъ мы показали выше, по христіанскимъ понятіямъ правителями, судьями и защитниками земли, сроднились съ народными правами и обычаями, и при такомъ сродствѣ образовалось понятіе, что во всѣхъ земляхъ по всей Руси должны быть выборные землею князья, но непремѣнно изъ единаго Рюрикова рода. Притомъ же князья умножались, и выборъ былъ большой; трудно было отважиться гдѣ-нибудь на избраніе князя изъ другого рода: такой князь не усидѣлъ бы, какъ и случилось разъ въ Галичѣ, гдѣ вокняжился Володиславъ, но тотчасъ же слетѣлъ съ княжескаго стола. Какъ только гдѣ-нибудь осмѣлилась бы одна партія замѣстить мѣсто, принадлежавшее Рюриковичу, лицомъ не Рюрикова дома, тотчасъ составилась бы другая противная партія и призвала бы князя Рюриковича; чувство оскорбленія цѣлаго рода соединило бы между собою многихъ князей, хотя безъ того они жили между собой несогласно. Всѣ они признавали въ одинаковой степени за своимъ родомъ право княжить на Руси. «Мы не ляхи и не угры», говорили они, «мы единаго дѣда внуки». Сознавая это право, они однако не иначе могли получать его, какъ черезъ признаніе землею — какъ бы ни добывалось это признаніе: основывалось ли оно на добровольномъ выборѣ, на полномъ согласіи земли, или же князя возводила одна партія,

пересилившая другую, или же наконецъ, князь съ постороннею силою овладѣвалъ городомъ и его землею. Въ вѣкъ, когда военная удача внушала уваженіе, часто бывало, что князь силой заставлялъ землю признавать свою власть, и земля признавала князя потому, что не могла сопротивляться. Такимъ образомъ, все-таки дѣло рѣшалось признаніемъ, хотя бы невольнымъ. Впрочемъ, если князь и насиліемъ получалъ въ землѣ княженіе, то все-таки долженъ былъ, ради прочности, ладить съ жителями и заслужить ихъ расположеніе: иначе, при первой возможности призывали другого князя, съ посторонней силой, а его прогоняли.

Родовыя отношенія князей нерѣдко принимались во вниманіе землями при выборѣ князей, но не такъ какъ юридическое право, а какъ нравственное соображеніе, основанное вообще на понятіяхъ о старшинствѣ въ семейномъ быту, оно было не настолько сильнымъ, чтобы вытѣснить соображенія иного рода. Такимъ образомъ дядя, споря съ племянникомъ, могъ подобрать себѣ партію, которая поддерживала его, ставила ему въ достоинство то, что онъ былъ дядя — старшій по семейнымъ линіямъ; но также точно и племянникъ находилъ себѣ партію, которая ни во-что ставила старшинство дяди и стояла за племянника, когда находила его лучше дяди по личнымъ достоинствамъ. Уваженіе къ старшимъ издавна существовало у славянъ; его поддерживала христіанская церковь, но оно не обратилось въ такой законъ, передъ которымъ должны были умолкнуть иного рода выгоды и соображенія.

При разсмотрѣніи извѣстныхъ намъ случаевъ вступленія князей въ свое достоинство, о бóльшой части ихъ можно сказать, что единственнымъ правомъ ихъ было призваніе или признаніе земли. Мы не станемъ перечислять примѣровъ такого вступленія въ Новгородѣ и Псковѣ; о всегдашнемъ господствѣ вѣчевого начала въ этихъ двухъ земляхъ не сомнѣвался никто; но мы обратимъ вниманіе нашихъ читателей на прочія земли, гдѣ, по относительной малоизвѣстности ихъ внутренней исторіи, воображали существованіе иныхъ началъ, противоположныхъ новгородскимъ и псковскимъ. Открывается, что вездѣ, какъ въ Новгородѣ и Псковѣ, власть князю давалась землею и зависѣла отъ нея. По крайней мѣрѣ, это безъ обиняковъ можно сказать о тѣхъ земляхъ, о которыхъ дошли до насъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Въ Кіевѣ, въ глубокой древности, если намъ и не разсказываютъ прямо объ избраніи князей, то мы сами видимъ явные слѣды, показывающіе, что у полянъ было издревле прирожденнымъ обычаемъ рѣшать судьбу свою посредствомъ вѣча. Такъ, по поводу

признанія надъ собою власти казарской, поляне сдѣлали это, говоритъ лѣтописецъ, «сдумавше»; слѣдовательно, здѣсь предполагается существованіе земской думы или вѣча. Во время борьбы Ярополка съ Владиміромъ, споръ между братьями рѣшили кіевляне думою; послали къ Владиміру и сдали ему свой городъ, такъ что онъ сдѣлался княземъ вслѣдствіе признанія земли. По смерти Владиміра, Святополкъ получилъ кіевское княженіе также по признанію кіевлянъ: онъ обдарилъ ихъ и подкупилъ ихъ; конечно, это относится къ немногимъ знатнѣйшимъ, которые имѣли вліяніе на громаду народа; но это былъ путь, правда, нечистый, а все-таки не болѣе какъ путь, право же заключалось въ признаніи землею.

Мы не знаемъ, какое участіе принималъ Кіевъ съ его землею при вступленіи Ярослава: добровольно ли покинули кіевляне Святополка, или по неволѣ должны были покориться побѣдителю, но несомнѣнно то, что по смерти Ярослава, власть князей въ Кіевѣ зависѣла отъ признанія землею, причемъ мало обращалось вниманія, а часто и вовсе не обращалось никакого на родовое преемство князей съ условіями старшинства. Въ 1067 году кіевляне стали недовольны своимъ княземъ Изяславомъ Ярославичемъ; они прогнали его и выбрали себѣ въ князья содержавшагося въ плѣну полоцкаго князя Всеслава: этотъ князь не принадлежалъ вовсе къ племени Ярослава, а потому ясно, что кіевляне не считали себя безусловно обязанными слѣдовать дѣленію волостей, устроенному Ярославомъ между его потомствомъ. Полоцкій князь оказался неспособнымъ и бѣжалъ при первой опасности; тогда кіевляне снова признали прежняго князя, шедшаго противъ нихъ съ иноземною помощью; но они были ему вѣрны только до тѣхъ поръ, пока не ушли отъ него иноземные союзники: тогда кіевляне опять прогнали его и пригласили изъ Чернигова князя Святослава Ярославича. Только по смерти послѣдняго кіевляне признали прежняго князя при содѣйствіи другого брата Всеволода. Когда, вскорѣ послѣ того, Изяславъ палъ въ битвѣ, княземъ кіевскимъ сдѣлался Всеволодъ: о мотивахъ вступленія его лѣтописцы не говорятъ ничего, но вѣроятно онъ сдѣлался княземъ по волѣ земли, а не на основаніи своего семейнаго старшинства: это мы заключаемъ, во-первыхъ, потому, что князь этотъ прежде былъ любимъ кіевлянами, а это доказывается тѣмъ, что кіевляне, по его ходатайству, помирились съ Изяславомъ; во-вторыхъ, потому, что ни передъ тѣмъ, какъ это показалось при избраніи Всеслава, ни послѣ того кіевляне не церемонились съ такого рода старшинствомъ. По смерти Всеволода кіевляне хо-

тѣли выбрать сына его Владимира, но Владимиръ самъ уступилъ кіевское княженіе своему двоюродному брату Святополку-Михаилу, сыну Изяслава Ярославича. Лѣтописецъ, говоря о вступленіи этого послѣдняго князя, счелъ нужнымъ замѣтить, что кіевляне приняли его, и тѣмъ самымъ показалъ, что Святополкъ-Михаилъ сдѣлался кіевскимъ княземъ по волѣ земли, послушавшейся совѣта Владимира Мономаха. Изъ разсказовъ лѣтописей видно, что въ княженіе Святополка-Михаила вѣчевое начало было сильно въ Кіевѣ и высказывалось независимымъ элементомъ даже и противъ власти князей. Такъ, въ 1093 году князья напали на половцевъ; но кіевляне были противъ этого похода, не захотѣли идти съ князьями, и оттого князья потеряли битву. Въ 1096 году, по поводу княжескихъ междоусобій, Святополкъ и Владимиръ писали Олегу Святославичу: «приходи въ Кіевъ; положимъ нарядъ о русской землѣ предъ епископы, игумены и и предъ мужи отецъ нашихъ». «Олегъ — говоритъ лѣтописецъ — воспріимъ смыслъ буй и словеса величавы, отвѣчалъ: не идетъ судить меня епископамъ или игуменамъ или смердамъ». Это указываетъ, что Олегу предлагали разсудить дѣло князей землѣ вмѣстѣ съ духовенствомъ; только неизвѣстно, какіе градскіе люди здѣсь понимались; разумѣлся ли здѣсь только городъ Кіевъ, или же предполагалось призвать людей изъ другихъ городовъ и слѣдовательно земель? Вѣроятно, на послѣдовавшемъ за тѣмъ снемѣ, происходившемъ въ Любечѣ, дѣло обходилось не безъ участія земли, но мы опять-таки не знаемъ, были ли тамъ люди изъ другихъ земель; замѣчательно только, что снемъ этотъ происходилъ уже не въ кіевской, а въ черниговской землѣ; поэтому, если допустить, что въ первый разъ, когда звали Олега въ Кіевъ, подъ градскими людьми разумѣлись кіевляне, то здѣсь, не въ кіевской землѣ, едва ли за кіевлянами могло остаться право рѣшать участь всѣхъ русскихъ земель. На этомъ снемѣ постановлено, чтобы каждый князь получилъ себѣ княженіе, но тутъ никакъ не могло быть чего-нибудь обязательнаго по наслѣдству; это было только распоряженіе относительно жившихъ и дѣйствовавшихъ въ то время князей. Вслѣдъ за снемомъ въ Любечѣ, послѣдовало ослѣпленіе Василька. Святополкъ хотѣлъ бѣжать, но кіевляне остановили его и сами вызвались быть судьями княжескаго дѣла: Святополкъ повиновался. По смерти его, кіевское вѣче, имѣвшее причины быть недовольну его княженіемъ, покарало его клевретовъ и избрало княземъ Владимира Мономаха. Князь этотъ былъ идеалъ своего вѣка и на долгое время оставилъ по себѣ память, полную уваженія и любви; поэтому кіевляне долго предпочитали его потомковъ всѣмъ дру-

гимъ князьямъ: понятно, почему лѣтописецъ не сообщаетъ никакихъ подробностей о вступленіи на княженіе двухъ его сыновей одного за другимъ; кіевляне признавали ихъ безъ всякаго спора; ихъ желаніе совпадало тогда съ уваженіемъ къ семейному старѣйшинству: Мстислава и Ярополка выбирали они по любви къ нимъ; — впослѣдствіи, когда русскіе хотѣли похвалить князя, то говорили ему: «ты нашъ Мономахъ, ты нашъ Мстиславъ»; но тѣ же кіевляне не стали стѣсняться никакимъ старѣйшинствомъ, когда приходилось выбирать между сыномъ Мстислава Владимировича и дядею Юріемъ, котораго не любили.

Завладѣніе Кіевомъ при Всеволодѣ Ольговичѣ было дѣломъ насилія, и вѣроятно Всеволодъ осилилъ Кіевъ съ помощью черниговцевъ: кіевляне уступили и признали его своимъ княземъ, а онъ съ своей стороны долженъ былъ дѣлать имъ уступки, чтобы удержаться. Родовое право натянуть за нимъ невозможно. Когда этотъ князь, въ 1146 году, хотѣлъ назначить послѣ себя преемникомъ своего брата Игоря, то не могъ избрать другого пути, какъ только устроить дѣло такъ, чтобы его выбрала земля кіевская. Игорь на вѣчѣ покупалъ себѣ княженіе обѣщаніями льготъ и уступокъ, но партія его была, какъ видно, мала: по смерти Всеволода кіевляне составили вѣче у Туровой Божницы и осудили на немъ тіуновъ умершаго князя. Здѣсь уже въ другой разъ является примѣръ, какъ земля творила судъ и расправу надъ тѣми, которые оказались виновными противъ нея при покойномъ князѣ и употребляли во зло его довѣріе. Вѣче потребовало, чтобы Игорь судилъ самъ и не поручалъ вмѣсто себя суда. Но скоро послѣ того опять собралось вѣче, разсудило, что Игорь не годится и выбрало вмѣсто него Изяслава Мстиславича. Приверженцевъ Игоря разграбили; самого Игоря наконецъ посадили въ тюрьму, отъ которой онъ только избавился постриженіемъ въ чернецы. Это событіе возбудило междоусобія съ княжескою вѣтвью Ольга Святославича и наконецъ вызвало бурное вѣче, умертвившее Игоря. Фактъ этотъ показываетъ, какъ мало стѣснялись кіевляне уваженіемъ къ княжескому достоинству, когда посягали на ихъ земское право.

Междоусобіе съ Ольговичами повлекло къ другой усобицѣ между племянникомъ, избраннымъ кіевскою землею и дядею Юріемъ, которому хотѣлось княжить въ Кіевѣ, опираясь на свое семейное старшинство. Партія у него въ Кіевѣ была невелика, но на его сторонѣ былъ князь галицкой земли; было у него достаточно силъ земли суздальской, и кіевляне должны были уступать, принимать Юрія, но при первомъ удобномъ случаѣ прогоняли его и приглашали снова любимаго Изяслава Мстисла-

вича. По смерти послѣдняго кіевляне избрали его брата Ростислава, а потомъ, когда онъ не могъ удержаться противъ Юрія, Изяслава Давидовича, наконецъ, признали Юрія. Черезъ два года послѣдовала смерть этого князя; тогда кіевляне разграбили его домъ и перебили суздальцевъ, при помощи которыхъ онъ держался въ Кіевѣ. Здѣсь уже въ третій разъ мы встрѣчаемся съ обычаемъ по смерти князя творить судъ и расправу надъ его клевретами. Въ этотъ разъ судъ кіевлянъ показывалъ большое ожесточеніе, и оно впослѣдствіи тяжяло отозвалось Кіеву. Прогнавши и истребивши суздальцевъ, кіевляне выбрали Ростислава Мстиславича; черезъ десять лѣтъ кіевская земля выбрала Мстислава Изяславича. Такимъ образомъ, до самаго разоренія Кіева Андреемъ Боголюбскимъ мы видимъ, что кіевская земля свободно избирала и призывала князей и по смерти ихъ оцѣняла ихъ способъ управленія. Это земское начало уступало иногда насилію, но потомъ опять вступало въ свои права, потому что всякій насильникъ долженъ былъ подлаживаться къ волѣ земли, чтобы не потерять партіи, которая могла его поддерживать противъ другого претендента, всегда имѣвшаго возможность опереться на другую партію въ той же землѣ. Погромъ и униженіе Кіева въ 1169 году были, кажется, слѣдствіемъ избіенія суздальцевъ: въ ополченіи Андрея были дѣти и племянники убитыхъ въ оное время; они-то мстили Кіеву за свою кровь. Съ этой поры хотя и дошли до насъ о кіевской землѣ довольно подробныя извѣстія, но они больше касаются внѣшнихъ событій; во всякомъ случаѣ, мы изъ описаній второй половины XII вѣка и первыхъ лѣтъ XIII-го усматриваемъ, что въ кіевской землѣ гражданская стихія уступала военной; цивилизація падала и переходила на сѣверо-востокъ; тогда кіевское княженіе дѣлалось достояніемъ игры случая и силы; землю изображали княжескія дружины, составленныя уже не только изъ русскихъ, но и изъ азіатскихъ инородцевъ, поселенныхъ на почвѣ кіевской земли: они-то рѣшали судьбу края, поддерживая своимъ оружіемъ то одного князя, то другого; князь, смотря по обстоятельствамъ и ловкости, могъ быть и слабъ и силенъ, но вообще долженъ былъ мирволить той громадѣ, на которую опирался.

Въ Галичинѣ вездѣ видно участіе земли, какъ въ избраніи князей, такъ и въ верховномъ судѣ надъ ихъ способомъ управленія. Но тамъ успѣлъ развиться и усилиться аристократическій элементъ, какъ нигдѣ на Руси; этому содѣйствовала возможность образоваться классу богатыхъ землевладѣльцевъ: во-первыхъ, почва была очень плодородна и продукты сбывались удобнѣе, чѣмъ

въ другихъ мѣстахъ; во-вторыхъ, край галицкій былъ болѣе удаленъ отъ сосѣдства кочевниковъ, чѣмъ, напр., край кіевскій, хотя не менѣе плодородный и богатый, но безпрестанно подвергавшійся разореніямъ. Присоединить къ этому нужно сосѣдство съ венграми и поляками, съ которыми русскіе имѣли частыя сношенія и усвоивали признаки ихъ жизни, и въ томъ числѣ господство аристократизма въ строѣ. Какъ бы то ни было, бояре, т.-е. люди богатые, вліятельные, знатные держали въ рукахъ своихъ землю и изображали преимущественно собою вѣчевую земскую силу. Къ сожалѣнію намъ не осталось данныхъ, чтобы прослѣдить постепенность усиленія боярства при разныхъ историческихъ обстоятельствахъ края. Видимъ, что галичане вмѣшивались въ семейныя дѣла своихъ князей: напр., сожгли любовницу князя Ярослава, принудили его жить съ законной женой, принять къ себѣ изгнаннаго законнаго сына и удалить любимаго имъ незаконнаго. Впослѣдствіи они, соблазняясь поведеніемъ своего князя Владимира, прогнали его, но сами раздѣлились на партіи: одни пригласили волынскаго князя Романа, другіе призвали на княженіе венгерскаго королевича; такимъ образомъ, одна изъ русскихъ земель чуть-было не выбыла изъ круга земель, управляемыхъ князьями единаго Рюрикова дома. Энергическій и рѣшительный Романъ хотѣлъ укротить самовольство бояръ; польскій историкъ сообщаетъ, что онъ употреблялъ противъ нихъ жестокія мѣры; стало быть, онъ былъ силенъ и слѣдовательно опирался на сильную партію, которая могла быть и противобоярская, народная, но также могла состоять изъ части бояръ враждебной другой части того же сословія; такъ вообще аристократія часто отличается безладицей и несогласіемъ между своими членами. По смерти Романа, во время малолѣтства его сыновей, Галичина подверглась величайшимъ безпорядкамъ, снова подпадала подъ чуждую власть венгровъ и поляковъ; одинъ изъ бояръ, Володиславъ, захватилъ-было княжеское достоинство на нѣкоторое время. Не удалось тогда ни чужеземцамъ, ни боярамъ. Бояре потеряли свою силу въ междоусобіяхъ; возвысилась народная партія, соединилась вокругъ Романова сына Данила и возвела его на княженіе. Такъ какъ вслѣдъ затѣмъ наступило татарское завоеваніе, то мы и не знаемъ, въ какихъ отношеніяхъ поставили бы княжескую власть къ земскому началу историческія обстоятельства при независимомъ теченіи жизни въ краѣ.

До насъ не дошло спеціальныхъ лѣтописей о бѣлорусскихъ земляхъ и о смоленской; но тамъ, гдѣ мимоходомъ встрѣчаются извѣстія, является несомнѣнное господство вѣчевого порядка.

Земли прогоняли князей и приглашали другихъ: такъ было въ Полоцкѣ въ 1128 и въ 1159 годахъ, въ Друцкѣ въ 1159 году, въ Смоленскѣ въ 1175 и въ 1230; въ послѣднемъ изъ годовъ смольняне однако дорого заплатили за свое вѣчевое право; изгнанный князь привелъ полочанъ, перебилъ своихъ враговъ смольнянъ и насильно усѣлся въ Смоленскѣ—разительный примѣръ, какъ князья могли при случаѣ поступать насильственно и самовластно, находя себѣ помощь въ другихъ русскихъ земляхъ. Недостатокъ соединяющей федеративной связи между землями естественно дѣлалъ возможными такіе случаи, и земское право невольно уступало праву силы.

О ростовско-суздальской землѣ намъ осталась спеціальная лѣтопись. Историки наши видятъ здѣсь зародышъ будущаго единодержавія Россіи. Существовало мнѣніе, что въ этомъ краѣ пришлый славянскій элементъ смѣшался съ финско-тюркской народностью; такая смѣсь положила начало великорусской народности и сообщила ей своеобразный характеръ болѣе устойчивый и терпѣливый, и потому болѣе наклонный къ монархической власти, чѣмъ у другихъ славянъ. Нѣкоторые даже думаютъ, что славянская стихія составляетъ здѣсь меньшинство и великоруссы нечто иное, какъ народъ туранскаго племени, принявшій славянскую рѣчь, но сохранившій коренные нравы и характеръ древняго своего происхожденія. Но, вникая въ смыслъ лѣтописныхъ сказаній, мы найдемъ не то: и здѣсь, какъ въ другихъ земляхъ, господствовалъ тотъ же принципъ верховной власти земли; и здѣсь князь, по отношенію къ землѣ, былъ тоже, что и въ другихъ земляхъ — не владѣлецъ, а правитель. Юрій Владимировичъ, желая утвердить за меньшими сыновьями волость, долженъ былъ созывать на думу ростовцевъ, суздальцевъ, переяславцевъ и владимирцевъ, т.-е. всю землю, но для земли не обязательны были ни воля покойнаго, ни даже собственныя ея постановленія: земля всегда имѣла право отмѣнить и переиначить то, что́ прежде порѣшила. Вопреки распоряженію Юрія, утвержденному землею, по смерти Юрія земля посадила выборомъ на княжескій столъ князя Андрея. Князь этотъ былъ крутъ и своенравенъ, за то и не снесъ головы; но въ его княженіе вѣчевая сила не была однако порабощена: такимъ образомъ, мы видимъ, что ростовцы изгнали (слѣдовательно вѣчемъ) своего епископа Леонтія. По смерти Андрея, ростовцы, суздальцы, владимирцы выбрали всею землею Ростиславичей. Скоро владимирцы стали ими недовольны за то, что они слушались бояръ и допускали собирать себѣ неправильнымъ образомъ имущества. Они говорили тогда: «мы себѣ выбрали вольныхъ

князей, а эти князья грабятъ насъ будто не свои волости, промышляйте братья». Такимъ образомъ, владимирцы считали за землею право призывать и прогонять князей и никакого другого права не сознавали. Они прогнали Ростиславичей и выбрали Михаила Юрьевича. Послѣ скоро послѣдовавшей кончины этого князя произошелъ раздоръ между городами, замѣчательный въ нашей исторіи, потому что указываетъ на понятіе о старшинствѣ городовъ. Ростовцы выбрали Мстислава Ростиславича, владимирцы Всеволода Юрьевича; на основаніи факта старшинства по времени заложенія города, Ростовъ имѣлъ право, но Владимиръ, населенный пришлыми людьми, не покорялся ему. Дошло до междоусобной войны между городами. Рѣшить споръ могъ только успѣхъ. Владимирцы побѣдили и съ тѣхъ поръ Владимиръ сталъ главою земли. Ростиславичи были взяты въ плѣнъ, и раздраженное вѣче порѣшило ослѣпить ихъ. Князь Всеволодъ долженъ былъ исполнить это рѣшеніе, но не хотѣлъ и обманулъ вѣче: Ростиславичи были отпущены, а для успокоенія вѣча былъ распущенъ слухъ, что они прозрѣли чудотворнымъ образомъ. Во всякомъ случаѣ, вѣче было сильно, когда князь боялся раздражить его и прибѣгнулъ къ хитрости, чтобъ не показать, что дѣлаетъ вопреки волѣ вѣча.

Всеволодъ Юрьевичъ, какъ и братъ его Андрей, былъ крутого нрава, человѣкъ рѣшительный: это показываетъ его безцеремонный поступокъ съ рязанскими князьями; но вѣчевой строй при немъ былъ въ полной силѣ. Есть одно драгоцѣнное мѣсто въ переяславской лѣтописи подъ 1213 годомъ; изъ него видно, что тогда было на Руси въ обычаѣ у князей, мимо всякихъ родовыхъ счетовъ и притязаній, учинять рядъ или договоръ съ землею на вѣчѣ и испрашивать согласія земли въ тѣхъ случаяхъ, когда князь являлся туда съ правомъ, основаннымъ на чемъ либо другомъ. Князь Ярославъ Всеволодовичъ, получивъ отъ родителя въ удѣлъ Переяславль, пріѣзжаетъ въ этотъ городъ, созываетъ переяславцевъ и говоритъ имъ: «Отецъ мой отошелъ къ Богу, а васъ отдалъ мнѣ, и меня вамъ. Хотите имѣть меня у себя»? Это мѣсто наглядно показываетъ, что въ сѣверовосточной Руси поставленіе князей окончательно зависѣло отъ земли; слѣдовательно, и въ тѣхъ мѣстахъ нашихъ лѣтописей, гдѣ говорится просто, что такой-то князь сталъ княжить послѣ отца, слѣдуетъ подразумѣвать, что онъ испрашивалъ согласія земли, и только въ силу признанія съ ея стороны вступалъ въ управленіе. Изъ одного мѣста Кіевской лѣтописи видно, что въ XII вѣкѣ князья заключали ряды съ землею, даже и тогда, когда они были уже приглашены и избраны. Такъ, въ 1154 г., когда

Ростиславъ Мстиславичъ былъ призванъ кіевлянами изъ Смоленска, дружина говорила ему: «Ты, князь, еще не утвердился въ Кіевѣ съ людьми; поѣзжай въ Кіевъ и утвердись съ людьми; *аче стрый* придетъ на тя Дюрги, поне ты ся съ людьми утвердилъ будеши, годно ти ся съ нимъ умирити, умиришися пакы ли а рать зачнеши съ нимъ». Къ намъ не дошло ни одного изъ такихъ древнихъ рядовъ или утвержденій; есть образчики подобныхъ договоровъ уже въ позднѣйшія времена въ Новгородѣ, но они въ своихъ подробностяхъ не могутъ для насъ служить моделью для болѣе раннихъ. Есть основаніе полагать, что въ до-татарское время такіе ряды были гораздо короче и касались ближайшихъ обстоятельствъ, занимавшихъ жизнь собственно тѣхъ дней, въ которые заключались, а не представляли вообще опредѣлительныхъ правилъ для управленія. Въ тотъ вѣкъ власть князя не подвергалась такимъ стѣсненіямъ въ мелочахъ со стороны земли, какъ бывало въ Новгородѣ въ XIV и XV вѣкахъ. Въ эти послѣдніе вѣка, вся Русь, кромѣ Новагорода и Пскова, клонилась къ единодержавному порядку и воспринимала новыя формы общественнаго и политическаго быта; только Новгородъ и Псковъ удерживали начала и признаки старой вѣчевой жизни, крѣпко дорожили ими и охраняли ихъ; князья, напитанные инымъ духомъ, были опасны, и необходимо было ограждать себя отъ ихъ посягательствъ заранѣе. Въ до-татарское время такихъ опасностей не представлялось. Князь могъ себѣ править безъ всякихъ ограниченій; для него существовало одно условіе—воля земли: его прогонятъ, если онъ станетъ неугоденъ. Князей было много, и призвать другого, вмѣсто неугоднаго, было легко. Въ Новгородѣ впослѣдствіи судъ князя былъ раздѣленъ съ посадникомъ; новгородцы считали нужнымъ для своей свободы стѣснить судебное значеніе князя. Не то было въ до-татарское время: князь, по русскому понятію, на то и нуженъ былъ, чтобы судить и рядить; кіевляне, обезпечивая свою свободу, ставили князю въ условіе, чтобы судъ производилъ онъ самъ, а не повѣрялъ бы никому другому. Князь вмѣстѣ былъ и судья, и военачальникъ, и защитникъ страны и ея правитель; власть его обнимала всѣ отрасли управленія. Князь пользовался большими доходами: ему давались и села и торговыя и судныя пошлины; онъ могъ, ни у кого не спрашиваясь, быть неограниченнымъ въ своихъ поступкахъ, но онъ долженъ былъ всегда помнить, что земля можетъ прогнать его, если онъ выведетъ ее изъ терпѣнія. Мы видимъ, какъ уже замѣчали, примѣры, что изгнанный князь не всегда покорно исполнялъ приговоръ земли и нерѣдко выискивалъ средства возвращать потерянное силою. Это было вполнѣ

умѣстно въ вѣкъ отваги и удальства. Такимъ образомъ, въ исторіи нашихъ княженій постоянно замѣчается борьба двухъ началъ, по которымъ князья добывали волости, одно — избраніе землею, другое—овладѣніе силою при посредствѣ партій. Впрочемъ, оба эти начала нерѣдко и сливались, потому что значеніемъ земли овладѣвала то та, то другая партія. Чтобы понять это, нужно бросить взглядъ на то, что̀ составляло русскій народъ и кто представлялъ землю на вѣчѣ.

V.

Такъ какъ въ вѣчевой періодъ вся русская жизнь отличалась крайнею неопредѣленностью, неточностью и невыработанностью формъ, то здѣсь какъ въ хаосѣ можно намъ отыскивать и задатки федераціи, и республики и монархіи; въ сущности же тутъ ничто не подходитъ вполнѣ подъ тѣ осязательныя представленія, какія мы привыкли себѣ составлять въ качествѣ общей мѣрки, прилагаемой къ различнымъ видамъ общественнаго строя; всѣ вопросы, касающіеся отправленій общественной жизни, легко могутъ быть разрѣшаемы противорѣчиво, и впрямь и вкось. Темнота указаній въ источникахъ и вообще недостатокъ свѣдѣній о подробностяхъ помогаютъ этому. Такой характеръ неопредѣленности прилагается и къ вопросу о существованіи сословій въ древней Руси. Нѣкоторые заявляли мысль, что сословій въ древней Руси вовсе не было. Если понимать слово «сословіе» въ теперешнемъ смыслѣ, то оно отчасти выйдетъ такъ; въ древней Руси мы не найдемъ даже сословій и въ томъ значеніи, какое имѣло это слово въ царскую московскую эпоху нашей исторіи, но вѣдь и равенства народа по правамъ каждаго не было, и можно сказать, что сословія существовали въ смыслѣ различія людей по состоянію и по степени того вліянія, какое по своему положенію оказывали одни на другихъ. Это относится собственно къ людямъ свободнымъ: но кромѣ свободныхъ были еще и рабы, и раздѣленіе на свободныхъ и рабовъ существовало строго опредѣлительно въ смыслѣ сословій противоположно отличныхъ одно отъ другого. Затѣмъ, свободные люди различались между собою по отношенію къ князю и къ землѣ. По отношенію къ князю изъ цѣлой громады свободныхъ людей выдѣлялась княжеская дружина, или служилые люди, которые раздѣлялись на вящшихъ или большихъ, и меньшихъ или молодыхъ. Первые именовались княжими мужами или боярами, вторые носили названіе гридней, дѣтскихъ отроковъ или просто дружины. Составляя военную силу и опору

князя, дружинники были органами и княжескаго управленія: изъ вящшихъ назначались посадники или намѣстники въ пригороды, изъ низшихъ или молодыхъ тіуны, посельскіе—собиратели княжихъ пошлинъ и доходовъ, управители княжихъ селъ и вообще исполнители княжихъ приказаній. Дружина — явленіе, естественно возникшее съ прибытіемъ варяжскихъ князей, долго оставалась неизбѣжнымъ признакомъ удѣльновѣчевой Руси. Идеалъ князя быть миротворцемъ, третейскимъ судьею въ междоусобныхъ спорахъ, возникающихъ въ землѣ и защитникомъ земли отъ внѣшнихъ враговъ; по этому самому князю нужно было стоять независимо отъ интересовъ, волновавшихъ землю, быть выше ихъ, чтобы имѣть возможность ихъ судить. Для этого нужна была ему сила, независимая отъ земли, несостоявшая исключительно изъ членовъ земли, принадлежащая князю и находящаяся въ его распоряженіи.

Такая сила и явилась: то была дружина. Она, какъ мы уже выше сказали, набиралась отовсюду: кто желалъ, тотъ и вступалъ въ нее, и въ раннія времена въ значительной степени дружина состояла изъ иноземцевъ — варяговъ. Мы уже показали, какъ въ языческій періодъ дружина, ограничиваясь собираніемъ дани для князя и для себя, имѣла характеръ разбойничьей шайки, находящейся въ распоряженіи атамана. Мы сказали также, что съ принятіемъ христіанства и съ усвоеніемъ понятій болѣе цивилизованнаго общества о государствѣ, этотъ характеръ измѣнялся. Теперь прибавимъ, что съ развѣтвленіемъ княжескаго рода дружина переставала быть стихіею, вовсе непричастною къ земскому строю; иноплеменники не брали въ ней перевѣса; ее хотя и наполняли разные охотники, но преимущественно жители того же княженія, гдѣ жилъ князь, которому она служила, и потому она стала принадлежать не только князю, но и землѣ; а главное—князья обогащали дружину, надѣляли дружинниковъ имѣніями, послѣдніе дѣлались землевладѣльцами и потому интересы привязывали ихъ къ землѣ. Какъ люди свободные, они могли переходить въ дружину другого князя, но не теряли своихъ имущественныхъ правъ въ той землѣ, гдѣ жили прежде, могли также оставить службу князю, и обратиться къ другимъ занятіямъ.

Такимъ образомъ, дружинники могли дѣлаться членами земли и притомъ знатнѣйшими, вліятельнѣйшими. Затѣмъ, все остальное населеніе носило общее названіе вольныхъ людей и раздѣлялось по степени своего состоянія на вящшихъ, середнихъ и меньшихъ или молодшихъ людей. Вящшіе люди носили названіе бояръ точно также, какъ и высшіе дружинники: слово бояринъ означало вообще человѣка богатаго и вліятельнаго совѣтомъ и думою,

примѣняясь и къ тому и къ другому виду, къ боярству дружинному и къ боярству земскому, тѣмъ болѣе что тотъ и другой видъ часто между собою сочетались и совпадали. Бояре-дружинники были часто вмѣстѣ съ тѣмъ и бояре земскіе; не вездѣ и не всегда возможно отличить тѣхъ и другихъ. Правда, въ Новгородѣ бояре новгородскіе, земскіе, рѣзко отличаются отъ мужей княжихъ — дружины, состоявшей не изъ новгородцевъ. Но объ этомъ различіи мы имѣемъ свѣдѣнія изъ извѣстій, преимущественно касающихся послѣ-татарскихъ временъ. Относительно другихъ мѣстъ если говорилось: бояре черниговскіе, бояре владимирскіе, то трудно сказать, о какого рода боярахъ идетъ рѣчь: о боярахъ ли земскихъ, или о боярахъ, служившихъ князю; да едва ли и въ оное время сознавалось это различіе; бояре земскіе могли вступать въ дружину князя, и тогда, оставаясь боярами земскими, они были вмѣстѣ бояре-дружинники; а съ другой стороны, бояре, дружинники, получая отъ князя села и дѣлаясь вліятельными членами земли, были вмѣстѣ и бояре земскіе. Званіе боярина приняло смыслъ совѣтника, распорядителя, но званіе это въ такомъ смыслѣ не распространялось безусловно на потомство. При частой смѣнѣ князей, переворотахъ и потрясеніяхъ въ общественномъ порядкѣ это было невозможно. Бояре, державшіеся стороны одного князя, теряли свое значеніе, когда этого князя вытѣснялъ другой; послѣдній окружалъ себя новыми людьми, оказавшими ему помощь въ достиженіи княженія; новые люди дѣлались боярами, а прежніе упадали въ своемъ значеніи. Но въ ихъ потомствѣ сохранялось если не боярство, то воспоминаніе о боярствѣ отцовъ и дѣдовъ; отсюда явился въ народѣ особый отдѣлъ дѣтей боярскихъ. Вначалѣ, они были на самомъ дѣлѣ дѣти тѣхъ, которые носили званіе бояръ, но сами они не могли уже сдѣлаться боярами, а оставались съ тѣмъ наименованіемъ, которое означало ихъ дѣйствительное происхожденіе; слѣдовательно, они не могли дѣтямъ своимъ сообщить боярство, а сообщали имъ то званіе, какое сами носили; такимъ образомъ, и ихъ дѣти и внуки, какъ и они, стали называться дѣтьми боярскими. Удерживая это названіе, они обыкновенно служили князьямъ въ дружинѣ, и такимъ образомъ званіе дѣтей боярскихъ соединилось съ званіемъ людей служивыхъ. Впослѣдствіи, обыкновеніе вошло въ законъ, и на дѣтяхъ боярскихъ уже легла обязанность служить. Въ такомъ значеніи это званіе явилось при новомъ строѣ русской державы въ московскомъ государствѣ.

Къ людямъ середнимъ принадлежали вообще люди достаточные, но не особенно богатые, и неимѣвшіе лично вліянія на управленіе землею; они извѣстны были также подъ названіемъ

житьихъ людей. То были люди занимавшіеся промыслами, торговлею и мелкіе собственники земель. Купцы не составляли особаго сословія; купецъ былъ—только занятіе, а заниматься торговлею могли всѣ — и князья, и бояре и житьи люди; но такъ какъ торговля въ оное время не доставляла такого значенія, какъ землевладѣніе и служба князю, то торговцы, въ собственномъ смыслѣ этого слова, не могли подняться до значенія вящшихъ людей или бояръ и остались въ разрядѣ житьихъ людей.

Наконецъ, люди бѣдные, снискивавшіе себѣ пропитаніе ручною работой, составляли классъ черныхъ людей. Низшимъ слоемъ между черными людьми были такъ-называемые смерды: то были земледѣльцы, жившіе на земляхъ княжескихъ и находившіеся въ непосредственной зависимости у князя. Что смерды имѣли именно такое значеніе, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: 1) въ Русской Правдѣ наслѣдство послѣ смерда принадлежитъ князю; 2) въ другой статьѣ того же законодательнаго памятника упоминается о случаѣ, когда смердъ мучитъ смерда безъ княжаго слова и тѣмъ самымъ дается знать, что князь имѣлъ право распоряжаться личностью смерда; 3) въ Новгородѣ прогнали одного князя, поставивъ ему въ вину то, что онъ не заботился о смердахъ (не блюдетъ смердъ). Совокупность этихъ примѣровъ указываетъ, что смерды были люди, находившіеся въ непосредственномъ подчиненіи у князя. Впослѣдствіи слово смердъ сдѣлалось общимъ названіемъ земледѣльца-работника, но въ болѣе древнія времена, въ до-татарскій періодъ смердъ былъ что-то среднее между свободнымъ и рабомъ. Происхожденіе этого сословія, какъ и самое названіе, не объяснены вполнѣ. Намъ кажется, всего вѣроятнѣе, что смерды возникли изъ военноплѣнныхъ, которыхъ князья селили на своихъ земляхъ. По языческимъ понятіямъ, вообще плѣнные обращались въ рабовъ, но славяне издревле, какъ еще свидѣтельствуетъ Прокопій, обращались съ плѣнниками добродушно и не рѣдко допускали ихъ въ число своихъ домочадцевъ; съ христіанствомъ тѣмъ болѣе состояніе военноплѣнныхъ должно было облегчиться; между тѣмъ при постоянныхъ усобицахъ плѣнныхъ было много; цѣлые города брались на щитъ; оставшіеся въ живыхъ доставались въ удѣлъ побѣдителямъ, и мы знаемъ примѣры, когда князья, взявши городъ на щитъ, уводили жителей на свои земли и поселяли ихъ тамъ. Изъ такихъ-то переселенцевъ, вѣроятно, и образовалось сословіе смердовъ. Оно увеличивалось бѣдняками, добровольно поступавшими въ число княжескихъ смердовъ; княжескія и земскія усобицы, подвергая разореніямъ села, способствовали умноженію такихъ бѣдняковъ. Что касается до рабовъ, то нигдѣ не видно, чтобы въ христі-

анской Руси плѣнъ по праву велъ за собою рабство. Рабами или холопами юридически дѣлались люди, продавшіе себя въ рабство, или проданные своими родителями, какъ это случалось во время голода, люди рожденные отъ рабынь, люди, взявшіе рабынь въ жены и, наконецъ, люди, привязавшіе къ себѣ ключъ безъ ряду т.-е. взявшіе у хозяина служебную обязанность безъ договора съ нимъ; это конечно постановлялось для того, что иначе не было бы конца спорамъ о холопствѣ и затруднительно было бы разсмотрѣть, кто холопъ и кто не холопъ; вмѣсто доказательствъ со стороны владѣльца о томъ, что служащій его рабъ, требовались доказательства отъ служебника, что онъ не рабъ хозяина, такъ что безъ этихъ доказательствъ служба сама по себѣ служила достаточнымъ признакомъ рабскаго состоянія.

Вотъ, вкратцѣ образъ въ какомъ представляется сословное раздѣленіе въ древней Руси. Мы нарочно коснулись этого предмета для того, чтобы ясно было, изъ какихъ элементовъ могло состоять вѣче, рѣшавшее судьбу земли.

Всѣ свободные люди, принадлежавшіе къ упомянутымъ намъ видамъ, могли быть равноправными членами своей земли и составлять вѣче. Но способъ отправленія вѣча не имѣлъ въ себѣ ничего опредѣленнаго, точнаго. Вѣче отправлялось подъ открытымъ небомъ, на площади, или на улицѣ; всякій имѣлъ возможность приходить туда, не собирались голоса, рѣшались дѣла крикомъ; — какая сторона перекричитъ, та и одолѣваетъ; если меньшинство упрямится, то ему можетъ быть худо — въ Новгородѣ его иногда таскали въ Волховъ. Всѣ, и знатные и бѣдные, отъ мала до велика могли собираться на вѣче, но порядка не соблюдалось и обыкновенно брали верхъ тѣ, которые въ данное время имѣли силу. Иногда вѣче состояло изъ однихъ бояръ, иногда же изъ однихъ черныхъ людей, когда послѣдніе озлоблились противъ боярства. Поэтому, когда въ лѣтописяхъ мы встрѣчаемъ выраженіе: владимирцы, полочане, кіяне, то этого нельзя принимать въ такомъ смыслѣ, чтобы всѣ жители земли сходились на вѣче по освященному законному порядку; тутъ могъ быть небольшой кружокъ сильныхъ на то время людей, проводившій извѣстное намѣреніе. Такъ, въ XII вѣкѣ одинъ кіевскій князь, вошедши въ Кіевъ, по приглашенію, угощалъ кіянъ; здѣсь нельзя разумѣть цѣлый городъ вообще, а конечно тотъ кружокъ, которому князь одолженъ былъ своимъ избраніемъ. Въ Галичѣ бояре, овладѣвшіе судьбою земли, составляли одни вѣче; остальной народъ не имѣлъ голоса, а когда этотъ народъ, противодѣйствуя боярской власти, стекался къ Галичу и избиралъ князя Данила, то въ это время вѣче состояло изъ одного простого на-

рода. Дружинники, какъ люди обращавшіеся съ оружіемъ и слѣдовательно составлявшіе сами по себѣ матеріальную силу, играли роль легальныхъ членовъ земли, составляли вѣча, выбирали князей, поддерживали ихъ, были ихъ совѣтниками, а не рѣдко одни рѣшали судьбу земли. Такимъ образомъ, при всеобщей неопредѣленности и неточности всѣхъ общественныхъ отношеній, значеніе вѣча случайно переходило на военную толпу, и хотя казалось, что князья выбирались и признавались землею, дѣйствовали съ согласія земли, на самомъ же дѣлѣ все творилось одною этою военною толпою или дружиною. Такъ было особенно въ кіевской землѣ послѣ разоренія Кіева Андреемъ Боголюбскимъ, но тоже случалось по временамъ и въ другихъ земляхъ. Князья пріобрѣтали свои княженія не дѣйствительно законнымъ выборомъ земли, а «подъискивали, подозрѣвали княженіе», прибѣгали къ коварству и насилію и успѣвали на время, пока другой князь такимъ же образомъ не «подозрѣвалъ» подъ соперникомъ княженія и не находилъ способа свергнуть его. Людьми партій, поддерживавшихъ покушенія князей, не руководили какія-нибудь намѣренія доставить землѣ лучшее устроеніе, и каждый имѣлъ въ виду себя, думалъ возвыситься самъ посредствомъ новаго князя. Была обоюдная услуга: приглашавшіе князя ожидали отъ него себѣ выгодъ и средствъ къ возвышенію и обогащенію, а князья гонялись за княженіями, потому что они предоставляли имъ доходы съ селъ и разныя пошлины.

Замѣчательно, что въ то время, когда въ Кіевѣ гражданственное начало стало уступать военному и судьба земли зависѣла отъ случая и силы, въ сѣверовосточной Руси крѣпнетъ земская сила: туда переносится и образованность, какъ будто не нашедшая себѣ питательныхъ соковъ на кіевской почвѣ.

Мы выше замѣтили, что наши историки видятъ именно въ этомъ краю Руси задатокъ единодержавія еще до татаръ; мы уже указали примѣры, свидѣтельствующіе о томъ, что признаки вѣчевого порядка и выборности князей являются здѣсь не менѣе, какъ и въ другихъ земляхъ. Полагаютъ, что князьямъ доставили усиленіе власти новые города и тѣмъ положено было начало единодержавнаго строя и подавленія вѣчевыхъ порядковъ, господствовавшихъ въ обычаяхъ старыхъ городовъ. Для примѣра указываютъ на борьбу Владиміра съ Ростовомъ, борьбу, изъ которой меньшій городъ вышелъ побѣдителемъ надъ старшимъ. Дѣйствительно, въ городѣ, который князь возвышалъ, возбуждая самолюбіе жителей, онъ могъ надѣяться имѣть больше власти, чѣмъ въ другомъ городѣ, который ему ничѣмъ не былъ обязанъ; жители новаго города, переселенные издалека и отовсюду, не имѣли

мѣстныхъ преданій, противоборствовавшихъ княжеской волѣ, но этого было недостаточно, чтобы измѣнить коренной порядокъ, къ которому привыкли не одинъ какой-нибудь городъ или же два-три города, а вся Русь. Пока-то жители новыхъ городовъ успѣвали составить мѣстныя преданія на своемъ новосельи, а во всякомъ случаѣ они приносили съ собой на это новоселье завѣтныя преданія отцовъ. Владимирецъ не скоро могъ забыть и утратить духъ своего отца или дѣда кіевлянина; въ новыхъ городахъ были пока слабы мѣстные интересы, но общія понятія, свойственныя всей русской землѣ, были вообще ихъ сильнѣе; обычаи и убѣжденія вѣковъ не перерождаются отъ одного выселенія, безъ другихъ, болѣе вліятельныхъ обстоятельствъ. Доказательствомъ могутъ служить обстоятельства, сопровождавшія убіеніе князя Андрея; этотъ князь возвысилъ Владимиръ, но по смерти его владимирцы наравнѣ съ другими городами совершили казнь надъ его клевретами. Возникъ споръ между городами, но не видно, чтобы городъ Владимиръ стоялъ за монархическій принципъ. Преемники Андрея, Михаилъ, а потомъ Всеволодъ, избраны были владимирцами на вѣчѣ, точно также, какъ это дѣлалось и въ старыхъ городахъ. Владимиръ стремился сдѣлаться старѣйшимъ городомъ въ ущербъ Ростову и Суздалю, но сохранялъ въ себѣ тѣ же пріемы общественной жизни, какіе были и въ старѣйшихъ городахъ. Если въ борьбѣ Владимира съ Ростовомъ что было новаго, то развѣ религіозное христіанское начало. въ противоположность старымъ обычаямъ языческихъ временъ, да и то этимъ только освящалось стремленіе пригорода стать выше старѣйшаго города. Дѣло въ томъ, что Андрей перенесъ во Владимиръ чудотворную икону Богородицы; построенъ былъ храмъ Богородицы, составлявшій мѣстную святыню; по всѣмъ вѣроятіямъ, Владимиръ былъ съ самаго начала заселенъ христіанами и въ немъ никогда не было язычества, тогда какъ древніе города существовали еще до христіанства. Владимирцы признавали надъ своимъ городомъ благословеніе Божіе и преимущественно святой Богородицы; такъ по крайней мѣрѣ видно изъ тѣхъ философскихъ размышленій, которыя, по поводу тогдашнихъ событій, позволяли себѣ лѣтописцы. Здѣсь происходилъ поворотъ не къ единодержавію, не къ отдачѣ судьбы земли произволу владыки, а къ тому, чтобы признать верховнымъ источникомъ устроенія земли—проявленіе божьей благости надъ человѣческими поступками. Лѣтописецъ сознаетъ, что Ростовъ и Суздаль—старые города, а боляре ростовской земли хотѣли поставить правду свою, правду старую, правду преданія и древняго обычая, общаго искони русской землѣ, по которому старѣйшіе города сходятся на вѣче и что сдумаютъ, на томъ при-

городы станутъ; старѣйшіе устанавливаютъ судьбу земли, а меньшіе имъ повинуются. Но есть другая правда, высшая, правда Божія. Владимиръ — городъ мезинный, позналъ ее, Владимиръ, находится подъ небеснымъ покровительствомъ, его осѣняетъ чудотворная икона, и потому, что задумываетъ Владимиръ, то хорошо, и Владимиръ успѣваетъ; на то Божія воля — то чудо. Тутъ, сверхъ того, какъ видно, примѣшалась и сословная борьба. На сторонѣ Ростова бояре, гридьба, пасынки; народъ, вѣроятно, былъ на сторонѣ Владимира, и этимъ, быть можетъ, объясняется успѣхъ его во всей землѣ. Ростовъ, какъ городъ старѣйшій, сопротивлялся, и сталъ противъ Владимира, не хотѣлъ подчиняться князю, выбранному послѣднимъ, избралъ Ростиславичей; за нихъ была, какъ ясно изъ смысла лѣтописи, партія болярская; гдѣ только лѣтописецъ говоритъ: ростовцы,—тамъ прибавляетъ: «боляре» или «болярство». Ростовъ имѣлъ притязаніе распоряжаться судьбою всей земли; Владимиръ требовалъ свободы для каждаго города. Всеволодъ, избранный Владимиромъ, говорилъ Ростиславичу чрезъ посла такую рѣчь: «Брате, тебя привели ростовцы и боляре, а меня Богъ и владимирцы, а Суздаль кого захочетъ, тотъ ему и будетъ князь». Ни Всеволодъ, ни владимирцы не домогались, чтобъ Ростовъ не держалъ у себя такого князя, какого хотѣлъ; онъ только не хотѣлъ подчиняться Ростову самъ, не хотѣлъ, чтобъ и другіе подобные ему пригороды подчинялись старѣйшему городу, а чтобъ каждый распоряжался собою. При такомъ направленіи на сторону Владимира склонилась вся земля, а наконецъ, и самый Ростовъ покорился ему, какъ скоро выбранный имъ князь былъ разбитъ и вмѣстѣ съ нимъ болярская партія потерпѣла пораженіе. Ничто не показываетъ, чтобъ Владимиръ въ этомъ дѣлѣ стоялъ за монархическое начало или чтобъ онъ, какъ новый городъ, могъ его воспитать въ себѣ.

Также точно не согласимся мы и съ тѣмъ мнѣніемъ, будто Владимирскіе князья начали стремиться сознательно къ подчиненію себѣ удѣльныхъ князей и къ соединенію подъ своей властію русскихъ земель. Дѣйствительно, князья этого края, Андрей и Всеволодъ, имѣя въ своемъ распоряженіи значительныя силы земли, пользуясь счастливымъ по тогдашнимъ условіямъ положеніемъ своей волости и приливомъ къ ней отовсюду народонаселенія, внушали къ себѣ уваженіе другимъ русскимъ князьямъ: послѣдніе обращались къ нимъ, искали ихъ союза какъ сильнѣйшихъ, подъ-часъ даже владимирскіе князья раздѣлывались круто со слабыми, когда тѣ задирали ихъ и не могли сладить, но то дѣлалось вслѣдствіе фактической силы, а не предвзятой и послѣдовательно проводимой задачи, не по сознанію, что въ

Руси слѣдуетъ быть иному порядку, который бы уничтожилъ и вѣча и князей, не съ надеждою, что изъ такихъ дѣлъ выйдутъ со временемъ великія перемѣны. Подчинить другого князя себѣ, заставить его исполнять свою волю, даже при случаѣ прогнать его изъ земли—не значило еще вводить иной порядокъ. Желаніе спихнуть князя и сѣсть на его мѣсто или посадить своего пріятеля—фактъ обычный въ удѣльно-вѣчевое время; онъ много разъ повторялся и не означалъ никакого поворота вещей. Вмѣсто изгнаннаго князя будетъ другой; но чтобъ не было нигдѣ князей, кромѣ одного государя—до этого никто не додумался. Равнымъ образомъ, никто не замышлялъ уничтожать права земель на рѣшеніе своей судьбы;—старались только, чтобы земля по волѣ или по неволѣ расположена была принять такого-то князя. Всеволодъ круто расправился съ рязанскими князьями: онъ увезъ ихъ изъ Рязанской земли и посадилъ въ Рязани на княженіе сына своего Ярослава, но это событіе произошло, повидимому, не насильственно: сами рязанцы выдали ему своихъ князей, слѣдовательно перемѣна сдѣлалась съ согласія Рязанской земли; черезъ нѣсколько времени рязанцы стали недовольны новымъ княземъ, прогнали его, а его клевретовъ зарыли живьемъ въ погребѣ. Всеволодъ не оказался на столько сильнымъ среди русскихъ князей, чтобы и послѣ этого принудить рязанцевъ покоряться своей волѣ. Всеволодъ не удержалъ Рязанской земли. Былъ у него споръ съ Новгородомъ: и тамъ онъ долженъ былъ уступить.

Такимъ образомъ, въ сѣверовосточной Руси до татаръ не сдѣлано было никакого шага къ уничтоженію удѣльно-вѣчеваго строя, а если Всеволоду оказывали уваженіе и признавали за нимъ старѣйшинство, то это дѣлалось во вниманіе къ его силѣ, изъ желанія получить въ случаѣ нужды отъ него его помощь, а никакъ не потому, чтобъ за нимъ признавали какое-нибудь первенство или главенство надъ всей Русью. Да и какъ можно отыскивать начало монархизма тамъ, гдѣ всѣ до единаго князья были выборные, и гдѣ все шло къ большему раздробленію княженій, а не къ соединенію? Земля избирала Андрея, вопреки завѣщанію отца; сыновья Всеволода должны были, по смерти этого князя, получить удѣлы и дѣлать соглашенія съ вѣчами. Такимъ образомъ, удѣльно-вѣчевое начало не только не упадало, но развивалось въ сѣверовосточной Руси правильнѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ русскаго міра. Нѣтъ основанія искать здѣсь какихъ-то отличій отъ другихъ русскихъ земель, вслѣдствіи происхожденія особой этнографической вѣтви—смѣси славянской народности съ финско-тюркскою, и выводить отсюда склонность къ самодержавію, совершенно противную древнему славянскому духу. Мы не отри-

цаемъ, что такое смѣшеніе племенъ существовало, но не видимъ никакихъ данныхъ признавать его настолько важнымъ, чтобы оно могло дать народной жизни начало, совершенно противоположное прежнимъ славянскимъ свойствамъ. Смѣшеніе это едвали было значительно. Большая часть бывшихъ здѣсь аборигеновъ уходила къ востоку. Еще въ XVI вѣкѣ существовало живое преданіе, что черемисы, жившіе въ Казанской области, были потомки тѣхъ, которые жили въ Ростовско-Суздальской области и убѣжали изъ прежняго своего мѣста жительства, оставивъ свои земли русскимъ. Славянская колонизація началась здѣсь съ глубокой древности, а въ XI и XII вѣкахъ сильно увеличилась переселенцами съ юга. По мѣрѣ того, какъ южная Русь была опустошаема половцами, толпы русскихъ бѣжали оттуда на сѣверовостокъ. Этого было достаточно, чтобы, при благопріятныхъ условіяхъ, при большемъ, сравнительно съ другими краями русскаго міра, спокойствіи, славянское населеніе возрасло, въ теченіи двухъ-трехъ поколѣній, до значительной степени. Мы имѣемъ цѣлую лѣтопись о событіяхъ этого края въ XII вѣкѣ, и лѣтописецъ нигдѣ не проговорился, хотя бы случайно, о пребываніи тамъ какихъ-нибудь инородцевъ; вездѣ идетъ рѣчь объ одномъ русскомъ народѣ, и всѣ движенія общественной жизни явно указываютъ на тотъ же славянскій духъ, который господствовалъ и въ южной Руси, и вездѣ на Руси.

Итакъ, въ до-татарскій періодъ не выработалось никакихъ основъ для будущаго единодержавія въ Россіи, а тѣмъ болѣе не было сознательнаго стремленія къ нему. Въ удѣльно-вѣчевомъ строѣ этого періода не видно никакихъ признаковъ, которые приводили бы необходимо къ единодержавному порядку. Русь дробилась болѣе и болѣе, но не теряла только духовнаго единства, и тогдашній общественный складъ могъ скорѣе вести къ федераціи земель, а никакъ не къ единому монархическому государству. Съ татарскимъ завоеваніемъ произошелъ быстрый и крутой поворотъ.

Н. Костомаровъ.

БЕЗПОРЯДКИ

ВЪ

СЕМЕНОВСКОМЪ ПОЛКУ

1820 г.*).

Семеновскій полкъ, второй по старшинству въ гвардіи, былъ любимымъ полкомъ императора Александра I. Еще при императорѣ Павлѣ, великій князь Александръ Павловичъ, будучи командиромъ и шефомъ полка, зналъ лично въ немъ всѣхъ офицеровъ и многихъ солдатъ и часто говаривалъ: «Преображенскій полкъ — это царскій полкъ, а семеновскій полкъ — мой»; впослѣдствіи же онъ продолжалъ постоянно удостоивать полкъ своими милостями: изъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ, только одинъ семеновскій пользовался особеннымъ преимуществомъ, состоявшимъ въ томъ, что каждый вечеръ, дежурный по полку капитанъ, отрапортовавъ полковому командиру о состояніи полка, отправлялся къ императору съ такимъ-же рапортомъ, и государь всегда принималъ его. Семеновцы, обожая своего августѣйшаго шефа, видѣли въ немъ идеалъ и старались подражать ему. Офицеры, люди лучшихъ фамилій, соединенные дружбою и товариществомъ, основанными па взаимномъ уваженіи, занимались бо́льшею частью серьезнымъ чтеніемъ, или обученіемъ грамотѣ своихъ солдатъ, и лишь изрѣдка посѣщали общество. Офицеръ,

---

*) Извлечено изъ неизданнаго 5-го тома сочиненія «Исторія императора Александра I и Россіи въ его время», М. И. Богдановича.

появившійся въ шустерклубѣ, или въ какомъ-нибудь другомъ неприличномъ мѣстѣ, либо позволившій себѣ сколько-нибудь предосудительный поступокъ, былъ бы тотчасъ удаленъ изъ полка обществомъ товарищей; солдата, встрѣченнаго пьянымъ на улицѣ, выжили бы свои же, да этого и не случалось. Каждый изъ служащихъ въ полку, дорожа званіемъ семеновца, смотрѣлъ нѣсколько свысока на прочія войска. Ни на ученьи, ни въ казармахъ полка не слышно было не только брани, но и крупнаго слова; о тѣлесномъ наказаніи — не могло быть и рѣчи; одежда и пища солдатъ были лучше, нежели въ другихъ полкахъ, чѣмъ они были обязаны своему вѣнчанному шефу, а также полковому командиру, Якову Алексѣевичу Потемкину. Генералъ-адъютантъ Потемкинъ, рыцарь въ душѣ, храбрый офицеръ, джентльменъ въ полномъ значеніи этого слова, поддерживалъ облагороженное состояніе своего полка, которому едвали можно было найти подобный примѣръ во всей Европѣ. Ласковое обращеніе его съ подчиненными нисколько не вредило дисциплинѣ, и семеновскій полкъ по фронту ни въ чемъ не уступалъ прочимъ полкамъ гвардіи [1]).

Въ 1819 году, когда великіе князья, Николай и Михаилъ Павловичи, были назначены командирами 2-й и 1-й гвардейскихъ бригадъ, начальники 1-й и 2-й гвардейскихъ дивизій, баронъ Розенъ и Потемкинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, командовали преображенскимъ и семеновскимъ полками, при чемъ подчинялись бригадному командиру, состоявшему у одного изъ нихъ (Розена) въ командѣ, что̀ было неудобно въ сношеніяхъ по службѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, императоръ Александръ соизволилъ на просимое ими увольненіе отъ должности полковыхъ командировъ: на мѣсто Розена былъ назначенъ флигель-адъютантъ баронъ Пирхъ, а на мѣсто Потемкина — полковникъ Шварцъ, бывшій прежде командиромъ екатеринославскаго гренадерскаго полка и незадолго предъ тѣмъ получившій въ команду лейбъ-гренадерскій полкъ [2]). Это назначеніе, справедливо или нѣтъ, приписывали графу Аракчееву, который, въ послѣдній періодъ царствованія императора Александра I, былъ козломъ отпущенія всѣхъ грѣховъ нашей администраціи. «Надо выбить дурь изъ головъ этихъ молодчиковъ», говаривалъ Сила Андреевичъ, но долго не рѣшался прямо сказать что-либо подобное государю объ усыновленномъ имъ полку. Когда же былъ назначенъ командиромъ

---

[1]) Воспоминанія Вигеля. Ч. VI-я.—Ковалевскій. Графъ Блудовъ и его время 135.—«Русскій Инвалидъ» 1865, № 263. Статья Н. П. Мунда.

[2]) Высочайшій приказъ 9 апрѣля 1820 года.—«Русскій Инвалидъ». 1865 г. № 263.

бригады, въ которую входилъ и семеновскій полкъ, великій князь Михаилъ Павловичъ, Аракчеевъ воспользовался неудовольствіемъ его на офицеровъ этого полка, которые не нравились великому князю—и щегольскою внѣшностью, и блескомъ своимъ на большихъ званыхъ балахъ, и даже утонченнымъ образованіемъ, казавшимся штабнымъ фронтовикамъ излишнею роскошью для субалтернъ-офицера, долженствующаго ограничивать кругъ своей дѣятельности ученіями и караулами. Чтобы исправить полкъ, вовсе не требовавшій исправленія, назначили командиромъ его одного изъ тѣхъ нѣмцевъ, которые, родясь и живя весь свой вѣкъ въ Россіи, не знаютъ ни русскаго, ни нѣмецкаго языка. Полковникъ Шварцъ соединялъ въ себѣ грубое невѣжество съ необыкновенною вспыльчивостью и крутымъ характеромъ. Онъ ничего не зналъ, кромѣ фронта: за то—предъ фронтомъ являлся въ видѣ фанатика. На ученьяхъ онъ выходилъ изъ себя, бранился, ревѣлъ дикимъ голосомъ, бросалъ шляпу ѐ-земь, топталъ ее ногами; нерѣдко случалось ему ложиться на землю, чтобы лучше видѣть, хорошо ли на маршѣ солдаты вытягиваютъ носки—«игру носковъ», какъ выражался самъ Шварцъ. Всякому, сколько-нибудь знакомому на практикѣ съ нашими войсками, извѣстно, что русскій солдатъ любитъ справедливаго начальника, какъ бы онъ строгъ ни былъ. Полковникъ Шварцъ не былъ строже многихъ гвардейскихъ полковыхъ командировъ, но надоѣдалъ до крайности своимъ подчиненнымъ. «Sans être grand rosseur, il eut le talent de se faire plus détester du soldat que s'il l'eut assommé (не будучи большимъ драчуномъ, онъ имѣлъ даръ возбудить къ себѣ въ солдатахъ бо̀льшую ненависть, нежели жесточайшій мучитель),—писалъ Дм. Петр. Бутурлинъ князю Волконскому. Не проходило въ полку ни одного ученья безъ палокъ; не довольствуясь тѣмъ, Шварцъ билъ солдатъ собственноручно, дергалъ ихъ за усы, заставлялъ ихъ плевать въ лицо одинъ другому и томилъ безпрестанными ученьями, даже въ воскресные дни и праздники. Въ хозяйственномъ отношеніи онъ былъ безкорыстенъ, но заставлялъ нижнихъ чиновъ изводить ихъ скудное жалованье на мѣлъ для бѣленія аммуниціи и на фабру для усовъ; тѣ же солдаты, кои не имѣли усовъ, должны были наклеивать фальшивые какимъ-то составомъ, отъ котораго на лицѣ дѣлались болячки и чирья. Съ офицерами Шварцъ не умѣлъ обходиться и оскорблялъ ихъ то пошлою фамильярностью, то грубыми выходками[1]).

Передъ отъѣздомъ государя, въ іюлѣ 1820 года, въ Вар-

[1]) «Русскій Инвалидъ» 1865 г., № 263.—Воспоминанія Вигеля. Ч. VI-я.

шаву, онъ посѣтилъ семеновскій полкъ. Неожиданно пріѣхавъ въ полковой госпиталь, куда поспѣшили собраться всѣ офицеры, государь говорилъ съ ними очень милостиво, и обойдя всѣ комнаты, сказалъ имъ: «прощайте, господа! будьте здоровы!» И долго офицеры оставались на мѣстѣ, въ молчаніи, какъ будто предвидя, что ласковыя слова обожаемаго монарха будутъ для нихъ послѣдними [1]).

По отбытіи государя, притѣсненія Шварца усиливались болѣе и болѣе. Семеновцы терпѣли ихъ. Наконецъ, терпѣніе ихъ лопнуло. Наши военные законы дозволяютъ приносить справедливыя жалобы на инспекторскихъ смотрахъ; но, по всей вѣроятности, подчиненные Шварца не надѣялись на защиту высшихъ начальниковъ, и потому рѣшились жаловаться, не ожидая инспекторскаго смотра.

16-го октября, на ученьи полка, Шварцъ наказалъ тѣлесно нѣсколькихъ рядовыхъ, имѣвшихъ знакъ отличія военнаго ордена; въ тотъ же день, нижніе чины роты его величества сговорились между собою просить своего ротнаго командира, капитана Кашкарева, довести до свѣдѣнія высшаго начальства ихъ жалобу на угнетенія полковника Шварца. Для этого они хотѣли воспользоваться вечернею перекличкою. Но какъ на слѣдующій день четыре десятка этой роты должны были явиться на смотръ къ полковому командиру [2]), а 18-го числа полкъ вступалъ въ караулъ, то фельдфебель Брагинъ, желая дать отдыхъ ротѣ (а, можетъ быть, получивъ свѣдѣніе о намѣреніи своихъ солдатъ), отмѣнилъ перекличку. Узнавъ о томъ, нижніе чины самовольно вышли изъ комнатъ и собрались въ среднемъ коридорѣ казармы. Дежурный по ротѣ два раза объявлялъ имъ объ отмѣнѣ переклички, но люди не расходились, и потому фельдфебель самъ приказалъ имъ идти въ комнаты, на что̀ они единогласно отвѣчали, что хотятъ принести просьбу своему ротному командиру и просятъ послать за нимъ. Фельдфебель спросилъ: «кто имѣетъ на меня претензію?» и получивъ отвѣтъ, что, «рота довольна всѣми начальниками и намѣрена только просить ходатайства капитана объ отмѣнѣ предстоявшаго на слѣдующее утро десяточнаго смотра», послалъ просить Кашкарева, чтобы онъ прибылъ въ роту. Нѣсколько спустя, Кашкаревъ, найдя всю свою команду въ сборѣ, спросилъ о причинѣ такого самовольнаго поступка. Когда же всѣ люди заговорили вдругъ и нельзя

---

[1]) Изъ записокъ полковаго адъютанта Бибикова.

[2]) При полковникѣ Шварцѣ, наряжали къ нему на смотръ по десяти и болѣе человѣкъ отъ роты, и такіе смотры назывались десяточными.

было ничего разобрать изъ словъ ихъ, капитанъ заставилъ ихъ молчать и сталъ давать имъ совѣты и увѣщанія, вмѣсто того, чтобы вызвать впередъ и арестовать первыхъ, объявившихъ неудовольствіе на полкового командира, чтó, по всей вѣроятности, прекратило бы окончательно безпорядокъ. Пока говорилъ онъ, солдаты молчали, но едва лишь онъ прерывалъ свою рѣчь, повторялась сотнею голосовъ общая просьба — облегчить тягость ихъ службы. Полагая невозможнымъ преодолѣть упорство своихъ подчиненныхъ, Кашкаревъ счелъ нужнымъ уступить имъ, обѣщалъ довести о желаніи ихъ до свѣдѣнія начальства и приказалъ людямъ разойтись, чтó и было тотчасъ исполнено. Въ то время, когда онъ уходилъ изъ роты, фельдфебель, провожая его, доложилъ, что наиболѣе шумѣли солдаты стрѣлковаго взвода. Кашкаревъ отвѣчалъ, что онъ замѣтилъ тоже, и приказалъ поутру доставить ему списокъ зачинщиковъ безпорядка. Но когда, на слѣдующій день, фельдфебель, при рапортѣ, подалъ ему записку, въ коей было помѣщено до двѣнадцати человѣкъ, онъ, не обративъ на то вниманія, не представилъ записки баталіонному командиру, и даже впослѣдствіи затерялъ ее [1]).

Капитанъ Кашкаревъ отправился изъ роты прямо къ баталіонному, а потомъ—къ полковому командиру. Не заставъ дома полковника Вадковскаго, Кашкаревъ оставилъ у него краткую записку о всемъ случившемся. Полковникъ же Шварцъ, выслушавъ словесное донесеніе Кашкарева, ограничился форменною фразою: «наблюдать за порядкомъ и ожидать утромъ дальнѣйшихъ приказаній». Между тѣмъ, Вадковскій, возвратясь домой уже весьма поздно и узнавъ о происшедшемъ въ баталіонѣ, изъ записки Кашкарева, не счелъ нужнымъ ѣхать въ казарму, чтобы (какъ онъ объявилъ впослѣдствіи), — «не встревожить людей своимъ внезапнымъ пріѣздомъ». На слѣдующій день, въ семь часовъ утра, Вадковскій, прибывъ въ роту его величества, приказалъ людямъ собраться, но, вмѣсто строгаго разбора дѣла, сталъ, подобно Кашкареву, доказывать имъ важность вины ихъ. Въ отвѣтъ на его неумѣстныя увѣщанія и упреки, люди покорно просили его довести до свѣдѣнія начальства, что «безпрестанная чистка и бѣленіе аммуниціи, не только истощали ихъ средства, но даже не позволяли имъ въ воскресные дни исполнять христіанскія обязанности». Вадковскій приказалъ ротѣ разойтись и донесъ о всемъ полковому командиру, который, выслушавъ его словесный рапортъ, отвѣчалъ, что поспѣшитъ довести о томъ до свѣдѣнія высшаго начальства, и тогда же приказалъ

---

[1]) Показаніе предъ судомъ капитана Кашкарева.

полковому адъютанту донести о всемъ бригадному командиру великому князю Михаилу Павловичу; а самъ, уже въ десять часовъ утра, на разводѣ, доложилъ о происшедшемъ безпорядкѣ начальнику корпуснаго штаба, генералъ-адъютанту Бенкендорфу, который тотчасъ поѣхалъ къ командующему корпусомъ, генералъ-адъютанту Васильчикову, и довелъ до его свѣдѣнія о всемъ случившемся. Генералъ Васильчиковъ, будучи нездоровъ, приказалъ начальнику штаба немедленно произвести изслѣдованіе, чтобы открыть зачинщиковъ безпорядка. Лучшій способъ къ достиженію такой цѣли былъ, безъ сомнѣнія, тотъ, чтобы взяться за людей, выказавшихся предъ прочими во время принесенія жалобы ротному командиру; эти люди были извѣстны, и надлежало разспросить ихъ по одиночкѣ: тогда, по всей вѣроятности, дѣло обошлось-бы строгимъ наказаніемъ немногихъ наиболѣе виновныхъ. Но, вмѣсто того, генералъ Бенкендорфъ, сообщивъ о происшедшемъ великому князю и вмѣстѣ съ его высочествомъ прибывъ въ полкъ, приказалъ построить стрѣлковый взводъ въ верхнемъ, а гренадерскій — въ среднемъ коридорѣ; когда же баталіонный командиръ доложилъ ему, что нижніе чины недовольны раздѣленіемъ ихъ на двѣ части, тогда свели всю роту вмѣстѣ въ среднемъ коридорѣ. Генералъ Бенкендорфъ, обратясь къ ротѣ, спросилъ: на что́ она жалуется? По какой причинѣ собрались люди на перекличку безъ приказанія, и не разошлись, когда имъ это было приказано? и наконецъ, не подговаривалъ ли ихъ кто къ объявленію претензій? Люди отвѣчали: во-1-хъ, что довольны всѣми начальниками, кромѣ полковаго командира; во-2-хъ, что собрались на перекличку для объясненія претензіи, безъ приказанія, и не расходились, въ чемъ приносятъ искреннее раскаяніе; и въ-3-хъ, что къ жалобѣ ихъ никто не подговаривалъ, а рѣшились на то они по общему желанію. Весьма естественно, что при такихъ разспросахъ нельзя было разъяснить дѣло. Еслибы, вмѣсто того, замѣченные въ безпорядкахъ наканунѣ люди были допрошены по одиночкѣ, если-бы даже пришлось пожертвовать однимъ или нѣсколькими изъ нихъ для примѣра, то порядокъ былъ-бы возстановленъ мгновенно [1]). Самъ Государь впослѣдствіи писалъ графу Аракчееву: «Я почти увѣренъ, что еслибъ съ первою гренадерскою ротою поступлено было приличнѣе, при самомъ началѣ, ничего другого важнаго не было-бы» [2]).

Опросивъ роту, начальникъ штаба распустилъ людей, приказавъ баталіонному и ротному командирамъ представить ему

---

[1]) Военно-судное дѣло о происшествіи въ Семеновскомъ полку.

[2]) Письмо императора Александра изъ Троппау, отъ 5-го ноября 1820 года.

къ восьми часамъ вечера письменные рапорты о всемъ случившемся. Между тѣмъ, въ прочихъ ротахъ полка узнали, что «въ государеву роту пріѣзжалъ начальникъ штаба и разбиралъ жалобу па Шварца». Начались толки; нѣкоторые изъ людей сомнительнаго поведенія отозвались, что: «надо поддержать гренадерскую роту». Совершенно иначе заговорили-бы они, еслибъ баталіонный командиръ, и тѣмъ болѣе начальникъ штаба, строго взыскалъ съ тѣхъ, которые были указаны фельдфебелемъ.

Въ три часа по полудни, Вадковскій и Кашкаревъ сошлись вмѣстѣ для составленія донесеній генералу Бенкендорфу. Въ это же самое время, Вадковскій получилъ приказаніе великаго князя Михаила Павловича—тотчасъ къ нему явиться во дворецъ. Его высочество спросилъ у Вадковскаго: «чтó дѣлается въ полку и не замѣтно ли въ немъ какого-либо безпорядка»? Вадковскій отвѣчалъ, что, сколько могъ онъ замѣтить, все было въ надлежащемъ порядкѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ великаго князя взыскать съ виновныхъ, не доводя объ этомъ несчастномъ происшествіи до свѣдѣнія высшаго начальства. Великій князь согласился исполнить его просьбу, но съ тѣмъ, чтобы онъ тотчасъ поѣхалъ въ роту его величества и заставилъ нижнихъ чиновъ раскаяться въ ихъ проступкѣ. Прибывъ въ роту, Вадковскій собралъ людей, старался вразумить ихъ въ важности ихъ вины и побудить къ сознанію въ томъ зачинщиковъ безпорядка, но не имѣлъ въ томъ успѣха, и возвратясь во дворецъ, засталъ тамъ генерала Бенкендорфа, который приказалъ ему привести, въ восемь часовъ вечера, въ корпусный штабъ, 1-ую гренадерскую роту, рядовыхъ въ шинеляхъ и фуражкахъ, а унтеръ-офицеровъ въ киверахъ, съ тесаками. «Это дѣлается для того — сказалъ начальникъ штаба — что командующій корпусомъ, по болѣзни, не можетъ пріѣхать въ полкъ и желаетъ опросить нижнихъ чиновъ въ штабѣ» [1]). Вадковскій отправился къ полковнику Шварцу, для донесенія ему о полученномъ приказаніи, но нигдѣ не могъ отыскать его, и потому передалъ приказаніе начальника штаба дежурному по полку, штабсъ-капитану Рындину [2]).

Въ темный осенній вечеръ, рота его величества, выйдя изъ казармъ, двинулась, въ сопровожденіи гулявшаго въ воскресный день народа, къ штабу гвардейскаго корпуса и построилась къ

---

[1]) Показаніе предъ судомъ полковника Вадковскаго.—Объясненіе его-же, 25 февраля 1823 г.

[2]) Слѣдовательно — Васильчиковъ не былъ «самовидцемъ и дѣйствующимъ лицомъ съ начала и до конца этого событія (семеновской исторіи)—какъ сказано въ статьѣ объ этомъ происшествіи, помѣщенной въ 10-мъ номерѣ Русскаго Архива, 1870 г.

восьми часамъ на площади противъ штаба, гдѣ въ сѣняхъ сидѣли генералы Васильчиковъ и Бистромъ. Командующій корпусомъ приказалъ ввести роту въ экзерциръ-гаузъ, освѣщенный и занятый двумя ротами павловскаго полка. За тѣмъ семеновская рота, въ числѣ 167-ми человѣкъ, подъ конвоемъ павловскихъ гренадеръ съ заряженными ружьями, была отведена въ крѣпость. По прибытіи туда, рота сдана была въ распоряженіе плацъ-маіора Подушкина, которому нижніе чины, на произведенный имъ опросъ, отвѣчали, что «они ни малѣйшаго сопротивленія не дѣлали и не будутъ дѣлать, хотя-бы поставили караулить ихъ только одного солдата; что всѣ приказанія начальства, какъ теперь, такъ и прежде, они исполняли съ усердіемъ, изъ повиновенія не выходили и не выйдутъ; наконецъ, что они просятъ помилованія у начальства [1]». Полковникъ Вадковскій и капитанъ Кашкаревъ, возвратясь, по приказанію генерала Васильчикова, въ полкъ, донесли о всемъ происшедшемъ полковнику Шварцу и вмѣстѣ съ тѣмъ просили его о нарядѣ въ караулъ, вмѣсто роты его величества, другихъ людей. Положено было послать, въ замѣну ея, изъ прочихъ ротъ полка по 20-ти человѣкъ. Чтобы исполнить это распоряженіе, надлежало разбудить во всѣхъ ротахъ фельдфебелей, капральныхъ унтеръофицеровъ, ефрейторовъ и по пяти человѣкъ въ каждомъ капральствѣ, и потому въ полночь многіе люди не спали, чистили аммуницію и толковали межъ собою о происшествіи въ 1-й гренадерской ротѣ, еще не зная, что она арестована [2].

Въ это самое время, рядовой 2-й фузелерной роты Павловъ, будучи отпущенъ со двора и узнавъ объ арестѣ гренадерской роты, возвратился въ казарму и передалъ роковую вѣсть товарищу своему Чистякову, говоря, что слѣдуетъ заступиться за гренадеръ и выручить ихъ. Чистяковъ долго оставался въ нерѣшимости, что̀ дѣлать; потомъ вдругъ вскочилъ съ кровати, выбѣжалъ въ коридоръ и закричалъ: выходи на перекличку! Разбуженные внезапно этимъ вызовомъ, нижніе чины начали выходить изъ комнатъ, гдѣ, между тѣмъ, Павловъ кричалъ: «Нѣтъ государевой роты, она погибаетъ!» Фельдфебеля въ ротѣ не было, потому что его потребовали въ канцелярію, для полученія отъ полкового адъютанта приказаній на счетъ предстоящаго караула. Унтеръ-офицеры, услышавъ крикъ, стали унимать

---

[1] Рапортъ начальнику главнаго штаба коменданта с.-петербургской крѣпости, генералъ-лейтенанта Сукина, отъ 18-го октября 1820 года. Военно-судное дѣло о семеновскомъ происшествіи.

[2] Объясненіе полковника Вадковскаго.

солдатъ и приказывали имъ разойтись, но всѣ ихъ усилія были напрасны; толпа въ коридорѣ болѣе и болѣе увеличивалась; волненіе сдѣлалось общимъ. Дежурный по ротѣ успѣлъ донести о происшедшемъ безпорядкѣ ротному командиру, штабсъ-капитану Левенбергу, который,. поспѣшно прибывъ въ казарму, нашелъ часть своей роты въ строю, а другую, преимущественно состоящую изъ женатыхъ, въ комнатахъ. Оставалось взяться за виновныхъ, Чистякова и Павлова; но Лёвенбергъ, надѣясь возстановить порядокъ безъ строгихъ мѣръ, опросилъ роту, зачѣмъ она собралась, и получивъ отвѣтъ, что, узнавъ объ арестованіи государевой роты, фузелеры считаютъ себя виновными наравнѣ съ нею, уговорилъ ихъ разойтись, между тѣмъ какъ полковникъ Шварцъ потребовалъ штабсъ-капитана Лёвенберга къ себѣ на квартиру [1]).

Вслѣдъ за безпорядками, возникшими во 2-й фузелерной ротѣ, начались такіе же и въ 1-й. Тотъ же самый Павловъ, подговорившій Чистякова, склонилъ рядового Васильева извѣстить 1-ю фузелерную роту объ отводѣ государевой роты въ крѣпость. Еще до сбора своихъ товарищей въ корридорѣ, Васильевъ побѣжалъ въ 1-ю роту, разбудилъ тамъ рядового Кузнецова и сказалъ ему, будтобы вся 2-я рота уже собралась, чтобы просить объ освобожденіи гренадеръ. Кузнецовъ сперва не повѣрилъ тому и самъ отправился во 2-ю роту, которая, между тѣмъ, уже начинала строиться, возбуждаемая Васильевымъ, который, возвратясь къ своимъ, вызывалъ ихъ въ коридоръ, увѣряя, что 1-я рота уже проситъ за государеву. Въ самый разгаръ этой суматохи, прибылъ въ 1-ю роту командовавшій ею поручикъ Тулубьевъ, молодой человѣкъ, неопытный въ управленіи ввѣренною ему частью. Увидя солдатъ, собиравшихся по призыву Кузнецова, Тулубьевъ спросилъ: за чѣмъ собрались они, и получилъ отвѣтъ, что «государева рота погибаетъ, и всѣ мы готовы погибнуть вмѣстѣ съ нею». Нѣсколько голосовъ крикнули: на право, и всѣ бывшіе въ строю побѣжали въ казарму 2-й роты, а Тулубьевъ, оставшись въ коридорѣ съ унтеръ-офицерами и нѣсколькими рядовыми, невышедшими изъ комнатъ, послалъ верхового къ баталіонному командиру съ извѣстіемъ о случившемся безпорядкѣ.

Уже было за полночь, когда солдаты 1-й роты толпою ворвались въ казарму 2-й. Тамъ нѣкоторые изъ людей ложились спать; другіе оставались въ комнатахъ, ожидая возвращенія Лёвенберга, но услышавъ шумъ въ коридорѣ, снова вышли туда.

---

[1]) Докладъ аудиторіатскаго департамента.

Обѣ роты смѣшались вмѣстѣ и съ криками: «пойдемте въ 3-ю роту» выбѣжали изъ казармы, гдѣ остались фельдфебель, унтеръ-офицеры и многіе изъ солдатъ, успѣвшіе одуматься.

Между тѣмъ, въ 3-й ротѣ все было спокойно: люди, приготовясь къ караулу, спали; дневальный и часовой стояли на своихъ мѣстахъ. Дежурный унтеръ-офицеръ, узнавъ о безпорядкахъ въ другихъ ротахъ, отправился съ донесеніемъ о томъ къ своему ротному командиру, капитану Муравьеву-Апостолу; въ его отсутствіи, люди 1-й и 2-й ротъ появились подъ окнами 3-й роты, вызывая ее присоединиться къ нимъ; другіе стучались въ ворота и двери, но часовой не впускалъ ихъ. Когда, въ исходѣ 1-го часа, разбудили Муравьева, онъ тотчасъ сталъ одѣваться, приказалъ дежурному возвратиться въ роту и смотрѣть, чтобы никого не впускали въ казарму; но это приказаніе не могло быть исполнено: люди 1-й и 2-й ротъ уже вломились въ коридоръ и вызывали къ себѣ 3-ю роту [1]). Въ эту рѣшительную минуту пріѣхалъ Вадковскій въ 3-ю роту, которая толпилась въ безпорядкѣ, но присутствіе баталіоннаго командира возстановило тишину и заставило солдатъ построиться и выровняться. Спросивъ у нихъ о причинѣ ихъ сборища безъ приказанія начальства и получивъ отвѣтъ, что они не могутъ быть покойны безъ роты его величества, Вадковскій сказалъ имъ, что «не ихъ дѣло мѣшаться въ распоряженія начальниковъ» и приказалъ разойтись и готовиться къ караулу. Они отвѣчали, что «вовсе не сопротивляются начальству и готовы идти въ караулъ, но не иначе, какъ съ головою — ротою его величества, безъ которой имъ не къ чему пристроиться». Вмѣстѣ съ тѣмъ, они изъявляли намѣреніе идти къ полковнику Шварцу и просить его объ освобожденіи государевой роты. По словамъ самого Вадковскаго: «видя, до какой степени раздражены были люди, и разсмотрѣвъ, что строгостью не только не прекратилъ бы безпорядка, но можетъ быть и удвоилъ его, онъ вторично требовалъ отъ нихъ молчанія, приказалъ имъ и получилъ обѣщаніе ждать часъ времени въ коридорѣ 3-й роты, объявивъ, что поѣду къ начальникамъ, для донесенія имъ о происшествіи и для исходатайствованія виновнымъ прощенія» [2]). По отъѣздѣ баталіоннаго командира, прибылъ въ 3-ю роту капитанъ Муравьевъ-Апостолъ. Войдя въ коридоръ, онъ нашелъ своихъ нижнихъ чиновъ въ строю; люди же прочихъ ротъ толпились по флангамъ и сзади строя. Капитанъ, обратясь къ фельдфебелю, по-

---

[1]) Военно-судное дѣло о Семеновскомъ происшествіи.

[2]) Показаніе предъ судомъ полковника Вадковскаго.

требовалъ отъ него отчета, какъ могъ онъ допустить роту собраться, и кто пропустилъ въ казарму нижнихъ чиновъ другихъ ротъ? Фельдфебель отвѣчалъ, что люди 1-й и 2-й ротъ ворвались насильно и вызвали къ себѣ 3-ю роту. Тогда Муравьевъ сталъ увѣщевать своихъ солдатъ, чтобы они не увлекались противозаконнымъ примѣромъ товарищей. «Въ продолженіи четырехъ-лѣтняго командованія ротою, я заслужилъ вашу довѣренность и любовь; не губите же себя и меня вмѣстѣ съ вами» — сказалъ онъ. Уже солдаты, повинуясь слову любимаго начальника, готовы были разойтись; но въ тоже самое время съ обоихъ концовъ корридора раздались крики: «не расходись! Государева рота погибаетъ, а 3-я рота пойдетъ спать. Не отставай отъ своихъ. Мы хотимъ всѣ вмѣстѣ просить начальство. Идемъ во 2-ю гренадерскую роту». Муравьевъ, подойдя къ лѣвому флангу, гдѣ толпилось наиболѣе солдатъ другихъ ротъ, строго закричалъ, чтобы они вышли, но они отвѣчали, что полковникъ, найдя ихъ тутъ, приказалъ имъ ждать его. Тогда же на правомъ флангѣ раздался крикъ: «на право! пойдемъ во 2-ю гренадерскую роту», и вмѣстѣ съ тѣмъ люди 1-й и 2-й ротъ, кинувшись въ правую дверь, увлекли за собою нѣсколько человѣкъ 3-й роты. Капитанъ Муравьевъ, поручивъ фельдфебелю не выпускать остальныхъ его людей изъ казармы, самъ отправился за увлеченными толпою своими солдатами во 2-ю гренадерскую роту. Тамъ, несмотря на присутствіе ротнаго командира, капитана Тухачевскаго, люди 1-го баталіона уже будили своихъ товарищей; но Муравьеву удалось воротить солдатъ 3-й роты въ ихъ казарму. Затѣмъ, возвратясь туда самъ, онъ распустилъ своихъ людей по камерамъ; прочіе же остались въ коридорѣ: такимъ образомъ, водворивъ тишину, Муравьевъ, вмѣстѣ съ пришедшимъ изъ 1-й роты поручикомъ Тулубьевымъ, вошелъ въ фельдфебельскую комнату. Нѣсколько спустя, въ три часа утра, возвратился въ казарму 3-й роты посланный отъ нея въ маскерадъ караулъ. Увидя на лѣстницѣ вооруженныхъ людей, нижніе чины 1-й и 2-й ротъ приняли ихъ за конвой, присланный арестовать ихъ, и крикнувъ: «хватать идутъ!» бросились вонъ изъ казармы; за ними побѣжали многіе люди 3-й роты, несмотря на усилія Муравьева, который, вмѣстѣ съ Тулубьевымъ, поспѣшилъ въ слѣдъ за своими солдатами на полковой дворъ, гдѣ уже толпился почти весь полкъ въ совершенномъ безпорядкѣ [1]).

Весьма замѣчательно, что, во все время этихъ волненій, полкового командира какъ бы не существовало. Въ десять часовъ

---

[1]) Показанія подсудимыхъ. Исторія Семеновскаго полка (рукопись).

вечера, когда рота его величества уже была арестована, а въ прочихъ все оставалось тихо и спокойно, командующій корпусомъ потребовалъ къ себѣ полковника Шварца, сдѣлалъ ему выговоръ за допущеніе безпорядковъ и приказалъ немедленно донести, еслибы что̀ случилось въ полку. Въ полночь, Шварцъ, возвратясь домой, нашелъ тамъ дежурнаго по полку штабсъ-капитана Рындина 1-го, съ донесеніемъ о происшедшемъ въ 1-й и 2-й ротахъ. «Идите обратно въ роты—отвѣчалъ ему Шварцъ—и скажите полковнику Вадковскому, чтобы онъ, вмѣстѣ съ ротными командирами, по долгу своему, употребилъ всевозможныя мѣры для прекращенія безпорядковъ». Тогда же Шварцъ потребовалъ къ себѣ штабсъ-капитана Лёвенберга, и чрезъ то помѣшалъ водворить спокойствіе во 2-й ротѣ, а полкового адъютанта Бибикова отправилъ съ словеснымъ донесеніемъ о происходившемъ въ 1-мъ баталіонѣ къ великому князю и генераламъ Васильчикову и Бенкендорфу. Самъ-же Шварцъ не принялъ никакихъ мѣръ къ усмиренію своихъ солдатъ, даже и тогда, когда дежурный по полку вторично явился къ нему съ донесеніемъ, что люди большими толпами собирались на полковомъ дворѣ, и потерялъ присутствіе духа до того, что тайно ушелъ изъ своей квартиры и провелъ остатокъ ночи у одного изъ своихъ знакомыхъ въ Измайловскомъ полку [1]).

18-го, въ половинѣ 4-го часа утра, пріѣхалъ генералъ Васильчиковъ къ военному генералъ-губернатору графу Милорадовичу, съ донесеніемъ о происшествіяхъ въ Семеновскомъ полку. Милорадовичъ тотчасъ отправился въ полкъ, а Васильчиковъ въ корпусный штабъ, гдѣ «хотѣлъ выждать послѣдствія посѣщенія графомъ полка». Въ то время, на площади противъ полковой церкви толпились, смѣшавшись вмѣстѣ, солдаты всѣхъ трехъ баталіоновъ; ротные командиры, блуждая въ темнотѣ, старались собрать своихъ людей; фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ не было ни одного, потому что они оставались въ казармахъ; кое-гдѣ, между нижними чинами на площади, собирались кучки простонародья, шедшаго изъ слободъ въ городъ. Въ такомъ положеніи находился полкъ во время пріѣзда графа Милорадовича, въ исходѣ 5-го. Темнота не дозволяла солдатамъ видѣть любимаго ими вождя, а слова его были заглушаемы общимъ говоромъ. На всѣ увѣренія графа, Семеновцы отвѣчали: «мы готовы перенести всякое наказаніе, какое угодно будетъ начальству назначить, но мы не въ состояніи терпѣть притѣсненія полков-

---

[1]) Показанія предъ судомъ полковника Шварца.—Докладъ аудиторіатскаго департамента.

ника Шварца; не можемъ также построиться, потому что рота его величества находится подъ арестомъ». На увѣщанія Милорадовича — разойтись по казармамъ, нѣкоторые изъ солдатъ объявили, что не смѣютъ возвратиться въ казармы, гдѣ собрался для арестованія ихъ московскій полкъ. Милорадовичъ успокоилъ ихъ на этотъ счетъ, уговорилъ разойтись и, не желая входить съ ними въ дальнѣйшія объясненія, уѣхалъ и сообщилъ все видѣнное имъ корпусному командиру. Генералъ Васильчиковъ, узнавъ, между тѣмъ, что полковникъ Шварцъ скрылся, отрѣшилъ его отъ командованія полкомъ и назначилъ на его мѣсто генерала Бистрома, приказавъ ему тотчасъ приготовить полкъ къ инспекторскому смотру, который хотѣлъ произвести самъ въ восемь часовъ утра. По прибытіи на площадь къ полку, Бистромъ объявилъ людямъ волю корпуснаго командира. 2-й и 3-й баталіоны начали-было строиться, но въ тоже время солдаты 1-го баталіона, толпясь между ихъ рядами, снова смѣшали полкъ въ безпорядочную массу. Бывшій командиръ полка, генералъ-адъютантъ Потемкинъ, надѣясь личнымъ вліяніемъ своимъ возстановить порядокъ, испросилъ разрѣшеніе генерала Васильчикова ѣхать на Семеновскій плацъ. Едва лишь явился онъ предъ обожавшими его солдатами, какъ они окружили его, жаловались ему, просили его принять надъ ними начальство, увѣряли въ покорности своей; но все это не вело къ желаемой цѣли и волненіе не утихало. Генералъ Васильчиковъ, считая необходимымъ усмирить непослушныхъ силою, хотѣлъ употребить къ тому л.-гв. конный и кавалергардскій полки съ артиллеріей, но, по совѣту Милорадовича, отмѣнилъ это распоряженіе, и отправился самъ на Семеновскую площадь, приказавъ Бистрому, чтобы онъ, между тѣмъ, занялъ казармы лейбъ-егерскимъ полкомъ, а генералу Орлову, съ конно-гвардейскимъ полкомъ, тогда же велѣно приблизиться къ площади. Васильчиковъ, вмѣстѣ съ Бенкендорфомъ, подъѣхавъ къ толпившимся людямъ, на просьбу ихъ объ освобожденіи государевой роты, сказалъ, что эта рота арестована имъ за ослушаніе и своевольство, и что до высочайшаго разрѣшенія онъ не освободитъ ее. «Вы тоже виновны — продолжалъ онъ — и потому также идите подъ арестъ въ крѣпость». «Это приказаніе—доносилъ Васильчиковъ—было исполнено безпрекословно». Всѣ люди, бывшіе на площади, отправились безъ конвоя въ крѣпость. По дорогѣ туда, они, при встрѣчѣ съ офицерами, снимали фуражки, а заходя въ лавочки, исправно платили за все, что̀ брали. Любопытнымъ, которые спрашивали ихъ, куда идутъ они, отвѣчали: «въ крѣпость, на работу». Офицеры ихъ рѣшились идти съ ними, для сохраненія порядка.

Впрочемъ, по свидѣтельству генерала Васильчикова: «офицеры Семеновскаго полка, при семъ случаѣ, не оказали той твердости, которая необходима въ подобныхъ обстоятельствахъ [1])».

Командующій корпусомъ, оставя заключеннымъ въ крѣпостныхъ казематахъ 1-й баталіонъ, въ числѣ 742-хъ человѣкъ [2]), счелъ нужнымъ удалить прочихъ. 18-го же октября, генералъ Бистромъ получилъ предписаніе сдѣлать приготовленія къ выступленію: 2-й баталіонъ велѣно отправить въ Кронштадтъ и оттуда на судахъ въ Свеаборгъ, а 3-й—сухимъ путемъ въ Кексгольмъ. Оба они должны были идти подъ начальствомъ своихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, безъ конвоя, въ полной походной аммуниціи, но безъ ружей и тесаковъ. Утромъ, 19 октября, прибылъ въ крѣпость Милорадовичъ, съ командующимъ корпусомъ — пригласивъ также идти съ собою дежурнаго генерала Закревскаго, въ которомъ «наканунѣ съ удовольствіемъ замѣтилъ особливое умѣнье обходиться съ солдатами». Обойдя казематы, Милорадовичъ объявилъ людямъ, что покорность ими изъявленная даетъ ему охоту ходатайствовать за нихъ; что они, въ ожиданіи рѣшенія ихъ участи, отправляются въ походъ, и спросилъ: можетъ ли онъ ручаться за ихъ поведеніе впередъ, и будутъ ли они стараться заслужить свою вину и сдѣлаться достойными служить государю? Солдаты единогласно отвѣчали, что заслужатъ свою вину, и умоляли Милорадовича испросить имъ прощеніе. Только одинъ изъ рядовыхъ 5-й фузелерной роты Тороховъ сказалъ въ полголоса: «пойдемъ, когда отдадутъ намъ первую роту». Генералъ Закревскій, услыша эти дерзкія слова, доложилъ о томъ Милорадовичу, который, подойдя къ Торохову, велѣлъ его посадить подъ арестъ; когда же Тороховъ закричалъ: «ребята! за меня!» его вытолкали вонъ и приказали содержать особо. Затѣмъ, Милорадовичъ, обратясь къ ротѣ, сказалъ: «вотъ какъ одинъ бездѣльникъ мѣшаетъ мнѣ дѣлать добро и губитъ своихъ товарищей! Много ли такихъ между вами? Подобныхъ злодѣевъ надо истребить для чести имени солдата!» На это всѣ люди единогласно отвѣчали, что онъ одинъ виноватъ, и что вся рота готова исполнить приказанія начальства. Увидя въ крѣпости лейбъ-гренадеръ, графъ Милорадовичъ отослалъ ихъ назадъ, снялъ часовыхъ у всѣхъ казематъ, гдѣ были

---

[1]) Донесенія государю генераловъ графа Милорадовича и Васильчикова, отъ 19 октября 1820 года. — Частное письмо изъ Петербурга въ Тульчинъ о семеновскомъ происшествіи. Русск. Арх. 1868. XI.—Военно-судное дѣло.

[2]) Въ числѣ людей, оставленныхъ въ крѣпости, былъ только одинъ солдатъ 2-го баталіона, арестованный (какъ сказано ниже), за дерзкія слова его, въ присутствіи военнаго генералъ-губернатора и дежурнаго генерала.

размѣщены семеновцы, и, объявивъ имъ, что они остаются арестантами, поручилъ самимъ смотрѣть другъ за другомъ. «Слушаемъ, ваше сіятельство!—отвѣчали они. Будемъ смотрѣть сами за собою и ослушниковъ не будетъ» [1])

Въ тотъ же день, 19 октября, выступили въ походъ оба баталіона: 2-й, подъ начальствомъ полковника Вадковскаго, въ Ораніенбаумъ, и 3-й, подъ начальствомъ полковника Яфимовича, по выборгской дорогѣ. Въ казармахъ были оставлены только семейства нижнихъ чиновъ и небольшое число солдатъ, необходимыхъ для присмотра за имуществомъ выступившихъ людей, которые не могли взять съ собою ничего, кромѣ вещей въ ранцахъ. Положеніе солдатскихъ семействъ было обезпечено тѣмъ, что, по распоряженію военнаго министра, отпускалось на каждое изъ нихъ по 50-ти копѣекъ въ сутки [2]).

Надъ первымъ баталіономъ, подавшимъ поводъ къ безпорядкамъ, былъ наряженъ, по распоряженію генерала Васильчикова, военный судъ, коего презусомъ назначенъ генералъ-адъютантъ Левашевъ; ассесорами: генералъ-маіоры графъ Гурьевъ и Сухтеленъ; полковники: преображенскаго полка князь Голицынъ, московскаго—Аничковъ, павловскаго—Бергманъ и лейбъ-гренадерскаго — Шиповъ [3]).

Первоначальныя донесенія государю Васильчикова и графа Милорадовича, о событіяхъ въ Семеновскомъ полку, были посланы съ фельдъегеремъ 19-го октября; а два дня спустя отправился съ послѣдующими донесеніями въ Троппау, адъютантъ командующаго корпусомъ, лейбъ-гусарскаго полка штабсъ-ротмистръ Чаадаевъ.

Петръ Яковл. Чаадаевъ, составившій себѣ нѣкоторую извѣстность въ русской литературѣ, другъ Пушкина, получилъ въ домѣ родной тетки своей, дочери исторіографа князя Щербатова, по тому времени, отличное воспитаніе. Поступивъ, въ 1812 году, изъ московскихъ студентовъ, въ Семеновскій полкъ подпрапорщикомъ, Чаадаевъ находился въ Бородинской битвѣ, былъ произведенъ въ офицеры, участвовалъ въ бояхъ при Кульмѣ и Лейпцигѣ, стоялъ въ почетномъ караулѣ у императора Александра въ день взятія Парижа, и по окончаніи войны перешелъ въ лейбъ-гусары. Образованный, стройный, красавецъ, съ пріятнымъ голосомъ и благородными манерами, Чаадаевъ ставилъ всѣ эти пре-

---

[1]) Донесенія государю графа Милорадовича, отъ 19 и 21 октября 1820 года.—Частное письмо изъ Петербурга въ Тульчинъ о семеновскомъ происшествіи.

[2]) Исторія семеновскаго полка (рукопись).

[3]) Рапортъ государю генерала Васильчикова, отъ 21 октября 1820 года.

имущества ниже умственныхъ сокровищъ науки, обладалъ поверхностными знаніями по многимъ предметамъ, прилежно занимался чтеніемъ и, уклоняясь отъ общественныхъ забавъ, велъ строгую жизнь аскета. Быть можетъ, что онъ, возвышаясь надъ окружавшею его средою военной молодежи, имѣлъ преувеличенное понятіе о своихъ способностяхъ; но самые порицатели его сознаютъ, что онъ вовсе не былъ заносчивъ. Служа въ лейбъ-гусарскомъ полку, квартировавшемъ въ Царскомъ Селѣ, Чаадаевъ сблизился съ геніальнымъ юношею—Пушкинымъ, тогда еще лицейскимъ воспитанникомъ. Къ этому времени относятся стихи семнадцати-лѣтняго поэта къ портрету Чаадаева:

Онъ высшей волею небесъ
Проводитъ жизнь на службѣ царской;
Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ—Периклесъ,
У насъ—онъ офицеръ гусарской.

Незадолго до семеновскаго происшествія, Чаадаевъ имѣлъ счастіе оказать Пушкину услугу, которую нашъ великій поэтъ помнилъ до смерти. Молодой тогда еще очень Пушкинъ написалъ стихи: «На свободу», которые, ходя по рукамъ, обратили на него вниманіе полиціи. Не довольствуясь тѣмъ, онъ позволялъ себѣ юношескія выходки. Такъ, наприм., въ театрѣ онъ вынималъ изъ кармана портретъ Лувеля и показывалъ его своимъ сосѣдямъ. За эти проказы, Пушкину грозила ссылка, въ которой могли заглохнуть его дарованія—слава русской литературы. Нѣкоторые предлагали отправить его въ снѣжную пустынь Соловецкаго монастыря, и хотя императоръ Александръ былъ вообще далекъ отъ подобной строгости, однакоже намѣренъ былъ сослать его. Чаадаевъ, узнавъ объ опасности, грозившей Пушкину, поспѣшилъ къ Карамзину, съ трудомъ успѣлъ его видѣть (потому что по утрамъ Карамзинъ, занимаясь своею исторіею, никого не принималъ) и упросилъ его съѣздить къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и къ начальнику Пушкина по службѣ, графу Каподистріа, и ходатайствовать за нескромнаго поэта. Вмѣсто ссылки, Пушкинъ былъ переведенъ на службу въ комитетъ о колонистахъ южной Россіи, состоявшій въ вѣдомствѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и находившійся тогда въ Екатеринославлѣ. Другіе приписываютъ пощаду Пушкина заступничеству бывшаго его начальника, директора лицея Энгельгардта [1]). Но какъ бы ни было, Чаадаевъ, въ этомъ случаѣ, выказалъ то душевное благородство, которое было отличительною чертою его характера.

[1]) Мих. Лонгиновъ. Воспоминаніе о П. Я. Чаадаевѣ. (Русск. Вѣстн. 1862. XI).—Русс. Арх. 1866. 1098—1099.

Выборъ вѣстника о прискорбномъ семеновскомъ происшествіи палъ на Чаадаева, потому что государь лично зналъ его и былъ къ нему милостивъ, что Чаадаевъ самъ прежде служилъ въ Семеновскомъ полку и наконецъ, потому, что онъ былъ очевидцемъ всего дѣла и могъ дать словесно многія объясненія. Всѣ старались сколь возможно смягчить со страхомъ ожидаемый гнѣвъ государя и надѣялись, что это удастся умному, образованному человѣку. Къ сожалѣнію, Чаадаевъ, которому предстояло проѣхать около двухъ тысячъ верстъ, въ позднюю осень, большею частью по весьма дурнымъ дорогамъ, не любилъ подвергать себя лишеніямъ, неизбѣжнымъ въ курьерской должности. Онъ отправился въ коляскѣ, не понуждая ямщиковъ нагайкою, что́ и тогда казалось неприличнымъ человѣку, считавшему себя однимъ изъ представителей европейской цивилизаціи. Нерѣдко тоже случалось ему останавливаться на пути и терять время на станціяхъ для своего туалета. При всемъ томъ, выѣхавъ изъ Петербурга 21 октября, онъ прибылъ въ Троппау 30-го, слѣдовательно—дѣлалъ болѣе двухъ сотъ верстъ въ сутки. Трудно рѣшить — справедливо ли оставшееся въ народной памяти, и даже въ исторіи, сказаніе—будто бы князю Меттерниху удалось получить свѣдѣніе о семеновской исторіи днемъ ранѣе, что́ способствовало хитрому дипломату вовлечь императора Александра въ лабиринтъ австрійской политики. Но не подвержено сомнѣнію, что вѣнскій кабинетъ прежде напрасно истощалъ всѣ свои извороты, чтобы удержать нашего государя отъ покровительства законно-свободнымъ учрежденіямъ, которое императоръ Францъ и министръ его считали вреднымъ общественному порядку и правамъ монархической власти. Когда же пришло въ Троппау извѣстіе о семеновскомъ бунтѣ, Меттернихъ, посѣтивъ императора Александра, внезапно сдѣлалъ ему намёкъ, что и самъ онъ не долженъ слишкомъ разсчитывать на вѣрность своихъ войскъ и на внутреннее спокойствіе своей имперіи. Пораженный такимъ замѣчаніемъ, Александръ, вмѣсто того, чтобы, по прежнему, настаивать на охраненіи желаній и пользъ неаполитанскаго народа, сталъ замѣтно поддерживать виды австрійскаго правительства. Чаадаевъ, принятый государемъ не столь благосклонно, какъ ожидалъ, и отправленный обратно въ Петербургъ на другой день по пріѣздѣ въ Троппау, подалъ въ отставку и получилъ ее [1]).

Весьма естественно, что первыя донесенія о семеновскомъ

---

[1]) Воспоминанія Вигеля. Ч. VI.—Воспоминаніе о Петрѣ Яковл. Чаадаевѣ. (Русск. Архивъ. 1868. 977—980).—Русск. Вѣстн. 1862. XI.

происшествіи, полученныя государемъ, были неудовлетворительны. Императоръ Александръ могъ видѣть изъ нихъ только то, что всѣ мѣры, принятыя для возстановленія порядка, оказались безуспѣшны. Вмѣстѣ съ оффиціальными извѣстіями пришли частныя письма: графа Кочубея къ государю, а генерала Васильчикова и флигель-адъютанта Дмитрія Петр. Бутурлина князю Волконскому, о содержаніи которыхъ также было доложено императору. Въ этихъ письмахъ, о-бокъ съ успокоительными свѣдѣніями, было много такого, что̀ могло возбудить подозрѣнія въ склонномъ, по характеру своему, къ недовѣрчивости, Александрѣ. Описавъ всѣ притѣсненія Шварца̀, подавшія поводъ къ печальному событію, Бутурлинъ писалъ, что: «офицеры способствовали общему раздраженію неосторожными разговорами при солдатахъ, имѣвшими цѣлью выказать все, что̀ было предосудительнаго въ его поступкахъ». (Les esprits s'aigrissaient de plus en plus. Les officiers y contribuaient par les imprudentes conversations, qu'ils se permettaient en présence des soldats, et qui avaient pour objet de diffamer encore davantage leur chef, en relevant avec âpreté tout ce qu'il y avait de répréhensible dans sa conduite). Далѣе было сказано, что: «въ ночь на 18-е октября, три фузелерныя роты 1-го баталіона, выйдя изъ своей казармы, вломились къ прочимъ баталіонамъ, увлекли ихъ съ собою и *явно возстали*, требуя *прежде всего*, чтобы имъ возвратили гренадерскую роту. (Dans la nuit du dimanche à lundi, les trois compagnies restantes du premier bataillon sortent de leur casernes, enfoncent les portes de celles des deux autres bataillons, les rallient à elles et se déclarent en pleine insurrection, exigeant avant tout qu'on leur rende la première compagnie). На счетъ офицеровъ, Бутурлинъ писалъ, что «они колебались между опасеніемъ стыда, которому подвергся ихъ полкъ, и удовольствіемъ мести Шварцу» (Les officiers semblent flotter entre la crainte de la honte qui va rejaillir sur leur corps et le plaisir de se voir vengés de Schwartz). Положеніе дѣлъ было начертано мрачными красками. «Невозможно считать опасность вполнѣ минувшею — писалъ онъ — тѣмъ паче, что духъ всѣхъ пѣхотныхъ полковъ былъ необыкновенно возбужденъ и сами начальники объявили, что не могли ручаться за своихъ солдатъ. Преображенцы явно роптали и горько сѣтовали объ участи постигшей ихъ дорогихъ товарищей, говоря, что и они также пропадутъ, какъ семеновцы. Солдаты московскаго полка, при встрѣчѣ съ семеновцами, шедшими въ крѣпость, обнимали ихъ, со слезами. Лейбъ-гренадеры, стоявшіе въ караулѣ у казематъ крѣпости, кричали: сегодня — очередь Шварца; не худо было-бы, еслибъ завтра пришла та-

кая-же Ст.....у. Даже лейбъ-гренадеры, наиболѣе надёжные изъ всѣхъ пѣхотныхъ полковъ, колебались и не хотѣли идти противъ своихъ товарищей, и чтобы побудить ихъ къ тому, нужна была энергія Бистрома».... О кавалеріи Бутурлинъ, напротивъ, относился выгодно, приписывая ея безусловное повиновеніе тому, что она, большею частью, состояла изъ малороссіянъ, не имѣвшихъ почти никакихъ сношеній съ русскими, служившими въ пѣхотѣ. Къ тому-же, писалъ онъ, кавалерійскими полками командуютъ русскіе, пользующіеся большею довѣренностью своихъ солдатъ, нежели нѣмцы—командиры пѣхотныхъ полковъ [1]).

Графъ Кочубей писалъ императору, что «хотя такое происшествіе въ одномъ изъ полковъ гвардіи было весьма прискорбно, однакоже, съ другой стороны, нельзя не утѣшиться тѣмъ, что волненіе войскъ не имѣло никакой политической цѣли, подобно тому, какъ случалось въ другихъ странахъ; что оно ограничилось однимъ полкомъ, и что даже самые участники въ безпорядкѣ выказали покорность, необычайную для людей, раздраженныхъ до крайности и могшихъ оказать явное сопротивленіе». Но, затѣмъ, Кочубей обвинялъ офицеровъ, которые «относились съ презрѣніемъ о Шварцѣ предъ своими подчиненными и не позаботились знать то, что̀ дѣлалось въ ихъ командѣ» [2]).

Такимъ образомъ, императоръ Александръ, изъ свѣдѣній, имъ

---

[1]) .....» La cavalerie, au contraire se montra très obéissante. Je crois devoir l'attribuer à la difference de la composition des deux armes. La cavalerie est en grande partie formée de petits-russiens qui ont peu de liaisons avec l'infanterie entièrement composée de russes véritables, qui ont prouvé dans cette occasion qu'ils se tiennent tous par la main. Le choix des chefs de régimens devait aussi avoir une grande influence. Vous vous rappellerez que tous ceux des régimens d'infanterie sont des Allemands, qui dans cette circonstance n'inspiraient pas assez de confiance à leurs soldats, tandisque les chefs des régimens de cavalerie sont des Russes dont il est impossible à leur subordonnés de suspecter les intentions».... (Изъ письма флигель-адъютанта Бутурлина къ князю Волконскому, отъ 19 октября 1820 г.).

[2])..... «s'il est facheux, que ce premier exemple d'indiscipline se fut manifesté dans Vos gardes, si Vos bons serviteurs doivent être vivement affectés de la peine qu'en éprouvera Votre Majesté, il est impossible, d'un autre coté, de ne pas se livrer à des idées consolantes en réflechissant, que bien loin des exemples des autres pays, ce mécontentement de la troupe n'avait aucun but politique; que local et particulier à un régiment, il ne s'est point étendu, et que même ceux qui y ont pris part, ont montré une soumission peu commune à des gens, qui exasperés auraient pu faire valoir leurs moyens de force»....

..... «Ces faits assez graves (les procédés de Schwartz) par eux mêmes, ont peut être acquis encore un caractère plus serieux par la conduite des officiers. N'ont-ils pas tenu des prôpos devant la troupe, qui manifestèrent un grand mépris pour, leur chef? Comment ont-ils pu être *au moins* assez négligents pour ne pas savoir ce qui se passait dans la Compagnie?».... (Изъ письма къ государю графа Кочубея, отъ 30 октября 1820 г.).

полученныхъ о семеновскомъ происшествіи, могъ заключить, что причиною его была гнусная неблагодарность полка, удостоеннаго его вниманіемъ и милостями. Опять неблагодарность! Ему суждено было испытать ее и въ освобожденной имъ Германіи, и въ столь обязанной ему Франціи, и въ возстановленной имъ Польшѣ. Теперь онъ видѣлъ ее у себя, въ своей столицѣ, въ гвардіи, въ любимомъ полку своемъ. Легко вообразить, какое неизгладимое впечатлѣніе оставила въ немъ эта несчастная исторія. Съ прискорбіемъ онъ отказался отъ великаго призванія, которое доселѣ считалъ своею путеводною звѣздою, и вмѣсто того, чтобы во главѣ человѣчества стремиться къ прогрессу, ограничился охраненіемъ того самаго порядка, который прежде возбуждалъ его негодованіе. Нѣсколько дней спустя по полученіи рокового извѣстія, государь писалъ къ графу Аракчееву:

«Троппау, 5 ноября 1820 года.

«Тебѣ должно уже быть извѣстно, любезный Алексѣй Андреевичъ, несчастное, но въ тоже время и постыдное, приключеніе, случившееся въ семеновскомъ полку. Легко себѣ можно вообразить, какое печальное чувство оно во мнѣ произвело. Происшествіе, можно сказать, неслыханное въ нашей арміи. Еще печальнѣе, что оно случилось въ гвардіи, а для меня лично еще грустнѣе, что именно въ семеновскомъ полку. Но, съ тобою привыкнувъ говорить со всею откровенностію, скажу тебѣ, что никто на свѣтѣ меня не убѣдитъ, чтобы сіе происшествіе было вымышлено солдатами, или происходило единственно, какъ показываютъ, отъ жестокаго обращенія съ оными полковника Шварца. Онъ былъ всегда извѣстенъ за хорошаго и исправнаго офицера и командовалъ съ честію полкомъ. Отъ чего-же вдругъ сдѣлаться ему варваромъ? По моему убѣжденію, тутъ кроются другія причины. Внушеніе, кажется, было не военное; ибо военный умѣлъ-бы ихъ заставить взяться за ружье, чего никто изъ нихъ не сдѣлалъ, даже тесака не взялъ. Офицеры-же всѣ усердно старались пресѣчь неповиновеніе, но безуспѣшно. По всему вышеписанному заключаю я, что было тутъ внушеніе чуждое, но не военное. Вопросъ возникаетъ: какое-же? Сіе трудно рѣшить; признаюсь, что я его приписываю тайнымъ обществамъ, которыя, по доказательствамъ, которыя мы имѣемъ, въ сообщеніяхъ между собою, и коимъ весьма непріятны наше соединеніе и работа въ Троппау. Цѣль возмущенія, кажется, была испугать. Если къ сему присовокупить, что день былъ выбранъ тотъ самый, въ который императрицы возвратились въ городъ, то, кажется, довольно ясно обнаруживается, что желали ихъ встревожить, дабы сими опасеніями меня принудить бросить занятія наши въ Троп-

пау и возвратиться поспѣшнѣе въ Петербургъ. Но божьему Промыслу угодно было помѣшать сему и прекратить зло въ началѣ его. Мѣры, на которыя рѣшился корпусный командиръ съ полкомъ впослѣдствіи, были необходимы, но симъ полкъ погубленъ, и уже не можетъ существовать въ его нынѣшнемъ составѣ. Я почти увѣренъ, что еслибы съ 1-й гренадерской ротою приличнѣе поступили при самомъ началѣ, ничего другого важнаго не произошло-бы. Но уже когда всѣ три баталіона возмутились, болѣе не оставалось дѣлать, какъ-то, что было исполнено. Сожалѣю еще, что выбрали крѣпости Финляндіи для отправленія въ оныя баталіоновъ. Лучше было-бы отправить въ Псковъ, Нарву, или тому подобныя мѣста.

«Какъ мнѣ ни грустно, но теперешній составъ полка нельзя уже такъ оставить. Онъ потерялъ всякую довѣренность. Ты усмотришь изъ приказа, при семъ прилагаемаго, какъ я счелъ приличнымъ поступить, послѣ здраваго размышленія»....

Этотъ приказъ, собственноручно написанный государемъ, былъ прочтенъ имъ великому князю Николаю Павловичу, по свидѣтельству котораго, при семъ, они оба плакали [1]). Приведемъ его въ подлинникѣ.

Приказъ россійской арміи.

«Къ прискорбію моему и цѣлой арміи, извѣщаю ее о постыдномъ происшествіи, случившемся 17 октября въ лейбъ-гвардіи семеновскомъ полку. Одна рота онаго, забывъ долгъ присяги и военнаго повиновенія къ начальству, дерзнула самовольно собраться въ позднее вечернее время, для принесенія жалобы на своего полковаго командира, и когда за сіе буйство она отведена была подъ стражу, то и прочія роты вышли изъ должнаго повиновенія. Россійская армія, сверхъ пріобрѣтенной незабвенной славы на полѣ чести, съ первѣйшихъ временъ ея образованія, всегда была примѣромъ вѣрности соблюденія священной клятвы и безпрекословнаго повиновенія своему начальству. На семъ-то повиновеніи основанъ единственный военный порядокъ, безъ коего войско теряетъ все свое достоинство. Ему извѣстно, что всѣ законные способы даны, дабы справедливыя жалобы доходили отъ обиженныхъ подчиненныхъ начальству. На сіе установлены инспекторскіе смотры бригадными, дивизіонными и корпусными начальниками, коихъ ежегодно бываетъ

[1]) Собственноручныя замѣчанія императора Николая Павловича въ рукописи: «Исторія семеновскаго полка».

четыре, и на которыхъ законъ повелѣваетъ даже, откровенно каждому, приносить свою жалобу. Полки, составляющіе сію отличную армію, съ должнымъ негодованіемъ извѣстятся о случившемся происшествіи въ лейбъ-гвардіи семеновскомъ полку. Они возчувствуютъ, что составляющіе сей полкъ содѣлались недостойными долѣе въ ономъ оставаться и носить мундиръ полка, устроеннаго самимъ Петромъ Великимъ и имѣвшаго неоцѣненное преимущество сопровождать его походы. Полкъ, коего имя равномѣрно прославилось въ незабвенную послѣднюю войну, и особенно подъ Кульмомъ, слѣдовательно память онаго не должна быть посрамлена. Россійское-же войско довольно заключаетъ въ себѣ много храбрыхъ воиновъ, достойныхъ занять мѣсто въ лейбъ-гвардіи семеновскомъ полку.

«Святость законовъ и честь имени россійской арміи требуютъ, дабы составъ полка, оказавшаго столь нестерпимое своеволіе, былъ уничтоженъ. Вслѣдствіе чего, съ непоколебимою рѣшимостію, но съ душевнымъ сокрушеніемъ и не останавливаясь чувствомъ личной моей привязанности къ сослуживцамъ, по необходимости долга на мнѣ лежащаго, повелѣваю: всѣхъ нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи семеновскаго полка распредѣлить по разнымъ полкамъ арміи, дабы они, раскаясь въ своемъ преступленіи, потщились продолженіемъ усердной службы загладить оное. Виновнѣйшіе-же, и подавшіе пагубный примѣръ прочимъ, преданные уже военному суду, получатъ должное наказаніе по всей строгости законовъ.

«Штабъ и оберъ-офицеры сего полка, найденные всѣ непричастными сему неповиновенію, усердно старались возстановить потерянный порядокъ; но тщетно — и симъ доказали свое неумѣнье обходиться съ солдатами и заставлять себѣ повиноваться. Уважая однакоже ихъ стараніе, повелѣваю перевести оныхъ въ армейскіе полки, сохранивъ имъ преимущество гвардейскихъ чиновъ. Полковой-же командиръ полковникъ Шварцъ предается военному суду, за неумѣніе поведеніемъ своимъ удержать полкъ въ должномъ повиновеніи.

«Для немедленнаго укомплектованія л.-гв. семеновксаго полка назначаются роты изъ гренадерскихъ полковъ, по особо данному повелѣнію.

«Г. Троппау. 2 ноября 1820 года».

Въ присутствіи императора Александра, семеновское происшествіе было-бы невозможно. Его кротко-величественнаго взора достаточно было для содержанія въ порядкѣ войскъ, для усмиренія ихъ въ случаѣ нарушенія порядка. Возвращенія государя желали всѣ, и даже самые виновные, ожидавшіе съ трепетомъ

рѣшенія своей участи. Но онъ остался въ Троппау. Дѣйствительно-ли онъ былъ убѣжденъ въ необходимости своего пребыванія на конгресѣ, или не хотѣлъ поспѣшнымъ отъѣздомъ выказать сомнѣніе въ прочности своего владычества — о томъ вѣдаетъ одинъ лишь Тотъ, Кому извѣстны всѣ человѣческіе помыслы.

Общественное мнѣніе винило во всемъ Шварца. Сожалѣли о семеновцахъ, но одобряли грозный приказъ царя, хотя, ни тогда, ни впослѣдствіи, не приписывали прискорбнаго происшествія какому-либо политическому поводу. Тѣмъ не менѣе однакоже не подлежитъ сомнѣнію, что разсѣянные по арміи, недовольные офицеры Семеновскаго полка, встрѣтивъ другихъ недовольныхъ правительствомъ, образовали тайныя общества, разразившіяся чрезъ пять лѣтъ преступнымъ возстаніемъ.

Одновременно съ высочайшимъ приказомъ послѣдовало повелѣніе о сформированіи новаго Семеновскаго полка изъ первыхъ баталіоновъ гренадерскихъ полковъ: императора австрійскаго, короля прусскаго и наслѣднаго принца. «Симъ самимъ полкъ сей опять будетъ хорошъ. Но все не старый, котораго мнѣ весьма будетъ жаль», — писалъ государь графу Аракчееву. Для укомплектованія-же трехъ гренадерскихъ полковъ, предписано раздѣлить пополамъ ихъ третіе баталіоны и взять по одной ротѣ отъ каждаго изъ полковъ 2-й и 3-й гренадерскихъ дивизій. Писаря, музыканты, мастеровые и вообще всѣ нестроевые чины, какъ не принимавшіе участія въ безпорядкахъ, перечислены въ новый полкъ, котораго командиромъ назначенъ генералъ-маіоръ Удомъ.

Въ продолженіи суда надъ нижними чинами 1-го баталіона, 2-й и 3-й баталіоны, прибывшіе въ Свеаборгъ и Кексгольмъ, распредѣлялись по полкамъ 1-й арміи. Двѣсти человѣкъ 2-го баталіона, назначенныхъ въ 23-ю дивизію, стоявшую въ Финляндіи, остались въ Кексгольмѣ; прочіе-же, подъ начальствомъ полковника Вадковскаго, отправлены въ Псковъ, гдѣ должны были раздѣлиться на команды, для дальнѣйшаго похода къ полкамъ. Большая часть людей 3-го баталіона отправлена изъ Свеаборга, черезъ Новую-Ладогу, въ Вышній-Волочекъ. Вообще семеновцы вели себя отлично [1]. Только, при сдачѣ 2-го баталіона, во Псковѣ, возникли недоразумѣнія, набросившія тѣнь на ихъ поведеніе. По прибытіи въ Псковъ, полковникъ Вадковскій немедленно явился къ начальнику 1-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанту Лаптеву и, представя ему строевой рапортъ, просилъ о дозволеніи баталіону остаться для отдыха въ городѣ четыре или пять дней; но генералъ Лаптевъ, получивъ предписаніе немедленно отправить людей въ полки, отказалъ въ просьбѣ Вадковскаго. Когда-

[1] Отзывъ, за подписью графа Штейнгеля, № 80.

же Вадковскій сослался на то, что онъ долженъ раздать нижнимъ чинамъ экономическія деньги, Лаптевъ приказалъ передать эту сумму въ дивизіонное дежурство. Но Вадковскій, между тѣмъ, успѣлъ раздать ихъ, и слѣдствіемъ его неосторожности было то, что нѣкоторые изъ нижнихъ чиновъ, разставаясь другъ съ другомъ, выпили на прощанье по лишней чаркѣ и попались въ нетрезвомъ видѣ на глаза начальника дивизіи, что подало поводъ къ донесенію его объ ослушаніи Вадковскаго и безпорядкахъ, учиненныхъ во Псковѣ бывшими солдатами Семеновскаго полка [1]).

Для сужденія виновныхъ Семеновскаго полка, кромѣ военно-судной коммиссіи надъ нижними чинами 1-го баталіона, была составлена другая, надъ полковникомъ Шварцомъ, въ которую назначены: презусомъ—генералъ-адъютантъ Орловъ; ассесорами—полковники: преображенскаго полка Исленьевъ, измайловскаго—Годейнъ, лейбъ-егерскаго—Ермолаевъ, л.-гв. московскаго—Нѣеловъ 3-й, и кавалергардскаго — Апраксинъ. Коммиссія, судившая нижнихъ чиновъ, нашла виновными: 1) рядовыхъ: 1-й гренадерской роты двухъ; 1-ой фузелерной—двухъ; 2-й—трехъ и 5-й—одного, въ подстрекательствѣ своихъ товарищей къ неповиновенію начальству и въ ослушаніи, обнаружившемся словами и дѣйствіями; 2) 164-хъ человѣкъ 1-ой и 52-хъ человѣкъ 2-й роты (послѣднихъ, невозвратившихся въ казарму послѣ перваго выхода роты вмѣстѣ съ 1-ою), въ самовольномъ сборѣ и въ поданіи примѣра общему безпорядку; 3) 172-хъ человѣкъ роты его величества, въ нарушеніи порядка службы и въ неповиновеніи фельдфебелю; 4) 147 человѣкъ 2-ой фузелерной роты, въ томъ, что послѣдовали примѣру другихъ ротъ. Всѣхъ-же фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, какъ не участвовавшихъ въ безпорядкѣ, а равно и всѣхъ остальныхъ рядовыхъ фузелерныхъ ротъ, не выходившихъ изъ казармъ, коммиссія не признала виновными. Кромѣ того, сія же коммиссія открыла, что нижніе чины Семеновскаго полка, во время командованія полковника Шварца, были обременены чисткою и пригонкою аммуниціи на разные смотры до того, что не только въ продолженіи дня, но и по ночамъ, не имѣли отдыха. Многіе изъ нихъ были вынуждены покупать мундирныя и аммуничныя вещи на собственный счетъ: справедливость жалобъ нижнихъ чиновъ была подтверждена показаніями полковниковъ Казнакова и Вадковскаго и всѣхъ ротныхъ командировъ 1-го баталіона. Весьма часто, по приказанію Шварца, нижніе чины, и даже тѣ изъ нихъ, кои были удостоены знаками военнаго ордена, подвергались жестокому тѣлесному наказанію.

---

[1]) Исторія семеновскаго полка (рукопись).

Военно-судная коммиссія, учрежденная надъ полковникомъ Шварцомъ, нашла его виновнымъ: 1) въ томъ, что, во время церковныхъ парадовъ, занималъ своихъ подчиненныхъ ученьемъ, отъ чего они опаздывали въ церковь; 2) не искалъ любви подчиненныхъ, и чрезъ то потерялъ довѣренность, какъ штабъ и оберъ-офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, и ослабилъ уваженіе присвоенное его чину; 3) въ нарушеніи закономъ опредѣленныхъ правъ и въ униженіи привилегій, установленныхъ въ награду военныхъ доблестей; 4) въ производствѣ презрительныхъ наказаній, на которыя не давали ему пра́ва ни военныя, ни гражданскія узаконенія, и 5) въ предосудительной для военнаго робости, и въ томъ, что, вмѣсто исполненія даннаго имъ клятвеннаго обѣщанія—защищать государственныя пра́ва во всѣхъ случаяхъ, съ пожертвованіемъ и самою жизнью, пришелъ въ уныніе и, пользуясь ночнымъ временемъ, былъ зрителемъ безпорядковъ.

По сентенціямъ военно-судныхъ коммиссій, опредѣлено: 1) нижнихъ чиновъ, признанныхъ зачинщиками безпорядковъ, наказать висѣлицей, и затѣмъ всѣхъ остальныхъ нижнихъ чиновъ, одинаково виновныхъ съ людьми прочихъ баталіоновъ, выписать, согласно высочайшему приказу, въ армію; 2) полковника Шварца лишить живота. Обѣ сентенціи, вмѣстѣ съ выписками изъ дѣлъ, были представлены на разсмотрѣніе начальника дивизіи, командующаго корпусомъ и дежурнаго генѐрала. Мнѣнія барона Розена и Закревскаго были согласны съ рѣшеніями коммиссій; напротивъ того, Васильчиковъ нашелъ, что судъ надъ нижними чинами произведенъ слабо и въ самомъ судномъ дѣлѣ сдѣланы упущенія, клонившіяся къ обвиненію полковника Шварца [1]).

По донесеніи государю доклада аудиторіатскаго департамента, послѣдовало высочайшее повелѣніе, на имя начальника главнаго штаба, заключавшее въ себѣ слѣдующую резолюцію:

....«Сообразя приговоръ коммиссіи военныхъ судовъ и желая уменьшить сколько возможно число наказуемыхъ, обративъ строгость законовъ единственно на виновнѣйшихъ, повелѣваю:

Всѣхъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, а равно и рядовыхъ, не выходившихъ изъ комнатъ въ корридоры, и изъ казармъ на площадь, менѣе виновныхъ, нежели прочіе, но не умѣвшихъ воспротивиться силою пагубному вліянію товарищей своихъ, распредѣлить, на-равнѣ съ нижними чинами 2-го и 3-го баталіоновъ, въ армейскіе полки 3-го корпуса.

«Всѣхъ нижнихъ чиновъ, по удостовѣренію ротныхъ командировъ, не принимавшихъ дѣятельнаго участія въ безпорядкахъ,

[1]) Военно-судное дѣло о происшествіи въ семеновскомъ полку.

и всю 3-ю фузелерную роту распредѣлить, безъ наказанія, въ полки кавказскаго корпуса.

«164 человѣкъ 1-ой фузелерной роты и 52 человѣка 2-й, виновныхъ въ явномъ возмущеніи противъ начальства и въ продолженіи неповиновенія, до отвода ихъ въ крѣпость, распредѣлить, безъ наказанія, въ полки и баталіоны сибирскаго корпуса.

«172-хъ человѣкъ 1-ой гренадерской роты, виновной въ самовольномъ выходѣ на перекличку, въ непослушаніи фельдфебелю, въ принесеніи начальству жалобъ на притѣсненія полковаго командира, оказавшіяся несправедливыми, и наконецъ въ умышленномъ утаеніи именъ зачинщиковъ, опредѣлить, равномѣрно безъ наказанія, въ полки и баталіоны Оренбургскаго корпуса.

«8 рядовыхъ, какъ зачинщиковъ всѣхъ безпорядковъ [1]), въ примѣръ другимъ, прогнать шпицрутенами сквозь баталіонъ, по шести разъ, съ отсылкою въ рудники.

«Полковника Шварца, виновнаго въ несообразномъ выборѣ времени для ученій и въ нерѣшимости принять должныя мѣры къ прекращенію неповиновенія во ввѣренномъ ему полку, отставить отъ службы, съ тѣмъ, чтобы впредь никуда не опредѣлять, избавя его отъ строжайшаго наказанія, во уваженіе прежней долговременной и усердной службы, храбрости и отличія, оказанныхъ имъ на полѣ сраженія».

Недовольный дѣйствіями коммиссіи, судившей нижнихъ чиновъ, государь приказалъ объявить ей строгій выговоръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ произвести дополнительное изслѣдованіе, послѣ чего, при помощи фельдфебеля 1-й гренадерской роты, открыты тѣ изъ рядовыхъ, кои были въ ней зачинщиками безпорядка.

Кромѣ того, при разсмотрѣніи военно-суднаго дѣла, оказалось: во-1-хъ, что капитанъ Кашкаревъ не представилъ — ни начальству, ни военному суду, записку, поданную ему фельдфебелемъ, и тѣмъ самымъ скрылъ виновниковъ происшествія; во-2-хъ, что полковникъ Вадковскій, несообразными съ долгомъ службы своими поступками, далъ усилиться безпорядку. А потому высочайше повелѣно: обоихъ предать военному суду въ томъ, что не приняли должныхъ мѣръ къ возстановленію порядка, при самомъ началѣ его нарушенія; а полковникъ Вадковскій, сверхъ того, въ томъ, что въ оправданіяхъ своихъ употреблялъ рѣзкія выраженія и противорѣчилъ своимъ прежнимъ показаніямъ. Оба они находились подъ судомъ нѣсколько лѣтъ, и наконецъ Вадковскій, въ письмахъ князю Волконскому, генералу

[1]) Именно: рядовыхъ 1-й гренадерской роты Степанова и Хрулева, 1-й фузелерной роты — Кузнецова и Петрова, 2-й — Павлова, Чистякова и Васильева, и 5-й — Торохова.

Дибичу и на имя государя, оговорилъ бывшихъ своихъ товарищей вообще въ вольнодумствѣ (esprit de licence), и нѣкоторыхъ изъ нихъ въ потворствѣ нижнимъ чинамъ и въ непозволительныхъ толкахъ о полковникѣ Шварцѣ, въ присутствіи своихъ подчиненныхъ [1]).

Судьба нижнихъ чиновъ Семеновскаго полка, переведенныхъ въ армію, была горестна. Тамъ смотрѣли на нихъ, какъ на людей, совершившихъ самое важное преступленіе для военнаго человѣка, и столь уважаемое прежде имя семеновцевъ, для нѣкоторыхъ изъ новыхъ ихъ командировъ, сдѣлалось однозначущимъ съ именемъ мятежниковъ. Малѣйшіе ихъ проступки были непростительны въ глазахъ начальниковъ «усердныхъ не по разуму», либо думавшихъ, преувеличенною взыскательностью, угодить государю, который, напротивъ того, сдѣлавъ то, чего требовала самая необходимость, никогда впослѣдствіи не могъ вспомнить безъ сожалѣнія о своихъ старыхъ семеновцахъ.

Къ сожалѣнію, слухи и сплетни, тогда ходившіе въ публикѣ, подали иностранцамъ поводъ обвинять въ жестокости самого императора Александра. Одинъ изъ усерднѣйшихъ глашатаевъ всего невыгоднаго для Россіи и русскихъ, Фарнгагенъ фонъ-Энзе, пишетъ, въ октябрѣ 1823 года: «Полковникъ Шварцъ, отъ жестокости котораго возмутился семеновскій полкъ, снова получилъ мѣсто. Изъ солдатъ этого полка, размѣщенныхъ тогда по армейскимъ полкамъ, не осталось въ живыхъ ни одного: такъ утверждаютъ русскіе, хорошо знающіе дѣло. Говорятъ, что всѣ они засѣчены, и поводы къ тому легко умѣли найти. Императоръ никогда не хотѣлъ и слышать о нихъ» [2]). Дѣйствительно, Шварцъ, по ходатайству графа Аракчеева, былъ зачисленъ въ корпусъ военныхъ поселеній, но не получилъ въ команду никакой части войскъ, и когда потомъ подалъ въ отставку, его не уволили, а по прежнему, отставили отъ службы, въ чемъ свидѣтельствуетъ его письмо къ великому князю Михаилу Павловичу, съ просьбою «исходатайствовать ему отставку приличную благородному вѣрноподданному» [3]). Что-же касается сообщаемаго Фарнгагеномъ свѣдѣнія, будтобы въ 1823 году уже не оставалось въ живыхъ ни одного изъ прежнихъ семеновскихъ солдатъ, то въ опроверженіе тому достаточно привести показаніе одного изъ декабристовъ, прапорщика Вадковскаго, который пишетъ, что «выѣхавши изъ Василькова вмѣстѣ съ братомъ своимъ Матвѣемъ, Сергѣй Му-

[1]) Дѣло о происшествіи въ л.-гв. семеновскомъ полку, по поводу неудовольствія нижнихъ чиновъ на полковаго командира, полковника Шварца. 1820—1826 г.

[2]) Varnhagen v. Ense, Blätter aus der preussischen Geschichte. II. 430.

[3]) Письмо полковника Шварца, отъ 12 сентября 1826 г.

равьевъ не имѣлъ никакого намѣренія проѣхать въ 8-ю дивизію, въ которой *много было семеновскихъ солдатъ»*... [1]).

Происшествіе въ Семеновскомъ полку вызвало подозрѣнія и строгія мѣры въ отношеніи всей гвардіи, тѣмъ паче, что самъ командующій гвардейскимъ корпусомъ не оправдывалъ поведенія семеновскихъ офицеровъ. «Я очень далекъ отъ мысли — писалъ онъ—чтобы офицеры побудили своихъ солдатъ зайти такъ далеко, но я убѣжденъ, что они подали всему поводъ своею неосторожностью и болтовнею». (Je suis loin de croire que les officiers les ayent instigué à aller aussi loin, mais qu'ils ont donné lieu par leur imprudence et leurs câquets à tout ce qui est arrivé, c'est de quoi je suis convaincu [2]). Въ другомъ письмѣ къ государю генерала Васильчикова находимъ: «положеніе мое затруднительно; оно было бы менѣе тягостно, еслибы мои подчиненные смотрѣли на все происшедшее какъ на государственное дѣло, а не увлекались личными видами и достойнымъ порицанія соперничествомъ. Насчетъ этого событія вообще было много необдуманныхъ толковъ, чтó могло имѣть весьма прискорбныя послѣдствія; нѣкоторые изъ гвардейскихъ генераловъ попались въ эту ловушку, но приказъ вашего величества заставилъ ихъ одуматься, и я льщу себя надеждою, что они раскаяваются въ своей неосторожности». (Ma tâche n'est point facile; elle serait moins pénible si les individus qui se trouvent sous mes ordres voyaient dans tout ce qui s'est passé, une affaire d'état et ne se laissaient pas entrainer par des vues personnelles et une jalousie condamnable. Des discours peu réfléchis sur l'histoire qui vient de se passer ont été généralement adoptés et pouvaient naturellement conduire à des résultats trés fâcheux; quelques généraux de la garde ont donné dans le piége à tête baissée. Votre ordre du jour, Sire, leur a fait faire des réflexions et j'aime à croire qu'ils se repentent de leur imprudence). Далѣе—въ томъ-же письмѣ, Васильчиковъ доносилъ государю, что считаетъ нужнымъ устроить на другомъ основаніи существовавшія при полкахъ ланкастерскія школы, устранивъ директора ихъ Греча и ввѣривъ надзоръ за ними полковымъ командирамъ. О состоявшемъ подъ надзоромъ полиціи Вас. Наз. Каразинѣ отнесся Васильчиковъ, какъ о человѣкѣ весьма опасномъ по своимъ способностямъ, который можетъ надѣлать болѣе вреда нежели Гречъ, qui a très peu de moyens et qui est bavard comme une pie, и проч. [3]).

---

[1]) Записки декабристовъ. Выпуски второй и третій. Стран. 178.

[2]) Письмо князю Волконскому генерала Васильчикова, отъ 19 ноября 1820 года.

[3]) Письмо къ государю генерала Васильчикова, отъ 26 ноября 1820 года.

Въ первомъ письмѣ къ государю графа Аракчеева, о семеновскомъ происшествіи, онъ, выражая свою досаду на огорченіе, которое тѣмъ могло быть нанесено императору, изъявлялъ слѣдующее мнѣніе: «я, можетъ быть, грѣшу, но думаю, что оно не отъ солдатъ» [1]). Затѣмъ, уже по полученіи отвѣта изъ Троппау, Аракчеевъ писалъ:

«Батюшка, ваше величество!

«Очень много чувствую, какъ непріятно и печально было вамъ получить извѣстіе о безпорядкахъ въ семеновскомъ полку. Я узналъ объ ономъ въ своемъ Грузинѣ, и первое чувство моего сердца было о вашемъ величествѣ, что сіе происшествіе тяжко опечалитъ васъ и сильно подѣйствуетъ на душу вашу.

«Я совершенно согласенъ съ мыслями вашими, что солдаты тутъ менѣе всего виноваты, и что тутъ дѣйствовали съ намѣреніемъ, но кто и какъ, то нужно для общаго блага найтить самое начало. Я могу ошибаться, но думаю такъ, что сія ихъ работа есть пробная, и должно быть осторожнымъ, дабы еще не случилось чего подобнаго.

«Высочайшій вашъ приказъ такой, какой необходимъ при семъ случаѣ; равномѣрно о переводѣ офицеровъ прежнихъ и помѣщеніи новыхъ, но съ хорошимъ расположеніемъ, весьма полезно.

«Я, батюшка, живу въ Грузинѣ и поселеніи, и нѣтъ охоты ѣхать безъ васъ въ городъ, то здѣсь, слава Богу, мало свѣдѣній доходитъ до меня; а слышалъ только отъ Г. М. Петрова, который съ Шварцомъ знакомъ, что онъ полагаетъ, сіе происшествіе случилось по неудовольствію на него офицеровъ.

«Вы позволяете мнѣ все говорить и писать: не лучше-ли будетъ, есть-ли семеновскихъ солдатъ распредѣлить въ полки только 2-ой и 3-й гренадерскихъ дивизій, чѣмъ самымъ вы-бы ихъ лучше сохранили, а о поведеніи ихъ имѣли-бы вѣрное всегда свѣдѣніе.

«Въ военныхъ поселеніяхъ, вездѣ, слава Богу, смирно и благополучно. Молю Бога, да сохранитъ ваше здоровье и даруетъ вамъ скорѣе окончить общія дѣла и возвратиться къ намъ на труды своего государства» [2]).

Впослѣдствіи, посланный въ Витебскъ, для дальнѣйшихъ изслѣдованій по семеновскому дѣлу, генералъ-адъютантъ Орловъ писалъ князю Волконскому:.. «не излишнимъ считаю изъяснить

---

[1]) Это былъ отголосокъ отзыва Петра Андр. Клейнмихеля: «можетъ быть, что я и грѣшу, но въ душѣ своей увѣренъ (?), что заговоръ сей происходитъ не отъ солдатъ; къ сему дѣлу есть наставники, и хотя пишутъ, что офицеры въ ономъ не участвуютъ, но вѣрить сему мудрено»... (Изъ письма къ графу Аракчееву генералъ-маіора Клейнмихеля, отъ 21 октября 1820 года).

[2]) Письмо графа Аракчеева, отъ 18 ноября 1820 года изъ Грузина.

вашему сіятельству искреннѣйшія удостовѣренія сердца моего, почерпнутыя изъ существа самаго дѣла. Вы сами видѣли, по ходу дѣла, мѣры употребленныя для открытія истины. Я пренебрегъ всѣми мнѣніями и предубѣжденіями, съ начала до самаго конца, не ослабилъ дѣйствій моихъ, при исполненіи высочайшаго порученія, и, при всей ревности къ службѣ государя императора, о семеновской исторіи ничего не могу болѣе сказать, какъ только, что она заключаетъ: неосмотрительное поведеніе гг. офицеровъ предъ полковымъ командиромъ, полковникомъ Шварцомъ, неосторожное его обращеніе съ ними, а въ день несчастнаго происшествія, общее всѣхъ малодушіе извѣстно уже начальству изъ двухъ военно-судныхъ дѣлъ... Знаю, ваше сіятельство, что правдою много себѣ злодѣевъ прибавлю. Знаю, что, за точное исполненіе обязанностей моихъ, почитаютъ меня въ столицѣ ядовитымъ источникомъ всего зла, но я чистъ въ совѣсти предъ Богомъ и предъ государемъ, и не только я, но все, что̀ вижу вокругъ себя, все, что̀ слышу о гвардейскомъ корпусѣ, все готово пролить послѣднюю каплю крови для возлюбленнѣйшаго монарха нашего. И тѣ, которые тщетно стараются предубѣдительными разсужденіями поколебать въ сердцѣ его довѣренность къ нимъ—рано или поздно, будутъ отвѣчать, за клевету свою, предъ престоломъ Божіимъ» [1]...

Но уже ничто не могло измѣнить убѣжденія, усвоеннаго императоромъ Александромъ при первыхъ извѣстіяхъ о семеновскомъ происшествіи. Недовольный участіемъ, оказаннымъ гвардіей семеновцамъ, государь повелѣлъ, въ апрѣлѣ 1821 года, всѣмъ гвардейскимъ полкамъ выступить въ западныя губерніи. Начальство надъ корпусомъ, вмѣсто Васильчикова, было поручено государемъ любимому генералъ-адъютанту его, Ѳедору Петровичу Уварову, а начальникамъ гвардейскихъ дивизій, Розену и Потемкину, даны, въ замѣнъ ихъ, армейскія дивизіи. Императоръ Александръ и августѣйшій преемникъ его были увѣрены, что безпорядки въ Семеновскомъ полку имѣли связь съ дѣйствіями тайныхъ обществъ и клонились къ пагубной цѣли — ниспроверженія верховной власти и общественнаго порядка [2].

М. Богдановичъ.

---

[1]) Письмо Алексѣя Ѳед. Орлова, отъ 28 февраля 1822 года, изъ Витебска.

[2]) Замѣчанія императора Николая Павловича на рукопись о происшествіи въ семеновскомъ полку.

РУССКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

и

ЕЯ НУЖДЫ.

III*).

Представивъ историческій очеркъ постепеннаго развитія нашей фабричной промышленности и ознакомившись съ общими ея размѣрами и съ силами, которыми она располагаетъ нынѣ, мы должны теперь разсмотрѣть состояніе различныхъ ея отраслей, взвѣсить относительное ихъ значеніе и опредѣлить хотя до извѣстной степени возможность ихъ развитія въ будущемъ.

Къ сожалѣнію, наша промышленность была еще весьма мало изучаема какъ въ техническомъ, такъ особенно въ экономическомъ отношеніи; немногія только отрасли ея были предметомъ изслѣдованія на самомъ мѣстѣ ихъ производства со стороны особыхъ спеціалистовъ, и потому матеріаловъ для познанія истиннаго состоянія нашей промышленности весьма мало.

Это сознаніе бѣдности нашей литературы по части промышленности побудило министерство финансовъ къ изданію, при содѣйствіи лицъ спеціально знакомыхъ съ нею, *«Обзора различныхъ отраслей мануфактурной промышленности Россіи»*, а также *«Обзора парижской всемірной выставки 1867 года»* въ примѣненіи къ современному состоянію и потребностямъ нашей промышленности; но къ сожалѣнію оба изданія, изъ коихъ перваго вышло три тома, а второго 14 выпусковъ, представляя рядъ весьма ин-

---

*) См. выше, окт. 508 стр.

тересныхъ монографій, далеко не обнимаютъ еще всѣхъ отраслей нашей промышленности. Пробѣлы, оставляемые этими изданіями, пополняются частью нѣкоторыми, впрочемъ скудными, указаніями самихъ промышленниковъ о состояніи ихъ производствъ, разсѣянными въ матеріалахъ и трудахъ тарифной коммиссіи 1867 г., и въ извѣстномъ мнѣніи постоянной депутаціи московскихъ купеческихъ съѣздовъ по поводу вопроса о заключеніи торгово-таможеннаго договора съ Германіею, а частью спеціальными статьями, разбросанными въ разныхъ журналахъ. Изученіе періодически повторяющихся мануфактурныхъ выставокъ даетъ возможность ближе всего опредѣлять степень успѣховъ оказываемыхъ разными отраслями промышленности; а потому въ отчетахъ экспертовъ о выставкахъ и въ описаніи ихъ спеціалистами можно найти нерѣдко богатый матеріалъ для ближайшаго ознакомленія съ состояніемъ промышленности.

Новѣйшія числовыя свѣдѣнія по нашей промышленности заключаются въ 1-мъ выпускѣ «Ежегодника» министерства финансовъ на 1869 годъ, въ «Статистическомъ атласѣ», г. Тимирязева, въ «Указателѣ» послѣдней мануфактурной выставки, и въ объясненіяхъ къ хозяйственно-статистическому атласу Европейской Россіи, составленныхъ г. Вильсономъ.

Пользуясь, по возможности, такими разнообразными матеріалами, мы постараемся точнѣе опредѣлить степень развитія нашей промышленности, обращая преимущественное вниманіе на экокономическую ея сторону, и для бо̀льшаго удобства разсмотрѣнія раздѣлимъ всю промышленность на шесть группъ, соединяя въ каждой группѣ по нѣскольку сродныхъ между собою производствъ.

Къ первой группѣ мы отнесемъ всѣ производства прядильно-ткацкія, т.-е. обрабатывающія волокнистыя вещества частью механическими, частью химическими процессами. Сюда относится изготовленіе издѣлій изъ льна, пеньки, хлопчатой бумаги, шерсти, шелка и другихъ волокнистыхъ веществъ какъ въ чистомъ, такъ и въ смѣшанномъ видѣ.

Вторую группу составятъ производства, занимающіяся обработкою металловъ, какъ драгоцѣнныхъ, такъ и недрагоцѣнныхъ.

Третья группа — химическихъ производствъ въ широкомъ значеніи этого слова—обниметъ главныя производства химическихъ и красильныхъ продуктовъ, составляющихъ одинъ изъ главныхъ матеріаловъ всякой промышленности, и всѣ тѣ производства, которыя прежде всего основаны на химическихъ процессахъ, какъ-то: свѣчно-сальное и восковое, стеариновое, спичечное, мыловаренное, косметическое, газовое, и т. д.

Къ четвертой группѣ мы отнесемъ производства, занимающіяся обработкою разныхъ ископаемыхъ, не-металлическихъ, матеріаловъ, какъ-то черепичное, цементное, гипсовое, кирпичное, гончарное, фаянсовое, фарфоровое, стеклянное и зеркальное.

Къ пятой категоріи—производства, занимающіяся обработкою дерева: лѣсопильное, мебельное, паркетное, экипажное, судостроительное и т. п.

Къ шестой — производство питательныхъ продуктовъ для человѣка: муки, вина и другихъ напитковъ, сахару и табаку.

Начинаемъ нашъ обзоръ производствъ, занимающихся обработкою волокнистыхъ веществъ, съ *льняной* промышленности [1]), которая принадлежитъ искони къ числу коренныхъ русскихъ промышленностей. Мы имѣли уже случай указать на древность ея и на виды льняныхъ издѣлій, производившихся нашими предками. Въ настоящее время разведеніемъ льна для полученія изъ него преимущественно волокна, занимаются 16-ть губерній: Псковская, Смоленская, Вологодская, Костромская, Владимирская, Лифляндская, Вятская, Минская, Витебская, Ковенская, Ярославская, Полтавская, Виленская, Курляндская, Гродненская и Олонецкая; сборъ волокна съ 665,000 дес., находящихся подъ посѣвами льна, простирается до 12 мил. пудовъ, цѣнностью въ 48 мил. руб. Наибольшимъ развитіемъ льняного производства отличается Псковская губернія, въ которой 80,000 дес. засѣваются льномъ, и до 1,700,000 пуд. волокна вывозится ежегодно изъ губерніи на сумму около 7 мил. руб. [2]). За отпускомъ $7^1/_2$ мил. пудовъ льна, льняной пакли и пряжи за границу, остальное количество $4^1/_2$ мил. пудовъ перерабатывается частью на фабрикахъ машиннымъ образомъ, частью же крестьянами въ ихъ домашнемъ быту на ручныхъ станкахъ.

Въ 1868 году, льняная пряжа производилась фабричнымъ

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о льняной промышленности можно найти въ изданныхъ министерствомъ государственныхъ имуществъ «Изслѣдованіяхъ о состояніи льняной промышленности въ Россіи», С.-Петербургъ, 1849; и «Изслѣдованіяхъ о состояніи льнян. пром. въ Германіи, Голландіи, Бельгіи, Франціи и Великобританіи», 1846; въ «Матеріалахъ и трудахъ Высоч. учрежд. коммиссіи по пересмотру тарифа 1867 г. въ «Мнѣніи постоянной депутаціи моск. купеч. съѣздовъ» М. 1866, и въ интересной статьѣ г. Верховцева «О производствѣ льна и льняныхъ издѣлій», въ 2-хъ іюльскихъ книжкахъ Трудовъ И. В. Э. Общества 1870 г.

[2]) «Свѣдѣнія о льняной промышленности и торговлѣ Псковской губерніи» С.-Петербургъ, 1870. Брошюра эта составлена псковскимъ статистическимъ комитетомъ въ поясненіе коллекціи льна и льняныхъ издѣлій, представленной на всероссійскую мануфактурную выставку.

образомъ въ губерніяхъ: Костромской, Владимирской, Ярославской, Петербургской, Тверской, Вологодской, Лифляндской и Рязанской, на 16 льнопрядильняхъ въ количествѣ около 620,000 пуд. на сумму 7,338,000 рублей. По отзыву самихъ фабрикантовъ [1]), пряжа приготовляется на нашихъ льнопрядильняхъ, преимущественно низкихъ нумеровъ, и средняя до № 36; предѣломъ нашего производства считается № 50; выше этого до № 80 выпрядается незначительное количество, едвали $^1/_{50}$ часть; лишь на фабрикахъ г. Зотова и г. Грибанова, въ видѣ исключенія выпрядается льняная пряжа до №№ 120 и 140. Поэтому привозъ къ намъ иностранной льняной пряжи, около 15 тыс. пудовъ, состоитъ, главнымъ образомъ, изъ тонкихъ нумеровъ 70—80 и до 120.

Льняныя ткани изготовлялись частію, на сумму 6,335,000 р., на 101 льноткацкой фабрикѣ, 15-ю тысячами рабочихъ въ вышеозначенныхъ губерніяхъ, кромѣ Лифляндской и Рязанской, и еще въ Витебской, Черниговской, Калужской, Архангельской, частію же на сумму около 55 мил. рублей, домашнимъ образомъ крестьянами, что составляетъ одинъ изъ видовъ кустарной промышленности. Точныхъ свѣдѣній о количествѣ льняныхъ тканей ручной крестьянской выдѣлки не имѣется, но по собраннымъ военно-окружными интендантствами за 1868 г. свѣдѣніямъ оказывается, что въ томъ году, въ 27 губерніяхъ, за удовлетвореніемъ собственныхъ домашнихъ потребностей крестьянъ, обращено было ими на продажу съ промышленною цѣлью до 80 мил. арш. ручного холста, на сумму $5^1/_4$ мил. руб.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что количество выдѣлываемаго крестьянами ручного холста съ каждымъ годомъ замѣтно уменьшается, потому что цѣны на него стоятъ неизмѣнно прежнія и не только не оплачиваютъ труда поселянина, но еще служатъ ему въ убытокъ, такъ какъ продавая свой ленъ въ сыромъ видѣ, онъ могъ бы выручить несравненно большій доходъ отъ возвысившихся цѣнъ на ленъ въ заграничной торговлѣ. Во Владимирской и Костромской губерніяхъ, за 10 новинъ и 2 холста крестьяне получаютъ 11 рублей, тогда какъ $2^1/_2$ пуда льна, употребленнаго на эти холсты, при продажѣ льна въ сыромъ видѣ могли бы доставитъ имъ 11 р. $87^1/_2$ коп.; слѣдовательно, чистый убытокъ на каждые $2^1/_2$ пуда льна равняется $87^1/_2$ к.

Уменьшеніе выдѣлки ручныхъ холстовъ поставило на нѣкоторое время въ затрудненіе военно-интендантское вѣдомство;

---

[1]) Докладъ особой экспертной коммиссіи о пряжѣ и тканяхъ льняныхъ и пеньковыхъ въ «Труд. тарифной коммиссіи» т. II.

но льноткацкія фабрики скоро возмѣстили этотъ недостатокъ приготовленіемъ особаго рода тканей, нужныхъ для арміи, которая вообще является однимъ изъ главныхъ потребителей нашихъ льняныхъ издѣлій. Въ 1869 году заготовлено было для арміи и флота всего около 33 мил. аршинъ фабричнаго и ручного холста и до 3,150,000 аршинъ фламскаго полотна и равендука.

Льняныя ткани, приготовляемыя фабричнымъ образомъ, раздѣляются на гладкія и узорчатыя; къ первымъ принадлежатъ льняная парусина, равендукъ, фламское полотно, коломенка, тонкія полотна и платки; ко вторымъ: тикъ, дрель, пестрядь, чешуйка, салфеточныя полотна и нѣкоторыя брючныя матеріи. Ручныя льняныя ткани дѣлятся на четыре главныхъ категоріи: рубашку, подкладку, хрящъ или мѣшечный холстъ и рѣдно. Каждый изъ этихъ видовъ холста имѣетъ свои подраздѣленія и разныя мѣстныя названія. Такъ рубашка бываетъ тонкая и средняя (ровная), бѣленая и суровая; лучшая тонкая по мѣстностямъ называется также головкой или новиной въ Ярославской губ., гвардейской рубашкой въ Тверской, барскимъ холстомъ въ Рязанской; средняя рубашка называется—холстомъ волоконнымъ въ Пермской губерніи, армейской рубашкой въ Тверской. Лучшая бѣленая подкладка называется межеумкомъ и составляетъ какъ бы переходъ отъ рубашечнаго холста къ подкладочному. Хрящъ или мѣшочный холстъ представляетъ холстъ самый грубый. Полубѣленный хрящъ называется также торбочнымъ. Самый низкій сортъ рѣдна называется макридой и идетъ на конопаченіе судовъ.

Было время, когда Россія снабжала въ значительномъ количествѣ своими льняными издѣліями не только Европу и преимущественно Великобританію, но и Сѣверную Америку. Такъ, въ концѣ прошедшаго столѣтія вывозъ парусины, фламскихъ полотенъ и равендуковъ доходилъ до 250 тысячъ кусковъ въ годъ, и хотя уменьшился впослѣдствіи, но еще составлялъ въ тридцатыхъ годахъ около 200 т. въ годъ; въ 60-хъ же годахъ уменьшился до 40 и даже 30 т. кусковъ въ годъ; равнымъ образомъ и вывозъ салфеточнаго полотна, коломенки и холста бѣлаго значительно уменьшился, и лишь отпускъ грубаго ручного холста употребляемаго въ Америкѣ на мѣшки для кофе увеличился съ двухъ милліоновъ аршинъ, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, до 10 милліоновъ аршинъ въ 1868—69 годахъ. Результатомъ такого уменьшенія въ требованіи на наши полотняныя издѣлія было закрытіе большей части полотняныхъ фабрикъ, существовавшихъ

въ прежнее время у многихъ помѣщиковъ или сокращеніе ихъ производства.

Причину такого упадка нашей льняной промышленности послѣ 30-хъ годовъ, сами фабриканты объясняютъ [1]) отчасти чрезмѣрнымъ развитіемъ хлопчатобумажной промышленности, подъ покровительствомъ тарифа 1822 года, главнымъ же образомъ тѣмъ, что мы не слѣдили своевременно за тѣми преобразованіями, которыя совершались въ льняной промышленности въ чужихъ краяхъ и которыя, съ одной стороны, измѣняли требованія или вводили новыя, а съ другой—совершенствовали и удешевляли самыя издѣлія, и въ томъ, что мы заботились только о развитіи у себя льновоздѣлыванія для сбыта иностраннымъ фабрикамъ льна въ сыромъ видѣ. Въ то время, когда Англія вводила у себя машинное льнопряденіе, машинную аппретуру и химическое бѣленіе, увеличивала воздѣлываніе льна въ Ирландіи и вытѣсняла наши льняныя издѣлія съ американскихъ рынковъ, гдѣ они особенно славились, поддѣлывая наши клейма на худшихъ изъ сбываемыхъ туда собственныхъ издѣліяхъ и тѣмъ подрывая довѣріе американцевъ къ нашимъ фирмамъ; въ то время, какъ и Германія, слѣдуя примѣру Англіи, развивала раціональнымъ образомъ свою льняную промышленность, «мы, по выраженію записки московскаго съѣзда, покоились на лаврахъ и продолжали работать по старому, ни мало не думая объ измѣненіи своихъ порядковъ въ льнопромышленности».

Послѣ неубѣдительнаго опыта образцовой казенной александровской мануфактуры и нѣсколькихъ неудачныхъ частныхъ попытокъ къ введенію механическаго льнопряденія, послѣ тщательнаго изслѣдованія правительствомъ, въ 40-хъ годахъ, состоянія какъ нашей, такъ и иностранной льняной промышленности, посредствомъ особыхъ коммиссій изъ спеціалистовъ и обнародованія ихъ отчетовъ, возникло нѣсколько механическихъ льнопрядилень, преимущественно въ концѣ 50-хъ годовъ, несмотря на послѣдовавшее въ 1857 г. пониженіе пошлинъ на иностранные товары. Въ 1864 году было уже въ дѣйствіи 11 льнопрядилень, имѣвшихъ 69.000 веретенъ. Не малую, хотя и невольную услугу оказалъ нашей льняной промышленности и хлопчато-бумажный кризисъ, какъ бы въ вознагражденіе за отвлеченные отъ нея, въ 20-хъ годахъ, капиталы, обратившіеся въ то время на хлопчатобумажную фабрикацію, подъ вліяніемъ запретительнаго тарифа 1822 года.

---

[1]) Мнѣніе постоянной депутаціи московскихъ купеческихъ съѣздовъ. Москва, 1865 г., стр. 243—277.

Если наши льнопрядильни ограничиваются пока выпрядепіемъ только низкихъ и среднихъ нумеровъ, то это объясняется неудовлетворительнымъ положеніемъ самаго льноводства, которое весьма мало доставляетъ годнаго для тонкой пряжи матеріала, а также недавнимъ возникновеніемъ у насъ льнопрядильнаго дѣла, не успѣвшаго вполнѣ достигнуть техническихъ усовершенствованій, необходимыхъ для выпряденія тонкихъ нумеровъ. Тѣже причины служатъ объясненіемъ, почему и фабрикація тонкихъ полотенъ, не уступающихъ въ добротѣ, особенно въ бѣленіи и аппретурѣ, иностраннымъ полотнамъ, составляетъ у насъ до сихъ поръ рѣдкое исключеніе.

Лучшими обширнѣйшими у насъ льнопрядильнями считаются принадлежащія товариществамъ Норской мануфактуры льняныхъ издѣлій, близъ Ярославля, и Балтійской холщевой мануфактуры, а также гг. Зотову и Грибанову; лучшія между нашими полотняными издѣліями, судя по послѣдней выставкѣ, принадлежатъ гг. Грибанову, Гилле и Дидриху, барону Штиглицу и таммерфорскому акціонерному обществу.

Остановимся на минуту на фабрикѣ почетнаго гражданина Грибанова [1]) въ Великоустюжскомъ уѣздѣ, издѣлія которой пользуются такой заслуженной славой въ торговлѣ и даже предпочитаются иностраннымъ. Фабрика эта основана была въ 1849 г. г. Люрсомъ, но по неспособности лицъ, управлявшихъ ею, несмотря на дешевизну матеріаловъ и рабочихъ рукъ, шла неудовлетворительно. Въ 1860 г., она перешла къ г. Грибанову и съ тѣхъ поръ началось ея постепенное развитіе и усовершенствованіе, что видно изъ слѣдующихъ краснорѣчивыхъ данныхъ:

	Число рабочихъ.	Жалованья выдавалось.	Переработано льна.	Выработано льняной пряжи.	Выработано полотенъ аршинъ.	На сумму руб. сер.
Въ 1862	324	30,000 р.	5,000 пуд.	2,300 пуд.	210,000	115,400
» 1865	954	96,700 »	26,000 »	14,600 »	347,000	453,000
» 1869	1,045	—	—	245,00 »	745,000	590,000

Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду, что фабрика г. Грибанова находится въ довольно невыгодныхъ условіяхъ по отдаленности своей отъ главныхъ мѣстъ своего сбыта, обѣихъ столицъ и ярмарокъ Нижегородской и Ирбитской, и по дурному состоянію дорогъ, по которымъ весною и осенью перевозка тяжестей совершенно невозможна.

[1]) Весьма интересныя свѣдѣнія объ этой фабрикѣ мы находимъ въ отчетѣ одного изъ членовъ экспедиціи по изслѣдованію хлѣбной торговли и производительности Россіи, г. Чубинскаго: «Отчетъ о льновоздѣлываніи, льняномъ производствѣ и льняной торговлѣ»

Раціональному развитію у насъ льняной промышленности не мало содѣйствуетъ также основаніе въ послѣднія десять лѣтъ шести обширныхъ акціонерныхъ предпріятій съ основнымъ капиталомъ болѣе 3 мил. руб., и ежегоднымъ оборотомъ до 4 мил. руб. Вотъ размѣры ихъ дѣятельности:

	Годъ основ.	Основн. капиталъ р. с.	Число рабочихъ.	Число веретенъ.	Число станковъ.	Паров. машинъ.	Сумма производства.
Въ Ярославской губ.							
1. Тов. Норской мануф. льнян. издѣлій	1859	1.000,000	2,000	21,000	160	6 маш. / 210 сил.	1.700,000
2. Тов. Романовской	1859	1.500,000	200	—	—	2 / 40	168,000
Въ Костромской губ.							
3. Тов. Костромской льнопряд.	1866	270,000	536	—	—	—	293,000
Въ Тверской.							
4. Тов. Рождественной мануфак.	—	—	550	—	—	—	560,000
Въ Лифляндской губ.							
5. Комп. Балтійской холщевой мануф.	1859	150,000	300	4,000	—	3 / 85	180,000
6. Таммерфорское акціонерное общество льняной и желѣзной мануф.	1858	—	900	—	—	—	800,000

Вообще все убѣждаетъ въ томъ, что упреки, прежде дѣлаемые нашей льняной промышленности, теперь уже не современны, и что она начинаетъ возвращать себѣ мѣсто, которое ей нѣкогда принадлежало и по праву принадлежитъ во всемірной промышленности.

Производство *пеньки* въ Россіи достигаетъ 6 мил. пудовъ въ годъ, и въ послѣднее время не только не увеличивается, но скорѣе уменьшается, вслѣдствіе уменьшенія паруснаго судоходства, развитія желѣзнаго судостроенія, употребленія на судахъ желѣзныхъ цѣпей вмѣсто канатовъ, распространенія въ народѣ одежды изъ хлопчато - бумажныхъ и льняныхъ тканей, и введенія новыхъ волокнистыхъ растеній для добыванія маслъ. До $3^1/_2$ мил. пуд. пеньки и пеньковой пряжи отпускается за границу, до $1^1/_2$ мил. пуд. идутъ на выдѣлку крестьянами одежды, мѣшковъ и т. п., и около 1 мил. пуд. обращается фабричнымъ образомъ въ канаты, веревки и другія издѣлія. Пряденіе пеньки производится исключительно ручнымъ способомъ, частію на мелкихъ домашнихъ заведеніяхъ, частію на 19 болѣе крупныхъ, съ производствомъ на 1.267,000 р., а также на самыхъ значительныхъ канатныхъ фабрикахъ, общее

число которыхъ достигаетъ 121, съ 2273 рабочими и съ цифрой производства около 3 мил. р. Кромѣ того, множество мелкихъ заведеній занимаются крученіемъ канатовъ и веревокъ ручнымъ способомъ, и выдѣлкою рыболовныхъ снастей, всего на сумму не менѣе 1 мил. р. Такимъ образомъ, общая цѣнность пеньковаго производства вѣроятно не менѣе 5 мил. р. Лучшею и самою обширною канатною фабрикою считается фабрика Журавлева въ Ярославской губерніи, выдѣлывающая до 150,000 пудовъ издѣлій на сумму 800,000 р.; за нею слѣдуетъ казенная фабрика морского вѣдомства съ производствомъ до 425,000 р. [1])

Въ ряду прядильно-ткацкихъ производствъ *хлопчато-бумажное* [2]), во всѣхъ странахъ, занимаетъ самое видное мѣсто по своимъ размѣрамъ, и этимъ развитіемъ оно обязано преимущественно свойствамъ своего первообразнаго матеріала. Хлопокъ, въ сравненіи съ другими прядильно-ткацкими матеріалами, отличается дешевизной, необыкновеннымъ постоянствомъ въ качествахъ и пригодностью къ машинному пряденію; а пряжа, получаемая изъ него, — неимовѣрной легкостью ткачества, изумительной скоростью бѣленія и удобствомъ крашенія и набиванія. Великія механическія изобрѣтенія Гаргревса, Аркрайта, Кромптона, Уэлля дали средства къ широкому, почти безграничному развитію хлопчато-бумажной промышленности. О размѣрахъ этого производства можно судить потому, что въ началѣ 60-хъ годовъ, на всемъ земномъ шарѣ производилось и потреблялось до 140 мил. пудовъ хлопка, для воздѣлыванія которыхъ необходимо было до 25 мил. десятинъ земли. Изъ этого количества, $11^1/_2$ мил. пудовъ потреблялось въ Сѣверной Америкѣ и 52 милліона въ Европѣ. Сѣверная Америка доставляла 44 мил. пуд., Остъ-Индія $5^1/_2$ мил., Египетъ $1^1/_2$ мил., Бразилія 625 т., Вестъ-Индія 328 т. Большая часть всего привозимаго въ Европу хлопка, именно около 30 мил. пуд., направляется въ Англію, которая около $^2/_3$ его переработываетъ дома, а остальную $^1/_3$ распродаетъ другимъ странамъ и въ томъ числѣ

---

[1]) Статистическій атласъ Тимирязева. Примѣчанія стр. 42—43.

[2]) Подробныя свѣдѣнія о состояніи хлопчато-бумажной промышленности въ Россіи, и отчасти за границею, можно найти въ «Обзорѣ различныхъ отраслей мануфактурной промышленности Россіи» т. II. 1863 г., въ статьяхъ посвященныхъ этой отрасли гг. Шереромъ и Андреевымъ, стр. 445—523, и въ «Обзорѣ Парижской всемірной выставки 1867 года», выпускъ V, 1868 г.; статья также г. Шерера, въ статистическомъ атласѣ главнѣйшихъ отраслей фабрично-заводской промышленности Европейской Россіи г. Тимирязева, 1870 г. и въ «Ежегодникѣ министерства финансовъ» на 1869 годъ, наконецъ въ «Трудахъ коммиссіи высочайше учрежденной для пересмотра тарифа» въ 1867 г. 2 части, 1868.

Россіи. Поэтому, понятно, какъ чувствительно было для Англіи сокращеніе, въ 1862 и 1863 годахъ, почти на половину обыкновеннаго привоза хлопка, вслѣдствіе американской войны. Въ виду уменьшенія вывоза хлопка изъ Америки, который упалъ по одному Новоорлеанскому порту съ 1.915,852 кипъ (въ 200 килограммовъ каждая), въ 1860 — 61, до 23,750 въ 1862—63, манчестерская торговая палата приняла дѣятельныя мѣры для возбужденія и поощренія къ разведенію хлопчатника въ разныхъ странахъ свѣта, и дѣйствительно, Остъ-Индія, Египетъ, Бразилія и Китай, уже съ 1863 г. значительно восполняли недостатокъ американскаго хлопка на европейскихъ рынкахъ, доставляя имъ около $^3/_5$ всего нужнаго количества. Даже нѣкоторыя европейскія государства, въ особенности Италія, Австрія и даже Франція въ своей алжирской колоніи старались удовлетворить отчасти собственнымъ потребностямъ, отчасти требованіямъ торговли, разведеніемъ хлопчатника. Успѣхъ имѣла однако одна Италія, которая довела сборъ хлопка сырца до 2 мил. пуд. Съ возстановленіемъ мира, производство хлопка, а также отпускъ его изъ Сѣверной Америки снова поднялись, но не достигли еще прежнихъ размѣровъ.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ и обнародованнымъ національнымъ обществомъ плантаторовъ и бумаго-прядильщиковъ, урожай хлопка, въ 1868 — 69 году, составляетъ уже 30 мил. пудовъ, а по мнѣнію нѣкоторыхъ журналовъ доходилъ даже до 38 мил. Развитіе этой отрасли хозяйства встрѣчаетъ препятствіе лишь со стороны недостатка рабочихъ рукъ, со времени освобожденія негровъ, что̀ побудило южныхъ землевладѣльцевъ на съѣздѣ, бывшемъ въ августѣ минувшаго года въ Мемфисѣ, отправить довѣреннаго агента въ Китай, для изысканія средствъ къ открытію, въ южные штаты, возможно широкой эмиграціи кули (coolies), съ цѣлію пополнить и даже замѣнить ими рабочихъ негровъ [1]).

Россія потребляетъ въ настоящее время около $3^1/_2$ мил. пуд. хлопка, преимущественно американскаго и остъиндскаго; за исключеніемъ 700 т. пудовъ такъ-называемаго бухарскаго, привозимаго къ намъ по азіатской границѣ изъ Средней Азіи. Со времени хлопковаго кризиса, родилось у насъ стремленіе къ расширенію разведенія хлопчатника въ нашихъ собственныхъ азіатскихъ владѣніяхъ; но до сихъ поръ еще дѣло это идетъ весьма медленно и ежегодное производство хлопка за Кавка-

---

[1]) Annuaire de l'économie politique et de la statistique, 1870, par M. M. Block. Paris, 1870, стр. 307.

зомъ простирается не болѣе какъ до 70 тыс. пудовъ въ годъ, сосредоточиваясь преимущественно въ губерніяхъ Эриванской, и отчасти въ Бакинской, Тифлисской и Кутаисской [1]). Между тѣмъ полагаютъ, что мы обладаемъ между Каспійскимъ и Чернымъ морями пространствомъ въ 3,320,000 десятинъ, орошаемымъ Курою, Араксомъ, Черною рѣкою, Ріономъ и другими рѣками, и вполнѣ способнымъ для разведенія лучшаго американскаго хлопка; но до сихъ поръ являлось слишкомъ мало предпріимчивыхъ и капитальныхъ людей для этого дѣла. На послѣдней мануфактурной выставкѣ нельзя было не замѣтить прекрасные образцы хлопка, выращеннаго изъ американскихъ сѣмянъ на плантаціяхъ І. Н. Морозова по рр. Курѣ и Араксу. Плантаціи эти заложены въ 1867 г., а въ 1870 г. занимали 150 десятинъ. Сборъ въ 1869 г. простирался до 300 пуд. цѣною на 1,500 р. Кромѣ того извѣстны также попытки къ разведенію хлопка братьевъ Анановыхъ, въ Кутаисской геберніи, производящихъ, съ 1860 года, отъ 1,000 до 1,500 пуд. хлопка-сырца, а также московской компаніи (гг. Мазурина, Красногорина и Готина). Съ присоединеніемъ къ Россіи Туркестанскаго края, явилась надежда на возможность полученія хлопка и оттуда. Общество содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, а затѣмъ съѣздъ фабрикантовъ и заводчиковъ, бывшій въ нынѣшнемъ году въ Петербургѣ, указали на цѣлый рядъ мѣръ и желаній, осуществленіе которыхъ, по мнѣнію ихъ, могло бы привести къ развитію и улучшенію нашего хлопководства.

Начало хлопчатобумажной промышленности въ Россіи положено было еще въ минувшемъ столѣтіи, причемъ ткачество и набиваніе тканей возникли ранѣе пряденія хлопка, и составляли преимущественно предметъ крестьянской промышленности. Жители села Иванова и разныхъ подмосковныхъ деревень уже въ концѣ XVIII столѣтія готовили изъ англійской пряжи простыя выбойки и ситцы на станахъ, помѣщавшихся въ крестьянскихъ избахъ. Съ 1814 по 1824 г. количество англійской пряжи, которая привозилась къ намъ, составляло среднимъ числомъ около 200 т. пудовъ. Запретительный тарифъ 1822 года далъ новое направленіе хлопчатобумажной промышленности, привлеченіемъ капиталовъ къ основанію обширныхъ фабричныхъ заведеній не только для тканія и набивки бумажныхъ издѣлій, но и для пряденія хлопка. Результатомъ этого было измѣнившееся отношеніе

[1]) О *кавказскомъ хлопчатникѣ*. Тифлисъ. 1862. Брошюра эта составлена на основаніи свѣдѣній, собранныхъ по распоряженію управленія сельскаго хозяйства на Кавказѣ и за Кавказомъ.

между привозомъ хлопка и бумажной пряжи. До 1844 года привозъ иностранной пряжи постоянно увеличивался и превышалъ привозъ хлопка, достигнувъ до 600 т. пуд.; затѣмъ онъ сталъ уменьшаться и дошелъ до нынѣшнихъ размѣровъ 100 т. пудовъ. Напротивъ, привозъ хлопка не переставалъ возрастать и достигнулъ нынѣшней цифры 3 мил. пудовъ.

Первыя бумагопрядильни были основаны въ 1824 году, но не имѣли успѣхи, и лишь въ тридцатыхъ годахъ возникли въ Москвѣ бумагопрядильни, доказавшія выгодность этого производства; въ 1843 г. число бумагопрядильныхъ веретенъ достигало уже 350,000, въ 1849—600,000, въ 1853—1 мил., а въ 1860 году $1^1/_2$ мил.; съ присоединеніемъ же прядильныхъ фабрикъ царства Польскаго и Финляндіи—1,600,000 веретенъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ настоящее время число веретенъ увеличилось до 1,750,000.

Наибольшее число бумагопрядилень, именно 33 изъ 67, находятся въ губерніяхъ Московской (14), Владимирской (9) и Петербургской (10) съ 27 т. рабочихъ и $11^1/_2$ милліоннымъ производствомъ на каждую губернію, т.-е. около 35 мил. руб. на всѣ.

Наши бумагопрядильни ограничиваются выдѣлкою преимущественно низкихъ и среднихъ нумеровъ пряжи до 40-го, и въ небольшомъ количествѣ 50 и 60-го нумера, хотя въ видѣ исключенія, большею частью для выставокъ, чтобы доказать свое знаніе въ отдѣлкѣ высшихъ нумеровъ, производятъ и выше 60-го нумера, даже 80 и сотые.

Изъ 3 мил. пудовъ хлопка-сырца, переработываемаго нашими фабриками, получается около $2^1/_2$ мил. пудовъ пряжи, которые потребляются туземными фабриками на выдѣлку товаровъ низшаго и средняго качества. Однѣ только лучшія бумажныя матеріи, тонкій каленкоръ, жаконетъ и кисея ткутся изъ иностранной пряжи. Вывозъ русской пряжи за-границу ограничивается ничтожнымъ количествомъ, не болѣе 20 т. пуд. по азіатской границѣ. Выдѣлка ваты съ каждымъ годомъ усиливается. Съ 12-ти, въ 1852 году, число ватныхъ фабрикъ возрасло въ 1866 г. до 95, а цѣнность производства съ 75,000 до 445,000 р. сер.

Выработка самыхъ простыхъ бумажныхъ издѣлій: миткалей, нанки, кумачей, бумажныхъ платковъ и т. п., назначаемыхъ преимущественно въ краску и набивку, производится преимущественно въ губерніяхъ Московской, Владимирской, Тверской, Костромской, Ярославской и Калужской, крестьянами, которые получаютъ бумажную пряжу или прямо отъ купцовъ-капиталистовъ, или отъ особыхъ мастеровъ, служащихъ посредниками между ними и

капиталистами. Многіе фабриканты - купцы изготовляютъ этимъ путемъ отъ 100 до 200 тысячъ кусковъ миткаля, и этимъ объясняется какъ необыкновенная дешевизна этого товара, такъ и самое его несовершенство и медленное распространеніе машиннаго ткачества въ Россіи. Въ послѣднее время, впрочемъ, всѣ болѣе значительныя бумагопрядильни снабжаются соотвѣтственнымъ числу веретенъ ассортиментомъ самоткацкихъ станковъ. Число машинныхъ станковъ въ настоящее время вѣроятно не менѣе 15 т.

Ручное производство бумажныхъ тканей, неидущихъ въ набивку, бѣлыхъ, пестрыхъ и цвѣтныхъ на платья, платки, брюки и т. п., а также плотныхъ бумажныхъ издѣлій, какъ одѣяла, бомбазея, пике, салфетки и скатерти, сосредоточивается частію въ городскихъ ткацкихъ заведеніяхъ, частію же тоже въ деревняхъ.

Кисейный и вообще тонкій бумажный товаръ, а также плисъ или бумажный бархатъ съ короткимъ ворсомъ, выдѣлываются исключительно на фабрикахъ.

Число ткачей, работающихъ въ крестьянскихъ свѣтелкахъ, опредѣлялъ г. Шереръ въ 1860 году около 75,000 чел.; но цифра эта едва-ли не слишкомъ умѣренна, потому что въ половинѣ 50-хъ годовъ, въ одномъ Суздальскомъ уѣздѣ насчитывалось до 40,000 душъ обоего пола, занимавшихся тканьемъ миткалей по селамъ и деревнямъ. Домашнее ткачество бумажныхъ издѣлій не исчезло еще совершенно даже въ такихъ промышленно-развитыхъ странахъ какъ Англія, Франція, Германія и особенно Швейцарія. Около 20 лѣтъ тому назадъ въ самомъ Манчестерѣ, этомъ центрѣ индустріальнаго развитія хлопчатобумажной промышленности, насчитывали до 3,000 ручныхъ ткачей (handloomweavers). Во Франціи, многіе города, какъ напр. Рубэ, Армантье, Флеръ, Кахнъ и Эгль представляютъ или совмѣстное существованіе фабричнаго и домашняго ткачества, или даже преобладаніе послѣдняго надъ первымъ. Въ Германіи до 140,000 ручныхъ станковъ работаютъ въ настоящее время внѣ фабрикъ. Въ Швейцаріи одинъ Цюрихъ доставлялъ въ 1855 г. домашнія занятія около 30,000 человѣкъ по хлопчато-бумажному производству, и почти тоже происходило въ Гларусѣ, Ааргау, С.-Галленѣ, Аппенцелѣ и др. мѣстахъ. Доказательство, сколько жизненности въ системѣ домашняго производства, когда оно такъ медленно уступаетъ свое поприще фабричной системѣ, вооруженной всѣми новѣйшими усовершенствованіями [1]).

Бумажно-набивное дѣло сосредоточивается у насъ преиму-

---

[1]) О формахъ промышленности г. Корсака, стр. 164—169.

щественно въ губерніяхъ Владимирской, Московской и С.-Петербургской. Первая, и преимущественно Шуйскій уѣздъ съ селомъ Ивановымъ и Вознесенскимъ посадомъ, работаютъ товаръ для низшихъ классовъ, С.-Петербургская губернія для потребителей болѣе достаточныхъ, а Московская губернія для потребителей всѣхъ категорій. Ситцевыя фабрики набиваютъ или чужія ткани, по-заказу, или собственныя, сотканныя по ихъ заказамъ въ деревняхъ.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ 1867 году въ Россіи числилось фабрикъ по хлопчато-бумажному дѣлу:

		Въ нихъ рабочихъ.	Сумма производства: р. сер.
48	бумагопрядиленъ	37,181	40,389,844.
586	бумаготкацкихъ	60,401	30,144,896.
133	ситценабивныхъ	24,776	26,628,426.
95	ватныхъ	503	445,831.
Всего 862	фабрики	122,861	97,608,997

Къ этому слѣдуетъ присовокупить 5 фабрикъ въ Финляндіи, съ 2681 рабочими и 2 мил. годового производства, и 1247 заведеній въ привислянскомъ краѣ, съ 7635 рабочими и цѣнностью производства въ 4,800,000 рублей. При этомъ нельзя не замѣтить, что изъ 5 финляндскихъ фабрикъ, три принадлежатъ акціонернымъ компаніямъ, и вообще всѣ онѣ имѣютъ большіе размѣры, между тѣмъ большая часть заведеній, особенно ткацкихъ, въ Привислянскомъ краѣ принадлежитъ къ числу мелкихъ заведеній.

Такимъ образомъ, общее число фабричныхъ заведеній по хлопчато-бумажной промышленности въ Россіи простирается до 2100 съ 133,000 рабочихъ постоянныхъ на фабрикахъ, а съ причисленіемъ деревенскихъ производителей, занимающихся домашнимъ образомъ выработкою ткацкихъ издѣлій по заказамъ тѣхъ же фабрикъ, общее число рабочихъ можно положить въ 235,000. Кромѣ того, внѣ фабрикъ занимаются разными операціями хлопчато-бумажнаго дѣла до 400,000 душъ обоего пола; такимъ образомъ, почти сотая часть всего народонаселенія Россіи получаетъ свои средства существованія отъ хлопчато-бумажной промышленности.

Всѣ эти данныя, конечно, имѣютъ только приблизительную достовѣрность; но общую оцѣнку нашей хлопчато-бумажной производительности можно повѣрить еще другимъ путемъ. Такъ г. Тимирязевъ, въ примѣчаніяхъ къ своему извѣстному атласу фабрично-заводской промышленности, принимаетъ стоимость про-

изводства бумажной пряжи въ 50 мил. рублей, стоимость выдѣлки тканей, какъ фабричнымъ, такъ и домашнимъ образомъ, въ 87½ мил. р., въ томъ числѣ собственно фабричныхъ въ 30 мил. руб.; затѣмъ стоимость всѣхъ набивныхъ тканей, составляющихъ около ³/₅ общаго числа производства, въ 63 мил. Опуская стоимость пряжи, т.-е. 50 мил. р., какъ входящую въ цифру общей цѣнности тканей (87½ мил. р.), и прибавляя къ двумъ третямъ послѣдней 20% или 10½ мил. руб. на увеличеніе стоимости тканей отъ набивки или отдѣлки ихъ, г. Тимирязевъ выводитъ для Европейской Россіи цѣнность хлопчато-бумажнаго производства въ 97 мил. рублей.

Подобнымъ же образомъ и г. Шереръ въ отчетѣ своемъ по Парижской выставкѣ приходитъ почти къ тому же выводу—100 мил. руб. для оцѣнки всего хлопчато-бумажнаго дѣла въ Россіи, съ Финляндіею и привислянскимъ краемъ.

Насколько наша хлопчато-бумажная промышленность пострадала отъ хлопковаго кризиса, въ доказательство того можно привести то, что съ 1859 года число фабрикъ уменьшилось на 194, число рабочихъ на 37 т., но вмѣстѣ съ тѣмъ сумма производства увеличилась почти на 20 милліоновъ рублей. Эти какъ бы противорѣчащіе между собою факты легко объясняются тѣмъ, что мелкія заведенія, основанныя на незначительные капиталы, въ разсчетѣ на высокія пошлины, ограждающія нашу хлопчато-бумажную промышленность, не могли выдержать тяжелаго кризиса, когда первообразный сырой матеріалъ поднялся въ цѣнѣ въ четыре раза—съ 7½ пенсовъ въ 1860 году до 27½ и даже 31½ пенса за фунтъ въ 1864 и 1865 годахъ. Но закрытіе многихъ мелкихъ заведеній въ результатѣ не имѣло ощутительнаго вліянія на нашу общую производительность хлопчато-бумажныхъ издѣлій, потому что оно вознаградилось съ избыткомъ развитіемъ существовавшихъ уже большихъ фабричныхъ заведеній и основаніемъ новыхъ, въ большихъ размѣрахъ и со всѣми новѣйшими и раціональными усовершенствованіями.

Основаніе бумаго-прядильныхъ и бумаго-ткацкихъ фабрикъ, преимущественно на капиталы, собранные акціонерными компаніями и товариществами, есть явленіе особенно характеризующее нашу современную хлопчато-бумажную промышленность.

Слѣдующая таблица можетъ свидѣтельствовать о силѣ и размѣрахъ производства хлопчато-бумажныхъ предпріятій, получившихъ развитіе при помощи соединенныхъ компанейскихъ капиталовъ:

Названія компаній.	Годъ основанія компаніи.	Основной капиталъ.	Число рабочихъ.	Число паров. машинъ.	Число паровыхъ силъ.	Число веретенъ.	Число механ. станковъ.	Количес. выдѣланной пряжи пуд.	Количес. выработанныхъ тканей.	Цѣнnос. производства.
Бумагопрядильныя:										
Въ московской губ.										
1. Товарищ. Реутовской мануфактуры	1860	1.350,000	2190	2	180	66,238	—	148,000	—	2.457,000
2. Т. Измайловской мануф. .	1861	300,000	780	3	80	—	—	21,000	—	542,000
3. Т. Московскаго бумагопрядильнаго и чугуннаго производства богородск. сел. Глинки	1861	1.000,000	810	1	50	—	—	—	—	900,000
Въ С.-Петербургѣ.										
4. Комп. Невской бумагопрядильни	1859	300,000	2,000	4	550	160,764	—	160,000	—	4.000,000
5. Тов. Охтенской бумагопр. фабрики	1847	?	867	6	320	66,000	—	70,000	—	1.570,000
6. Ком. Россійской бумагопр.	1835	1.000,000	975	—	—	—	—	—	—	1.280,000
7. Комп. Василеостровской б.	—	—	198	2	50	20,500	—	18,000	—	400,000
Бумагопрядильныя и ткацкія:										
8. Товарищество Собинской мануф. Влад губ.	1858	1.000,000	1,700	3	180	46,000	480	90,000	168,000 кусковъ	2.650,000
9. Комп. Богородско-глуховской мануфактуры . . .	1855	750,000	3,000	9	247	34,000	675	60,000	180,000	3.150,000
10. Т новой бум. пряд. ман.	1844	1.000,000	1,150	—	—	56,000	1,200	50,000	—	1.200,000
11. Спаской	1859	1.200,000	1,100	—	250	42,000	900	35,000	—	700,000

Названія компаній.	Годъ основанія компаніи.	Основной капиталъ.	Число рабочихъ.	Число паров. машинъ.	Число паровыхъ силъ.	Число веретенъ.	Число механ. станковъ.	Количес. выдѣланной пряжи пуд.	Количес. выработанныхъ тканей.	Цѣнность производства.
12. Тов. рождественской мануфактуры Тверск. . . .	—	—	3,250	—	—	—	—	—	—	3.593,000
13. Товар. Тверской мануфактуры	—	—	2,100	33	870	28,424	1,005	50,000	222,000 куск.	—
14. Товар. Кренгольмской м. (Эстл.)	1857	3 000,000	4,200	—	3,480	163,424	1,500	185,000	набивается 250 т. куск. 18.710,000 арш.	2,296,000 4.355,000
15. Тов. Яросл. большой ман.	1858	1.000,000	1,700	2	160	61,172	248	110,000	70,000 куск.	2.550,000
16. Тов. Воскресенской ман. Московской губ.	—	—	2,000	2	180	37,000	560	55,000	160,000 куск.	1.900,000
17. Форсасская акц. фабр. компанія финл.	1848	—	1,212	5	170	—	500	англ. 860,360 ф.	61,960 куск.	837,000
18. Вазаская мануф. фабр. акц. комп.	1857	—	350	2	—	—	—	—	—	300,000
19. Кюрескосская акц. комп.	—	—	26	—	—	—	—	—	—	6,000
Бумаготкацкія.										
20. Тов. Самсоніевской мануф.	1859	150,000	1,088	5	320	—	1,200	—	220,000	1.252,000
21. Товар. тюлевой фабрики С.-Петерб.	1837	200,000	252	3	42	900	—	—	—	266,300
Ситцевыя.										
22. Тов. Царевской ситцевой ман.	1836	525,000	663	2	70	—	—	—	—	596,000
23. Тов. Шлиссельбургкой ситцевой мануф.	1865	1.000,000	350	1	200	—	—	—	356,000	700,000
Итого 23 компаніи	—	13.775,000 *)	31,961	85	7,399	781,522	8088	1.053,000	—	37.500,000

*) Капиталъ 15-ти компаній.

Такимъ образомъ, 23 акціонерныхъ компаніи, съ основнымъ капиталомъ, по всей вѣроятности, отъ 15 до 20 мил. руб. (о 15-ти извѣстно, что они имѣютъ основной капиталъ въ 13.775,000 р.), обладаютъ бумагопрядильными и бумаготкацкими фабриками, съ 32 тысячами рабочихъ, $7^1/_2$ тысячами паровыхъ силъ, почти 1 милліономъ веретенъ, 8 тысячами станковъ и суммой производства въ $37^1/_2$ мил., т.-е. болѣе одной трети всей цѣнности хлопчатобумажнаго производства.

Обращаясь къ единичнымъ фабрикантамъ, мы увидимъ, что и между ними есть весьма крупные капиталисты. Вотъ главныя фирмы по хлопчатобумажному дѣлу, изъ которыхъ каждая производитъ болѣе чѣмъ на 1 мил. рублей серебромъ: Савва Морозовъ съ сыновьями, Хлудовы, Третьяковы, Лепешкинъ, Борисовскій, Каулинъ, Гарелины, Барановы, Каретниковъ. Самымъ значительнымъ производителемъ по хлопчатобумажному дѣлу считается торговый домъ подъ фирмою «Савва Морозовъ съ сыновьями». Изъ брошюры, изданной имъ по поводу всероссійской выставки видно, что начало этому торговому дому положено еще въ прошедшемъ столѣтіи крѣпостнымъ крестьяниномъ г. Рюмина, Саввою Морозовымъ, который лишь въ 1820 году выкупился съ четырьмя своими сыновьями у владѣльца за 17,000 р. ассигнаціями.

Тремя фабриками Морозовыхъ потребляется ежегодно 13,910 куб. саж. дровъ, 1,250 к. саж. торфа, 8,660 четв. древеснаго угля и 6,150 пуд. каменнаго угля. Въ 1869 году на трехъ фабрикахъ было служащихъ и постоянныхъ рабочихъ 6,525 человѣкъ, и сверхъ того работало для нея на сторонѣ, по заготовленію пряжи и ткачеству, 25,800, по заготовленію дровъ для фабрикъ и торфяному дѣлу до 3,000 чел. Всѣмъ этимъ 35,825 человѣкамъ платилось до 2 мил. руб. въ видѣ задѣльной и мѣсячной платы.

Въ теченіе 1869 г. употреблено для пряденія хлопка различныхъ сортовъ 180,375 пудовъ и изъ него выпрядалось 165,474 пуд. пряжи. Изъ выпряденной пряжи 43,320 пудовъ на сумму 866,400 р. поступило въ продажу, а изъ остальнаго количества выработано на всѣхъ фабрикахъ и на сторонѣ суроваго и цвѣтного товара 24,592,000 аршинъ, цѣною отъ 11 до 42 коп. за аршинъ, на сумму 5,048,400 р., такъ что все производство пряжи и товара составляло сумму 5.914,800 р. или почти шесть милліоновъ рублей.

При такомъ развитіи хлопчато-бумажныхъ предпріятій, понятно, что Россія занимаетъ весьма видное мѣсто въ ряду другихъ промышленныхъ государствъ, въ чемъ убѣждаетъ и сравненіе главныхъ данныхъ о положеніи хлопчатобумажной промышленности во всѣхъ этихъ странахъ:

Названіе странъ.	Число фабрикъ.	Число рабочихъ.	Число веретенъ.	Число станковъ:		Количество потребляемаго хлопка-сырца въ пудахъ.	Цѣнность производства руб. сер.
				ручныхъ.	механическ.		
Великобританія . .	2,887	401,064	32.000,000	—	379,329	30.000,000	400.000,000
Франція		400,000	6.750,000	200,000	80,000	7,500,000	250.000,000
Соединенные Штаты Сѣверной Америки	915	120,000	6.196,000	—	130,000	6,500,000	180.000,000
Германія	1,460	109,882	2.302,500	153,500	23,500	3.600,000	
Швейцарія . . .			2.000,000			2.000,000	
Россія	2,100	235,000	1.750,000		15,000	3.500,000	100.000,000
Австрія	150	350,000	1.600,000	200,000	15,000	2.500,000	56.000,000
Бельгія.	45	30,000	650,000	—	—	800,000	23.000,000
Голландія. . . .	42		130,000	—	—	—	6.100,000
Испанія	456	58,000	1.018,000	—	33,000	—	
Италія.	200	10,000	450,000	—	86,000	—	20.000,000
Швеція	20	3,000	—	—	—	2.000,000	4.782,000

Но если, по размѣрамъ своего производства, русская хлопчато-бумажная промышленность немного отстала отъ другихъ иностранныхъ промышленностей, и если первоклассныя русскія фабрики немногимъ уступаютъ по своему устройству лучшимъ иностраннымъ фабрикамъ, то большая часть второстепенныхъ заведеній, работающихъ при посредствѣ непостоянныхъ деревенскихъ ткачей, хотя и удовлетворяютъ своими дешевыми товарами незатѣйливымъ требованіямъ большинства потребителей, но оставляютъ еще многого желать, какъ относительно разнообразія, такъ и самой выработки и особенно наружной отдѣлки тканей.

Хлопковый кризисъ или, какъ его иногда называютъ въ Англіи и во Франціи, хлопковый голодъ (la famine du coton) вызвалъ къ жизни усиленную обработку разныхъ суррогатовъ хлопка, между которыми наибольшаго вниманія заслуживаетъ юта или джутъ [1]) (jute, indian grass), матеріалъ доставляемый лубовыми волокнами разныхъ растущихъ въ Остъ-Индіи видовъ Corchorus изъ семейства липовыхъ. Прядильное волокно получается изъ этого растенія, подобно льну и пенькѣ, съ помощью мочки, сушки и трепанья; волокно это довольно шелковисто и настолько тонко, что даетъ пряжу до № 20; прежде оно шло исключительно на выдѣлку только грубыхъ тканей, какъ-то половиковъ, матрацовъ, мѣшковъ и т. п.; но теперь въ смѣси съ шерстью и хлопчатою бумагою употребляется на основу для брючныхъ матерій, на ламповыя свѣтильни, снурки и пр. Въ 1861 г. въ Англіи было уже 36 фабрикъ съ 33 т. веретенъ и 554 механическими станками, на которыхъ обработывалось до 45,000 тоннъ юты, а въ 1868 году 1,760 человѣкъ было занято этимъ производствомъ. Въ 5 лѣтъ, съ 1861 г. по 1865 г. ввезено въ Англію болѣе 5 мил. п. юты, а въ одномъ 1867 г. 3 мил. въ Англію и 600 т. п. во Францію. У насъ юта также начинаетъ входить въ употребленіе на половики и обработывается на фабрикѣ г. Лебедева въ С.-Петербургѣ.

Едва хлопчато-бумажная промышленность пережила тяжелый кризисъ отъ временного уменьшенія на всемірномъ рынкѣ запаса сырого матеріала, какъ наступилъ новый кризисъ иного рода для *шерстяной промышленности* [2]) отъ чрезмѣрнаго пере-

---

[1]) Нѣсколько словъ о хлопчато-бумажной промышленности въ послѣднее время г. Андреева въ Обзорѣ различ. отр. ман., пром. т. II.—Catalogue of the British section. 1867.

[2]) Матеріалы для изученія нашей шерстяной промышленности находятся въ I томѣ Обзора разсмотр. ман. пром. Россіи; въ Трудахъ тарифной коммиссіи, Запискѣ депутаціи московскаго съѣзда, въ статьѣ проф. Кочетова: «Современный кризисъ мериносоваго овцеводства и мѣры, которыя вызываетъ онъ въ важнѣйшихъ странахъ Европы».

полненія рынка сырымъ матеріаломъ; Россія, сама снабжавшая до сихъ поръ этимъ матеріаломъ не только Европу, но и Америку, уже начинаетъ испытывать на себѣ дѣйствіе этого кризиса. По размѣрамъ своего овцеводства — 44 милліона головъ, Россія оставляетъ за собою всѣ прочія страны Европы, потому что въ Великобританіи считается 34 милліона головъ, во Франціи 30 милліоновъ, въ Пруссіи $22^1/_2$ милліона, въ Испаніи $17^1/_2$ м., въ Австріи $16^1/_2$ м., въ Италіи 11 м., въ остальной Европѣ 13 милліоновъ. Изъ 7 милліоновъ пудовъ добываемой нашими овцеводами шерсти, отъ $1^1/_4$ до $1^1/_2$ милл. пудовъ и въ томъ числѣ отъ 300 до 400 т. пудовъ мериносовой, шли обыкновенно за-границу, а остальное количество переработывалось дома частію на фабрикахъ, частію на крестьянскихъ станахъ. Но съ быстрымъ развитіемъ овцеводства въ Австраліи, въ Капской землѣ и въ Южной Америкѣ, и съ наплывомъ шерстей изъ этихъ странъ на европейскіе рынки, не только вывозъ шерсти изъ Россіи уменьшился, но сократилось и самое овцеводство западной Европы. Производство колоніальныхъ шерстей съ 1859 года по 1866 годъ возрасло съ 80 милл. фунтовъ до 146 милл., а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастало и усиленіе ввоза въ Европу колоніальныхъ шерстей; съ 1864 по 1868 годъ оно составляло 18% ежегодно, и въ одной Англіи увеличилось съ 70 мил. англ. фунт. въ 1861—62 году, до 155 милл. въ 1868 году. Результатомъ этого было паденіе цѣнъ на шерсть, достигнувшее къ началу нынѣшняго года до 33% противъ цѣнъ 1860 года. Такое положеніе дѣла не могло не вызвать, конечно, громкихъ жалобъ со стороны овцеводовъ и требованія принять мѣры для возстановленія нарушеннаго равновѣсія. Самою естественною и дѣйствительною казалось имъ наложеніе высокой пошлины на ввозимую иностранную шерсть; но несмотря на сильную агитацію въ этомъ смыслѣ, не только въ Германіи и во Франціи, но даже и въ Англіи, ни одно правительство не рѣшилось на эту палліативную мѣру, хорошо понимая ту истину, что высокіе тарифы на предметы потребленія уменьшаютъ самое потребленіе и, слѣдовательно, вредятъ тому самому производству, которому имѣютъ цѣлію покровительствовать. Притомъ, ближайшее изученіе дѣла показываетъ, что широкіе размѣры, которые приняло овцеводство въ Австраліи и въ Америкѣ, представляютъ результатъ обилія естественныхъ пастбищъ и деше-

---

Журн. М. Г. И., 1870, № 6; въ изслѣдованіи г. Щепкина «Овцеводство въ Россіи»; С.-Петербургъ 1869 г.

визны содержанія тамъ овецъ, что, при такихъ условіяхъ, конкурренція для европейскихъ овцеводовъ съ колоніальными дѣлается весьма трудною и почти невозможною. Лишь въ улучшеніи самаго дѣла, и въ производствѣ разнохарактерныхъ сортовъ шерсти, сообразно требованіямъ шерстяныхъ фабрикантовъ, можетъ находить европейское овцеводство средства для борьбы съ своими колоніальными соперниками. Но и австралійское и южно-американское овцеводство, съ приращеніемъ народонаселенія и съ успѣхами земледѣлія, должны будутъ сокращаться или удаляться въ глубь страны, что̀ представитъ не малыя неудобства въ отношеніи сбыта шерсти; къ этому присоединяются и другія экономическія и климатическія неудобства, какъ, напр., частыя засухи въ Австраліи, значительно сокращающія число овецъ. Все это, вмѣстѣ съ паденіемъ цѣнъ шерсти на всемірномъ рынкѣ, умѣряетъ нѣсколько какъ это паденіе, такъ и вообще современный кризисъ овцеводства.

Уменьшеніе вывоза русской шерсти за-границу до 800 и 700 т. пудовъ и увеличеніе привоза иностранной, въ особенности австралійской шерсти, въ Россію, въ четырехлѣтіе 1865—1868 гг. противъ 1861—1864 г. съ 14 т. пудовъ до 40 т. пудовъ, встревожило въ послѣдніе годы русскихъ овцеводовъ и побудило ихъ усиленно ходатайствовать о запрещеніи или, по крайней мѣрѣ, о наложеніи высокой пошлины на иностранную шерсть. Для разъясненія этого вопроса была учреждена въ Одессѣ спеціальная коммиссія изъ агентовъ правительства и мѣстныхъ овцеводовъ и, сверхъ того, вопросъ этотъ подвергался обсужденію въ средѣ московскаго общества сельскаго хозяйства и на съѣздѣ овцеводовъ, происходившемъ въ Харьковѣ во время выставки мериносовъ въ іюлѣ нынѣшняго года. Несмотря на несомнѣнные факты, убѣждающіе, что не одна конкурренція иностранной шерсти, но въ то же время и развитіе земледѣлія, вслѣдствіе умноженія народонаселенія, вытѣсняютъ овцеводство изъ новороссійскаго края, что при возрастающихъ нынѣ цѣнахъ на землю, овцеводство не представляетъ уже тѣхъ выгодъ, какими пользовалось оно лѣтъ 20 и даже за 10 передъ симъ; несмотря на достовѣрность данныхъ о незначительности привоза иностранной шерсти, сравнительно съ суммой общаго потребленія этого матеріала; несмотря на заявленія самихъ фабрикантовъ, что австралійская шерсть имъ крайне необходима, ибо ни одна порода туземныхъ овецъ не можетъ дать шерсти, которая бы ее замѣнила, большинство овцеводовъ нашихъ твердо стоитъ на своемъ требованіи о возвышеніи пошлины на шерсть и ждутъ улучше-

нія своихъ дѣлъ главнымъ образомъ отъ этой правительственной мѣры *).

Для улучшенія нашего овцеводства еще Петромъ Великимъ были выписаны изъ Силезіи овчары и отправлены молодые дворяне съ русскими овчарами для изученія искусства овцеводства въ Силезіи; но мѣры эти мало имѣли успѣха, при невѣжествѣ населенія и противодѣйствіи, которое оказывали сами мѣстныя власти мѣрамъ Петра, какъ, напр., въ Малороссіи, гдѣ гетманъ Скоропадскій, въ согласіи съ старшинами, доносилъ сенату о многочисленныхъ, будто бы, затрудненіяхъ, встрѣченныхъ въ улучшеніи овцеводства.

Введеніе тонкоруннаго мериносоваго овцеводства началось у насъ лишь съ начала нынѣшняго столѣтія, благодаря предпріимчивости нѣкоторыхъ иностранцевъ и нашихъ хозяевъ и щедрымъ содѣйствіямъ землею и деньгами со стороны правительства. Результатомъ этого было то, что мериносовыхъ овецъ считалось въ 1840 г. болѣе 2 милл., въ 1846 г. 7.763,000, въ 1856 г. 8.624,000, въ 1864 г. 11.673,000. Мериносовое овцеводство сосредоточивается преимущественно въ губерніяхъ новороссійскихъ, малороссійскихъ и югозападныхъ, простое же въ 9-ти юговосточныхъ губерніяхъ—Таврической, Екатеринославской, области Донского Войска, Воронежской, Астраханской, Самарской, Саратовской, Симбирской и Оренбургской. Мериносовая шерсть малороссійская идетъ преимущественно на внутреннее потребленіе, поступая въ продажу на ярмаркахъ троицкой (въ Харьковѣ), петропавловской (въ Екатеринославлѣ) и ильинской (въ Полтавѣ), въ видѣ перегона, т.-е. мытой на овцахъ; новороссійская же, въ видѣ мытой, отправляется за-границу, проходя чрезъ руки одесскихъ и отчасти азовскихъ домовъ, имѣющихъ свои моечныя и сортировальныя заведенія. Тѣмъ же путемъ идетъ и простая шерсть, предназначаемая за-границу и извѣстная тамъ преимущественно подъ именемъ донской.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, было шерстомойныхъ и сортировальныхъ заведеній въ 1866 г.—33, съ 4,900 рабочими и цѣнностью производства въ 2.900,000 р. Главные центры малороссійскихъ моекъ—Харьковъ и Бѣлгородъ; новороссійскія же мойки расположены преимущественно въ Херсонѣ и, кромѣ того, на Днѣпрѣ, на Бугѣ, въ Кишиневѣ, Одессѣ, Елисаветградѣ, Екатеринославлѣ и Ростовѣ-на-Дону. Сортировка шерсти произво-

---

*) Ниже мы помѣщаемъ спеціальную замѣтку о положительныхъ мѣрахъ къ поднятію нашего овцеводства, написанную лицемъ, изучившимъ этотъ важный вопросъ на мѣстѣ. — *Ред.*

дится у насъ весьма небрежно, и потому за-границею нерѣдко русская шерсть въ рунахъ предпочитается мытой и сортированной. Одна изъ причинъ неудовлетворительной сортировки шерсти заключается въ недостаткѣ прямыхъ сношеній между фабрикантами и овцеводами, и въ томъ, что большая часть торговли шерстью находится въ рукахъ перекупщиковъ.

Фабрикація шерстяныхъ издѣлій, въ особенности же тканье простыхъ суконъ, выдѣлка войлоковъ и поярковъ, издревле производилась въ Россіи домашнимъ образомъ, но бо̀льшею частью сукна и шерстяныя матеріи доставлялись въ Россію иностранцами, такъ что основанная при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ Москвѣ, около 1650 года, Іоганомъ фонъ-Сведеномъ суконная фабрика, не могла даже выдержать соперничества съ иностранными сукнами.

Петръ Великій, по возвращеніи своемъ изъ-за-границы, въ 1698 г., принялъ самыя энергическія мѣры для основанія суконныхъ фабрикъ въ Россіи, преимущественно для обмундированія войска. Основаніе образцовыхъ казенныхъ фабрикъ, отдача ихъ частнымъ лицамъ и компаніямъ, раздача земель, приписка крестьянъ, выдача ссудъ, — таковы были обычныя мѣры привлеченія къ этой отрасли промышленности. Въ 1712 г. повелѣно было уже подряжать для войска преимущественно русскія сукна. Съ 1719 по 1770 г. основано было въ Россіи 30 суконныхъ фабрикъ; въ 1773 г. въ одной Московской губерніи было 20 фабрикъ съ 567 станами и цѣнностью производства въ 579,000 р. Но несмотря на то, суконная промышленность развивалась медленнѣе, нежели потребности арміи, для удовлетворенія которой около 1790 года требовалось 1.350,000 арш., а въ 1808 г. уже $2^1/_2$ милл. арш., такъ что правительство должно было то запрещеніемъ продажи солдатскихъ суконъ въ постороннія руки и обязательствомъ ставить ихъ только въ казну, то прямыми ссудами, достигавшими въ 1809 г. до 2 милл. руб. ассигн., и другими поощрительными мѣрами, для развитія фабрикаціи, обезпечивать свои потребности, и то не вполнѣ, ибо значительная часть солдатскихъ суконъ выписывалась изъ Англіи. Въ 1822 г., при требованіи поставки въ казну 4 милл. аршинъ сукна, въ первый разъ вызовы фабрикантовъ превысили заявленную казною потребность. Объ успѣхахъ суконной фабрикаціи въ это время лучше всего свидѣтельствуютъ слѣдующія цифры:

	Тонкихъ суконъ.	Солдатскихъ суконъ и проч. сортовъ.
	аршинъ.	
Въ 1820 г. выдѣлано	260,000	3.700,000
» 1825 » »	900,000	5.500,000
» 1828 » »	4.000,000	5.000,000

Вслѣдствіе революціоннаго движенія въ царствѣ Польскомъ, содержатели многихъ суконныхъ фабрикъ съ своими мастерами переселились въ имперію, особенно же въ Лифляндію, и шерстяная промышленность получила еще большее развитіе, такъ что привозъ иностранныхъ и польскихъ суконъ въ Россію значительно уменьшился. Въ двадцатипятилѣтіе 1826—1850 годовъ, это уменьшеніе было съ 3.030,000 р. до 838,000 р. или въ пропорціи 100 къ 28. Такіе успѣхи суконнаго дѣла дали правительству возможность допустить всѣхъ суконныхъ фабрикантовъ, безъ различія, къ участію по ихъ желанію въ поставкѣ суконъ для арміи и флота, и всѣ эти подряды, достигавшіе обыкновенно 8 мил. арш., а въ 1856 г. составившіе даже 13 мил. аршинъ, были выполнены исправно. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ 1866 года, суконныхъ фабрикъ во всей имперіи считалось 699, съ 77,548 рабочими и цѣнностью производства около 36 мил. руб.; въ томъ числѣ заключалось 8 фабрикъ съ 129 рабочими и производствомъ на 50 т. р. въ Финляндіи, и 284 фабрики съ 3,785 рабочими и производствомъ около $3^1/_2$ мил. руб. сер. въ привислянскомъ краѣ.

На 400 собственно русскихъ фабрикахъ выдѣлывается среднимъ числомъ около 9 мил. аршинъ сукна низшаго качества или такъ-называемаго солдатскаго, по цѣнѣ около 90 к. за аршинъ, до 11 мил. аршинъ среднихъ суконъ цѣною до 2 руб. и около $^1/_2$ мил. арш. тонкихъ суконъ въ 4 руб.

Солдатскія сукна выработываются преимущественно въ приволжскихъ губерніяхъ, а также въ Московской и смежныхъ съ нею, изъ одной русской шерсти, болѣе или менѣе отборной, и обходятся дешевле, нежели гдѣ-либо за границею по причинѣ дешевизны первообразнаго матеріала. Но фабрикація эта отличается неподвижностью и отсутствіемъ усовершенствованій вслѣдствіе постоянства установленныхъ для армейскаго сукна образцовъ. Введеніе дешевыхъ фабричныхъ способовъ выдѣлки мундирнаго ворсованнаго сукна и сѣраго драпа, вмѣсто грубаго шинельнаго сукна, могло бы сдѣлать солдатское сукно пригоднымъ и для частнаго потребленія и сообщить, вслѣдствіе того, этой отрасли фабрикаціи бóльшую самостоятельность.

Несравненно бóльшаго успѣха достигла фабрикація суконъ средняго качества; такъ что русскія сукна отъ 1 р. 75 к. до 2 р. 50 к. за аршинъ не боятся даже соперничества иностранныхъ суконъ, отличаясь лучшею добротностью вслѣдствіе употребленія хорошей шерсти безъ всякихъ посторонпихъ примѣсей.

Особенные успѣхи сдѣлала у насъ выдѣлка такъ-называемыхъ китайскихъ суконъ, составляющихъ одну изъ главнѣйшихъ статей размѣнной нашей торговли по кяхтинской пограничной линіи. Фабрикація этихъ суконъ началась въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда русскіе познакомились съ ними при транзитномъ провозѣ ихъ въ Азію. Товаръ этотъ нынѣ улучшился до того, что прежнее названіе высшаго сорта (масловскія сукна) почти исчезло, потому что низшій сортъ, извѣстный подъ названіемъ мезерицкихъ или мизиричскихъ, сравнялся качествами съ первыми. Произвоство этого товара простирается до $1^1/_2$ мил. аршинъ на сумму около 3 мил. рублей.

Значительною выдѣлкою дешевыхъ суконъ отъ 1 р. 50 до 2 р. 20 коп. отличаются малороссійскія фабрики, особенно же клинцовскія въ Черниговской губерніи.

Выдѣлка трико для брюкъ и пальто, особенно зимнихъ, начинаетъ также съ успѣхомъ преобладать у насъ, особенно въ Москвѣ, остзейскомъ и западномъ краѣ; но лѣтнее трико еще значительно уступаетъ иностранному.

Въ губерніяхъ Московской, Гродненской и Лифляндской, а также въ царствѣ Польскомъ значительное число фабрикъ снабжены всѣми новѣйшими усовершенствованіями, и нѣкоторыя изъ нихъ выдѣлываютъ тонкія сукна и трико въ 4 р. и выше.

Тканіе суконъ значительно усовершенствовалось у насъ какъ вслѣдствіе улучшенія ручныхъ станковъ, такъ и вслѣдствіе введенія самоткацкихъ орудій, которыхъ считается нынѣ уже болѣе тысячи въ суконныхъ и прочихъ шерстяныхъ фабрикахъ.

Кромѣ суконъ, производимыхъ фабричнымъ образомъ, крестьяне наши ткутъ у себя дома въ свободное зимнее время простое, такъ-называемое крестьянское сукно, или сермягу, для своей одежды, и цѣнность этого домашняго производства опредѣлялась еще Тенгоборскимъ въ $12^1/_2$ мил. р. сер.; теперь она, безъ сомнѣнія, увеличилась покрайней мѣрѣ до 15 мил. р., если не болѣе.

Къ числу валеныхъ шерстяныхъ издѣлій, составляющихъ предметъ домашней крестьянской промышленности принадлежитъ также валеная обувь и вообще дешевый поярковый товаръ. Одинъ Семеновскій уѣздъ Нижегородской губерніи выдѣлываетъ этого товару на сумму 60,000 р. сер. Кромѣ простыхъ байко-

выхъ товаровъ, къ тяжелымъ шерстянымъ издѣліямъ, приготовляемымъ между прочимъ нѣкоторыми изъ суконныхъ фабрикъ, относятся шерстяныя одѣяла, бѣлыя и цвѣтныя. Издѣлія по этой части фабрики г. Миклашевскаго въ Черниговской губерніи не уступаютъ однороднымъ нѣмецкимъ издѣліямъ.

Ковровая фабрикація у насъ еще весьма ничтожна; она занимаетъ только 9 фабрикъ въ Россіи съ 625 рабочими и суммой производства въ 500 т. р.; и 2 небольшія фабрики въ Привислянскихъ губерніяхъ. Въ прежнее время ковры или изготовлялись почти исключительно въ помѣщичьихъ хозяйствахъ рукодѣльнымъ способомъ, посредствомъ дворовыхъ, или выписывались изъ-за границы, и были мало доступны даже среднему классу потребителей. Съ усиленіемъ требованія на ковры, стала развиваться фабричная ихъ выдѣлка, которая не мало обязана своими успѣхами бывшей казенной шпалерной мануфактурѣ и польскимъ фабрикантамъ Гейсмару, Перксу и другимъ. Лучшими изъ отечественныхъ фабрикантовъ считаются теперь Епанешниковъ и Фланденъ, которые производятъ: первый на 70 т. руб., а второй на 250 т. р. въ годъ. Ихъ булавчатые и бархатные ковры украшали собою и послѣднюю мануфактурную выставку. Фланденъ первый ввелъ у насъ машинное ткачество ковровъ.

Фабрикація безворсныхъ или гладкихъ шерстяныхъ матерій водворилась въ Европѣ лишь въ концѣ первой четверти нынѣшняго столѣтія, со времени изобрѣтенія машиннаго пряденія нитокъ для гладкихъ тканей; у насъ же она получила болѣе значительное развитіе преимущественно въ послѣдніе 15 лѣтъ, хотя потребленіе иностранныхъ безворсныхъ матерій уже въ 1824—29 годахъ достигало 29 мил. рублей въ годъ. Недостатокъ производства туземной длинно-волокной шерсти, потому что наши овцеводы мало слѣдили за потребностями и измѣненіями шерстяной фабрикаціи, ограничиваясь разведеніемъ овецъ, доставляющихъ шерсть единственно для выработки аппаратной пряжи, употребляемой на суконныя издѣлія, затруднительность введенія механическаго чесанія шерсти гребнями и многосложность прядильныхъ аппаратовъ, заставляли нашихъ фабрикантовъ прибѣгать къ выпискѣ изъ-за границы гребенной пряжи. Количество привоза ея съ 3,150 пудовъ въ 1830 — 32 годахъ возросло до $13^1/_2$ т. пуд. въ 1833—38; до 56 т. пуд. въ 1851—53, и до 90 т. пуд. въ 1859 — 61 г.; но затѣмъ сократилось до 67 т. пуд., потому что наши шерстопрядильни выработываютъ уже до 60 т. пуд. гребенной пряжи.

Въ настоящее время и овцеводы наши начинаютъ обращать вниманіе на разведеніе овецъ, которыя могли бы доставлять

шерсть подобную австралійской, т.-е. обладающую, при тонкости и крѣпости волоса, длиною достаточною для гребеннаго пряденія. Затрудненія при выдѣлкѣ гребенной пряжи были у насъ побѣждены братьями Гучковыми, Ганешинымъ, Алексѣевымъ и другими. Въ настоящее время число шерстопрядилень, выдѣлывающихъ преимущественно гребенную или камвольную пряжу, въ количествѣ около 60,000 пуд. на сумму до 2 мил. р. считается собственно въ Россіи 30, съ 3,217 рабочихъ, и 15 въ царствѣ Польскомъ съ 337 рабочими и производствомъ около 750 тыс. руб.

Производствомъ гладкихъ безворсныхъ тканей, а также и полушерстяныхъ или смѣшанныхъ тканей занято у насъ въ Россіи 147 фабрикъ, и 22 т. рабочихъ. Цѣнность производства 12½ м. р. сер. Въ Финляндіи же находится 6 фабрикъ съ 50 рабочими и суммой производства около 8 т. р., а въ царствѣ Польскомъ 564 фабрики, 3,200 рабочихъ и 2 мил. р. производства.

Производство гребнечесальныхъ тканей встрѣчаетъ ограниченіе главнымъ образомъ въ шаткости этой фабрикаціи, подлежащей преимущественно вліянію моды и въ опасномъ соперничествѣ привозныхъ иностранныхъ, въ особенности французскихъ тканей, отличающихся постоянно новостью манеровъ и затѣйливостью рисунковъ.

Выдѣлка шалей и платковъ изъ кашемирской и ангорской шерсти и козьяго пуха производилась у насъ большею частію домашнимъ рукодѣльнымъ способомъ и нынѣ почти оставлена съ прекращеніемъ обязательнаго труда; фабричное же производство шалевыхъ издѣлій, платковъ, шарфовъ, косынокъ изъ простой шерсти и разныхъ дешевыхъ волокнистыхъ матеріаловъ идетъ довольно успѣшно въ Московской губерніи.

Вообще можно сказать, что шерстяная промышленность въ Россіи сдѣлала значительные успѣхи, что она составляетъ одну изъ важныхъ отраслей промышленности, потому что занимаетъ около 1,500 фабрикъ, и до 100,000 рабочихъ и представляетъ цѣнность производства отъ 60 до 70 мил. руб. сер. Въ Англіи обработкою шерсти занято было въ 1861 г. 2,211 фабрикъ, и до 173,000 рабочихъ, а въ 1868 г. число послѣднихъ возрасло до 230,000; веретенъ считалось въ 1861 г. 3.470,000, паровыхъ механическихъ станковъ 55 т., количество переработаннаго сырого матеріала, по разсчетамъ г. Беренса, простиралась до 384 мил. англ. фунтовъ, цѣнностью въ 67 милл. фунтовъ Въ Германіи считалось въ 1861 г. 3,755 фабрикъ, съ 103 т. рабочихъ, 1.371,700 веретенами и 86,816 станками.

Въ шерстяной промышленности дѣйствуетъ немного акціо-

нерныхъ компаній, 4 собственно въ Россіи и 4 въ Финляндіи, съ довольно ограниченнымъ производствомъ около 100 т. руб. каждая, а нѣкоторыя и гораздо менѣе. Наиболѣе значительная квелленштейнская акціонерная компанія въ Пернавскомъ уѣздѣ Лифляндской губерніи, производившая суконъ на сумму до $1/2$ милліона руб., ликвидируетъ свои дѣла въ настоящее время.

Къ числу болѣе крупныхъ производителей по части суконной фабрикаціи относятся Носовы (1,800 т.), Матвѣева, Верманъ, баронъ Штиглицъ, Ганешинъ, Четвериковъ, Моесъ, баронъ Захертъ, Іокишъ; по части пряденія гребенной пряжи и выдѣлки безворсныхъ матерій, Ганешины, Бутаковъ, Гучковы, Солодовниковъ, Арманъ, Торнтонъ, Шепелеръ.

Въ недавнее время, въ Англіи, во Франціи, въ Германіи и Бельгіи стала распространяться выдѣлка искусственной шерсти изъ шерстяныхъ лоскутьевъ. Матеріалъ этотъ, извѣстный подъ названіями: shoddy, mungo, Kunstwolle, laine-renaissance, употребляется для выдѣлки шерстяныхъ валеныхъ издѣлій и продается отъ 6 до 10 р., и даже до 20 р. за высшіе сорта, получаемые изъ старыхъ кашемировыхъ шалей. Въ Англіи, въ 1865 году, употреблено было на фабрикацію 52 мил. англ. фунтовъ туземной искусственной шерсти и ввезено 22 мил. фун. иностранной. Въ Россіи первая и до сихъ поръ почти единственная значительная попытка къ обработкѣ искусственной шерсти сдѣлана въ Богородскомъ уѣздѣ, Московской губерніи г. Пельтцеромъ, который производитъ до 5 т. пудовъ такой шерсти, на сумму 50 т. р. Нѣкоторые варшавскіе фабриканты также приготовляютъ искусственную шерсть, судя по тому, что образцы ея, цѣною отъ 10 р. 50 к. до 20 р. 50 к., были представлены на парижскую всемірную выставку, и затѣмъ ходатайствовали при пересмотрѣ тарифа въ 1867 г. о наложеніи болѣе высокой пошлины на искусственную шерсть, въ видахъ бóльшаго распространенія этой фабрикаціи. На съѣздѣ же овцеводовъ нынѣшняго года, въ Харьковѣ, опредѣлено было ходатайствовать о совершенномъ запрещеніи ввоза искусственной шерсти, какъ вредной и для производителей, и для потребителей. Тѣмъ не менѣе, по отзыву фабрикантовъ, они начинаютъ уже примѣшивать искусственную шерсть въ валеныя ткани, а также употреблять ее на изнанку для толстаго брючнаго трико. Ввозъ искусственной шерсти къ намъ составлялъ, въ 1869 году, около 9 т. пудовъ.

Несмотря на усиленныя заботы русскаго правительства со временъ еще царя Алексѣя Михайловича, и особенно съ Петра Великаго, о водвореніи *шелководства* въ Южной Россіи, путемъ разведенія казенныхъ тутовыхъ плантацій и основанія шелко-

выхъ заводовъ, принужденіемъ поселянъ къ насажденію тутовыхъ деревьевъ, отводомъ земель частнымъ лицамъ для шелководства и предоставленіемъ нѣкоторыхъ льготъ производителямъ шелка, шелководство и до сихъ поръ не сдѣлало значительныхъ успѣховъ въ европейской России. Правительство еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія убѣдилось въ безуспѣшности казенныхъ шелковичныхъ заводовъ, ибо они, по выраженію указа 22 февраля 1800 года, стоили казнѣ значительныхъ суммъ и не приносили никакой выгоды, и предоставило дальнѣйшее развитіе этого дѣла частной инициативѣ. Усиліями нѣкоторыхъ любителей шелководства и въ особенности комитета шелководства при московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства, болѣе или менѣе удачныя попытки къ водворенію этой отрасли производства въ малыхъ размѣрахъ сдѣланы во многихъ мѣстностяхъ, въ губерніяхъ: Херсонской, Подольской, Кіевской, Полтавской, Харьковской, Черниговской, Воронежской и въ области Бессарабской; въ молочанскихъ, менонитскихъ и другихъ колоніяхъ Екатеринославской и Таврической губерній, шелководство получило нѣкоторое значеніе по отличному качеству добываемаго ими шелкосырца, который въ торговлѣ цѣнится весьма высоко. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ комитету шелководства за 1869 г. [1]) извѣстнымъ хозяиномъ колонистомъ Вибе, въ хортицкихъ и молочанскихъ колоніяхъ занимались шелководствомъ 1,189 семействъ; ими добыто 110 пуд. шелка, продававшагося на мѣстѣ по 8 р. 50 к. за фунтъ, вся же производительность южной Россіи въ шелкѣ опредѣляется лишь въ 500 пудовъ.

Но если шелководство, несмотря на благопріятныя климатическія условія и на всѣ мѣры правительства и частныхъ экономическихъ обществъ, слабо развивается до сихъ поръ въ Южной Россіи, вслѣдствіе соперничества другихъ простѣйшихъ и привычныхъ промысловъ, за то оно прочно водворилось и сдѣлалось коренным промысломъ кавказскаго населенія, въ особенности въ Нухинскомъ уѣздѣ Бакинской губерніи. Все производство шелка-сырца, въ этомъ краѣ, въ половинѣ 60-хъ годовъ, достигало до 60,000 пудовъ въ годъ, изъ коихъ около 30 т. пуд., отправлялось за границу, около 20 т. шло на московскія шелковыя фабрики, а остальное количество употреблялось на мѣстѣ. Вывозъ кавказскихъ шелковъ въ Европу усилился со времени появленія въ Европѣ губительной болѣзни на шелковичномъ червѣ, извѣстной подъ именемъ пебрины или гаттины. Еще въ 1859 г. весь вывозъ шелка-сырца съ Кавказа не многимъ превышалъ 8 т. пуд.,

---

[1]) Отчетъ комитета шелководства за 1869 г. М. 1870.

но въ 1860 году онъ достигалъ уже 17 т. пуд., а въ 1862 — 66 годахъ составлялъ среднимъ числомъ $29^1/_2$ т. пудовъ. Не зная еще истинныхъ причинъ таинственной болѣзни, туго поддававшейся изслѣдованіямъ ученыхъ, шелководы Италіи и Франціи старались въ тоже время выписывать шелковичныя сѣмена, сперва съ ближайшаго къ Европѣ прибрежья Средиземнаго моря, изъ Малой Азіи, Леванта, Египта, а когда и тамъ обнаружилась эта болѣзнь, обратились къ нашему Закавказью, откуда съ 1860—1865 г., кромѣ шелка-сырца вывезено и значительное количество гренъ. Но въ 1866 г., пебрина появилась и на Кавказѣ, и тогда европейскіе гренеры обратились къ отдаленному Востоку сперва въ Бенгалію и Китай, а затѣмъ въ Японію, которая одна до сихъ поръ доставляетъ здоровыя шелковичныя сѣмяна.

Болѣзнь завезена была на Кавказъ итальянцами, и распространилась до того, что почти всѣ закавказскія породы заразились ею, а одна, акулисская, отличная по качеству шелка, совершенно истребилась. Вслѣдствіе этого шелководство такъ упало за Кавказомъ, что вывозъ его за границу съ 30 т. пуд. упалъ въ 1867 г., до 5 т., а въ 1868 г. достигалъ 16 т. пуд. Отправка шемахинскаго шелка въ Москву, составлявшая обыкновенно до 30,000 кипъ, уменьшилась до 4 т., а городъ Шемаха, богатый, славившійся изстари своимъ шелководствомъ, обѣднѣлъ и опустѣлъ.

Присоединеніе къ Россіи Туркестанскаго края открыло для Европы новую область шелководства, свободную еще отъ болѣзни, и привлекло тѣмъ болѣе сильную спекуляцію на вывозъ оттуда яичекъ и коконовъ, что и прежде, при всѣхъ опасностяхъ путешествія по средне-азіатскимъ странамъ, являлись достаточно смѣлые предприниматели, рисковавшіе не только свободой, но и жизнью для достиженія своихъ коммерческихъ цѣлей, въ видахъ обезпеченія своего отечества здоровыми яичками шелковичныхъ червей.

Усиленная эксплуатація, предметомъ которой сдѣлалось шелководство этого края, въ послѣднее время, особенно со стороны иностранцевъ, обратило на себя вниманіе и правительства и частныхъ экономическихъ обществъ. Еще не далѣе, какъ въ нынѣшнемъ году, вопросъ о развитіи шелководства туркестанскаго края и спеціально о томъ, что полезнѣе — производство шелка, или же производство яичекъ, съ выгодою сбываемыхъ — обсуждался въ московскомъ комитетѣ шелководства, причемъ спеціалистами, ознакомившимися съ состояніемъ туркестанскаго шелководства, высказано было, что оно можетъ быть развито не усиленіемъ его

въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно уже существуетъ, но введеніемъ его тамъ, гдѣ его нѣтъ, или гдѣ оно имѣетъ ничтожные размѣры; что усиленіе вывоза яичекъ шелковичнаго червя въ Европу представляетъ всѣ данныя для увеличенія шансовъ распространенія болѣзни, такъ какъ при этомъ нужно ожидать усиленной выкормки червей, вслѣдствіе чего нынѣ существующія отношенія къ пространству помѣщеній, тщательности ухода и т. п. должны быть нарушены. Хотя многіе и заявляли при этомъ, что совершенное запрещеніе вывоза яичекъ можетъ предотвратить развитіе болѣзни, отъ слишкомъ усиленной выкормки червей на племя, но не отрицали также и того, что запрещеніемъ вывоза яичекъ отнимается у мѣстной промышленности выгодный сбытъ, потому что производство яичекъ, какъ дѣло требующее менѣе затраты и сподручное для каждаго туземца, выгоднѣе и полезнѣе для края. Тѣмъ неменѣе, комитетъ пришелъ къ заключенію о необходимости совершеннаго запрещенія вывоза и транзита шелковичныхъ яичекъ изъ туркестанскаго края и о возможности свободнаго вывоза коконовъ.

Правильное развитіе шелковой промышленности [1]) началось во всѣхъ странахъ собственно съ тѣхъ поръ, когда размотка коконовъ перешла изъ рукъ хозяевъ-шелководовъ въ руки фабрикантовъ шелко-размотчиковъ, скупающихъ коконы въ большихъ количествахъ у производителей и подвергающихъ ихъ размоткѣ на усовершенствованныхъ шелко-размотныхъ машинахъ, чрезъ искусныхъ и опытныхъ размотчиковъ и размотчицъ. Соединеніе же шелко-моталенъ съ обширными тутовыми плантаціями и большими черво-воднями, ведетъ лишь къ распространенію пебрины. Италія и Франція только введенію подобнаго раздѣленія труда обязаны совершенствомъ своихъ грежей т.-е. шелка-сырца.

Кавказское шелководство улучшилось также со времени распространенія тамъ шелко-мотальныхъ заведеній. Въ 1866 году числилось въ Россіи подобныхъ заведеній 137, болѣе чѣмъ съ 1,500 рабочихъ и производствомъ около 700 т. р. за исключеніемъ четырехъ въ Подольскомъ уѣздѣ и одного въ Эриванской губерніи, всѣ остальныя заведенія находились въ Бакинской и Тифлиской. Замѣчательнѣйшее заведеніе въ этомъ родѣ устроено было въ 1862 г. въ Нухѣ, гг. Алексѣевымъ и братьями Ворониными. Занимая

---

[1]) Самые полезныя и современныя свѣдѣнія о состояніи шелковой промышленности какъ въ Россіи, такъ и въ Европѣ, и о переживаемомъ ею кризисѣ, соединены въ отчетѣ А. И. Бутовскаго о шелкахъ и шелковыхъ тканяхъ, напечатанномъ въ X выпускѣ обзора парижской всем. выставки 1867 г. С.-П-бургъ, 1869.

до 750 человѣкъ рабочихъ, они отправили, въ 1866 году, 27 т. килогр. пряжи, 33 т. килогр. охлопьевъ, и съ 1863—67 г. выслали до 30,000 пуд. коконовъ заморенныхъ на солнцѣ.

Въ туркестанскомъ краѣ также положено начало усовершенствованной размоткѣ коконовъ, предпріимчивостью братьевъ Хлудовыхъ и г. Первушина, которые основали въ 1867 г. шелкомотальни въ Ташкентѣ и Ходжентѣ, и ввѣривъ ихъ искуснымъ мастерамъ, обучили уже до 500 мальчиковъ сартовъ улучшенной размоткѣ. Въ 1868 году, ими было прислано въ Москву, со своихъ шелко-моталенъ до 200 пудовъ шелка-сырца, столь отличной размотки, что онъ продавался отъ 450 до 500 р. за пудъ.

Шелко-тростильныхъ или шелко-прядильныхъ заведеній, т.-е. превращающихъ грежу въ трамъ (основу) и органсинъ (утокъ) у насъ считается только 6, всѣ въ Московской губерніи, съ 169 рабочими и цифрой производства въ 165 т. р. Столь незначительное число этихъ заведеній объясняется тѣмъ, что трощеніе или мулинированіе шелка производится частію на шелкоткацкихъ фабрикахъ, частію, и въ значительномъ количествѣ, въ видѣ кустарнаго производства, такъ-называемыми карасниками въ Богородскомъ и Коломенскомъ уѣздахъ Московской губерніи.

Наши шелко-крутильныя заведенія ограничиваются преимущественно приготовленіемъ трама изъ кавказскихъ, а также бухарскихъ и персидскихъ шелковъ, и меньшаго сравнительно количества органсина. Для выдѣлки лучшихъ издѣлій выписываются обыкновенно итальянскіе органсины и трамы. Что касается шелковыхъ охлопьевъ, bourre de soie, т.-е. отброса получаемаго при размоткѣ коконовъ, то употребленіе этого матеріала на выдѣлку пряжи, для приготовленія вмѣстѣ съ шелкомъ, шерстью, козьимъ пухомъ и бумагою, на выдѣлку разнообразныхъ модныхъ матерій при уменьшенной добычѣ шелка и возвышеніи на него цѣнъ, возрастаетъ въ Европѣ съ каждымъ годомъ, и независимо отъ туземнаго, буръ-де-суа выписывается еще изъ другихъ странъ, особенно изъ Азіи. Во Францію привозится 630 т. килогр., въ Швейцарію 500 т. килогр., въ Анклію 197 т. пуд., въ Италію 200 т. килогр., въ Австрію 100 т. килогр. буръ-де-суа. Въ Россіи же кромѣ лодзинскихъ фабрикъ буръ-де-суа почти не идетъ въ дѣло.

Производство шелковыхъ тканей по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ находится у насъ въ слѣдующемъ положеніи:

	Число фабрикъ.	Число рабочихъ.	Сумма производства.
Въ Московской губерніи	72	6,135	3.679,290
— С.-Петербургской. .	7	425	545,543
— Лифляндской . . .	1	35	35,000
— Орловской	1	3	3,200
— Варшавской . . .	3	100	94,200
— Бакинской	103	357	56,779
— Тифлисской . . .	9	неизвѣстно	2,246
	201	болѣе 7,045	4.416,258
Ленточныхъ фабрикъ въ Лифляндской и Московской губерніяхъ	7	207	142,299

Цифры эти не даютъ однако полнаго понятія о размѣрахъ всего нашего шелко-ткацкаго производства, что очевидно уже по разсчету цѣнности потребляемаго у насъ сырого матеріала. Шелка-сырца какъ туземнаго, такъ и привознаго, идетъ у насъ въ дѣло 26,000 пудовъ на сумму 2.600,000 р. и до 6,000 пуд. итальянскаго крученаго по 450 р. за пудъ на сумму 2.700,000 р., всего 5.300,000 р. Полагая, что обращеніе сырого матеріала въ ткани увеличиваетъ цѣнность его на $40^0/_0$, можно считать, что сумма производства всего шелко-ткацкаго производства, какъ фабричнаго, такъ и кустарнаго, простирается до $7^1/_2$ милліоновъ руб. сер.

Главный центръ нашей шелковой промышленности Москва съ ея уѣздомъ, а также Коломна и Богородскій уѣздъ. Здѣсь изготовляются преимущественно шелковыя ткани средней руки, съ уткомъ изъ кавказскаго шелка, и основой изъ итальянскаго, а нерѣдко также изъ кавказскаго. Таковы тафты, гроденапли и другія легкія матеріи черныя и цвѣтныя, гладкія, полосатыя, клѣтчатыя и фасонныя, также подкладочныя ткани, мебельныя матеріи, платки и косынки для средняго и простого класса потребителей. Атласы, муары и вообще роскошныя матеріи выдѣлываются въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ. Шелковые бархаты составляютъ спеціальность пяти или шести фабрикъ, полубархаты же съ бумажнымъ уткомъ выдѣлываются въ кустарныхъ заведеніяхъ.

Въ Московской губерніи сосредоточивается, за исключеніемъ одного заведенія, находящагося въ Петербургѣ, фабрикація, на 27 фабрикахъ, парчей и тканей, въ которыхъ шелкъ смѣшивается съ золотомъ и серебромъ. Цифра ежегоднаго производства, безъ сомнѣнія, около 1 мил. руб. Сапожниковы, Колокольниковъ

и Сытовы считаются главными производителями и являются со своими издѣліями на всѣхъ почти какъ туземныхъ мануфактурныхъ, такъ и всемірныхъ выставкахъ. Петербургская фабрикація менѣе разнообразна, но за то производитъ ткани болѣе высокаго достоинства: файи, атласы, муары, пу-де-суа, также подкладочныя саржи и марселины.

На лодзинскихъ фабрикахъ, въ царствѣ Польскомъ производятся преимущественно полушелковыя матеріи, съ примѣсью буръ-де-суа и другихъ матеріаловъ. Шелко-ткацкія заведенія кавказскаго края имѣютъ болѣе ремесленный нежели фабричный характеръ, и изготовляютъ ткани извѣстныя подъ названіями джиджима, мовы, канауса, бурсы, термоламы.

Ленточное производство у насъ весьма ограниченно и занимаетъ не болѣе 300 человѣкъ на 6 фабрикахъ въ Московской и одной въ Лифляндской губерніи, достигая по цѣнности до 150,000 р. Наша шелковая фабрикація удачно конкуррируетъ съ иностранною въ среднихъ сортахъ узорчатыхъ, клѣтчатыхъ и полосатыхъ легкодобротныхъ тканей, также въ саржахъ и подкладочныхъ матеріяхъ, въ полушелковомъ атласѣ и экипажной брокатели, и даже въ мебельныхъ матеріяхъ, по дешевизнѣ ихъ въ сравненіи съ высокими сортами узорчатыхъ ліонскихъ и турецкихъ издѣлій, вслѣдствіе употребленія кавказскихъ шелковъ.

Привозъ къ намъ шелковыхъ товаровъ состоитъ преимущественно изъ непрозрачныхъ тканей и лентъ шелковыхъ и полушелковыхъ; по цѣнности своей онъ достигаетъ суммы $3^1/_2$ мил. руб. въ годъ или около половины туземнаго производства.

По размѣрамъ своей шелковой фабрикаціи Россія занимаетъ въ Европѣ шестое мѣсто, потому что изъ общей цѣнности европейскаго производства шелковыхъ тканей въ 325 мил. рублей, Франція производитъ на 160 мил. руб. сер., Англія на $62^1/_2$ мил., Германія на 35 мил. (въ томъ числѣ одна Пруссія на 25 мил.), Швейцарія на 25 мил., Австрія на 17 мил., Россія на $7^1/_2$ мил., Италія на $6^1/_4$ и прочія государства вмѣстѣ взятыя на $11^1/_4$ мил. рублей серебромъ.

Въ связи съ пятью разсмотрѣнными производствами, обрабатывающими волокнистыя вещества, мы разсмотримъ также и *писчебумажное производство*[1]), такъ какъ оно получаетъ свой матеріалъ преимущественно изъ стараго тряпья.

Первыя фабрики писчей бумаги основались въ Россіи еще

---

[1]) Весьма полныя свѣдѣнія о состояніи писчебумажнаго производства можно найти въ статьѣ г. Потѣхина въ т. III обзора разл. отр. мануф. пром. въ Россіи, и въ V выпускѣ обзора парижской всемірной выставки 1867 г. въ статьяхъ А. Шерера.

въ XVII столѣтіи, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, но издѣлія ихъ были такъ дурны, что для производства дѣлъ въ приказахъ выписывалась иностранная бумага чрезъ Архангельскъ. Въ 1671 г. было выписано 28,454 стопы.

Петръ Великій для развитія писчебумажнаго дѣла въ Россіи выписалъ нѣсколько мастеровъ и обучалъ тамъ нѣсколько русскихъ молодыхъ людей, а затѣмъ далъ имъ средства къ основанію бумажныхъ фабрикъ; для противодѣйствія же чрезмѣрному возвышенію цѣнъ на бумагу этими немногими фабриками, основалъ близъ С.-Петербурга, казенную дудуровскую бумажную фабрику, приказавъ продавать ея издѣлія въ адмиралтействѣ и о томъ «публиковать указами съ барабаннымъ боемъ».

О дальнѣйшемъ развитіи бумажнаго дѣла въ Россіи можно судить по слѣдующимъ цифрамъ:

	Фабрикъ.	Рабочихъ.	Выдѣлано бумаги.	На сумму.
Въ 1764 г.	13	—	119,530 стопъ	—
— 1780 —	25	—	—	150,000
— 1804 —	64	6,957	504,326 стопъ и 71,000 листовъ	—
— 1814 —	74	—	466,000 стопъ и 167,000 листовъ	—
— 1850 —	158	—	1.500,000 стопъ	4.000,000
— 1862 —	165	12,280	2.665,911 стопъ и 60,370 пудовъ 79,915 листовъ	5.682,173 политуры и папки.

Съ 1835 года началось у насъ введеніе машинной выдѣлки бумаги и въ настоящее время треть существующихъ фабрикъ, преимущественно въ обѣихъ столицахъ и въ губерніяхъ: калужской, владимірской, орловской, ярославской, тульской и прибалтійскихъ снабжены писче-бумажными машинами и вообще хорошими механическими аппаратами для подготовки и бѣлѣнія массы, а равно для сушенія бумаги. Вообще писче-бумажное дѣло принадлежитъ къ числу производствъ, сдѣлавшихъ у насъ наибольшіе успѣхи, особенно въ выдѣлкѣ ходячихъ сортовъ бумаги, какъ писчей, такъ и печатной; впрочемъ, двѣ трети фабрикъ остаются еще при ручныхъ способахъ, что отражается и на ихъ издѣліяхъ.

Всѣ наши фабрики, по разсчету московскаго отдѣленія мануфактурнаго и коммерческаго совѣтовъ, потребляютъ около $2^1/_2$ мил. пудовъ тряпья, но сверхъ того, отъ 150 до 300 тыс. пудовъ его вывозится еще за границу. Къ сожалѣнію, тряпье наше отличается дурными качествами, вслѣдствіе дурной сорти-

ровки, такъ что фабриканты вынуждены сами еще пересортировывать его, и затѣмъ негодную для себя часть тряпья продавать. Изъ суррогатовъ тряпья, входящихъ въ употребленіе въ западной Европѣ, какъ-то соломы ржаной, кукурузной и дерева, переработываемаго съ помощью изобрѣтенной г. Фельтеромъ машины, только примѣсь древесной муки къ бумажной массѣ начинаетъ входить отчасти въ употребленіе, судя по тому, что машина г. Фельтера, бывшая въ дѣйствіи въ австрійскомъ отдѣлѣ парижской выставки, выписана и у насъ двумя фабрикантами, въ Москвѣ и въ Волынской губерніи.

Семь акціонерныхъ компаній съ капиталомъ болѣе $2^1/_2$ мил. рублей и ежегоднымъ производствомъ каждой отъ 200 до 800 т. руб. въ годъ, основались въ 1856—1859 годахъ для писчебумажнаго дѣла и ведутъ его съ полнымъ успѣхомъ. Самыя крупныя между ними и вообще лучшія фабрики принадлежатъ компаніи троицко-кондровской въ Калужской губерніи, производящей на 800 т. руб., и братьямъ Варгунинымъ въ С.-Петербургѣ, съ производствомъ около 500 т. р.

Обширнымъ производствомъ, отъ 80 до 120 т. листовъ разнаго рода бумаги, преимущественно для правительственныхъ потребностей, какъ-то гербовой, бумаги для акцій и процентныхъ бумагъ, отличается также и казенная фабрика Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, которая основана была въ 1818 году взамѣнъ царскосельской казенной фабрики, учрежденной съ подобною же цѣлью Екатериной II. Фабрика Экспедиціи имѣетъ 17 паровыхъ машинъ въ 470 лош. силъ, 382 исполнительныхъ механизмовъ и аппаратовъ и 1,912 рабочихъ. О печальной судьбѣ казенной же петергофской бумажной мануфактуры, существовавшей съ 1817—1849 г., мы уже говорили въ прошедшей статьѣ.

Выдѣлка игральныхъ картъ до 1819 года производилась у насъ частными фабриками и отдавалась на откупъ, въ пользу императорскаго воспитательнаго дома; въ этомъ же году учреждена была, по мысли государыни императрицы Маріи Θеодоровны, въ селѣ Александровскомъ, близъ С.-Петербурга, на счетъ суммъ воспитательнаго дома карточная фабрика, которая понынѣ составляетъ его собственность и на основаніи высочайшаго повелѣнія 27 мая 1819 года [1]) имѣетъ монополію снабженія всей Россіи игральными картами. Нынѣ на этой фабрикѣ работаютъ

[1]) П. С. З. т. XXXV, № 27,815. Высочайше утвержденная 27 мая 1819 г. записка государыни императрицы Маріи Θеодоровны, о карточномъ сборѣ и изготовленіи оныхъ, съ приложеніемъ особаго о семъ положенія.

365 человѣкъ и выдѣлывается въ годъ до 320 тысячъ дюжинъ картъ на сумму 1.270,000 руб.

Фабрикація бумажныхъ обоевъ развилась у насъ сравнительно весьма недавно, не далѣе какъ въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, а въ настоящее время съ успѣхомъ конкуррируетъ даже съ иностранными издѣліями, судя потому, что, напримѣръ, обойная фабрика Камюзе и К⁰, по собственному ея заявленію [1]), при пошлинѣ въ 10 р. съ пуда на иностранные обои, производила по 100 т. кусковъ, послѣ же сбавки пошлинъ въ 1857 г. до 5 р. 50 к., въ теченіи 10 лѣтъ, 1857—1866, производила ежегодно отъ 180 до 481 т., а среднимъ числомъ около 230 т.; судя же по свѣдѣніямъ доставленнымъ фабрикою по поводу послѣдней выставки, производство ея достигаетъ до 900 т. кусковъ въ годъ на сумму до 200 т. р., при чемъ выдѣлываются не только обои дешевые отъ 12 до 60 к., но и дорогіе до 9 р. Всѣхъ обойныхъ фабрикъ считается нынѣ 26, въ томъ числѣ по 3 въ Финляндіи и въ царствѣ Польскомъ, всего по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ на 612,000 р.; но очевидно, что эта цифра далеко ниже дѣйствительности, потому что изъ 7 фабрикантовъ обоевъ, представившихъ свои издѣлія на послѣднюю выставку, пять оцѣнили свое производство въ 535 т. р.

Приготовленіе кровельнаго толя сосредоточивается на трехъ фабрикахъ: Новгородской, Тверской и Лифляндской, и въ 1862 г. произведено было ими 68,330 кв. саж. толя.

Сюда же принадлежитъ и фабрикація издѣлій изъ лакированной бумажной массы, въ видѣ бюваровъ, альбомовъ, ящиковъ, папиросницъ, табакерокъ, спичечницъ, портмонне и т. п., производимая съ начала нынѣшняго столѣтія въ Московской губерніи Лукутинымъ (съ 1817 г.) и Вишняковыми (съ 1825 г.). Ею занято въ двухъ заведеніяхъ болѣе 70 человѣкъ и производство достигаетъ 37 т. р. въ годъ. При заведеніи Лукутина есть рисовальная школа и этимъ, конечно, можно объяснить изящество рисунковъ на лукутинскихъ издѣліяхъ, которыя весьма цѣнятся за-границею, и всегда обращали на себя особенное вниманіе на всемірныхъ выставкахъ. На основаніи всѣхъ приведенныхъ данныхъ можно полагать, что общая цѣнность всей нашей бумажной промышленности простирается отъ 10 до 11 мил. руб. сер.

Заканчивая этимъ обзоръ производствъ, отнесенныхъ нами къ первой группѣ, можемъ сдѣлать слѣдующій выводъ о размѣрахъ этихъ производствъ.

---

[1]) Труды Выс. утв. коммиссіи для пересмотра таможеннаго тарифа въ 1867 г., стр. 680.

Промышленности.	Число фабрикъ.	Число рабочихъ на фабрикахъ.	Цѣнность производства фабричнаго. мил. руб. сер.	домашняго.
Льняная	117	28.000	13	55
Пеньковая	140	4.500	4	1
Хлопчатобумажная	862	122.000	100	—
Шерстяная	1.500	100 000	56	15
Шелковая	300	7.500	5	$2^1/_2$
Бумажная	187	10,561	11	—
Всего	3.136	272.561	188	$73^1/_2$

IV.

Металлическая промышленность, и въ особенности желѣзная, во всѣхъ странахъ считается двигательницею прочихъ отраслей промышленности, и по количеству потребленія желѣза судятъ обыкновенно о степени ея развитія вообще. Къ сожалѣнію, Россія въ этомъ отношеніи далеко отстала отъ другихъ странъ. Она потребляетъ не болѣе 6 фунтовъ на человѣка въ годъ, между тѣмъ какъ въ Пруссіи, Бельгіи и Франціи это потребленіе доходитъ до 30 фунтовъ, въ Соединенныхъ Штатахъ до 1 пуда, а въ Англіи свыше 3 пудовъ.

Искусство плавить желѣзную руду было давно извѣстно нашимъ предкамъ, но оно производилось большею частью весьма несовершеннымъ образомъ, въ домашнихъ горнахъ. Первый желѣзный заводъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, возникъ лишь при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ подъ Москвою, подъ руководствомъ двухъ иностранцевъ. На этомъ заводѣ учился впервые горному дѣлу Петръ Великій, который затѣмъ выписалъ свѣдущихъ въ горномъ дѣлѣ мастеровыхъ изъ Саксоніи и Польши, основалъ нѣсколько казенныхъ заводовъ, и поощрилъ къ этому дѣлу умнаго и предпріимчиваго Акинфія Демидова. Къ концу царствованія Петра Великаго, уральскіе заводы давали уже отъ 140 до 150 тысячъ пудовъ полосового желѣза, а къ концу XVIII столѣтія всего желѣза добывалось въ Россіи уже около 5 милліоновъ пудовъ, изъ коихъ около 3 мил. пудовъ, на сумму 5 мил. рублей вывозилось за-границу, такъ что желѣзо составляло одинъ изъ главныхъ въ то время предметовъ нашего отпуска. Главное количество желѣза получалось съ частныхъ заводовъ пермскаго намѣстничества, гдѣ казнѣ принадлежали лишь 8 заводовъ съ 1,419 рабочими, а частнымъ лицамъ 61 заводъ съ 41,459 рабочими. Первые доставляли 182,365 п., вторые—2,876,049 пу-

довъ. Въ теченіи нынѣшняго столѣтія, съ введеніемъ разныхъ техническихъ улучшеній въ горнозаводскомъ дѣлѣ и производство желѣза усилилось, но не соразмѣрно приращенію народонаселенія и успѣхамъ другихъ странъ на этомъ поприщѣ. Причина медленнаго развитія желѣзнаго производства въ Россіи заключается въ томъ, что оно было основано до сихъ поръ на древесномъ топливѣ, а потому всякое усиленіе дѣйствія желѣзныхъ заводовъ было только временное и влекло за собою истребленіе лѣсовъ и затрудненіе въ снабженіи горючимъ матеріаломъ. Съ 5 мил. пудовъ, въ концѣ XVIII ст., производство желѣза возрасло до 6,926,000 пудовъ въ 1838 — 1844 годахъ, до 7,710,000 п. въ 1844—1850, до $14^1/_4$ мил. п. въ 1857—1866 и до 12,476,000 пуд. въ 1868 году. Между тѣмъ въ Англіи, Соединенныхъ Штатахъ, Франціи, Бельгіи и другихъ странахъ желѣзное производство въ короткое время быстро возрастало, какъ только заводы переходили съ древеснаго топлива на минеральное; такъ, въ Англіи оно увеличилось съ 24 мил. пуд. въ 1820 г. до 300 мил. пуд. въ 1865 г., въ Соединенныхъ Штатахъ съ 7 мил. до 55 (въ 1860), во Франціи съ 7 мил. пуд. до 72 мил. (1865 г.); въ Таможенномъ Союзѣ съ 8 мил. въ 1834 до 55 мил. въ 1864 г.

Впрочемъ, не одно оскудѣніе горючаго матеріала земедлило развитіе нашей желѣзной производительности; равно какъ и не измѣненіе тарифа, облегчившее въ 1858 и 1859 годахъ привозъ иностраннаго желѣза къ тѣмъ частямъ Россіи, которыя, нуждаясь въ немъ, не могли получать его дешево съ Урала, главнаго центра нашей желѣзной производительности. Были и другія экономическія причины, повліявшія въ послѣднее время на упадокъ нашей желѣзной промышленности на Уралѣ, и первая между ними—именно, возвышеніе издержекъ горнозаводскаго производства отъ возвысившихся цѣнъ какъ на хлѣбные продукты, которыми уплачивалась на частныхъ и особенно на посессіонныхъ заводахъ часть заработной платы заводскому населенію, такъ и на овесъ, отчего возвысились издержки перевозки.

Крестьянская реформа застала заводы именно въ то время, когда ихъ финансовыя дѣла были значительно разстроены, вслѣдствіе повторявшихся нѣсколько лѣтъ неурожаевъ; а между тѣмъ не только плата вольнонаемнымъ рабочимъ значительно возвысилась, но и явилось затрудненіе въ постоянномъ снабженіи заводовъ достаточнымъ числомъ рабочихъ, потому что рабочіе на многихъ заводахъ отказывались рѣшительно отъ заключенія формальныхъ договоровъ на продолжительные сроки, и неохотно нанимались на заводскія работы временно, требуя притомъ неимо-

вѣрно высокихъ цѣнъ и часто оставляя заводы произвольно. Ко всѣмъ этимъ затрудненіямъ присоединилось еще и исчезновеніе частнаго кредита. При постоянномъ безденежьи большей части заводовъ, при разстройствѣ лѣсныхъ дачъ, при истощеніи рудныхъ мѣсторожденій, при медленномъ возвращеніи затрачиваемыхъ на заводскія предпріятія капиталовъ, естественно, что заводовладѣльцы должны были постоянно обращаться къ займамъ или изъ Екатеринбургской конторы государственнаго банка, или къ частному кредиту. Въ прежнее время къ управляющимъ заводами стекались, особенно на нижегородской ярмаркѣ, и крупные, и мелкіе капиталы, считая помѣщенія ихъ изъ 7% на заводахъ самымъ вѣрнымъ; но въ послѣдніе годы, съ умноженіемъ числа процентныхъ бумагъ и съ развитіемъ разнаго рода промышленныхъ предпріятій, частный кредитъ почти совершенно исчезъ. Результатомъ такого положенія дѣлъ было весьма значительное возвышеніе цѣнъ на желѣзо. Средняя цѣна съ 1850 по 1857 г. для гуртовыхъ покупателей на нижегородской ярмаркѣ была для полосового и сортового желѣза отъ 1 р. 10 к. до 1 р. 20 к., а для листового (кровельнаго) отъ 2 р. 15 к. до 2 р. 30 к., послѣ же 1858 года, первое продавалось отъ 1 р. 25 к. до 1 р. 40 к., а послѣднее отъ 2 р. 40 к. до 2 р. 70 к. за пудъ.

Отъ измѣненія нынѣ дѣйствующаго горнаго законодательства, отъ уничтоженія посессіоннаго права, отъ продажи въ частныя руки нѣкоторыхъ ненужныхъ казенныхъ заводовъ, отъ проведенія къ Уралу желѣзной дороги и отъ правильной организаціи кредитныхъ учрежденій для заводовладѣльцевъ, ожидаютъ улучшенія дѣлъ уральскихъ горныхъ заводовъ и возвышенія ихъ производительности; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ надежды на будущее развитіе желѣзной производительности, сообразно возрастающимъ потребностямъ въ дешевомъ желѣзѣ для земледѣлія, промышленности и въ особенности для осуществленія обширной сѣти созидаемыхъ нынѣ желѣзныхъ дорогъ, возлагается на основаніе новыхъ заводовъ въ мѣстахъ изобилующихъ каменнымъ углемъ. Такими мѣстностями въ особенности представляются лежащія по теченію р. Камы въ верховьяхъ ея, въ Соликамскомъ уѣздѣ Пермской губерніи, и на югѣ Россіи Екатеринославская губернія. По послѣднимъ обнародованнымъ свѣдѣніямъ, въ 1868 году, въ Россіи получено было 19.727,745 пудовъ чугуна, въ томъ числѣ 609,553 въ привислянскомъ краѣ и 920,891 п. въ Финляндіи; количество добытаго изъ чугуна желѣза составляло 13.650,869 п. и стали 447,229.

Русское желѣзо, по своимъ высокимъ качествамъ, какъ при-

готовленное на древесномъ топливѣ, пользуется заслуженною извѣстностью за границею и потому составляетъ предметъ нашего ежегоднаго отпуска въ количествѣ отъ 400 до 800 т. п.; для удовлетворенія же потребностямъ въ дешевомъ желѣзѣ нашихъ западныхъ и южныхъ губерній, ввозится къ намъ до 2 мил. пуд. чугуна и до 7 мил. пуд. желѣза.

Одною изъ наиболѣе настоятельныхъ потребностей къ развитію нашей желѣзной промышленности заключается въ изготовленіи рельсовъ и разныхъ принадлежностей желѣзно-дорожнаго дѣла, такъ какъ изъ 40,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ, необходимыхъ для расширенія и повсемѣстнаго развитія нашей промышленности, къ 1 января 1870 года проведено только 7044 версты; но и для проложенія этихъ дорогъ потребовалось уже болѣе 100 милліоновъ пудовъ рельсовъ и ежегодно требуется для одного ихъ ремонта около 5 мил. пудовъ. Большая часть рельсовъ ввозится къ намъ безпошлинно, преимущественно изъ Англіи, причемъ далеко не всегда бываютъ удовлетворительнаго качества. Туземное рельсовое производство [1]) у насъ едва только возникаетъ и едва ли простирается до 2 мил. пуд. въ годъ. На Уралѣ рельсы приготовляются на казенномъ воткинскомъ, на тагильскомъ Демидова, на подмосковныхъ заводахъ Шепелевыхъ, на заводахъ г. Путилова въ Финляндіи и въ Петербургѣ, на заводахъ Дея и на бывшемъ заводѣ герцога Лейхтенбергскаго, принадлежащемъ Главному Обществу желѣзныхъ дорогъ. Особенно прочны оказались рельсы тагильскаго завода, который изготовилъ ихъ въ теченіе 1869 г. болѣе 600 т. пудовъ, а всего съ начала производства около $4^1/_4$ мил. пудовъ. Старые демидовскіе рельсы продаются для прокатки въ листовое желѣзо на $20^0/_0$ дороже совершенно новыхъ англійскихъ. Не менѣе замѣчательна также попытка, увѣнчавшаяся полнымъ успѣхомъ, г. Путилова приготовлять рельсы со стальною головкою изъ пудлинговой стали, для чего имъ перекатываются старые рельсы. До 5 мил. пудовъ старыхъ рельсовъ Николаевской дороги пріобрѣтены съ этою цѣлью заводомъ Путилова на сумму 2.150,000 р., всего же съ 1868 по май 1870 года сдано имъ 2.585,000 пуд. рельсовъ со стальною головкою для Николаевской, Варшавской и Московско-Курской дороги, принятъ еще такой же заказъ отъ Главнаго Общества желѣзныхъ дорогъ на 500 т. пуд. и исполненъ заказъ 650 т. пуд. рельсовъ съ же-

---

[1]) Записки русскаго техническаго общества 1866, статья г. Погорѣльскаго.—Труды тарифной ком. т. II.

лѣзною головкой для Курско-Харьковско-Азовской желѣзной дороги [1]).

Нельзя не замѣтить при этомъ, что водвореніе у насъ рельсоваго производства совершалось съ значительными пособіями и пожертвованіями со стороны казны.

Дороговизна въ Россіи желѣза оказываетъ самое неблагопріятное вліяніе какъ на разныя отрасли промышленности вообще, потому что они нуждаются въ немъ какъ въ необходимомъ орудіи производства, въ формѣ инструментовъ, машинъ, и т. п., такъ особенно на тѣ изъ этихъ отраслей, которыя употребляютъ желѣзо какъ сырой матеріалъ, для дальнѣйшей его переработки, въ разнаго рода издѣлія. Это вліяніе особенно ощутительно при производствѣ обыкновенныхъ крупныхъ издѣлій изъ чугуна и желѣза, потому что въ нихъ цѣнность матеріала значительно превышаетъ стоимость обработки. Большая часть подобнаго рода издѣлій изготовляется на самыхъ заводахъ, добывающихъ чугунъ и переработывающихъ его въ желѣзо. Въ 1866 году считалось въ Россіи до ста чугунно-литейныхъ заводовъ, занимавшихся въ 37 губерніяхъ производствомъ чугунныхъ отливокъ и грубыхъ машинныхъ частей. Въ 1868 году отлито была всякаго рода чугунныхъ издѣлій 1.812,544 пуда, въ томъ числѣ пушекъ и артиллерійскихъ снарядовъ 480,633 пуда. Этимъ послѣднимъ производствомъ занимается большая часть казенныхъ заводовъ и нѣкоторые изъ нихъ достигли замѣчательнаго совершенства. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ пермскому чугунно-пушечному и стале-пушечному заводамъ. Первый, основанный въ 1864 году, отливаетъ ежегодно до 49 т. пуд. орудій и снарядовъ, на сумму до 187 т. руб. и занимается въ настоящее время отливкою чугунныхъ больше-калиберныхъ орудій и снарядовъ. Въ послѣднее время имъ было отлито, по американской системѣ, 20-ти дюймовое орудіе, вѣсомъ въ 2754 пуда. Пермской стале-пушечный заводъ открытъ въ 1863, приготовлялъ въ 1869 году 8-ми дюймовыя орудія, на сумму 381,000 р. «Приготовленіе стальныхъ орудій, говоритъ одинъ спеціалистъ по этой части, г. Черновъ, въ Запискахъ русскаго техническаго общества [2]), началось въ Россіи какія-нибудь десять лѣтъ тому назадъ; оно не было результатомъ развитія у насъ стале-литейнаго дѣла, введеннаго до того времени едвали не единственно въ златоустовскомъ заводѣ, да и то въ весьма ограниченныхъ

---

[1]) Заводы Н. И. Путилова, СПб. 1870, брошюра, изданная по поводу послѣдней выставки.

[2]) Выпускъ 7, іюль, 1868 г. стр., 399—400.

размѣрахъ, но оно было вызвано потребностью—во что бы то ни стало приготовлять у себя стальныя орудія. Такимъ образомъ, при недостаткѣ собственной опытности, введеніе этого дѣла могло быть облегчено заимствованіемъ свѣдѣній отъ нашихъ западныхъ сосѣдей, но и тутъ оказалось много препятствій; сталелитейное дѣло въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какихъ требуетъ приготовленіе стальныхъ орудій, было введено только у извѣстнаго прусскаго фабриканта Круппа и, по недоступности его фабрики для посѣтителей, оставалось для всѣхъ другихъ секретомъ. Понятно, что намъ тяжело было, при такихъ условіяхъ, сразу поставить у себя это дѣло на прочную ногу, намъ нужно было до всего добиваться самимъ». Тѣмъ большая заслуга для лицъ, ведущихъ дѣло сталепушечнаго завода, что они успѣли достигнуть приготовленія большекалиберныхъ стальныхъ орудій, съ успѣхомъ выдерживающихъ самыя усиленныя пороховыя пробы. Но какъ слабо еще производство пермскаго завода съ его болѣе чѣмъ полумилліоннымъ оборотомъ, въ томъ легко убѣдиться, припомнивъ только, что заводъ Круппа, которому обязана промышленность разрѣшеніемъ вопроса о приготовленіи литой стали въ огромныхъ массахъ, занимаетъ 200 десятинъ, работаетъ 200-ми паровыхъ машинъ, силою отъ 2 до 1000 силъ, 49 паровыми молотами, 10,000 рабочихъ и продаетъ въ годъ до 3.750,000 пудовъ литой стали на 11 мил. р., въ томъ числѣ около $^2/_5$ въ видѣ стальныхъ орудій. [1])

Самую важную часть металлической промышленности во всякой странѣ составляетъ, безъ сомнѣнія, промышленность машиностроительная или механическая [2]), какъ доставляющая орудія для производства по всѣмъ отраслямъ промышленности. Повсюду машино-строеніе есть дѣло новое. Особенное развитіе оно получило въ Англіи уже въ концѣ минувшаго столѣтія, вслѣдствіе великаго изобрѣтенія Уатта и многообразныхъ его примѣненій; запрещеніе выѣзда англійскихъ механиковъ и мастеровъ и вывоза машинъ за границу должно было ограждать превосходство и даже монополію англійскаго механическаго искусства. Несмотря однако на эти запрещенія, вслѣдствіе уменьшившагося

---

[1]) Сообщеніе г. Полетика о желѣзномъ дѣлѣ на парижской выставкѣ. Записки русс. технич. общ. 1867.

[2]) Объ этомъ предметѣ можно найти много интересныхъ свѣдѣній въ «Обзорѣ машино-строительныхъ заведеній въ Россіи» покойнаго профессора механики Л. Ершова въ II т. Обзора раз. отр. мануф. пром. Россіи и въ Трудахъ тарифной коммисіи, особенно въ замѣчаніяхъ на ея матеріалы и въ Журналѣ самой коммиссіи 6, 8 и 20 февраля 1868 г. т. I, стр. 289—356, и въ Запискахъ русскаго техническаго общества 1867 вып. 3, 8 и 9.

въ самой Англіи числа заказовъ для арміи и флота, послѣ мира 1815 г. и вслѣдствіе возникновенія собственныхъ механическихъ мастерскихъ на континентѣ Европы, до 15,000 мастеровъ и механическихъ рабочихъ переселились изъ Англіи на материкъ Европы и содѣйствовали развитію тамъ механическаго дѣла. Россія также обязана первыми начатками своего машино-строительнаго производства англійскимъ техникамъ. Гаскойнъ, бывшій съ 1790 по 1806 г. директоромъ олонецкихъ заводовъ, а съ 1803 — колпинскихъ, преемникъ его Вильсонъ и Бердъ, основатель въ 1790 г. перваго частнаго механическаго завода въ Россіи, были всѣ англичане. Потребность въ машинахъ возрастала съ развитіемъ промышленности: главнымъ способомъ удовлетворенія была выписка машинъ изъ за-границы.

Въ двадцатыхъ годахъ привозъ къ намъ машинъ едва превышалъ 200 т. р.; въ началѣ 50-хъ простирался отъ 2 до 4 мил., въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ до 8 мил.; въ настоящее время доходитъ до 16 и даже до 20 мил. р., если считать въ томъ числѣ принадлежности желѣзныхъ дорогъ.

Несмотря на столь значительный привозъ машинъ изъ за-границы, поддерживаемый безпошлинностью, внутренняя фабрикація ихъ развивалась, хотя и медленно.

	Заводовъ.	Въ нихъ рабочихъ.	Сумма производства.
Въ 1851 г. было	19	1,349	478,437
» 1856 » »	31	6,604	3,865,299
» 1861 » »	106	12,396	7,262,809
» 1866 » »	116	16,950	13,562,756

Если же присоединить къ послѣднимъ числамъ свѣдѣнія о механическомъ производствѣ царства Польскаго и великаго княжества Финляндскаго, то общее число машино-строительныхъ заводовъ въ 1866 году было 167, рабочихъ 12 т. и сумма производства 15 мил. р. Цифры эти нельзя однако признать выраженіемъ полной суммы механическаго производства, потому что, кромѣ того, приготовленіемъ разнаго рода машинъ занимаются многіе чугуно-литейные и желѣзо-дѣлательные заводы, какъ казенные, такъ и частные. Такъ, въ 1866 году, на одномъ екатеринбургскомъ казенномъ заводѣ выдѣлано было разнаго рода паровыхъ машинъ и молотовъ, сверлильныхъ станковъ и др. на сумму до 200 т. р.

Главнымъ препятствіемъ для развитія механическаго дѣла въ Россіи служитъ у насъ: 1) дороговизна чугуна и желѣза, и даже недостатокъ тѣхъ сортовъ, въ которыхъ наиболѣе нуждают-

ся машино-строительныя заведенія; 2) отсутствіе постояннаго рынка сырыхъ матеріаловъ и вслѣдствіе того необходимость имѣть большіе запасы всѣхъ сортовъ сырого матеріала, чтобы не подвергаться разнымъ случайностямъ и остановкамъ въ работѣ; 3) недостатокъ и дороговизна хорошихъ опытныхъ мастеровъ, и совершенное отсутствіе мастеровъ сколько-нибудь подготовленныхъ школами; наконецъ 4) недостатокъ спеціализаціи нашихъ заводовъ, отъ чего каждое дѣло требуетъ у насъ и болѣе времени и большаго числа рабочихъ рукъ, чѣмъ за-границею.

Въ видахъ содѣйствія нашимъ механическимъ заводамъ къ болѣе дешевому снабженію ихъ сырымъ матеріаломъ, въ 1861 году было разрѣшено для машинныхъ заводчиковъ выписывать безпошлинно чугунъ и желѣзо изъ-за-границы. Въ 1866 году этимъ разрѣшеніемъ воспользовались 59 заводчиковъ, которыми выписано въ счетъ разрѣшеннаго имъ количества 1,826,000 пуд. чугуна и 1,369,000 пуд. желѣза, не болѣе одной трети, безъ сомнѣнія вслѣдствіе стѣсненій, съ которыми сопряжено для частныхъ заводовъ подчиненіе ихъ извѣстному правительственному контролю.

Развитію нашихъ механическихъ заводовъ не мало способствовали значительные заказы, которые они получали отъ правительства; такъ въ 1853—55 годахъ, во время крымской кампаніи, петербургскіе заводы, въ теченіи 14 мѣсяцевъ, построили для флота 103 пароходныхъ машинъ въ 15,000 силъ, а въ 1863—65 годахъ 11 мониторовъ и двѣ пловучія баттареи. Въ 1865 году, казенные заказы частнымъ заводамъ простирались на сумму около 4 мил. руб. Но и независимо отъ казенныхъ нуждъ, потребности самой промышленности вызываютъ развитіе у насъ машино-строительнаго дѣла, такъ какъ распространеніе машинъ во всѣхъ отрасляхъ производства дѣлается весьма замѣтнымъ, и между прочимъ требуетъ образованія опытныхъ механиковъ для ухода за машинами.

Возможность прочнаго развитія машино-строительнаго дѣла, съ нѣкоторыми усиліями и пожертвованіями, признается у насъ всѣми, ибо всѣ элементы для него существуютъ у насъ дома, а русскіе рабочіе и механики легко освоиваются съ исполненіемъ механическихъ работъ.

Съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ наши механическіе заводы должны будутъ расширить свою дѣятельность развитіемъ у себя выдѣлки паровозовъ. Уже въ 1868 году изъ 1150 паровозовъ, считавшихся въ то время въ Россіи, 938 были приготовлены въ Германіи (531), Франціи (212), Бельгіи (95) и Англіи (90), а остальные 212 въ Россіи, что явно доказывало возможность исполненія подобнаго рода заказовъ нашими заводами. Пять изящ-

ныхъ паровозовъ, красовавшихся на нашей послѣдней мануфактурной выставкѣ, вышли изъ мастерскихъ Главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, русскаго общества механическихъ горныхъ заводовъ, Воткинскаго казеннаго судостроительнаго заведенія гг. Мальцова и братьевъ Струве. Хотя спеціалисты и находили недостатки въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и не вполнѣ примирялись съ тѣмъ, что не всѣ части этихъ паровозовъ приготовлены у насъ дома, какъ напр. колеса, оси и рессоры, а частію были привезены изъ-за-границы, но они служили самымъ краснорѣчивымъ разрѣшеніемъ вопроса о возможности изготовленія у насъ паровозовъ; остается только придать этому дѣлу бо̀льшіе размѣры, чему конечно могутъ способствовать сами управленія желѣзныхъ дорогъ, обращаясь къ русскимъ заводчикамъ, предпочтительно предъ Борзигами, Зиглями и Кайлями, которые втроемъ приготовили для нашихъ дорогъ до 1868 года изъ 938 паровозовъ — 504 на сумму 11 мил. руб. сер. [1]).

Большая часть механическихъ заводовъ сосредоточивается преимущественно въ губерніяхъ: С.-Петербургской (23), Московской (16) и Варшавской (25), съ общей цифрой производства $11\frac{1}{2}$ мил. руб.

Въ числѣ 23 петербургскихъ заводовъ находится 4 казенныхъ, которые производятъ на сумму около 3 мил. рублей. Изъ частныхъ петербургскихъ заводовъ, нѣкоторые, а именно гг. Нобеля, Карра, Путилова и русскаго общества механическихъ и горныхъ заводовъ, исполняютъ преимущественно казенные заказы, на сумму болѣе 2 мил. руб. ежегодно; остальные 19 мил. рублей приходятся на счетъ частныхъ заказовъ. Большая часть плавающихъ по Волгѣ и по Дону пароходовъ построены въ Россіи на заводахъ Шипова, Баташевыхъ, Шепелевыхъ, Мальцова и варшавскомъ; большая часть постоянныхъ и подвижныхъ (локомобилей) паровыхъ котловъ дѣлаются также въ Россіи, изъ-за-границы же выписываются преимущественно тонкіе и сложные механизмы, какъ напр., мюль-машины и машинныя орудія.

Несмотря на подавляющую конкурренцію Америки, которая производитъ ежегодно болѣе чѣмъ на 7 мил. швейныхъ машинъ, выдѣлка швейныхъ машинъ начинаетъ водворяться и въ Россіи; механическій заводъ Лесснера въ Петербургѣ приготовляетъ, между прочимъ, швейныя машины для военно-интендантскаго вѣдомства, а Цезе, въ Ригѣ, и Гецъ, въ С.-Петербургѣ, основали фабрики, первый въ 1869 г., второй въ 1866 г., спеціально для

---

[1]) Записки русскаго техническаго общества 1867. Въ № 9, сообщеніе г. Лебедева о постройкѣ паровозовъ для Россіи.

изготовленія швейныхъ машинъ, но сумма ихъ совокупнаго производства не превышаетъ еще скромной цифры 12 т. руб.

Однимъ изъ лучшихъ свидѣтельствъ изобрѣтательности русскаго ума намеханическомъ поприщѣ и обильныхъ результатовъ, которые оно можетъ дать въ будущемъ, служитъ, между прочимъ, электро-автоматическій наборщикъ, представленный г. Княгининскимъ на послѣднюю выставку. Хотя этотъ наборщикъ, въ настоящемъ своемъ видѣ, по мнѣнію экспертовъ [1]), представляетъ выгоды не только гадательныя, но даже мнимыя, и завершаетъ собою длинный рядъ неудачныхъ, къ сожалѣнію, попытокъ, сдѣланныхъ съ 1822 года, въ разныхъ странахъ, 60-ю лицами, къ разрѣшенію этого вопроса, тѣмъ не менѣе спеціалисты не отвергали, что наборщикъ г. Княгининскаго имѣетъ задатки дальнѣйшаго усовершенствованія, потому что онъ не просто механическій двигатель, а сила, одушевленная электрическимъ токомъ, который допускаетъ всевозможныя перемѣны и улучшенія въ безконечномъ разнообразіи своихъ приложеній. Руководствуясь этими отзывами, экспертная коммисія въ своемъ докладѣ «обратила вниманіе высшаго правительства на многообѣщающее изобрѣтеніе г. Княгининскаго, съ цѣлію дать ему достаточныя средства для окончанія усиленно начатыхъ трудовъ, по разрѣшенію вопроса о механическомъ наборѣ и для постройки настоящей наборной машины». Изъ опубликованнаго списка наградъ, извѣстно, что г. Княгининскій удостоенъ бронзовой медали, но, безъ сомнѣнія, не оставлена безъ вниманія рекомендація экспертной коммиссіи о матеріальной поддержкѣ г. Княгининскаго въ его дальнѣйшихъ усовершенствованіяхъ своего прибора.

Немаловажную, если еще не по своимъ размѣрамъ, то по своему значенію, отрасль механическаго производства составляетъ выдѣлка земледѣльческихъ орудій и машинъ. Первыя механическія заведенія по этой части Вильсона и братьевъ Бутеноповъ, оба въ Москвѣ, возникли около 1830 года, съ пособіемъ частію казны, частію московскаго общества сельскаго хозяйства. Но до 60-хъ годовъ улучшенныя земледѣльческія орудія распространялись весьма слабо между помѣщиками, и потому какъ внутреннее производство этого рода машинъ, такъ и выписка ихъ изъ-за-границы, были довольны ограниченны. Въ началѣ 60-хъ годовъ, напротивъ, стремленіе къ введенію новыхъ машинъ и орудій получило почти лихорадочное развитіе. Огромныя суммы были затрачены, безъ всякаго разсчета, на выписку заграничныхъ ма-

---

[1]) Докладъ по VII раздѣлу экспертнаго комитета всероссійской мануфактурной выставки 1870 г. Докладъ членовъ экспертовъ гг. Винберга и Головина, стр. 55—63 и отзывъ спеціалиста Ф. Е. Нагеля стр. 70—73.

шинъ, неприспособленныхъ къ условіямъ русскаго хозяйства, и результатомъ этого было разочарованіе хозяевъ и сдача пріобрѣтенныхъ негодныхъ орудій на вѣчное храненіе въ амбары. Но за этой порой разочарованія, наступила пора разумнаго изученія мѣстныхъ условій, какъ русскими, такъ и нѣкоторыми иностранными производителями машинъ, и нынѣ около ста заводовъ занимаются въ Россіи выдѣлкою земледѣльческихъ орудій и машинъ, и до 40 складовъ или депо—выпискою иностранныхъ орудій и машинъ. Къ числу самыхъ крупныхъ русскихъ заводчиковъ по этой части слѣдуетъ отнести Бутенопа, производящаго на 167,000 р., Фендериха и К° въ Одессѣ — 200,000 р., Лильпопъ и Рау въ Варшавѣ на 300,000 р., гр. Замойскаго на 278,000 р. и Мальцова. Въ послѣднее время производство земледѣльческихъ орудій начало водворяться въ самыхъ хозяйствахъ, подъ личнымъ руководствомъ хозяевъ, близко знакомыхъ съ мѣстными потребностями хозяйства. Къ числу такихъ дѣятелей слѣдуетъ причислить покойнаго гр. Бобринскаго, гг. Шишкова, Шатилова, князя Васильчикова и Михеля. Руководствуясь преимущественно образцами англійскими, американскими, шведскими, наши производители начинаютъ, особенно въ послѣднее время, вносить въ свои подражанія и извѣстную долю самостоятельности. Лѣтописи земледѣльческой механики и катологи какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ выставокъ, постоянно украшаются именами русскихъ изобрѣтателей по этой части, каковы: гг. Вараксинъ, Христофоровъ, Ивановъ, и пр.

Производство косъ, серповъ разныхъ мелкихъ земледѣльческихъ инструментовъ сосредоточивается у насъ во Владимирской губерніи [1]), въ уѣздахъ Владимирскомъ, Судогодскомъ и Шуйскомъ, въ деревнѣ Хритановой, гдѣ исключительно приготовляются косы, потомъ въ селѣ Павловѣ, Нижегородской губерніи, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Тверской и Новгородской, преимущественно въ видѣ кустарной промышленности. Но для удовлетворенія потребностямъ прибалтійскихъ, западныхъ и привислянскихъ губерній, также Малороссіи и южнаго края, привозятся къ намъ преимущественно штейермаркскія косы и серпы, въ количествѣ отъ 80 до 100 т. пудъ.

Огнестрѣльное оружіе производится на казенныхъ заводахъ тульскомъ и сестрорѣцкомъ, основанныхъ еще при Петрѣ Великомъ, изъ коихъ первый отданъ нынѣ въ аренду па коммерческомъ правѣ. Огромныя потребности арміи нерѣдко заставляютъ правительство дѣлать огромные заказы ружей за-границей. По отзыву спеціалистовъ, выдѣлка ружейныхъ стволовъ у насъ

---

[1]) Труды тарифной коммиссіи т. I, стр. 427—427.

ниже заграничной, вслѣдствіе употребленія мягкой стали. Наши частныя оружейныя фабрики занимаются преимущественно сборкою ружей изъ частей, выписанныхъ изъ заграницы.

Производство бѣлаго оружія сосредоточено въ Тульской губерніи и на златоустовскихъ казенныхъ заводахъ. Послѣдніе производятъ до 40,000 штукъ бѣлаго оружія. Златоустовскіе клинки не уступаютъ извѣстнымъ солингенскимъ клинкамъ ни по цѣнѣ, ни по достоинству.

Ножевой товаръ [1]) производится въ Россіи въ Горбатовскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи, въ Муромскомъ уѣздѣ Владимирской губерніи, въ селеніи Вачѣ, въ одной слободѣ Рязанской губерніи, и затѣмъ въ Варшавѣ и въ Финляндіи. По свѣдѣніямъ департамента мануфактуръ, ножеваго товара производилось въ 1866 г., на 12 фабричныхъ заведеніяхъ, 2,160 рабочими на сумму 458 т. р.; но ножевое производство принадлежитъ у насъ еще къ числу, такъ-называемыхъ, кустарныхъ производствъ, особенно въ Горбатовскомъ уѣздѣ, гдѣ 80 селеній, изъ коихъ самыя замѣчательныя Павлово и Ворсма, заняты приготовленіемъ ножеваго товара. Почти все населеніе этихъ деревень занимается приготовленіемъ разнаго рода ножей и другихъ металлическихъ вещей, поставляя ихъ для большихъ мастеровъ, какъ Завьяловъ и Варыпаевъ въ с. Павловѣ, или мѣстнымъ торговцамъ на базарѣ въ с. Павловѣ, два раза въ недѣлю. Бѣдные мастера терпятъ при этомъ много притѣсненій, по обширности конкурренціи, недостатку капитала и отсутствію мѣстныхъ банковъ. Самый большой заработокъ мастера въ недѣлю не превышаетъ 2 руб. сер., а потому дешевизна этихъ издѣлій изумительна. Въ техническомъ отношеніи наше ножевое производство, также точно, какъ и англійское, уступаетъ французскому, потому что у насъ все дѣлается отъ руки, и лишь одна окончательная отдѣлка производится на колесахъ ручными приводами. Но въ послѣднее время начали вводить для этой цѣли въ употребленіе паровыя машины. Починъ въ этомъ дѣлѣ, въ с. Павловѣ, принадлежитъ предпріимчивому крестьянину Ногтеву, а въ с. Вачи, фабриканту Кондратову. Особенно высокими качествами отличается у насъ выдѣлка столовыхъ ножей и вилокъ. Издѣлія этого рода не только не уступаютъ иностраннымъ, но и отличаются отъ нихъ своею дешевизною. Издѣлія павловскихъ фабрикантовъ Варыпаева и Завьялова обратили на себя особенное вниманіе даже на всемірныхъ выставкахъ. Тульскія

[1]) О производствѣ ножеваго товара любопытныя свѣдѣнія можно найти въ докладахъ экспертныхъ коммиссій по поводу пересмотра тарифа въ 1867 г. и въ брошюрѣ г. Лабзина, въ IV выпускѣ Обзора парижской всемірн. выставки 1867 г.

ножевыя издѣлія уступаютъ по добротѣ павловскимъ и ворсменскимъ.

Приготовленіемъ ремесленныхъ инструментовъ занимается издавна по преимуществу Тула; но издѣлія ея не отличаются прочностію, вслѣдствіе того, что желѣзо, употребляемое въ дѣло, закаливается лишь съ поверхности, и потому весьма ломко и въ ножахъ скоро притупляется. Выше стоятъ издѣлія златоустовскаго и нижнетагильскаго заводовъ.

Съ 1860 года въ Горбатовскомъ и въ Муромскомъ уѣздахъ стала развиваться выдѣлка разныхъ инструментовъ, для обработки дерева и металловъ, каковы напилки, желѣзки, сверла и т. п. Дѣло это начато было по инициативѣ морского министерства, которое разослало въ главные центры нашей металлической промышленности образцы англійскихъ издѣлій этого рода, по образцу которыхъ и начали производить у насъ Кондратовъ въ Вачи, Завьяловъ въ Павловѣ и Фроловъ въ дер. Виткуловѣ, въ Горбатовскомъ же уѣздѣ. Въ 1866 году, производилось уже на 40 т. руб. напилковъ.

Приготовленіе хирургическихъ инструментовъ сосредоточивается преимущественно въ столицахъ, и частію въ с. Павловѣ, но главная масса этого рода инструментовъ выдѣлывается на хирургическомъ заводѣ военнаго министерства, въ С.-Петербургѣ. Цѣнность производства его неизвѣстна, рабочихъ же на немъ до 100 чел. и заводъ приводится въ дѣйствіе паровою машиною.

Производствомъ швейныхъ иголъ въ Россіи занимаются двѣ фабрики въ Тульской губерніи, основанныя еще въ началѣ XVIII в. и одна въ Курляндской, и нѣсколько мелкихъ заведеній въ Плоцкой губерніи. Крупныя же иглы, вязальныя, шорныя, паковальныя, шнуровальныя и т. п., приготовляемыя большою частію не изъ чистой стали, а изъ цементной стали, или такъ-называемой морянки, и изъ желѣза выдѣлываются во многихъ мелкихъ заведеніяхъ. Производство это по цѣнности, превышающее 150,000 р., во многомъ уступаетъ иностранному, особенно вслѣдствіе слабаго примѣненія машинъ; и издѣлія его дороже иностранныхъ, несмотря на дешевизну рабочихъ рукъ, вслѣдствіе дороговизны матеріаловъ, особенно стальной проволоки.

Изготовленіемъ проволоки занимаются у насъ шесть заводовъ въ Петербургской, Московской и Владимирской губерніи, на сумму 460,000 р. Лучшая проволока изготовляется компанейскимъ с.-петербургскимъ металлическимъ заводомъ, основаннымъ въ 1857 году. Въ 1866 г., имъ было изготовлено одной телеграфной проволоки 77 т. пудовъ; вообще производство это сдѣлало въ послѣдніе годы довольно значительные успѣхи, особенно по части телеграфной проволоки, такъ что телеграфное вѣдом-

ство, которое прежде выписывало ее всегда изъ-за-границы, обратилось къ употребленію проволоки отечественнаго производства.

Приготовленіемъ музыкальныхъ струнъ въ Россіи еще не занимаются. Выдѣлка металлическихъ тканей производится, главнымъ образомъ, московскимъ заводомъ Сарафанова на сумму до 20 т. р., и еще двумя небольшими заведеніями; но такъ-называемыя безконечныя полотна для писчебумажныхъ фабрикъ, до сихъ поръ выписываются изъ за-границы, гдѣ выдѣлкою ихъ занимаются исключительно 2 фабрики въ Англіи, и одна фонъ-Бека въ Пруссіи, который ставитъ свои полотна съ ручательствомъ и съ уплатой денегъ черезъ 2 или 3 мѣсяца.

Выдѣлкою гвоздей всякаго рода занимаются преимущественно жители нѣсколькихъ волостей юго-западной части Череповецкаго уѣзда Тверской губерніи, въ числѣ 20 т. человѣкъ. Они переработываютъ для этого, ручною расковкою, до 600 т. пудовъ желѣза и сбываютъ затѣмъ свои гвозди на сумму до $1^1/_3$ милліона по всей Россіи, особенно же на украинскихъ ярмаркахъ. Въ описаніи бельгійской промышленности, въ Exposè de la situation du royaume (periode décennale 1851—1860), мы находимъ интересное указаніе, что Бельгія, отпускавшая въ 1860 г. въ Россію до 600 т. килогр. гвоздей, па сумму 300 т. фр., начала встрѣчать тамъ опасную конкурренцію со стороны мѣстной промышленности.

Слесарное производство сосредоточивается преимущественно въ тѣхъ же мѣстностяхъ, которыя занимаются выдѣлкою и ножеваго товара, а именно въ с. Павловѣ, въ Тулѣ, Ярославлѣ, Москвѣ и Петербургѣ. Цѣна приготовляемыхъ замковъ, смотря по величинѣ и сложности ихъ, измѣняется отъ 2 коп. до 25 руб. за штуку, но большая часть замковъ, назначаемыхъ для сбыта внутри Россіи и также въ Азію, не превышаетъ цѣною 35 коп. Несовершенство нашихъ слесарныхъ павловскихъ и тульскихъ издѣлій зависитъ преимущественно отъ ручного способа ихъ выдѣлки; но въ послѣднее время явился между тульскими фабрикантами одинъ, именно г. Тепловъ, который примѣнилъ нѣкоторыя новѣйшія усовершенствованія къ приготовленію замковъ, такъ что можно ожидать успѣха въ этомъ дѣлѣ.

Приготовленіе стальныхъ осей производится на обуховскомъ стале-литейномъ заводѣ; на металлическомъ заводѣ въ Петербургѣ были попытки приготовленія рессоръ и для желѣзныхъ дорогъ, именно для Петергофской, но по недостатку заказовъ, дѣло это было оставлено; въ настоящее время существуютъ 3 спеціальныхъ заведенія для приготовленія стальныхъ рессоръ для экипажей, производящія на 50 т. рублей, 2 въ Москвѣ и одно въ дер. Погостѣ, въ Переяславскомъ уѣздѣ Владимирской

губер.; сверхъ того, нѣкоторые крупные экипажные фабриканты занимаются выдѣлкою рессоръ, и выдѣлка эта вообще идетъ удовлетворительно.

Жестяное производство имѣетъ еще весьма ограниченные размѣры; въ С.-Петербургѣ и Москвѣ выдѣлывается до 23 т. пудовъ, и незначительное количество на частныхъ уральскихъ заводахъ, для мѣстнаго потребленія; затѣмъ болѣе 50 т. пуд. жести выписывается ежегодно изъ Англіи.

Мѣдныя руды находятся въ Россіи преимущественно на Уралѣ, затѣмъ на Кавказѣ и въ Киргизской степи; въ прежнее время разработывались мѣдныя руды и въ Олонецкой губерніи, но нынѣ онѣ оставлены по недостаточной благонадежности. До 1848 года, уральскіе заводы доставляли ежегодно до 250,000 пуд. мѣди, въ 1848 г. добыча мѣди усилилась до 292,000 пуд., а въ 1849 г. до 323,000; это усиленіе зависѣло отъ чрезмѣрной разработки Рудянскаго рудника Тагильскихъ заводовъ, выплавлявшаго по 1848 г. по 60,000 пуд. мѣди, а въ 1849 выплавившаго 170,000 пуд. Послѣдствіемъ этой усиленной разработки было то, что въ послѣдніе годы производство мѣди сократилось почти на половину, а въ 1868 г. уральскіе заводы доставили 211,000 пудовъ, въ томъ числѣ казенные 36,000, и частные 175,000 пуд. Лучшая мѣдь принадлежитъ заводамъ Пашковыхъ и Демидова; первые, впрочемъ, находятся нынѣ въ упадкѣ. На алтайскихъ заводахъ Кабинета Е. И. Величества добывается не болѣе 33,000 пуд. Почти столько же добывается въ области сибирскихъ киргизовъ и до 25,000 пуд. на Кавказѣ; Фискарскій заводъ въ Финляндіи даетъ до 1,600 пудовъ. Такимъ образомъ, все количество мѣди, получаемой въ Россіи, простирается до 300,000 пудовъ, по свѣдѣніямъ 1868 года. Упадокъ разработки мѣдныхъ рудъ въ Россіи произошелъ не только отъ усиленной ихъ разработки, но и отъ сильнаго соперничества, которое встрѣтила русская мѣдь, не только на иностранныхъ, но и на русскихъ рынкахъ, вслѣдствіе открытія богатыхъ мѣдныхъ мѣсторожденій въ Чили, Австраліи и Соединенныхъ Штатахъ.

Мѣдныя издѣлія приготовляются почти во всей Россіи, но преимущественно въ губерніяхъ Тульской, Московской, С.-Петербургской, Владимирской. Въ 1866 году, эти 4 губерніи производили на сумму почти $1^1/_2$ мил. рублей, то-есть болѣе, чѣмъ половину всего количества производства въ имперіи. Въ одной Тулѣ было до 50-ти мѣдно-литейныхъ заведеній, изъ нихъ большая часть занималась выдѣлкой самоваровъ.

Выдѣлка бронзовыхъ издѣлій сосредоточивается преимущественно въ С.-Петербургѣ, въ Москвѣ и Варшавѣ. Первыя фа-

брики основаны [1]) были въ началѣ XIX столѣтія и ограничивались почти исключительно починкою и позолотою старыхъ вещей, потому что бронзовыя издѣлія, преимущественно французскія, вводились въ значительномъ количествѣ. Въ описаніи первой публичной выставки россійскихъ мануфактурныхъ издѣлій въ С.-Петербургѣ говорится, что бронза, присланная на эту выставку, имѣла всѣ недостатки младенчествующаго искусства и не заслуживала одобренія. Въ сороковыхъ годахъ являются уже на выставкахъ, 1843 и 1849 г., нѣкоторыя бронзовыя издѣлія съ національными русскими сюжетами, хотя и не отличавшіяся, относительно рисунка, ни самобытностію, не особеннымъ изяществомъ, ни строгостію формъ. Мало-по-малу однако фабрикація эта достигла значительнаго совершенства, какъ въ исполненіи моделей русскими художниками, такъ и въ отдѣлкѣ издѣлій. При отличномъ качествѣ нашей бронзовой массы, лишь вслѣдствіе дороговизны нѣкоторыхъ сырыхъ матеріаловъ, какъ напр. песка для отливныхъ формъ, выписываемаго изъ за-границы, высокой стоимости рисунковъ и моделей, необходимости изготовлять, по ограниченности сбыта, не однородныя спеціальныя только издѣлія на каждой фабрикѣ, а всевозможныя издѣлія, и памятники, и люстры, и статуи, и канделябры, и лампы, и комнатныя украшенія, фабрикація бронзовыхъ издѣлій уступаетъ французской, которая, при широкомъ раздѣленіи работъ, успѣла пріобрѣсти всемірную извѣстность своими издѣліями, извѣстными подъ общимъ названіемъ articles de Paris, которымъ, впрочемъ, въ новѣйшее время явился опасный соперникъ въ видѣ articles de Vienne. Изъ 24 русскихъ фабрикъ, самые извѣстные и замѣчательные у насъ, безспорно, фабрика Шопена, основанная въ 1805 г., Штанге въ 1819, производящія первая на 150 т. р., вторая на 500 т. руб.

Послѣдняя мануфактурная выставка, по отзыву экспертной коммиссіи [2]), произведеніями гг. Шопена, Штанге и Морана, краснорѣчиво свидѣтельствовала, что, несмотря на прекращеніе поддержки ея значительными заказами правительства, со времени окончанія церквей Исаакія и Спаса, и на огромный привозъ къ намъ articles de Paris, бронзовая промышленность развивается и даже преуспѣваетъ.

Первое мѣсто въ этомъ производствѣ остается за Шопеномъ, который первый способствовалъ у насъ водворенію бронзоваго производства, артистическаго характера, большого и ма-

[1]) Обзоръ разл. отр. ман. пром. въ Россіи т. III, 177—213 стр. Бронза и бронзовыя издѣлія.

[2]) Доклады по VII раздѣлу Экспертнаго Комитета Всерос. ман. выст. 1870 г. Докладъ члена эксперта Д. В. Григоровича, стр. 8—11.

лаго, и образовалъ множество искусныхъ мастеровъ и рабочихъ, которымъ многія существующія теперь фабрики обязаны своимъ процвѣтаніемъ.

Фабрикъ мельхіоровыхъ издѣлій извѣстно въ Россіи четыре: 1 въ Петербургѣ, Кача съ 1839, двѣ въ Варшавѣ, Буха съ 1830 г. и Норблине съ 1831, и одна въ Москвѣ, съ 1845 г.—Гербера. Сумма производства ихъ достигаетъ до 435,000 р. Фабрикація издѣлій изъ накладного серебра также принимаетъ значительные размѣры, съ распространеніемъ роскоши въ среднихъ классахъ населенія. Люстры, канделябры и церковныя украшенія также играютъ немаловажную роль. На одной Нижегородской ярмаркѣ ихъ продается болѣе чѣмъ на 100 т. р.; фабрикація же этого рода издѣлій сосредоточивается въ Петербургѣ и въ Варшавѣ, и занимаетъ 5 фабрикъ съ 300 рабочихъ и съ цифрой ежегоднаго производства въ 300 т. р.

Фабрикація металлическихъ пуговицъ занимаетъ 14 заведеній, 400 рабочихъ и достигаетъ цифры 200 т. р. Самая лучшая и значительная фабрика Буха въ С.-Петербургѣ изготовляетъ до 30 т. гроссъ на сумму до 120 т. р.

Россія добываетъ нынѣ до 1,700 пудовъ золота, и до 1,000 пудовъ серебра, что составляетъ по цѣнности менѣе 10% всей добычи благородныхъ металловъ на земномъ шарѣ, общее же количество золота полученнаго Россіею въ 115 лѣтъ, съ начала его добыванія, составляетъ 43,935 пудовъ, равняющихся 615,090,000 руб. сер. Несмотря на то, нигдѣ золото не пріобрѣтается столь дорогою цѣною, какъ въ Россіи, особенно въ послѣднія двадцать лѣтъ, и потому самая выдѣлка издѣлій изъ драгоцѣнныхъ металловъ въ количественномъ отношеніи скорѣе уменьшается, тѣмъ болѣе, что съ распространеніемъ роскоши и открытіемъ разныхъ композицій, подражающихъ золоту и особенно серебру, распространяется все болѣе, въ домашнемъ быту среднихъ классовъ населенія потребленіе издѣлій изъ накладного серебра, мельхіора и т. п., выдѣлка которыхъ достигаетъ 1 мил. рублей.

Выдѣлка золотыхъ и серебряныхъ издѣлій извѣстна была въ Россіи еще до принятія сю христіанства, но производилась преимущественно выписными изъ Византіи или съ запада мастерами, или и русскими мастерами, но съ слѣпымъ подражаніемъ иностраннымъ образцамъ. Притомъ, фабрикація эта ограничивалась одними церковными украшеніями, а также утварью и посудою для царскихъ дворцовъ и украшеніями мужскихъ и женскихъ нарядовъ. Лишь въ XIX столѣтіи начали возникать у насъ фабрики золотыхъ и серебряныхъ издѣлій. Въ послѣднія сорокъ лѣтъ промышленность эта сдѣлала большіе успѣхи, благодаря распространенію художественнаго вкуса между фабрикан-

тами и ихъ мастерами, введенію механическихъ пособій и раздѣленію труда. Не малая заслуга принадлежитъ въ этомъ дѣлѣ фабриканту Сазикову, родоначальникъ котораго, въ концѣ минувшаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, имѣлъ небольшую мастерскую для выдѣлки церковныхъ вещей, и торговалъ серебрянымъ товаромъ на всѣхъ главныхъ русскихъ ярмаркахъ. До послѣдняго времени г. Сазиковъ занималъ рѣшительно первое мѣсто между нашими серебряными фабрикантами, какъ по обширности своего производства, достигающаго нынѣ на 2 фабрикахъ, при 200 рабочихъ, до 750,000 р., такъ и по художественности исполненія своихъ издѣлій и постоянному развитію способовъ ихъ украшенія; но въ послѣднія пять лѣтъ опаснымъ соперникомъ г. Сазикова явился московскій фабрикантъ Овчинниковъ, произведенія котораго обратили на себя вниманіе на московской выставкѣ 1865 и на парижской 1867 г. и блистательно выдерживали конкурренцію съ издѣліями г. Сазикова на нынѣшней выставкѣ. Замѣчательные успѣхи г. Овчинникова объясняются не только его личными дарованіями, но и развитіемъ художественнаго вкуса и образованія, которое онъ даетъ своимъ рабочимъ, для чего основана имъ при фабрикѣ воскресная рисовальная школа.

По оффиціальнымъ фабричнымъ вѣдомостямъ, въ 1866 г. считалось въ имперіи фабрикъ обработывающихъ золото и серебро 48 съ 1,188 рабочими и 1.894,000 р. ежегоднаго производства.

Кромѣ того значительное количество золотыхъ и серебряныхъ издѣлій производится во многихъ городахъ болѣе или менѣе значительными ремесленными заведеніями. Выдѣлка, такъ-называемыхъ, серебряныхъ вещей съ чернью производилась прежде въ Великомъ Устюгѣ и Тотьмѣ, и приготовленіе черни составляло секретъ; но въ настоящее время промышленность эта тамъ съ каждымъ годомъ падаетъ, и лучшіе мастера черни перешли въ Москву и на Кавказъ, гдѣ чернь употребляется для украшенія оружія.

Заключая этимъ обзоръ группы нашихъ металлическихъ производствъ, мы въ правѣ сказать, что цифры 600 заводовъ, 32,000 рабочихъ и 23 мил. производства, показываемыхъ нашею официальною статистикою въ 1866 году, и въ то уже время были далеко ниже дѣйствительности, а въ настоящее время, безъ сомнѣнія, грѣшатъ процентовъ на 50, если не на сто, покрайней мѣрѣ, въ цѣнности производства.

В. Вешняковъ.

ИЗЪ ПОѢЗДКИ

ВЪ

ВОРОНЕЖЪ.

Провинціальная печать.

I.

Воронежъ, мѣсто рожденія Болховитинова, Кольцова и Никитина, давно пріобрѣлъ у насъ репутацію литературнаго города. Года три тому назадъ желѣзная дорога приблизила его къ центрамъ образованія, и конечно не останется безъ значенія для дальнѣйшихъ умственныхъ успѣховъ края. Теперь онъ сдѣлался доступнѣе для любознательности путешественниковъ. Находясь уже въ Тамбовской губерніи и прочитавъ въ газетахъ, что въ Воронежѣ вышелъ второй выпускъ переписки Евгенія Болховитинова съ графомъ Румянцовымъ, я увидѣлъ въ томъ двойной поводъ побывать въ этомъ городѣ.

Мысль ѣхать въ самое мѣсто, гдѣ напечатана книга, чтобы пріобрѣсти ее, можетъ показаться странною — вездѣ, но не въ Россіи. Извѣстно, что у насъ ничего нѣтъ труднѣе, какъ купить въ столицѣ книгу, изданную въ провинціи. Книгопродавецъ обѣщаетъ вамъ выписать ее съ *первою* же почтой; вы приходите къ нему черезъ двѣ недѣли навѣдаться, не получена ли она? Онъ съ величайшею развязностію отвѣчаетъ вамъ, что еще нѣтъ и что самъ не понимаетъ причины тому. Тоже самое повторяется при каждомъ требованіи новой книги, и вы, наконецъ,

потерявъ терпѣніе, отказываетесь отъ желанія знакомиться съ провинціальной литературой. Что̀ бы стоило, казалось, какому-нибудь предпріимчивому книгопродавцу устроить въ своемъ магазинѣ складъ всѣхъ литературныхъ новостей, печатаемыхъ въ цѣлой Россіи? Но, къ сожалѣнію, по всему видно, что мы этого не скоро дождемся. Итакъ, покуда приходится ѣхать въ Воронежъ, чтобы добыть отпечатанную тамъ брошюру.

Отъ центральной станціи Грязи желѣзная дорога, въ весьма удобномъ вагонѣ (въ которомъ можно просидѣть безвыходно отъ самой Москвы), быстро перенесла меня до одного изъ крайнихъ пункто въ этой линіи — Воронежа. Здѣсь я нашелъ прекрасное съ виду помѣщеніе во вновь отдѣланной гостинницѣ купеческаго клуба, на одной изъ Дворянскихъ улицъ, которыми такъ богатъ этотъ городъ. Гостинница эта болѣе извѣстна подъ именемъ прежняго владѣльца своего Шванвича. Ужъ не потомокъ ли это, подумалъ я, того Шванвича, который при Петрѣ III слылъ первымъ силачемъ въ Петербургѣ (онъ побивалъ каждаго изъ Орловыхъ порознь и уступалъ только двоимъ вмѣстѣ), котораго сынъ, приставъ къ Пугачеву, сочинялъ для него нѣмецкіе указы? Но воронежская хроника молчитъ объ этомъ. Вполнѣ довольный сначала своимъ пристанищемъ, я однакожъ впослѣдствіи сдѣлалъ прискорбное открытіе, что въ комнатѣ не затворялось порядочно ни одно окно, а на улицѣ передъ самымъ домомъ происходилъ по ночамъ такой шумъ отъ криковъ и драки пьяныхъ мужиковъ, что невозможно было не просыпаться ежеминутно.

Пріѣхавъ въ субботу вечеромъ, я очень жалѣлъ на слѣдующее утро, что не могъ тотчасъ же отправиться въ книжныя лавки, полагая, что онѣ въ праздничные дни заперты. Первые часы дня посвятилъ я памяти Петра Великаго, т.-е. осмотрѣлъ прежде всего монументъ его, открытый въ 1860 году и сооруженный на концѣ той же Дворянской улицы. Это одно изъ произведеній извѣстнаго Клодта. Петръ Великій представленъ стоящимъ во весь ростъ на пьедесталѣ. Нельзя сказать, чтобы фигура его производила особенное впечатлѣніе; но непріятно поражаетъ невозможность прочесть на памятникѣ надпись, такъ какъ изъ нея, повидимому съ умысломъ, вырваны многія буквы. Такъ, отъ слова *дворяне* осталось только *воряне*, а вмѣсто *граждане* читается *ражае*. Какъ жаль, что не принято мѣръ для огражденія дорогого народнаго достоянія отъ посягательствъ невѣжества и вандализма.

Потомъ, съ возвышенной и главной части города, по отлогой улицѣ, немощеной, изрытой промоинами и обставленной де-

ревянными домиками, спустился я къ плоскому берегу рѣки Воронежа; тамъ на островѣ уединенно и мрачно стоитъ единственный остатокъ кипѣвшей здѣсь дѣятельности, когда геніальный Петръ трудился надъ осуществленіемъ одной изъ великихъ и любимыхъ идей своихъ. Это такъ-называемый цейхгаузъ, или, какъ произноситъ народъ, *чихаусъ*, длинное каменное зданіе, видомъ своимъ напоминающее какой-нибудь пакгаузъ или запасный магазинъ. При Петрѣ тутъ хранились необходимыя принадлежности кораблестроенія и помѣщался также, если вѣрить преданію, кабинетъ (рабочая палата), гдѣ государь занимался дѣлами. Нынче вокругъ цейхгауза устроены мойки для шерсти, — предметъ одной изъ главныхъ отраслей здѣшней промышленности; внутри же зданія складывается самая промываемая шерсть: подъ это употребленіе, лучше котораго ничего не придумано, воронежская городская дума отдаетъ цейхгаузъ съ публичныхъ торговъ за самую ничтожную плату [1]). Впрочемъ и уцѣлѣло-то это историческое зданіе только случайно, или, вѣрнѣе, благодаря прочности своей постройки: въ 1812 году оно уже было продано на сломъ въ частныя руки, да не нашлось орудія, чтобъ сокрушить его стѣны! Но какъ же бывшее адмиралтейство Петра Великаго перешло опять въ общественную собственность? Съ разъясненіемъ этого вопроса связано обстоятельство, служащее, къ сожалѣнію, однимъ изъ разительныхъ свидѣтельствъ того, какъ случайны и безплодны бываютъ иногда патріотическія вспышки нашего юнаго общества. Въ 1834 году, при губернаторѣ Д. Н. Бѣгичевѣ, все образованное населеніе Воронежа воодушевилось мыслію о совершенно особенномъ, небываломъ еще у насъ памятникѣ во славу великаго человѣка. Рѣшено было воспользоваться для этого петровскимъ цейхгаузомъ, устроивъ въ немъ драгоцѣнный музей предметовъ, относящихся къ эпохѣ и дѣятельности преобразователя. Составленъ былъ обширный проектъ не только исполненія самой этой идеи, но и разныхъ общественныхъ учрежденій и празднествъ, которыми думали обставить ее. Вотъ нѣкоторыя черты этого любопытнаго проекта, уже освященнаго въ свое время утвержденіемъ верховной власти. Предполагалось: отдѣлавъ и убравъ кабинетъ Петра во вкусѣ его эпохи, устроить здѣсь публичную библіотеку изъ книгъ, относящихся къ его дѣяніямъ, а также галлерею портретовъ и картинъ того же содержанія; въ остальныхъ комнатахъ учредить родъ инвалиднаго дома; кругомъ всего зданія и

---

[1]) «Воронежъ въ историческомъ и современно-статистическомъ отношеніяхъ», соч. Г. М. Веселовскаго. Воронежъ 1866, II, стр. 46.

далѣе по берегамъ рѣки развести общественный садъ; на возвышенномъ бугрѣ (острожномъ) поставить памятникъ Петру въ видѣ обелиска; ежегодно въ день кончины его, 28 января, послѣ богослуженія дѣлать на счетъ города угощеніе бѣднымъ и, наконецъ, въ большіе царскіе дни устраивать на островѣ публичныя гулянья и празднества. Для примѣра, уже въ 1834 г., въ день рожденія императора Николая, отъ церкви Успенія былъ церемоніальный ходъ въ цейхгаузъ чрезъ построенный городскимъ головою временной мостъ. Около зданія было приготовлено для бѣдныхъ угощеніе, а вечеромъ на островѣ горѣла иллюминація. «Для приведенія въ исполненіе этого проекта — разсказываетъ Г. М. Веселовскій — составленъ былъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ воронежскаго губернатора. Комитетъ составилъ смѣту на возобновленіе зданія и укрѣпленіе острова, гдѣ оно находится, въ 37,146 р. 60 коп. Открылась подписка и была встрѣчена общимъ сочувствіемъ; пожертвованія какъ деньгами, такъ и вещами, поступали въ комитетъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Но потомъ медленная работа и слишкомъ неэкономное веденіе дѣла породили всеобщее охлажденіе къ пожертвованіямъ, и въ 1843 году послѣдовало высочайшее повелѣніе объ оставленіи сооруженія памятника Петру I до имѣющейся открыться къ тому возможности; цейхгаузъ же обратить въ городское вѣдомство для употребленія по усмотрѣнію начальства». Отъ всей суеты по поводу этого проекта, нѣсколько лѣтъ волновавшаго Воронежъ, осталось только собраніе гравюръ петровскаго времени, сохраняемое въ тамошней Публичной библіотекѣ [1]).

Отъ Петра Великаго естественно было обратиться къ славному его современнику, Митрофану. Я поѣхалъ къ монастырю этого имени; извощикъ мой сталъ подыматься по довольно крутой улицѣ, которая поразила меня своею мостовой изъ твердаго плитняка и гордо возвышающимися по обѣ стороны каменными стѣнами. Послѣ узналъ я, что это одинъ изъ трехъ замѣчательныхъ спусковъ, отдѣланныхъ въ достопамятное (1824—1826 г.) многими постройками губернаторства Кривцова. Воронежъ, какъ извѣстно, городъ не древній. Страна, прилегающая къ среднему теченію Дона, до конца XVI-го столѣтія составляла одну изъ украинъ Россіи и называлась *полемъ*; только послѣ Ивана Грознаго русская колонизація пошла далѣе на югъ и юго-востокъ подъ прикрытіемъ новыхъ укрѣпленныхъ городовъ.

---

[1]) Описаніе ихъ можно найти въ №№ 34 — 38 Воронежскихъ Губерн. Вѣдом. 1864 г.

Однимъ изъ нихъ былъ Воронежъ, построенный при Ѳедорѣ Ивановичѣ. Но еще долго край этотъ оставался въ полудикомъ состояніи и служилъ мѣстомъ ссылки государственныхъ преступниковъ, гдѣ кромѣ того искали спасенія холопы, бѣжавшіе отъ своихъ помѣщиковъ, и раскольники, преслѣдуемые правительствомъ. Для мирныхъ жителей здѣсь не было безопасности: поселенія подвергались нападеніямъ бѣглецовъ, которые сожигали ихъ, а людей уводили въ плѣнъ. Наконецъ, для противодѣйствія такой грубости нравовъ и успѣхамъ раскола, соборъ, созванный при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, положилъ учредить нѣсколько новыхъ епархій. Въ 1681 году повелѣно быть епископу въ Воронежѣ, и на эту каѳедру избранъ игуменъ макарьевскаго монастыря—Митрофанъ. Этотъ первый епископъ новой епархіи, котораго засталъ здѣсь Петръ Великій, успѣлъ снискать особенное его расположеніе своимъ содѣйствіемъ къ построенію флота: въ два пріема пожертвовалъ онъ на этотъ предметъ не менѣе 7 тыс. руб. изъ домовой казны своей и за то получилъ двѣ милостивыя царскія грамоты.

II.

Въ воскресенье, первый день моего пребыванія въ Воронежѣ, былъ праздникъ св. Сергія: въ монастырѣ Митрофана служилъ обѣдню самъ архіепископъ Серафимъ. Въ 1-мъ часу я засталъ церковь еще наполненною народомъ и былъ пріятно пораженъ чуднымъ пѣніемъ многочисленнаго хора, образованнаго заботливостью нынѣшняго преосвященнаго. Недалеко отъ иконостаса, съ правой стороны Благовѣщенской церкви, стоитъ величественная рака святого, мощи котораго найдены въ 1833 году, вслѣдствіе чего и учрежденъ монастырь его имени. Прочія церкви этого монастыря въ настоящее время перестраиваются. По окончаніи богослуженія я отправился въ изящно-построенный при Екатеринѣ II, по плану архитектора Гваренги, архіерейскій домъ, стоящій возлѣ колокольни, замѣчательной своею высотою. Я желалъ побесѣдовать съ преосвященнымъ, о которомъ весь Воронежъ отзывается съ любовью, и нашелъ у него довольно большое общество. Здѣсь я познакомился между прочимъ съ профессоромъ воронежской семинаріи Дмитріемъ Ивановичемъ Самбикинымъ, молодымъ священникомъ, уже вдовымъ. Ученый отецъ Дмитрій, церковь котораго находится близъ монастыря, прилежно занимается историческими трудами, особливо всѣмъ, что относится къ дѣятельности Петра Великаго въ Воронежѣ, и

сбирался въ Петербургъ для дополненія своихъ изслѣдованій. Важный матеріалъ доставляютъ ему и мѣстные архивы, но къ сожалѣнію, изъ нихъ многое перешло уже въ руки Устрялова и Елагина (послѣдній писалъ исторію русскаго флота). Нѣкоторые касающіеся того-же предмета документы хранятся между прочимъ въ архивѣ воронежской казенной палаты, приводимомъ нынѣ въ порядокъ, благодаря дѣятельному и просвѣщенному управляющему этой палаты А. Ѳ. Раеву. За завтракомъ у преосвященнаго разговоръ не могъ не коснуться знаменитаго воронежскаго уроженца, митрополита Евгенія, который въ молодости былъ учителемъ и префектомъ здѣшней семинаріи и издалъ въ 1800 году «Историческое, географическое и экономическое описаніе Воронежской губерніи», книгу чрезвычайно рѣдкую въ настоящее время. Какъ было бы желательно, чтобы кто-нибудь изъ воронежскаго ученаго сословія или статистическій комитетъ вновь издалъ это сочиненіе съ примѣчаніями, которыя придали бы ему современный интересъ. Бывшее имѣніе князя Репнина, *Репьевка*, гдѣ Евгеній былъ нѣкогда сельскимъ священникомъ,— нынѣ казенная слобода Коротоякскаго уѣзда. Къ сожалѣнію, мнѣ ничего не удалось узнать въ Воронежѣ о тамошнемъ пріятелѣ Евгенія, чиновникѣ и помѣщикѣ Македонцѣ, къ которому обращены любопытныя письма перваго, напечатанныя недавно въ *Русскомъ Архивѣ*. Но за то я услышалъ, что есть еще нѣсколько писемъ Евгенія къ другимъ лицамъ въ рукахъ преподавателя воронежской семинаріи г. Волкова и что въ архивѣ или библіотекѣ этой семинаріи хранятся интересные автографы Евгенія,—наставленія, которыя онъ писалъ для ея преподавателей. Говорятъ, что г. Николаевъ готовитъ подробную исторію этого учебнаго заведенія, и надобно надѣяться, что въ приложеніяхъ къ ней мы найдемъ нѣсколько новыхъ документовъ относительно первоначальной дѣятельности славнаго архипастыря.

Разставшись съ достопочтеннымъ святителемъ, я посѣтилъ устроенную при входѣ въ монастырь иконную и книжную лавку, гдѣ пріобрѣлъ между прочимъ *Жизнеописаніе* перваго воронежскаго епископа Митрофана, составленное отцомъ Самбикинымъ, и фотографическое изображеніе монастыря. Другихъ видовъ живописнаго Воронежа здѣсь не могли мнѣ дать. Послѣ уже я досталъ у фотографа Пономарева нѣсколько удачно сдѣланныхъ имъ изображеній разныхъ мѣстностей этого города.

Возвращаясь изъ монастыря, я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что опасеніе мое не попасть въ этотъ же день въ книжныя лавки было напрасно: всѣ онѣ были открыты. Извѣстно, что въ русскихъ городахъ вообще очень хорошо помнятъ притчу

Спасителя объ овцѣ, упавшей въ яму, которую надо вытащить не смотря на субботу, и въ праздничные дни рѣдко воздерживаются отъ прибыльныхъ торговыхъ занятій. Россія въ этомъ отношеніи совершенная противоположность Англіи, гдѣ не только никто не торгуетъ въ праздники, но по соглашенію особыхъ ассоціацій многіе запираютъ лавки уже наканунѣ, передъ наступленіемъ вечера. Впрочемъ у насъ, при особенномъ усердіи народа къ обогащенію казны акцизными сборами, такая промышленная неугомонность имѣетъ свою хорошую сторону: обязательное пребываніе въ лавкахъ удаляетъ многихъ отъ храмовъ Вакха, которые, къ несчастію, посѣщаются русскимъ человѣкомъ прилежнѣе всякихъ другихъ храмовъ. Итакъ, удовольствіе мое при видѣ открытыхъ книжныхъ лавокъ не могло возмущаться даже благочестивыми соображеніями. Очень полезно было бы, еслибъ примѣру торговцевъ послѣдовали у насъ также хлѣбопашцы, и еслибъ вообще въ нашемъ народномъ и общественномъ быту число праздниковъ было значительно уменьшено. Это совсѣмъ не маловажный вопросъ, и мы бы должны принять серьезно къ соображенію тотъ чистосердечный, нескончаемый смѣхъ, которымъ недавно разразился одинъ китаецъ, узнавъ какъ велико число праздниковъ, соблюдаемыхъ въ Россіи сверхъ воскресныхъ дней.

Помня прочитанное въ газетахъ извѣщеніе, я въ первой попавшейся мнѣ на пути книжной лавкѣ спросилъ второй выпускъ издаваемой мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ «Переписки Евгенія съ Румянцовымъ». Къ крайнему удивленію моему, мнѣ отвѣчали, что эта книга еще не выходила. Удивленіе мое росло все болѣе по мѣрѣ того, какъ я получалъ тотъ же отвѣтъ и въ остальныхъ трехъ книжныхъ лавкахъ города Воронежа. Вообще легко было замѣтить, что всѣ онѣ не особенно хорошо снабжены произведеніями мѣстной литературы; даже не вездѣ можно найти новѣйшее популярное изданіе Кольцова; о прежнихъ изданіяхъ воронежскаго статистическаго комитета и говорить нечего. Болѣе всего эти книжныя лавки пробавляются спрашиваемыми часто учебниками, переводами популярныхъ книгъ да романами и повѣстями,—не совсѣмъ отрадное свидѣтельство о литературныхъ потребностяхъ воронежской публики. Меня увѣряли, что тамошніе книгопрадавцы поддерживаютъ свою торговлю преимущественно продажею писчей бумаги, карандашей и т. п. канцелярскихъ припасовъ, безъ чего пришлось бы закрыть большую часть этихъ лавокъ. Итакъ, за вновь отпечатанными письмами Евгенія приходилось обратиться прямо въ статистическій комитетъ, а къ нему можно было получить доступъ не прежде завтрашняго дня.

III.

Пока займемся нѣкоторыми другими явленіями мѣстной литературы. Кромѣ Вѣдомостей губернскихъ и епархіальныхъ, въ Воронежѣ выходятъ три частныя періодическія изданія, именно двѣ литературныя газеты: *Воронежскій Телеграфъ* и *Донъ*, и одинъ журналъ—*Филологическія Записки*. Прежде издавался еще *Листокъ*, но онъ прекратился. *Донъ* и *Телеграфъ*, какъ естественные соперники, ведутъ между собою непрерывную войну: у каждаго изъ нихъ однакожъ до 300 подписчиковъ. Объ одной изъ этихъ газетъ сообщили мнѣ любопытное свѣдѣніе, очень знаменательное для сужденія о нашей провинціальной цензурѣ. Издатель, для избѣжанія ея безпощадныхъ запрещеній, посылаетъ въ Москву каждый нумеръ своего изданія въ рукописи. Подобное довелось мнѣ слышать о состояніи цензуры и въ другихъ губернскихъ городахъ. Чего нельзя ожидать отъ нея, когда, напр., въ области исторіи, она не допускаетъ самой легкой критики нѣкоторыхъ распоряженій Петра Великаго по постройкѣ флота, имѣвшихъ послѣдствіемъ обмелѣніе рѣки Воронежа! Въ интересахъ русскаго образованія было бы въ высшей степени желательно, чтобы такому произволу провинціальной цензуры былъ поскорѣе положенъ конецъ *).

Телеграфъ и *Филологическія Записки* издаются однимъ и тѣмъ же лицомъ, А. А. Хованскимъ. Должно отдать полную справедливость постоянству, съ какимъ онъ уже 9 лѣтъ ведетъ изданіе основаннаго имъ спеціальнаго журнала, который, конечно, можетъ имѣть только весьма ограниченный кругъ читателей. Первоначальная мысль этого предпріятія принадлежитъ, какъ я слышалъ, М. Ѳ. де-Пуле; тѣмъ не менѣе честь ея выполненія вся остается за г. Хованскимъ. Съ ничтожными средствами онъ умѣлъ оказать русской филологіи существенную услугу сборникомъ, вмѣщающимъ въ себѣ уже множество полезныхъ и отчасти замѣчательныхъ трудовъ по этой части. Кромѣ статей нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицъ (Аѳанасьева, Буслаева, Котляревскаго, Потебни и др.), въ *Филологическихъ запискахъ* явились первые опыты молодыхъ ученыхъ, обѣщающихъ стать достойными дѣятелями науки, какъ напр. Чудинова, К. Боборыкина,

*) Мы нѣсколько разъ выражали уже подобное желаніе и очень рады встрѣтить его снова, какъ результатъ наблюденій на мѣстѣ, сдѣланныхъ почтеннымъ авторомъ. Старый цензурный порядокъ уже пять лѣтъ тому назадъ признанъ неудовлетворительнымъ и замѣненъ лучшимъ; почему же неудовлетворительное для Петербурга и Москвы можетъ быть удовлетворительно для Россіи? — *Ред.*

Желтова, Лавренка. Журналъ г. Хованскаго заслуживаетъ благодарность и поддержку всѣхъ любителей русскаго языка. Дай Богъ, чтобы почтенный издатель не охладѣлъ къ своему предпріятію; но для этого необходимо, чтобы число подписчиковъ его увеличилось.

Издатель *Дона*, Григор. Михайлов. Веселовскій, — также какъ и г. Хованскій, бывшій учитель Воронежской военной гимназіи, — авторъ двухъ дѣльныхъ сочиненій: 1) «Воронежъ въ историческомъ и современно-статистическомъ отношеніяхъ». и 2) «Городъ Острогожскъ и его уѣздъ». Первый изъ этихъ трудовъ изданъ въ 1866 году губернскимъ статистическимъ комитетомъ, а второй напечатанъ въ 1867 году въ губернскихъ вѣдомостяхъ и отдѣльными оттисками. Изъ предисловія къ послѣднему мы съ удовольствіемъ узнаемъ, что г. Веселовскій, посвятивъ себя изученію всего мѣстнаго края, намѣренъ мало-по-малу описать въ отдѣльныхъ очеркахъ всю губернію: каждый уѣздъ съ своимъ городомъ составитъ предметъ особой монографіи. Такое предпріятіе тѣмъ болѣе достойно поощренія, что къ общей цѣли ознакомленія съ краемъ авторъ присоединяетъ еще другую специальную: «своимъ трудомъ—говоритъ онъ—мы хотимъ дать подручный матеріалъ педагогамъ для мѣстнаго *отчизновѣдѣнія*. Будучи глубоко убѣждены въ громадномъ значеніи этого образовательнаго предмета, мы думаемъ, что чѣмъ скорѣе явится возможность ввести его въ курсъ нашихъ училищъ, тѣмъ ближе мы подойдемъ къ раціональному изученію какъ вообще исторіи и географіи, такъ въ особенности исторіи и географіи *отечественной*». Въ обоихъ названныхъ сочиненіяхъ г. Веселовскій пользовался не только свѣдѣніями и изслѣдованіями, разсѣянными въ разныхъ изданіяхъ, но и рукописными источниками, хранящимися частію въ воронежскихъ архивахъ, частію въ статистическомъ комитетѣ. Описаніе Воронежа раздѣляется на двѣ главныя части — историческую и статистическую. Въ первой, по всей справедливости, особенное вниманіе обращено авторомъ на ту эпоху существованія Воронежа, когда онъ былъ поприщемъ дѣятельности Петра Великаго. По этому поводу г. Веселовскій говоритъ, между прочимъ: «Пребываніе Петра въ Воронежѣ со всею его свитою, съ иностранцами, мастерами, не могло не имѣть вліянія на мѣстныхъ жителей. Воронежъ едва-ли не прежде всѣхъ русскихъ городовъ долженъ былъ столкнуться съ реформою Петра, потому что наплывъ иноземнаго элемента въ такомъ громадномъ количествѣ въ такой, сравнительно, небольшой городокъ, не могъ невольно не отразиться на нравахъ и обычаяхъ воронежцевъ. Не даромъ мы встрѣчаемъ ука-

занія на тотъ замѣчательный фактъ, что воронежское купечество при Петрѣ приняло европейскій оттѣнокъ и рѣзко отличалось отъ купечества всѣхъ другихъ городовъ. Пиры и празднества, бывшія въ Воронежѣ всякій разъ по пріѣздѣ сюда государя, — пиры, обставленные всѣми возможными иностранными обычаями и затѣями, часто шедшими въ радикальный разрѣзъ съ русскою стариною, — а тутъ еще цѣлые кварталы голландцевъ и нѣмцевъ, съ ихъ постоянною оригинальною, въ особенности въ глазахъ тогдашняго русскаго общества, жизнію, начиная отъ костюма и оканчивая языкомъ и пищею, — безъ всякаго сомнѣнія, возбуждали въ мѣстныхъ жителяхъ напряженное чувство, и если не захватывали этого чувства въ свою пользу, то по крайней мѣрѣ возбуждали борьбу,—реакцію, выразившуюся особенно рѣзко въ столкновеніяхъ тогдашняго мѣстнаго представителя русской жизни и православія, преосвященнаго Митрофанія, съ Петромъ... Исчезло-ли вліяніе петровской поры на позднѣйшее поколѣніе воронежцевъ—это рѣшается само собою, если принять во вниманіе ту характерную особенность г. Воронежа, какая обособляетъ его въ средѣ другихъ губернскихъ городовъ этого географически глухого края. Казалось бы, Воронежу, отрѣзанному отъ современныхъ бойкихъ сообщеній, нужно было отстать отъ современной русской цивилизаціи, но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ».

Въ статистической части сочиненія интересна, между прочимъ, глава о постепенныхъ измѣненіяхъ во внѣшности Воронежа, который наконецъ совершенно потерялъ прежній свой видъ. Большіе пожары, начиная съ 1703 года, постепенно уничтожали древнія особенности города и развивали «мысль о необходимости раздвинуть предѣлы его, давъ ему тяготѣніе не къ рѣкѣ, какъ это было въ петровскую пору, а по нагорью, въ поле». Новѣйшій характеръ построекъ сталъ особенно господствовать послѣ 1779 года, когда открыто въ Воронежѣ намѣстничество; съ этого времени здѣсь поселилось значительное число административныхъ чиновниковъ, а между тѣмъ и разбогатѣвшее купечество не мало содѣйствовало быстрой и хорошей обстройкѣ города каменными домами. По словамъ Евгенія Болховитинова, «видъ города изъ-за рѣки Воронежа прекрасенъ и представляетъ горы, украшенныя вышиною церквей и колоколенъ, а скаты и долины — усыпанные пестротою разныхъ зданій». Особенная строительная дѣятельность началась въ Воронежѣ съ 1824 года, когда назначенъ былъ туда губернаторомъ Н. И. Кривцовъ. Большая часть капитальныхъ улучшеній по внѣшней обстройкѣ города относится именно ко времени этого

краткаго губернаторства. Открытіе мощей святителя Митрофана вызвало опять строительное движеніе, впрочемъ преимущественно только въ монастырскомъ краю. Послѣднее значительное улучшеніе Воронежа произошло въ концѣ 1850-хъ годовъ при губернаторѣ Н. П. Синельниковѣ (янв. 1857—авг. 1857 г.), имя котораго до сихъ поръ пользуется въ этомъ городѣ большою популярностью. «Къ сожалѣнію, всѣ постройки, сдѣланныя при Синельниковѣ, по отъѣздѣ ихъ виновника принимаютъ запущенный видъ, и только построенный при немъ ново-митрофановскій мостъ и памятникъ Петру I еще держатся».

Къ историческому обозрѣнію Воронежа въ книгѣ г. Веселовскаго приложенъ, между прочимъ, списокъ управлявшихъ краемъ губернаторовъ, начиная съ учрежденія въ 1708 году губерній до нынѣшняго времени. Любопытно, что до конца прошлаго столѣтія тамъ смѣнилось въ этомъ званіи 18 лицъ и столько же перебывало ихъ отъ 1800 до 1870 года. Разбирая списокъ подробнѣе, мы находимъ, что долѣе всѣхъ мѣсто воронежскаго губернатора занималъ Иванъ Алексѣевичъ Потаповъ (1775 — 1791 = 16 лѣтъ), а за нимъ А. М. Пушкинъ (1748 — 1760 = 12 лѣтъ); въ настоящемъ же столѣтіи самыя продолжительныя губернаторства длились не болѣе 6-ти лѣтъ; это встрѣчается четыре раза; остальныя продолжались только отъ 5-ти до 2-хъ лѣтъ. Итакъ, повидимому, губернаторская должность считается у насъ только переходною для полученія высшихъ назначеній. Неужели для благосостоянія края не важно, чтобы управленіе его, если оно въ хорошихъ рукахъ, было по возможности прочно? или, можетъ быть, всякій разъ оказывалось, что избранное лицо было не на своемъ мѣстѣ?

Описаніе уѣздныхъ городовъ Воронежской губерніи г. Веселовскій началъ съ Острогожска, второго по важности города въ цѣлой губерніи. Находясь въ южной ея части, Острогожскъ представляетъ въ своемъ населеніи преобладаніе малороссійскаго элемента, и авторъ сообщаетъ здѣсь много любопытнаго въ этнографическомъ отношеніи. Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать описанія остальныхъ 11-ти уѣздовъ, въ твердой увѣренности, что просвѣщенное губернское начальство и статистическій комитетъ, оцѣнивъ способности и трудолюбіе г. Веселовскаго, употребятъ всѣ средства къ поддержанію такого полезнаго предпріятія, важнаго и для науки и для практическаго знакомства съ Россіей. Нельзя не пожалѣть, что въ настоящее время г. Веселовскій принужденъ раздроблять свою дѣятельность и заниматься изданіемъ газеты, почти не имѣя сотрудниковъ.

Въ газетѣ *Донъ* прошлаго года появилась, между прочимъ,

статья г. Сталинскаго: «Кольцовъ и Сребрянскій». Извѣстно мнѣніе нѣкоторыхъ, что *думы*, напечатанныя въ собраніи сочиненій воронежскаго поэта, принадлежатъ собственно перу его друга, Андрея Порфирьевича Сребрянскаго. Убѣжденіе это возникло вслѣдствіе открытыхъ въ недавнее время писемъ Сребрянскаго. Авторъ названной статьи, которая напечатана и отдѣльными оттисками, отвергаетъ возможность такого факта преимущественно на основаніи сравненія приписываемыхъ Кольцову *думъ* съ стихотвореніями, достовѣрно написанными Сребрянскимъ. Едва ли такое доказательство достаточно. Спорный вопросъ можетъ быть рѣшенъ только несомнѣнными документами. Говорятъ, что такіе документы есть въ пользу Сребрянскаго. Что же ихъ не публикуютъ?

Изъ книгъ, въ послѣднее время напечатанныхъ въ Воронежѣ, упомяну брошюру г. Кравцова, «Монографія углей», составляющую начало изданія, которое должно заключать въ себѣ цѣлый рядъ подобныхъ популярныхъ монографій по естествовѣдѣнію, подъ общимъ заглавіемъ: «Единство въ разнообразіи». Изданію этому можно предсказать успѣхъ, если только авторъ будетъ умѣть придать своему изложенію болѣе живого интереса и если притомъ цѣна брошюры будетъ умѣреннѣе: 50 коп. за маленькую книжку въ 100 стр. слишкомъ дорого.

Вниманія заслуживаетъ также напечатанный недавно «Указатель къ неоффиціальной части Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» (съ 1838 по 1865 г.), составленный г. Исаевымъ. Важность подобнаго труда оцѣнитъ всякій, кто нуждается въ источникахъ для изученія Россіи. Такой примѣръ, поданный бывшею редакціею «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», долженъ быть принятъ въ руководство всѣми газетами этого рода по остальнымъ губерніямъ.

IV.

Въ понедѣльникъ утромъ я наконецъ пріобрѣлъ въ статистическомъ комитетѣ брошюру подъ заглавіемъ: «Переписка митрополита кіевскаго Евгенія съ государственнымъ канцлеромъ графомъ Николаемъ Петровичемъ Румянцовымъ и съ нѣкоторыми другими современниками (съ 1813 по 1825 г. включительно). Выпускъ второй». На оберткѣ сзади читается между прочимъ: «Третій и послѣдній выпускъ, содержащій письма 1824 и 1825 годовъ, съ добавленіями и литографированными снимками съ рукописей, выйдетъ въ свѣтъ въ концѣ 1870 года». Такъ какъ

и о первомъ выпускѣ въ свое время было говорено очень мало, то здѣсь я разсмотрю обѣ до сихъ поръ вышедшія книжки.

Хотя это изданіе и не относится прямо къ кругу дѣятельности статистическаго комитета, нельзя не согласиться, что онъ напечатаніемъ названной переписки оказываетъ наукѣ большую услугу. Эта учено-литературная переписка составляетъ отраднѣйшій фактъ въ исторіи русскаго образованія за первую четверть нынѣшняго столѣтія, и утрата ея была бы невознаградима. Можно однакожъ пожалѣть, что письма Евгенія и Румянцова изданы безъ всякихъ ученыхъ пріемовъ и представляютъ нѣсколько крупныхъ промаховъ, не говоря объ искажающихъ иногда смыслъ опечаткахъ. Въ самомъ началѣ уже читатель поставленъ въ недоумѣніе отсутствіемъ всякаго предисловія: онъ не видитъ, откуда почерпнуты эти письма, печатаются-ли они съ подлинниковъ, или съ отпусковъ, какими правилами руководствуются при этомъ издатели, держатся ли они правописанія корреспондентовъ и т. п. Впрочемъ, можетъ быть, объясненіе по всѣмъ этимъ и подобнымъ вопросамъ будетъ приложено къ послѣднему выпуску. Особенно чувствуется недостатокъ пояснительныхъ примѣчаній къ тексту писемъ. На первыхъ страницахъ, правда, сдѣлана попытка къ такому комментарію, но едва читатель успѣлъ порадоваться нѣсколькими небезъинтересными замѣтками біографическаго содержанія, какъ рядъ ихъ вдругъ обрывается безъ всякой оговорки, и послѣ того всѣ поясненія почти исключительно ограничиваются заявленіемъ, что такого-то упоминаемаго въ томъ или другомъ письмѣ приложенія въ бумагахъ не найдено. Иногда читатель не встрѣчаетъ даже и такихъ поясненій, которыя легко было бы извлечь далѣе изъ самой переписки. Такъ, на стр. 68 (2-й столбецъ), къ словамъ графа Румянцова: «Позвольте мнѣ занять васъ двумя французскими сочиненіями о древностяхъ Кимбрическаго Босфора, полученными мною отъ сочинителей», сдѣлано редакціею слѣдующее примѣчаніе: «какія это сочиненія — неизвѣстно»; а между тѣмъ эти сочиненія названы ниже въ самыхъ письмахъ. На стр. 69 и 79 упоминаются книги: 1) Antiquités du Bosphore Cimmérien, par Raoul-Rochette, и 2) Келера о Босфорскихъ медаляхъ. Очевидно, что это и есть тѣ два сочиненія, о которыхъ говорилось выше.

Изъ нѣкоторыхъ указаній въ первыхъ примѣчаніяхъ редакціи можно заключить, что вся эта переписка заимствована изъ бумагъ, доставшихся по смерти Евгенія родственнику его Ст. Гр. Устиновскому. Письма Румянцова напечатаны, повидимому, съ подлинниковъ (но отчего же редакція приняла вездѣ не современную имъ орѳографію: *Румянцевъ*?); письма же Евгенія—

съ отпусковъ, оставшихся въ его бумагахъ. Число писемъ каждаго изъ обоихъ лицъ, еслибъ сосчитать ихъ, оказались бы, вѣроятно, одинаковымъ. Заключающаяся въ двухъ первыхъ выпускахъ переписка обнимаетъ ровно 11 лѣтъ (1813—1823). По мнѣнію редакціи, всѣ письма, предшествовавшія 1813-му году, достались въ другія руки и, можетъ быть, уже уничтожены подобно многимъ другимъ бумагамъ, оставшимся послѣ Евгенія. То, что̀ до сихъ поръ напечатано, представляетъ богатѣйшій матеріалъ для исторіи литературы за означенное время. Конечно, большая часть писемъ по своимъ частностямъ могутъ быть любопытны только для спеціалистовъ, но многія другія исполнены высокаго интереса для всякаго образованнаго человѣка. По этой перепискѣ легко прослѣдить ученыя занятія и планы обоихъ высокопоставленныхъ лицъ; они постоянно сообщаютъ другъ другу все, что̀ ихъ интересуетъ, всѣ новыя открытія свои, чтенія, мысли, ожиданія; мы видимъ тутъ въ самомъ возникновеніи и постепенномъ ходѣ многія предпріятія, прославившія Румянцова и Евгенія; они прилежно переписываются о Мстиславовой грамотѣ, Словарѣ писателей, Памятникахъ словесности XII вѣка, Собраніи государственныхъ грамотъ, Кормчей книгѣ, иногда же и о такихъ начинаніяхъ, которыя остались безъ исполненія. Они высказываютъ любопытныя сужденія о многихъ ученыхъ современникахъ и молодыхъ сотрудникахъ своихъ, тогда еще малоизвѣстныхъ: объ Анастасевичѣ, Кеппенѣ, Востоковѣ, Калайдовичѣ; о Кругѣ, Френѣ, Аделунгѣ, Келерѣ, Лобойко; о Карамзинѣ, Добровскомъ, Лелевелѣ, Линде и др.

Не касаясь здѣсь сообщаемыхъ письмами новыхъ подробностей объ извѣстныхъ въ ученомъ мірѣ изслѣдованіяхъ, приведу нѣсколько выдержекъ, относящихся къ указаннымъ мною предметамъ общаго интереса. Въ 1817 году, и Румянцовъ и Евгеній заботятся уже о созданіи русской палеографіи и ищутъ способныхъ къ тому людей. Въ этихъ видахъ вниманіе обоихъ мало-по-малу остановилось на Востоковѣ. «Вы меня, преосвященнѣйшій владыко—пишетъ Румянцовъ въ началѣ 1822 года—чрезвычайно одолжить изволили сообщеніемъ двухъ прелюбопытныхъ и преученыхъ писемъ г. Востокова; я къ вамъ ихъ возвращаю и не таю отъ васъ, ни отъ него, что прельщался ими до крайности; я съ нихъ снялъ списокъ. Давно уже я стараюсь, но безъ успѣха, сблизиться короткимъ знакомствомъ съ г. Востоковымъ; онъ отъ того отказывался всегда тѣмъ, что будучи страшный заика очень страждетъ съ незнакомыми людьми, но далъ однако же мнѣ обѣщаніе сдѣлать для меня изъ

манускриптовъ бывшей Залускаго библіотеки извлеченіе граммать нашихъ *великихъ князей*, коихъ мы не имѣемъ, и напечатать ихъ на мое иждивеніе подъ его надзоромъ; но чтожъ? Болѣе года миновало, а я не получилъ, какъ о томъ домогался, имъ хотя и не совершенную роспись.... Я въ самой большой цѣнѣ держу давно г. Востокова. Александръ Ивановичъ Ермолаевъ и онъ, конечно бы, могли составить съ большимъ успѣхомъ *россійскую палеографію*, а силы преусерднаго къ просвѣщенію г. Кеппена отнюдь къ тому не достаточны» (стр. 56).

Евгеній, съ своей стороны, хотя и находитъ, что Востоковъ слишкомъ «развлеченъ многими должностями, ничѣмъ пристально не занимается, а сверхъ того и въ трудахъ медленъ и лѣнивъ», однакожъ находитъ нужнымъ «побольше снабжать сего нашего палеографа» древними рукописями. «Наконецъ — пишетъ Румянцовъ 30 іюля 1822 г.—мнѣ удалось побѣдить то отвращеніе, которое г. Востоковъ имѣлъ со мною лично познакомиться единственно какъ страшный заика, и не однажды уже съ нимъ и съ г. Ермолаевымъ я у себя обѣдалъ; при первомъ свиданіи я доведу до свѣдѣнія его, что объ немъ писать ко мнѣ изволите» (стр. 59). Вскорѣ исчезло и предубѣжденіе Евгенія о недѣятельности Востокова, и въ концѣ 1823 г. онъ уже такъ выражается о нашемъ покойномъ академикѣ: «Сей трудолюбивый и единственный для нашей палеографіи надежный знатокъ можетъ насъ просвѣтить въ сей наукѣ. Побудите его в. с. скорѣе издать какія нибудь правила для сей науки. У него ихъ много уже на примѣтѣ и никто больше в. с. не ободритъ его и не поможетъ ему въ изданіи, а жизнь его болѣзненна» (стр. 85).

Въ отзывахъ о своихъ сотрудникахъ два знаменитые друга однакожъ не всегда такъ же щедры на похвалы. Отдавая справедливость любознательности и дѣятельности Кеппена, они съ нѣкоторымъ недовѣріемъ смотрятъ на свѣдѣнія и основательность этого молодого ученаго (стр. 19, 20, 86, 90). Евгеній не особенно благосклоненъ и къ Калайдовичу. Въ письмѣ отъ 13-го января 1822 г., онъ, указавъ на разныя ошибки въ «Памятникахъ словесности XII вѣка», замѣчаетъ: «На стр. 222 изъ желанія противорѣчить мнѣ, издатель даже солгалъ, что мірское имя архіепископа Іоанна неизвѣстно.... Въ предисловіи тоже лгалъ онъ изъ охоты поправлять исторіографа.... Хвастливость, догадливость (не *досадливость*-ли?) и часто невѣрность сего любителя нашихъ древностей давно всѣмъ извѣстна» (стр. 54).

Особенно же достается Анастасевичу, впрочемъ совершенно справедливо, за небрежное изданіе «Словаря писателей». Въ 1817 г. преосвященный познакомилъ съ нимъ Румянцова, который, бла-

годаря его за это, называетъ Анастасевича достойнымъ; но въ октябрѣ слѣдующаго года канцлеръ пишетъ: «Когда г. Анастасевичъ принесъ мнѣ одинъ экземпляръ напечатаннаго важнаго (такъ ли? не *вашего* ли?) Словаря Духовныхъ Россiйскихъ писателей, я восхищался тѣмъ, что въ состоянiи былъ о появленiи сего преполезнаго сочиненiя дать отчетъ вашему преосвященству; но радость моя скоро премѣнилась на печаль, когда я усмотрѣлъ, что сiе для меня по многимъ причинамъ драгоцѣнное сочиненiе издается въ свѣтъ такъ дурно, что едва ли есть хуже сего изданiя; могъ ли я ожидать отъ г. Анастасевича, къ коему съ полною довѣренностiю обратился я, сложивъ на него одного все попеченiе, такое явное небреженiе, и тѣмъ для меня удивительнѣе, что онъ вамъ кажется совершенно преданъ и мною быть довольнымъ имѣетъ причину. Я точно требовать буду, чтобы первый листъ всякаго тома перемѣненъ былъ; не принесетъ мнѣ то чести, а неминуемо подвергнетъ меня осужденiю, что на сихъ листахъ сказано, что изданiю таковому я причиною». Такимъ образомъ, мы здѣсь находимъ любопытное объясненiе, почему на заглавномъ листѣ Словаря не означено имя Румянцова, выставленное на другихъ, изданныхъ на его счетъ книгахъ. «Не смотря на несовершенство его (т.-е. Словаря) — продолжаетъ канцлеръ — я надѣюсь, что совершенство самаго сочиненiя все превозможетъ и что сiе изданiе разойдется; тогда вырученныя деньги употребятся на новое изданiе полнаго историческаго словаря россiйскихъ писателей. Сливъ вмѣстѣ духовныхъ и свѣтскихъ подъ одинъ алфавитъ, можно будетъ дать ему форматъ in quarto и передать его печатать въ Москвѣ; тамъ мнѣ кажется исправнѣе здѣшняго занимается всякiй своимъ дѣломъ» (стр. 13). Надежды Румянцова на скорый сбытъ этой книги однакожъ не оправдались, какъ видно изъ дальнѣйшей переписки (стр. 16 и 19).

Любопытно, какъ знаменитый нашъ меценатъ самъ смотрѣлъ на свою дѣятельность. Извѣщая своего ученаго друга о ходѣ изданiя въ Парижѣ приложенiй къ путешествiю Коцебу, онъ говоритъ: «Допустите меня, высокопреосвященнѣйшiй владыко, отложа всякую скромность, препроводить здѣсь къ вамъ *возвѣщенiе отъ г. Мальтбрюна* о появленiи сего труда. Вы найти изволите, что страннымъ образомъ, по однакоже любопытнымъ, онъ *меня приплелъ тутъ къ дѣламъ Гишпанскимъ*, и меня, какъ сущаго *аристократа*, ставитъ въ укоризну аристократовъ нынѣшняго вѣка. Странно, что въ журналѣ Русскомъ и Литовскомъ [1]) вся сiя часть отсѣчена и мнѣ оставлено только то въ

---

[1]) Вѣроятно, *Сѣверномъ Архивѣ* Булгарина.

честь, что кажутъ меня, какъ и всегда въ журналахъ нашихъ, единственно какъ щедраго *кассира Россійской словесности*. Винюсь, я о себѣ сужу что-то иное» (стр. 67). Изъ этой переписки мы узнаемъ, какую благоразумную бережливость Румянцовъ долженъ былъ соблюдать въ распоряженіи средствами, которыя употреблялъ на пользу науки. «Напрасно—писалъ онъ,—г. Селивановскій приписываетъ медленности Алексѣя Ѳеодоровича (*Малиновскаго*), что не приступлено еще къ изданію третьей части Государственныхъ грамматъ. Сей ходъ удерживаю я: на одну бумагу надобно десять тысячъ руб. Я съ удовольствіемъ издерживаю по сему и подобнымъ предметамъ денегъ очень много; но отъ того только намѣренія свои исполнить могу, что издерживаю ихъ не безъ разсчета и воздержанія» (стр. 27). Интересно далѣе сообщаемое имъ свѣдѣніе о способѣ, какъ онъ пріобрѣлъ двѣ самыя важныя рукописи Кормчей: «Обѣ я пріобрѣлъ денегъ не издерживая, а даровалъ единственному сыну того моего крестьянина, которому она принадлежала, *свободу безъ уплаты*» (52). Тутъ же мы получаемъ понятіе о предѣлахъ либеральности канцлера въ сообщеніи своихъ научныхъ сокровищъ другимъ. «Все, что къ вамъ я доставлялъ—говоритъ онъ—вы конечно властны вносить въ собственныя ваши сочиненія упоминаніемъ, ссылками и даже *полною копіею съ документовъ;* но покорно васъ прошу навсегда *не передавать другимъ*, именно *сочинителямъ журналовъ*: я не хвалю по журналамъ историческихъ преданій разсѣянность, хотя я обѣщалъ и самъ сочинителю Сѣвернаго Архива нѣкоторое вспоможеніе» (стр. 52). Въ другой разъ онъ пишетъ: «Я радуюсь тѣмъ, что такъ хорошо могъ отгадать, что вамъ, м. г., угожу присылкою кенигсбергскихъ грамматъ. Онѣ принадлежатъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Посему я въ нихъ не могу допустить сдѣлать списка и для того покорно васъ прошу не начинать списывать тѣхъ, которыя вы хотѣли хранить въ библіотекѣ Кіевской академіи. Но не тужите, что я столь строго держусь сего справедливаго правила: онѣ всѣ напечатаны будутъ моимъ иждивеніемъ, какъ принадлежность бумагъ Московскаго государственнаго архива. Объ этомъ уже я веду съ сенаторомъ Малиновскимъ переписку» (стр. 91).

Взаимное уваженіе и чувство преданности обоихъ лицъ, связанныхъ между собою одною любовью въ наукѣ, выражались не обоюдными услугами только, но часто и горячими завѣреніями. Румянцовъ звалъ своего духовнаго друга въ Петербургъ, предлагалъ всю свою богатую библіотеку въ его распоряженіе; Евгеній, узнавъ, что канцлеръ сбирался въ Кіевъ поклониться гробу

своего отца, приглашалъ его въ свой Софійскій домъ «дабы болѣе имѣть случаевъ наслаждаться его бесѣдою». Несмотря на такія дружескія отношенія, Румянцовъ однажды принужденъ былъ рѣшительно отказать въ просьбѣ Евгенія помѣстить двухъ дочерей почтамтскаго чиновника Михайлова воспитанницами на счетъ капитала, оставленнаго покойною теткою графа, Анной Никитишной Нарышкиной. Тетка эта, проживъ 20 лѣтъ въ его домѣ, умерла въ 1820 году [1]); ея кончина такъ опечалила его, что онъ удалился на нѣкоторое время въ Новгородъ искать утѣшенія въ совершенномъ уединеніи и архивныхъ занятіяхъ (стр. 29 и 35). На ходатайство Болховитинова онъ, извиняясь, отвѣчалъ: «Всѣ мѣста по институтамъ, на которыя императрица меня допускать изволитъ дѣлать помѣщенія, мною предоставлены единственно небогатымъ сродницамъ покойной моей тетки, которыхъ она по материнскому колѣну имѣетъ много. Утвердя таковое правило, я отъ него не въ правѣ уже отстать» (36). Это, однакожъ, не помѣшало впослѣдствіи Евгенію исполнить подобную же просьбу Румянцова о принятіи въ кіевскую духовную академію, за умѣренную плату, пансіонеромъ его, одного изъ сыновей гомельскихъ священниковъ. На письмо о томъ митрополитъ отвѣчалъ полнымъ согласіемъ (87).

Такимъ образомъ, разсматриваемая переписка заключаетъ въ себѣ между прочимъ и довольно данныхъ въ дополненіе нашихъ свѣдѣній о личности и жизни знаменитыхъ собесѣдниковъ. Такъ, напр., на вопросъ Румянцова Евгенію, свободно ли онъ читаетъ французскія книги, тотъ отвѣчаетъ, что онъ, «бывши долго при семинаріи (воронежской) *учителемъ сего языка* и много съ онаго переводивши, довольно свободно читаетъ на ономъ всякаго рода книги, а съ незнающими по-русски иностранцами иногда ведетъ и переписку по французски» (стр. 42).

Относительно плановъ канцлера, неисполнившихся при жизни его, мы узнаемъ, напр., что по его желанію Малиновскій собиралъ для изданія всѣ древнія путешествія русскихъ людей. Это намѣреніе своего друга Евгеній назвалъ *патріотическимъ* (стр. 31, 32). Около того же времени, въ 1820 году, Румянцовъ мечталъ объ учрежденіи общества писцовъ, которые «подъ надзоромъ мудраго вѣдателя Россійской исторіи», составили бы собраніе алфавитныхъ указателей къ лѣтописямъ, такъ чтобы каждый изъ нихъ занимался извлеченіемъ однородныхъ именъ

[1]) Анна Никитишна, рожденная Румянцова, двоюродная сестра Задунайскаго, была вдова оберъ-шенка Александра Александровича Нарышкина, брата Льву Александровичу, умершаго въ 1795 г.

и предметовъ. Для осуществленія же этого плана онъ указывалъ на учениковъ псковской семинаріи и на ея ученаго начальника. Евгеній, вполнѣ одобривъ эту мысль, совершенно уклонился отъ исполненія ея за недостаткомъ времени и умно прибавилъ: «По моему мнѣнію, это удобнѣе было бы исполнить, раздѣливъ лѣтописи по одиночкѣ многимъ для прочтенія и подчеркнувъ разноцвѣтными карандашами разныхъ матерій; а съ сихъ подчерковъ удобно можетъ все росписать по разнымъ тетрадямъ и одинъ писецъ на каждую лѣтопись. Сей механическій и прескучный трудъ чрезъ такое раздѣленіе могъ бы сдѣлаться не столь тяжелъ. Нужно только всѣмъ дать одинакій планъ» (33).

Извлеченные мною довольно многочисленные отрывки изъ первыхъ двухъ выпусковъ воронежскаго изданія могутъ показать каждому, какое драгоцѣнное пріобрѣтеніе для нашей литературы составитъ эта переписка, когда она вся будетъ напечатана. Пожелаемъ, чтобы статистическій комитетъ, трудящійся на родинѣ славнаго Евгенія, поскорѣе привелъ къ окончанію свое прекрасное предпріятіе, которое уже и теперь, несмотря на нѣкоторые недостатки, заслуживаетъ нашу искреннюю благодарность. Очень было бы полезно, еслибы къ послѣднему выпуску были приложены, между прочимъ: 1) алфавитный указатель упоминаемыхъ въ письмахъ личныхъ и географическихъ именъ, и 2) списокъ вкравшихся въ изданіе, по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ опечатокъ, какъ напр. *продолженіе* вм. предложеніе, *недостаточный* вм. недостойный, *натурный* вмѣсто натужный и т. п. Въ заключеніе позволяю себѣ присоединить еще и другое желаніе: чтобы воронежскій статистическій комитетъ, по окончаніи этого труда, возвратился къ прерванному изданію историко-статистическихъ очерковъ Воронежской губерніи, отъ которыхъ, судя по началу, можно ожидать многаго.

Я. Гротъ.

СТАРОЕ ПО СТАРОМУ

Земскія сцены въ разсказѣ.

I.

Случай дороже денегъ.

— Подите вотъ какой законъ, говорилъ землемѣръ, умильно посматривая на посредника, расположившагося съ сигарой во рту въ мягкихъ креслахъ, въ своемъ кабинетѣ: у меня, какъ вамъ извѣстно, своей земли всего двадцать-три десятины; а между тѣмъ, какъ бы мнѣ хотѣлось быть гласнымъ! Подите вотъ, двухсотъ десятинъ нѣту, и я не могу...

— Чтожъ? медленно проговорилъ посредникъ: васъ могутъ выбрать мелкіе землевладѣльцы; вы баллотируйтесь...

— Да страшно, Семенъ Михайловичъ: ну — какъ на вороныхъ прокатятъ...

— Конечно, всего удобнѣе баллотироваться въ крестьянскихъ обществахъ: этотъ народъ темный...

Послѣдовало непродолжительное молчаніе, во время котораго сидѣвшій у дверей письмоводитель покушался что-то сказать въ свою очередь, но конфузился и щипалъ свои усики.

— Еслибы вы,—почти умоляющимъ голосомъ заговорилъ землемѣръ: похлопотали за меня, Семенъ Михайловичъ. Я бы, ужъ что объ этомъ говорить! имѣньице ваше безъ копѣйки разбилъ... Я и такъ вами доволенъ; вы меня, признаться, и поите, и кормите... по вашей милости и служу-то я, надо правду сказать...

Землемѣръ вздохнулъ, потирая руками свои колѣни.

— Что-жъ? Сколько отъ меня зависитъ, извольте?

Посредникъ всталъ и позвонилъ. Явился слуга.

— Карета готова?

— Сейчасъ подадутъ.

— Ступай, скажи барынѣ. Только меня удивляетъ, снова обратился посредникъ къ землемѣру: изъ-за чего вы хлопочете? Все-таки дѣло — не дѣло, а вамъ надо разъ или два въ годъ побывать въ собраніи, прожить въ городѣ недѣлю, другую...

— Видите ли, Семенъ Михайловичъ: по совѣсти говоря, я вотъ около двухъ лѣтъ задаромъ получаю жалованье: разверстанья почти всѣ кончились, остались одни переполосныя владѣнія. Вотъ лѣто-то прошло, а мы съ вами и борозды не провели. Можетъ случиться, что должности землемѣровъ при посредникахъ закроются, объ этомъ давно поговариваютъ: я и останусь, какъ ракъ на мели... А тутъ, какъ я вотрусь въ гласные-то, немудрено, попаду и въ члены управы... кто знаетъ? шаръ-то дуракъ... А попаду въ члены, и прокормлюсь... Вѣдь я все-таки дворянинъ, Семенъ Михайловичъ...

— Мм-да! Конечно... скоро и должности посредниковъ уничтожатся...

— Вамъ-то ничего, подхватилъ землемѣръ: вы человѣкъ состоятельный. А вотъ каково нашему-то брату вертѣться безъ должности... какъ-нибудь выбиваться надо!...

— Хорошо, на этихъ дняхъ я поѣду по волостямъ...

— Похлопочите, подхватилъ землемѣръ: вамъ только слово сказать...

— Семенъ Михайловичъ! Заговорилъ вдругъ письмоводитель: нельзя-ли ужъ и мнѣ...

— Что? въ гласные?

— Да-съ! робко произнесъ юноша: сами судите, я тоже дворянинъ.

Посредникъ, улыбаясь, направился въ другую комнату.

Черезъ нѣсколько дней послѣ описанной сцены въ селѣ Самохвалова у волостного правленія, по случаю пріѣзда посредника, толпилась сходка. Въ отдаленіи, позвякивая колокольцомъ, стояла тройка вороныхъ, запряженная въ тарантасъ. Пріѣхавшій съ посредникомъ землемѣръ остановился на крыльцѣ и бесѣдовалъ съ мужиками:

— Ну, что ребята? ласково говорилъ онъ: хорошо я вамъ отрѣзалъ земельку-то?

— Ничего... Земля хорошая. Маловато только...

— Ну ужъ я чего не могу, такъ не могу... Количество десятинъ не отъ меня зависитъ...

— Знамо дѣло: вашей милости, что прикажутъ, то и есть...

— Тото и бѣда...

— Это насчетъ чего же, Ѳедоръ Павловичъ, намъ велѣно собраться? спросилъ одинъ мужикъ: насчетъ податей, али некрутчины...

— Это вотъ видите, объяснилъ землемѣръ: будутъ выбираться гласные... Понимаете? Въ городѣ будутъ сбираться дворяне, такъ нужно туда ѣздить... Конечно, дворянину можно разъѣзжать... у него и лошадей много и время есть... а ваше дѣло мужицкое... вамъ около дома обдумать надо...

— Это точно... это ты справедливо говоришь: что-жъ, жалованье, что-ли, полагается?

— Какое тамъ жалованье! жалованья нѣтъ! Задаромъ!... Вамъ всего лучше избрать изъ дворянъ — кого-нибудь...

— А что тамъ дѣлаютъ? спросили мужики.

— Въ городѣ-то? Я вамъ говорю, будетъ засѣданіе: ну, будутъ толковать, — какъ бы вамъ сказать, о чемъ? Напримѣръ: мостъ починить, или какъ уничтожить конокрадовъ? Мало ли что! однимъ словомъ, будутъ обсуждаться разные предметы по уѣздному хозяйству...

— Такъ. Стало быть, насъ собрали для чего же?

— Выбирать гласныхъ, чтобы они голосъ подавали... Да вотъ выйдетъ посредникъ, онъ вамъ все объяснитъ. Ну, какъ у васъ нонѣшній годъ хлѣбушекъ?

— Ничего... Зародился, Ѳедоръ Павловичъ, хорошъ покелева: гнѣвить Бога нечего... Супротивъ прошлогодняго много лучше...

— Какъ же можно, извѣстно лучше, подхватили голоса: лѣтось одна лебеда родилась, и той мало... до Святокъ не хватило...

Вышелъ посредникъ, за нимъ старшина, писарь и письмоводитель съ портфѣлемъ въ рукахъ.

— Я пріѣхалъ, объявилъ посредникъ мужикамъ, поговорить съ вами о ссыпкѣ хлѣба въ мірскіе магазины. Вамъ разрѣшено было взять хлѣбъ по случаю лебеднаго года, и вы его взяли весь. Теперь вы должны опять засыпать...

— Ваше благородіе! возразилъ одинъ крестьянинъ: оно положимъ, нонѣ Господь зародилъ, да вотъ тоже должишки есть. Кто взялъ у священника, кто у прикащика подъ заработки... Съ ними только расплатись, да обсѣйся...

— Ну, ты опять можешь взять; засыплешь и опять возьмешь, сказалъ посредникъ.

— Что-жъ, ваше благородіе, заговорила сходка: это только пересыпать?...

— Ну, вотъ старшина съ вами объ этомъ потолкуетъ. Я пріѣхалъ еще затѣмъ, чтобы выбрать гласныхъ. Вы знаете, что такое гласные?

— Гдѣ-жъ намъ, ваше благородье, знать!...

— Это должно десятскіе?... возразилъ одинъ.

— Это просто надо будетъ ѣздить въ городъ, тамъ будетъ земское собраніе, такъ отъ всѣхъ сословій нужны гласные... понимаете?

— Слухаемъ...

— Кого же вы желаете?

Мужики начали переглядываться между собою. Спереди послышался голосъ:

— Кого вашей милости будетъ угодно...

— Ну вотъ, напримѣръ, старшина, объявилъ посредникъ: онъ и такъ въ городъ ѣздитъ на почту...

— Что-жъ? Ничего, заговорилъ народъ.

— Выбирайте кого вамъ угодно, я васъ не стѣсняю: только мое мнѣніе — старшину всего лучше выбрать... онъ можетъ и заявить свое мнѣніе, ему не привыкать говорить съ высшими лицами...

Мужики молчали. Черноволосый, курчавый писарь обратился къ сходкѣ:

— А то что́ вы выберете изъ себя какое-нибудь дупло? Онъ и будетъ сидѣть въ собраніи,—хлопать ушами...

— Старшину, такъ старшину! заговорилъ народъ: человѣкъ хорошій!

— Ну, такъ стало быть согласны старшину? спросилъ посредникъ.

— Ничего! пускай ѣздитъ!

— Согласные надѣвайте шапки!

Всѣ надѣли шапки. Посредникъ обратился къ письмоводителю: «запишите!»...

— Ну, еще кого выбираете? Вамъ нужно трехъ...

— Вашей милости извѣстнѣй, послышались голоса.

— Экіе, братцы! выбираю не я, а вы! По моему вотъ, напримѣръ могъ бы вамъ сослужить Ѳедоръ Павловичъ, указывая на землемѣра, сказалъ посредникъ.

Въ толпѣ многіе начали почесывать затылки.

Сельскій староста, который во время размежовки земли въ Самохваловѣ не разъ пивалъ чаекъ у землемѣра, обратился къ толпѣ и рѣшительно произнесъ:

— Что-жъ, ребята? Ѳедора Павловича, такъ Ѳедора Павловича! Человѣкъ — Боже мой! сами знаете! Староста торжественно окинулъ толпу глазами...

— Человѣкъ, знамо, росейскій... сказалъ кто-то...

— Обиды отъ него не видали.

— Ну, и толковать нечего! заключилъ староста: онъ обратился къ письмоводителю: запишите Ѳедора Павловича.

— Вѣдь онъ не нашъ! возразилъ одинъ мужикъ.

— То-есть, какъ не вашъ? спросилъ посредникъ.

— Слышь не изъ мужиковъ... онъ на нашу сторону гнуть-то не будетъ...

— Какъ вамъ угодно! сказалъ посредникъ: но во многихъ волостяхъ мужики выбираютъ въ гласные даже самихъ посредниковъ... Это ничего, что дворянинъ.

— Теперь такое время, подхватилъ землемѣръ, что между помѣщиками и крестьянами интересы стали общіе: какъ помѣщику пріятно проѣхать по хорошему мосту, такъ и крестьянину.

— Такъ согласные избрать Ѳедора Павловича надѣвайте шапки! сказалъ посредникъ. Толпа мало-по-малу начала накрываться.

— Запишите! обратился посредникъ къ письмоводителю. Ну-съ, теперь кого же третьяго? вы говорите! не стѣсняйтесь! Указывайте человѣка, который вамъ нравится и которому вы довѣряете.

— Да вотъ, Панфила Егорыча, заговорили мужики, указывая на дворника. Онъ человѣкъ зажиточный и грамотѣ знаетъ! человѣкъ благочестивый.

— Увольте, ваше благородіе, началъ дворникъ.

— Отъ чего же? спросилъ посредникъ.

— Мы народъ незнамый... опять у меня присѣвецъ большой... ребятенки еще не подросли... Гдѣ нашему брату! Насъ съ толку собьютъ...

— Вотъ что, любезный, возразилъ посредникъ: тебя выбираетъ міръ, а не я...

Дворникъ обратился къ сходкѣ съ поклонами:

— Ослобоните, отставьте братцы!

— Ну что-жъ? заговорили мужики: насильно не можно... когда такое дѣло... ну Яремку Савостьянова...

— Вотъ Ванюшку Павлова.

— Акимъ Проплетинъ годится...

— Иди, ничего! мы тебя выбираемъ, говорила сходка, выдвигая впередъ одного сѣдого старика.

— Нѣтъ, увольте братцы: силы мои плохія, а тамъ вишь въ городъ надо ѣздить. Господь съ вами совсѣмъ... говорилъ старикъ.

— Я вижу, перебилъ посредникъ, вы проговорите долго, не угодно ли я порекомендую вамъ человѣка?...

— Это такъ! ваше благородіе, подхватилъ староста: кого вы скажете, тотъ и нашъ! а то у насъ никакого порядку не дождешься. Галдятъ, а толку нѣтъ.

— Это будетъ короче! замѣтилъ писарь.

— Вотъ, неугодно ли вамъ Ивана Иваныча, объявилъ посредникъ, указывая на письмоводителя. Онъ со мной третій годъ ѣздитъ по васъ, и вы его хорошо знаете.

Мужики молчали. Сконфуженный письмоводитель скрылся въ сѣняхъ.

— Ну, что же вы уперлись? возразилъ вдругъ старшина: чего вы въ самомъ дѣлѣ? Начальство за васъ безпокоится, а вы куражитесь... Выбирать, такъ выбирать... Стало-быть не хотите Ивана Иваныча?

— Мы имъ не обижены.

— А не обижены, такъ что же? Въ добрый часъ!...

— Повторяю, замѣтилъ посредникъ: я васъ нисколько не стѣсняю: выборъ совершенно зависитъ отъ васъ...

— Они согласны! сказалъ старшина и скомандовалъ: согласные надѣвайте шапки!...

— Согласны или нѣтъ? спросилъ посредникъ.

— Согласны! Согласны! закричалъ старшина и первый надѣлъ шапку, за нимъ мало-по-малу начала накрываться толпа.

— Ну, теперь выборъ кончился, объявилъ посредникъ. Кто же за васъ роспишется?

— Писарь, знамо дѣло, сказалъ староста.

— Кому-жъ больше? Онъ завсягда расписывался, замѣтилъ староста и обратился къ писарю: отбирай отъ нихъ руки....

Когда мужики одинъ за другимъ подали свои руки писарю,— посредникъ велѣлъ имъ отправляться по домамъ. Пришедши въ волостное правленіе, посредникъ началъ диктовать письмоводителю: «18.. года, сентября, дня... собранные крестьяне Самохваловской волости въ количествѣ .... лицъ избрали отъ себя...» и проч.

Вскорѣ зазвенѣлъ колокольчикъ, и посредникъ скрылся.

II.

Баллотировка.

Наступило 30 сентября, — день избранія гласныхъ, членовъ управы и членовъ губернскаго земскаго собранія. По направленію къ городу потянулись экипажи всевозможныхъ видовъ. Летятъ богатые землевладѣльцы въ щегольскихъ колякахъ и кабріолетахъ, гордо посматривая на уполномоченныхъ, которые, завалясь въ своихъ полуразрушенныхъ тарантасахъ, мечтаютъ о томъ, что наконецъ и они выдвигаются на свѣтъ Божій: имѣющій пряжку за двадцатипятилѣтнюю службу непремѣнно пристегнетъ ее къ своему сюртуку, и съ достоинствомъ появится въ кругу дворянъ, вмѣстѣ-молъ съ графами и князьями; иначе всѣмъ имъ пришлось бы сидѣть дома и толковать съ старостами объ овинахъ и умолотахъ. Тамъ ѣдетъ владѣтельница семи десятинъ земли, желая кому-нибудь передать право голоса; — кучеръ ея подпоясанъ путомъ и всѣ мѣры употребляетъ, чтобы не ударить свою барыню лицомъ въ грязь. Тамъ ѣдутъ два попа на одной телѣгѣ; на бѣговыхъ дрожкахъ, въ архалукѣ, молодой помѣщикъ, которому недавно перешло родовое имѣніе, въ сопровожденіи борзой собаки летитъ сломя голову, какъ будто далъ себѣ клятву перегнать всѣхъ. Тамъ взбирается на горку старшина, въ рѣзной телѣжкѣ; за нимъ, подгоняя своихъ клячъ, плетутся мужики.

Городъ принимаетъ праздничную физіономію. Купцы, вышедши изъ лавокъ, занимаются разцѣнкою жеребцовъ и дорогихъ экипажей, которые съ грохотомъ проносятся изъ улицы въ улицу, подкатываются то къ клубу, то къ гостинницѣ для пріѣзжающихъ, то къ дому исправника или городского врача, извѣстнаго хлѣбосола. Многіе землевладѣльцы ходятъ изъ лавки въ лавку, справляясь съ цѣнами на хлѣбъ, т.-е. говоря мѣстнымъ языкомъ «приторговываются». Карманы ихъ длиннополыхъ бекешъ наполнены образчиками овса, гречихи,—а также нѣжинскими корешками; у иныхъ косицы волосъ причесаны впередъ, на шеѣ толстые галстухи, а на щекѣ флюсъ, завязанный платкомъ. Идутъ разговоры объ оврагахъ, сломанныхъ осяхъ, и пр. Духовные въ запыленныхъ шляпахъ при встрѣчѣ между собою цѣлуются и ведутъ разговоръ:

— Чтожъ къ намъ къ празднику не пріѣзжали?

— Некогда. Клировыя все писалъ... а тамъ духовныя вѣдомости отвозилъ благочинному. Что, говорятъ, владыко пріѣдетъ?

— Слухи носятся... Вы куда теперь?

— Хотѣлъ женѣ ситцу купить... да вотъ не знаю, должно быть скоро надо идти въ собраніе.

Одинъ духовный приходитъ въ лавку, гдѣ встрѣчаетъ землемѣра, сидящаго на диванѣ съ сигарой во рту.

— А! кричитъ землемѣръ. И вы пожаловали! прошу покорно присѣсть.

Духовный кланяется купцамъ, вытираетъ лобъ платкомъ и садится рядомъ съ землемѣромъ.

— Знаете ли, батюшка? говоритъ послѣдній: вѣдь я сюда пріѣхалъ такъ только, чтобы шары класть....

— Какъ же такъ? Теперь кажется баллотировка гласныхъ?

— Нѣтъ! вѣдь я ужъ выбранъ-съ! объявляетъ землемѣръ.

— Какимъ манеромъ? спрашиваетъ священникъ.

— А вотъ изволите видѣть: чтóбы не путать, т.-е. не вызывать тѣхъ, у которыхъ безъ четверти три десятины, выборъ гласныхъ рѣшается волостнымъ правленіемъ.

— Кѣмъ-съ? переспросилъ священникъ.

— Волостнымъ правленіемъ. Значитъ, я ужъ давно выбранъ!

— Вотъ какъ! Позвольте поздравить!

— Тутъ, батюшка, дѣло не въ томъ, продолжалъ землемѣръ: меня собственно интересуетъ баллотировка въ члены управы! А гласный чтó!...

— Видите, Ѳедоръ Павловичъ: членъ управы, я вамъ скажу, дѣло серьезное,— замѣтилъ священникъ: недаромъ имъ и жалованье назначается хорошее! Жаль, что людей нѣтъ... Надо выбрать человѣка хозяйственнаго....

Входитъ въ лавку одѣтый по послѣдней модѣ купчикъ. Онъ раскланивается съ землемѣромъ и духовнымъ, ловко приподнимая свою шляпу, подходитъ къ стойкѣ и закуриваетъ папиросу.

— Гдѣ это ты пропадалъ? Спросилъ старикъ купецъ.

— Я не пропадалъ, а, можно сказать, нашолся.

— Много васъ такихъ-то находится: кто въ клубѣ, а кто Богъ знаетъ гдѣ!

— Батенька! позвольте вамъ сказать: времена теперь стали, надо говорить, новыя. Вамъ это дѣло оченно трудно понять... Я можетъ сейчасъ разговаривалъ съ предсѣдателемъ, а вы говорите въ клубѣ... тамъ... Вотъ насчетъ товару въ лавкѣ я пойму, и насчетъ тоже земства я, стало-быть, пойму: а вы къ примѣру—обополъ торговли можетъ-быть и лучше меня, а насчетъ земства дѣло особенное....

— Да ты понимаешь ли, что такое земство-то? возразилъ старикъ.

— Вотъ какъ стало-быть: ноня будетъ баллотировка въ гу-

бернскіе гласные... такъ это наше дѣло!... а что можетъ-быть повремени у насъ будетъ обѣдать губернаторъ... такъ это статья другая....

— Смотри не загреми ты съ этимъ земствомъ... Ты вонъ какимъ-то попечителемъ выбранъ, да еще почетнымъ. Теперь опять хочешь баллотироваться. А тамъ Митька пріѣхалъ, сказываетъ мельницу сорвало, ливень прошолъ... Всѣ затворни отперли, пустили воду на холостыя колеса, а ты все таскаешься...

— Позвольте, батенька: вода это дѣло Божіе, и къ примѣру ливень Господне навожденіе... Ну, ежели меня поставляютъ на видъ, то я отъ эвтаго не буду отказываться. Вѣрно говорю! Ежели я буду губернскимъ членомъ, то я могу со всякими лицами сойтись по торговой части. А между прочимъ, глядишь, выйдетъ и медаль... А что, не пора ли намъ въ собраніе? обратился купчикъ къ гостямъ. Скоро 11 часовъ.

— Теперь пора! Я сейчасъ! только слова два скажу батюшкѣ. Видите въ чемъ дѣло, шопотомъ говорилъ землемѣръ, обращаясь къ священнику: я вамъ буду вѣкъ слуга. Я давно имѣю виды на эту должность. Поддержите!...

— Извольте, извольте: я скажу своимъ....

— Помилуйте! продолжалъ землемѣръ: вотъ напримѣръ Подковкинъ, Печуркинъ, Савинъ — вѣдь они не пойдутъ въ члены управы?

— Почему же? спросилъ священникъ.

— Кто имъ велитъ! каждый изъ нихъ небойсь тысячъ по двадцати въ годъ получаетъ доходу!... Они и не подумаютъ: а, по моему мнѣнію, кто меньше получаетъ доходу, тотъ гораздо ревностнѣй будетъ служить земству....

— Оно такъ....

— Ну, пойдемте, Алексѣй Ивановичъ! обратился землемѣръ къ купчику—такъ вы сегодня баллотируетесь.

— Непремѣнно! съ достоинствомъ проговорилъ послѣдній.

Ровно въ 11 часовъ публика стекается въ управу. Здѣсь всѣ разбиваются на кружки, по-сословно: познатнѣе особо, средней руки помѣщики съ примѣсью духовенства и купцовъ особо, мелкіе уполномоченные съ старшинами, а мужики уже сидятъ въ собраніи на заднихъ скамейкахъ, заботясь о томъ, какъ бы не распропали ихъ шапки; при появленіи въ залѣ какого-нибудь сюртука, они дружно вскакиваютъ, приглаживая руками свои волосы.

Знатныя лица, искоса и гордо кивая кланяющимся имъ знакомымъ помѣщикамъ средней руки, старшинамъ и попамъ, продолжаютъ между собою бесѣду, начатую въ клубѣ или гостин-

ницѣ, о паровыхъ машинахъ, о питейныхъ сборахъ, о лучшемъ способѣ гнать водку изъ пеклеванки. Бесѣда идетъ во всѣхъ кружкахъ... Одинъ изъ мелкихъ землевладѣльцевъ заискиваетъ расположеніе незнакомаго священника:

— Позвольте, батюшка, узнать: вы изъ какого села?

— Села Вороньи-Клевцы, что на Сивой Воронкѣ...

— А! знаю: у васъ управляющій Ерошкинъ.

— Точно такъ,—говоритъ батюшка, держа руку подъ бородой, какъ бы застегивая рясу.

— Ну, какъ у васъ приходъ?

— Какой у насъ приходъ! Сбираемъ все тоже, что сбиралось во времена Екатерины Второй: а расходу впятеро больше...

— Ну, что слышно о сокращеніи штатовъ?

— Да-съ! дьячковъ, слышно, вонъ!...

Баринъ, видя, что разговоръ не клеится, обращается къ своему приходскому священнику:

— Послушайте, отецъ Поликарпъ: видите, я васъ хотѣлъ покорнѣйше просить объ одномъ дѣлѣ.

— Что такое? Съ удовольствіемъ, Прохоръ Ефимовичъ....

— Пожалуйте сюда, къ сторонкѣ: нельзя ли какъ-нибудь поналадить поповъ... Я вотъ сейчасъ подходилъ къ одному... ну, первое знакомство... какъ-то неудобно, знаете ли... А вы скорѣй съумѣете поустроить дѣльце...

— Въ чемъ собственно дѣло? скажите....

— По совѣсти сказать, я вамъ каюсь... все равно: мнѣ хочется быть членомъ управы... такъ понимаете? надо поналадить духовенство... а духовенство старшинъ... вѣдь я очень хорошо знаю, что это все въ рукахъ ихъ!...

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ! запахиваясь, говоритъ батюшка.

— Такъ сдѣлайте одолженіе... а ужъ тамъ... мы съ вами сочтемся...

— Ахъ, помилуйте: я вами и такъ доволенъ...

— Знаете, возокъ соломки, скотинку пустить въ стадо, многозначительно произнесъ помѣщикъ.

— О, Боже мой! Неужели я?...

Баринъ докуриваетъ папиросу и, ловко повертываясь на одномъ каблукѣ, примыкаетъ къ кружку помѣщиковъ, съ которыми немедленно вступаетъ въ разговоръ.

А батюшка, понявъ свою роль, начинаетъ расправлять свою бороду и волоса и подходитъ къ одному изъ своихъ собратій.

— Вы кажется изъ села Косоурова?

— Такъ точно... Вы не отецъ Поликарпъ?

— Я самый... Пожалуйте-ко сюда... дѣло вотъ въ чемъ: въ случаѣ, какъ будутъ баллотировать членовъ управы — кого вы намѣрены избрать?

— Да кто ее знаетъ!... Навѣрное будетъ кто-нибудь изъ господъ: потому мужика не выберутъ: а попамъ по закону нельзя; купцы тоже народъ невѣжественный.

— А знаете ли, я вамъ что скажу! намъ лучше не найти помѣщика Режимова: можетъ быть, онъ вовсе не будетъ баллотироваться... Но въ случаѣ, если онъ согласится, то лучше не надо; я его хорошо знаю: онъ мой прихожанинъ и духовный сынъ... человѣкъ, я вамъ скажу, весьма добропорядочный....

— Да что-жъ? Я право тутъ никого не знаю.... въ первой пріѣхалъ; впрочемъ, благодарю за рекомендацію....

— Вашего прихода есть уполномоченный?

— Какъ же! Старшина, еще Сидоръ Ивановъ....

— Такъ вотъ и прекрасно! вы скажите-ко имъ, да и нашему брату — попамъ.... Знаете, отъ этого многое зависитъ....

— Хорошо.... Что-жъ? Извольте....

Первый священникъ подходитъ къ кучкѣ своихъ собратій, о чемъ-то жарко бесѣдующихъ:

— О чемъ это, у васъ, господа, идетъ рѣчь?

— Да вотъ насчетъ картины приснодѣвства, что у Пятницы надъ папертью виситъ. Мы добиваемся, чтó она, изъ св. Писанія заимствована, или изъ преданія? Вотъ у насъ и вышелъ споръ.

— Тутъ, господа, не о преданіи, а толкъ о земствѣ.

— Земство еще не начиналось, невинно говорятъ бесѣдующіе.

— Эхъ, господа! когда начнется, тогда некогда.

Отецъ Поликарпъ объясняетъ имъ, въ чемъ дѣло: тѣ соглашаются избрать Режимова.... Но первый, какъ говорится, входитъ во вкусъ и пропагандируетъ свое мнѣніе далѣе. Онъ подходитъ къ знакомому намъ старшинѣ Самохваловской волости и, хватая его за цѣпь, говоритъ:

— Послушай! когда будутъ баллотировать въ члены управы, такъ ты вонъ энтому господину — видишь въ кургузомъ-то одѣяніи? — клади направо!

Старшина чешетъ затылокъ и говоритъ:

— Да вѣдь посредникъ имъ недоволенъ.... Я этого господина знаю....

— Экой ты неразумный! развѣ посредникъ узнаетъ, куда ты положишь? вѣдь ты шаръ-то положишь подъ сукно.... Чуешь, аль нѣтъ?

— Погоди-жъ! слегка подумавъ, говоритъ старшина: я-жъ

ему отплачу!... а то онъ меня надысь засадилъ въ другую волость въ чижовку.... Важное дѣло: поданями замѣшкался....

— Ну, вотъ и ладно! А кто у васъ еще изъ уполномоченныхъ?

— Есть, то-есть.... да что? Землемѣръ, стало быть, еще письмоводитель....

— Что-жъ, развѣ они плохи?

— Не то, чтобы плохи, да нашего дѣла-то не знаютъ. Ихъ выбиралъ посредникъ перва́.... и съ ими и пріѣхалъ въ волость.... а мы у него подъ властью: что скажетъ, то и есть.... а міръ-то неразумный.

Въ это время къ старшинѣ подошелъ землемѣръ и, въ свою очередь хватая его за цѣпь, объявилъ:

— У меня есть до тебя дѣльце.... пойдемъ сюда: когда будетъ разговоръ въ собраніи, что выбирается членъ управы, такъ ты поднимешь сукно.... вонъ видишь синее-то? клади прямо направо! И вонъ энтимъ скажи, указывая на мужиковъ, прибавилъ землемѣръ: я, братецъ, по душѣ скажу тебѣ.... ты меня хорошо знаешь: если у насъ это дѣло пойдетъ, какъ слѣдуетъ....

— Слушаю, Ѳедоръ Павловичъ...

— Ну, то-то! смотри....

Старшина идетъ къ толпѣ мужиковъ.

Купцы также составили отдѣльный кружокъ.

Они ведутъ рѣчь о томъ, имѣютъ ли право купцы баллотироваться въ члены управы.

— Оно конечно, что имѣютъ право, говоритъ одинъ: только гдѣ-жъ нашему брату заниматься службой? а вотъ наше дѣло насчетъ съемки подрядовъ....

— Какіе-же тутъ подряды?

— Какъ какіе? вотъ дамба, напримѣръ; али мостъ черезъ рѣчку.... однихъ трубъ въ уѣздѣ погибель! Все это будетъ съ подряду сниматься, и все въ управѣ.

Вдали слышится колокольчикъ и голосъ предсѣдателя:

— Господа! прошу занять мѣста!

Всѣ суетятся; въ залу засѣданія устремляется публика изъ разныхъ дверей: всякій спѣшитъ занять мѣсто поближе къ предсѣдателю. Въ комнатахъ, наполненныхъ табачнымъ дымомъ, куда ни попало бросаются окурки папиросъ и сигаръ. Одинъ господинъ долго заминалъ свою папиросу объ раму, наконецъ, услыхавъ вторичный зовъ предсѣдателя, бросилъ окурокъ въ графинъ съ водою.

— Господа! прошу васъ не расхаживаться! замѣтилъ пред-

сѣдатель.—Одинъ изъ господъ, намѣревавшійся выйти изъ залы, объявилъ:

— Я желаю пить....

— Такъ вамъ подадутъ! внушительно произнесъ предсѣдатель.

— Въ такомъ случаѣ прикажите подать! не менѣе внушительно возразилъ господинъ.

Предсѣдатель звонитъ. Вбѣгаетъ секретарь управы, думая, что нужно подать дѣло.

— Подайте стаканъ воды его сіятельству! говоритъ предсѣдатель.

Публика усѣлась такимъ образомъ: уѣздная знать, небрежно развалившись въ разныхъ позахъ, поигрывая брелоками, взбрасывая и сбрасывая pince-nez, помѣстилась близъ предсѣдательскаго стола. Достаточные помѣщики, положа руки на колѣни, въ первыхъ рядахъ креселъ; за ними духовенство, наклонившись другъ къ другу и о чемъ-то перешептываясь. Старшины усѣлись на скамьяхъ рядомъ съ мужиками; позади всѣхъ стояли зрители: уѣздные франты въ цвѣтныхъ галстухахъ, купцы, учителя, купеческія и протопопскія дочери и пр.

— Господа! объявилъ предсѣдатель: на основаніи статьи Земскихъ положеній мы должны приступить къ выбору уѣздныхъ гласныхъ, затѣмъ членовъ управы и наконецъ губернскихъ гласныхъ. Надѣюсь, милостивые государи, что вы будете дѣйствовать безпристрастно и вполнѣ оправдаете довѣріе высшаго начальства. Итакъ, не угодно-ли вамъ будетъ приступить....

Слышится звонъ падающихъ на тарелку шаровъ, поднимается суматоха; изъявившій желаніе баллотироваться удаляется въ другую комнату. Наконецъ предсѣдатель громко считаетъ: «разъ, два, три.... не и-з-бранъ!...

Многіе бѣгутъ въ другую комнату, гдѣ завязывается оживленный разговоръ:

— Ну, батюшка! ничего не сдѣлаешь!...

— Сила солому ломитъ! честное слово, я вамъ положилъ направо....

— Я увѣренъ, говоритъ забаллотированый, но признаться, я служить вовсе не намѣренъ.... потому эти разъѣзды, безпокойство....

— Интересно,—кто клалъ налѣво?...

— Это вѣдь я сталъ баллотироваться—такъ.... пристаютъ! надо же кому-нибудь....

— Конечно! конечно!...

Передъ окончаніемъ баллотировки въ губернскіе гласные одинъ изъ посредниковъ заявилъ:

— Господа! Мы почти всѣ выбрались.... но изъ крестьянъ никого нѣтъ.... Желательно было бы, чтобы въ губернскомъ земскомъ собраніи былъ кто-нибудь представителемъ отъ крестьянскаго сословія.

— Да вѣдь это невозможно, вполголоса замѣтилъ одинъ изъ уѣздной знати: для этого нужны средства.... проѣхать въ губернію, прожить тамъ....

— Къ чему это? пожимая плечами, шепнулъ посреднику другой. Поймите, тамъ залъ одинъ чего стоитъ?... и вдругъ вы хотите туда втащить лапти....

— Нельзя, господа! выразительно произнесъ посредникъ: время такое!... неловко... что дѣлать! и лапти въ моду стали входить.... Что касается средствъ, я увѣренъ, что у многихъ мужиковъ стараго хлѣба найдется скирдовъ пять. Притомъ же этотъ гласный остановится не въ гостинницѣ, а на постояломъ дворѣ: будетъ себѣ валяться на палатяхъ....

Посредникъ подходитъ къ предсѣтелю и заявляетъ:

— Позвольте васъ просить сдѣлать предложеніе, не окажется ли желающаго баллотироваться изъ крестьянъ?

— Ахъ! это прекрасно! благодарю васъ за мысль! Предсѣдатель звонитъ, всѣ усаживаются: Господа! такъ какъ народонаселеніе нашей благоденственной Россіи состоитъ изъ разныхъ сословій, то вотъ, при окончаніи баллотировки въ губернскіе гласные, я считаю себя обязаннымъ, какъ предсѣдатель, замѣтить маленькое упущеніе. Намъ нужно въ губернское земство 11 гласныхъ. Десять уже отбаллотированы и въ числѣ ихъ нѣтъ представителя отъ крестьянства. А потому считаю долгомъ предложить вамъ, милостивые государи, господа крестьяне, не угодно ли вамъ изъявить желаніе баллотироваться въ губернскіе гласные....

Общее молчаніе. Мужики подняли головы и пристально смотрѣли на предсѣдателя, какъ будто ожидая, не скажетъ ли онъ еще чего-нибудь. Наконецъ, поднялся съ бронзовою медалью одинъ изъ старшинъ и объявилъ:

— Къ примѣру, ваше сіятельство, оно бы можно.... но какъ мы попаслухались, что это дорого стоитъ, такъ нашему брату не подходитъ.... вы сами знаете наши достатки....

— Но вы поймите, замѣтилъ предсѣдатель, обращаясь къ старшинѣ: вы не можете израсходовать того, что господа.... у насъ свои потребности.... у васъ свои потребности....

— Я заявляю всему земству, подхватилъ посредникъ: что

касается матеріальныхъ средствъ — я всѣ расходы беру на себя; пусть выбираютъ любого, достойнаго изъ крестьянъ, я его возьму съ собой и довезу....

При этихъ словахъ предсѣдатель обратился къ секретарю и произнесъ: «вы извольте записывать....»

— Я ужъ записалъ, объявилъ секретарь.

— Такъ вотъ, господа, снова началъ предсѣдатель: не угодно ли приступить къ баллотировкѣ въ губернскіе гласные изъ крестьянскаго сословія.

Всѣ поднялись. Утомленные помѣщики начали вытягиваться; недовольные предстоящей баллотировкой энергически подергивали усы и косились на безпорядочную толпу мужиковъ, которые встали съ своихъ мѣстъ и подняли споръ:

— Ивлій Корнеичъ! Что-то я не разберу! Это насчетъ чего?

— Погоди! сейчасъ пойдутъ выборы.... ты молчи, знай!

— Господи! отродясь въ-первой вижу.

— Ты пойми! объясняетъ старшина: насъ хотятъ все-равно сравнять съ господами.... то-есть, сперва надо ѣхать въ губернію....

— А харчи?

— Тебѣ сказываютъ, — посредникъ беретъ на себя.

Сзади всѣхъ выдвигается высокаго роста мужикъ и навалившить на толпу кричитъ:

— Ефимычъ! скажи перва́, насчетъ чего это?

Шумъ усиливается, предсѣдатель звонитъ, объявляя:

— Господа! такъ невозможно! не угодно ли вамъ идти и получать шары!

Старшина съ укоризной обращается къ мужикамъ:

— Ишь подняли галду! изъ-за васъ дураковъ зазвонили.... можетъ десять генараловъ выбрали, такого шуму не было.... а вы что? въ острогъ что-ль васъ сажаютъ? Небойсь, господа-то не глупѣй насъ!...

— Итакъ, господа, говоритъ предсѣдатель: кто же изъ васъ желаетъ баллотироваться? Къ вамъ такъ внимательно высшее сословіе, что не только захотѣло имѣть васъ среди себя въ дѣлахъ административныхъ, а даже господинъ мировой посредникъ Солнцевъ на свой счетъ желаетъ одного изъ васъ везти въ губернію и обратно....

— Ступай! иди! чего смотришь? перепирались мужики.

— Ну, ты Андрей!

— Кто ее знаетъ!...

— Ну, кто-же? Спрашиваетъ предсѣдатель.

Одинъ изъ посредниковъ подходитъ къ предсѣдателю и сообщаетъ:

— По моему мнѣнію, лучшаго нельзя найти, какъ старшину Копарева....

— Вотъ, напримѣръ, господинъ Копаревъ, объявляетъ предсѣдатель: желаете баллотироваться въ губернскіе гласные?

— Что-жъ? когда дѣло стало, почему-жъ не такъ? говоритъ Копаревъ.

— Не угодно ли вамъ выйти въ другую комнату. Господа баллотируется старшина Копаревъ....

Копарева избираютъ. Посредникъ Солнцевъ подзываетъ его къ себѣ и говоритъ:

— Ты, братецъ, поѣдешь со мной: будь покоенъ, я тебя буду поить, кормить, словомъ, ты ни одной копѣйки не истратишь; только прошу объ одномъ: держи себя поблагороднѣй....

— Извѣстно, ваше высокоблагородіе, отвѣчаетъ старшина, наше дѣло мужицкое.... мы промежъ васъ на-смѣхъ только....

— Нѣтъ, ты не понимаешь; теперь сліяніе всѣхъ сословій... намъ пріятно....

— Господа! Засѣданіе прекращается! Завтрашній день прошу пожаловать въ одиннадцать часовъ утра, объявляетъ предсѣдатель.

Публика хлынула вонъ. Начались поздравленія; шумъ, говоръ, смѣхъ. Кто отправился въ клубъ обѣдать, кто въ номеръ къ своему семейству, кто на постоялый дворъ. Землемѣръ приходитъ въ лавку.

— Ну, что? вы все были въ засѣданіи? спрашиваетъ купецъ.

— Да, покончили! съ достоинствомъ говоритъ землемѣръ.— Прикажите-ка отпустить два фунта чаю, голову сахару, макаронъ, сигаръ....

— Сколько сигаръ прикажете? пачку?

— Нѣтъ! я думаю ящикъ. Да гостинцевъ какихъ-нибудь заверните.

— Ну, что у васъ тамъ, какъ? спрашиваетъ купецъ.

— Да дѣло́въ особенныхъ не было.... была одна баллотировка....

— Ну, что же? Кого выбрали?

— Составъ управы у насъ теперь новый: предсѣдатель—Зашинъ, а членами выбрали меня да Курослѣпова.

— А! такъ васъ надо поздравить....

— Покорно благодарю.

— Ну, что, нашего Ивана не выбрали?

— Не знаю, право. Я былъ въ клубѣ... Да! теперь мнѣ придется подумать.

— О чемъ тутъ думать? Жалованья, небойсь, тысячи полторы?...

— Да вѣдь теперь придется жить въ городѣ, меланхолично говоритъ землемѣръ: надо квартиру, надо лошадей, надо семейство перевезти....

— Что-жъ, теперь посредника вы, стало быть, бросите? будетъ съ нимъ ѣздить!

— Посредникъ хочетъ за-границу ѣхать. Да и дѣловъ стало мало....

— Вамъ готово все-съ! говоритъ прикащикъ.

— Такъ потрудитесь, запишите въ книгу. Буду тутъ жить, заборъ пойдетъ по вашей лавкѣ....

Въ это время вошелъ, съ тросточкой, въ красномъ галстухѣ, уѣздный франтъ — пріятель землемѣра.

— А! ты здѣсь? Я тебя искалъ, искалъ! Ну? тебя поздравить надо....

— Благодарю. Чего-жъ? Шкопельскаго?

— Ну! что дрянь пить! надо что-нибудь позабористѣй.

— Ну, чего же? французской? спрашиваетъ землемѣръ.

— Это пожалуй!

— Французской водки нѣтъ, извѣщаетъ купецъ, — листовка есть!

— Ну, листовки.

— Пожалуйте въ комнату.

Пріятели располагаются за столомъ въ маленькой комнатѣ, съ маленькимъ окномъ за желѣзной рѣшеткой.

— Однако, братъ, ты ловко обдѣлалъ свои дѣлишки, говоритъ франтъ.

— Ничего! отвѣчаетъ землемѣръ, наливая рюмки, признаться сказать, спасибо Семену Михайловичу.... посреднику.

— Понимаю, понимаю. Да, братъ, молодецъ! А то ужъ у тебя рига-то завалилась.... вѣдь на три года выбранъ?

— На три.

— О! вѣдь это, если по полторы тысячи, четыре тысячи пятьсотъ! А что, трудно служить?

— Какой тамъ трудно?!.. Придется, можетъ быть, въ недѣлю разъ побывать въ управѣ, и то только папироски покурить.... тамъ секретарь, писцовъ пропасть....

— А разъѣздовъ никакихъ нѣтъ?

— Если и бываютъ, напримѣръ, осмотрѣть мостъ какой-нибудь, или трубу, — ну, за то тоже не безъ холтурки, т.-е. фунтикъ, другой чайку возьмешь....

— Да за что же?

— Экой ты, братецъ: теперь, напримѣръ, сдѣланъ мостъ; какъ онъ сдѣланъ?... все это зависитъ отъ меня....

— А! понимаю....

— Или вотъ хлѣбные магазины осматривать—и тамъ тоже... вездѣ будешь сытъ и пьянъ и лошадей дадутъ.... развлеченіе.... Да прими во вниманіе, все-таки на виду человѣкъ....

— Ловко, ловко!

— Землемѣръ тутъ? раздался голосъ въ лавкѣ.

— Они въ задней комнатѣ.

Вошелъ молодой человѣкъ, уѣздный либералъ и корреспондентъ какой-то московской газеты.

— А!—протягивая руку землемѣру, возгласилъ онъ,—егда и Саулъ во пророцѣхъ?...

— Да! подхватилъ франтъ, вотъ, Димитрій Иванычъ, подите! Не изъ тучи, а изъ навозной кучи!... полторы или двѣ тысячи цалковенькихъ, да холтурка....

— Не угодно ли предложилъ землемѣръ, указывая на бутылку.

— Нѣтъ! я не пью....

— Ну, еще чего-нибудь....

— Пожалуй.... спросите шато-д'икемъ.... Хорошо, хорошо! Какъ-то вы снесете эту должность? Вы знаете, вы должны исполнять въ точности каждое порученіе, которое на васъ возложитъ земство, вы отвѣчаете передъ цѣлымъ обществомъ....

— Э! молодой человѣкъ.... спокойно отвѣчалъ землемѣръ, вы еще мелко плаваете: я васъ знавалъ вотъ какими.... а у меня ужъ сѣдые волосы проглядываютъ.... Гдѣ вамъ?...

— Конечно, на безрыбьи и ракъ рыба, сказалъ либералъ.

Землемѣръ этимъ нисколько не обидѣлся, напротивъ, онъ даже пригласилъ обоихъ собесѣдниковъ пріѣхать къ нему въ деревню попировать какъ слѣдуетъ.

III.

Сессія.

Послѣ присяги, принятой гласными, предсѣдатель проситъ публику занять мѣста и объявляетъ, что губернаторъ утвердилъ открыть очередное засѣданіе. Всѣмъ раздаются печатные листы, смѣты и раскладки. Въ числѣ разныхъ докладовъ, секретарь читаетъ докладъ о томъ, что въ селѣ Каменкѣ нужно устроить паромъ, для этого назначается смѣта въ 1,000 рублей. Одинъ

изъ священниковъ заявляетъ, что довольно странно устроивать паро̀мъ тамъ, гдѣ не далѣе, какъ въ полуверстѣ есть перевозъ казенный. Предсѣдатель приводитъ доказательства, что въ Каменкѣ необходимъ особенный паро̀мъ и обращается къ публикѣ: «Согласные съ мнѣніемъ священника — встаютъ, а не согласные — сидятъ». Публика предпочла сидѣть.

— Господа! говоритъ предсѣдатель, доклады кончены. Нѣтъ ли чего-нибудь заявить?

Поднялся средней руки помѣщикъ, владѣлецъ полутораста десятинъ земли.

— По моему мнѣнію, началъ онъ: нужно увеличить окладъ съ земли, и на эти деньги сдѣлать въ уѣздѣ что-нибудь порядочное, напримѣръ, прибавить жалованья сельскимъ учителямъ, которые получаютъ десять рублей въ мѣсяцъ и живутъ въ курныхъ избахъ.

— Конечно, — запустивъ руки въ карманы пиджака, возразилъ одинъ изъ господъ, — не жаль денегъ на полезное; но, кажется, прежде всего надо подумать о томъ, какимъ образомъ у насъ до сего времени распредѣлялись и распредѣляются суммы....

— Способъ распредѣленія денегъ совершенно зависитъ отъ насъ, замѣтилъ первый.

— Господа! воскликнулъ предсѣдатель, на десять минутъ засѣданіе закрывается.

Публика разбродится по комнатамъ. Уѣздная знать окружаетъ предсѣдателя. Всѣ закуриваютъ папиросы.

— Позвольте васъ благодарить, обращается одинъ къ предсѣдателю, вы чрезвычайно умно поступили.... Помилуйте, у меня пять тысячъ десятинъ земли; я сейчасъ плачу пятьсотъ рублей. Ну, если набавить еще: это будетъ 1,000 рублей. Что-жъ это такое?... я васъ спрашиваю!!.. Какъ хотите, господа, объ этомъ надо подумать....

— Тутъ и думать нечего, говоритъ предсѣдатель, это заявленіе не пройдетъ!

— Почему же?

— Очень просто, не пройдетъ! подхватываетъ одинъ изъ посредниковъ, извольте видѣть: насъ, вотъ, три посредника. Старшины всѣ на нашей сторонѣ, это разъ. Потомъ надо же думать, что у многихъ изъ насъ есть свои священники, которые тоже не должны идти противъ своего помѣщика....

— А мужики? спросилъ знатный.

— А мужики, разумѣется, поплетутся за старшинами. Вѣдь,

вы понимаете, что ихъ легко заставить встать и сѣсть. При этомъ посредникъ съ усмѣшкой посмотрѣлъ на предсѣдателя.

— Я думаю, замѣтилъ предсѣдатель, глядя въ сторону.

— Позвольте! возразилъ знатный: вы говорите, священники... еще неизвѣстно, — какъ они отзовутся... Я полагаю, есть священники съ самостоятельнымъ взглядомъ на вещи...

— Ну, да ихъ здѣсь очень немного, говоритъ посредникъ, особенно такихъ, о которыхъ вы изволите говорить...

— А вотъ мы сейчасъ сдѣлаемъ пробу, сказалъ предсѣдатель, и обратился къ одному духовному: ну, что́, батюшка, хлѣбушекъ убрали?

— Почти убралъ. Гречишки осталось въ полѣ копенъ пять.

— Вотъ такъ-то! вы гречишку-то не убрали, а тамъ поговариваютъ, что гривенника съ десятины — мало.... А чѣмъ вы поручитесь, что ваша гречишка не останется въ полѣ навозомъ... Тыкая пальцемъ, унизаннымъ перстнями, по направленію къ священнику, предсѣдатель продолжаетъ:—И вы.... заплативши за обработку земли, за сѣмена, трудясь до поту лица и пр. и пр., должны вонъ, по заявленію энтого господина, прибавить....

— Положимъ, подхватилъ священникъ: мы съ церковной земли ничего не платимъ. Но если бы у меня была своя земля, я бы съ удовольствіемъ цѣлую десятину отрѣзалъ въ пользу земства. Мы, ваше сіятельство, ближе къ народу, мы знаемъ всѣ его нужды.

— О, да! предсѣдатель началъ смотрѣть въ окно. Священникъ удалился.

— Радикалъ!.. замѣтилъ посредникъ.

— Каковъ! жертвуетъ десятину,—замѣтьте! которой нѣтъ!!..

— Ну, да это одинъ разговоръ! вынимая изъ кармана часы, сказалъ предсѣдатель: однако десять минутъ прошло.

Вскорѣ слышится звонокъ и возгласъ:

— Господа! прошу занять мѣста. Мы остановились на заявленіи господина Буракова; они изволили сказать, что окладъ по десяти копѣекъ съ десятины очень малъ, и что въ видахъ общественной пользы слѣдовало-бы его увеличить, почему я подвергаю этотъ вопросъ обсужденію...

Поднимается въ толстой бекешѣ, съ подвязаной щекой помѣщикъ и, вытирая носъ краснымъ платкомъ, говоритъ:

— Оно, конечно, мысль господина Буракова довольно обстоятельная мысль... Но надо же принять во вниманіе и наше положеніе послѣ эмансипаціи... Мы почти остаемся вовсе безъ прислуги! тогда какъ въ прежнее время этого никогда не было... Слова нѣтъ, ужъ теперь не до прихотей жизни, какъ напри-

мѣръ: псовая охота, или тамъ соколиная выдержка... Нынче пришло время, насъ выдерживаютъ — кричишь: Парашка, Парашка! она и знать не хочетъ... Недавно я ѣхалъ мимо одного помѣщичьяго дома,—Боже мой! окна забиты, никого нѣтъ... Я говорю къ тому, что намъ о прибавкахъ нечего и думать...

— Ваше благородіе! объявилъ одинъ старшина, обращаясь къ барину.

— Смотри сюда! замѣтилъ предсѣдатель.

— Ваше сіятельство! поправился старшина, продолжая смотрѣть на барина: вѣдь это, къ примѣру, насчетъ вашего дѣла; а намъ, то-есть хрестьянамъ, если прибавить съ трехъ-то десятинъ по гривеннику — выходитъ одинъ полштофъ...

— Я вамъ говорю, сюда смотрѣть! замѣчаетъ предсѣдатель: а къ тому же выражаться приличнѣй...

— Виноватъ, ваше сіятельство, — я сирѣчь хотѣлъ сказать, что у ихняго благородія земли довольно, имъ, стало быть, и трудно пришло... а мы для обчей пользы согласны прибавить....

Встаетъ молодой священникъ съ накрахмаленными воротничками, повертывая въ рукахъ бѣлую шляпу:

— Въ видахъ общественной пользы, желая доставить счастіе всему насъ окружающему и благодаря мудрое правительство, что оно дозволило намъ самимъ собою управляться, вопросъ объ увеличеніи оклада съ земли имѣетъ первостепенную важность; — необходимо только правильно и съ пользою распоряжаться деньгами, а иначе жаль и копѣйку прибавить...

— Позвольте замѣтить... началъ другой, старый священникъ.

Раздается звонъ колокольчика.

— Слово не за вами! предсѣдатель обращается къ молодому священнику: продолжайте!

Молодой священникъ что-то вымолвилъ, но вдругъ смѣшался и замолкъ.

— Извольте говорить, вѣжливо отнесся предсѣдатель къ старцу.

— Прекрасная мысль господина Буракова заставляетъ каждаго изъ насъ невольно раздѣлять ее. Но, къ сожалѣнію, она у насъ еще непримѣнима, такъ какъ земское дѣло, по милости Господа Бога и царя нашего-отца, уже есть, но земскихъ людей пока еще нѣтъ. Вѣдь я именно скажу, правду сказалъ мой собратъ: жаль и копѣйку прибавить...

Поднялся одинъ изъ господъ. Онъ протеръ очки, положилъ платокъ въ карманъ, принялъ живописную позу и заговорилъ:

— Вопросъ, который рѣшался сію минуту, меня интересовалъ. Я нарочно смалчивалъ до сего времени, чтобы не подать повода къ подозрѣнію; потому что всѣмъ, я полагаю, извѣстно,

что у меня двѣнадцать тысячъ десятинъ земли... Я хотѣлъ, чтобы общество высказалось прежде меня, потому и молчалъ... Позвольте же заявить, что я готовъ содѣйствовать общему благу... но... прошедшій годъ мнѣ доказалъ, что это общество не заслуживаетъ къ себѣ никакого вниманія! Представьте! у меня прошлый годъ до 20,000 копенъ стояло въ полѣ почти до ноября... C'est incroyable!.. И все это благодаря нашей эмансипаціи... новымъ учрежденіямъ.

— Ваше благородіе! воскликнулъ одинъ мужикъ.

— Онъ князь! подсказалъ старшина.

— Вишь ваше сіятельство! поправился мужикъ: это дѣло не отъ мужичковъ вышло... кое погода помѣшала, да земельки-то у васъ много... кто ее скоро уберетъ?

— Вопросъ не объ уборкѣ хлѣба, говоритъ предсѣдатель, а о прибавкѣ поземельнаго налога...

Старшина прижимаетъ мужика локтемъ и шепчетъ: «молчи! зачѣмъ поднялся? вишь тебя догадало?.. развѣ ты не видишь, сидятъ все посредники, да господа...»

— Кто ее зналъ? говоритъ мужикъ.

— Ты смотри на меня, учитъ старшина: какъ я поднимусь и ты поднимайся... я сяду и ты садись... зачѣмъ-нибудь я изо всей волости выбранъ...

Встаетъ купецъ. Предсѣдатель спрашиваетъ:

— Вамъ что угодно сказать?

— Я къ примѣру хотѣлъ....

— Кажется, пренія достаточно было. Поэтому пора приступить къ голосованію... Согласные съ тѣмъ, чтобы увеличить поземельный сборъ встаютъ, а не согласные сидятъ....

Поднялось довольно много. Предсѣдатель, окинувъ глазами вставшихъ, возглашаетъ:

— Сидятъ согласные, а несогласные встаютъ...

Происходитъ всеобщее замѣшательство. Въ публикѣ возникаетъ споръ:

— Какъ же это я попалъ въ согласные, когда не былъ согласенъ?...

— А я согласенъ и вдругъ сдѣлался несогласнымъ!..

— Да кто встаетъ? Согласные или несогласные?

Одинъ посредникъ подходитъ къ предсѣдателю и замѣчаетъ:

— Мнѣ кажется, необходимо формулировать вопросъ на бумагѣ.

— Я такъ и хочу сдѣлать, говоритъ предсѣдатель. Извольте, господа, представить ваши мнѣнія на бумагѣ. — На десять минутъ засѣданіе закрывается.

Всѣ расходятся. Кто ищетъ бумаги, чернилъ, а кто прямо отправляется курить.

— Когда это, малый, кончится? говорятъ мужики.

— А кто ихъ знаетъ.... бѣда!

— У меня животъ подвело....

— Мы кажется здѣсь лишніе, разсуждаютъ духовные, отправляясь въ переднюю.

— Вѣдь мы съ церковной земли не платимъ.

— Господа! тутъ дѣло не въ платежѣ, а въ правѣ голоса. Высшее начальство все это предусмотрѣло....

— Отецъ Иванъ, нѣтъ ли у васъ карандаша? спрашиваетъ помѣщикъ и присовокупляетъ: а хорошо бы теперь позавтракать!...

Одинъ, пристроившись къ окну, пишетъ: «Если прибавить поземельнаго сбора, то это выйдетъ уменьшеніе доходовъ съ имѣнія, а такъ какъ я, будучи двѣнадцать лѣтъ въ отставкѣ, получивши пряжку и владѣя землею по раздѣльному акту съ братомъ моимъ, совершенному по смерти матери моей Елизаветы Андревной въ Екатеринославской палатѣ гражданскаго суда за №....»

Другой, сидя на стулѣ, читаетъ своему сосѣду уже написанное: «Хотя полезно прибавить сборъ съ земли на оныя потребности; но соображая обстоятельства времени пока, до времени, неудобно.... Было время, мы жили и хлѣба и всего вдоволь было и мужикъ не обиженъ, а теперь настало такое время, остается молчать, и бѣжать куда глаза глядятъ».

— Какъ ваша машина идетъ? спрашиваетъ предсѣдатель помѣщика.

— Знаете ли что? людей совсѣмъ нѣтъ. Вообразите, недавно выписанный локомобиль валяется въ сараѣ!!...

— Это не дурно!... однако пора.... Предсѣдатель смотритъ на часы и отправляется въ засѣданіе: Господа! прошу занять мѣста.... Вотъ у насъ не рѣшенъ вопросъ относительно надбавки поземельнаго сбора.

— Позвольте вамъ доложить, говоритъ одинъ изъ купцовъ...

— Мы просили изложить мнѣнія на бумагѣ, возражаетъ предсѣдатель купцу: вы имѣли время объ этомъ говорить назадъ полчаса....

— Мысль рождается не по сроку, вступается молодой священникъ; но если мысль новая, то почему-жъ ее не допустить?

— Господа! объявляетъ предсѣдатель: въ такомъ случаѣ надо голосовать мнѣніе священника Всепятницкаго: желающіе допу-

стить гласнаго купца Окорокова къ говоренію встаютъ, не желающіе — сидятъ.

Почти всѣ встали.

— Слово за вами! обращается предсѣдатель къ купцу....

— Примѣрно, стало быть, ежели я подверженъ этакому обстоятельству, и значитъ допущенъ къ говоренію, то по нашему разсчету надо набавить на зéмли.... только за эвтимъ смотрѣть: онамѣсь я ѣхалъ по трубѣ, такъ она даже и землей не засыпана, а парóмъ земскій—хоть портретъ пиши: бились.... бились мы съ малымъ весною — дай пять целковыхъ! Вотъ какая исторія....

Предсѣдатель пересматриваетъ записки гласныхъ, и наконецъ объявляетъ:

— Такъ вотъ теперь вопросъ формулируется такъ: если кто желаетъ, въ видахъ общественной пользы, сдѣлать надбавку земскихъ сборовъ, тотъ встаетъ. Напротивъ, не желающіе—сидятъ. Итакъ разъ, два, три.... господинъ секретарь запишите.... Вопросъ рѣшенъ,—поземельные сборы остаются въ прежней нормѣ. Господа! — засѣданіе закрывается....

Публика начинаетъ расходиться. Одинъ изъ посредниковъ выбѣгаетъ въ другую комнату, съ ожесточеніемъ дергая свои усы, и говоритъ старшинѣ:

— Поди сюда!... Ты, братецъ, какъ смѣлъ вставать, когда я сидѣлъ? Ты сталъ размышлять?...

— Ваше благородіе, помилосердствуйте.... никогда не буду...

— Развѣ я глупѣй тебя?

— Простите, ваше благородіе....

— Каналья!...

Идетъ по улицѣ господинъ съ своимъ приходскимъ священникомъ.

— Вы можетъ быть сердитесь на меня, ваше сіятельство, говоритъ послѣдній: я вамъ противорѣчилъ....

— Ну, вы съ своимъ глубокомысліемъ можете предлагать разныя мнѣнія своему работнику....

— Я правъ, ваше сіятельство.... Я не зналъ, что здѣсь не допускается свобода мнѣній.

— Вы все-таки должны бы понять, что живете въ моемъ селѣ, постоянно мною обязаны....

— Позвольте сказать,—возражаетъ священникъ: если бы я былъ на вашемъ мѣстѣ и вдругъ узналъ, что вы встаете тогда, когда я встаю, то я васъ, извините, презиралъ бы....

— Повѣрьте, какъ васъ встрѣчу гдѣ-нибудь, кромѣ отвращенія, другого чувства у меня нѣтъ къ вамъ.... misérable!... дрожа всѣмъ тѣломъ заключилъ господинъ и принялся догонять предсѣдателя, шедшаго къ клубу.

IV.

Разъѣздъ.

Письмоводитель посредника съ старшиною зашли въ кабачекъ. Сѣвши за столъ, старшина вздохнулъ.

— Да! распробралъ!... сказалъ онъ.

— Какъ это ты обрешетился?

— Экой ты! Тутъ, стало-быть, князь говоритъ и посредникъ глядитъ на меня, въ головѣ-то все и перепуталось. Вѣдь я, какъ передъ Богомъ, не изъ чего-нибудь....

— Ну, авось обойдется....

— Ахъ ты, грѣхъ какой!

— Вѣдь это на первыхъ разахъ, объясняетъ письмоводитель, ералашъ такой идетъ. А современемъ земство поналадится....

— Вѣстимо дѣло....

— Со временемъ посмотри: какъ сейчасъ посредникъ поднялся, такъ и старшины вотъ—они.... а за ними мужики....

— Да ужъ тогда-то пойдетъ! сказалъ старшина: всѣ дружно будутъ вставать.... А что, Иванъ Иванычъ, къ чему все это клонитъ?

— Ну, конечно.... должны учиться, чтó и кáкъ.... Мужики должны брать примѣръ съ господъ....

— Вотъ неграмотный-то я! А то бы я разобралъ.... Чтожъ, Иванъ Иванычъ, васъ не выбрали въ члены управы?

— Не всѣмъ же быть членами управы, я самъ не захотѣлъ: потому жалованье я получаю хорошее.... А подальше отъ моря, меньше горя....

— Вотъ въ гласные-то вы не отказались.... эвто дѣло вовсе бездоходное.... Я рублей пять прожилъ здѣсь.... а за что?.. только что садился, да вставалъ.... да еще голову намылилъ посредникъ....

— Гласнымъ быть покойнѣе, тутъ нѣтъ мудрости никакой, продолжалъ письмоводитель. Сидишь себѣ и слушаешь. Предсѣдатель скажетъ вставать, ты хочешь встать—встанешь, а не хо-

чешь—сиди себѣ.... хоть просиди все время. Правда, жалованья нѣтъ, за то и дѣла никакого нѣтъ.

— Это точно, неволить не неволятъ.... Знамо только, не надо идти супротивъ посредника....

— Гласнымъ быть и потому хорошо, хоть свѣтъ повидаешь, тутъ одних барышень что было! А что мы въ деревнѣ увидимъ? Ты однако не думай,—вдругъ возразилъ письмоводитель: и вставать — мудрость нужна, и сидѣть — мудрость нужна... Теперь я получаю отъ посредника 300 рублей, пью и ѣмъ все его, ѣзжу съ нимъ по уѣзду, дорóгой имѣемъ разговоръ самый душевный, такъ, братецъ мой, какимъ же манеромъ я буду сидѣть, когда посредникъ встанетъ?...

— Это я понимаю, подхватилъ старшина: надо знать сноровку....

Священникъ на постояломъ дворѣ приготовляется разсчитываться за постой.

— Ну, хозяюшка, сколько положите?

— Да вотъ лошадь стояла... кормъ у васъ свой былъ. Значитъ, кучеръ пообѣдалъ четыре раза,—сами вы не кушали... да за постой... всего — чтó-жъ съ васъ? два рубля тридцать копѣекъ.

— За чтó же это?

— Какъ за что? вотъ мы теперь беремъ пятачокъ съ тѣхъ, кто ночуетъ; а тутъ все-таки пара лошадей, телѣга, кучеръ...

— Послушайте, матушка! Я пріѣхалъ въ городъ не баклуши бить... я можетъ быть до капли крови подвизался въ вашемъ земствѣ... сколько жертвъ принесъ... потѣлъ, потѣлъ, — можно сказать... не пивши не ѣвши... и все это для общества. А потому и вы должны почувствовать...

— Ефтаго дѣла я не знаю! А мы сами за дворъ платимъ двѣсти въ годъ и что слѣдуетъ беремъ...

— Охо, хо!, доставая кошель сказалъ батюшка: тамъ объ общественной пользѣ толкуютъ, а здѣсь чистый грабежъ! Хорошо, что самъ не обѣдалъ... по знакомымъ пробавлялся... Вотъ на что земство должно обратить вниманіе... Митрій! запрягай... подпояску тоже потеряли, опять убытокъ...

— Повѣрьте, матушка, говорилъ духовный при прощаніи: въ слѣдующее очередное собраніе непремѣнно подниму вопросъ, чтобы хозяйки не запрашивали въ три-дорога, чтобы постоялые дворы не были пріютами разбоя!... Прощайте!...

Толпа мужиковъ стоитъ среди базара.

— Что, малый, кончилось, аль нѣтъ?

— Должно кончилось. Не покудова тутъ жить...

— Давай на послѣда́хъ выпьемъ... складчину сдѣлаемъ по семеркѣ...

— Вотъ, братъ, наука-то: не разберешь, кто князь, кто баринъ... Какъ на меня крикнетъ предсѣдатель, я такъ и думалъ, сей-часъ меня друга милаго въ чижовку... Спасибо, старшина замялъ дѣло...

— Нѣтъ, ребята, я вамъ не разсказывалъ про энту матерію, какъ выборъ-то былъ... Какъ я, слышь, сталъ пихать шаръ-то подъ сукно, а у меня руки такъ и затряслись...

— А ты куда положилъ?

— Я братецъ ты мой, туда, сюда... не нашелъ щели, такъ на столъ положилъ. А помнишь, хватились-то его?.. вѣдь онъ тотъ-то самый и есть.

— Вишь! А что хлопотъ-то изъ-за него было....

— Эко! кабы они щели-то повыше дѣлали.... а то сдѣлали словно какъ въ овинѣ для дыму....

— Ты какой рукой клалъ?

— Знамо, въ какую руку подали....

— А вѣдь тамъ двѣ щели-то....

— Экая занятная исторія!

— Исторія-то, малый, занятная, а у меня меринъ гогочетъ третій день безъ корму....

— Вѣдь то-то нашъ братъ дуракъ: слухаемъ, сидимъ.... а что́ слухаемъ? оповѣщали—въ городъ, а не сказали, что на цѣлую недѣлю....

— Ничего! Впередъ будемъ умнѣе....

Поздно вечеромъ одинъ изъ духовныхъ подъѣхалъ къ своему дому. Вылѣзая изъ телѣги, онъ сказалъ работнику:

— Да, братъ Иванъ; послужили мы съ тобой земству: теперь какъ бы отъ попадьи не было намъ съ тобой головомойки....

Ввалившись въ домъ, въ которомъ царствовалъ глубокій мракъ, хозяинъ воскликнулъ:

— Ну? всѣ ли вы тутъ живы?

— Безсовѣстный, послышался голосъ изъ угла: ты только шляешься, а тутъ пришло, хоть со двора бѣги.... муки нѣтъ ни пылинки, одонья подрыли свиньи, — работница третій день проситъ разсчетъ.... докуда это будетъ? Что я, вдова что-ли? И не придумаю я своей головушкой, куда это тебяноситъ?...

— Ты все сказала? Дура ты! больше ничего.... Тутъ рѣшается участь всего уѣзда.... ты послушала бы о чемъ мы говорили!... Пойми, какое нынѣ время: что прежде рѣшало высшее начальство, то теперь рѣшаю я, можно сказать.... Я цѣлымъ обществомъ выбранъ.... что это значитъ?..

— Много ты тамъ сдѣлаешь! повѣрь, васъ дураковъ набрали на смѣхъ.... Небойсь, лошади стоятъ безъ корму.... А тутъ въ домѣ одна жуть съѣла....

— Что дѣлать, матушка.... Я самъ знаю.... безъ жертвъ нельзя.... для такого великаго дѣла какъ земство — домашнее разстройство самая маленькая жертва....

— Ну скажи, какая польза отъ того, что ты ѣздишь?

— Польза, матушка, общественная.... ты этого не понимаешь.... это далекая пѣсня.... Видѣлъ я Заушенскихъ.... тебѣ кланяются... недавно въ ихъ приходѣ сгорѣла деревня....

Пьяный старшина съ писаремъ подъѣзжаетъ къ своему дому. У крыльца стоитъ гурьба мужиковъ безъ шапокъ.

— Филатъ Петровичъ, третій день приходимъ къ вашей милости.... разсудите....

— Какое тутъ разсуженіе? кричитъ старшина, барахтаясь въ телѣгѣ: вишь ночь на дворѣ.

— Филатъ Петровичъ, рука отсохни, третій день....

— Что ты ко мнѣ пристаешь? гдѣ я былъ? нешто я былъ въ бучилѣ? Можетъ, всѣмъ государствомъ правилъ.... Авось завтра день будетъ для вашихъ кляузъ....

— Вѣдь онъ ее боёмъ избилъ.... когда до завтра ждать?...

— А мнѣ, Филатъ Петровичъ, было-бъ тобѣ извѣстно, отъ Парашки житья нѣтъ! Пошли мы, стало быть, на огородъ; она черезъ прясла кричитъ: душегубъ! антихристъ....

— Отвяжитесь вы отъ меня, говоритъ старшина, вылѣзая изъ телѣги.

Писарь, держа въ рукахъ боченокъ и шатаясь, спрашиваетъ:

— Куда несть?

— Знамо дѣло, въ волостную.... тутъ жена поѣдóмъ съѣстъ... развѣ тутъ житье?

— Какъ же, Петровичъ? говорятъ мужики: разсуди, сдѣлай милость.... ужъ мы тебя ублаготворимъ....

— Сказалъ, отвяжитесь... Приходите завтра. Сказано! Старшина пошолъ-было въ сѣни; вдругъ появилась его жена и разразилась:

— Пустодомъ! бездомовникъ! родимецъ! только знай—глаза заливаетъ. Шатущій!

— Стой! закричалъ старшина и вдругъ, повернувшись къ женѣ спиной, прибавилъ: а ну тебя къ чорту! Живи какъ хочешь! Писарь! поѣдемъ въ волостную. Это значитъ мужицкое заведеніе...

Вскорѣ телѣга загремѣла и скрылась. Жена старшины, утирая занавѣской слезы, приговаривала: только знаетъ, шатается, да пьянствуетъ, проликъ тебя расшиби... вонъ дворъ почесть завалился, лихоманка тебя задуши...

Не далѣе какъ черезъ полчаса, старшина сидѣлъ на крыльцѣ волостного правленія, опершись на перила. Передъ нимъ стояли десятскіе, староста и нѣсколько мужиковъ.

— Вотъ вы тутъ ничего не знаете, бурлилъ старшина.

— Что-жъ намъ знать? свое дѣло справляемъ...

— А вотъ, кабы тебя посадить туда, гдѣ я былъ, вотъ бы ты узналъ...

— А скажи, Филатъ Петровичъ, что тамъ дѣлаютъ?

— А вотъ я тебѣ скажу, что тамъ дѣлаютъ... Государственное дѣло!... то-есть какъ благородно! теперь, напримѣръ, ты говоришь мнѣ *ты*... а тамъ, предсѣдатель мнѣ говоритъ *вы*... т.-е. я вамъ скажу: вы меня только трявожете... не даете пріѣхать съ покоемъ... а кабы вы знали, какъ я за васъ отвѣчалъ!... вы тутъ въ темнотѣ находитесь... а тамъ объ васъ думаютъ... Докуда мнѣ терпѣть ваше невѣжество?...

Подкатываетъ къ барскому, каменному дому коляска. Въ залу вбѣгаетъ знатный господинъ; его встрѣчаетъ жена.

— Охъ! усталъ!...

— Mon ami! ужъ я тебя ждала, ждала...

— Ахъ душа моя! невозможно! Вообрази, такое непроходимое невѣжество!... надо же кому-нибудь въ рукахъ держать общество... Ты представь себѣ: два, три человѣка... Ослопунинъ, Жордочкинъ и вотъ я... только и есть... ну, какже бросить?

— Ну, что-жъ тамъ?...

— Какъ тебѣ сказать? тамъ было много... но особенно рельефно выдавался предсѣдатель... Онъ малый славный.... И знаешь ли, на этихъ дняхъ онъ у насъ будетъ обѣдать... А ужъ какая тамъ жара!...

— Послушай, Lucien, ты не попадись какъ-нибудь... Я сегодня слышала, петербургскихъ студентовъ сажаютъ въ крѣпость....

— О, нѣтъ, душа моя... Это совсѣмъ другое учрежденіе.... Здѣсь мы разсуждаемъ про хозяйство....

V.

Сборы въ губернію.

Въ ноябрѣ назначается губернское земское собраніе. Въ уѣздахъ идутъ толки о томъ, въ какой день выѣзжать, принимая во вниманіе разстояніе и осеннюю погоду, ѣхать-ли въ тарантасѣ, или въ коляскѣ, одному, или со всѣмъ семействомъ... Кто не успѣлъ за непогодой домолотить хлѣбъ, соображаетъ, какъ бы у кого перехватить денегъ: съ этой цѣлью зазываются въ кабинетъ старые камердинеры, дубленые полушубки, управляющіе. Иной спѣшитъ съ образчикомъ пшеницы въ городъ, хотя пшеница необмолочена, а готовъ одинъ образчикъ, для котораго обито полснопа. Купцы, видя крайность помѣщиковъ, жалуются на упадокъ цѣнъ и на всеобщее безденежье.

Между тѣмъ изъ сараевъ выдвигаются экипажи, и, по осмотрѣ самими хозяевами колесъ, гаекъ, дрожинъ, отправляются въ кузню; въ одно и тоже время пересматриваются зимніе возки, такъ какъ нельзя ручаться, что черезъ недѣлю, а много черезъ двѣ не установится санный путь: такая неопредѣленность еще болѣе раздражаетъ губернскихъ гласныхъ — и они, утомленные хлопотами о предстоящей поѣздкѣ, ведутъ съ своими женами такого рода бесѣду:

— Чортъ меня догадалъ баллотироваться!... Прошлый годъ мы съ тобой прожили въ губерніи по милости этого земства болѣе тысячи рублей.... Теперь опять предстоитъ таже исторія. Изъ-за чего все это?... Ты посмотри какая погода!... Просто свѣтопреставленіе: и дождь и снѣгъ... ни къ чему приступиться нельзя. А главное, какой толкъ изъ нашихъ поѣздокъ въ губернію? Что тамъ такое?... какія парламентскія пренія? Все это ровно ни къ чему не ведетъ... а я убилъ тысячу рублей... Знаешь, что значитъ въ теперешнее время тысяча рублей въ деревнѣ!...

— Я по крайней мѣрѣ, говоритъ жена: провела двѣ недѣли въ губерніи съ удовольствіемъ... это много значитъ для женщины, обреченной на жизнь въ глуши...

— Ну да! ты скажи, что для тебя поѣздка въ губернію была выгодна еще въ томъ отношеніи, что ты выиграла въ земствѣ чайный сервизъ... который стоитъ десять рублей...

— Послушай, мой другъ, возражаетъ огорченная супруга: зачѣмъ же ты баллотировался? Ну, отказался бы, если ты находишь, что твое земство ни къ чему не ведетъ...

— Странный вопросъ: зачѣмъ баллотировался?...

— Тогда бы и расходовъ не было—и сидѣли бы мы съ тобой дома...

— Ты не знаешь... вдругъ вступается мужъ: собственно губернское земство—дѣло весьма важное: тамъ чуть не милліонами ворочаютъ... Позволь тебя спросить: кому мы все это поручимъ? Не мужикамъ ли? Вѣдь ужъ если я откажусь,—тогда мною будетъ мужикъ управлять... Тамъ раскладки, тамъ разныя смѣты—тамъ вся наша... можно сказать, судьба... Нельзя же ввѣрить разнымъ трехдесятинникамъ свои тысячедесятинныя владѣнія... это было бы слишкомъ глупо... Наконецъ, прими во вниманіе степень моего образованія... если я откажусь, другой откажется, тогда неграмотный будетъ заправлять цѣлой губерніей? Признаюсь, передъ баллотировкой въ губернскіе гласные мы съ графомъ П. находились въ диллематическомъ положеніи!...

Сельскій причтъ, пользуясь ненастной погодой, собрался въ домѣ священника—раздѣлить доходы. Пересматриваются разныя записи: молебныя, крестинныя и пр., батюшка выкладываетъ на счетахъ и говоритъ:

— Вотъ вамъ приходится восьмнадцать съ половиною копѣекъ. Потому вы 13-го мая взяли полтинникъ, да на Усѣкновеніе я вамъ далъ двугривенный. Потомъ еще крючковъ въ городѣ купили на четыре копѣйки — палочку, — помните, Аннѣ Ивановнѣ...?

— Ужъ этого я не помню, говоритъ дьяконъ: это надо у жены спросить... Пожалуй вычтите... послѣ можно навести справки... авось сумма не большая.

— А мы, батюшко, хотѣли попросить у васъ рублика по два впередъ, говорятъ причетники: вѣдь вотъ подходитъ праздникъ, надо тоже мучицы, да на грѣхъ пятница случилась, надо купить рыбки хвостикъ. Тоже гости пріѣдутъ... сами бываемъ...

— Ну, ужъ это я не могу: мнѣ вотъ предстоятъ огромные расходы: можетъ быть, придется прожить недѣли двѣ въ губернскомъ земствѣ; тамъ, знаешь, за померъ заплати, за порцію заплати. Вонъ посредникъ говорилъ, что ему становилось пятьсотъ цѣлковыхъ; а мое дѣло поповское: какъ ни бей,—на сто рублей дай Богъ управиться.

— Ваше благословеніе, поѣхать-то можно на своихъ; овсеца насыпьте своего...

— Своего, братъ, нѣтъ у насъ ничего... Землю я нанимаю:

и если овесъ, который мною собранъ съ земли, возьму съ собой въ земство, — стало быть заплачу тѣже деньги.

— Охота тебѣ была баллотироваться! возражаетъ хозяйка.

— Нельзя, матушка: по крайней мѣрѣ сколько-нибудь поддержу духовенство: вѣдь только меня одного и выбрали, а насъ тамъ было по крайней мѣрѣ поповъ двадцать; въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ я читалъ, что и всѣхъ въ губернскомъ земствѣ духовныхъ гласныхъ только двое; а остальные все аристократы... да, ты думаешь, ихъ семь, нѣтъ, ихъ семьдесятъ...

— Для чего же собственно васъ въ губернскіе-то выбрали? спросилъ дьяконъ.

— Это видите: то хозяйство уѣздное, а то губернское. Теперь всѣ сословія хозяйничаютъ.. вотъ и выбрали изъ всѣхъ сословій — по представителю...

— Что же тамъ будетъ?

— Я еще въ первый разъ выбранъ, не знаю, что тамъ будетъ; знаю только, что это мнѣ будетъ стоить minimum сто рублей.

— Да! разсчетецъ!... они-бы вамъ положили жалованье.

Нѣтъ! у общества не хватитъ силъ—всѣмъ давать жалованье; намедни мнѣ пришлось видѣть, какъ выдавали жалованье предсѣдателю, да членамъ... мы-бъ съ вами десять лѣтъ прожили на эти деньги...

— Какъ же, отецъ Зосимъ, намъ по два рублишка къ празднику? заговорили опять причетники.

— Я вамъ сказалъ, не могу. Теперь такія обстоятельства, что одно другого дороже. Если мнѣ отказаться отъ земскаго собранія, значитъ уронить себя въ глазахъ его преосвященства. А какъ я пріѣду, явлюсь къ нему—это его порадуетъ: можетъ быть, мы проведемъ на земствѣ полезную для духовенства мысль... по совѣсти говоря, что́ наша жизнь? У мужика проси новинки; баринъ говоритъ, отъ чего въ среду на пятой недѣли поста преждеосвященной не служили, да еще начальству хочетъ донести... Не будетъ ли моя поѣздка въ земство ступенью къ лучшему?...

Избранный въ губернскіе гласные старшина также приготовляется къ отъѣзду. Посредникъ Солнцевъ назначилъ ему изъ своего табуна пару лошадей, которыя уже стояли въ барской конюшнѣ. Молодой купчикъ — почетный попечитель объясняетъ своей женѣ, что губернское земство «совсѣмъ не тоже, что Макарій».

— Ты говоришь, что будешь тамъ жить долго? Ну и выходитъ тотъ же Макарій, утверждаетъ купчиха.

— То-то что нѣтъ, тебѣ говорятъ; теперече бываютъ гласные, напримѣръ, Оводовы, Таракановы, эти въ уѣздѣ: ихъ у насъ семьдесятъ семь... а изъ этихъ-то выбрали только пять...

— Я вашего дѣла не знаю, продолжаетъ купчиха: а у Макарья ты жилъ долго...

— Эта штука, видишь-ли въ чемъ,—принимается снова объяснять купецъ: то-есть, будемъ говорить, я губернскій гласный... пріѣзжаю я въ земство, начинаемъ мы разговоръ вести обо всей губерніи.

— Ты—хозяинъ, говоритъ наконецъ купчиха: какъ хочешь, такъ и дѣлай!...

VI.

Первое засѣданіе.

Около 10-го ноября въ губернскомъ городѣ всѣ гостинницы и подворья наполнены пріѣзжими. Волтижёры, акробаты, цыгане, пѣвцы испрашиваютъ у губернатора позволеніе—увеселять публику; афиши извѣщаютъ, что вновь прибывшею труппою актеровъ представлена будетъ драма: «Смерть Ляпунова». По главной улицѣ, на которой расположена большая часть гостинницъ, катаются на рысакахъ пріѣзжія артистки — возбуждая удивленіе помѣщиковъ. Иной, высунувшись изъ окна, передаетъ свой восторгъ сосѣду,—выглядывающему изъ другого окна: «Какова молотилочка-то проѣхала?»

— Да! замѣчаетъ сосѣдъ: пожалуй копенъ двѣсти въ часъ обмолачиваетъ!...

Предводитель дворянства, разсуждая съ начальникомъ губерніи о предстоящихъ увеселеніяхъ, приходитъ къ такому заключенію, что всѣ эти наѣхавшіе артисты могли бы нажить большія деньги, если-бы губернаторы согласились назначать съѣзды губернскихъ гласныхъ въ разныя времена года. Губернаторъ находитъ эту мысль практичною и въ свою очередь дѣлаетъ замѣчаніе, что увеселенія просвѣщаютъ публику. Между тѣмъ идутъ представленія гласныхъ свѣтскихъ губернатору, а духовныхъ — архіерею.

Въ назначенный срокъ гласные начинаютъ сбираться въ залѣ засѣданія. Прежде всѣхъ являются священники и купцы, прилежно разсматривая потолокъ, хоры, портреты, гербы и пр.

На лѣстницѣ, гдѣ вѣшаютъ платье, губернскій гласный старшина сидитъ на табуреткѣ и ведетъ рѣчь съ солдатомъ:

— А что, ежели потеряешь эту вещію? спрашиваетъ старшина, разглядывая жестянку съ нумеромъ.

— Ничего... тутъ не пропадетъ...

— А какже у калошъ нѣтъ нумеровъ? Ихъ бы вѣшать, что-ль, туда же... или въ особые ящики класть.

— Калоши всякій снимаетъ подъ своимъ платьемъ, отвѣчаетъ солдатъ. А вотъ не видишь слова̀-то?

Старшина беретъ калошу и разсматриваетъ на днѣ ея буквы.

— Ты что-жъ сюда пріѣхалъ? спрашиваетъ солдатъ.

— Меня посредникъ привезъ.

— Зачѣмъ? въ услуженіе?

— Нѣтъ; тамъ разговорка у насъ вышла въ земствѣ на счетъ гласныхъ отъ крестьянъ... бились, бились, никто не ѣдетъ въ губернію, да и шабашъ! а нашъ посредникъ вступился...

— Такъ ты не гласный ли?

— Гласный.

Солдатъ внимательно смотритъ на старшину.

— Тебѣ, братъ, по дѣламъ-то не придется ли съ господами идти въ залъ...

— Кто жъ ее знаетъ? Я вотъ подожду своего посредника.

— Ну, какъ у васъ тамъ идетъ земство?

— Ничего покедова...

— Что же, сбираются господа?

— Какже... все какъ слѣдуетъ.

— И мужики?

— И они пріѣзжаютъ...

— Диковина! Небойсь, сидятъ, слушаютъ тоже... А кто у васъ предсѣдатель.

— Запойскій.

— Тутъ генералъ...

Въ это время вошолъ посредникъ Солнцѐвъ.

— А! ты тутъ сидишь! обратился онъ къ старшинѣ: а я хватился, думалъ — ты пропалъ.

— Да я на постояломъ дворѣ лежалъ, лежалъ, проговорилъ старшина: всталъ рано... Скучилось... я и пошолъ сюда... а домъ-то вы мнѣ указывали третьяго дня... да вотъ съ служивымъ разговариваемъ...

— Я радъ, что нашолъ тебя... Я думалъ, не забѣжалъ ли ты куда? Пойдемъ на верхъ...

Вошедши въ залу и увидавъ своихъ знакомыхъ, посредникъ

отрекомендовалъ имъ старшину, который, держа руки по швамъ, прислонился къ притолкѣ.

— Очень пріятно, проговорили дворяне, осмотрѣвъ старшину.

Зала оглашается шарканьемъ, смѣхомъ, громкими возгласами. Купцы и священники бродятъ по угламъ и, указывая на дворянъ, другъ у друга спрашиваютъ:

— Не знаете, кто это такой съ бакенбардами?

— Это Куропаткинъ...

— А этотъ высокій, худой?

— А вонъ пузастенькій-то?

Купцы и священники понемногу начинаютъ смѣлѣть и садятся на стулья:

— Что, отецъ Іоаннъ, я замѣчаю, вѣра стала упадать. Появился нигилизмъ... Я полагаю, эти молодые люди или съ ума сходятъ, или по времени сдѣлаются самоубійцами. Что-нибудь одно...

— А что, вы были у владыки?

— Какже... онъ меня посадилъ... Что значитъ, — быть губернскимъ гласнымъ... прежде никогда не саживалъ.

— Я самъ былъ у него, и со мной такъ ласково обошелся; все разспрашивалъ, чѣмъ мы будемъ заниматься въ земствѣ; просилъ себя вести благородно.

— Что это, однако, предсѣдателя до сихъ поръ нѣтъ? признаться, я всталъ въ пять часовъ: скоро и ѣсть захочется...

— Я тоже еще не завтракалъ. А у насъ недавно какой случай былъ. Вотъ бы въ земствѣ возбудить вопросъ объ этомъ. На Покровъ пріѣзжаю я къ благочинному, говорю: такъ и такъ... водворите миръ... у меня возмутились оба штата... Дѣло въ томъ, что указомъ отъ 3-го сентября намъ предписано половину дьячковской части отсылать въ попечительство, а другую половину дѣлить на тринадцать частей... потому мы всѣ сгорѣли, такъ благодѣтельное правительство это установило намъ въ помощь. Теперь изволите видѣть, напримѣръ, блинъ... его надо разрѣзать такимъ образомъ: эта часть поповская, эта дьяконская, потомъ дьяконскую пополамъ—выйдетъ дьячковская; потомъ одну изъ этихъ половинъ надо раздѣлить на тринадцать частей. Вѣрите истинному Богу: какъ ни дѣлежка, такъ возмущеніе... Причтъ дошелъ до того, что сталъ отказываться отъ своихъ частей... а я не обязанъ беречь чужую собственность. Теперь какъ прикажете съ этимъ быть?

— Начальство молчитъ...

Купцы бесѣдуютъ о торговлѣ:

— Сала́ маленько сдались... а скотина все дорожаетъ: поводко́вой коровы и не увидишь: все гуртовая...

— Откуда же она будетъ поводковая? Какая пала, какую исправники распродали... у мужиковъ теперь на сто дворовъ пять коровъ: что тутъ продавать?

— Намѣсь я у энтого барина, съ яснымъ воротникомъ-то, лѣсокъ купилъ... Лѣсъ обедной; полозья и грядки выдутъ хорошіе!...

— Что-жъ это не начинается?

— Ждутъ предсѣдателя.... Говорятъ, и губернаторъ будетъ.

Въ смежной залѣ являются оффиціанты, буфетчикъ, поваръ; раздвигаются столы, гремятъ тарелки; разставливаются бутылки и закуски.

— А! вотъ это прекрасная мысль, говорятъ дворяне,—окружая буфетъ... Человѣкъ! дайте карточку!

Происходятъ заказы, откупориваются бутылки; большая часть публики садится за столъ.

— Ну что? Не были у предсѣдателя?

— Я сейчасъ видѣлъ его сына... У предсѣдателя завтракъ....

— Такъ вотъ отъ чего засѣданіе такъ долго не начинается. Скоро уже часъ. А велѣли сбираться въ одиннадцать...

— Ну что, какъ вы доѣхали?

— Представьте, насъ чуть не ограбили... къ счастію у меня былъ револьверъ.... жена, дѣти страшно перепугались.... Какіе-то два жулика подъ самымъ городомъ напали....

— Ну да! эмансипація!... Человѣкъ! дай мнѣ рейнвейну....

— Что, вы еще не слыхали Славолюбскаго?

— Завтра поѣду....

— Знаете, поетъ точно Сѣтовъ.... и манеры и тембръ.... верхніе ноты слабы.... вообще діапазонъ не большой.... Но.... пріятно поетъ.... А волтижеровъ — не видали? — Совѣтую посмотрѣть....

— Ахъ, у насъ преуморительный лакей въ гостинницѣ. Онъ прежде служилъ у князя Пальцева, объѣздилъ съ нимъ почти всю Европу и теперь служитъ въ гостинницѣ. Мы вчера съ графомъ умирали со смѣху... что онъ только намъ разсказывалъ!... И знаете-ли, этакой философъ, политикъ.... преуморительный....

Является предсѣдатель съ гурьбою своихъ знакомыхъ. Сидѣвшіе за завтракомъ, думая, что явился самъ губернаторъ, побросали салфетки и отправились въ залу собранія. Оффиціанты не замедлили прибрать тарелки....

— Что же? стало быть не скоро начнется? спрашиваютъ предсѣдателя.

— Надо подождать губернатора, онъ формально откроетъ

засѣданіе, говоритъ предсѣдатель въ растегнутомъ мундирѣ съ крестами на шеѣ, держа руки въ карманахъ панталонъ.

— Такъ мы еще успѣемъ дозавтракать, переглядываясь между собой, рѣшаютъ дворяне — и уходятъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ вдругъ раздаются голоса:

— Что-жъ это такое значитъ? Эй, человѣкъ! куда же вы подѣвали наши порціи?...

— Вы изволили встать.... мы думали, вы откушали, объясняютъ лакеи.

— Кой чортъ кончили? Помилуй! За 90 коп. подадутъ кленовый листокъ и тотъ не дадутъ доѣсть....

— Извольте, мы подадимъ....

— Такъ подавайте!

Лакеи начинаютъ разносить тарелки.

Гости усаживаются.

— Тьфу, чортъ возьми! кричитъ одинъ басъ: я ѣлъ осетра, мнѣ подали полкотлеты....

— Это мое... подайте сюда....

— Рябчикъ, рябчикъ гдѣ? гарсонъ!

— Рябчика сейчасъ подадимъ....

— Это наконецъ невозможно....

— Вообразите: мнѣ насыпали горошку въ бѣлугу.... Я не могу!.... подайте новую порцію....

— Новая порція девяносто копѣекъ, докладываетъ оффиціантъ.

— Я не о девяносто копѣйкахъ говорю, а говорю о томъ, чтобы было исправно....

— Странное дѣло однако: мы думали губернаторъ; а это предсѣдатель....

— Нѣтъ, всего страннѣе русскій человѣкъ; только сѣли за завтракъ, а они и тарелки унесли....

— Не знаете, что сегодня въ театрѣ?

— Все старье: «Серафима Лафайль», «Смерть Ляпунова»... впрочемъ играютъ, говорятъ, недурно....

Между тѣмъ предсѣдатель, отъ нечего дѣлать, отправляется въ губернскую управу, гдѣ сидятъ члены.

— Ну, господа, что-то будетъ!

— Ничего, ваше превосходительство, замѣчаетъ одинъ изъ дѣльцовъ: нужно только позаботиться...

— То-есть, какъ это? спрашиваетъ предсѣдатель.

— Да вотъ хоть, напримѣръ, этотъ докладъ, знаете? его нужно поставить въ концѣ засѣданій.... неипаче.... потому гласные, знаете, устанутъ....

— Понимаю....

— Мы вамъ ужъ написали программу. Оно все лучше....

— Это прекрасно, прекрасно! Иванъ Петровичъ! какъ вы думаете? когда публика будетъ добрѣй ко мнѣ? въ началѣ или въ концѣ засѣданій.

— Вы говорите насчетъ баллотировки? усмѣхаясь, спрашиваетъ одинъ изъ членовъ: я думаю тоже въ концѣ.... Всѣ будутъ спѣшить домой.... ну, и не будутъ особенно разборчивы.... Все направо, да направо....

— Да, я это знаю.... мнѣ какъ-то не терпится.... все-бы было веселѣй....

— Въ такомъ случаѣ можно назначить баллотировку хоть завтра.... Что-жъ.... вами всѣ довольны....

Сторожъ объявляетъ, что пріѣхалъ губернаторъ. Предсѣдатель торопится встрѣчать его.

Держа въ рукѣ каску, потрясая густыми эполетами, съ нафабренными усами, съ винтообразнымъ хохломъ на лбу, губернаторъ появляется въ залѣ собранія. Раскланиваясь, онъ быстро подходитъ къ предсѣдательскому столу, становится передъ публикой и объявляетъ:

— Милостивые государи! Я прибылъ сюда, чтобы открыть четвертое очередное губернское земское собраніе. Вполнѣ увѣренъ, что вы не только пропитаны любовію къ земскому дѣлу, но и запаслись надлежащей энергіей, скажу болѣе, самоотверженіемъ, съ которыми должны приступить къ исполненію вашихъ обязанностей, такъ какъ, за исключеніемъ, можетъ быть, не многихъ, всѣ здѣсь присутствующіе — потомки того славнаго русскаго дворянства, на которомъ покоились всѣ надежды правительства и которое нерѣдко жертвовало жизнью для блага своего отечества... Вы въ свою очередь также принесли не мало жертвъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ и тѣмъ доказали, что въ важныхъ случаяхъ государство смѣло можетъ разсчитывать на васъ, какъ оно разсчитывало на вашихъ предковъ. Милостивые государи! Считаю лишнимъ распространяться о внутреннемъ составѣ нашего земства, о его назначеніи. Не смѣю сомнѣваться, что каждый изъ васъ очень хорошо знаетъ, что земство — это самоуправленіе, которое мы видимъ въ Англіи и другихъ просвѣщенныхъ державахъ, успѣло уже пустить глубокіе корни на нашей почвѣ, и тѣмъ доказать, что Россія не отстаетъ отъ Запада въ дѣлѣ гражданскаго преуспѣнія.... Позвольте надѣяться, что каждый изъ васъ будетъ выполнять свою роль, строго держась границъ, указанныхъ правительствомъ.... Позвольте также просить васъ, милостивые государи, обратить особенное

ваше вниманіе на отбываемыя податными сословіями повинности, дабы они не напоминали собою, если такъ можно выразиться, ржавчину, которая день ото дня все болѣе и болѣе можетъ покрывать пружины государственнаго механизма; тщательно слѣдить за всѣми деталями этого сложнаго механизма, дабы онъ неуклонно шелъ по пути, предназначенному верховной властью. Затѣмъ съ нынѣшняго числа объявляю собраніе открытымъ.

Губернаторъ быстро сошелъ съ подмостокъ и началъ здороваться съ своими знакомыми. При этомъ онъ объявилъ новость:

— А вы не слыхали, какой недавно случай былъ на нашей желѣзной дорогѣ: передъ Буслаевской станціей поѣздъ сошелъ съ рельсовъ; тридцать человѣкъ пассажировъ ранило... машиниста убило до смерти....

Это извѣстіе быстро разносится по всему собранію. Вскорѣ губернаторъ уѣзжаетъ. Предсѣдатель залѣзаетъ въ кресла и говоритъ:

— Милостивые государи! прошу занять мѣста....

Однако никто не садится. Пошелъ говоръ; кто разбираетъ рѣчь губернатора, кто бранитъ желѣзныя дороги, кто бѣгаетъ по залѣ, передавая всѣмъ и каждому, сообщенное губернаторомъ извѣстіе, и даже отправляются на хоры къ дамамъ.

— Вы бы позвонили, говоритъ предсѣдателю одинъ изъ его доброжелателей.

— Нельзя-съ.... только отвѣчаетъ предсѣдатель, и снова выставляя грудь, кричитъ на всю залу:—Милостивые государи! по открытіи губернскаго земскаго собранія начальникомъ губерніи, мы должны приступить къ обсужденію вопросовъ земства и прежде всего принять присягу....

Священникъ надѣваетъ епитрахиль. Публика не унимается.

— Не составить ли прежде протоколъ о появленіи губернатора? рекомендуетъ одинъ предсѣдателю.

— Это пойдетъ своимъ порядкомъ.... главное, публика не садится. Предсѣдатель продолжаетъ возвѣщать:—Милостивые государи! надѣюсь, что вы вполнѣ оправдаете довѣріе начальника губерніи.

— Азъ нижеименованный, обѣщаюсь и клянусь.... слышится голосъ.

— Представьте, тридцать человѣкъ ранило!

— Вы одни, или съ супругой?

— Господа! будьте внимательны....

Мало по малу шумъ утихаетъ; публика придвигается къ предсѣдательскому столу.

— Милостивые государи! прошу занять мѣста! повторяетъ предсѣдатель: мы должны приступить къ четвертому очередному засѣданію. Прежде всего мы должны сдѣлать постановленіе объ открытіи засѣданія, затѣмъ приступить къ обсужденію докладовъ губернской земской управы.

— Мнѣ кажется, говоритъ одинъ изъ гласныхъ: открытіе засѣданія и появленіе губернатора не подлежитъ никакому обсужденію....

Другой горячо подхватываетъ:

— Если мы будемъ пропускать безъ обсужденія подобные вопросы, то мы можемъ придти къ явному противорѣчію съ постановленіями, узаконенными правительствомъ.

— По моему мнѣнію... говоритъ третій.

— Слово не за вами!... перебиваетъ предсѣдатель.

Поднимается губернскій ораторъ князь М., воцаряется тишина.

— Наше собраніе началось преніемъ о такихъ вопросахъ, которые даже не должны подлежать обсужденію губернскаго земскаго собранія, какъ, напримѣръ, появленіе начальника губерніи; это можетъ просто занестись въ началѣ протокола засѣданія; а намъ, на основаніи.... статьи.... параграфа положенія о земскихъ учрежденіяхъ, слѣдовало бы приступить къ повѣркѣ гласныхъ и узнать, можетъ ли еще состояться самое собраніе?

— Согласные съ мнѣніемъ князя М. встаютъ, а не согласные сидятъ, говоритъ предсѣдатель....

— Странное дѣло! замѣчаетъ князь М., подвергаютъ голосованію законъ....

Кто встаетъ, кто сидитъ. Предсѣдатель, наконецъ объявляетъ:

— Значитъ, мы должны приступить къ повѣркѣ гласныхъ, а такъ какъ уже пять часовъ и каждому изъ насъ время пообѣдать, то засѣданіе закрывается. Завтрашній день прошу пожаловать въ 11 часовъ.—Публика расходится.

При наступленіи вечера нѣкоторые изъ гласныхъ отправились въ клубъ или въ театръ, нѣкоторые къ своимъ знакомымъ—поиграть въ преферансъ, а люди положительные, снявъ съ себя парадные доспѣхи, предпочли залечь спать, наговорившись о городскихъ новостяхъ съ своими женами или просто съ половыми. Гласный старшина справился на постояломъ дворѣ, есть ли кормъ у барскихъ лошадей, поужиналъ и легъ въ те-

лѣту, помышляя о всемъ видѣнномъ имъ въ собраніи. Гласный купецъ съ своимъ пріятелемъ отправился въ гостинницу Крымъ, гдѣ пѣлъ хоръ цыганъ. Одинъ изъ знатныхъ молодыхъ людей, побывавъ гдѣ только можно, возвратился въ свой номеръ и позвалъ лакея:

— Ну, Варѳоломей! разсказывай что-нибудь.... скука страшная....

— А что же вы, сударь, были въ театрѣ? Тамъ, говорятъ, самъ губернаторъ.

— Былъ! Не спрашивай лучше... мерзость страшная.

— Ну, какъ ваше собраніе?

— Самъ чортъ ногу переломитъ. Разсказывай пожалуйста....

— Извольте! вотъ вы теперь все скучаете, — говорите, все вамъ надоѣло; имѣніе наскучило.... Это такъ, — и не мудрено: ничего здѣсь хорошаго нѣтъ, ни общества, ни забавъ настоящихъ... а въ имѣніи одурь возьметъ: глушь, мужики.... Вамъ знаете что нужно? жениться на богатенькой купеческой дѣвушкѣ....

— Да что же мнѣ богатство? развѣ оно мнѣ дастъ счастіе?

— Извольте видѣть. Сейчасъ за границу....

— А тамъ, что я буду дѣлать?

— Да что вы, сударь? деньгамъ можно найти мѣсто: поѣздилъ тамъ, сямъ: посмотрѣлъ, не приглянется ли какое мѣстечко, напримѣръ, на берегу моря или на горѣ... и сейчасъ купить... устроить въ этой самой виллѣ театръ домашній... вѣдь вотъ мой баринъ-то живетъ же такъ. И любовь ежели.... насчетъ любви—такъ не въ примѣръ лучше... тамъ такія попадаютъ—прынцессы!...

— Да вѣдь ты мнѣ совѣтуешь жениться?...

— То-то я и говорю на простенькой жениться....

— Для чего? Что бы потомъ бросить ее?

— Если надоѣстъ, то можно и бросить.... Вѣдь, сударь, теперь не тѣ времена.... Вы изволите знать, что теперь дѣлается въ Петербургѣ?

— Что?

— Всѣ въ гражданскомъ бракѣ состоятъ...

— Ха! ха! ха!... однако ты мнѣ наплелъ.

— Я наплелъ! Я знаю свое дѣло!

— Подай мнѣ шампанскаго.

— Слушаю-съ.

— Развеселилъ я своего барина, говоритъ лакей буфетчику.

VII.

Второе засѣданіе.

Утромъ въ 11 часовъ въ собраніи никого нѣтъ, кромѣ духовныхъ, которые не перестаютъ разсуждать о владыкѣ и сближеніи сословій. Время отъ времени появляются франты съ pince-nez; видя, что зала пуста, они чмокаютъ губами, и уходятъ.

Духовные недоумѣваютъ:

— Не царскій ли нынче день, что никого нѣтъ?

— А вотъ мы спросимъ у швейцара.

— Въ самомъ дѣлѣ, сходите.... въ противномъ случаѣ нечего здѣсь и толочься....

На лѣстницѣ слышится оживленный говоръ. Входятъ въ залу человѣкъ пять-шесть дворянъ.

— Ну, вотъ и не зачѣмъ ходить, рѣшаютъ духовные: должно быть, сейчасъ начнется.

Вскорѣ является предсѣдатель. Повидавшись съ дворянами, онъ начинаетъ ходить по залѣ и считать гласныхъ:

— Петръ Абрамовичъ, обращаются къ нему: что же не открывается засѣданіе? вѣдь скоро часъ....

— Что дѣлать! нельзя еще! господъ гласныхъ нѣтъ... хоть бы одна треть собралась,—я бы открылъ....

Публика прибываетъ. Около дверей раздаются голоса:

— Не опоздали мы?

— Ничего! Если опоздали и безъ насъ обойдется.

Зала наполняется. На хорахъ появляются дамы въ шляпкахъ, съ биноклями. Предсѣдатель всходитъ на свое мѣсто и проситъ публику садиться. Многіе идутъ изъ буфета, иные лѣзутъ на верхъ къ дамамъ, гдѣ слышатся восклицанія:

— Ah! bon jour.... comment votre santé....

— Merçi....

— Господа, объявляетъ предсѣдатель: прошу занять мѣста!

— Васъ зовутъ! говорятъ дамы на хорахъ.

— Ничего! у насъ здѣсь по домашнему. Притомъ **же**, посмотрите, никто не сидитъ, одни только попы....

— Господа! вѣдь это невозможно! убѣждаетъ предсѣдатель: ужъ скоро два часа. Прошу садиться.

Наконецъ раздается звонокъ, всѣ начинаютъ размѣщаться. Предсѣдатель объявляетъ:

— Милостивые государи, не угодно ли вамъ приступить къ выслушанію доклада управы.

— Вчерашній день, замѣчаетъ одинъ гласный, мы, кажется, остановились на повѣркѣ правъ гласныхъ. Я полагаю, удобнѣе

было бы прежде всего повѣрить гласныхъ, а потомъ приступить къ очереднымъ дѣламъ.

— Виноватъ! я и забылъ, говоритъ предсѣдатель, и обращается къ письмоводителю: позвольте списки гласныхъ, господинъ Антоновъ!

— Здѣсь! слышится съ хоръ.

Предсѣдатель улыбается и говоритъ:

— Господа! вѣдь этакъ нельзя! Здѣсь не концертная зала.

Провѣривъ гласныхъ, предсѣдатель объявляетъ:

— Итакъ, милостивые государи, приступимъ къ дѣламъ.

Письмоводитель читаетъ: «При отношеніи отъ 25 августа сего года за № 3,738, господинъ N....скій губернаторъ препроводилъ копію циркулярнаго предложенія господина министра финансовъ, отъ .. декабря истекшаго года за №... о слѣдующей въ 18... году согласно положенію государственнаго совѣта за №... суммѣ въ налогъ съ недвижимаго имущества.....»

— По моему мнѣнію, заявляетъ одинъ гласный: необходимо увеличить налогъ съ питейныхъ заведеній, потому что это дѣло прихоти....

Другой перебиваетъ:

— Кажется, идетъ рѣчь о неправильной пересылкѣ и передержкѣ собранныхъ уже налоговъ разными управами.

— Мнѣ кажется, замѣчаетъ третій, всего удобнѣе, чтобы отстранить подобныя недорозумѣнія, не пересылать суммы, а дѣлать переводъ въ уѣздныя казначейства, такъ какъ въ казначействахъ всегда есть суммы, коими они свободно могутъ располагать.

— По моему мнѣнію....

— Слово не за вами!

— Конечно, на первыхъ порахъ произошла подобная путаница въ пересылкѣ суммъ, а когда земство поустроится.... попривыкнутъ.... то и меньше будетъ разнаго рода недоразумѣній, а потому, я думаю, слѣдуетъ предоставить это дѣло времени....

— Теперь извольте говорить! предлагаетъ предсѣдатель.

— Я хотѣлъ высказать тоже самое, что заявилъ господинъ Кореньковъ; добавлю только, что неловко предоставлять времени подобныя вещи.... это можетъ компрометтировать всѣхъ насъ.... будто мы и ариѳметики не знаемъ....

— Предметъ, кажется, достаточно обсужденъ, заключаетъ предсѣдатель, а потому не угодно ли будетъ приступить къ голосованію — желающіе предоставить времени сидятъ, нежелающіе встаютъ.

Всѣ сидятъ.

— Вопросъ рѣшенъ единогласно.... Засѣданіе закрывается на четверть часа.

Всѣ поднимаются. Большая часть публики отправляется въ буфетъ. Нѣкоторые, потягиваясь, говорятъ:

— Однако становится что-то тяжело.... Я тужу, что и прiѣхалъ.... здѣсь и безъ меня, я вижу, обошлись бы.... а то ужъ вотъ четвертый день живу здѣсь, а ничего нѣтъ....

— Э! батюшка!... вы не поѣдете, я не поѣду—что-жъ это будетъ? Тогда и собранiе не состоится.... Главное, вы тутъ только будьте....

— Нѣтъ, я вижу, у насъ ничего не можетъ быть путнаго.... во-первыхъ, люди не готовы къ этимъ учрежденiямъ, во-вторыхъ, какъ хотите, мы въ сторонѣ....

— Эге! любезнѣйшiй Егоръ Савельичъ: вы либералъ,—а мелко плаваете...

— Господа! прошу занять мѣста! объявляетъ предсѣдатель. Публика, прожевывая бутерброды, начинаетъ садиться.

Теперь намъ предстоитъ обсудить вопросъ объ игорныхъ картахъ, то-есть, кому ихъ распродавать, кому ввѣрять и пр. и пр.; вотъ извольте послушать.

Читается докладъ: «При отношенiи отъ . . сентября сего года за № ... господинъ N....скiй губернаторъ препроводилъ для представленiя на обсужденiе губернскаго земскаго собранiя предписанiе высшаго начальства»....

— Не угодно ли кому что-нибудь дополнить къ докладу, спрашиваетъ предсѣдатель: или что-нибудь измѣнить....

— Чортъ возьми! шепчетъ одинъ гласный: хоть бы поскорѣй кончилось, давно обѣдать пора....

— По моему мнѣнiю, заявляетъ одинъ господинъ, карты относятся къ дѣламъ прихоти, а потому слѣдовало бы объ нихъ никогда не разсуждать, и въ такомъ собранiи, какъ наше, даже не совсѣмъ прилично объ нихъ говорить.... Я кончилъ!

— Хотя господинъ гласный заявилъ о непристойности разговора о картахъ въ нашемъ благородномъ собранiи, тѣмъ не менѣе я считаю долгомъ объяснить, что продажа картъ и продажа питiй составляютъ источникъ государственнаго дохода....

— Я совершенно согласенъ съ господиномъ гласнымъ Каменевымъ, заявляетъ третiй гласный: наше государство, или лучше сказать, правительство настолько благоразумно, что взимаетъ не съ честнаго труда, а съ предметовъ прихоти, слѣдовательно мы никакъ не должны пренебрегать сборами.... будь это карты, борзая собака, или наконецъ дымовая труба....

— По моему мнѣнiю, возражаетъ первый: необходимо принять мѣры къ прекращенiю картежной игры, псовой охоты въ нашихъ безлѣсныхъ мѣстахъ, пьянства, воровства и пр., а не

то, чтобы платою въ земство извѣстной суммы оправдывать общественное бездѣлье и безнравственность....

— Милостивые государи! возглашаетъ предсѣдатель: вы, кажется далеко зашли.... намъ не предоставлено право разсуждать.... Здѣсь не законодательное собраніе.... Здѣсь не о нравственности должна идти рѣчь, а о губернскомъ хозяйствѣ....

— Хозяйство основывается на нравственности, объявляетъ одинъ въ заднихъ рядахъ.

— Слово не за вами!

Встаетъ наконецъ какой-то ораторъ; на него направляются бинокли сверху.

— Имѣя честь выслушать нѣсколько заявленій членовъ нашего благороднаго собранія, позволяю себѣ сказать слѣдующее. Понятно, какъ заявилъ господинъ гласный Павловъ, что народное хозяйство основывается на нравственныхъ началахъ; — но еще не пришло время, чтобы наше юное земство могло правильно сопоставлять вопросы соціальные съ вопросами экономическими — и такимъ образомъ направлять свою дѣятельность къ возвышенію народнаго благосостоянія; прежде всего намъ слѣдовало бы принять къ свѣдѣнію, что, поощряя, напримѣръ, пьянство, мы тѣмъ самымъ незамѣтно будемъ, такъ-сказать, красть изъ своего же собственнаго кармана ...

— Милостивые государи! объявляетъ предсѣдатель: пренія очевидно начинаютъ усложняться, а потому не угодно ли вамъ будетъ вопросъ о картахъ поручить коммиссіи! Согласные сидятъ, несогласные встаютъ.

Между тѣмъ одинъ изъ гласныхъ, не обращая вниманія на пренія, бесѣдовалъ на хорахъ съ своей сосѣдкой по имѣнію, очень красивой и молоденькой дѣвушкой.

— Итакъ, вы скоро отправляетесь? спрашивала дѣвушка.

— Непремѣнно.... что мнѣ дѣлать?

— Надолго?

— Навсегда.

— Значитъ мы васъ больше не увидимъ?

— Да! склонивъ голову и играя шляпой, говорилъ гласный. Гдѣ нибудь въ Швейцаріи выстрою домъ.... А тутъ что-жъ жить? играть глупую роль на подобныхъ собраніяхъ? Но я чего еще боюсь? какъ бы не влюбиться.... въ васъ....

— А, вы боитесь въ меня влюбиться? Скажите, Петръ Иванычъ: вы любили?...

— Было время, когда я любилъ одно существо со всѣмъ увлеченіемъ двадцатилѣтняго юноши.... и она меня любила.... Но когда дѣло стало доходить до свадьбы, — я далъ тягу....

— Неужели?

— Меня просто объялъ ужасъ. И вотъ, разбирая теперь этотъ фактъ, я ничего въ немъ страннаго не нахожу: начиная съ незабвеннаго Подколесина, всѣ герои русскихъ романовъ задавали тягу передъ свадьбой. Въ самомъ дѣлѣ, что я буду дѣлать съ моей будущей супругой? ѣздить въ поле — смотрѣть, какъ пашутъ, а жена дѣтей качать? Да посмотрите на тѣхъ, кто былъ поотважнѣе въ этомъ отношеніи, т.-е. на женившихся: вѣдь нѣтъ ни одного брака счастливаго: отъ чего? Отъ того, что между мужемъ и женой ничего нѣтъ общаго, связующаго, — дороги нѣтъ!... Свободная любовь у насъ то же почти невозможна, потому бездѣльемъ обусловливается вся жизнь. Такъ вотъ я и боюсь влюбиться въ васъ.... Серьезно говорю.... А это очень можетъ быть: потому что вы славная дѣвушка, какихъ мало; съ вами далеко можно уйти.... вы себя не знаете.... въ васъ необыкновенная сила добра, а главное—сила пониманія....

— Вѣдь вы сами ничего не хотите дѣлать, замѣтила дѣвушка и указала на засѣданіе: развѣ это не дѣло? отъ чего вы не принимаете въ немъ никакого участія?

— Вы знаете, что это такое?

— Знаю. Общество разсуждаетъ о томъ, чтобы намъ и нашимъ ближнимъ было лучше жить....

— Вотъ что! А по моему это ни больше ни меньше, какъ кукольная комедія. Да-съ, мы любимъ декораціи, разѣваемъ ротъ передъ колокольней, отъ чего-жъ намъ не потѣшиться и парламентской обстановкой? Нашъ съѣздъ — просто ширма, за которой скрывается управа: а за управой опять какой-нибудь deus ex machina....

— Отчего-жъ вы не повѣряете управу?

— Да развѣ я здѣсь живу?

— Вы повѣряйте теперь.

— Уже поздно.... давно все сдѣлано....

— Ну, отъ чего-жъ вы ничего не предпринимаете? вмѣсто того, чтобы разсуждать здѣсь со мной, вы бы говорили тамъ въ собраніи, замѣтила она оратору.

— Это ни къ чему не поведетъ....

— Всѣмъ вамъ просто не хочется палецъ объ палецъ ударить....

— Знаете, Софья Ивановна: при всемъ томъ, что вы еще дитя, — я васъ глубоко уважаю.... и право боюсь, какъ бы не влюбиться.... Надо ѣхать скорѣй!

Предсѣдатель сошелъ съ своего мѣста и предлагалъ готовой уже разойтись публикѣ:

— Такъ не угодно-ли вамъ приступить къ избранію изъ среды себя распорядителя насчетъ обѣда.... теперь дѣло частное, засѣданіе закрыто....

— Орлова! Диванова!

— Стулина!

— Кафлина! Щепачева! кричали гласные.

— Господа! тише! тише! говорилъ предсѣдатель: въ числѣ голосовъ я имѣлъ удовольствіе слышать большинство желающихъ Щепачева, а потому не угодно ли вамъ, для сокращенія времени, предложить, пусть господинъ Щепачевъ будетъ распорядителемъ предполагаемаго нами обѣда.

— Хорошо! прекрасно!

— Благодарю, господа, за довѣріе! раскланиваясь, говорилъ Щепачевъ.

— Такъ вотъ теперь нужно положить, по скольку съ персоны? продолжалъ предсѣдатель. Мнѣ кажется рублей 15 надо.... кому угодно участвовать въ обѣдѣ?...

Наконецъ, всѣ начали расходиться. Предсѣдатель шолъ рядомъ съ Щепачевымъ и говорилъ:

— Ну, батюшка, не посрамите губернію.... я, какъ предсѣдатель, не проминовалъ васъ представить собранію, зная вашу опытность....

— Очень вамъ благодаренъ.... только я не знаю, чѣмъ бы особеннымъ подкрасить обѣдъ....

— О! можете выписать живыхъ стерлядей.... я думаю, въ Москвѣ можно достать....

— Да! это непремѣнно нужно.... конечно, шампанское у насъ есть.... дичи тоже можно достать...

— Ну, потомъ озаботьтесь насчетъ музыки, — чтобы пріятно было.... ну, цвѣтовъ нужно.... у Обухова въ оранжереѣ спросите....

Черезъ нѣсколько дней изъ собранія послѣдовало извѣстіе губернатору, что дѣла покончены. Явился губернаторъ, и было возвѣщено четвертому очередному губернскому земскому собранію, что всѣ его члены относились къ дѣламъ земства какъ истинные граждане, и т. д. и т. д.

Гласные начинаютъ разсчитываться въ номерахъ, жалуются на баснословныя цѣны и, наконецъ, отправляются себѣ въ путь, въ дорогу....

Н. Успенскій.

ФИЗІОЛОГІЯ
РАСТИТЕЛЬНЫХЪ ПРОЦЕССОВЪ

Публичныя лекціи, читанныя въ С.-Петербургскомъ клубѣ художниковъ, зимою настоящаго года.

V*).

Продолженіе о лимфатической системѣ. — Процессъ поступленія твердыхъ и жидкихъ веществъ въ кровь. — Общія понятія объ устройствѣ пищевой трубки.

Мм. Гг.! Прошлый разъ было описано устройство начала лимфатической системы и затѣмъ доказано, что наполняющая ихъ жидкость происходитъ изъ крови путемъ фильтраціи. Теперь мнѣ слѣдовало бы говорить о судьбахъ кровеного фильтрата; но прежде, чѣмъ приступить къ этому вопросу, я считаю полезнымъ сказать нѣсколько словъ объ одной общеизвѣстной болѣзни водянкѣ, такъ какъ при этомъ мнѣ будетъ дана возможность сообщить вамъ одну очень интересную и важную деталь въ устройствѣ лимфатической системы.

Водяная болѣзнь, отъ какой бы отдаленной причины она ни происходила, имѣетъ своимъ ближайшимъ основаніемъ всегда затрудненное движеніе крови по венамъ той или другой части тѣла. Поэтому, водянка есть всегда результатъ усиленной фильтраціи крови, накопляется ли жидкость въ толщѣ органовъ, напр., въ кожѣ и подъ ней, при отеканіи рукъ и ногъ, или она собирается въ свободныхъ полостяхъ, какъ напр., при грудной и брюшной водянкѣ. Чтобы послѣднія двѣ формы болѣзни были,

---

*) См. выше, окт. 619 стр.

однако, для васъ понятны, мнѣ необходимо сказать нѣсколько словъ о положенiи органовъ въ грудной и брюшной полости. Если вы вскроете животъ, то въ противуположность моимъ словамъ не найдете въ немъ никакого свободнаго пространства: онъ вполнѣ и даже съ избыткомъ выполненъ брюшными внутренностями. Однако свободная и гладкая поверхность послѣднихъ (желудка, печени, кишекъ и пр.) всегда мокра, и тоже самое вы находите на гладкой внутренней поверхности брюшныхъ стѣнокъ. Стало быть, между брюшными стѣнками и поверхностью брюшныхъ внутренностей есть всё-таки маленькое пространство съ небольшимъ количествомъ жидкости. И такое пространство, въ формѣ капиллярной щели, конечно, должно существовать, такъ какъ стѣнки живота и его содержимое лишь соприкасаются другъ съ другомъ. Но откуда же взяться въ этой капиллярной щели жидкости? Обратите вниманiе на поверхность кишекъ съ одной стороны, и на внутреннюю поверхность брюшныхъ стѣнокъ съ другой, тогда загадка разъяснится. Въ гладкой пластинкѣ, выстилающей эти поверхности, развѣтвляются сосуды; въ волосной части ихъ, конечно, постоянно происходитъ фильтрацiя, и отсюда жидкость въ капиллярной щели между стѣнками живота и его содержимымъ. Но если это такъ, то казалось бы, что у каждаго человѣка должна сдѣлаться брюшная водянка, такъ какъ фильтрацiя въ капиллярную щель, продолжаясь годы, должна же наконецъ растянуть эту полость. Это и было бы, мм. гг., еслибы не существовало въ одномъ мѣстѣ брюшной стѣнки снаряда, играющаго роль предохранительнаго клапана. На нижней сторонѣ дiафрагмы, обращенной къ полости живота, на самой срединѣ ея, расположена сѣть лимфатическихъ трещинъ, сообщающихся съ полостью живота рядами открытыхъ отверстiй, и отверстiя эти, какъ показываетъ опытъ, служатъ не для изливанiя лимфы въ брюшную полость, а наоборотъ, для присасыванiя изъ послѣдней жидкостей (именно, если впрыснуть въ брюшную полость какую-нибудь легко узнаваемую жидкость, она очень быстро попадаетъ въ лимфатическую сѣть дiафрагмы). Эти-то сосала, встрѣчающiяся также и въ стѣнкахъ грудной полости, и предотвращаютъ скопленiе кровеного фильтрата, если его отдѣляется немного. Когда же, вслѣдствiе затрудненнаго движенiя крови по брюшной или грудной венной системѣ, фильтрацiя въ капиллярныя щели значительно усиливается, предохранительные снаряды, разсчитанные на нормальныя условiя, оказываются недостаточно сильными и жидкость, скопляясь въ капиллярной щели, растягиваетъ ее наконецъ въ огромную полость.

Очень вѣроятно, что такіе же снаряды существуютъ и въ другихъ обширныхъ капиллярныхъ щеляхъ тѣла, въ которыхъ можетъ происходить скопленіе водяночной жидкости; но до сихъ поръ лимфатическія сосала открыты только въ двухъ названныхъ полостяхъ. Что же касается до лимфатическихъ трещинъ въ тканяхъ, гдѣ при болѣзненныхъ условіяхъ (въ отекѣ) тоже можетъ быть скопленіе кровяного фильтрата, тамъ роль предохранительныхъ снарядовъ берутъ на себя истоки ихъ, лимфатическія трубки.

О значеніи этихъ истоковъ и будетъ теперь рѣчь.

Установивъ фактъ выступленія жидкой части крови изъ полости кровеносныхъ сосудовъ, какъ несомнѣнную истину, мы этимъ самымъ поставили себя въ необходимость отвѣчать на вопросъ, что́ дѣлается далѣе съ кровенымъ фильтратомъ. Если онъ, по мѣрѣ своего образованія, тотчасъ же и безъ остатка употребляется въ дѣло элементами тѣла, превращающими его въ свое вещество, то въ крови должны быстро образоваться значительные дефициты питательной жидкости и рядомъ съ этимъ должны существовать условія для покрытія ихъ. Или, можетъ быть, не весь кровеной фильтратъ потребляется сразу, и тогда является вопросъ, куда дѣвается излишекъ. Вдумавшись нѣсколько въ эти вопросы, легко убѣдиться, что первый случай мало вѣроятенъ. Онъ возможенъ только, или при какой-то ничѣмъ ненасытной алчности элементовъ тѣла къ питательному соку, что́ невозможно, такъ какъ объемъ разрушенія веществъ въ тѣлѣ въ каждую единицу времени имѣетъ предѣлы; или при условіи, когда питательнаго сока фильтруется въ каждый маленькій участокъ тѣла именно столько, сколько его тамъ нужно для возстановленія потерь, что, въ свою очередь, трудно выполнимо, такъ какъ фильтрація производится слѣпою силою напора сердца. Поэтому, второй случай возможнѣе, и онъ въ самомъ дѣлѣ существуетъ, мм. гг.; но для того, чтобы излишекъ питательнаго вещества, выступившаго изъ крови, не терялся для нея, лимфатическія трещины имѣютъ истоки въ систему лимфатическихъ сосудовъ, по которымъ излишекъ и течетъ въ вены, т.-е. возвращается въ потокъ крови, изъ которой вышелъ. Это второе значеніе лимфатической системы въ жизни тѣла — *сохранять и возвращать крови излишекъ выступившаго изъ нея питательнаго вещества.* Съ этой точки зрѣнія становится совершенно понятнымъ, что ёмкость лимфатической системы должна быть меньше ёмкости венной системы, также и то обстоятельство, что лимфа должна течь въ направленіи отъ мелкихъ вѣтвей къ своему главному стволу—грудному протоку.

Какія же однако силы заставляютъ двигаться лимфу?

Главнѣйшая изъ нихъ опять-таки напоръ сердца. Подъ его вліяніемъ происходитъ непрерывное накопленіе лимфы въ тканевыхъ трещинахъ; стѣнки послѣднихъ, хотя и могутъ растягиваться, но только до извѣстной степени, притомъ же полости трещинъ имѣютъ свободные истоки въ сторону лимфатическихъ трубокъ. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій вмѣстѣ, постоянное накопленіе жидкости въ трещинахъ должно наконецъ повести къ выступленію изъ нихъ жидкости. Съ этого момента каждая лишняя капля лимфы въ началѣ системы должна лишь поддерживать уже существующее вытеченіе. Эта сила дѣйствуетъ, слѣдовательно, въ началахъ лимфатической системы. Въ концѣ же ея работаетъ присасывательное дѣйствіе венъ, въ которыя впадаетъ грудной протокъ, и присасывательное дѣйствіе грудной клѣтки, такъ какъ главный лимфатическій стволъ идетъ черезъ всю вышину грудной полости, и слѣдовательно для него, по отношенію къ периферическимъ частямъ лимфатической системы, существуютъ тѣ же условія, что для устьевъ венъ. Кромѣ того на периферическія части лимфатическихъ сосудовъ давятъ мышцы костнаго скелета, при движеніяхъ тѣла, и это давленіе тоже помогаетъ теченію лимфы въ направленіи къ грудному протоку, такъ какъ клапаны лимфатическихъ сосудовъ допускаютъ движеніе жидкости только въ этомъ направленіи.

Изъ того общаго представленія объ устройствѣ лимфатической системы, которое вы должны были себѣ составить на основаніи того, что̀ было до сихъ поръ мною сказано, вы имѣли бы полное право заключить, что услуги этого аппарата тѣлу исчерпываются функціями приводить питательный сокъ въ непосредственное соприкосновеніе съ элементами тѣла и возвращать крови избытокъ его; одного взгляда на путь лимфатическихъ сосудовъ однако достаточно, чтобы убѣдиться въ противномъ. Путь этотъ не сплошь состоитъ изъ трубокъ, но мѣстами перерывается болѣе или менѣе кругловатыми компактными тѣлами, величиною съ бобъ и менѣе; тѣла эти носятъ общее названіе лимфатическихъ желѣзъ. Устройство ихъ можно передать вамъ и вѣрно и просто помощью губки. Подобно ей, они состоятъ изъ сѣтчатаго скелета, имѣющаго чисто механическое значеніе,— поддерживать специфическіе элементы желѣзы; послѣдніе же имѣютъ форму безцвѣтныхъ круглыхъ шариковъ микроскопической величины и лежатъ совершенно свободно въ ноздряхъ сѣти; къ каждой желѣзкѣ непремѣнно подходитъ артерія, входящая въ глубь по перегородкамъ остова и, конечно, переходящая затѣмъ въ волосные сосуды и вены; но, сверхъ того, къ каждой

желѣзѣ подходитъ еще и отходитъ отъ нея хоть по одной лимфатической трубкѣ; лимфа, приносимая приводящимъ каналомъ, разливается по ноздрямъ, охватываетъ своимъ токомъ лимфатическіе шарики и выходитъ изъ желѣзы выводящимъ протокомъ. Наблюденіе надъ такими мѣстами лимфатической системы, гдѣ можно сравнивать другъ съ другомъ подъ микроскопомъ каналы, не проходившіе еще черезъ желѣзы, съ продолженіемъ ихъ за желѣзами, показываетъ, что токъ лимфы уноситъ изъ полостей желѣзъ безцвѣтные лимфатическіе шарики; съ другой стороны есть факты, говорящіе въ пользу того, что послѣдніе фабрикуются въ полости желѣзъ постоянно. Такимъ образомъ оказывается, что въ сферѣ лимфатической системы существуетъ еще приготовленіе какихъ-то форменныхъ элементовъ. Но ради какихъ цѣлей, и какое вообще значеніе они имѣютъ? Вопросъ этотъ разрѣшенъ, мм. гг., невполнѣ, но есть цѣлый рядъ основаній думать, что въ концѣ концовъ они превращаются въ красные шарики крови. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ основаній. Лимфа, втекая въ кровь непрерывно, вноситъ въ нее значительное количество лимфатическихъ тѣлъ; съ другой стороны, въ крови нѣтъ условій къ ихъ разрушенію и выходить изъ кровеного потока, при нормальныхъ условіяхъ [1]), они едва-ли могутъ вообще, тѣмъ болѣе въ значительныхъ количествахъ; а между тѣмъ прямыя наблюденія показываютъ, что при нормальныхъ условіяхъ количество лимфатическихъ тѣлъ въ крови остается приблизительно постояннымъ. Если къ этому прибавить, что для красныхъ кровеныхъ шариковъ, наоборотъ, условія разрушенія въ тѣлѣ существуютъ и что, несмотря на это, количество ихъ тоже не измѣняется;—то становится очень вѣроятною мысль о замѣщеніи разрушенныхъ красныхъ безцвѣтными лимфатическими шариками. Рядомъ съ этими общими соображеніями очень вѣское значеніе получаютъ наблюденія надъ превращеніями, претерпѣваемыми лимфатическими тѣлами со стороны формы и свойствъ, если они искусственно приводятся на нѣкоторое время въ соприкосновеніе съ кровью, тѣмъ болѣе, что при этихъ превращеніяхъ они болѣе и болѣе приближаются, по своимъ свойствамъ, къ краснымъ шарикамъ. Къ сожалѣнію до сихъ поръ еще не удалось довести искусственно эти превращенія до конца, поэтому вопросъ еще не окончательно рѣшенъ.

Во всякомъ случаѣ наука принимаетъ, какъ въ высшей сте-

[1]) Что при болѣзненныхъ условіяхъ они могутъ выходить изъ полости кровеносныхъ сосудовъ, это доказано прямыми наблюденіями, но самый способъ ихъ выхожденія еще не вполнѣ разъясненъ.

пени вѣроятное, что лимфатическая система, съ ея желѣзами, представляетъ, сверхъ описанныхъ уже функцій, *такой отростокъ кровеноснаго аппарата, который снабжаетъ кровь форменными элементами.*

Въ этой 3-й, но еще не послѣдней, функціи лимфатической системы, вы видите, мм. гг., впервые случай возобновленія въ тѣлѣ разрушенныхъ элементовъ.

Объ остальныхъ услугахъ лимфатическаго аппарата тѣлу я скажу впослѣдствіи, теперь же покажу вамъ изображенія бѣлыхъ и красныхъ шариковъ.

(На экранъ бросается рисунокъ тѣхъ и другихъ).

Судя по внѣшнему виду, бѣлые шарики всего лучше можно опредѣлить, какъ неправильные комочки безцвѣтнаго зернистаго вещества. Если же присмотрѣться къ нимъ повнимательнѣе, то нужно будетъ еще прибавить «*сократительнаго* вещества». Они измѣняютъ, мм. гг., безпрерывно свою форму, выпуская изъ своего тѣла и снова втягивая въ него отростки. Если при этомъ къ поверхности отростка случайно пристанетъ какая-нибудь маленькая порошинка, она втягивается въ глубь тѣла: — бѣлые шарики какъ бы глотаютъ ее. Благодаря своимъ сокращеніямъ, они могутъ ползать на поверхности микроскопическаго стеклышка. Подъ вліяніемъ электрическаго раздраженія они скомкиваются въ неподвижные, на нѣкоторое время, шары и въ эту же форму они переходятъ при умираніи. Красные шарики высшихъ животныхъ имѣютъ, наоборотъ, всегда опредѣленную форму — у человѣка они являются въ видѣ круглыхъ пластинокъ съ вдавленіями на широкихъ поверхностяхъ. Вещество ихъ равномѣрно и окрашено въ желто-зеленоватый цвѣтъ. Шарики эти не обладаютъ сократительностью, ни сами по себѣ, ни подъ вліяніемъ раздраженій. Тѣ и другія тѣльца имѣютъ микроскопическую величину, но бѣлыя нѣсколько больше красныхъ. Чтобы дать вамъ понятіе о мелкости этихъ элементовъ, достаточно будетъ сказать, что въ 1 куб. миллим. человѣческой крови насчитываютъ до 5 милліоновъ красныхъ шариковъ и до 14 тысячъ бѣлыхъ.

Этимъ я и заканчиваю о движеніи по тѣлу крови и лимфы.

Теперь, согласно принятому нами плану, мнѣ слѣдуетъ говорить о процессѣ поступленія въ кровь, а черезъ нея и въ тѣло, твердыхъ и жидкихъ веществъ, т.-е. пищи и питья.

Процессъ этотъ происходитъ въ общихъ чертахъ слѣдующимъ образомъ. Сначала пищевыя вещества поступаютъ черезъ ротъ въ такъ-наз. *желудочно-кишечный* или *пищеварительный*

каналъ; передвигаясь по длинѣ его въ теченіи часовъ, они въ нѣкоторыхъ, и обыкновенно расширенныхъ, мѣстахъ канала задерживаются на болѣе или менѣе долгое время и подвергаются здѣсь многообразнымъ механическимъ и химическимъ вліяніямъ, имѣющимъ однако одну общую цѣль — приготовить изъ пищи, въ ея первоначальной грубой формѣ, питательный экстрактъ въ жидкомъ видѣ. Соотвѣтственно этимъ цѣлямъ, пищевой каналъ приспособленъ, во-первыхъ, къ передвиганію пищи по его длинѣ и къ задержкѣ ея въ томъ или другомъ мѣстѣ, смотря по надобности; затѣмъ, полость его снабжена механическими придатками для измельченія и растиранія пищи; наконецъ, въ этой полости существуютъ жидкости, способныя вытягивать изъ пищи питательныя составныя части.

Если смотрѣть на дѣло съ этой точки зрѣнія, то уже чисто внѣшнее разсматриваніе однѣхъ только формъ пищеварительнаго снаряда, у различныхъ животныхъ, дѣлается въ высшей степени поучительнымъ.

Возьмемъ, напр., для сравненія пищевые каналы всеяднаго человѣка, собаки—какъ плотояднаго животнаго, и теленка, какъ представителя травоядныхъ. Всѣ они въ общихъ чертахъ имѣютъ форму открытой съ обоихъ концовъ (отверстіе рта и задній проходъ) трубки съ тремя главными расширеніями по длинѣ. Первое расширеніе есть полость рта, второе—желудокъ, третье—толстыя кишки. Часть трубки между 1-мъ и 2-мъ расширеніемъ называется пищеводомъ; здѣсь пища двигается быстрѣе, чѣмъ во всѣхъ прочихъ отдѣлахъ. Замѣтной разницы въ длинѣ всѣхъ 3-хъ пищеводовъ нѣтъ, если же она и существуетъ, то объясняется разницей въ длинѣ шеи. Но посмотрите, какая разница въ объемѣ желудковъ—у теленка онъ навѣрное вдвое или даже втрое больше, чѣмъ у человѣка и собаки. Если притомъ его разрѣзать, то онъ оказывается не объ одной полости, какъ у послѣднихъ, а объ 4-хъ. Вы конечно знаете, мм. гг., или по крайней мѣрѣ слыхали, что коровы, овцы, козы отрыгаютъ жвачку, т.-е. что они разъ проглоченную пищу возвращаютъ въ ротъ, пережевываютъ и снова глотаютъ. Устройство телячьяго желудка и соотвѣтствуетъ этой особенности — кромѣ отдѣла, эквивалентнаго желудку человѣка и собаки, онъ заключаетъ снаряды, имѣющіе цѣлью задерживать и размачивать пищу передъ ея возвращеніемъ въ ротъ. Еще поразительнѣе разница въ кишкахъ—длина ихъ у теленка навѣрно въ четверо больше чѣмъ у собаки, гдѣ кишки всего короче. Этимъ и объясняются тѣ огромные размѣры живота, которыми отличаются вообще травоядныя животныя въ сравненіи съ поджарыми плотоядными.

Можно смѣло сказать, что у нихъ брюшныя внутренности составляютъ болѣе трети объема всего тѣла. Такое сильное развитіе пищевого канала у жвачныхъ, очевидно, разсчитано на введеніе въ тѣло огромныхъ количествъ пищи, и кто не знаетъ въ самомъ дѣлѣ, что большая часть ихъ жизни проходитъ въ ѣдѣ и пережевываніи жвачки.

Стѣнки пищевого канала устроены вездѣ по слѣдующему общему типу: онѣ состоятъ изъ наружнаго слоя, имѣющаго чисто - механическое значеніе футляра, изъ средняго — двигательнаго выстроеннаго изъ мышечныхъ волоконъ, идущихъ частію по длинѣ трубки, частію опоясывающихъ ее въ формѣ колецъ, и наконецъ изъ внутренняго слоя — такъ-назыв. слизистой оболочки. Этотъ послѣдній слой, по его значенію въ пищеварительныхъ актахъ, слѣдуетъ назвать соко-отдѣлительнымъ. Вся слизистая оболочка пищевого канала густо усѣяна микроскопической величины углубленіями съ поверхности, на днѣ которыхъ помѣщены снаряды (отдѣлительныя клѣтки), предназначенные для приготовленія жидкостей, принимающихъ непосредственное участіе въ пищеварителеныхъ актахъ,—изъ нихъ выдѣляется слизь, желудочный и кишечный соки. Рядомъ съ этими маленькими, разсѣянными желѣзками, пищеварительная трубка снабжена еще цѣлымъ рядомъ внѣшнихъ желѣзистыхъ придатковъ, которые изливаютъ свои соки въ ея полость посредствомъ болѣе или менѣе длинныхъ трубокъ, называемыхъ выводными протоками. Съ полостью рта сообщаются три пары слюнныхъ желѣзъ: околоушная пара, подчелюстная и подъязычная; въ верхнюю часть тонкой кишки, тотчасъ подъ желудкомъ, изливаютъ свое содержимое печень и поджелудочная (панкреатическая) желѣза. Соки этихъ придатковъ, вмѣстѣ съ отдѣленіями разсѣянныхъ желѣзъ, и составляютъ тѣ пищеварительныя жидкости, при посредствѣ которыхъ изъ пищи въ ея первоначальной грубой формѣ приготовляются жидкіе питательные экстракты.

Послѣдній рядъ снарядовъ, которыми вооружена пищевая трубка, это аппараты для размельченія пищи—зубы и мышечный жевательный механизмъ. Обратите вниманіе на эти снаряды у человѣка, собаки и теленка,—здѣсь опять существуютъ замѣчательныя разницы: у собаки, и вообще у всѣхъ плотоядныхъ, концы зубовъ имѣютъ форму острыхъ клиньевъ; соотвѣтственно этому они не жуютъ, а только разрываютъ пищу; у теленка такихъ зубовъ нѣтъ и помину, у нихъ слабо развиты даже зубы въ формѣ долотъ, которыми вооружена у человѣка передняя часть рта, по крайней мѣрѣ спереди, въ верхней челюсти, зубовъ у коровы нѣтъ вовсе; но за то у травоядныхъ усиленно

развитъ жевательный снарядъ съ коренными зубами, дѣйствующими какъ жернова. Посмотрите теперь на зубы всеяднаго человѣка—у него есть и рѣзцы и жернова, соотвѣтственно смѣшанному характеру пищи. Очень поучителенъ въ этомъ отношеніи также пищевой каналъ курицы, на который я обращаю ваше вниманіе. Во рту у нея нѣтъ зубовъ, а между тѣмъ пищу ея составляютъ сухія зерна. Здѣсь снарядъ для измельчанія пищи раздѣленъ между особымъ расширеніемъ пищевой трубки — *зобомъ*, предшествующимъ желудку, и самымъ желудкомъ. Въ зобу проглоченныя зерна размачиваются, а въ желудкѣ, при посредствѣ сильныхъ сокращеній стѣнокъ, они растираются. Соотвѣтственно послѣдней цѣли мышцы въ стѣнкахъ куринаго желудка развиты чрезвычайно сильно, а полость его выстлана изнутри крѣпкимъ, почти какъ хрящъ, слоемъ.

Въ заключеніе лекціи я покажу вамъ изображенія желѣзъ, приготовляющихъ пищеварительные соки.

(При этомъ на экранъ бросаются другъ за другомъ изображенія: слизистыхъ и пепсиновыхъ желѣзъ; затѣмъ показывается строеніе поджелудочной желѣзы и устройство желче-отдѣлительнаго аппарата печени по Пфлюгеру.)

Сначала я скажу объ устройствѣ тѣхъ, которыя сидятъ въ самой толщѣ слизистой оболочки.

Слизистую оболочку вы должны себѣ представлять, какъ слой кожи, выстилающій всю полость пищевой трубки. Подобно кожѣ, свободная поверхность ея сплошь покрыта тонкимъ роговымъ покровомъ, состоящимъ изъ плотно-склеенныхъ между собою пузырьковъ, эпителіальныхъ клѣточекъ. Этотъ слой, называемый эпителіальнымъ, продолжается, какъ видите, во всѣ безъ исключенія желѣзистыя углубленія, но на днѣ ихъ онъ не вездѣ измѣняется одинаково. Въ полости — слизистыхъ желѣзъ, напр., нисколько, или очень мало, тогда какъ на днѣ пепсиновыхъ углубленій, приготовляющихъ желудочный сокъ (рис. 9), эпителіальный слой разрастается въ массу клѣтокъ, выполняющихъ всю нижнюю часть желѣзъ безъ остатка. Эти-то метаморфозированныя эпителіальныя клѣтки и составляютъ, мм. гг., самую существенную часть соко-отдѣлительныхъ снарядовъ тѣла. Таже самая исторія повторяется въ самомъ дѣлѣ на слюнныхъ желѣзахъ и на поджелудочной. Въ тѣхъ и

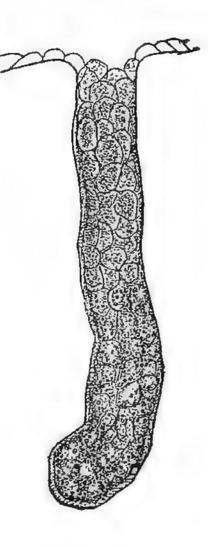

Рис. 9.

другихъ органахъ, устроенныхъ совершенно по одному и тому же типу, эпителіальный слой переходитъ со слизистой оболочки въ выводной каналъ желѣзы, вѣтвится съ нимъ (рис. 10) на подобіе дерева, не измѣняя на этомъ пути своей первоначальной природы, и достигаетъ, наконецъ, слѣпыхъ пузырьчатыхъ концовъ выводного канала, соотвѣтствующихъ дну вышеописанныхъ желѣзокъ, сидящихъ въ слизистой оболочкѣ. Здѣсь, а по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, и нѣсколько раньше, эпителіальныя клѣтки, метаморфозируясь по внѣшнему виду и внутреннимъ свойствамъ, опять переходятъ въ соко-отдѣлительные элементы. Самая суть дѣла остается, слѣдовательно, одна и та же и для желѣзки въ формѣ одиночнаго углубленія, и для цѣлаго конгломерата ихъ въ формѣ пузырьковъ, открывающихся множествомъ частныхъ канальцевъ въ одинъ общій выводной протокъ. Въ печени, какъ желчеотдѣлительномъ снарядѣ, устройство деталей настолько запутаннѣе, что между изслѣдователями нѣтъ еще полнаго согласія, но и здѣсь всѣ сходятся въ мнѣніи, что между отдѣлительными (печеночными клѣтками) и эпителіальными элементами должно существовать то же отношеніе, какъ и въ прочихъ желѣзахъ.

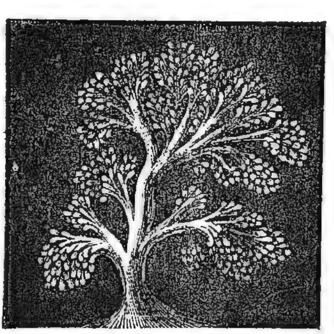

Рис. 10.

Пфлюгеръ представляетъ себѣ окончательное развѣтвленіе желчныхъ канальцевъ въ формѣ сѣти, на которой, какъ ягоды на вѣткѣ, сидятъ пузырьчатые слѣпые концы отдѣлительнаго снаряда (рис. 11). Каждый такой пузырекъ, по его мнѣнію, выполненъ одной печеночной клѣткой, и она *лежитъ рядомъ* съ клѣтками, выстилающими выводной каналецъ.

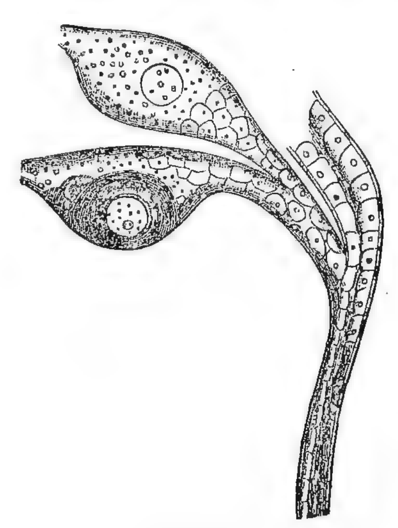

Рис. 11.

Еще позвольте сказать нѣсколько словъ о двигательномъ снарядѣ пищевого канала.

Хотя онъ выстроенъ изъ такого же сократительнаго вещества, какъ сердце и мышцы костнаго скелета, управляющія движеніями туловища, рукъ и ногъ, однако вещество это отли-

чается и по строенію и по нѣкоторымъ жизненнымъ свойствамъ отъ поперечно исчерченныхъ волоконъ перечисленныхъ мышцъ.

Вмѣсто послѣднихъ, основнымъ элементомъ здѣсь является веретенообразная форма съ зерномъ внутри. Эти элементы, сплачиваясь между собою въ пластинки, располагаются обыкновенно своими продольными осями параллельно другъ другу, и такъ какъ каждый элементъ при сокращеніи укорачивается въ длину по этимъ осямъ, то черезъ это всякая пластинка получаетъ сократительность лишь въ одномъ опредѣленномъ направленіи. Такія же мышечныя пластинки, какъ въ кишкахъ, заложены и въ стѣнки кровеносныхъ сосудовъ, представляя здѣсь концы извѣстнаго вамъ снаряда, регулирующаго ёмкость артерій. Сверхъ строенія, мышцы кишекъ и сосудовъ отличаются отъ поперечнорубчатыхъ еще тѣмъ, что подъ вліяніемъ нервнаго импульса и при прямомъ раздраженіи онѣ сокращаются несравненно медленнѣе, но за то и продолжительнѣе, ихъ. Этому соотвѣтствуетъ и самая медленность передвиженія пищи по длинѣ всей трубки. Относительно этого передвиженія нужно замѣтить еще слѣдующее: въ виду того, что пища должна проходить по каналу сверху внизъ, отъ рта къ заднему проходу, сокращенія стѣнокъ пищевой трубки происходятъ въ различныхъ отдѣлахъ ея не разомъ, а распространяются въ сказанномъ направленіи преемственно. Этого рода движенія, встрѣчающіяся и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ тѣла, называются вообще перистальтическими. Въ желудочно-кишечномъ каналѣ регуляція ихъ приписывается дѣйствію нервныхъ механизмовъ, лежащихъ частію внѣ пищевой трубки, частію заключенныхъ въ ея стѣнкахъ.

VI.

Составъ и качества пищи, какъ матеріала для пополненія вещественныхъ потерь въ тѣлѣ и для произведенія работъ.

Въ прошлую лекцію было описано устройство различныхъ отдѣловъ того пріемника, въ который поступаетъ пища и питье, и я могъ бы, повидимому, приступить уже къ описанію тѣхъ измѣненій, которыя они претерпѣваютъ въ этой полости; но для этого намъ недостаетъ прежде всего знакомства съ самой пищей. Если вы представите себѣ въ самомъ дѣлѣ тотъ необозримо-длинный рядъ растительныхъ и животныхъ веществъ, которыя человѣкъ принимаетъ въ пищу, то легко поймете, что говорить объ измѣненіяхъ всѣхъ этихъ веществъ, не приведя ихъ сначала

въ извѣстный порядокъ, не распредѣливъ ихъ, на основаніи состава или другихъ свойствъ, по отдѣламъ, нѣтъ никакой возможности. Поэтому сегодняшняя лекція должна быть посвящена исключительно знакомству съ пищей.

Вопросъ этотъ однако чрезвычайно обширенъ, чтобы быть исчерпаннымъ въ теченіи нашихъ короткихъ бесѣдъ вполнѣ, поэтому намъ необходимо заключить себя при развитіи его въ опредѣленныя рамки. Съ этой цѣлью, онъ долженъ быть поставленъ, по моему мнѣнію, такъ: *какова должна быть по составу наипростѣйшая смѣсь пищевыхъ веществъ, чтобы она наилучшимъ образомъ удовлетворяла двумъ основнымъ задачамъ пищи въ животномъ тѣлѣ — пополнять его вещественныя потери и служить матеріаломъ для развитія разнообразныхъ работъ, или по крайней мѣрѣ главнѣйшей изъ нихъ—мышечной.*

Принявъ это положеніе за руководящую мысль, мы сразу ограничиваемъ кругъ изслѣдованія одними только веществами дѣйствительно необходимыми для жизни, но за то намъ приходится знакомиться — и это необходимо прежде всего—съ качествами веществъ, разрушающихся въ тѣлѣ, чтобы, установивъ составъ пищи, выяснить себѣ тѣ измѣненія, которымъ она должна подвергаться, входя въ составъ тѣла. Отвѣтъ на эти вопросы и будетъ моею первою задачею; затѣмъ, я постараюсь установить такъ-сказать нормальную пищевую смѣсь и произведу оцѣнку каждой изъ ея составныхъ частей въ смыслѣ матеріала для пополненія вещественныхъ утратъ и матеріала для развитія работъ.

Итакъ, какія вещества въ тѣлѣ разрушаются и возстановляются изъ пищи?

Судить объ этомъ по тѣмъ веществамъ, которыя выводятся изъ тѣла мочею, каломъ, кожнымъ и легочнымъ испареніемъ, возможно лишь въ самой ограниченной степени, потому что это уже результаты, продукты разрушенія, въ которыхъ отъ первоначальнаго состава не осталось почти и слѣда. Это всё равно, что по дыму судить о томъ, что сгорѣло. Поэтому необходимо искать другого пути для рѣшенія нашего вопроса. Для этого нужно знать, мм. гг., самый составъ нашего тѣла, какъ въ качественномъ такъ и въ количественномъ отношеніи, и найти условія, при которыхъ была бы возможность наблюдать трату той или другой составной части его, равно какъ и самые процессы возстановленія этихъ потерь изъ пищи.

Главнѣйшую по вѣсу составную часть животнаго тѣла представляютъ бѣлковыя вещества, типомъ которыхъ можетъ служить бѣлокъ куринаго яйца. Они входятъ въ составъ жидкой части

крови (80 ч. на 1000) и лимфы (здѣсь процентъ менѣе); изъ нихъ выстроенъ остовъ кровеныхъ шариковъ, и даже краска послѣднихъ состоитъ на половину изъ бѣлковаго вещества; мясо почти всею своею массою есть видоизмѣненный бѣлокъ; въ мозгу и нервахъ его едва ли не на половину. Въ другихъ органахъ менѣе, но вообще нѣтъ такой ткани въ тѣлѣ, куда бѣлковое вещество не входило бы какъ составная часть. Если вѣсъ человѣческаго тѣла принять=1000, то количество бѣлковъ считаютъ въ немъ до 150.

На 2-мъ мѣстѣ по вѣсу стоятъ вещества, превращающіяся при кипяченіи съ водою въ клей и называемыя поэтому клейдающими. Всякій знаетъ, что крѣпкій говяжій бульонъ при охлажденіи застываетъ въ студень; еще легче гелятинируется кожа и связки около сочлененій; наконецъ, всякому вѣроятно извѣстно, что обыкновенный столярный клей добывается изъ костей. Это вещество, представителемъ котораго можетъ всего лучше служить общеизвѣстный рыбій клей, составляетъ главнѣйшую составную часть соединительной ткани, которая образуетъ, какъ уже было разъ сказано, мягкіе скелеты всѣхъ органовъ нашего тѣла, неисключая даже костей (здѣсь скелетъ имѣетъ однако хрящеватую, а не мягкую консистенцію); въ хрящахъ клеевое вещество тоже главная составная часть. На 1000 ч. человѣческаго тѣла клеевыхъ веществъ считаютъ 50 частей.

За этимъ слѣдуетъ жиръ. Въ мелкихъ количествахъ онъ значительно распространенъ по тѣлу, но мѣстами, наприм., подъ кожей и въ особенности въ окружности нѣжныхъ подвижныхъ органовъ (вокругъ почекъ, въ глазницѣ позади глазного яблока и пр.), развитіе его достигаетъ значительныхъ размѣровъ. Здѣсь, по своему значенію, жиръ является или какъ мягкая постилка для нѣжныхъ органовъ, или какъ защитникъ ихъ, отъ давленія и вообще внѣшнихъ насилій. Далѣе, жиры, но въ значительно водоизмѣненной формѣ, входятъ въ составъ нервной ткани, образуя цилиндрическія обкладки около самыхъ существенныхъ частей нервныхъ волоконъ. Жира на 1000 ч. человѣческ. тѣла считаютъ 25 частей.

Послѣдній рядъ составныхъ частей человѣческаго тѣла представляютъ вода и минеральныя вещества, или что все равно, зола, получающаяся отъ сожиганія тѣла. По вѣсу вода стоитъ между всѣми составными частями тѣла на первомъ мѣстѣ (на 1000 ч. 670 ч.) и служитъ съ одной стороны какъ растворяющее вещество въ жидкостяхъ, съ другой — пропитываетъ всѣ безъ исключенія твердыя части тѣла, которыя вообще имѣютъ способность разбухать въ водѣ. Относительно же минеральныхъ

веществъ нужно замѣтить, что огромное большинство ихъ находится въ тѣлѣ (напр. сѣра въ бѣлкахъ, фосфоръ въ мозговомъ веществѣ, желѣзо въ красныхъ кровеныхъ шарикахъ и даже известковыя соли въ костяхъ) не въ свободномъ состояніи, а въ соединеніи съ его органическими составными частями. Положительное исключеніе изъ этого составляютъ только углекислыя щелочи въ жидкой части крови, поваренная соль—тамъ же и въ сокахъ тканей, — и можетъ быть нѣкоторыя другія хлористыя соединенія.

Изъ всего этого ряда веществъ, составляющихъ человѣческое тѣло, одна только вода, да еще основные элементы золы, не подвергаются во время пребыванія ихъ въ тѣлѣ никакимъ химическимъ превращеніямъ — какими они были тамъ, такими и выбрасываются наружу. Поэтому, потери тѣломъ воды и минеральныхъ веществъ могутъ быть доказаны безъ всякихъ уловокъ— простымъ собираніемъ мочи, кожныхъ и легочныхъ испареній и опредѣленіемъ въ нихъ мочи и золы. Но та же неизмѣняемость воды и минеральныхъ веществъ въ тѣлѣ требуетъ съ другой стороны, чтобы въ составъ пищи непремѣнно входили или эти самыя вещества, или по крайней мѣрѣ всѣ основные элементы ихъ, притомъ — для взрослаго человѣка, съ неизмѣняющимся вѣсомъ тѣла,—въ томъ самомъ количествѣ, въ какомъ они выводятся изъ тѣла, иначе содержаніе въ немъ воды и минеральныхъ веществъ очевидно представляло бы значительныя колебанія, а этого нѣтъ.

Дѣло другого рода съ потерями и возстановленіемъ бѣлка, клеевого вещества и жира,—чтобы доказать существованіе ихъ въ тѣлѣ необходимъ цѣлый рядъ уловокъ, наблюденій при болѣе или менѣе искусственныхъ условіяхъ. Начните, наприм., морить животное голодомъ и наблюдайте въ это время измѣненія различныхъ частей его тѣла; или воспользуйтесь случаями, когда человѣкъ, по болѣзни или другимъ причинамъ, умираетъ съ голоду. Съ другой стороны, наблюдайте животныхъ, изнуренныхъ голодомъ, когда они снова начинаютъ получать пищу и поправляться; или наблюдайте явленія откармливанія животныхъ при усиленномъ питаніи ихъ. Вотъ что показываютъ такого рода наблюденія: при голоданіи исчезаетъ изъ тѣла легче всего жиръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ значительно уменьшается масса крови и мышцъ, что указываетъ на исчезаніе бѣлковъ, и уменьшается въ вѣсѣ кожа, состоящая преимущественно изъ клеевыхъ веществъ. Другими словами, при голоданіи тратятся всѣ такъ-назыв. органическія составныя части тѣла. Кормленіе животныхъ въ нормальныхъ размѣрахъ возстановляетъ всѣ потери; при усиленномъ же пи-

таніи, вмѣстѣ съ огромнымъ наростаніемъ жира увеличиваются въ вѣсѣ мышцы, кожа и кости. Не менѣе поучительны случаи усиленнаго развитія той или другой ткани въ частности, напр. мышцъ при усиленныхъ мышечныхъ упражненіяхъ; также образованіе тканей вновь, напр. рубцовъ (они всегда состоятъ изъ соединительной ткани) на мѣстѣ ранъ или язвъ, образованіе кости изъ такъ-назыв. надкостницы, той мягкой перепонки, которая обволакиваетъ всякую кость, и пр.

На всѣ эти выводы мнѣ могутъ сдѣлать однако возраженіе, что переносить ихъ на случаи нормальнаго питанія человѣка невозможно, или по крайней мѣрѣ опасно, такъ какъ въ основѣ ихъ лежатъ наблюденія надъ организмами при ненормальныхъ условіяхъ — когда животное голодно, или на оборотъ усиленно питается, когда у него на тѣлѣ язвы, или недостаетъ костей и пр. Признавая всю основательность этого возраженія съ логической стороны, я долженъ однако замѣтить, что, по понятіямъ современной науки, ни одинъ изъ приведенныхъ случаевъ не представляетъ условій для извращенія нормальнаго хода химическихъ превращеній въ тѣлѣ; притомъ же, для насъ важно знать не столько нормальный, сколько весь возможный объемъ вещественныхъ потерь тѣла, возстановляющійся изъ пищи. А этотъ результатъ изъ приведенныхъ наблюденій, очевидно, получается, такъ какъ пища остается одной и той же, питается ли ею нормальное или изнуренное голодомъ животное, дается ли пищи меньше или, наоборотъ, значительно больше нормальнаго.

Итакъ, чтобы покрывать не только всѣ существующія, но и всѣ возможныя вещественныя траты тѣла, пища должна заключать въ себѣ, сверхъ выбрасываемыхъ ежедневно минеральныхъ примѣсей и воды, еще такія вещества, которыя могли бы покрывать убыль бѣлковъ, клеевыхъ тѣлъ и жира.

Какого же рода должны быть эти вещества?

За рѣшеніемъ вопроса слѣдуетъ, конечно, обратиться къ наипростѣйшимъ пищевымъ смѣсямъ, которыя завѣдомо способны удовлетворять только-что высказаннымъ условіямъ.

Къ такимъ смѣсямъ принадлежитъ, во-первыхъ, молоко. Всякій знаетъ, что ребенокъ, родившись на свѣтъ, въ теченіи многихъ мѣсяцевъ не только живетъ, но и растетъ на счетъ молока. Такъ какъ при этомъ всѣ безъ исключенія ткани и органы его тѣла увеличиваются въ вѣсѣ, значитъ составныя части молока могутъ превращаться и въ бѣлковыя и въ клеевыя и въ жировыя ткани. Другую такую же смѣсь представляетъ всякое птичье, хоть напр. куриное яйцо. Вы знаете, конечно, что въ ненасиженномъ яйцѣ зародышъ представляется въ формѣ небольшого мутнаго пятнышка

на поверхности желтка; весь же остальной желтокъ и весь безъ исключенія бѣлокъ представляютъ питательный матеріалъ для зародыша во время его развитія. Когда яйцо насиживается, въ полость скорлупы не поступаетъ извнѣ ничего кромѣ кислорода воздуха, а между тѣмъ объемъ зародыша увеличивается. На его-то ростъ и тратятся питательныя части яйца вплоть до того времени, когда цыпленокъ вылупливается; въ это время весь уже бѣлокъ и желтокъ превратились въ тѣло цыпленка. Такъ какъ тѣло птицъ состоитъ изъ тѣхъ же веществъ, что и тѣло млекопитающихъ, то понятно, что бѣлокъ плюсъ желтокъ куринаго яйца удовлетворяютъ въ самомъ дѣлѣ требуемымъ условіямъ.

Посмотримъ же, изъ чего состоитъ молоко и жидкости яйца.

Въ обѣихъ смѣсяхъ есть бѣлковое вещество (въ молокѣ — творогъ, находящійся при обыкновенныхъ условіяхъ въ растворенномъ состояніи), жиръ, вода и минеральныя соли, встрѣчающіяся и въ тѣлѣ; сверхъ того, въ молокѣ есть сахаристое вещество, называемое молочнымъ сахаромъ. Стало быть, органическія вещества пищи должны, по меньшей мѣрѣ, состоять изъ бѣлковыхъ веществъ и жира, сахаръ же является, какъ бы роскошной прибавкой.

Этотъ первоначальный выводъ вполнѣ подтверждается составомъ пищи плотоядныхъ животныхъ, т.-е. составомъ мяса, заключающаго въ себѣ бѣлковыя вещества, жиръ и только слѣды сахара; но, съ другой стороны, на пищѣ травоядныхъ животныхъ онъ не оправдывается. Возьмемъ, наприм., составъ зеренъ любого изъ злачныхъ растеній, т.-е. пшеницы, ржи, овса и пр. Вездѣ жира находятся лишь слѣды, а рядомъ съ бѣлковыми веществами стоитъ даже не сахаръ, а крахмалъ (различіе между послѣдними веществами впрочемъ несущественно, такъ какъ существуетъ множество разнообразныхъ условій — и нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ мѣсто, какъ увидимъ, въ самомъ тѣлѣ, — переводящихъ крахмалъ въ сахаръ), а между тѣмъ зерна злаковъ могутъ не только поддерживать жизнь, но и производить ростъ. Какъ же помирить такое противорѣчіе? Единственное средство — опыты надъ каждой изъ выяснившихся составныхъ частей пищи въ одиночку и надъ смѣсями ихъ: насколько то или другое вещество въ отдѣльности, или рядомъ съ другимъ, способно поддерживать жизнь тѣла. Такими опытами мы, очевидно, не только разъяснимъ встрѣтившееся намъ противорѣчіе, но и получимъ данныя для сравнительной оцѣнки достоинствъ той и другой составной части пищи, въ дѣлѣ пополненія ими вещественныхъ потерь тѣла. — Итакъ, намъ нужны опыты кормленія животныхъ сначала исключительно бѣлками, жирами, сахаромъ и крахма-

ломъ, а потомъ смѣсями этихъ веществъ по 2 и по 3; для того же, чтобы быстро узнавать, способно ли данное вещество, или данная смѣсь, поддерживать жизнь тѣла, всего проще обратиться къ вѣсу послѣдняго:—постоянная убыль въ вѣсѣ, очевидно, указываетъ на недостаточность питанія, и наоборотъ. Опыты подобнаго рода производились, мм. гг., во множествѣ и они показали, что ни одно изъ перечисленныхъ веществъ въ одиночку (разумѣется, если употребляется дѣйствительно безъ примѣсей, т.-е. въ очищенной формѣ) не способно поддержать жизнь на неопредѣленно долгое время, особенно жиръ, крахмалъ и сахаръ, равные въ этомъ отношеніи другъ другу, тогда какъ бѣлки поддерживаютъ жизнь еще сравнительно долго. Что же касается до смѣсей, то уже смѣшеніе веществъ по два можетъ достигать цѣли, лишь бы въ составъ смѣси входилъ бѣлокъ; безъ него же даже тройное сочетаніе элементовъ пищи, жира, крахмала и сахара, оказывается недостаточнымъ для поддержанія жизни — животное постоянно худѣетъ и умираетъ, наконецъ, въ припадкахъ голода.

Эти опыты и даютъ возможность сдѣлать слѣдующее, уже болѣе положительное, заключеніе: между органическими веществами пищи самую главную и, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно необходимую составную часть представляютъ бѣлки; другія же вещества играютъ роль примѣсей, хотя тоже необходимыхъ для тѣла, но эквивалентныхъ между собою, т.-е. могущихъ заступать другъ друга. Справедливость этого вывода всего блистательнѣе подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что жизнь травоядныхъ животныхъ можно поддерживать исключительно мясной пищей, а тѣло плотоядныхъ (какъ это показываютъ, напр., собаки)—хлѣбомъ, представляющимъ смѣсь бѣлковъ съ крахмаломъ и сахаромъ.

Такимъ образомъ «нормальная пищевая смѣсь» установлена, и мнѣ, для выполненія первой половины нашей задачи, остается сказать еще нѣсколько словъ объ участіи каждаго изъ элементовъ пищи въ дѣлѣ возстановленія бѣлковыхъ, жировыхъ и прочихъ потерь въ частности. Вопросы эти рѣшаются, мм. гг., опытами, представляющими въ сущности лишь варіанты предъидущихъ, и вотъ ихъ главные результаты. Потери бѣлковыхъ и клеевыхъ тканей возстановляются только бѣлками пищи, безъ всякаго прямого содѣйствія ей прибавочныхъ составныхъ частей; поэтому животное, въ противуположность растенію, считается организмомъ, положительно не заключающимъ въ себѣ условій для образованія этихъ сложныхъ тѣлъ изъ болѣе простыхъ соединеній, путемъ сочетанія послѣднихъ. Жиры же, полагаютъ,

могутъ образоваться какъ изъ бѣлковъ пищи, такъ и изъ придаточныхъ веществъ послѣдней.

Позвольте мнѣ описать вамъ по этому поводу нѣсколько очень интересныхъ опытовъ. При исключительно бѣлковой пищѣ, какъ бы велико ни было ея количество, жиръ въ тѣлѣ не только не образуется, но даже исчезаетъ изъ него (на этомъ основанъ общеизвѣстный способъ Бентинга лечить ожиреніе употребленіемъ въ пищу, по возможности, одного нежирнаго мяса, безъ примѣси крахмала, сахара и жира), и это должно быть вамъ уже понятно изъ сказаннаго выше; но если къ такой пищѣ прибавлять сахаръ, то животное начинаетъ жирѣть и изъ него, вмѣстѣ съ тѣмъ, начинаетъ меньше выводиться продуктовъ разрушенія бѣлковыхъ веществъ (эти продукты выводятся почти исключительно мочею и количество ихъ можно измѣрять съ величайшею точностью). Этотъ опытъ, между другими наблюденіями, считается однимъ изъ доказательствъ (нужно, впрочемъ, признаться, что доказательность его значительно усилилась бы, если бы можно было доказать въ тоже время, что весь введенный съ пищей сахаръ разрушается и выводится изъ тѣла, а это не доказано) перехода бѣлковыхъ веществъ, путемъ распаденія, въ жиры. Другой опытъ дѣлался надъ пчелами, съ цѣлью доказать, наоборотъ, возможность превращенія въ жиръ сахара. Для этого ихъ кормили исключительно сахаромъ и видѣли, что пчелы продолжали приготовлять воскъ, т.-е. жирное тѣло, и при этой діэтѣ. Подобные опыты существуютъ, наконецъ, и надъ жиромъ, но они имѣютъ настолько еще зачаточную форму, что выводы изъ нихъ невозможны. Во всякомъ случаѣ, современная наука скорѣе склонна принять, чѣмъ отвергнуть за придаточными веществами пищи пластическое значеніе въ дѣлѣ возстановленія жировъ; но, конечно, главнѣйшимъ пластическимъ веществомъ пищи, залѣпливающимъ всѣ мало-мальски важныя прорѣхи въ тѣлѣ, остаются все-таки бѣлки.

Теперь я приступаю ко второй части нашей задачи, т.-е. къ оцѣнкѣ пищи, въ смыслѣ матеріала для произведенія въ тѣлѣ мышечной работы.

Вообразите себѣ, мм. гг., на одну минуту, что животное тѣло, въ дѣлѣ произведенія мышечной работы, устроено какъ паровая машина, т.-е. что въ немъ, какъ въ послѣдней, источникомъ силы служитъ теплота, развивающаяся отъ горѣнія. Тогда мы, конечно, имѣли бы право смотрѣть на пищу, какъ на топливо, и задача наша сравнительной оцѣнки ея составныхъ частей, очевидно, сводилась бы на тѣ же самые пріемы, какіе употребляются при оцѣнкѣ достоинства всякаго топлива, т.-е. на

опредѣленіе его состава, въ смыслѣ бо́льшей или меньшей способности давать теплоту, богатства горючими составными частями, стоимости и пр. Дѣло было бы дѣйствительно просто, но прежде нужно еще убѣдиться, существуютъ ли, въ самомъ дѣлѣ, данныя, чтобы смотрѣть на мышечную работу животнаго тѣла, какъ на работу паровой машины.

Первое и неизбѣжное свойство матеріала, служащаго источникомъ силы въ паровой машинѣ, есть его горючесть на воздухѣ, т.-е. способность соединяться съ кислородомъ воздуха. Обладаютъ ли этимъ свойствомъ вещества пищи? Да, и если хотите, даже въ большей степени, чѣмъ уголь и дрова—обычные горючіе матеріалы паровыхъ машинъ, такъ какъ первыя легко измѣняются подъ вліяніемъ атмосфернаго кислорода даже при обыкновенной температурѣ, тогда какъ вторые вовсе не измѣняются при этомъ условіи, или очень мало. Но въ паровой машинѣ топливо горитъ съ огнемъ и дымомъ, а въ тѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ.—Дѣйствительно, этихъ яркихъ внѣшнихъ признаковъ найти въ немъ нельзя, но за то есть всѣ существенные элементы горѣнія, какъ процесса соединенія горючаго матеріала съ кислородомъ. Во-первыхъ, въ животное тѣло, какъ въ печь паровой машины, постоянно входитъ кислородъ, во-вторыхъ, изъ него постоянно выдѣляются легкими и кожей тѣже самые продукты, которые получаются при горѣніи, напр., дровъ, именно вода[1]) и угольная кислота, составляющія результаты окисленія углерода и водорода. Дыма при этомъ изъ тѣла, правда, не выходитъ, но это не недостатокъ, а наоборотъ, достоинство процесса — нѣтъ дыма, значитъ сгараніе топлива полное. Итакъ, горѣніе въ тѣлѣ есть, но только оно происходитъ не при такой высокой температурѣ, какъ въ печи паровой машины, оттого и нѣтъ пламени; процессъ идетъ медленнѣе, но за то сгараніе элементовъ болѣе полное. Аналогія между паровой машиной и животнымъ тѣломъ продолжается и со стороны явленій развитія тепла — во всѣхъ случаяхъ, когда все количество его въ тѣлѣ повышается, легко подмѣтить одновременное съ этимъ усиленіе процессовъ окисленія; значитъ, теплота животнаго тѣла, какъ и теплота паровой машины, есть результатъ горѣнія. Наконецъ, въ новѣйшее время и для животнаго тѣла выяснились оконча-

[1]) Выше было сказано, что вода пищи, вслѣдствіе ея неизмѣняемости, цѣликомъ выводится изъ тѣла легочными и кожными испареніями, а теперь вода выставляется, какъ продуктъ горѣнія въ тѣлѣ. Въ этомъ противорѣчія однако нѣтъ. Если сравнить пищевой приходъ воды съ расходомъ ея черезъ лёгкія и кожу, то перевѣсъ остается на сторонѣ послѣдняго, и этотъ-то избытокъ и есть продуктъ сгаранія водорода, заключающагося въ веществахъ тѣла, какъ онъ заключается въ дровахъ.

тельно тѣ моменты, которыми рѣшается вообще вопросъ о превращеніи тепла въ механическую работу, и опыты дали скорѣе утвердительный, чѣмъ отрицательный отвѣтъ (входить въ разсмотрѣніе этого вопроса, по его обширности, я, къ сожалѣнію, не могу).

На всѣхъ этихъ основаніяхъ мы съ полнымъ правомъ можемъ слѣдовать изложенному выше плану, но съ ограниченіемъ — не упускать изъ виду разницы горѣнія тѣлъ на огнѣ и сгаранія ихъ въ животномъ тѣлѣ. Съ этой точки зрѣнія я заранѣе прошу придавать лишь условное значеніе приводимымъ ниже числамъ изъ новѣйшихъ опытовъ Франкланда, относительно количества теплоты, развивающейся при прямомъ сжиганіи различныхъ пищевыхъ веществъ. Это потому, что въ дѣлѣ произведенія теплоты, даваемой всякимъ тѣломъ, чрезвычайно много значитъ способъ его сгаранія, т.-е. характеръ распаденія тѣла во время самаго процесса на тѣ промежуточныя соединенія, черезъ которыя пробѣгаетъ горящее тѣло.

Итакъ, какіе изъ элементовъ пищи (бѣлки, жиръ, крахмалъ и сахаръ) исключительно или наиболѣе способны къ произведенію работы?

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ внѣ всякихъ предвзятыхъ мыслей, путемъ опыта, слѣдовало бы поступить такъ: кормить рабочаго человѣка или рабочее животное поочередно каждою изъ составныхъ частей пищи въ отдѣльности и затѣмъ мѣрять maximum'ы работы, произведенной при каждой діэтѣ. Но вы понимаете, мм. гг., что такіе опыты невозможны, потому что, при этихъ условіяхъ, вы имѣли бы дѣло съ голодающимъ человѣкомъ или животнымъ; слѣдовательно, приходится обратиться къ опытамъ съ пищевыми смѣсями, въ которыхъ преобладали бы или бѣлки, или придаточныя вещества. Но и при этихъ опытахъ нужно имѣть въ виду еще слѣдующее обстоятельство: не все равно, производитъ ли животное кратковременную, хотя и сильную работу, или оно работаетъ менѣе сильно, но за то очень продолжительно.—Въ первомъ случаѣ на подмогу вводимой въ организмъ пищѣ готовъ весь нетронутый запасъ рабочаго матеріала въ тѣлѣ, которымъ, какъ показываютъ опыты съ голодомъ, снабжено всякое животное, питающееся нормально; тогда какъ при продолжительной работѣ этотъ запасъ мало по малу истощается. Если не принять во вниманіе этого различія, то можно запутаться въ необъяснимыхъ противорѣчіяхъ, какъ это и случалось на дѣлѣ.

Вотъ, напр., результаты опытовъ усиленной кратковременной работы надъ людьми, имѣвшими въ тѣлѣ избытокъ рабочаго

матеріала сверхъ вводимой пищи. Двое швейцарскихъ ученыхъ предприняли, съ цѣлью разъясненія занимающаго насъ вопроса, 6-ти-часовое восхожденіе на гору (т.-е. производили работу подниманія своего тѣла на высоту горы) при діэтѣ, исключительно состоявшей изъ жира, крахмалистыхъ и сахаристыхъ веществъ. При этомъ они нашли, что, судя по количеству продуктовъ разрушенія бѣлковыхъ веществъ въ мочѣ, только небольшая часть всей работы могла быть произведена на счетъ бѣлковъ тѣла, и вывели отсюда совершенно справедливое для даннаго случая заключеніе, что работа производилась почти исключительно на счетъ безазотистыхъ веществъ пищи. Если бы вы, однако, перенеся этотъ выводъ и на случай продолжительной работы, стали думать, что и здѣсь работа пойдетъ успѣшнѣе при пищѣ особенно богатой крахмалами и жирами, то сдѣлали бы заключеніе, не оправдываемое опытомъ. Вотъ что говорятъ опыты кормленія рабочаго люда съ одной стороны мясомъ, съ другой—растительной пищей, богатой крахмаломъ и сахаромъ. Въ 1841 г., на желѣзной дорогѣ изъ Руана въ Парижъ работали разомъ англійскіе и французскіе рабочіе. Пока послѣдніе питались по преимуществу супами и овощами, англійскіе рабочіе имѣли надъ ними въ дѣлѣ работы значительный перевѣсъ; но какъ только имъ была увеличена мясная порція, различіе это исчезло. Я лично слышалъ отъ доктора, путешествовавшаго по уральскимъ заводамъ, что рабочіе во время поста производятъ вообще меньше, чѣмъ въ теченіи мясоѣда.

И эти результаты, мм. гг., совершенно понятны: во-первыхъ, мясо при пищеварительныхъ процессахъ утилизируется болѣе всякой растительной пищевой смѣси, оно переваривается почти до тла и поступаетъ въ тѣло почти всей массой, тогда какъ, напр., изъ хлѣба собака перевариваетъ только $^1/_3$, а остальныя $^2/_3$ выбрасываетъ каломъ; во-вторыхъ, мясо всегда содержитъ жиръ, несомнѣнный рабочій матеріалъ; наконецъ, въ-третьихъ, оно наиболѣе способно покрывать несомнѣнно существующія при работѣ бѣлковые дефициты въ тѣлѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ производить наростаніе массы мышечной ткани.

Въ виду этихъ фактовъ, опытный отвѣтъ на нашъ вопросъ долженъ быть формулированъ, повидимому, слѣдующимъ образомъ: еслибы цѣли, которымъ служитъ пища въ тѣлѣ — работа и пластика—могли быть отдѣлены другъ отъ друга, т.-е. еслибы животное тѣло во время работы измѣнялось не болѣе, чѣмъ въ покоѣ, то рабочимъ матеріаломъ въ тѣлѣ травояднаго животнаго и человѣка (но плотояднаго едва ли) можно было бы считать если не исключительно, то преимущественно жиръ, крах-

малъ и сахаръ; но работа усиливаетъ, повидимому, обмѣнъ всѣхъ веществъ въ тѣлѣ, и потому рабочая пища должна заключать въ себѣ и пластическіе бѣлки. Я сознательно придалъ этому заключенію форму вѣроятія, и вы видите, чего недостаетъ ему, чтобы превратиться въ истину:—нужны только опыты, которые доказывали бы усиленное разрушеніе бѣлковъ при работѣ. Средство для этого, мм. гг., есть (оно заключается въ измѣреніи количества одной изъ составныхъ частей мочи, именно мочевины, какъ главнѣйшаго по массѣ продукта разрушенія бѣлковъ, при покоѣ тѣла и при работѣ), оно было употреблено въ дѣло и дало утвердительный отвѣтъ.

Слѣдовательно, рабочая пища (этого понятія не слѣдуетъ смѣшивать съ «пищей рабочаго человѣка», которая, конечно, должна содержать бѣлки уже потому, что безъ нихъ вообще жизнь невозможна) должна въ самомъ дѣлѣ заключать смѣсь бѣлковъ съ которымъ-нибудь изъ придаточныхъ веществъ.

Такъ говорятъ, мм. гг., основные опыты и въ подмогу имъ идутъ частныя наблюденія, равно какъ чисто теоретическія соображенія.

Говоря разъ о голоданіи животныхъ, я замѣтилъ, что жиръ исчезаетъ изъ тѣла всего раньше. На первый взглядъ трудно понять причину такого исчезанія вообще, такъ какъ жиръ не можетъ превратиться, какъ это уже извѣстно намъ, ни въ бѣлковыя, ни въ клеевыя ткани. Но если вы взглянете на жиръ въ тѣлѣ, какъ на запасъ рабочаго матеріала, тогда дѣло объясняется сразу: своимъ сгараніемъ онъ поддерживаетъ тѣ мышечныя работы въ тѣлѣ (напр. дѣятельность сердца, дыхательныя движенія и пр.), которыя существуютъ даже при такъ-называемомъ абсолютномъ покоѣ тѣла. Посмотрите далѣе на людей, занимающихся тяжелыми работами—едва ли на тысячу найдется одинъ жирный. Если вы будете собирать и сравнивать между собою (какъ это дѣлается,—будетъ объяснено въ лекціяхъ о дыханіи) тѣ изверженія тѣла, которыя мы назвали эквивалентными продуктами горѣнія дровъ, то найдете, что при работѣ количество ихъ увеличивается въ нѣсколько разъ противъ условій покоя тѣла; сравните составъ этихъ веществъ (угольная кислота и вода) съ составомъ элементовъ пищи, и окажется, что жиръ, крахмалъ, сахаръ могутъ превращаться въ нихъ безъ остатка: водородъ, сгарая, даетъ воду, а углеродъ — угольную кислоту. Все это, мм. гг., факты, которые разъясняютъ вопросъ о происхожденіи работы изъ окисленія тѣхъ веществъ пищи, которыя мы называли придаточными и которыя теперь слѣдуетъ назвать рабочими. Въ ту же сторону невольно направляютъ

мысль и опыты Франкланда съ количествомъ теплоты, и съ вычисленной отсюда величиной механической работы, получающейся отъ сожиганія различныхъ пищевыхъ веществъ. Я привожу таблицу его опытовъ:

Названіе веществъ.	Тепловыя единицы.	Един. мех. работы.
Пшеничная мука . . .	3,941	1.674,925
Рисовая мука	3,813	1.620,525
Сахаръ	3,348	1.422,900
Бычачій жиръ	9,069	3.854,325
Хлѣбный мякишъ. . .	2,231	948,175
Хлѣбная корка . . .	4,459	1.895,075
Тощее мясо	1,567	665,975

Вы видите, въ дѣлѣ произведенія тепла жиры стоятъ на первомъ мѣстѣ, за ними слѣдуютъ крахмалъ и сахаръ, а бѣлки стоятъ на третьемъ планѣ.

Сообразивъ все сказанное въ эту лекцію, мы приходимъ, наконецъ, къ слѣдующему окончательному выводу:

Пища и при покоѣ, и при работѣ тѣла, должна представлять смѣсь бѣлковыхъ веществъ съ жирами, крахмаломъ или сахаромъ, и въ обоихъ этихъ случаяхъ за бѣлками остается преимущественно пластическое значеніе, а за прочими веществами — рабочее.

VII.

Измѣненія пищевыхъ веществъ въ полости пищеварительнаго канала.—Регуляція акта принятія пищи.

Въ прошлую лекцію былъ выясненъ наипростѣйшій составъ пищи, необходимый для жизни тѣла, какъ при покоѣ его, такъ и въ рабочемъ состояніи. Черезъ это я получилъ возможность знакомить васъ въ настоящую лекцію съ тѣми измѣненіями, которыя пища претерпѣваетъ въ полости пищеварительнаго канала. Задача эта сводится теперь въ самомъ дѣлѣ на опредѣленіе измѣненій: воды, минеральныхъ веществъ, бѣлковъ, жировъ, крахмала и сахара подъ вліяніемъ пищеварительныхъ соковъ. Эту задачу я могъ бы выполнить на два лада: распредѣливъ описаніе по объектамъ или субстратамъ пищеваренія, т.-е. преслѣдуя судьбу каждаго изъ названныхъ веществъ по всей длинѣ пищевого канала въ отдѣльности, или слѣдя на этомъ пути за всей пище-

вой смѣсью разомъ. Второй способъ, какъ болѣе естественный, я предпочитаю. Но прежде всего, для избѣжанія повтореній, считаю нужнымъ сдѣлать слѣдующее общее замѣчаніе: вода и растворимыя въ ней минеральныя вещества, также сахаръ и вообще всякія органическія соединенія, способныя давать съ водою истинные растворы, нисколько не измѣняются по всей длинѣ пищеварительнаго канала. Бѣлки, жиры и крахмалъ не даютъ наоборотъ такихъ растворовъ ни въ ихъ естественномъ состояніи, ни въ той искусственной формѣ, въ которой они являются послѣ кухоннаго приготовленія; только эти вещества и измѣняются въ пищеварительномъ каналѣ, и рѣчь наша будетъ касаться только ихъ. Причины этому выяснятся впослѣдствіи.

Пища, попадая въ полость рта, задерживается здѣсь нѣкоторое время, чтобы быть разжеванной и смоченной слюною и слизью. Задержка ея и жеваніе обусловливается у животныхъ тѣмъ рядомъ пріятныхъ вкусовыхъ ощущеній, которыя вызываются въ полости рта, и только въ ней одной—соприкосновеніемъ жидкой и разжеванной твердой пищи съ слизистою поверхностью. Не менѣе замѣчателенъ нервный механизмъ, при посредствѣ котораго одновременно съ поступленіемъ пищи въ ротъ и ея пережевываніемъ начинаетъ сочиться въ эту полость слюна, какъ будто какая невидимая рука вдругъ отворяетъ запертой до той поры кранъ. Дѣло здѣсь въ томъ, что пища дѣйствуетъ на концы вкусовыхъ нервовъ и возбуждаетъ ихъ; возбужденіе, какъ токъ по телеграфной проволокѣ, сообщается головному мозгу и здѣсь переходитъ на другой родъ нервовъ, посылающихъ импульсы къ рабочимъ соко-отдѣлительнымъ органамъ, слюннымъ желѣзамъ. Подъ вліяніемъ этихъ импульсовъ сочится слюна и смѣшивается съ пережевываемою въ это время пищею. Слюна содержитъ въ себѣ, мм. гг., три вещества, важныя въ пищеварительномъ отношеніи: огромное количество воды для растворенія изъ твердой пищи всего, что въ ней можетъ растворяться, слизь для того, чтобы сдѣлать пищевой комъ передъ глотаніемъ скользкимъ, и, наконецъ, особенное вещество, называемое *птіалиномъ* и превращающее крахмалы въ общеизвѣстный паточный или, какъ его обыкновенно называютъ, виноградный сахаръ. Прежде, чѣмъ идти дальше, позвольте мнѣ показать вамъ одинъ изъ способовъ, которымъ доказывается это превращеніе. Нужно вамъ замѣтить, что въ щелочной средѣ виноградный сахаръ очень жадно соединяется съ кислородомъ, поэтому стóитъ только привести его при этихъ условіяхъ въ соприкосновеніе съ кислородными соединеніями, въ которыхъ весь кислородъ или часть его удерживаются въ связи не крѣпко, и соединеніе это превра-

щается въ новое тѣло, отдавая кислородъ сахару. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда сахаръ дѣйствуетъ, напр., на голубую водную окись мѣди, разкисленіе послѣдней сопровождается рѣзкимъ измѣненіемъ цвѣта — изъ голубого вещество дѣлается красно-желтымъ—и это измѣненіе представляетъ тогда наглядную химическую реакцію на сахаръ. При посредствѣ этой реакціи я и докажу вамъ теперь, что слюна въ самомъ дѣлѣ превращаетъ крахмалъ въ сахаръ. Съ этой цѣлью я смѣшиваю прежде голубую реактивную жидкость въ отдѣльности съ крахмальнымъ отваромъ и со слюною, чтобы показать вамъ, что измѣненія въ цвѣтѣ не происходитъ ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ; а затѣмъ смѣшаю туже жидкость съ крахмальнымъ отваромъ, къ которому было прибавлено минутъ за пять передъ этимъ нѣкоторое количество слюны. Вы видите, что при согрѣваніи послѣдней голубой смѣси она принимаетъ желтый цвѣтъ.

Въ дѣйствіи слюны на крахмалъ особенно замѣчательно слѣдующее обстоятельство: чрезвычайно маленькія количества птіалина способны превращать въ сахаръ большія количества крахмала, и даже послѣ такихъ превращеній птіалинъ не только не исчезаетъ, но сохраняетъ способность къ дальнѣйшему дѣйствію, какъ будто одного его соприкосновенія съ крахмаломъ достаточно, чтобы вызвать въ послѣднемъ превращеніе. Эта форма химическаго дѣйствія свойственна вообще бродиламъ, напр. дрожжамъ, и потому птіалинъ считается также бродиломъ. Такой же способъ дѣйствія мы увидимъ и со стороны нѣкоторыхъ другихъ пищеварительныхъ соковъ, и вы понимаете, мм. гг., что это обстоятельство имѣетъ важное значеніе въ дѣлѣ экономіи силъ, тратимыхъ организмомъ на приготовленіе пищеварительныхъ соковъ—вмѣсто того, чтобы фабриковать эти дѣятельныя вещества фунтами, является возможность производить ихъ въ доляхъ золотниковъ. Другое обстоятельство, на которое я обращаю ваше вниманіе, заключается въ томъ, что прибавленіе къ смѣси крахмала со слюной небольшихъ количествъ кислоты не мѣшаетъ сахарному превращенію. Это важно знать потому, что въ полости рта пища остается слишкомъ мало времени для того, чтобы вся масса крахмала превратилась въ сахаръ, и процессъ этотъ долженъ продолжаться въ желудкѣ, гдѣ соки имѣютъ кислую реакцію.

Когда пережеванная пища смочена слюною и слизью, пищеварительныя явленія въ области рта окончены (бѣлки и жиры, значитъ, не претерпѣваютъ здѣсь никакихъ измѣненій) и воля приводитъ въ движеніе очень сложный нервно-мышечный снарядъ, производящій глотательныя движенія. Послѣдовательною

игрою различныхъ отдѣловъ этого перистальтически дѣйствующаго аппарата достигается, съ одной стороны, передвиженіе пищи кзади и внизъ по пищеводу, съ другой предупреждается попаданіе ея черезъ заднія носовыя отверстія въ полость носа и черезъ отверстіе гортани въ дыхательное горло. Въ дѣйствіи этого снаряда особенно поразительна слѣдующая сторона: будучи выстроенъ въ верхнемъ отдѣлѣ изъ мышцъ, повинующихся, какъ говоритъ самосознаніе, волѣ, онъ могъ бы, повидимому, дѣйствовать подъ однимъ вліяніемъ ея импульсовъ неопредѣленно долгое время, какъ дѣйствуютъ, наприм., мышцы руки или ноги, а между тѣмъ опытъ показываетъ, что для дѣятельности глотательнаго снаряда необходимъ, такъ сказать, глотательный объектъ. Попробуйте въ самомъ дѣлѣ глотать, когда во рту ничего нѣтъ, нѣсколько разъ сряду—пока есть слюна, глотательныя движенія удаются, но затѣмъ при всевозможныхъ усиліяхъ со стороны воли они становятся невозможны. Дѣло въ томъ, мм. гг., что не только здѣсь, но и въ ногахъ не одна воля управляетъ гармоніею движеній, а еще и чувство; — отнимите, напр., у человѣка ту сумму ощущеній, которыя онъ получаетъ изъ ноги при ходьбѣ, и ходьба, какъ гармоническое движеніе мышечныхъ группъ, становится невозможной.

Движеніе глотанія кончается у входнаго отверстія желудка и поступающая въ него твердая пища задерживается здѣсь уже на часы. Механизмъ задержки пищи въ желудкѣ уже болѣе реальный, чѣмъ въ полости рта — выходное отверстіе желудка въ кишки окружено сильнымъ мышечнымъ кольцомъ, которое, какъ только поступаетъ пища, спазмотически сжимается. Импульсомъ къ сжатію служитъ, вѣроятно, соприкосновеніе первыхъ порцій пищи съ слизистою оболочкою желудка; но несомнѣнно, что соприкосновеніе это служитъ сигналомъ къ отдѣленію желудочнаго сока, высачивающагося изъ стѣнокъ желудка. Доказать это очень легко. Живому животному (обыкновенно собакѣ) прорѣзывается подъ ложечкой по срединной линіи тѣла брюшная стѣнка; черезъ рану отыскивается желудокъ, притягивается къ ранѣ, и часть его поверхности, величиною въ полтинникъ, вшивается въ окружность брюшной раны; черезъ нѣсколько дней стѣнка желудка сростается съ стѣнкой брюха, и тогда часть желудка, вшитая въ рану, прорѣзывается и въ отверстіе вставляется трубочка, могущая закрываться пробкой; — образуется такъ-называемая желудочная фистула, нисколько не мѣшающая жизни животнаго, но во всякое время допускающая входъ въ полость желудка извнѣ. Выбираютъ моментъ, когда желудокъ пустъ, и вводятъ въ него черезъ фистулу приводы электрическаго снаряда,

или просто перо съ бородкой на концѣ, и раздражаютъ слизистую оболочку простымъ щекотаніемъ или электрическимъ токомъ —въ обоихъ случаяхъ она тотчасъ же краснѣетъ и начинаетъ сочить изъ себя жидкость.

Этой операціей можно слѣдовательно пользоваться не только ради доказательства того, что слизистая оболочка желудка возбуждается къ выдѣленію сока непосредственнымъ ея раздраженіемъ (процессъ этотъ въ сущности тотъ же, что и выдѣленіе слюны подъ вліяніемъ раздраженія слизистой оболочки рта), но и какъ способомъ добывать желудочный сокъ съ цѣлью изученія его пищеварительныхъ свойствъ. Такъ въ самомъ дѣлѣ и поступаютъ.

Желудочный сокъ есть, мм. гг., слегка мутноватая жидкость желтоватаго цвѣта, очень бѣдная твердымъ остаткомъ (столько же бѣдная, какъ слюна) и ясно кислая на вкусъ. Послѣднимъ свойствомъ она обязана присутствію въ ней свободной соляной кислоты, первой составной части желудочнаго сока, важной въ физіологическомъ отношеніи. Другая составная часть его есть бродило, называемое *пепсиномъ*. То и другое вещество дѣйствуютъ разомъ, притомъ только на бѣлковыя тѣла. Если послѣднія поступаютъ въ желудокъ въ жидкомъ видѣ (напр., творогъ въ молокѣ), то сначала они свертываются, затѣмъ свертки подъ вліяніемъ кислоты разбухаютъ, а пепсинъ растворяетъ ихъ окончательно; тоже дѣлается и съ бѣлками, поступающими въ желудокъ въ свернутомъ состояніи, конечно, за исключеніемъ первой половины процесса.

Если принять во вниманіе, что растворяющему дѣйствію желудочнаго сока всегда предшествуетъ свернутое, т.-е. твердое состояніе бѣлковыхъ веществъ, то окончательный результатъ желудочнаго пищеваренія — превращеніе бѣлковъ въ жидкую форму—будетъ понятенъ; но затѣмъ все-таки остается вопросъ, что же выигрываютъ отъ этого бѣлки, которые уже вводятся въ желудокъ въ жидкой формѣ? Дѣло въ томъ, мм. гг., что жидкіе бѣлки въ ихъ естественномъ состояніи (напр., въ куриномъ яйцѣ, въ молокѣ и пр.) не представляютъ всѣхъ свойствъ истинныхъ водныхъ растворовъ, тогда какъ, измѣнившись подъ вліяніемъ желудочнаго сока и превратившись въ т.-наз. пептоны, они получаютъ именно эти недостающія свойства. Желудочный сокъ дѣлаетъ бѣлки, такъ-сказать, болѣе растворимыми въ водѣ, но при этомъ онъ нисколько не измѣняетъ химической природы ихъ; отъ бѣлковъ, какъ показываетъ химическій анализъ, не отщепляется во время желудочнаго пищеваренія ни единаго атома вещества. Важность послѣдняго обстоятельства становится очевид-

ной, если вы припомните, что жидкіе бѣлки крови, потери которыхъ первѣе всего вознаграждаются бѣлками пищи, представляютъ всѣ свойства естественныхъ жидкихъ бѣлковъ; стало быть, всякое измѣненіе состава послѣднихъ въ полости пищевой трубки было бы не только излишне, но даже вредно, такъ какъ въ этомъ случаѣ нужны были бы новые процессы для возвращенія бѣлковъ къ ихъ первоначальному составу.

Итакъ, въ полости желудка проглоченная съ пищей слюна продолжаетъ дѣйствовать на крахмалъ, а желудочный сокъ переводитъ бѣлки въ состояніе растворовъ.

Прежде, чѣмъ я пойду дальше, позвольте мнѣ раздать желающимъ нѣсколько порцій искусственныхъ пищеварительныхъ смѣсей и разсказать, какъ онѣ приготовлены.

Пепсинъ и кислота приготовляются, какъ я уже имѣлъ случай говорить, въ пепсиновыхъ желѣзкахъ, и эти углубленія наполнены ими во всякое время, особенно внѣ желудочнаго пищеваренія. Этимъ обстоятельствомъ и пользуются для приготовленія искусственнаго желудочнаго сока: берутъ отъ убитаго животнаго желудокъ, ополаскиваютъ его извнутри струей воды и затѣмъ соскабливаютъ тупымъ ножемъ вмѣстѣ съ верхними слоями слизистой оболочки заключенныя въ нихъ пепсиновыя желѣзы. Соскобленное обливаютъ подкисленной слегка водой, ставятъ на нѣсколько часовъ въ теплое мѣсто (при температурѣ не свыше 40° Ц.), процѣживаютъ и получаютъ, наконецъ, искусственный желудочный сокъ, который разлитъ по всѣмъ этимъ стекляннымъ трубочкамъ. Въ трубочки положены сверхъ того, въ одну—кусочки мяса, въ другую—мелкоизрубленный вареный яичный бѣлокъ, въ третью влито молоко, въ четвертую опущены клочки фибрина, свертывающагося вещества крови, и т. д. Если эти смѣси вы будете держать нѣсколько часовъ въ тепломъ мѣстѣ, напр., у себя въ карманѣ, при температурѣ собственнаго тѣла, то всѣ бѣлковыя вещества растворятся.

Настои слизистой оболочки желудковъ употребляются также на добываніе пепсина. Во Франціи онъ фабрикуется въ значительныхъ размѣрахъ и извѣстенъ въ продажѣ подъ именемъ французскаго пепсина. При этомъ пользуются свойствомъ его выпадать изъ растворовъ чисто механически вслѣдъ за образующимися въ растворахъ осадками. Нужно однако замѣтить, что продажный пепсинъ очень не чистъ, вслѣдствіе примѣси къ нему пептоновъ.

Изъ желудка пища поступаетъ въ тонкія кишки и тотчасъ же подвергается дѣйствію желчи и поджелудочнаго сока. Сначала я буду говорить о послѣднемъ.

О существованіи поджелудочной желѣзы въ публикѣ знаютъ вообще очень мало, а между тѣмъ сокъ ея оказывается важнѣе всѣхъ другихъ въ пищеварительномъ отношеніи. Онъ дѣйствуетъ одновременно, но конечно различными составными частями, на всѣ элементы пищи, т.-е. на бѣлки, жиры и крахмалъ, разомъ. Добывать этотъ сокъ можно двоякимъ образомъ — вставляя черезъ рану брюшной стѣнки трубочку въ выводной протокъ желѣзы, или дѣлая водный настой послѣдней, подобно приготовленію искусственнаго желудочнаго сока изъ слизистой оболочки желудка. Къ сожалѣнію, первый способъ даетъ всегда очень мало жидкости, такъ что опыты по необходимости дѣлаются только съ настоями.

На крахмалъ панкреатическій сокъ дѣйствуетъ совершенно какъ слюна, слѣдовательно говорить объ этомъ нечего; но дѣйствіе его на бѣлки значительно отличается отъ дѣйствія пепсина. Послѣдній разстворяетъ ихъ только въ кислой средѣ, тогда какъ сокъ поджелудочной желѣзы дѣйствуетъ на бѣлки и въ щелочныхъ, и въ нейтральныхъ и даже въ подкисленныхъ растворахъ. Притомъ дѣйствіе его гораздо энергичнѣе: какъ бы долго ни находились бѣлки подъ вліяніемъ пепсина (разумѣется пока не наступитъ гніеніе), дѣйствіе его останавливается на произведеніи пептоновъ, не осаждающихся отъ жара, алькоголя, минеральныхъ кислотъ и пр.; панкреатическій же сокъ, оставаясь долго въ соприкосновеніи съ бѣлками, положительно разщепляетъ ихъ, давая въ остаткѣ вонючую, липкую смолистую массу, которая въ смѣси съ измѣнившейся желчью образуетъ наибольшую по массѣ составную часть испражненій плотояднаго животнаго. Замѣчательно, что по продуктамъ разщепленія бѣлковъ дѣйствіе сильнощелочного панкреатическаго сока чрезвычайно сходно съ дѣйствіемъ сѣрной кислоты.

На жиры панкреатическій сокъ дѣйствуетъ двоякимъ образомъ: чисто-механически—превращая ихъ въ эмульсію, и химически—разщепляя жиры на жирныя кислоты и глицеринъ. Первымъ дѣйствіемъ онъ обязанъ лишь своей тягучести, вслѣдствіе присутствія въ немъ бѣлковъ. Возьмите въ самомъ дѣлѣ какое-нибудь масло, смѣшайте его съ жидкимъ яичнымъ бѣлкомъ, или съ растворомъ аравійской камеди и начните сильно взбалтывать смѣсь—у васъ получится бѣлая, непрозрачная, похожая на молоко жидкость; это и есть эмульсія. Еслибъ вы стали разсматривать подъ микроскопомъ каплю такой смѣси, оказалось бы, что она состоитъ изъ прозрачной жидкости, образующей какъ бы фонъ, и вмѣшанныхъ въ ней маленькихъ жирныхъ капелекъ. Ту же картину вы получили бы и отъ настоящаго молока. Итакъ,

эмульсія есть не что иное, какъ мелкое раздробленіе жира, при посредствѣ несмѣшивающейся съ нимъ тягучей жидкости. У живого животнаго присутствіе въ кишкахъ жирной эмульсіи доказать легко: животное кормятъ какой-нибудь жирной пищей и часа черезъ четыре послѣ ѣды убиваютъ; при вскрытіи живота, всѣ лимфатическіе сосуды тонкихъ кишекъ оказываются наполненными какъ бы молокомъ, оттого ихъ и называютъ обыкновенно млечными сосудами.

Чтобы доказать упомянутое выше разлагающее дѣйствіе панкреатическаго сока на жиры, необходимы сложные химическіе пріемы, но доказать, что въ смѣси панкреатическаго сока съ жирами образуются свободныя кислоты очень легко, при посредствѣ лакмусовой настойки, обычнаго указателя присутствія свободныхъ кислотъ (при ихъ образованіи измѣняется ея цвѣтъ).

Такъ дѣйствуетъ панкреатическій сокъ, если дѣлать съ нимъ опыты искусственнаго пищеваренія внѣ тѣла, и такъ-же дѣйствуетъ онъ въ тѣлѣ на крахмалы, бѣлки, не успѣвшіе превратиться въ пептоны, и наконецъ на жиры, поскольку онъ ихъ эмульсируетъ. Но въ отношеніи нашего сока къ желудочнымъ пептонамъ, равно какъ въ разлагающее дѣйствіе его на жиры замѣшивается участіе желчи.

При взглядѣ на величину печени, особенно въ сравненіи съ прочими пищеварительными желѣзами, невольно можно подумать, что она должна играть очень важную роль въ пищевареніи; а на дѣлѣ выходитъ не такъ. Живому животному можно отвести желчь наружу [1]), такъ что пищевареніе будетъ совершаться безъ ея участія, а между тѣмъ животное можно сохранить живымъ цѣлые годы. При этомъ замѣчается однако слѣдующее обстоятельство: животное становится страшно прожорливымъ, и если оставить эту потребность безъ удовлетворенія, не кормить его вдвое сильнѣе противъ нормы, то оно быстро худѣетъ и умираетъ отъ истощенія. Кромѣ того, при употребленіи такимъ животнымъ жирной пищи, его кишечныя испражненія всегда оказываются богатыми жиромъ, что указываетъ, во всякомъ случаѣ, на затрудненное поступленіе жира въ тѣло. Въ виду этихъ фактовъ становится очевиднымъ, что желчь, не будучи совершенно необходимой для пищеварительныхъ процессовъ, помогаетъ имъ

---

[1]) Эта операція заключается въ томъ, что прорѣзываютъ стѣнку брюха, черезъ рану перевязываютъ желчный протокъ около мѣста его впаденія въ кишку, затѣмъ въ отверстіе брюшной раны вшиваютъ желчный пузырь и прорѣзываютъ его стѣнки. Тогда желчь хотя и не вливается въ кишки, но и не застаивается въ тѣлѣ, вытекая черезъ фистулу желчнаго пузыря наружу.

однако въ значительной степени. Мы и займемся теперь разъясненіемъ этого вопроса.

Если желчь, добываемую очень легко изъ желчныхъ пузырей на свѣжихъ трупахъ, смѣшивать по-очередно съ крахмаломъ, бѣлковыми тѣлами и жирами при температурѣ животнаго тѣла, то она не оказываетъ на нихъ ни малѣйшаго дѣйствія—этимъ объясняется до извѣстной степени первая половина только-что сдѣланнаго вывода. Если же изучать дѣйствіе желчи въ связи съ другими пищеварительными соками, какъ дѣло происходитъ и въ дѣйствительности, то получается нѣчто другое. На крахмалъ она и при этомъ условіи продолжаетъ оставаться безъ дѣйствія: но на бѣлки, превращенные желудочнымъ сокомъ въ пептоны, дѣйствіе ея рѣзко, хотя и вовсе не въ положительную, а въ отрицательную сторону. Нужно вамъ замѣтить, мм. гг., что наибольшую по массѣ (конечно, за исключеніемъ воды) составную часть желчи представляютъ двѣ соли — соединенія содовой щелочи съ двумя совершенно особенными желчными кислотами, и что послѣднія, отъ дѣйствія на желчь какихъ-нибудь болѣе сильныхъ кислотъ, тотчасъ же выпадаютъ въ формѣ нерастворимаго осадка. Это и случается каждый разъ, когда кислая желудочная смѣсь, содержащая свободную соляную кислоту, встрѣчается въ верхней части кишки съ желчью. Но это бы ничего — бѣда въ томъ, что вмѣстѣ съ выпадающими желчными кислотами механически увлекается не только пепсинъ, но и пептоны. Слѣдовательно, желчь не только не помогаетъ желудочному пищеваренію, но она врагъ ему (и это всего лучше видно на болѣзненныхъ примѣрахъ, когда желчь попадаетъ въ желудокъ — пищевареніе въ послѣднемъ тотчасъ же прекращается и являетс- рвота), и не будь подъ рукой панкреатическаго сока, который быстро растворяетъ хлопья пептоновъ, зло, причиняемое бѣлковому пищеваренію желчью, было бы неисправимо. Стало быть, развѣ только въ отношеніи бѣлковъ мы имѣемъ право сказать, что желчь не препятствуетъ ихъ перевариванію. Превращеніямъ же жировъ она оказываетъ слѣдующую положительную услугу: вамъ, конечно, извѣстно, что мыло, употребляемое въ домашнемъ обиходѣ, дѣлается изъ жировъ при помощи щелочей (нужно еще нѣкоторое количество воды); послѣднія, разлагая жиры и соединяясь съ ихъ кислотами, образуютъ мыло, а въ остаткѣ получается глицеринъ; вы помните далѣе, что было сказано о дѣйствіи панкреатическаго сока — и онъ разлагаетъ жиры, но не въ силу своей щелочности, а дѣйствіемъ какого-то неопредѣленнаго до сихъ поръ фермента, и выдѣленныя имъ изъ жира кислоты остаются свободными, пока не встрѣтятся съ желчью;

здѣсь они находятъ щелочь, соединяются съ ней и образуютъ содовое мыло. Такъ какъ послѣднее растворимо въ водѣ (глицеринъ — другой продуктъ распаденія жировъ — тоже), то оказывается, что подъ вліяніемъ желчи и панкреатическаго сока омывающаяся часть пищевыхъ жировъ претерпѣваетъ такое превращеніе, вслѣдствіе котораго она цѣликомъ становится растворимою въ водѣ. Важность этой услуги выяснится для васъ вполнѣ, когда дойдетъ рѣчь до акта выступленія переваренной пищи изъ полости пищевого канала; но нельзя не замѣтить, что едва-ли эта услуга велика въ количественномъ отношеніи: наибольшая масса утилизируемаго пищевого жира покидаетъ кишки не въ формѣ мыла, а въ формѣ эмульсіи.

Но тогда невольно задашь себѣ вопросъ, какъ же объяснить приведенные выше факты исхуданія животныхъ съ желчными фистулами и неперевариваемость въ ихъ тѣлѣ жира, если изъ всѣхъ опытовъ съ желчью оказывается, что на крахмалы она не дѣйствуетъ вовсе, превращеніямъ бѣлковъ скорѣе мѣшаетъ, чѣмъ помогаетъ, и, наконецъ, даже на жиры дѣйствіе ея — по крайней мѣрѣ въ количественномъ отношеніи — тоже ничтожное.

Этотъ вопросъ задавали и не перестаютъ задавать себѣ физіологи и до сихъ поръ, но недоумѣнія ихъ родили пока только мысль, что вѣроятно желчь такъ или иначе способствуетъ механическимъ условіямъ выхожденія переваренной пищи изъ полости кишекъ. Мысль эту въ отношеніи къ жирамъ оказалось возможнымъ провѣрить очень оригинальными опытами, и они въ самомъ дѣлѣ объяснили до извѣстной степени дѣло. Эмульгированные жиры, какъ вы услышите въ слѣдующую лекцію, выходятъ изъ кишекъ черезъ микроскопической величины отверстія, стѣнки которыхъ, какъ вообще всѣ внутреннія поверхности тѣла, смочены водянистыми жидкостями; послѣднее обстоятельство сильно препятствуетъ вхожденію жира въ отверстія, и это всего легче можно видѣть изъ опытовъ поднятія какого-нибудь масла въ волосныя трубки съ сухими или смоченными водою (конечно, изнутри) стѣнками — въ сухія трубки масло поднимается подъ вліяніемъ волосности (притяженія между масломъ и стѣнками трубки) гораздо выше, чѣмъ въ мокрыя; но если воду замѣнить желчью, то волосное поднятіе масла значительно увеличивается. На основаніи этихъ опытовъ и думаютъ, что желчь, разливающаяся по внутренней поверхности кишекъ, смачиваетъ стѣнки отверстій, въ которыя входитъ жиръ, и ослабляетъ въ нихъ препятствія къ его вхожденію. Кромѣ того, думаютъ еще, что желчь вообще усиливаетъ движенія кишекъ, а они, какъ увидимъ

далѣе, не могутъ не усиливать процесса выступленія переваренной пищи.

Во всякомъ случаѣ вы понимаете, мм. гг., что такія рѣзкія явленія, какъ эффекты отведенія желчи наружу, требуютъ для своего разъясненія не предположеній и не отдаленныхъ, а прямыхъ опытовъ, притомъ съ рѣзкимъ результатомъ.

Послѣдній сокъ, съ которымъ пищѣ приходится встрѣчаться въ кишкахъ, есть продуктъ отдѣленія либеркюновыхъ желѣзъ, называемый *кишечнымъ сокомъ*. Знакомство съ нимъ въ чистомъ видѣ начинается лишь съ самаго недавняго времени, благодаря новому и очень остроумному способу полученія его отъ живого животнаго [1]). Къ сожалѣнію, я не могу сообщить ничего интереснаго о дѣйствіи этого сока: онъ способенъ только превращать крахмалъ въ сахаръ, да еще тростниковый сахаръ превращать въ виноградный. Это и всё, на чемъ можно построить мысль объ его физіологической дѣятельности, — основаніе, какъ видите, не широкое.

Смѣшавшись съ желчью и панкреатическимъ сокомъ въ верхней части кишекъ, пища двигается вмѣстѣ съ ними книзу, измѣняется подъ ихъ вліяніемъ и мало-по-малу теряетъ на своемъ пути переваренныя части пищи. Чѣмъ больше она приближается къ выходному отверстію пищевой трубки, тѣмъ гуще и гуще становится кишечное содержимое, вслѣдствіе исчезанія изъ него жидкихъ питательныхъ экстрактовъ.

Въ толстыхъ кишкахъ оно уже имѣетъ обычный видъ кишечныхъ испражненій и состоитъ изъ смѣси непереваренныхъ остатковъ пищи съ измѣнившимися, въ большей или меньшей степени, пищеварительными соками. Здѣсь, въ этой смѣси, начинается обыкновенно кислое броженіе и въ прямую кишку поступаютъ уже кислые экскременты. Запахъ ихъ обусловливается разложеніями бѣлковъ подъ вліяніемъ панкреатическаго сока, а цвѣтъ зависитъ отъ желчнаго пигмента. Выбрасываніемъ экскрементовъ наружу рядъ пищеварительныхъ процессовъ оканчивается.

---

[1]) Вотъ этотъ способъ: животному прорѣзывается брюшная стѣнка по срединной линіи живота и изъ раны вытягивается кишечная петля четверти въ 2 длиною; изъ нея вырѣзывается кусокъ длиною въ четверть съ небольшимъ такимъ образомъ, чтобы онъ оставался въ связи черезъ брыжейку съ кровеносной системой; края кишекъ, оставшіеся послѣ вырѣзки, сшиваются другъ съ другомъ и черезъ это цѣлость пути по длинѣ кишекъ возстановляется; въ вырѣзанномъ же кускѣ трубки одинъ конецъ наглухо зашиваютъ, а другой вшиваютъ въ отверстіе брюшной раны. Когда все заживетъ, черезъ послѣднюю получается доступъ въ слѣпой мѣшокъ, образованный изъ вырѣзанной кишечной петли и сочащій изъ своихъ стѣнокъ чистый кишечный сокъ.

Итакъ, сумма измѣненій, претерпѣваемыхъ составными частями пищи въ полости кишечнаго канала, можетъ быть формулирована такъ: *вещества пищи, растворимыя въ водѣ, не измѣняются; тѣ же, которыя не растворимы, получаютъ* (за исключеніемъ части жира, превращающагося въ эмульсію) *эту способность подъ вліяніемъ пищеварительныхъ соковъ, не претерпѣвая однако при этомъ никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ своихъ основныхъ химическихъ свойствахъ.*

Такое раствореніе пищевыхъ веществъ есть, мм. гг., окончательная цѣль, къ которой направлены всѣ усилія пищеварительныхъ процессовъ, и общій смыслъ этого измѣненія опредѣляется тѣмъ, что изъ пищевой трубки въ кровь могутъ поступать, какъ увидимъ въ слѣдующую лекцію, всего легче водные растворы.

Прежде однако, чѣмъ говорить объ этихъ новыхъ процессахъ, мнѣ остается еще описать регуляцію акта поступленія пищевыхъ веществъ въ тѣло. Если хоть нѣсколько вдуматься въ общее значеніе этого процесса и въ его результаты, если принять, сверхъ того, во вниманіе, что источники пищи стоятъ внѣ тѣла животнаго, то, въ виду благоустройства животной машины, въ необходимости такой регуляціи нельзя сомнѣваться ни минуты. Тѣло взрослаго человѣка и животнаго въ теченіи годовъ остается неизмѣннымъ ни въ вѣсѣ, ни по составу—не будь при этомъ условіи ясныхъ предѣловъ поступленія внѣшняго пищевого вещества, разрушительнымъ процессамъ въ тѣлѣ пришлось бы приписать какую-то безграничную энергію, что̀ положительно противорѣчитъ фактамъ. Въ тѣлѣ, значитъ, должна быть регуляція пищевого прихода въ количественномъ отношеніи. Животное не прикрѣплено къ почвѣ, какъ растеніе; послѣднее, гдѣ стоитъ, тамъ и находитъ пищу, тогда какъ источники животной пищи разсѣяны не повсюду. Это требуетъ регуляціи нашихъ актовъ во времени. Наконецъ, въ виду того обстоятельства — и это относится особенно къ травояднымъ животнымъ, — что многіе натуральные пищевые объекты содержатъ въ себѣ, рядомъ съ питательными составными частями, вещества положительно вредныя для жизни, тѣлу необходимы гарантіи противъ такихъ случаевъ—это регуляція качественная. Всѣ эти цѣли достигаются вооруженіемъ животнаго инстинктами: чувства голода и жажды регулируютъ пищевой приходъ во времени, чувство насыщенія (и утоленія жажды) есть количественный регуляторъ; наконецъ, вкусъ и обоняніе считаются у животныхъ качественными регуляторами. Устройство всѣхъ этихъ аппаратовъ, въ особенности послѣдняго, чрезвычайно трудно для объ-

ясненія, если дѣло коснется деталей, хотя въ наукѣ и существовало множество опытныхъ попытокъ къ рѣшенію вопроса о механизмѣ голода, жажды и чувства насыщенія [1]); но въ общихъ чертахъ не подлежитъ сомнѣнію, что условія всѣхъ названныхъ ощущеній родятся въ периферическихъ частяхъ тѣла, что эти условія служатъ источникомъ возбужденія для нервовъ, которое передается головному мозгу. По этому же плану выстроены механизмы, регулирующіе акты выведенія мочи и кала, но тутъ дѣло яснѣе въ томъ отношеніи, что мѣста, изъ которыхъ выходятъ «позывы на мочу и испражненіе» извѣстны, и искусственнымъ раздраженіемъ этихъ мѣстъ можно даже вызвать искусственные позывы, тогда какъ мѣста рожденія голода, жажды и чувства насыщенія до сихъ поръ не опредѣлены въ точности.

Названными ощущеніями регулируется собственно актъ введенія пищи въ пищеварительный каналъ; но это еще первая половина цѣлаго процесса поступленія ея въ тѣло — за нею слѣдуютъ акты выхожденія переваренной пищи изъ пищевой трубки въ кровь, и здѣсь, какъ увидимъ ниже, опять существуютъ условія, гарантирующія тѣло противъ значительныхъ избытковъ, введенныхъ въ пищевую полость. Но и на этомъ дѣло не останавливается: избытки вещества, вступившіе въ кровь, ведутъ за собою усиленіе разрушительныхъ процессовъ въ тѣлѣ и выбрасываются обычными путями. Лучшимъ примѣромъ можетъ служить быстрое выведеніе почками изъ тѣла излишковъ воды, которые такъ часто попадаютъ, хоть напр., съ чаемъ въ желудокъ русскаго человѣка.

VIII.

Процессъ всасыванія пищи изъ полости пищевой трубки.

Сегодняшняя лекція будетъ исключительно посвящена процессу поступленія переваренной пищи изъ полости пищевой трубки въ кровь.

Такъ какъ всѣ фазы этого процесса скрыты отъ непосред-

---

[1]) Объясненіе ихъ остановилось на слѣдующей мысли, высказанной Молешоттомъ: подобно тому, какъ ощущеніе свѣта есть специфическій продуктъ дѣятельности зрительнаго аппарата, состоящаго изъ зрительнаго нерва съ его сѣтчаткой на периферіи и съ центрами на противуположномъ концѣ, ощущенія голода, жажды и насыщенія суть специфическіе продукты дѣятельности аппарата, состоящаго изъ волоконъ бродящаго нерва, разсыпающихся въ пищевой трубкѣ, съ ихъ периферическими окончаніями здѣсь и центрами въ головномъ мозгу.

ственнаго наблюденіи, то прежде всего я долженъ убѣдить васъ въ его существованіи вообще и уже потомъ говорить о деталяхъ, т.-е. о путяхъ, которыми идетъ питательный сокъ, и о силахъ, которыя его двигаютъ изъ пищевой трубки въ кровь.

Сначала я докажу вообще, что часть пищи куда-то исчезаетъ изъ полости пищевой трубки. Убѣдиться въ этомъ, мм. гг., чрезвычайно легко, если взять на себя трудъ взвѣшивать въ теченіи нѣсколькихъ дней все количество принимаемой пищи и питья и рядомъ съ этимъ взвѣшивать, въ теченіи того же времени, кишечныя испражненія. Чѣмъ періодъ наблюденія дольше, тѣмъ лучше. При сравненіи обѣихъ вѣсовыхъ величинъ, значительный перевѣсъ (фунтами на каждый день) всегда остается на сторонѣ пищевого прихода, несмотря на то, что кишечныя испражненія содержатъ не одни только непереваренные остатки пищи, но еще и нѣкоторое количество пищеварительныхъ соковъ. При очевидной невозможности этому избытку прихода оставаться въ полости пищевой трубки (иначе она наполнилась бы до верху пищевымъ содержимымъ много-много въ 10—20 дней), опыты наши доказываютъ, что онъ изъ нея куда-то исчезаетъ.

Для дальнѣйшаго разъясненія дѣла сдѣлаемъ теперь новый опытъ надъ живымъ животнымъ: вскроемъ ему брюшную полость, перевяжемъ кишку около выходного отверстія желудка, чтобы жидкость не могла выходить изъ послѣдняго, зашьемъ брюшную рану, введемъ посредствомъ эластической трубки въ желудокъ измѣренное количество какого-нибудь воднаго раствора и оставимъ животное въ покоѣ на нѣсколько часовъ. Убейте животное и вскройте осторожно желудокъ—жидкости въ немъ не оказывается. Сколько ни ищите выхода для объясненія исчезанія жидкости, принуждены будете остановиться на мысли, что она куда-то исчезла черезъ стѣнки желудка—иного пути для нея, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ. А между тѣмъ вамъ легко убѣдиться, что она не застоялась въ стѣнкахъ желудка — онѣ нисколько не разбухли,—но и не просочилась насквозь [1]); значитъ, изъ стѣнокъ есть какой-то дальнѣйшій путь, по которому можетъ оттекать отъ желудка жидкость, попавшая въ его стѣнки. Единственный путь для этого кровь и лимфа, разливающіяся по слизистой оболочкѣ; къ ней подходятъ, правда, еще нервы, но они, не будучи трубками съ движущейся жидкостью, не могутъ конечно играть въ нашемъ явленіи роли.

---

[1]) Прямой опытъ съ фильтраціей жидкости черезъ стѣнку желудка показалъ бы, что даже при очень сильномъ давленіи, какого въ желудкѣ живого животнаго и быть не можетъ, въ дни не можетъ пройти столько жидкости, сколько ея исчезаетъ здѣсь въ часы.

Такіе же опыты можно дѣлать и съ кишками, заключая водные растворы между двумя перевязками кишки, чтобы жидкость не могла вылиться, и результаты получаются тѣже самые. Но здѣсь наполненіе лимфатическихъ путей питательнымъ веществомъ можетъ быть доказано еще и наглядно: стоитъ только сравнить между собою кишки внѣ пищеваренія съ кишками послѣ принятія жирной пищи—въ послѣднемъ случаѣ лимфатическіе сосуды ихъ, какъ это разъ было уже сказано, всегда наполнены жировой эмульсіей.

Я могъ бы сообщить вамъ много и другихъ опытовъ, представляющихъ варьяціи на туже тему, но и этихъ, надѣюсь, было достаточно, чтобы убѣдить васъ въ справедливости развиваемой мною мысли.

Какимъ же образомъ устроены пути, по которымъ вступаетъ въ кровь питательное вещество?

Объ нихъ рѣчь можетъ быть, разумѣется, только въ отношеніи желудка и кишекъ, такъ какъ во рту и въ пищеводѣ пища остается слишкомъ мало времени, чтобы ей всосаться.

Отвѣта на вопросъ естественнѣе всего было бы искать въ существованіи отверстій, которыя сообщали бы полости желудка и кишекъ съ кровеносными, или лимфатическими сосудами; въ обоихъ случаяхъ вещество поступало бы въ кровь—въ одномъ прямо, а въ другомъ окольной дорогой. Но, говоря объ устройствѣ кровеныхъ сосудовъ, мы имѣли случаи повторять нѣсколько разъ, что въ стѣнкахъ ихъ нѣтъ ни малѣйшихъ отверстій, слѣдовательно прямыя сообщенія изъ пищевыхъ полостей возможны только въ лимфатическіе пути, да и то скорѣе въ начала ихъ, т.-е. лимфатическія трещины, чѣмъ въ лимфатическія трубки, такъ какъ стѣнки послѣднихъ, въ свою очередь, совершенно сплошныя. Стало быть въ стѣнкахъ пищевыхъ полостей можно ожидать только микроскопической величины отверстій, въ родѣ тѣхъ, которыя присасываютъ кровеной фильтратъ изъ брюшной и грудной полости. Однако всѣ попытки открыть какія бы то ни было дыры на внутренней поверхности желудка и по всей длинѣ толстыхъ кишекъ (т.-е. значительно больше, чѣмъ въ половинѣ всей поверхности желудочно-кишечнаго канала) остаются до сихъ поръ безуспѣшны, и только въ тонкихъ кишкахъ наука принимаетъ существованіе открытыхъ отверстій въ начала лимфатической системы этого отдѣла кишечнаго канала. Какъ ни страненъ покажется вамъ фактъ отсутствія дыръ въ желудкѣ и толстыхъ кишкахъ, въ виду способности ихъ стѣнокъ всасывать жидкости, я обойду пока молчаніемъ тѣ средства, которыя дѣ-

лаютъ существованіе здѣсь отверстій вовсе ненужнымъ и начинаю описывать открытые пути изъ тонкихъ кишекъ.

Ткань слизистой оболочки пищевыхъ путей, если абстрагировать отъ пронизывающихъ ея толщу слизистыхъ, пепсиновыхъ и пр. желѣзъ, устроена по тому же типу, какъ ткань лимфатической желѣзы: основу составляетъ густая сѣть пластинокъ и волоконъ съ развѣтвляющимися по нимъ кровеносными сосудами; содержимое—круглыя зернистыя образованія, называемыя лимфоидными тѣлами; а между всѣми этими элементами свободные промежутки, наполненные лимфой, — начала желудочно-кишечнаго отдѣла лимфатической системы. Кромѣ того, вся поверхность слизистой оболочки выстлана слоемъ эпителія.

Въ желудкѣ и кишкахъ слизистая поверхность (опять-таки если абстрагировать отъ желѣзокъ, представляющихъ углубленія) вездѣ ровная, гладкая, но въ тонкихъ кишкахъ изъ нея поднимается огромное количество выступовъ въ формѣ тонкихъ волосковъ, которые сидятъ до того густо, что придаютъ здѣсь слизистой поверхности явственно бархатистый видъ. При микроско-

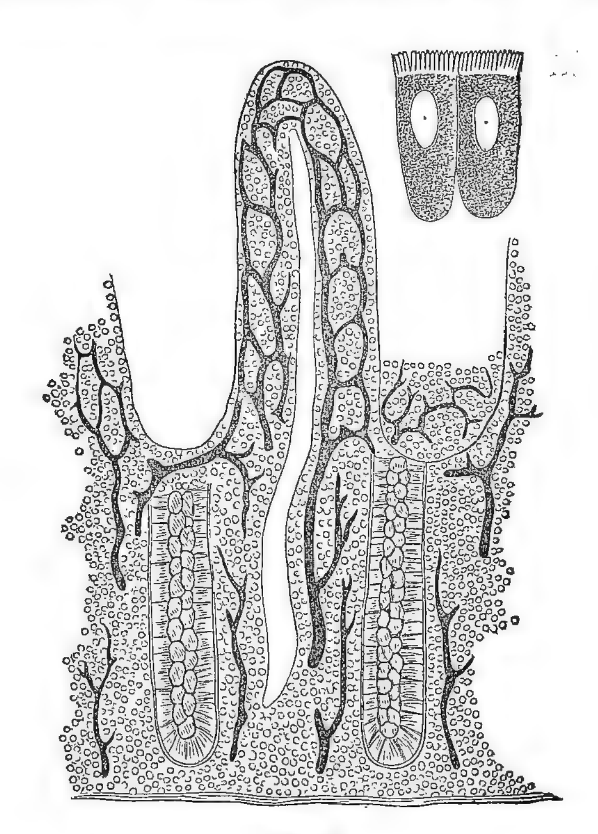

Рис. 12.

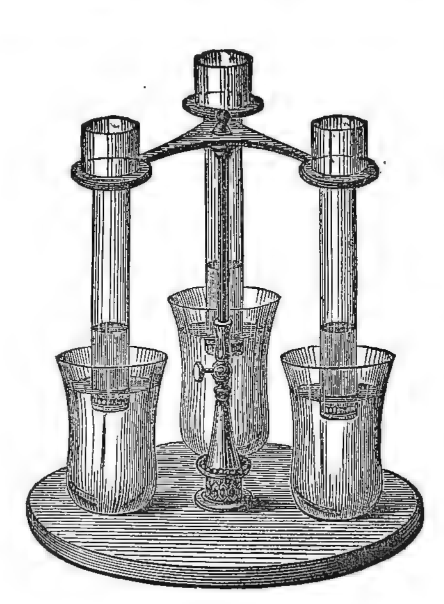
пическомъ разсматриваніи выступовъ, они, несмотря на ихъ малость, оказываются однако устроенными совершенно такъ же, какъ слизистая оболочка (рис. 12), съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ, что по продольной оси ихъ идетъ полость, окруженная пучками гладкихъ мышечныхъ волоконъ, да еще эпителіальный слой, покрывающій выступы, или, какъ ихъ обыкновенно называютъ, кишечныя ворсинки, нѣсколько отличается отъ эпителія въ прочихъ отдѣлахъ пищевой трубки: здѣсь крышка клѣтокъ (на рис. 12 онѣ изображены отдѣльно), обращенная въ полость кишки, является утолщенною и представляетъ продольную полосатость, которая и признается за оптическое выраженіе отверстій въ эпителіальной крышкѣ. Это все результаты микроскопическаго изслѣдованія на трупахъ, но смыслъ ихъ выясняется лишь наблюденіями, когда ворсины наполняются на живомъ животномъ или жирной эмульсіей или, что лучше, окрашенными не фильтрующимися растворами. При этомъ условіи ясно видно, что масса входитъ черезъ крышки въ полости эпителіальныхъ клѣтокъ, отсюда разливается по лимфатическимъ трещинамъ ворсины, сообщающимся съ центральной полостью и переходитъ наконецъ въ лимфатическія трубки, относящія жидкости отъ кишекъ. Дальнѣйшихъ деталей относительно этихъ путей знать намъ не нужно—важно лишь указаніе опыта, что изъ полости тонкихъ кишекъ существуютъ, черезъ посредство ворсинокъ, открытые ходы въ лимфатическіе сосуды.

Это есть, стало быть, единственный путь, которымъ могли бы попадать изъ пищевой трубки въ кровь не только жидкости, но и до чрезвычайности измельченныя твердыя тѣла. Послѣдняго хотя, мм. гг., не случается, но этимъ путемъ, и только имъ однимъ, изъ кишекъ поступаетъ въ тѣло эмульгированный жиръ.

Теперь намъ можно уже обратиться къ разъясненію загадки, какимъ образомъ могутъ всасывать въ себя жидкости стѣнки желудка и толстыхъ кишекъ, не имѣя открытыхъ отверстій, такъ какъ этотъ вопросъ совпадаетъ съ вопросомъ о силахъ, которыми производится всасываніе пищевыхъ веществъ вообще.

Съ этой цѣлью я приготовилъ стоящій передъ вами длинный рядъ опытовъ. На первомъ мѣстѣ стоятъ два стакана съ двумя различными жидкостями; въ каждомъ изъ нихъ нижній слой занимаетъ вода, а поверхъ ея налитъ осторожно слой окрашеннаго спирта; въ первомъ стаканѣ, гдѣ спиртъ налитъ передъ самой лекціей, граница между жидкостями, какъ видите, рѣзкая, въ другомъ, гдѣ жидкости стояли, хотя и при абсолютномъ покоѣ, часовъ 10, граница между ними стушевалась, какъ будто часть спирта опустилась въ воду, а часть послѣдней поднялась въ спиртъ. Это явленіе смѣшенія жидкостей

очень обыкновенно и едва ли не общеизвѣстно: оба слоя, пронизывая мало-по-малу другъ друга, обмѣниваются своими составными частями до тѣхъ поръ, пока смѣсь во всѣхъ точкахъ смѣшавшихся жидкостей не сдѣлается одинаковой. Въ приложеніи къ нашей задачѣ это простое явленіе оказывается однако очень важнымъ. Вотъ цѣлый рядъ опытовъ, гдѣ условія соприкасанія жидкостей измѣнены—между ними поставлены перепонки изъ животнаго пузыря—и гдѣ вы, однако, все-таки увидите въ результатѣ смѣшеніе жидкостей. Всѣ эти опыты устроены одинаковымъ образомъ. Взяты открытые съ обоихъ концовъ стеклянные цилиндры (рис. 13), плотно обвязаны съ одного конца пузыремъ и опущены этими концами въ стаканы съ перегнанной водой. Я наполняю всѣ три цилиндра водными растворами такихъ веществъ, которыя даже въ незначительномъ количествѣ могутъ быть открыты при посредствѣ химическихъ реакцій; всѣ три жидкости, очевидно, могутъ смѣшиваться съ водою въ стаканахъ лишь черезъ животную перепонку. Теперь я покажу вамъ свойства тѣхъ жидкостей, которыми наполнилъ цилиндры. Беру отъ каждой по маленькой порціи и размѣщаю по тремъ пробирнымъ трубочкамъ, наполненнымъ водой, съ цѣлью разжидить растворы; къ 1-й порціи приливаю растворъ полуторахлористаго желѣза — получается синее окрашеніе; во 2-й порціи тотъ же бурый раствворъ даетъ ярко-красное окрашеніе; наконецъ растворъ ляписа вызываетъ въ 3-й порціи огромный бѣлый осадокъ. Въ ту минуту, какъ я наполнялъ цилиндры, въ стаканахъ была совершенно чистая вода, которая не даетъ никакихъ реакцій ни съ бурымъ растворомъ, ни съ ляписомъ; но черезъ нѣсколько минутъ вы увидите, что она будетъ и окрашиваться отъ нихъ и дастъ бѣлый осадокъ, въ доказательство того, что растворенныя вещества проникли изъ цилиндровъ черезъ перепонку въ стаканы. Въ ожиданіи же этого я обращу ваше вниманіе на 3-ю группу опытовъ, однородныхъ съ предыдущими по формѣ, но совершенно противуположныхъ по ре-

Рис. 13.

зультату: здѣсь въ цилиндры съ перепонкой налиты жидкій яичный бѣлокъ, жидкій отваръ крахмала и такой же отваръ клея. Эти вещества тоже легко могутъ быть узнаны (при пробахъ бѣлокъ свертывался отъ нагрѣванія, крахмальный отваръ окрашивался въ синій цвѣтъ отъ іодной настойки, клеевой отваръ давалъ осадокъ отъ отвара дубовой коры); но какъ бы долго они ни находились въ соприкосновеніи съ водой черезъ посредство животной перепонки, въ водѣ стакановъ намъ едва ли удастся открыть даже слѣды ихъ.

Дѣло въ томъ, мм. гг., что вообще при опытахъ смѣшенія жидкостей между собою, перепонки оказываются способными раздѣлить, такъ сказать, всѣ тѣла на два огромныхъ отдѣла: на жидкости, способныя проходить черезъ перепонки, и на такія, которыя не имѣютъ этой способности. Къ первому отдѣлу принадлежатъ, между прочимъ, всѣ безъ исключенія истинные водные растворы, тогда какъ на противуположной сторонѣ стоитъ большинство натуральныхъ жидкостей, входящихъ въ составъ животнаго и растительнаго тѣла, — бѣлки, камеди, крахмалы и пр. На этомъ-то основаніи, если послѣднія вещества являются и въ жидкой формѣ, ихъ все-таки нельзя назвать истинными водными растворами.

Оставляя гипотезу объ этомъ различіи между тѣлами въ сторонѣ, я, въ ожиданіи конца нашихъ опытовъ, успѣю еще разсказать вамъ о другихъ сторонахъ смѣшенія жидкостей, которыя имѣютъ прямую физіологическую важность.

Совершенно необходимыхъ условій для того, чтобы жидкости смѣшивались между собою черезъ перепонку, два: нужно, чтобы онѣ могли смѣшиваться другъ съ другомъ и безъ ея посредства (вода и масло не могутъ, напр., смѣшиваться ни при какихъ условіяхъ) и еще, чтобы ими могла пропитываться перепонка (напр. каучукъ не пропуститъ сквозь себя воды). Скорость смѣшенія зависитъ, сверхъ свойствъ перепонки и жидкостей, еще отъ того, находятся ли онѣ въ покоѣ, или въ движеніи; при послѣднемъ условіи безпрерывно возобновляется составъ смѣсей на границѣ ихъ соприкосновенія, а черезъ это безпрерывно возобновляются противоположности жидкостей, ослабленныя предшествовавшей диффузіей. Сверхъ скорости, въ диффузіи жидкостей важно знать еще вѣсовое отношеніе между веществами, которыя въ одно и тоже время проходятъ черезъ перепонку въ противуположныхъ направленіяхъ (напр., въ нашихъ опытахъ отношеніе между количествомъ воды, перешедшей изъ каждаго стакана въ цилиндръ, и количествомъ растворепнаго вещества, перешедшаго изъ цилиндра въ воду); эти количества, замѣщающія другъ друга по обѣ стороны перепонки, называются эндос-

мотическими *эквивалентами* смѣшивающихся веществъ. Въ опытахъ, гдѣ по одну сторону перепонки стоитъ чистая вода, количество ея, переходящее въ другую сторону, принимается въ дроби, выражающей величину эндосмотическаго эквивалента, обыкновенно за числителя; поэтому и говорятъ, что эндосмотическій эквивалентъ между бѣлкомъ, клеемъ, крахмаломъ и водою равенъ безконечности. Другими словами, токъ воды къ бѣлкамъ, крахмалу и пр. безконечно великъ въ сравненіи съ токомъ бѣлковъ, крахмаловъ и пр. — къ водѣ.

Вотъ тѣ немногія основныя данныя, знаніе которыхъ было намъ совершенно необходимо для разъясненія нашихъ физіологическихъ задачъ, и мнѣ остается, чтобы возвратиться къ послѣднимъ, сказать только еще нѣсколько словъ о различіи между только-что описанными процессами и явленіями фильтраціи жидкости въ жидкость, которые при поверхностномъ взглядѣ на дѣло могли бы быть смѣшаны другъ съ другомъ. Вотъ въ чемъ между ними различіе: смѣшеніе жидкостей путемъ диффузіи (или эндосмоза — это все равно) требуетъ непремѣнно какого бы то ни было, количественнаго или качественнаго, различія въ ихъ составѣ, и при этомъ условіи оно нисколько не нуждается въ давящихъ силахъ — вода въ 1-мъ нашемъ опытѣ шла даже, наперекоръ условіямъ давленія, кверху; при фильтраціи же жидкости въ жидкость, различіе въ составѣ, наоборотъ, ничего не значитъ, и все дѣло въ томъ, чтобы фильтрующаяся жидкость стояла подъ бóльшимъ давленіемъ, чѣмъ та, въ которую происходитъ фильтрація.

Теперь опыты наши пришли, вѣроятно, уже къ концу, и мы попробуемъ нашими реактивами воду въ стаканахъ. Въ первыхъ 3-хъ реакціи, какъ видите, удаются, но въ другихъ 3-хъ нѣтъ ни бѣлка, ни крахмала, ни клея.

Мы остановились, мм. гг., на вопросѣ, какимъ образомъ могутъ всасывать въ себя жидкости стѣнки желудка и толстыхъ кишекъ, когда въ нихъ нѣтъ никакихъ отверстій. Теперь вы уже, конечно, догадываетесь, какъ это происходитъ.—Содержимое желудка и кишекъ, поскольку оно заключаетъ въ себѣ переваренныя вещества, обратившіяся въ истинные водные растворы, уподобляется содержимому цилиндровъ въ только-что описанныхъ опытахъ; внутренній слой слизистой оболочки, отдѣляющій полость желудка и кишекъ отъ густой сѣти кровеныхъ и лимфатическихъ токовъ, есть перепонка нашихъ опытовъ, притомъ перепонка въ нѣсколько десятковъ разъ болѣе тонкая; наконецъ, безпрестанно движущаяся и безпрестанно возобновляющаяся кровь и лимфа представляетъ жидкость въ полости стакановъ. Насколько между жидкимъ содержимымъ желудка и кишекъ, съ

одной стороны—кровью, и лимфой—съ другой, существуютъ качественныя или количественныя разницы въ составѣ, настолько даны условія для обоюднаго обмѣна жидкостей своими составными частями.

Пищевой экстрактъ, вслѣдствіе смѣшенія пищи съ большимъ количествомъ чрезвычайно жидкихъ пищеварительныхъ соковъ, всегда менѣе густъ, чѣмъ жидкая часть крови и лимфы, поэтому токъ воды всегда долженъ идти изъ полости пищевой трубки къ крови, а не наоборотъ; сахара въ пищевомъ экстрактѣ тоже всегда больше, чѣмъ въ крови и лимфѣ,—и онъ долженъ идти въ томъ же направленіи; въ пищевой трубкѣ, по сю сторону перегородки стоятъ пептоны—бѣлки, превратившіеся болѣе или менѣе въ истинные водные растворы, по ту же сторону стоятъ бѣлки, неспособные проходить черезъ перепонки — первые всасываются, а вторые остаются въ своихъ естественныхъ вмѣстилищахъ. Прибавьте къ этому, что обѣ смѣшивающіяся жидкости находятся въ постоянномъ движеніи, и вы поймете, что въ теченіи пищеварительнаго періода, длящагося часы, всасываніе можетъ достигнуть значительныхъ размѣровъ, тѣмъ болѣе, что въ подмогу эндосмотическимъ силамъ существуютъ, какъ вы уже знаете, еще и другія условія для выступленія жидкихъ веществъ изъ полости пищевой трубки.

На словахъ дѣло объяснилось, какъ видите, очень удачно; но вы имѣете, конечно, право требовать отъ меня не только словъ, но и дѣла—я обязанъ доказать вамъ не только возможность, но и дѣйствительное участіе эндосмотическихъ силъ въ дѣлѣ всасыванія веществъ изъ полости пищевой трубки. Для этого, очевидно, нужны опыты на живыхъ животныхъ, и они должны клониться къ тому, чтобы поставить содержимое желудочно-кишечнаго канала въ такія условія, при которыхъ, на основаніи нашихъ общихъ представленій объ эндосмотическихъ процессахъ, слѣдовало бы ожидать напередъ или ослабленнаго, или, наоборотъ, усиленнаго всасыванія. Подтвержденіе ожиданій будетъ, конечно, утвердительнымъ отвѣтомъ на нашъ вопросъ и наоборотъ. По счастью, опыты эти вовсе не такъ трудны, какъ они кажутся съ перваго взгляда, и одна половина ихъ—конечно по результатамъ—даже извѣстна, я думаю, всякому. Это—слабительное дѣйствіе всѣхъ вообще солей, напр. англійской, глауберовой и пр. Соли эти вводятся обыкновенно въ большомъ количествѣ, притомъ всегда въ сгущенныхъ растворахъ; уже одно это должно, въ смыслѣ нашей теоріи, ослаблять токъ воды изъ пищевой трубки въ кровь, такъ какъ пріемъ растворимой въ водѣ соли сгущаетъ питательный экстрактъ; но къ этому присоединяется еще то замѣчательное, и особенно важное для насъ,

обстоятельство, что слабительныя соли вообще оказываются имѣющими высокій эндосмотическій эквивалентъ въ сравненіи, напр., съ обычной минеральной примѣсью пищи, поваренною солью; другими словами, соли эти жаднѣе прочихъ удерживаютъ на своей сторонѣ воду. Понятно, что подъ совокупнымъ вліяніемъ обѣихъ причинъ разомъ, пищевая смѣсь не будетъ отдавать крови воду и останется жидкой; при послѣднемъ же условіи она всегда быстро выводится наружу, т.-е. дѣлается поносъ. Другой рядъ опытовъ пополняетъ приведенный съ противуположной стороны: здѣсь растворы слабительныхъ солей вводятся прямымъ впрыскиваніемъ въ кровь; при этомъ условіи наша теорія требуетъ, конечно, уже не ослабленнаго, а наоборотъ усиленнаго всасыванія воды изъ полости кишекъ, такъ какъ жидкость сгустилась по ту сторону перегородки, и результатъ въ самомъ дѣлѣ оправдываетъ предсказанія теоріи — у животнаго развивается запоръ, вслѣдствіе быстраго обѣдненія водою кишечнаго содержимаго.

Эти опыты помирятъ васъ, надѣюсь, съ мыслью о всасываніи питательныхъ растворовъ путемъ эндосмоза; но они же показываютъ, сверхъ того, что въ эндосмозѣ заключены, до извѣстной степени, условія и для количественной регуляціи акта вступленія въ кровь водныхъ растворовъ:—всякій сильный избытокъ вводимаго растворимаго вещества непремѣнно компенсируется болѣе быстрымъ выведеніемъ изъ тѣла болѣе богатыхъ водою испражненій.

Теперь я перехожу къ описанію поступленія пищевыхъ веществъ въ ворсины. Путь этотъ былъ выставленъ выше, какъ исключительно назначенный для жировой эмульсіи, и это справедливо въ томъ смыслѣ, что жиръ въ сказанной формѣ не входитъ никуда кромѣ ворсинъ; но отсюда никакъ не слѣдуетъ выводить заключенія, что изъ всѣхъ пищевыхъ веществъ въ ворсины поступаютъ одни жиры:—здѣсь входъ, наоборотъ, открытъ для всѣхъ жидкостей, даже не представляющихъ истинныхъ водныхъ растворовъ, и уже самый фактъ наполненія ворсинъ въ пищеварительный періодъ эмульсіей показываетъ, что вмѣстѣ съ мелкими каплями жира въ нихъ входитъ какая-то водянистая жидкость, очевидно весь растворимый въ водѣ пищевой экстрактъ. Въ этомъ смыслѣ новый путь представляетъ придатокъ, работающій за одно съ эндосмотическими силами, хотя и дѣйствующій совершенно другимъ образомъ: — здѣсь, по новому пути, дорога пищевому веществу всюду открыта и для входа его въ ворсины не нужно никакихъ силъ, кромѣ чисто механическихъ. Съ ними-то намъ и нужно прежде всего познакомиться; но при этомъ прошу припомнить, что пищевые ходы по всей толщѣ ворсины до чрезвычайности узки и слѣдовательно препятствія для движенія по ней жидкости огромны.

Вообразите себѣ на минуту, что вамъ извѣстны силы, при посредствѣ которыхъ питательная жидкость постоянно вытекаетъ изъ ворсинъ въ направленіи къ лимфатическимъ трубкамъ, и остановитесь пока на дѣйствительно существующемъ фактѣ такого оттока. Уже въ немъ одномъ, при существованіи открытыхъ сообщеній между полостью кишки и каналами ворсинъ, даны были бы условія для входа жидкостей въ послѣдніе; и въ этомъ случаѣ мѣста приложенія силъ, вводящихъ жидкости въ ворсины, лежали бы въ нихъ самихъ, а не въ полости кишекъ — ворсины дѣйствовали бы присасывательнымъ образомъ и имъ помогала бы волосность входныхъ каналовъ. Другой способъ вхожденія жидкости въ ворсины могъ бы состоять только во вталкиваніи ея въ нихъ при помощи какой-нибудь силы, постоянно дѣйствующей въ направленіи изъ полости кишекъ. Силы эти должны бы были быть однако огромныя, въ виду страшной узкости, многочисленности и неправильности ворсинныхъ каналовъ; притомъ трудно было бы понять, какъ могутъ они не сдавливать мягкихъ ворсинокъ. Скорѣе можно еще думать, что и эти силы содѣйствовали бы наполненію ворсинъ не въ тотъ моментъ, когда онѣ давятъ на кишечное содержимое, — тогда вся ткань ворсинъ, вмѣстѣ съ входными каналами, должна, какъ сказано, спадаться и изъ ворсинъ должно выдавливаться все жидкое содержимое, — а наоборотъ въ моментъ послабленія, когда сжатыя и опорожненныя отъ жидкостей ворсинки начинаютъ расправляться. Если послѣднія въ самомъ дѣлѣ обладаютъ этою способностью, тогда и при второмъ условіи онѣ, очевидно, могутъ дѣйствовать присасывательнымъ образомъ, лишь бы давящая сила дѣйствовала съ перерывами.

Аппаратъ, переводящій питательную жидкость изъ кишекъ въ ворсины, и устроенъ, мм. гг., по этимъ двумъ планамъ: въ составъ его входятъ и такіе механизмы, которые дѣйствуютъ изъ полости ворсинъ, и механизмы, сдавливающіе ихъ извнѣ. Сначала о первыхъ.

Если разсматривать на живомъ животномъ, при помощи кишечной фистулы, внутреннюю поверхность тонкой кишки, то она кажется поперемѣнно то блѣдною, то красною. Сильная лупа даетъ ключъ къ этой загадкѣ: при посредствѣ ея легко видѣть, что блѣдность слизистой оболочки совпадаетъ съ сокращеніемъ ворсинъ (онѣ становятся короче и круглѣе), а краснота съ ихъ расправленіемъ. При первомъ условіи (вспомните, что въ ткани ворсинъ есть гладкія мышцы) изъ ворсины выдавливается не только жидкость, наполняющая центральную лимфатическую полость, но и вся кровь изъ сосудовъ, пронизывающихъ ткань ворсины густой сѣтью; когда же сокращеніе пре-

кратилось, кровь снова вливается съ извѣстнымъ напоромъ въ свои вмѣстилища, расположенныя въ перегородкахъ ворсиннаго остова и расправляетъ разслабленную ткань ворсины до прежнихъ размѣровъ. Но послѣднее возможно только при условіи наполненія всѣхъ опорожненыхъ пространствъ ворсины жидкостью. Та, которая была только-что выдавлена въ направленіи къ лимфатическимъ трубкамъ (въ полость кишекъ она не могла выдавиться, вслѣдствіе сжатія ворсины), вернуться не можетъ, потому что при самомъ началѣ въ нихъ уже есть клапаны, позволяющіе течь жидкости только въ направленіи отъ кишекъ; слѣдовательно, пространства ворсины должны наполниться съ другой стороны, т.-е. изъ полости кишечнаго канала, и теперь всѣ ходы для этого свободны. Стало быть каждая ворсинка, въ силу сокращенія ея мышечныхъ волоконъ, дѣйствуетъ, какъ давящій насосъ, переводящій жидкость изъ центральной лимфатической полости въ начала лимфатическихъ трубокъ; а въ силу кровеного напора, расправляющаго разслабленный остовъ, она есть присасывательный снарядъ, накачивающій свою центральную полость жидкостью изъ кишекъ. Такихъ насосовъ милліоны и всѣ они работаютъ безпрерывно, производя по нѣскольку качаній въ минуту. Работа каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, разумѣется, очень мала, но всѣ вмѣстѣ въ теченіи часовъ они, конечно, могутъ произвести кое-что; тѣмъ болѣе, что на помощь имъ существуетъ еще другой мышечный аппаратъ, дѣйствующій на ворсины извнѣ. Это—періодическія сокращенія стѣнокъ кишечной трубки, при посредствѣ извѣстнаго вамъ мышечнаго слоя, лежащаго внѣ слизистой оболочки. Сокращенія эти, съуживая просвѣтъ кишечной трубки, давятъ на ея жидкое содержимое, а черезъ него на мягкія ворсинки; изъ нихъ, вмѣстѣ съ содержимымъ лимфатическихъ пространствъ, очевидно, должна выдавливаться и кровь; стало быть и теперь періодъ послабленія мышечныхъ сокращеній долженъ сопровождаться присасываніемъ питательныхъ жидкостей изъ полости кишекъ въ каналы ворсинокъ. Но, кромѣ того, сокращеніемъ кишечной стѣнки должна сдавливаться вообще вся сумма пронизывающихъ ея толщу лимфатическихъ путей, а послѣдніе уже въ мышечномъ кишки, и даже нѣсколько глубже, имѣютъ характеръ настоящихъ лимфатическихъ трубокъ; слѣдовательно, вообще сфера дѣйствія новаго снаряда значительно шире той, которая выпадаетъ на долю ворсинныхъ мышцъ, сидящихъ лишь при самомъ началѣ лимфатическихъ путей. Взявъ эти обстоятельства во вниманіе, а съ другой стороны въ виду большей принаровленности ворсинныхъ снарядовъ къ сдавливанію ворсинъ, я и полагаю, что на долю сокращеній всей кишечной стѣнки выпадаетъ по преимуществу задача про-

давливанія жидкостей за предѣлами ворсинокъ, а на мышцы послѣднихъ—опорожненіе отъ сока самыхъ ворсинокъ и накачиваніе въ нихъ жидкости изъ полости кишекъ.

Нужно вамъ замѣтить, мм. гг., что хотя внѣ пищеварительнаго періода ворсинки и представляются болѣе спавшимися, однако въ полости ихъ, какъ въ началѣ лимфатической системы тонкихъ кишекъ, существуетъ постоянная фильтрація крови (у животныхъ голодающихъ всѣ лимфатическіе сосуды кишекъ наполнены, вмѣсто мутной эмульсіи, прозрачной лимфой), и конечно она продолжается и во время пищеварительнаго періода, тѣмъ болѣе, что тогда напоръ крови въ ворсинахъ усиленъ. Стало быть, къ описаннымъ двигателямъ питательнаго сока, вступившаго въ начала лимфатическихъ путей, присоединяется еще обычный двигатель лимфы—кровеной напоръ. Подъ совокупнымъ вліяніемъ всѣхъ трехъ причинъ жидкость и получаетъ возможность постояннаго оттока отъ кишекъ, а тамъ она уже подпадаетъ дѣйствію общихъ двигателей для всей лимфатической системы, т.-е. присасывательному вліянію грудной части грудного протока и большихъ венъ, въ который она вливается.

Таковы-то, мм. гг., снаряды и силы, при помощи которыхъ питательный экстрактъ переходитъ изъ полости пищевой трубки въ кровь. Вы помните, описывая жизненное значеніе лимфатической системы, я сказалъ, что перечислилъ не всѣ еще ея услуги тѣлу; теперь вы видите, какую важную службу я разумѣлъ подъ этимъ; но этимъ и заканчивается длинный рядъ функцій лимфатической системы, по крайней мѣрѣ при нормальномъ ходѣ дѣлъ.

Въ былыя времена ей приписывали еще какое-то особенное значеніе въ дѣлѣ всасыванія веществъ изъ различныхъ точекъ тѣла, наприм., когда вещества вводятся въ раны свободныхъ поверхностей. Теперь вы должны понимать, что тутъ нѣтъ ничего особеннаго: при всякомъ пораненіи вскрывается тьма лимфатическихъ трещинъ, стало быть, вещество непосредственно вводится въ начала лимфатической системы. Столько же понятно должно быть для васъ и всасываніе жидкостей, искусственно вводимыхъ въ грудную или брюшную полость—вещества поступаютъ въ извѣстныя вамъ сосала.

Такимъ образомъ оконченъ обширный процессъ поступленія въ кровь жидкихъ и твердыхъ веществъ; теперь намъ предстоитъ знакомство съ актомъ введенія въ туже кровь газообразнаго кислорода.

И. Сѣченовъ.

ВОЙНА

И

ЦИВИЛИЗАЦІЯ

Великіе принципы и идеологи второй имперіи.

VI *).

Цѣлыя двадцать лѣтъ, Франція, а вмѣстѣ съ нею и вся образованная Европа, выслушивала торжественныя ссылки и указанія второй имперіи на «великіе принципы» 1789 года, которымъ она будто бы служитъ, какъ продолженіе и дальнѣйшее примѣненіе къ жизни. Толпа съ восторгомъ принимала такія громкія ссылки, и только не многіе голоса возстали противъ безстыдной поддѣлки. Изгнанникъ декабрьскаго переворота, Маркъ Дюфресъ, еще въ 1867 году, писалъ: «Наша военная фурія (furie) досталась намъ не отъ революціи, но отъ ея національныхъ собраній. Революція и самъ Конвентъ не были обуреваемы ни провокаціонными, ни честолюбивыми замыслами и стремленіями. Я перерылъ всю ихъ исторію: она полна фактовъ, свидѣтельствующихъ о ихъ любви къ миру, о ихъ вѣрности *aux choses convenues*, ихъ крайнемъ безкорыстіи.... Консульство и имперія внесли духъ вторженія и узурпаціи въ головы нашихъ отцовъ, и неосторожные апологеты той эры гнета и опустошенія сдѣлали изъ насъ народъ сварливый и жадный

---

*) См. выше, окт. 830 стр.

(querelleur et cupide!)» Но, въ настоящее время, кромѣ апологетовъ той эры, мы имѣемъ и добросовѣстныхъ историковъ, какимъ явился недавно Ланфре въ своемъ обширномъ изслѣдованіи значенія и характера дѣятельности автора 18-го брюмера. Авторъ 2-го декабря оказался преемникомъ одного 18-го брюмера и столько же имѣлъ общаго съ «великими принципами», сколько то имѣло само 18-е брюмера.

Племянникъ черпалъ всѣ вдохновенія своей авантюристской жизни въ подвигахъ и замыслахъ дяди, который былъ настоящимъ творцомъ завоевательной политики и циническимъ, но ловкимъ шарлатаномъ, который довершилъ гибель революціи, изнемогавшей въ агоніи среди казней бѣлаго террора и разврата Директоріи. Въ этомъ отношеніи исторія Наполеона I-го чрезвычайно поучительна и многостороння; настоящія же событія придаютъ ей весьма современный интересъ, такъ какъ предъ нами двадцать лѣтъ развертывалось не что иное, какъ жалкая копія съ того колоссальнаго оригинала.

«Когда генералъ Бонапартъ былъ назначенъ консуломъ — говоритъ m-me Стааль — то всѣ ждали чего-то отъ него — и это былъ *миръ*». Въ этихъ словахъ справедливо выразилось постоянное стремленіе революціонной Франціи къ миру и внутреннему развитію; Бонапартъ повелъ ее иными путями, и m-me Стааль назвала вѣрно Наполеона I «первымъ контръ-революціонеромъ».

Но 18-е брюмера было болѣе, чѣмъ одною контръ-революціею: оно было убійствомъ общественнаго мнѣнія Франціи, и до послѣдняго времени, до появленія послѣднихъ историческихъ трудовъ, было трудно дать себѣ правильный отчетъ объ истинномъ настроеніи, о дѣйствительныхъ стремленіяхъ французской націи. «Общественное мнѣніе,—говоритъ Ланфре—утратило во Франціи всѣ свои естественные органы. Были приняты всѣ мѣры, чтобъ народное чувство не могло выразиться правдиво ни въ свободной прессѣ, ни въ независимыхъ собраніяхъ. Но если нельзя было разсчитывать на дѣйствительные восторги и увлеченія того общественнаго мнѣнія, которое было систематически развращено и уничтожено, за то было легко создать призракъ, пародію этого мнѣнія, благодаря той мудрой и послушной организаціи, которая отдавала всѣ силы и всю волю націи въ руки правительства. Можно сказать, что собственно Бонапартъ изобрѣлъ искусство, столь часто употреблявшееся съ тѣхъ поръ,—замѣнять отсутствующее выраженіе общественной мысли — мнѣніемъ фальшивымъ, столько же подражающимъ выраженію истиннаго мнѣнія, сколько движенія куклы подражаютъ движеніямъ жизни.

Старый режимъ пренебрегалъ этимъ средствомъ. Революція жила могуществомъ общественнаго мнѣнія: партіи насиловали это мнѣніе въ пользу своихъ страстей, но они никогда не уничтожали его и не фальшивили. Бонапартъ, который въ началѣ свелъ его къ молчанію, рѣшился присвоить себѣ эту драгоцѣнную силу, пуская ее въ ходъ при помощи послушныхъ орудій. Централизація вложила необходимыя орудія въ его руки. Было достаточно одного его слова, чтобъ привести въ движеніе громадную административную машину, охватывавшую всю страну и переворачивавшую ее по своему въ самыхъ нѣдрахъ ея. Бонапарту, напр., *требовалось національное движеніе*, и онъ *приказывалъ его*, и получалъ тотчасъ же совершеннѣйшее *подобіе*, искусственно замѣнявшее реальное, дѣйствительное движеніе и исполняемое съ точностью военныхъ маневровъ. Это было дѣломъ приказа, даннаго префектамъ и епископамъ. И вдругъ въ этой странѣ, жаждавшей спокойствія, насыщенной военной славою, обладавшей гораздо бо̀льшими завоеваніями, нежели она могла удержать за собой, чуждой всѣмъ распрямъ своего властелина и желавшей прежде всего мира, — вдругъ въ этой странѣ раздавался кликъ войны, которому она должна была удивляться; сама обманутая мало-по-малу иллюзіей этой искусственной агитаціи, Франція вдругъ начинала вдохновляться новымъ пыломъ противъ враговъ, которые и не думали ее вызывать, и въ пользу дѣла, которое было вовсе не ея дѣло. Въ этомъ искусственно-возбужденномъ состояніи націи сказывалась вмѣстѣ и проба и побѣда той централизаціи, которую Бонапартъ возстановилъ съ столь глубокимъ инстинктивнымъ пониманіемъ всѣхъ условій деспотизма. То было вмѣстѣ съ тѣмъ и первою карою за низкую апатію, съ которой нація допустила, чтобъ на нее наложенъ былъ этотъ постыдный режимъ: она искала въ немъ спокойствія, она нашла въ немъ войну».

Вотъ откуда идетъ такъ-называемое національное и воинственное одушевленіе французовъ: революція и ея принципы тутъ ни при чемъ; милитарный національизмъ создавался Бонапартомъ на развалинахъ задушенныхъ имъ всѣхъ великихъ началъ XVIII-го вѣка: нація стремилась къ свободѣ, нація любила эту свободу, и готова была отдать жизнь свою за нее и за ту страну, на которой свобода расцвѣтала впервые! Вмѣсто свободы, Наполеонъ повелъ ее на итальянскія, германскія и русскія поля битвы, обѣщая дать свободу не только ей, но и всему міру.... Измученная, обманутая въ своихъ надеждахъ сначала королемъ Лудовикомъ XVI, которому ставила памятникъ какъ возстановителю свободы, потомъ однимъ національнымъ собраніемъ за

другимъ, отъ которыхъ масса ждала хлѣба и безбѣдной жизни, она все еще вѣрила въ революцію и ея начала, потому что революція началась съ двухъ великихъ экономическихъ измѣненій: съ отмѣненія феодальныхъ привилегій, и съ продажи, т.-е. съ возможности пріобрѣтенія національныхъ имуществъ. Несмотря на неудовлетворительность двухъ этихъ мѣръ, выполненныхъ далеко не полно, революція все же, такъ-сказать, заручила ими довѣріе къ себѣ массы, и масса ждала отъ нея дальнѣйшихъ благъ. Вмѣсто благъ явился голодъ и пожары, и масса привѣтствовала паденіе роялизма, потому что она вѣрила, что роялизмъ создавалъ голодъ и жегъ ея села. А блага не приходили; усиленная энергія національныхъ собраній съ ихъ комитетами должна была сосредоточиться на отраженіи феодальной коалиціи. Масса вѣрила—и она была права, что въ то время коалиція препятствовала дальнѣйшему развитію ея благосостоянія, и она самоотверженно ринулась со всѣхъ концовъ Франціи на защиту своей свободы: она громко заявляла любовь и преданность своей странѣ, потому что нельзя не любить страстно и горячо своей страны, когда ко всѣмъ традиціямъ и кровнымъ узамъ, неразрывно приковывающимъ насъ къ судьбамъ нашей родины, и заставляющимъ насъ быть готовыми переносить скорѣе всѣ бѣдствія и нужды въ ней, чѣмъ искать исхода внѣ ея,—когда ко всему физіологическому сродству съ страною прибавляется еще свѣтъ свободы, свѣтъ разума и воли. А коалиція работала и внѣ, и внутри, и душила революцію ея же собственнымъ терроромъ.

Революцію смѣстилъ Бонапартъ, но сила вещей была такъ велика, вѣра въ могущество революціи была еще такъ сильна, что и Бонапартъ счелъ нужнымъ опереться на націю и явиться передъ нею не наслѣдникомъ Лудовика XVI и не намѣстникомъ Лудовика XVIII-го (какъ его довольно основательно величаютъ бурбонскіе историки), а продолжателемъ, наслѣдникомъ революціи!

Переходя отъ консульства къ имперіи, онъ торжественно объявлялъ своему вѣрному сенату: «Я желаю, чтобъ мы могли сказать французскому народу, 14-го іюля этого года: 15 лѣтъ тому назадъ, въ своемъ одушевленіи, вы бросились къ оружію, вы завоевали свободу, равенство, *славу* (вмѣсто *братства* должно быть). Теперь эти первыя пріобрѣтенія націи, безвозвратно обезпеченныя, находятся внѣ всякихъ бурь, они сохранятся вамъ и вашимъ дѣтямъ».

Между тѣмъ болѣзненная, помѣшанная фантазія одного человѣка, опиравшаяся на соціальный хаосъ, на соціальный антагонизмъ: на боязнь старой феодальной партіи быть въ конецъ

лишенной всѣхъ своихъ имущественныхъ привилегій; на надежду новой среднесловной части общества укрѣпить за собою разъ навсегда свои имущественныя пріобрѣтенія и затормозить легальнымъ подавленіемъ стремленія обездоленной массы; на мечту этой самой обездоленной массы добиться благъ, обѣщанныхъ революціей, — фантазія Бонапарта съумѣла передѣлать карту Европы.

Революціонная Франція не стремилась и не хотѣла территоріальнаго увеличенія: «Кто хочетъ быть свободнымъ у себя, тотъ не долженъ стремиться къ завоеваніямъ», говорилъ Карно. А консульство повело арміи за Рейнъ, и привело къ люневильскому трактату, по которому за Франціей были, наконецъ, признаны ея «естественныя границы», и по требованію консуловъ, законодательныя палаты декретировали (8 марта 1801): «Департаменты Рёръ (Roër), Сарра, Рейна и Мозеля и Мон-Тоннера составляютъ нераздѣльную часть французской территоріи». Императору и этого было мало — и онъ шелъ быстрыми шагами къ своему Іенскому тріумфу, столь дорого стоившему и стоющему Франціи. Не было такихъ провокацій, которыхъ бы онъ не дѣлалъ Пруссіи ранѣе окончательнаго разрыва. Онъ даже заранѣе считалъ себя въ правѣ распоряжаться въ Германіи, какъ въ своей завоеванной странѣ: сегодня онъ приказывалъ схватить тайно англійскаго посланника въ Гамбургѣ и всѣ его бумаги, и грозился сдѣлать то же самое въ Берлинѣ; завтра онъ требовалъ отъ германскихъ князей «рукъ ихъ дочерей для своихъ генераловъ, желая связать болѣе крѣпкими узами два народа»; послѣ онъ увеличивалъ насколько ему вздумается свою ганноверскую армію, вопреки договорамъ; потомъ отправлялся въ южную Германію и готовилъ созданіе *Рейнской Конфедераціи*. Эта несчастная рейнская конфедерація точно также была мечтою Наполеона III-го, весьма много содѣйствовавшею его комическому паденію.

«Планъ новаго устройства Германіи былъ наиболѣе угрожающимъ для мира всей Европы, чѣмъ всѣ тѣ планы, которые Наполеону удалось осуществить до того времени» — замѣчаетъ Ланфре. Какъ бы созданный для того, чтобъ извратить всѣ раціональныя идеи и скомпрометтировать, уронить ихъ въ глазахъ исторіи или общественнаго мнѣнія, Наполеонъ Бонапартъ провозглашаетъ величіе федеративнаго принципа (какъ провозглашалъ величіе принциповъ 89-го года), и въ то же время въ сущности, предлагалъ нѣмецкимъ князьямъ организацію союза, въ которомъ вся федеративная идея заключалась въ томъ, что они были всѣ сравнены въ своемъ ничтожествѣ, парализованы другъ

другомъ для того, чтобъ оставить въ его собственныхъ рукахъ сосредоточенную власть самой жестокой централизаціи.

Южная конфедерація должна была вонзить смертельный ножъ въ сердце Пруссіи, противъ которой она и была направлена. Въ половинѣ іюля 1806 г., берлинскій кабинетъ былъ увѣдомленъ объ образованіи рейнской конфедераціи подъ *протекторатомъ* Наполеона. Кромѣ Бадена, Баваріи и Виртемберга, къ новой конфедераціи принадлежали нѣсколько мелко-владѣтельныхъ князей и въ томъ числѣ курфюрстъ Гессенъ-Дармштадскій. Они составляли съ Франціей: «вѣчный оборонительный и наступательный союзъ», и обязывались поставлять для общей защиты 63-хъ-тысячную армію. Старая германская конфедерація была такъ мало пощажена, что даже у нея отняли городъ, въ которомъ засѣдалъ ея сеймъ: Регенсбургъ отошелъ къ Баваріи, и министръ Наполеона, Бише, почтительно доложилъ сейму въ послѣдній разъ, что: «Императоръ, мой господинъ, *не признаетъ болѣе* германской конституціи, признавая тѣмъ не менѣе государственную власть каждаго изъ нѣмецкихъ князей въ отдѣльномъ, *индивидуальномъ* отношеніи!» Еще нѣсколько времени, и буря разразилась, и первый актъ болѣе чѣмъ полувѣковой послѣдовавшей затѣмъ драмы разыгрался Іенскою побѣдою.

«Ненависть Пруссіи противъ насъ,—говоритъ Маркъ Дюфресъ—началась съ 1806 года, точно также какъ *новая* Германія съ своею ненавистью къ намъ и съ своею силою ведетъ свое начало со времени владычества Бонапарта и проконсульства его намѣстниковъ на Рейнѣ. Наши отцы дорого поплатились въ 1814 и 1815 году за свою тиранію въ чужихъ земляхъ. Дай Богъ, чтобъ нашимъ дѣтямъ не должно было вторично искупить вину нашей политики».

Предчувствіе Дюфреса сбылось ранѣе, чѣмъ онъ боялся: не дѣтямъ, а самому современному поколѣнію пришлось искупать фантазіи бонапартизма....

VII.

Негодуя на пріемы Наполеона, на извращеніе имъ принциповъ 89-го года, Ланфре говоритъ: «Бонапартъ зналъ, что *просвѣщенные люди* не могли быть одурачены его грубой ложью, когда онъ рядился въ представителя великихъ принциповъ; но огромная *масса*, которую ведутъ за собою громкими словами и которая весьма нечувствительна къ существованію политическихъ гарантій, встрѣчала безпрестанно въ оффиціальныхъ рѣчахъ

самыя популярныя формулы революціи, и потому ничего не нашла лучшаго, какъ принять за серьёзное тотъ языкъ, всю лживость котораго она была не въ состояніи понять».

Все это было бы какъ нельзя болѣе справедливо, если бы, на бѣду для Франціи, именно ея *просвѣщенные* люди, столь *чувствительные*, по мнѣнію Ланфре, къ политическимъ гарантіямъ, не могли или не хотѣли понять всей лжи и всей фальши бонапартовскаго краснорѣчія. Страшная въ этомъ случаѣ вина лежитъ именно на французской литературѣ: возьмите всѣ сочиненія, писанныя по французской революціи до 1852 года, и вы вездѣ увидите Бонапарта наилучшимъ грознымъ воплощеніемъ революціи, которому свыше было суждено разнести великіе принципы по всему міру и совершить дѣло революціонной пропаганды вооруженною силою. Посмотрите что̀ говорилось не то что до 52-го года, а въ 58-мъ году однимъ изъ лучшихъ современныхъ писателей: «Бонапартъ есть прямой наслѣдникъ конвента и комитетовъ ....онъ былъ истиннымъ представителемъ, единственнымъ трибуномъ народа.... по мѣрѣ того, какъ онъ возвышался, его взгляды и его планы измѣнялись, но его принципы оставались тѣми же. Онъ внесъ въ ихъ осуществленіе болѣе опытности человѣческихъ дѣлъ, болѣе зрѣлости, болѣе величія,— геній болѣе увѣренный въ себѣ, — и рядомъ съ этимъ болѣе заботъ о своей личности, но онъ не переставалъ служить дѣлу, которому онъ давно отдался».... Этотъ панегирикъ, въ немногихъ словахъ резюмирующій всѣ хвалебные гимны наслѣднику революцій, принадлежитъ тому же самому Ланфре! Онъ писалъ эти строки въ 58-мъ году, именно, въ своемъ «Опытѣ изъ исторіи революціи». *Опытъ*, какъ видимъ, весьма неудачный, но весьма важный для насъ, потому что онъ характеризуетъ собою роль французской литературы и ея громадное и непростительное участіе въ распространеніи и поддержаніи гибельныхъ предразсудковъ.

Господству Наполеона III-го, провозгласившаго себя наслѣдникомъ своего великаго дяди, нужно было дойти до послѣднихъ крайностей, чтобъ заставить опомниться французскихъ «идеологовъ», и перестать воспѣвать великую эпопею императора революціи. Конечно, нѣтъ ничего строже обличительной критики Эдгара Кине въ его «Революціи»; но было время, когда этотъ самый Кине писалъ длинную поэму «Наполеонъ», воспѣвая его подвиги и оплакивая его пораженія, въ коихъ авторъ видѣлъ пораженіе великихъ принциповъ, лучшихъ надеждъ свободы! Нечего и говорить объ «Исторіи Консульства и Имперіи» Тьера, выдержавшей столько изданій, и составляющей тѣмъ болѣе жалкій

панегирикъ императору революціи, что онъ весь преисполненъ самыхъ грубыхъ ошибокъ и неточностей.

Если отъ прямыхъ панегиристовъ Бонапарту мы обратимся вообще къ исторической литературѣ, то и въ ней встрѣтимъ отчаянный *шовинизмъ*, отчаянную узкость и восторженный *локализмъ*, въ высшей степени содѣйствовавшіе запутанному пониманію и затемненію трезваго отношенія къ историческимъ явленіямъ. Бóльшая часть историковъ Франціи задались двумя жалкими несчастными идеями: идеей французскаго единства и идеей предназначенія французской націи къ мученическому миссіонерству великой французской цивилизаціи; въ томъ и въ другомъ одинаково виднѣется длинное ухо шовинизма.

Одно изъ капитальныхъ, почтенныхъ сочиненій: «Исторія цивилизаціи во Франціи» Гизо, систематизируетъ всѣ событія, всѣ явленія французской исторіи подъ одну заранѣе опредѣленную мѣрку и вся исторія у него предназначена свидѣтельствовать о великой, передовой, господствующей роли Франціи въ исторіи цивилизаціи. Простое, непредвзятое отношеніе американца къ вещамъ не выдержало доктринарной системы Гизо, и Кери въ своей книгѣ—«Past, Present and Future»—послалъ Гизо жестокую филиппику, фактически оспаривая значеніе роли Франціи и отводя ей болѣе скромное мѣсто въ ряду другихъ націй.

Задавшись идеей своего великаго единства, французскіе историки должны были разсматривать всѣ дѣянія своихъ средневѣковыхъ королей, какъ споспѣшествующія торжеству ихъ великой идеи, поэтому во французской исторической наукѣ произошли двѣ логическія неосновательности, наложившія свою печать и на всю литературу: во-первыхъ, принявъ исторію дѣяній своихъ королей за національную исторію, они игнорировали народную жизнь, вкладывая всѣ событія въ узкія рамки государственнаго формированія и безурядицы; во-вторыхъ, они вздумали, въ силу своего философскаго доктринаризма, связать непрерываемою нитью феодальную и новую исторію, они вздумали принять и работу революціи за продолженіе работы феодальной монархіи — работы *унификаціи*, и такимъ образомъ, разъ сдѣлавъ ошибку, они могли послѣдовательно придти и къ панегирику Наполеона, принимая его за продолжателя дѣла роялизма и революціи!

Какъ ни очевидно логическое противорѣчіе подобной доктрины, связывающей во-едино несвязуемые элементы—элементъ абсолютнаго авторитета и элементъ абсолютной свободы,—тѣмъ не менѣе въ этихъ противорѣчіяхъ запутались даже такіе сочувствующіе прогрессу историки, какъ напр. Ог. Тьери: исто-

рикъ *живого народа*, въ своихъ «Письмахъ объ исторіи Франціи», уже становится панегиристомъ дѣяній феодальныхъ монарховъ, какъ орудія Провидѣнія, ведшаго Францію къ великому единству. Только въ 1857 году Эд. Кине изобличилъ несостоятельность такой доктрины въ своемъ «Введеніи къ философіи исторіи Франціи» и провелъ рѣзкую черту между исторіей роялизма и исторіей народа. За нимъ слѣдовалъ Фр. Моренъ, показавшій, что прогрессъ націи совершался вполнѣ обратно прогрессу роялизма: тамъ гдѣ торжествовала политика феодальныхъ королей, тамъ страдалъ разоренный народъ; тамъ гдѣ власть средневѣковаго сюзерена ослабѣвала, народъ вздыхалъ свободно и шелъ къ своему міровому всестороннему перевороту XVIII-го вѣка. Этотъ переворотъ разрывалъ всякую связь со всѣмъ прошлымъ феодальной монархіи. Онъ предавалъ сожженію всю ея *традицію* вмѣстѣ съ феодальными зàмками и пергаментами, и провозглашалъ себя самовластнымъ съ цѣлью поставить на мѣсто разрушенныхъ новыя начала, новыя отношенія...

Этого разрыва между старымъ и новымъ не поняли французскіе историки и вслѣдствіе того могли, напримѣръ, умиляться тому, что, при Наполеонѣ I, «Франція, наконецъ (Люневильскимъ договоромъ), достигла, *послѣ восьми вѣковъ усилій*, границъ столь желанныхъ старою монархіею... Республика давала ей внѣшнее положеніе такое, какое она не знала *даже* при Бурбонахъ». Такъ повѣствуетъ г. Теоф. *Лавалле* въ своемъ сочиненіи, увѣнчанномъ французской академіей, *«О границахъ Франціи»*.

Между тѣмъ, вовсе не республика давала Франціи «такія великолѣпныя границы, какихъ она не знала даже при Бурбонахъ», ихъ давало ей консульство наканунѣ Имперіи, и этого достаточно, чтобъ окончательно понять, что и во внѣшней политикѣ Наполеонъ I-й былъ счастливый наслѣдникъ скорѣе старой монархіи, нежели представителемъ новыхъ началъ, новаго міра...

Такъ-называемые вопросы о «естественныхъ границахъ» всегда создаются одними корыстными видами тѣхъ факторовъ, которые хотѣли бы удержать человѣчество въ невѣжествѣ и хаосѣ среднихъ вѣковъ; подобному же злоупотребленію подвергается разрѣшеніе національныхъ вопросовъ. Національное чувство въ людяхъ существовало, существуетъ, въ смыслѣ привязанности и любви къ дорогому мѣсту своего рожденія, воспитанія и жизни; но эта привязанность и любовь въ наше время требуютъ, чтобъ силы и жертвы человѣка шли на служеніе просвѣщенію, совершенствованію, благосостоянію родного народа, а не на служеніе гнету и своего и другихъ народовъ. Предметомъ человѣческихъ

стремленій, освященныхъ разумомъ, является свобода, а развитіе человѣка говоритъ ему, что онъ только тогда чувствуетъ себя свободнымъ, когда вокругъ него движутся и трудятся свободные люди: въ этомъ выражается солидарность людей и народовъ, протестующая противъ ихъ взаимнаго истребленія, во имя отжившихъ, дряхлыхъ предразсудковъ, эксплуатируемыхъ бонапартистами. Въ своемъ стремленіи къ солидарности, понятно, что люди одного и того же языка, связанные одними и тѣми же традиціями и понятіями — однимъ словомъ, люди, составляющіе извѣстную націю — стремятся къ болѣе тѣсному объединенію своихъ общественныхъ учрежденій, своихъ общественныхъ отношеній: это стремленіе къ единству составляетъ неизбѣжную историческую фазу въ развитіи народа, и его нельзя подавить никакими хитросплетеніями: напрасны были войны Наполеона I-го, напрасны были козни Наполеона III-го—Германія должна была придти къ своему единству: препятствія, поставленныя ей на пути, могли только временно исказить форму единства, какъ теперь искажаетъ ее пока военная гегемонія Пруссіи и ея централизаторская тенденція; но при нормальномъ развитіи, единство Германіи выразилось бы и выразится позже въ наиболѣе прогрессивной формѣ, представляющей наиболѣе простора индивидуальному развитію. Такимъ образомъ, дѣйствія Наполеона III-го, вызвавшаго нынѣ кровавую бойню, тѣмъ болѣе виновны, чѣмъ болѣе они были напрасны, безплодны для прогресса и проникнуты духомъ отжившаго времени. Вмѣстѣ съ нимъ виновны и тѣ, которые содѣйствовали его возвышенію, которые пользовались его властью, и которые вмѣстѣ съ нимъ участвовали въ обманѣ народа и въ приготовленіи катастрофы—не его паденія, это конечно не трогаетъ насъ, — а катастрофы разоренія Франціи и гибели массы людей двухъ великихъ народовъ.

VIII.

Въ нашей памяти живо еще то время, когда во Франціи призывали Людовика-Наполеона на спасеніе Франціи: тогда привѣтствовали его, какъ спасителя страны и порядка, какъ охранителя имущества и національной чести: и только теперь, заднимъ числомъ, начинаютъ понимать этого «великаго подрядчика общественнаго блага», по мѣткому выраженію одного англійскаго публициста. Онъ началъ свое правленіе съ обагренія Франціи кровью, и кончилъ его небывалымъ кровопролитіемъ; подобнымъ образомъ восклицалъ старый прусскій король о судьбѣ Луи-Филиппа: «онъ

вошелъ на тронъ черезъ баррикады и чрезъ баррикады же долженъ былъ сойти съ него». А въ эти 18 лѣтъ, во имя огражденія порядка внутри, Наполеонъ не переставалъ вести разорительныя войны, отдыхая между войнами вмѣстѣ съ своими министрами въ невинномъ занятіи похищенія милліоновъ изъ военнаго министерства для удовлетворенія личныхъ потребностей своихъ и своихъ слугъ! Истребивъ тысячи французовъ во время своего coup d'état на улицахъ Парижа, въ департаментахъ и Кайеннѣ, онъ чрезъ два года послалъ новыя тысячи умирать подъ Севастополь. Когда французское общество опомнилось отъ своего воинственнаго упоенія славою Парижскаго мира и хотѣло-было залепетать о своихъ старыхъ замашкахъ — о парламентскихъ преніяхъ—на выручку Наполеона явился Орсини,—и вся Франція снова задрожала отъ террора: снова обыски и аресты, заключенія и депортація,—знаменитый законъ Эспинаса (28 января 1858 г.) о подозрительныхъ лицахъ (la loi des suspects, la loi de sureté générale) не переставалъ господствовать во Франціи до послѣдняго времени. Когда, несмотря на всѣ гоненія, мысль хотѣла пробуждаться во Франціи печатно, императорскій режимъ давилъ ее запретами, пенями, тюрьмами, и ослабилъ свою опеку только тогда, когда подумалъ, что масса уже достаточно развращена его наемною литературой, всѣхъ скандаловъ и сальностей, до тѣхъ поръ, пока снова не испугался, при появленіи республиканскихъ тенденцій, и снова сталъ давить ее, пока наконецъ «принцъ крови», Пьеръ-Бонапартъ-Тропманъ, не вздумалъ револьверами раздѣлываться съ журналистами за оскорбленіе бонапартовской чести. Когда нечего было дѣлать въ Европѣ, онъ затѣялъ дѣло въ Мексикѣ—ревнитель общественнаго порядка, онъ боялся, что свобода Сѣверной Америки одолѣетъ рабство Южныхъ штатовъ, и онъ думалъ противупоставить ей императорскую плотину въ Мексикѣ, увлекаясь въ тоже время надеждами на золотое руно и довольный тѣмъ, что его армія занята. Когда общество, сконфуженное внѣшними неудачами императорской политики въ Мексикѣ и послѣ Садовы, — захотѣло заняться внутренними вопросами, то Наполеонъ поспѣшилъ показать ему снова «красный призракъ». Онъ сталъ преслѣдовать рабочія ассоціаціи и общество апплодировало ему—пресса вопила противъ рабочихъ ассоціацій не хуже самихъ императорскихъ прокуроровъ: раздѣленіе классовъ снова вышло наружу съ своимъ антагонистскимъ характеромъ; вокругъ Наполеоновскаго трона снова тѣснѣе сомкнулись ряды вѣрныхъ слугъ. Высшая буржуазія снова пошла съ нимъ на сдѣлку—явилась мечта о либеральной имперіи: мамелюкъ Жирарденъ, рес-

публиканецъ Олливье, орлеанисты Бюфе и Дарю, тѣни прошлаго — Гизо и Барро, все, весь цвѣтъ французской интеллигенціи, французскаго *политическаго* міра окружилъ парламентскаго императора... Шаспо́ перешли съ Ментаны на углекоповъ Рикамаре, Обена и Крёзо! Опять общество оказывалось въ опасности, опять надо было являться *подрядчикомъ* его спасенія! Явился на сцену *плебисцитъ*—чего искалъ Наполеонъ въ немъ?—просто ли онъ хотѣлъ занять французскую публику, готовилъ ли онъ новый coup d'état и хотѣлъ опереться на силу плебисцита, чтобъ истребить разъ навсегда непокорныхъ? рѣшился ли онъ окончательно на войну и думалъ запугать прусское правительство громадною преданностью Франціи къ нему?—во всякомъ случаѣ, въ то время, какъ оффиціально торжествовали побѣду плебисцита, внутренно были поражены полуторамилліонной силою прямой республиканской и революціонной оппозиціи. Тѣмъ болѣе были поражены, что плебисцитъ былъ обстановленъ всею подобающей декораціей: былъ сочиненъ новый заговоръ на смерть императора, съ бомбами и кинжалами—для устрашенія той части сельскаго населенія, которая относится еще къ Наполеону III-му съ легендарнымъ благоговѣніемъ; были снова схвачены члены федеральнаго парижскаго совѣта интернаціональной ассоціаціи — для устрашенія буржуазіи; были пущены въ ходъ всѣ полки администраціи, отъ министра до полевого сторожа... меньшинство все же оказалось тѣмъ болѣе зловѣщимъ, что духъ революціи проникъ въ армію и далъ въ ней 55,000 непокорныхъ бюллетеней.

Оставалось одно изъ двухъ — или совершить новое 2-е декабря, вырѣзать и разсѣять по африканскому берегу—всѣ крамольные элементы, или, въ ожиданіи болѣе благопріятной минуты, въ ожиданіи бо́льшаго возбужденія энтузіазма — вести Францію на войну и по возвращеніи съ нея побѣдителемъ воцарить наконецъ свою династію, и, если нужно, то произвести маленькій переворотъ: — среди дыма славы будетъ легко!

А тутъ еще частныя соображенія: въ деньгахъ недочетъ по министерствамъ, въ парламентѣ злые языки какъ-нибудь доберутся до дефицита; выйдетъ скандалъ; между тѣмъ какъ война разгонитъ парламентъ. Кромѣ того, республиканская пресса ничего не боится: ее давятъ денежными штрафами, но ея единомышленники несутъ на выручку ей по су, по два, по десяти; редакторовъ садятъ въ тюрьму, но преслѣдованія эти только рождаютъ смѣлость и страсть къ борьбѣ въ новыхъ адептахъ республики! Съ войною отъ всего этого можно избавиться...

Война популярна, войны всѣ хотятъ, война будетъ провозглашена въ защиту великихъ принциповъ 89-го года!

Будто бы?! Здѣсь является послѣдній пунктъ, послѣднее фактическое обличеніе соучастниковъ Бонапарта....

Разсказывая о свиданіи плѣннаго Наполеона съ «современнымъ Питтомъ, врагомъ человѣческаго рода», Бисмаркомъ —газеты и Бисмаркъ это подтвердилъ самъ — говорятъ, что Наполеонъ пожаловался Бисмарку на общественное мнѣніе Франціи и даже на лѣвую оппозиціонную сторону законодательнаго корпуса, сваливая на нихъ вину за войну: «они заставили меня вести войну, я долженъ былъ дать это удовлетвореніе общественному мнѣнію».

Платя Франціи, за 18-ти-лѣтнюю покорность, упрекомъ и клеветою, Наполеонъ въ извѣстной долѣ своего обвиненія оказывается правъ.

Онъ клевещетъ на Францію, потому что онъ самъ совершилъ надъ нею то, что̀ ему преподалъ Наполеонъ I-й; онъ задушилъ въ ней всякое общественное мнѣніе; онъ самъ добивался того, чтобъ въ Европѣ принимали мнѣніе, предписанное изъ министерства его префектамъ и мерамъ — за мнѣніе Франціи; онъ систематически убивалъ и хоронилъ мысль Франціи и самъ хотѣлъ царить на ея могилѣ. Онъ кончилъ тѣмъ, что, какъ и дядя, попался въ имъ самимъ устроенное бѣличье колесо: онъ сталъ, наконецъ, принимать доклады префектовъ и меровъ за истинное выраженіе страны: въ этомъ лежитъ роковое наказаніе Тиберіевъ, они жалятъ себя тѣмъ же самымъ ядомъ, которымъ хотятъ отравить страну!—Но онъ правъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сказали мы, въ извѣстной долѣ. Онъ правъ, кидая обвиненіе въ оппозицію, потому что оппозиція — парламентская и журнальная—не переставала роптать на Садову и обвинять Наполеона III-го за то, что онъ смѣлъ допустить торжество Пруссіи, созданіе сѣверной конфедераціи. «Мы поражены въ самое сердце, Франція ослаблена и унижена, вы совершили *послѣднюю ошибку* своей политики; Франція изъ-за Садовы перестаетъ быть господствующей державою, Франція, которая привыкла предписывать другимъ державамъ и ихъ поведеніе и ихъ образъ мыслей. Могущество Франціи исчезаетъ, потому что вы не двинули во̀ время войска на берега Рейна и не потребовали гарантій противъ усиленія Пруссіи! вы создали на нашихъ окраинахъ двѣ могучія державы: Италію и Германію!» — на эту тему пѣли всѣ голоса оппозиціи цѣлые годы и дѣйствительно могли заставить Наполеона думать, что онъ можетъ войною возвратить Франціи ея желанную славу и успокоить своихъ внутреннихъ враговъ....

Бѣда состояла въ томъ, что оппозиція хотѣла быть оппозиціей, но она хотѣла быть только оппозиціей *личности* Наполеону Бонапарту, его безцеремонному обращенію съ политическою *интеллигенціею* и литературной Франціей, съ парламентскою традиціею эпохи реставраціи и іюльской монархіи; но она не хотѣла и не смѣла быть оппозиціей самому *принципу*, воплощенному въ Наполеонѣ III-мъ, потому что она сама, въ сущности, ничѣмъ не разнилась отъ той *великой партіи порядка*, которая возвысила и поддерживала Наполеона, и которая за то получила и награду: *порядокъ* настоящей минуты! Оппозиція хотѣла быть оппозиціей, и поэтому ей непремѣнно надо было имѣть въ запасѣ предметы для оппозиціи, а этотъ запасъ оказывался крайне скуденъ и старъ: онъ весь состоялъ изъ нѣсколькихъ формальныхъ притязаній, изъ нѣсколькихъ громкихъ формулъ: императорскій парламентъ только и оживлялся тогда, когда рѣчь шла о внѣшней политикѣ; по части же внутренней политики дѣло никогда не доходило до требованія коренной реорганизаціи, дѣло ограничивалось требованіемъ большаго контроля *для парламента*, состоявшаго почти цѣликомъ изъ покорныхъ креатуръ Наполеона; требованіемъ возвращенія выборныхъ муниципалитетовъ Парижу и Ліону, *наравнѣ* съ прочими городами, назначеніемъ выборнаго мера, и т. п., но никогда не шла рѣчь объ измѣненіи системы налоговъ, давившихъ народъ, никогда не шла рѣчь о причинахъ народныхъ нуждъ и о мѣрахъ къ удовлетворенію ихъ. «Красный призракъ» стоялъ точно также предъ воображеніемъ лѣвой стороны, какъ и правой, и зажималъ ей ротъ; и она поэтому-то предпочитала вести борьбу на почвѣ внѣшней политики, и сдѣлала себѣ изъ Садовы конёкъ, приправленный всѣми революціонными возгласами о величіи Франціи, о принципахъ 89-го года, о военныхъ подвигахъ 92-го года....

Національный шовинизмъ господствовалъ на скамьяхъ оппозиціи не менѣе чѣмъ на правой сторонѣ, и оттого-то являлось трогательное единодушіе Паликао и Гамбетты, Ж. Давида и Кератри. Они не имѣли смѣлости сдѣлать призывъ къ націи во время объявленія войны, и въ союзѣ съ народомъ остановить замыслы Бонапарта; напротивъ, нѣкоторые изъ нихъ стремились перещеголять своимъ патріотизмомъ самихъ мамелюковъ—Гранье де-Кассаньяковъ и Жирарденовъ. Они не съумѣли сбросить съ Франціи иго Бонапарта послѣ перваго пораженія при Вёртѣ и, во имя народныхъ интересовъ, предложить Германіи миръ; напротивъ, во имя патріотизма, они требовали отъ народа слѣпого довѣрія къ *стратегическому молчанію* самаго отчаяннаго

бонапартистскаго министерства. Они не съумѣли возвыситься до международной человѣчности и сдѣлать все, чтобъ война не могла внѣдрить въ чувства двухъ націй гибельной вражды; напротивъ, эти люди оппозиціи, республиканцы оппозиціи, требовали скорѣйшаго изгнанія всѣхъ нѣмцевъ изъ Франціи, какъ шпіоновъ, апплодировали смертнымъ приговорамъ военныхъ судовъ и громко обзывали каждаго, хотѣвшаго протестовать противъ бонапартскаго министерства, продажнымъ шпіономъ нѣмцевъ!..

Надо было, чтобъ народъ вторгся въ залы законодательнаго собранія, для того, чтобъ заставить ихъ насильно произнести слово «республика». Надо было, чтобъ народъ самъ кинулся въ Венсенъ, для того, чтобъ они наконецъ освободили изъ заключенія враговъ Бонапарта, — Рошфора, единственнаго имѣвшаго смѣлость даже изъ тюрьмы протестовать противъ національной вражды и военной славы, во имя великихъ принциповъ; для того, чтобъ вмѣстѣ съ Рошфоромъ они освободили и членовъ рабочаго союза, о безсовѣстномъ процессѣ противъ которыхъ никто не смѣлъ и заикнуться въ палатѣ и никто никогда не смѣлъ выразить сочувствія къ стремленіямъ рабочаго класса, отвергающаго войну и требующаго мира, во имя благосостоянія рабочихъ массъ.

Человѣкъ, стоящій теперь внѣ всякой политики, признающій въ политикѣ за идеалъ строго-конституціонную, парламентскую, династическую монархію, не разъ прямо высказывавшій свою ненависть къ революціи, всегда сильно порицавшій всѣ демократическія стремленія, въ которыхъ онъ видѣлъ только невѣжество, разореніе и анархію, человѣкъ, который кончилъ тѣмъ, что въ своемъ отчаянномъ скептицизмѣ окончательно ушелъ въ науку, въ которой онъ дѣйствительно занимаетъ почетное мѣсто, — Эрнестъ Ренанъ, — въ отвѣтѣ Давиду Штраусу, — ища разрѣшенія кровавымъ запутанностямъ международныхъ отношеній, основанныхъ на трактатахъ, вдругъ обращается къ движенію, охватывающему теперь весь западно-европейскій обездоленный классъ и въ немъ, въ его принципахъ, готовъ видѣть единственный *выходъ* и избавленіе отъ періодическихъ повтореній варварства.

«Принципъ федераціи европейскихъ Соединенныхъ Штатовъ — пишетъ онъ въ «Journal des Débats» 16 (4 сентября), могъ бы дать основу мирнаго посредничества (въ международныхъ спорахъ), подобнаго тому, какое церковь представляла въ средніе вѣка. Я готовъ признать аналогическое же значеніе за демократическими стремленіями, за тою ролью, которую въ наше время все болѣе принимаютъ соціальныя проблемы. Ходъ современной исторіи представляетъ собою родъ колебанія между

вопросами патріотическими, съ одной стороны, и между вопросами демократическими и соціальными съ другой. Эти послѣднія проблемы имѣютъ свою законную сторону и, можетъ быть, будутъ въ извѣстномъ значеніи великимъ умиротвореніемъ будущаго. Нѣтъ сомнѣнія, что демократическая партія, несмотря на свои ошибки, подымаетъ задачи, идущія выше отечества: приверженцы этой партіи протягиваютъ другъ другу руки чрезъ всѣ раздѣленія національности и проповѣдуютъ большое равнодушіе къ вопросамъ амбиціи (point d'honneur), которые преимущественно задѣваютъ титулованный классъ и военныхъ. Тысячи бѣдныхъ людей, которые теперь убиваютъ другъ друга за дѣло на половину непонятное имъ, вовсе не питаютъ ненависти другъ къ другу: у нихъ однѣ и тѣ же общія нужды, общіе интересы. Безъ сомнѣнія, мечта была бы думать, чтобъ въ извѣстный день они столковались и протянули другъ другу руки, несмотря на своихъ вождей; но тѣмъ не менѣе можно предвидѣть не одинъ поводъ, которымъ крайняя политика Пруссіи послужитъ торжеству ихъ идей, которыхъ они и не подозрѣваютъ. Трудно себѣ представить, чтобъ остервенѣніе (fureur) кучки людей, останковъ старыхъ аристократій, могло еще долго вести къ истребленію этихъ мирныхъ массъ, дошедшихъ уже до довольно сильнаго демократическаго сознанія и болѣе или менѣе проникнутыхъ экономическими (святыми для нихъ) идеями, свойство которыхъ именно заключается въ отверженіи всякаго національнаго соперничества».

Раздѣлятъ ли мнѣніе Эрн. Ренана новые представители Франціи, захотятъ ли они сообразоваться съ стремленіями и интересами народныхъ массъ, отвергающихъ милитаризмъ во всѣхъ его видахъ и послѣдствіяхъ и ищущихъ мирнаго удовлетворенія своимъ нуждамъ; рѣшится ли высшее и среднесословное общество довѣриться мирному прогрессу страны, безъ терроризаціи ея штыками и картечью, т.-е. рѣшится ли оно отказаться отъ учрежденія постоянной арміи и, такимъ образомъ, допустить, наконецъ, Францію мирно вступить на путь новой жизни, сосредоточенной на улучшеніи внутренняго благосостоянія или же... снова дастъ своему разстроенному воображенію запугать себя сказками о «Красномъ Призракѣ» и будетъ считать нужнымъ удержать страну на военномъ положеніи, и искать разрѣшенія внутреннихъ запутанностей во внѣшнихъ отвлеченіяхъ, и въ концѣ концовъ снова отдать свое спокойствіе, свою собственность и порядокъ на попеченіе какому-нибудь «подрядчику общественнаго спасенія»?... Всѣ эти вопросы разрѣшитъ близкое будущее, которое предъявитъ Европѣ или миролюбивую, сво-

бодную отъ всякихъ завоевательныхъ плановъ и бредовъ о національномъ величіи республику, или же полную жажды мщенія за позоръ, полную стремленій къ возстановленію національнаго величія военную диктатуру. Въ послѣднемъ случаѣ, Европѣ предстоитъ много кровопролитія, много катастрофъ, вызванныхъ соціальнымъ и національнымъ антагонизмомъ современныхъ обществъ.

IX.

Отъ парламентской оппозиціи при второй имперіи перейдемъ къ французской прессѣ. И здѣсь мы увидимъ такое же колоссальное недоумѣніе, закрывавшее отъ глазъ Франціи ея истинные интерессы внутренняго мира и свободы.

Мы не будемъ говорить при этомъ объ Эмилѣ Жирарденѣ, съ его «La guerre fatale», о кучѣ брошюръ въ родѣ: «Les Français sur le Rhin», «La première aux Prussiens», «Le Rhin c'est la Paix», «La Prusse et le Rhin»; мы не станемъ говорить о цѣломъ сонмѣ газетъ патріотическихъ, либеральныхъ, будто-революціонныхъ и республиканскихъ, о толстыхъ журналахъ, даже такихъ, какъ почтенный «Revue des Deux Mondes» (см. его Хронику 15-го августа); но увы! даже такія увѣнчанныя академіею произведенія, какъ названное уже нами: «О границахъ Франціи» Т. Лавале, выдерживающее пять изданій, гласятъ: «Франція *несомнѣнно* пріобрѣтетъ всѣ свои естественныя (?) границы, предначертанныя(!) рукою Бога, тѣ границы, коими она владѣла въ своемъ кельтическомъ и римскомъ прошломъ, тѣ, кои она пріобрѣла въ своемъ возрожденіи 89-го года (вѣрнѣе: въ своемъ паденіи 18-го брюмера); надо, чтобъ она заключала въ своей территоріи поле битвы Тольбіака и гробъ Карла Великаго.... *естественныя границы Франціи составляютъ основную необходимость новыхъ временъ:* онѣ залогъ мира для всего свѣта... И какіе успѣхи совершила Франція въ послѣднія 50 лѣтъ: наше сосѣдство съ Шельдою и Альпами преобразовано, Ницца и Савойя завоеваны снова, коалиція разбита, Франція снова возведена въ свой *рангъ!*»

Революціонерствующіе авторы вторятъ общему хору, и восклицаютъ: «Послѣдствія войны (1866 г.), въ которой мы не принимали прямого участія, гораздо тяжелѣе для насъ, чѣмъ всѣ войны, предпринятыя императоромъ.... Франція держала судьбы Европы въ своихъ рукахъ во время Садовы; ея войску слѣдовало сдѣлать *только* военную демонстрацію на Рейнъ; вина им-

періи въ *бездѣйствіи* (какъ будто въ этомъ вина имперіи?!) при совершеніи *самаго великаго событія* новѣйшей исторіи: торжества Пруссіи надъ *нѣмецкими державами*». (La Révolution par le suffrage universel, par Alph. Lecamp. 1869).

Выходъ въ русскомъ переводѣ одного сочиненія, имѣющаго отношеніе къ современнымъ событіямъ, заставляетъ насъ упомянуть и о немъ. Мы говоримъ о книгѣ Шербюлье, которую выдаютъ у насъ за какой-то авторитетъ. Имя Шербюлье извѣстно, какъ довольно изящнаго беллетриста, нѣсколько романовъ его, какъ «Le roman d'une honnête femme», написаны не дурно; но въ политикѣ Шербюлье еще никогда не подвизался, и мы полагаемъ, что его первый дебютъ болѣе, чѣмъ неудаченъ. Напрасно увлекаться тѣмъ, что авторъ швейцарецъ и потому можетъ быть безпристрастенъ; швейцарецъ швейцарцу рознь; въ данномъ случаѣ, Шербюлье получилъ отъ самой императрицы право *натурализаціи* во французской литературѣ: онъ былъ однимъ изъ послѣднихъ кавалеровъ Почетнаго Легіона, преподнесеннаго ему императрицей *послѣ* выхода его книги. Вся книга Шербюлье написана для того, чтобъ доказать существованіе вражды между Сѣверомъ и Югомъ Германіи, вражды, на которую именно и разсчитывалъ Наполеонъ III, сбираясь въ Берлинъ, и вмѣстѣ на несостоятельность сѣверной конфедераціи и на невозможность со стороны южной Германіи слиться съ Сѣверомъ, хотя въ одномъ мѣстѣ самъ Шербюлье долженъ былъ признаться, что вся Германія возстанетъ, если Франція вздумаетъ идти на Рейнъ.

Шербюлье, повидимому, имѣлъ претензію изобразить политическія убѣжденія и общественные нравы Германіи, но вмѣсто серьезнаго изображенія Германіи, онъ ограничился выставленіемъ на видъ различныхъ парламентскихъ препираній, различныхъ своихъ личныхъ бесѣдованій съ какими-то государственными людьми, — и вмѣсто вѣрной картины вышелъ какой-то пасквиль, писанный, вѣроятно, въ угоду Наполеону III. Съ отсутствіемъ серьезнаго знанія Германіи, Шербюлье блещетъ отсутствіемъ здраваго пониманія о парламентаризмѣ и отличается наивными соображеніями о высшихъ добродѣтеляхъ; такъ, напр., выходитъ, что «исторіей много простится баварскому королю-диллетанту за то, что онъ предпочиталъ фрески народамъ и оттягивалъ деньги военнаго бюджета на художественное украшеніе своего города» (стр. 290). Такъ, Шербюлье провозглашаетъ Европѣ, что Наполеонъ совершилъ «мирную революцію (министерство Олливье) и тѣмъ *долженъ былъ разсѣять недовѣріе Германіи къ Франціи:* Европа убѣждена, что парламентскія учреж-

денія суть залогъ мира и предотвращаютъ отъ политики приключеній, сюрпризовъ и coups de main» (стр. 289). Европа дѣйствительно убѣдилась! «Возвративъ Франціи *парламентскій режимъ*, императоръ знаетъ, что онъ лишилъ себя права и возможности вести войну изъ-за фантазіи или отмщенія; для него нѣтъ болѣе иной возможности войны, какъ только войны вполнѣ основательной или охранительной (une guerre de raison ou de conservation), потому что, *какова бы ни была его любовь къ миру* (?!), но, если только Франція почувствуетъ себя задѣтою въ своей безопасности или въ своей чести какою-либо неосторожною провокаціей или какимъ-нибудь хитростнымъ и насильственнымъ предпріятіемъ противъ какого-либо изъ тѣхъ мелкихъ государствъ, кои составляютъ самую вѣрную гарантію ея вліянія въ мірѣ,—*тогда онъ въ состояніи будетъ сдѣлать все, что онъ захочетъ, сзади него будетъ вся страна...* Императоръ Наполеонъ обладаетъ слишкомъ серьезнымъ, слишкомъ обдуманнымъ умомъ, чтобъ не отдавать себѣ отчета въ послѣдствіяхъ своихъ поступковъ (стр. 63 и 65). Самая французская дипломатія ведетъ себя всегда «настолько *мудро*», что избѣгаетъ всякихъ поводовъ къ обезпокоенію южной Германіи, которымъ могла бы воспользоваться Пруссія. Конечно, Франція не можетъ отказаться отъ своего занятія дѣлами Германіи: она, конечно, заявляетъ свое присутствіе въ Мюнхенѣ, но она мѣшаетъ только тѣмъ, которые хотятъ отъ нея скрывать что-либо; она (т.-е. Франція, во образѣ дипломатіи Наполеона) скромна, сдержанна, хотя внимательна, и она *добросовѣстно* принимаетъ совершившіеся факты и ихъ послѣдствія» (стр. 288).

Вмѣстѣ съ французскимъ правительствомъ заслуживаетъ подобный же панегирикъ и Австрія «за свой либерализмъ, за свое преобразованіе», которое даетъ поводъ къ нелестнымъ для Берлина сравненіямъ.

Но Шербюлье не справился съ мнѣніемъ объ австрійскомъ либерализмѣ у рабочихъ Вѣны и Граца, или у чеховъ!

Въ концѣ концовъ, все обстояло бы благополучно, *еслибъ* не Пруссія, на которой лежитъ отвѣтственность предъ Европой за спокойствіе; въ ея рукахъ миръ и война и будущее Европы (да, теперь это правда, но дѣло идетъ о началѣ войны). И вотъ, за эту роль Пруссіи жестоко достается отъ Шербюлье: «Франція не была готова въ 1866 году и ей дозволено сожалѣть объ этомъ».... а Бисмаркъ безъ жалости рѣшился воспользоваться ея неготовностью и изготовилъ свою Сѣверную конфедерацію. Въ своей наглости, Бисмаркъ забылъ, что Пруссія не могла быть великою державою: «прусскій роялизмъ пріучалъ страну къ труду

и дисциплинѣ, но этого не достаточно, чтобъ *создать народъ*. Народъ создается общественнымъ духомъ, а общественный духъ убивается чрезмѣрною властью правительства. Нація, которая никогда не призывается къ выраженію своей воли, не можетъ имѣть патріотическаго сердца» (стр. 114). Это авторъ говоритъ въ упрекъ Пруссіи, вмѣсто того, чтобъ обратить свои слова къ Наполеону III..... «Пруссія *слаба*, она чувствуетъ свое одиночество, ей надо союзниковъ, а гдѣ найдетъ она ихъ? Можетъ ли она разсчитывать на Россію, когда она намѣрена превратить Балтійское море въ Прусское озеро (?), и что̀ она предложитъ Россіи такого, что̀ не разсердило бы Англію». Объ Австріи тоже нельзя думать, и даже *нечего* разсчитывать на южныя государства Германіи, ибо южные нѣмцы потребуютъ *прежде всего* серьезныхъ гарантій своей самостоятельности отъ Сѣверной конфедераціи... Пруссія, конечно, «должна бояться войны, потому что она можетъ поплатиться своими свѣжими пріобрѣтеніями». Да и внутри страны у Пруссіи слишкомъ много дѣла: «надо вести разговоръ съ парламентомъ, лечить больные финансы, пополнить дефицитъ, справлять политическіе процессы, хватать журналы»... (стр. 65—71). Это пишетъ Шербюлье о Пруссіи, восхищаясь наполеоновской Франціей!

Все та же злополучная Пруссія попираетъ ногами парламентъ (во Франціи было лучше: парламентъ самъ ползалъ у ногъ Наполеона!), изобрѣтаетъ никуда негодную конфедерацію, на развалинахъ достойной всѣхъ симпатій Шербюлье старой франкфуртской конфедераціи и тащитъ въ нее южную Германію, которая никогда не присоединится къ ней, ибо она пропитана демократизмомъ и истиннымъ парламентаризмомъ.

Но тутъ же самъ Шербюлье показываетъ, каковъ парламентаризмъ, вызывающій его восхищеніе: южная Германія стоитъ за свои коммунальныя учрежденія, за свое представительство, въ южной Германіи *демократія* составляетъ великую силу; но... эти весьма существенныя (très effectifs) права парламента стѣснены прерогативами короны, а съ другой стороны, эти прерогативы встрѣчаютъ противовѣсъ въ весьма бдительномъ общественномъ мнѣніи (стр. 298); *но* «въ этихъ странахъ принятъ принципъ, по которому выборъ министровъ остается прерогативою короны», и вообще «въ южной Германіи, гдѣ династическое чувство сохранило что-то патріархальное, роялизмъ вовсе не считаетъ себя обязаннымъ къ жертвамъ и воздержаніямъ, которыя онъ налагаетъ на себя въ Бельгіи и Англіи (295)».... Было бы длинно выписывать здѣсь очеркъ Баваріи, какъ ее рисуетъ Шер-

бюлье съ ея ультрамонтанизмомъ и патріархальностью стр. 312 и слѣд.).

И все это сказано для того, чтобъ придти къ заключенію, что свободолюбивая южная Германія не захочетъ пожертвовать своими драгоцѣнными учрежденіями въ угоду Пруссіи, которая остается виновна за свои завоеванія 66-го года, за образованіе Сѣверной конфедераціи, «за постоянную угрозу европейскому миру, ибо она не хочетъ дать удовлетворенія Франціи».... Съ точки зрѣнія женевскаго республиканца Шербюлье, Пруссія—которую онъ двадцать разъ въ своей книгѣ попрекаетъ за теократическій принципъ ея роялизма, Пруссія вдругъ становится виновна за то, что «ея король божественнаго права, обращаясь къ *якобинскому* принципу de la raison d'Etat и общественнаго блага, разбилъ безъ упрековъ совѣсти три законныя короны. Подумалъ ли объ этомъ король *Гильомъ*? Неужели онъ не побоялся нанести ударъ тому культу законности, который служитъ главнымъ оплотомъ Германіи противъ завоеваній? Какой примѣръ онъ подалъ? Пруссія была правительствомъ, основаннымъ на уваженіи къ коронѣ, но уваженіе сохраняютъ только до тѣхъ поръ, пока сами остаются вѣрны своему началу и уважаютъ его въ другихъ. Эти разбитыя короны ставятъ другія короны въ опасность... Въ нѣмецкихъ сердцахъ уваженіе стало падать: Германія увидѣла то, чего она никогда не думала увидѣть (кромѣ 49-го года, конечно?), что-то странное и мало *привлекательное:* божественное право, ставшее революціоннымъ, и революцію безъ свободы (стр. 389). За все сіе и прочее «нельзя требовать отъ Франціи, чтобъ она уважала стремленія Пруссіи... Съ этихъ поръ, въ Европѣ существуетъ *союзъ необходимый* и постоянный, и этотъ союзъ направленъ противъ честолюбія Пруссіи, этотъ союзъ составляетъ Франція и Австрія (стр. 55)...»

Вотъ что заслужила Германія, съ одобренія самого Шербюлье, который не можетъ въ началѣ и концѣ книги не попрекнуть ее за неблагодарность: «Что бы ни говорила Германія, она многому научилась у *Наполеона I-го;* она прошла, у этого страшнаго учителя, *элементарный курсъ демократіи и новаго гражданскаго права.* Позже, и болѣе чѣмъ въ продолженіи 30-ти лѣтъ, она была школьницею французской трибуны. Отъ Франціи научилась она тому, что она еще знаетъ *только на половину: равенство передъ закономъ*, представительное правленіе, контроль палатъ, публичность государственныхъ счетовъ (?), верховность общественнаго мнѣнія» (стр. 3)...

Что это? намъ какъ будто опять послышались призывы къ

великимъ принципамъ Франціи къ ея миссіонерской роли, къ ея вооруженной пропагандѣ въ лицѣ Наполеона I-го?....

Увы!... въ сущности Шербюлье оказывается такимъ же шовинистомъ, какъ и большая часть писателей бонапартистской прессы, только вліяніе произведеній, подобныхъ книгѣ Шербюлье, гораздо вреднѣе, чѣмъ вліяніе всѣхъ маленькихъ брошюръ и газетныхъ литературныхъ походовъ на Рейнъ, противъ владычества Пруссіи. Своимъ легкимъ языкомъ и поверхностнымъ ознакомленіемъ съ Германіей, своимъ апломбомъ, онъ можетъ увлечь читателя и заставить его принять ложный взглядъ за вѣрный. Если бы мы захотѣли искать у французовъ истинныхъ свѣдѣній о Германіи, то въ этомъ отношеніи гораздо выше стоитъ книга Эмиля Лавелэ: *Пруссія и Австрія со времени Садовы.* Въ этомъ сочиненіи обнаруженъ несравненно болѣе серьезный взглядъ и несравненно большее положительное знаніе германскихъ отношеній, точно также, какъ и матеріальнаго положенія народа, о которомъ у Шербюлье нѣтъ ни слова *).

Сочиненіе Лавелэ даетъ намъ случай напомнить, что, конечно, была серьезная доля прессы во Франціи, которая возвышала свой голосъ, несмотря ни на какія гоненія; была пресса, которая понимала вопросы и умѣла относиться къ нимъ, почти предсказывая то, что́ случилось. Ее душили и ее не слушали, ее считали выраженіемъ незначительнаго меньшинства, и это было справедливо, но это меньшинство оказалось правымъ. Исторія взялась за него дать урокъ и французскому правительству и французскому обществу, и доказать, что было бы гораздо полезнѣе оставлять всѣмъ, а въ томъ числѣ и передовому меньшинству, выражать свободно свое мнѣніе и прислушиваться къ нему: можетъ быть, въ немъ, въ этомъ осмѣянномъ, гонимомъ и казненномъ мнѣніи меньшинства, общество услышало бы голосъ истинныхъ требованій страны и, преклоняясь предъ этимъ голосомъ, избавилось бы отъ такой страшной катастрофы. Но одержала верхъ «благонамѣренная» пресса, считавшая себя исключительно патріотическою и исключительно либеральною, между тѣмъ, какъ ея либерализмъ напоминалъ собою извѣстнаго либерала временъ Лудовика-Филиппа. При Лудовикѣ-Филиппѣ, въ одномъ ресторанѣ, гдѣ собирались офицеры африканской арміи, засѣдалъ постоянно какой-то старый воинъ имперіи, снова вступившій на службу послѣ революціи 1830 года. За обѣдомъ

*) На дняхъ вышелъ русскій переводъ книги Лавелэ подъ заглавіемъ: «Современная Пруссія въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ». Спб. 1870. Ниже, въ Иностранномъ Обозрѣніи, мы указываемъ, въ чемъ именно состоитъ основная точка автора на современную исторію Германіи. — *Ред.*

онъ все надоѣдалъ молодымъ товарищамъ по оружію своею злой критикой орлеанскаго правительства; однажды одинъ изъ нихъ не выдержалъ и прервалъ его: «Да чтожъ вы все кричите про себя, что вы либералъ; да знаете ли вы что такое свобода?» —«Какъ, возразилъ совершенно спокойно старый трубадуръ, какъ? вы можете сомнѣваться въ моемъ либерализмѣ?... Да я пятнадцать лѣтъ служилъ въ мамелюкахъ!»

«Самое грустное, прибавляетъ М. Дюфресъ, у котораго мы заимствуемъ этотъ анекдотъ, то, что наши періодическіе воспѣватели міровою величія нашихъ орловъ не сознаютъ, что они забываютъ свободу, что они даже забываютъ и говорить о ней. Эти ветераны журнализма, подъ дисциплиной и въ галунахъ второй имперіи, какъ и мой старый армейскій служака, полагаютъ, что они защищаютъ свободу. А поразспросите ихъ: никто изъ нихъ и не сомнѣвается въ своемъ либерализмѣ: «они уже 15 лѣтъ служатъ въ мамелюкахъ!»

И мамелюки литературы пѣли и прославляли великіе принципы революціи, воплощенные въ Наполеонѣ III-мъ; они ратовали за величіе Франціи, за торжество великихъ принциповъ во всей Европѣ и прежде всего въ «феодальной Германіи»; они рукоплескали мудрому правленію Наполеона и они заиграли во всѣ бубны, запѣли марсельезу и заплясали карманьолу, толкая французскій народъ на поле битвы и заранѣе воспѣвая бранный союзъ великой династіи и великаго народа! И они пѣли и плясали, не слыша рыданій сиротѣвшихъ и проклятій падавшихъ, не чувствуя, что они пляшутъ на трупахъ и что они ведутъ народъ не на великое дѣло, а на бой гладіаторовъ, въ которомъ неповинныя жертвы, вмѣсто всѣхъ гимновъ, могли только пѣть гладіаторскій гимнъ: Ave Caesar, morituri te salutant [1]).

Предоставляемъ послѣ этого читателю рѣшить, насколько было смысла въ завѣреніяхъ второй имперіи, что Франція всегда ведетъ «цивилизаторскія» войны. Какъ ловушка, такія слова могли имѣть цѣль; но въ сущности война никогда и нигдѣ не была рычагомъ цивилизаціи.

И. Н.

---

[1]) Радуйся, цезарь! тебя привѣтствуютъ идущіе на смерть!

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ВЪ

ГЕРМАНІИ.

ЛУДВИГЪ БЁРНЕ.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ*)

I.

Осенью 1830 года Бёрне мчался въ Парижъ. Спустя шесть недѣль послѣ взрыва іюльской революціи, онъ переѣзжалъ французскую границу, и сердце его замирало отъ радости. Какія сладкія мечты убаюкивали раздраженный умъ Бёрне, какія упоительныя надежды возлагалъ онъ на быстро совершившійся переворотъ. Развѣвавшееся трехцвѣтное знамя приводило его въ такой восторгъ, какъ будто бы цвѣта бѣлый, красный и синій были самымъ прочнымъ ручательствомъ осуществленія на землѣ трехъ началъ: свободы, равенства и братства. Странное чувство овладѣло имъ, когда онъ вдохнулъ въ себя первую струю свободнаго воздуха: «любовь и ненависть, радость и скорбь, надежда и боязнь» стѣснили его грудь, когда взглядъ его остановился на этомъ трехцвѣтномъ знамени, лохмотья котораго и теперь прикрываютъ еще Францію. Любовь, радость, надежда принадлежали французскому народу, ненависть питалъ онъ къ нѣмецкимъ правительствамъ, скорбь вызывалась въ немъ угнетеннымъ положеніемъ нѣмецкаго люда; боязнь, что Германія долго

---

*) См. выше: мартъ, 338; апр., 729; май, 268; іюль, 278 стр.

еще не освѣтится свѣтлымъ лучемъ политической свободы, вносила грустные аккорды въ его радостное настроеніе. Парижъ разогналъ его печальныя думы: въ первые дни Бёрне не испытывалъ ничего, кромѣ восторга и какого-то опьянѣнія торжествовавшей революціи. Съ любовью смотрѣлъ онъ на знакомыя ему улицы, площади, бульвары, «гдѣ такъ любила играть его фантазія», съ любовью останавливался онъ на «новыхъ поляхъ сраженія», и удивленію его не было предѣловъ, когда онъ увидѣлъ, что Парижъ вовсе не похожъ на «морской берегъ послѣ бури», что онъ не представляетъ собою тяжелаго зрѣлища груды развалинъ, и что только изрѣдка гдѣ видны вырванныя деревья и разбросанныя мостовыя. Преклоненіе его передъ Парижемъ въ эти первые дни, послѣ сверженія Карла X, доходило до того, что, говоря объ улицахъ этого всесвѣтнаго города, онъ произносилъ: «только босымъ слѣдуетъ ходить по этимъ святымъ мостовымъ».

Бёрне смотрѣлъ въ первые дни на парижскій народъ и не хотѣлъ вѣрить, чтобы эти самые люди, которые какихъ-нибудь шесть недѣль назадъ «низложили тысячелѣтняго короля и въ его лицѣ побѣдили милліоны своихъ враговъ», чтобы эти самые люди теперь такъ спокойно, такъ скромно и мирно пользовались своею побѣдою. Въ головѣ Бёрне невольно возникало сравненіе между торжествомъ народа и торжествомъ его правителей, и его поражала параллель, которую онъ проводилъ между личностью одного и жестокостью другихъ. Народъ побѣдилъ своего врага силою своего энтузіазма, силою своей энергіи и воли, но онъ не захотѣлъ ему мстить, не захотѣлъ вымѣщать на немъ своей злобы, онъ бросилъ его на землю и отпустилъ ему всѣ его прегрѣшенія, простилъ ему всѣ претерпѣнныя народомъ бѣдствія. Такъ ли бы поступило правительство? нѣтъ, если бы оно одолѣло народъ въ іюльскіе дни, тогда горе народу, тогда не было бы конца мщенію и жестокостямъ, тысячи семействъ покрылись бы трауромъ, жены оплакивали бы мужей, матери своихъ сыновей. Сотни и тысячи томились бы въ казематахъ. И это не одни слова. Въ исторіи Бёрне находитъ много примѣровъ великодушія народа надъ сверженными правительствами, и ни одного, который доказывалъ бы великодушіе правителей послѣ побѣды надъ народомъ. Бёрне смотрѣлъ на спокойное торжество народа и возмущался только низостью тѣхъ льстецовъ сильныхъ міра, которые «изображаютъ народъ въ видѣ тигра, а правителей въ видѣ ягнятъ». Истиннымъ ягненкомъ оказался французскій народъ, и у Бёрне шевелится мысль, что, благодаря этому излишнему великодушію, онъ снова попалъ въ разставленныя сѣти роялизма.

Послѣ первыхъ дней необузданнаго восторга передъ совершенною революціею, для Бёрне наступила пора анализа всего, что́ совершалось на его глазахъ, и этотъ анализъ послѣдовавшихъ за революціею событій возвратилъ ему скоро всю его прежнюю страсть «недовольства», всю его ѣдкую иронію, весь неисчерпаемый запасъ его благородной злобы и честнаго негодованія. Даже, можно смѣло сказать, эта иронія, эта злоба получили еще болѣе сумрачный характеръ, и оно довольно понятно: чѣмъ больше возлагалъ онъ надеждъ, чѣмъ больше питалъ онъ иллюзій относительно іюльской революціи, чѣмъ болѣе мечталъ онъ о томъ, что, если не для всей Европы, то по крайней мѣрѣ для Франціи наступитъ теперь золотой вѣкъ свободы, и лучи ея, падая на его родину, отчасти согрѣютъ и холодную Германію, тѣмъ тяжелѣе было разочарованіе, тѣмъ труднѣе было привыкать къ мысли, что іюльская революція была вовсе не развязкою, а только однимъ изъ актовъ той поразительной драмы, блестящимъ прологомъ которой былъ 89-й годъ. Какъ ни тяжело было это разочарованіе, тѣмъ не менѣе Бёрне рѣшился остаться во Франціи и поселиться въ Парижѣ; дѣйствительно, по сравненіи съ Германіею, Франція въ то время представлялась ему все-таки земнымъ раемъ, хотя цвѣты этого рая были и не безъ шиповъ. Здѣсь ему и прежде, до іюльской революціи, вольнѣе дышалось, чѣмъ въ находившейся подъ палкою Германіи, теперь же и подавно; и если онъ подчасъ испытывалъ бо́льшую, чѣмъ прежде, горечь при видѣ обманутаго народа, то только потому, что онъ видѣлъ собственными глазами, какой большой задатокъ далъ этотъ народъ свободѣ во время іюльскихъ дней. Возвратиться ему теперь въ Германію послѣ того, что всѣ нѣмецкія правительства, напуганныя французскими дѣлами, усиливали свою полицейскую бдительность и свою солдатскую строгость, казалось просто немыслимымъ. Быть полезнымъ для Германіи, живя въ Германіи, Бёрне сознавалъ, было чрезвычайно мудрено; для него было ясно, что, живя въ Парижѣ, и безпрепятственно и вмѣстѣ безопасно продолжая здѣсь свою публицистическую дѣятельность, онъ принесетъ своей родинѣ несравненно болѣе пользы, чѣмъ оставаясь въ Германіи и издавая тамъ какую-нибудь газету или журнальчикъ подъ вѣчнымъ страхомъ, что правительство не только безъ всякаго суда запретитъ мало-мальски независимый органъ, но схватитъ самого редактора и будетъ держать его въ своихъ безцеремонныхъ рукахъ. Оставаясь въ Парижѣ, Бёрне могъ отсюда, какъ изъ прекрасной обсерваторіи, слѣдить не только за тѣмъ, что́ дѣлается въ Германіи, но и за всѣмъ, что́ творится въ Европѣ;

отсюда могъ онъ ударять въ набатъ, какъ только гдѣ-нибудь совершалась какая-нибудь выходящая изъ ряда несправедливость; отсюда, рядомъ съ замѣчательнымъ изображеніемъ французскихъ событій, громилъ онъ свою родину, и громъ этотъ приводилъ въ судорги нѣмецкія правительства.

Бёрне не писалъ теперь отдѣльныхъ статей, ему показалась болѣе удобною для его литературной дѣятельности другая форма, форма дневника, въ которомъ онъ набрасывалъ всѣ свои мысли по поводу того или другого событія, и этому дневнику онъ придалъ видъ писемъ, которыя онъ адресовалъ къ г-жѣ Воль. Письма эти Бёрне сталъ писать съ перваго дня своего пріѣзда во Францію и писалъ ихъ почти безъ перерывовъ въ продолженіи трехъ лѣтъ, съ сентября 1830 г. по мартъ 1833 года. Составляя по количеству значительную часть его сочиненій, письма эти наполняютъ собою пять томовъ изъ двѣнадцати; они и по качеству своему должны быть отнесены къ тому, что есть лучшаго въ произведеніяхъ Бёрне, къ тому, что главнымъ образомъ упрочило за нимъ славу перваго политическаго писателя Германіи. Кто не знакомъ съ знаменитыми «Парижскими Письмами» Бёрне, тотъ не знаетъ еще всей силы, которая кроется въ этомъ лучшемъ изъ нѣмецкихъ публицистовъ. Вотъ почему мы неизбѣжно должны остановиться теперь на «Парижскихъ Письмахъ» и познакомить съ ними нашихъ читателей, сколько бы затрудненій ни представило изложеніе главнаго содержанія этихъ писемъ.

Писанныя въ продолженіи трехъ почти лѣтъ, посвященныя всему, что̀ приходило на умъ Бёрне, всему, чѣмъ онъ сколько-нибудь былъ пораженъ и что̀ хотя нѣсколько выдавалось среди будничной жизни, и главное, не одного Парижа, не одной Франціи, а вмѣстѣ и Германіи, да и всей остальной Европы, —письма эти неизбѣжнымъ образомъ лишены всякой системы, и представляютъ собою великолѣпнѣйшій калейдоскопъ, въ которомъ переплетены, смѣшаны всевозможныя разсужденія о безчисленныхъ явленіяхъ общественной и политической жизни Европы. Люди, событія, нравы, литература, театръ,—обо всемъ говоритъ Бёрне въ своихъ «Парижскихъ Письмахъ», говоритъ какъ бы мимоходомъ, бросаясь отъ одного предмета къ другому, отъ французовъ къ нѣмцамъ, отъ нѣмцовъ къ итальянцамъ, полякамъ, одному предмету удѣляя нѣсколько строкъ, другому нѣсколько страницъ, затѣмъ, поговоривши о какомъ-нибудь явленіи, по прошествіи нѣсколькихъ дней или нѣсколькихъ мѣсяцовъ, снова къ нему возвращается, и такъ безъ конца. Нѣтъ никакой возможности, при подобной разбросанности, слѣдовать за Бёрне

шагъ за шагомъ по тому извилистому пути, который такъ нравился Бёрне и такъ отвѣчалъ свойству его таланта. Поневолѣ, чтобы имѣть возможность говорить о «Парижскихъ Письмахъ», нужно самому уже избрать какую-нибудь систему и стараться установить связь между разнородными письмами Бёрне. Конечно, при установленіи этой связи значительную помощь оказываетъ самъ Бёрне, или вѣрнѣе сами «Парижскія Письма», которыя всѣ, отъ перваго и до послѣдняго, пропитаны однимъ общимъ духомъ. Нитью, связующею эти письма, является та политическая закваска, которая слышится вездѣ, о чемъ бы ни говорилъ Бёрне, говорилъ ли онъ о какой-нибудь книгѣ, пьесѣ, или о какомъ-нибудь писателѣ, поэтѣ.

Приводя сколько-нибудь въ систему «Парижскія Письма», мы должны прежде всего спросить себя, что́ же, несмотря на все ихъ разнообразіе, составляетъ главное содержаніе этихъ писемъ? Благодаря политической закваскѣ, окрашивающей всѣ письма, отвѣтъ на этотъ вопросъ становится не такъ труденъ. Главное содержаніе «Парижскихъ Письмъ» составляетъ изображеніе политическаго состоянія того общества, среди котораго жилъ Бёрне. Судя по тому, что письма Бёрне называются «Парижскими Письмами», можно было бы заключить, что Бёрне исключительно останавливается на изображеніи политическаго состоянія французскаго общества, но такое заключеніе было бы невѣрно, хотя оно и дало современникамъ Бёрне поводъ упрекать его, что онъ гораздо болѣе занимается Франціею, нежели Германіею, а слѣдовательно и болѣе любитъ первую, нежели вторую, что онъ бросилъ Германію и всѣ интересы свои сосредоточилъ на одной Франціи. Не нужно быть особенно близко знакомымъ съ «Парижскими Письмами», чтобы сказать, что подобный упрекъ какъ нельзя болѣе неоснователенъ. Бёрне, который смолоду такъ сильно страдалъ своею родиною, не могъ ее забыть и переселившись въ другую страну, въ другое общество; передъ его глазами всегда носился образъ Германіи и нѣмецкаго общества, и о чемъ бы онъ ни говорилъ—этотъ образъ всегда стоялъ передъ нимъ. Бёрне живетъ во Франціи, но въ то же время онъ не отводитъ глазъ отъ Германіи, онъ говоритъ о французскомъ обществѣ, думая о нѣмецкомъ; наконецъ, говоря о французскихъ событіяхъ, онъ никогда не забываетъ извлечь изъ нихъ поучительный примѣръ для Германіи. Такимъ образомъ, изображеніе политическаго состоянія Франціи и Германіи, картина французскаго и нѣмецкаго общества, характеры двухъ націй—вотъ что составляетъ главное содержаніе «Парижскихъ Писемъ», которыя

черпаютъ, впрочемъ, для себя матеріалъ, хотя и не часто, въ жизни другихъ европейскихъ націй.

Соединить въ одно цѣлое всѣ тѣ разбросанные штрихи, которые попадаются въ пяти томахъ «Парижскихъ Писемъ», штрихи, исключительно относящіеся къ Франціи или Германіи, значило бы составить ясную картину политическаго состоянія этихъ двухъ странъ во второй четверти нашего столѣтія. Но интересъ писемъ Бёрне не исключительно историческій; нѣтъ, отрывочно говоря о французской и нѣмецкой націи въ данную минуту, Бёрне, вмѣстѣ съ тѣмъ, проникаетъ глубоко въ самый корень двухъ народовъ и дѣлаетъ вообще блистательную характеристику французскаго и нѣмецкаго общества. Вотъ почему, сколько бы ни прошло еще времени, нисколько не ослабнетъ культурный интересъ этихъ писемъ, онѣ будутъ всетаки сохранять значеніе не только по тому блеску и остроумію, съ которымъ онѣ написаны, но главнымъ образомъ потому, что тутъ такъ мѣтко уловлены такія черты національнаго характера французовъ и нѣмцевъ, которыя не могутъ устарѣть, не могутъ потерять интереса до тѣхъ поръ, пока Германія и Франція не сойдутъ съ исторической сцены. Начнемъ съ Германіи и посмотримъ, что за картина политическаго состоянія нѣмецкаго общества выходитъ изъ-подъ пера Бёрне, помня при этомъ, что Бёрне страстно любилъ Германію, и любилъ тою здоровою и сильною любовію, которая на общественные пороки не позволяетъ смотрѣть сквозь пальцы. Чѣмъ больше любитъ человѣкъ свою родину, чѣмъ больше желаетъ онъ ей добра, тѣмъ сильнѣе бичуетъ онъ зло, коренящееся въ обществѣ, хотя бичеваніе это и больно рѣжетъ ему сердце. Только ограниченность ума или крайняя недобросовѣстность можетъ видѣть въ этомъ бичеваніи общественныхъ пороковъ ненависть къ собственной родинѣ, какъ видѣли ее многіе изъ современниковъ Бёрне въ его суровомъ отношеніи къ Германіи. Эти современники, указывая на отношеніе Бёрне къ Франціи и Германіи, кричали: смотрите, онъ продалъ свою родину, промѣнялъ Германію на Францію,—не понимая при этомъ, или умышленно забывая, что Франція дѣйствительно представляла собою, въ политическомъ отношеніи, болѣе развитой организмъ, и помимо того, что Бёрне былъ не французъ, а нѣмецъ, что онъ менѣе любилъ Францію, чѣмъ Германію, а въ силу этого и болѣе снисходительно относился къ недостаткамъ французскаго народа. Къ чести Германіи, впрочемъ, слѣдуетъ сказать, что далеко не всѣ ея сыны такимъ образомъ относились къ рѣзкимъ нападкамъ Бёрне; общество инстинктивно понимало, что эта наруж-

ная ненависть къ Германіи вытекаетъ изъ чистаго источника: изъ глубокой любви къ своей родинѣ, а потому образованное большинство, несмотря на крики литературныхъ доносчиковъ въ видѣ Менцеля, Ярке и другихъ, отнеслось какъ нельзя болѣе сочувственно къ «Парижскимъ Письмамъ», сознавая правдивость той картины политическаго состоянія Германіи, которую, хотя и отрывочно, представилъ Бёрне въ своихъ «Письмахъ».

II.

Бльше всего убивало Бёрне, и чаще всего онъ возвращался въ своихъ «Парижскихъ Письмахъ» къ характеру нѣмцевъ, взятыхъ въ совокупности. Онъ не видѣлъ въ нѣмецкомъ народѣ даже задатковъ политическаго развитія, а потому всѣ свои силы напрягалъ, чтобы показать нѣмцамъ въ своихъ «Письмахъ», какъ въ зеркалѣ, ихъ собственный портретъ. Необыкновенная флегма, какое-то недостойное равнодушіе къ политической свободѣ и способность «философски» переносить давленіе самаго безпардоннаго произвола — вотъ что̀ выводило изъ себя автора «Парижскихъ Писемъ». Когда онъ съ горечью спрашивалъ себя: «отчего происходитъ этотъ лакейскій характеръ нѣмцевъ?»—его приводила въ смущеніе одна мысль, которая невольно являлась въ его головѣ. Нѣмцы образованы, это признается всѣми, они грамотны, умѣютъ бойко читать и писать, и не смотря на это они не могутъ разстаться съ своимъ лакейскимъ характеромъ. Когда нація неразвита, необразована, когда нація невѣжественна, когда на тысячи человѣкъ едва есть нѣсколько, которые умѣютъ читать, тогда какой угодно деспотизмъ находитъ себѣ самое полное объясненіе. Невѣжество есть тѣ же цѣпи, и какъ эти держатъ въ подчиненіи преступниковъ, такъ невѣжество держитъ въ повиновеніи цѣлый народъ. Пока народъ невѣжественъ, нельзя еще отчаяваться, когда видишь его въ рабствѣ; какъ только полоса свѣта просвѣщенія проникнетъ въ народную массу, можно надѣяться, если народъ только способенъ къ свободѣ, что онъ сорветъ съ себя цѣпи, и освободитъ свои руки, съ которыми и расправится со всѣми удерживавшими его въ мракѣ. Но нѣмцы, нѣмцы! не разъ восклицаетъ Бёрне, развѣ они не опровергаютъ всѣ теоріи: вѣдь они образованы, вѣдь они философы, что же удерживаетъ ихъ въ рабствѣ; неужели это рабство лежитъ въ національномъ характерѣ нѣмцевъ?

Впрочемъ, Бёрне даже охотно готовъ перенести рабство, рабство ему еще не кажется такъ ужаснымъ, рабство, говоритъ онъ, не унижаетъ, а дѣлаетъ несчастнымъ, унижаетъ же людей лакей-

ство, а лакейство онъ и подмѣчаетъ главнымъ образомъ въ образованныхъ сынахъ Германіи. «Я лаю, съ озлобленіемъ говоритъ Бёрне; но я серьезно желалъ бы быть собакой. Когда собаку бьетъ ея господинъ, то все-таки это высшее существо, которое господствуетъ надъ нею; человѣкъ—это богъ для собаки; ея религія—оставаться ему вѣрнымъ и покорнымъ. Но развѣ одна собака позволяетъ кусать себя другой собакѣ, безъ того, чтобы не оказывать сопротивленіе. Или видано ли было когда-нибудь, чтобы цѣлая тысяча собакъ подчинилась одной собакѣ? Человѣкъ же позволяетъ себя бичевать другому человѣку; тысячи человѣкъ терпѣливо переносятъ побои отъ одного человѣка, и при этомъ даже угодливо махаютъ хвостомъ». Напрасно только Бёрне, дѣлая это сравненіе между людьми и собаками, относитъ его исключительно къ нѣмцамъ; къ несчастью, не одни нѣмцы заражены собачьею привычкою вилять хвостомъ передъ тѣмъ, кто бьетъ ихъ, и всмотрись онъ безпристрастнѣе къ нравамъ другихъ народовъ, онъ имѣлъ бы утѣшеніе видѣть, что нѣмцы въ этомъ отношеніи не хуже, да и не лучше многихъ другихъ. Правда, онъ говоритъ, отчего ему такъ ненавистна именно нѣмецкая покорность — ему кажется, что нигдѣ эта покорность не переносится такъ охотно, нигдѣ она не всосалась такъ въ народную кровь, какъ въ Германіи, нигдѣ она не сдѣлалась такимъ необходимымъ аттрибутомъ существованія, какъ среди нѣмцевъ. Однажды, разсказываетъ въ своихъ «Письмахъ» Бёрне, пришелъ къ нему нѣмецъ съ предложеніемъ переселиться въ Америку, чтобы зажить тамъ свободною жизнію; онъ сдѣлалъ бы это, говоритъ онъ, весьма охотно, если бы не боялся, что тотчасъ стечется туда тысячъ сорокъ нѣмцевъ, и когда вопросъ пойдетъ о томъ, чтобы организовать государство, тотчасъ же найдется «тридцать девять тысячъ девятьсотъ девяносто девять добрыхъ нѣмецкихъ душъ, которыя постановятъ выписать изъ Германіи какое-нибудь возлюбленное княжеское чадо, чтобы сдѣлать изъ него главу государства». Конечно, прибавляетъ Бёрне, все это одна шутка, но, поразсмысливъ немножко, нельзя не придти къ заключенію, что въ шуткѣ этой есть большая доля серьезнаго, большая доля правды.

Когда Бёрне сравнивалъ тиранію, которую выносили и могутъ еще выносить французы, съ тою, съ которою мирятся нѣмцы, то онъ видѣлъ громадную разницу не въ самомъ деспотизмѣ, который вездѣ болѣе или менѣе одинаковъ, но разницу въ томъ, какъ она переносится тутъ и какъ она переносится тамъ. «Французы долго терпѣливо переносятъ убійства, совершаемыя ихъ тиранами, но ихъ насмѣшку, ихъ презрѣніе, ихъ безсо-

вѣстныхъ придворныхъ, ихъ пощечины и розги, т.-е. то, что̀ нѣмецъ переноситъ круглый годъ—они не выносятъ ни одного часа. Французы въ продолженіе столѣтій были рабами своихъ королей, но все-таки имъ не смѣли запрещать пѣть въ ихъ цѣпяхъ, они все-таки позволяли себѣ насмѣхаться надъ своими тюремщиками. Во время террора благородные и невинные люди гибли на кровавомъ эшафотѣ, но никогда Робеспьеръ не нашелъ бы такого подлаго и нечеловѣческаго суда, который приговорилъ бы аристократа на колѣняхъ передъ образомъ свободы просить пощады. При деспотизмѣ королей, какъ и при деспотизмѣ республиканцевъ въ людяхъ признавалось нѣчто такое, что́ свято, ненарушимо, что̀ не подлежитъ отвѣтственности. Но это божественное, святое, неподлежащее оскорбленію въ человѣкѣ: его честь, его вѣрованія, его добродѣтель, именно это-то и наказывается самымъ обиднымъ и злостнымъ образомъ въ Германіи... Тутъ свободу бросаютъ въ грязь, чтобы она походила на рабство, чтобы честнаго человѣка нельзя было отличить отъ царедворца, и чтобы общая грязь покрывала страну, народъ и правительство».

Проводя подобную параллель между двумя націями, Бёрне какъ нельзя болѣе вѣрно указываетъ на характерныя черты двухъ народовъ. Въ одномъ извѣстное легкомысліе, которое заставляетъ его беззаботно распѣвать въ то время, когда онъ скованъ по рукамъ и по ногамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстное чувство собственнаго достоинства и презрѣніе къ своимъ властителямъ, презрѣніе, которое выражается въ насмѣшкѣ до тѣхъ поръ, пока окончательно эти властители не теряютъ всякой силы и не падаютъ въ ту пропасть, гдѣ покоится уже столько королей и князей. Другой народъ точно также скованъ по рукамъ и по ногамъ, но только цѣпи такъ сильно сдавили его, что онъ не имѣетъ духу улыбаться и распѣвать въ своей неволѣ, и его властители внушаютъ ему такой религіозный страхъ и такую почтительность, что онъ ни разу не посмѣлъ не только сбросить иго этихъ властителей, но даже сдѣлать къ тому слабую попытку. А эти властители дѣлаютъ все возможное, чтобы поддержать въ народѣ суевѣрный страхъ къ нимъ и мысль, что они дѣйствительно управляютъ по волѣ Провидѣнія. «Каждая глупость, каждый предразсудокъ народный, когда онъ служитъ къ тому, чтобы укрѣпить произволъ правителей и власть правительствъ, говорилъ Берне, думая о Германіи, почитается и покровительствуется. Въ такомъ случаѣ громко провозглашаютъ, что гласъ народа это гласъ Божій. Когда же общественное мнѣніе желаетъ добра, справедливости, надъ нимъ смѣются, а когда оно начинаетъ требовать съ нѣкоторою настойчивостью,

ему отвѣчаютъ ружейными выстрѣлами». Но если Бёрне возмущался обращеніемъ нѣмецкихъ правительствъ съ народомъ, то не менѣе возмущался онъ и обращеніемъ народа съ правительствами. Одни его топчутъ въ грязь, но за то другіе позволяютъ топтать себя; одни обманываютъ, другіе даютъ себя обманывать, и это послѣднее приводило бурнаго нѣмецкаго публициста въ совершенное негодованіе. Онъ невольно, заговаривая объ обманахъ, на которые такъ легко поддавался народъ, произносилъ свое неизмѣнное слово: «О! народъ глупъ!» но къ несчастью, хотя слово это вовсе не обличаетъ презрѣнія къ народу, какъ думали да и до сихъ поръ иногда думаютъ, а гораздо скорѣе весьма законное раздраженіе и желаніе его видѣть умнымъ, оно тѣмъ не менѣе приносило мало пользы для того дѣла, которому служилъ Бёрне, а напротивъ давало только поводъ указывать на него, какъ на недоброжелателя народа.

Ничто такъ не казнилъ Бёрне въ своихъ «Письмахъ», какъ ту легкомысленную довѣрчивость, которую онъ подмѣчалъ въ нѣмецкомъ обществѣ, въ нѣмецкомъ народѣ, и которая, по его мнѣнію, принесла уже столько вреда Германіи. Нѣмцы, привычные къ усидчивому размышленію, привыкшіе витать въ области всевозможныхъ абстракцій, въ практической политической жизни оказываются совершенными дѣтьми, хуже, игрушками, которыми правительства распоряжаются по своему усмотрѣнію, и конечно въ видахъ собственныхъ выгодъ. Бёрне не могъ забыть того урока, который данъ былъ нѣмцамъ послѣ наполеоновскихъ войнъ, когда роскошныя обѣщанія свободы превратились въ роскошные плоды деспотизма. «Васъ обманули, говорилъ Бёрне, самымъ безсовѣстнымъ образомъ, когда въ минуту опасности, за ваше пожертвованіе имуществомъ, кровью, жизнію, вамъ сулили свободу и независимость, а потомъ, когда цѣною страшныхъ жертвъ вы побѣдили врага, у васъ отнято было почти-что право называться людьми». Не давайте себя обманывать, — таковъ былъ смыслъ всѣхъ обращеній Бёрне къ нѣмецкому народу; но нужно сказать, что совѣтъ этотъ оставался почти безъ результатовъ, и самъ Бёрне приводитъ не одинъ примѣръ жалкой, легкомысленной довѣрчивости народа.

Въ тридцатыхъ годахъ, какъ только раздавался какой-нибудь сильный голосъ, требовавшій, чтобы положенъ былъ конецъ порядку, основанному на произволѣ, и чтобы управленіе судьбою народа было ввѣрено самому народу, тотчасъ раздавались крики: подождите немножко, еще рано, нужно, чтобы прошло еще десять, двадцать лѣтъ, и тогда общество уже созрѣетъ для самоуправленія, требовать же теперь новаго порядка это значитъ подвергать опас-

ности будущность страны и бросать ее во всѣ ужасы анархіи! «Помилуйте, восклицаетъ Берне, да тутъ потеряешь всякое терпѣніе. Насъ то и дѣло просятъ, чтобы мы были такъ добры, подождали, пока время возьметъ свое. Какъ будто время и природа творятъ что́-нибудь изъ ничего. Какъ будто и имъ для того, чтобы создать новое, не нужно прежде разрушить старое! Эти господа считаютъ насъ такими дураками, что безпрерывно уговариваютъ насъ — прежде чѣмъ разрушить ненавистное старое, возвести зданіе милаго новаго. А гдѣ намъ взять мѣсто для постройки, когда прежній хламъ еще не вывезенъ и не выброшенъ, гдѣ взять строительнаго матеріала, когда нельзя начать рубку лѣса — этой тайны они намъ не открываютъ. А когда они начинаютъ вопить, что *либерализмъ способенъ только разрушать*, въ Германіи находится достаточное число добродушныхъ, но простоватыхъ людей, которые пугаются этого упрека и, изъ боязни прослыть разбойниками и грабителями, бѣгутъ домой, натягиваютъ на голову ночной колпакъ и принимаются читать душеспасительныя книги». Бёрне совершенно правъ, нападая на теорію, превратившуюся въ наши дни въ банальную фразу всѣхъ людей реакціи, что либерализмъ только способенъ разрушать. Во время Бёрне эта теорія была еще новинкою, и потому естественно, что онъ ополчался противъ нея и изъ всѣхъ силъ кричалъ нѣмцамъ: не вѣрьте, васъ обманываютъ въ этомъ, какъ обманываютъ и во всемъ другомъ!

Бёрне, живя во Франціи, стоялъ на сторонѣ Германіи и какъ только замѣчалъ, что его соотечественниковъ желаютъ вовлечь въ обманъ, тотчасъ кричалъ: берегись! Такъ, когда въ 1831-мъ году всю Европу волновалъ бельгійскій вопросъ, при обсужденіи котораго на лондонской конференціи имѣлось въ виду не столько устроить Бельгію независимо отъ Голландіи, сколько не дать возможности усилиться Франціи, а если можно, то еще ослабить ее, такъ какъ послѣ изгнанія Бурбоновъ въ третій разъ, послѣ іюльской революціи, державы, составлявшія священный союзъ, еще съ бо́льшимъ недовѣріемъ стали относиться къ этой странѣ «демократическихъ козней», то нѣмецкія правительства, помышляя уже о возможной войнѣ съ Франціею, снова старались разжечь ненависть Германіи къ Франціи. Бёрне видѣлъ это, и потому въ своихъ «Парижскихъ Письмахъ» дѣлалъ предостереженіе до сихъ поръ нелишенное интереса: «Въ Германіи, какъ я замѣчаю, говорилъ онъ, снова начинаютъ растапливать народъ, чтобы правителямъ его было тепло, когда на нихъ налетитъ французская снѣжная мятель. Старая комедія 1814 и 1815 годовъ снова разучивается для постановки на сцену. Режиссеры стал-

киваютъ въ одну кучу огромныя полѣнья и высоко громоздятъ другъ на друга *національное чувство, союзную вѣрность, плотную связь, честь, высшее назначеніе, добродѣтель, любовь къ отечеству, воспоминанія о Монмартрѣ*. Широкая нѣмецкая печь выдержитъ все это и позволитъ терпѣливо набивать себя до-полна, какъ въ прошедшій разъ, и раскалится до-красна негодованіемъ противъ французовъ.... Я не сомнѣваюсь, продолжаетъ онъ, что дураки, т.-е. нѣмцы, снова, т.-е. во второй разъ, позволятъ провести себя. Но если это дѣйствительно случится, то ни одинъ ангелъ небесный не будетъ настолько мягкосердечнымъ, снисходительнымъ или сострадательнымъ, чтобы оплакивать страданія обманутыхъ болвановъ. Цѣлое небо расхохочется, и самъ богъ будетъ смѣяться и придя въ хорошее расположеніе духа, заговоритъ по-французски и скажетъ: quelle grosse bête que ce peuple allemand! и затѣмъ отправится въ оперу и вовсе не станетъ безпокоиться, если неблагодарные нѣмецкіе правители во второй разъ прогонятъ ихъ въ Америку или запрячутъ въ Кепеникъ и Магдебургъ». Бёрне держался того справедливаго мнѣнія, которое и до сихъ поръ нисколько не устарѣло и можетъ быть высказываемо съ пользою, что войною, и притомъ войною противъ народа, который такъ много сдѣлалъ для освобожденія всего человѣчества отъ средневѣкового строя жизни, какъ французы, не устанавливается свобода, а напротивъ, въ случаѣ успѣха, только закрѣпляется тотъ порядокъ, при которомъ народъ играетъ самую жалкую роль. Нѣмецкія правительства пользуются подобными войнами, сотни тысячъ людей отдаютъ на закланіе, для того только, чтобы имѣть возможность чужими руками загребать себѣ жаръ. «Мы всегда платимъ, восклицалъ Берне съ злою ироніею, за разбитые горшки. Что каждый человѣкъ имѣетъ право быть дуракомъ, съ этимъ невозможно спорить; но вѣдь и правомъ надо пользоваться скромно и умѣренно. Нѣмцы злоупотребляютъ этимъ правомъ!»

Говоря подобнымъ образомъ еще въ 30-хъ годахъ, Берне понималъ несравненно лучше, нежели большинство современныхъ намъ публицистовъ, что свобода не достигается путемъ внѣшнихъ побѣдъ, путемъ внѣшнихъ завоеваній, что эти побѣды, эти завоеванія, вмѣсто того, чтобы расчищать путь къ лучшему устройству народной жизни, только замедляютъ здоровое развитіе и отвлекаютъ народъ отъ его истинныхъ интересовъ и настоящей задачи. Ближайшею же задачею нѣмецкаго народа, по мнѣнію Бёрне, было достиженіе такой политической формы, такого политическаго устройства, которое устранило бы навсегда господство гофратства, юнкерства, солдатчины — всѣхъ

этихъ аттрибутовъ «сильныхъ» нѣмецкихъ правительствъ. Бёрне понималъ, что свобода и единство Германіи, къ которому народъ чувствовалъ влеченіе, могутъ гораздо прочнѣе и солиднѣе утвердиться среди нѣмцевъ при помощи внутреннихъ побѣдъ, при торжествѣ надъ внутренними врагами. Внутренними врагами Бёрне считалъ нѣмецкія правительства, эту гущу средневѣкового строя, и потому каждый разъ, что онъ заслышитъ гдѣ-нибудь народное движеніе, или даже слабые признаки его, сердце его начинаетъ судорожно сжиматься, хотя въ немъ сильно было убѣжденіе, что при тѣхъ свойствахъ нѣмецкаго народа, на которыя онъ указывалъ въ «Парижскихъ Письмахъ», едва ли можетъ окончиться успѣшно сколько-нибудь серьезный переворотъ.

Какъ ни сильно было въ немъ такое убѣжденіе, но онъ охотно готовъ былъ вѣрить каждый разъ, что̀ ему говорили, что въ Германіи начинается движеніе. Не успѣлъ Бёрне пріѣхать въ Парижъ, какъ онъ узнаетъ изъ нѣмецкихъ газетъ, что въ различныхъ городахъ Германіи происходятъ волненія, что іюльская революція начинаетъ откликаться и въ его отечествѣ. «Въ головѣ моей, пишетъ онъ, страшный хаосъ отъ всего, что̀ я прочелъ о Германіи. Въ Гамбургѣ безпорядки, въ Брауншвейгѣ подожгли за̀мокъ и выгнали правителя, въ Дрезденѣ возмущеніе. Будьте милосерды, пишите мнѣ обо всемъ до мельчайшихъ подробностей». Бёрне волнуется, воображеніе его рисуетъ ему уже освобожденіе Германіи отъ деспотизма нѣмецкихъ правительствъ, онъ готовъ уже упрекать себя въ томъ, что онъ былъ несправедливъ къ нѣмецкому народу, когда упрекалъ его въ трусости, филистерствѣ и раболѣпствѣ. «Неужели же въ самомъ дѣлѣ, спрашиваетъ онъ, я ошибся, какъ меня уже многіе не разъ упрекали? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, Германія зрѣлѣе, чѣмъ я думалъ? Неужели я былъ несправедливъ къ народу и не замѣтилъ, что подъ ночнымъ колпакомъ и халатомъ онъ тайно носилъ панцырь и шлемъ». Но напрасно Бёрне начинаетъ уже себя бичевать, напрасно онъ хочетъ себя наказать, поставить себя, какъ мальчишку, въ уголъ, онъ слишкомъ торопится признать себя виноватымъ—ему такъ хочется быть виноватымъ. Напрасно представляетъ онъ себѣ нѣмцевъ, которые, пробудившись, съ удивленіемъ озираются кругомъ, спрашивая себя, гдѣ они, что̀ съ ними, во снѣ или наяву выносили они эту безконечную цѣпь униженій? Слишкомъ рано еще восклицаетъ онъ: «Но какъ могли они такъ долго выносить все это?... одному подчиняться такимъ притѣсненіямъ можно, двоимъ, троимъ тоже можно; но какъ могутъ подчиняться имъ милліоны»? Слишкомъ рано еще Бёрне произноситъ слова угрозы: «горе тѣмъ, кто заставилъ

насъ покраснѣть! Краска стыда на щекахъ народа—не розовый румянецъ стыдливой дѣвушки; она сѣверное сіяніе, полное негодованія и опасности». Опасность еще слишкомъ далека была отъ взоровъ нѣмецкихъ правителей, далѣе быть можетъ, чѣмъ думалъ Бёрне въ самыя пессимистическія минуты, чтобы имъ было чего опасаться. Народъ не покраснѣлъ еще отъ стыда, а Бёрне вовсе не нужно было раскаяваться въ своихъ ѣдкихъ филиппикахъ противъ раболѣпства нѣмецкаго народа. Факты не дали опроверженія его словамъ, и не болѣе, какъ черезъ нѣсколько дней, Бёрне писалъ уже съ грустію о томъ, что слабыя попытки, жалкія вспышки въ нѣсколькихъ городахъ Германіи кончились ничѣмъ, если не считать во что-нибудь тѣхъ мѣръ строгости и мести, которыя приняты были нѣмецкими правительствами противъ всѣхъ тѣхъ, кто только посмѣлъ заявить свое неудовольствіе. Бёрне мало ждалъ уже впослѣдствіи отъ тѣхъ вспышекъ, которыя происходили тутъ и тамъ, мало ждалъ, потому что сознавалъ, что въ нѣмецкомъ народѣ еще слишкомъ недостаточно настолько политически развитыхъ элементовъ, чтобы они могли восторжествовать надъ правительствами. Когда онъ узналъ, что революція, или вѣрнѣе, революціонная вспышка произошла во Франкфуртѣ, онъ писалъ тогда: «Тебѣ нечего стыдиться, Франкфуртъ; Варшава также пала, а была посильнѣе тебя!» Отъ Франкфурта, по мнѣнію Бёрне, собственно трудно было бы ожидать чего-нибудь другого.

Но какъ ни кротко переносилъ Бёрне неудачи революціонныхъ вспышекъ въ Германіи, его тѣмъ не менѣе возмущало поведеніе нѣмецкихъ правительствъ. «Правительство сильно, разсуждалъ онъ, къ чему же тогда всѣ эти мѣры жестокости, свирѣпости, это хвастовство произволомъ, весь этотъ цинизмъ насилія, проявляемыя на каждомъ шагу». Признавая подавляющую силу нѣмецкихъ правительствъ, да и трудно было не признавать того, а во всякомъ случаѣ безполезно, Бёрне все-таки желалъ, чтобы граждане оказывали постоянное сопротивленіе беззаконнымъ поступкамъ власти. «Всѣ аресты во Франкфуртѣ, во время безпорядковъ, были произведены почью. Такое нарушеніе безмятежнаго сна я объясняю тѣмъ, что франкфуртское правительство — антиподъ народа, и поэтому, когда у этого послѣдняго день, тогда у него ночь. Но какимъ образомъ, спрашиваетъ Бёрне, успѣвшій уже позабыть свой собственный арестъ, наши граждане, наши адвокаты, не особенно сильно занимающіеся математической географіей и нравственной философіей, переносятъ такое мрачное средневѣковое наслѣдіе, — этого я не понимаю. Вѣдь во Франціи человѣкъ въ тюрьмѣ свобод-

нѣе, чѣмъ у насъ на свободѣ...» Всякую тираннію, какъ ни безстыдна она, по мнѣнію Бёрне, переносить не особенно позорно, позорно одно — переносить ее молчаливо. «Кто молчаливо переноситъ безстыдную тираннію, тотъ болѣе виновенъ, нежели тѣ, кто ею пользуются».

Какъ ни слабы были такія проявленія неудовольствія въ тридцатыхъ годахъ въ Германіи, какъ ни легко подавляемы были всевозможныя вспышки, нѣмецкія правительства приходили отъ нихъ въ сильное волненіе, безпокойство овладѣвало ими въ высшей степени и имъ уже чудилась «всесвѣтная революція» со всѣми ея ужасами. У страха глаза велики, и если съ одной стороны страхъ влечетъ за собою жестокости, то съ другой этотъ же страхъ заставляетъ спрашивать себя власть: ужъ и въ самомъ дѣлѣ не нужно ли сдѣлать какихъ-нибудь уступокъ, чтобы предупредить будущіе безпорядки. Такимъ образомъ, дѣлаются уступки, производятся реформы, исходящія гораздо болѣе изъ неосновательнаго страха правительствъ, чѣмъ дѣйствительно изъ доброй воли произвести нѣкоторыя улучшенія въ жизни народа. Какъ ни ничтожны вспышки и волненія въ обществѣ, Бёрне признавалъ ихъ все-таки какъ нельзя болѣе полезными, такъ какъ подобныя волненія правительству всегда кажутся болѣе серьезными, обладающими бо́льшею силою, нежели это бываетъ на самомъ дѣлѣ.

Такимъ образомъ, вспышки въ Германіи, несмотря на всю ихъ ничтожность, все-таки понудили нѣкоторыя изъ нѣмецкихъ правительствъ подумать о томъ, не слѣдуетъ ли дать недовольнымъ народамъ что-нибудь похожее на конституцію. Въ то время, когда всѣ другіе въ Германіи приходили въ умиленіе отъ великодушія монарховъ, Бёрне, который стремился къ лучшему, осмѣивалъ эти конституціи въ своихъ «Парижскихъ Письмахъ». «Говорятъ, писалъ онъ, что въ Пруссіи будетъ обнародована конституція, этому я охотно вѣрю; отъ страха они тамъ совсѣмъ потеряли голову. Курьезно будетъ взглянуть на ихъ лица, когда они отвѣдаютъ зеленого яблочка. Но за то, какая это будетъ милѣйшая конституція...» Какъ ни смѣшна казалась Бёрне приготовлявшаяся прусская конституція, но надо полагать, что внутренно онъ былъ доволенъ даже «милѣйшею» конституціею, держась того правила, что лучше мало, чѣмъ ничего. Но, во всякомъ случаѣ, если внутренно онъ былъ и доволенъ тѣмъ, что хоть дѣлалось что́-нибудь для ограниченія произвола правителей, но онъ тщательно скрывалъ свое довольство, опасаясь, конечно, что и безъ него уже правительство будетъ засыпано выраженіями самой чувствительной благодарно-

сти отъ своихъ вѣрноподданныхъ, которые рѣдко умѣютъ умѣрять свои восторги и тѣмъ только портятъ всякое дѣло. Нѣтъ ничего вреднѣе этихъ благодарственныхъ изліяній, которыми всегда отличается народъ, привыкшій къ раболѣпству, такъ какъ правительство, сдѣлавшее, можетъ быть, только сотую долю того, что̀ оно должно бы сдѣлать, воображаетъ уже, что оно облагодѣтельствовало народъ, и на каждое проявленіе неудовольствія съ гордостью отвѣчаетъ: неблагодарные! Вотъ почему Бёрне смѣялся надъ всѣми подобными дарами, говоря: «конституція, которая представляется въ потьмахъ, только и можетъ быть произведеніемъ мрака. Свобода, которую дарятъ господа, никогда еще не была чѣмъ-нибудь драгоцѣннымъ; ее нужно похитить или отнять силою».

Еще болѣе злобно говорилъ Бёрне въ своихъ «Письмамъ» о гессенской конституціи, которая, по его мнѣнію, можетъ удовлетворить только народъ, даже не сознающій, что у него могутъ быть какія-нибудь права. «Эта конституція—нахальнѣйшая ложь хвастунишки, какую мнѣ когда-нибудь удавалось слышать. Еслибъ архи-жиды, торгующіе здѣсь на бульварахъ, прочли ее, они воскликнули бы съ завистью: «нѣтъ, такая штука намъ не по силамъ»! Дай она народу только то, или даже ничего изъ того, что̀ ожидаютъ въ настоящее время народы отъ конституцій,—я бы ничего не говорилъ. Но гессенская конституція обманъ, олово выкрасили желтой краской для того, чтобы оно казалось золотомъ, и нашъ народъ такъ глупъ, что изо ста покупателей только одинъ замѣчаетъ надувательство». Анекдотъ, который приводитъ Бёрне по поводу гессенской конституціи, не утратилъ и до сихъ поръ всего своего букета, какъ не утратилось до сихъ поръ обыкновеніе, съ одной стороны, нѣмецкаго правительства обманывать народъ, а съ другой, привычка позволять себя обманывать. «Сдѣланное этою конституціею распредѣленіе правъ между правительствомъ и народомъ очень напоминаетъ мнѣ, говоритъ Бёрне, разсказъ о евреѣ, нанявшемъ вмѣстѣ съ однимъ плутомъ-крестьяниномъ одну лошадь и устроившимъ совмѣстное пользованіе ею на такихъ основаніяхъ: «одинъ часъ ѣхать буду я, а идти пѣшкомъ ты, а другой—идти пѣшкомъ будешь ты, а ѣхать—я». Бо́льшая часть нѣмецкихъ конституцій были построены на одинъ ладъ, и Бёрне остроумно замѣчалъ, что онѣ гораздо больше созданы для правительствъ, нежели для народовъ. Благодаря этимъ конституціямъ, всѣ дѣйствія, самыя возмутительныя, прикрывались конституціею, такъ что на внѣшній видъ все, что̀ ни дѣлалось — дѣлалось какъ нельзя болѣе законно.

«Не думайте, говорилъ онъ, что правительства здѣсь дѣйствуютъ произвольно; мы вовсе не такъ счастливы; мы не настолько счастливы, чтобы наши правители для того, чтобы быть деспотами, должны были дѣйствовать противозаконно. Деспотизмъ лежитъ въ самыхъ законахъ. По этимъ законамъ самыя невинныя дѣйствія могутъ быть объявлены преступленіями, и какъ таковыя, могутъ быть наказаны». Вотъ почему въ Германіи, гдѣ самые законы были уродливы, оппозиція, главнымъ образомъ, должна была направляться противъ самыхъ законовъ, которые только освящали собою произволъ. «Наши добрые нѣмецкіе гофраты и профессора, да благословитъ ихъ Богъ здравымъ смысломъ, не знаютъ другого либерализма, какъ поступать на законномъ основаніи. Когда, такимъ образомъ, кто-нибудь изъ нихъ попадаетъ законно въ тюрьму за то, что онъ напечаталъ что-нибудь такое, что́ законъ объявляетъ оскорбленіемъ величества, они совершенно довольны...» Законъ соблюденъ! Но Бёрне не хочетъ вовсе подобной оппозиціи, онъ считаетъ ее вредною; дѣло не въ томъ только, чтобы человѣкъ рискнулъ что-нибудь сказать или сдѣлать такое, что́ не совсѣмъ пріятно нѣмецкому правительству, а въ томъ, чтобы оно не могло за это мстить на «законномъ основаніи», сажая въ тюрьму, отправляя въ ссылку или что-нибудь подобное. Для того же, чтобы этого достигнуть, мало ограничиваться тѣмъ, чтобы когда-нибудь сказать смѣлое слово и потомъ покорно перенести за то наказаніе, для этого нужна постоянная борьба, постоянное возбужденіе общества противъ нѣмецкихъ нелѣпыхъ законовъ. Но кто можетъ дѣйствовать подобнымъ образомъ? Такъ можетъ дѣйствовать только самъ народъ, въ которомъ нѣтъ и слѣда того «лакейства», на которое такъ жалуется Бёрне, говоря о нѣмецкомъ народѣ. Слѣдовательно, прежде всего нужно вывести народъ изъ такого жалкаго состоянія, обличающаго крайнее политическое неразвитіе; для того же, чтобы вывести его изъ этого положенія, чтобы поднять его политическій уровень мало научить его читать и писать, нужно чтобы онъ зналъ что́ читать, нужно политическое просвѣщеніе, которое помогало бы политическому развитію. Вотъ это-то политическое просвѣщеніе и занимаетъ Бёрне, но онъ сознаетъ, что одинъ человѣкъ безсиленъ, что тутъ нужно цѣлую фалангу умныхъ писателей, которые безстрашно указывали бы народу на ту тину, въ которую онъ залѣзъ. Для того же, чтобы явилась эта фаланга писателей, рѣшившихся на распространеніе политическаго просвѣщенія, котораго такъ недоставало до сихъ поръ въ Германіи, нужно прежде всего начать это просвѣщеніе, и во-вторыхъ сколько-

нибудь измѣнить условія, въ которыя была поставлена печать, такъ какъ безъ такого измѣненія въ условіяхъ существованія прессы чрезвычайно трудно руководить политическимъ просвѣщеніемъ. Вотъ почему Бёрне, приступивъ къ своей задачи, прежде всего обратился съ требованіемъ освобожденія печати, и онъ не уставалъ заявлять постоянно это требованіе какъ въ то время, когда онъ жилъ и писалъ въ Германіи, такъ и тогда, когда онъ жилъ и писалъ въ Парижѣ.

Свобода печати нужна была не для него, потому что онъ лично умѣлъ обходиться и безъ нея и говорить при цензурѣ такія вещи, которыя бросали въ жаръ правительства, но гораздо болѣе для другихъ, которые не имѣли ни таланта Бёрне, ни его умѣнья вести свое дѣло въ то самое время, когда печать сдерживалась желѣзною уздою. Для обыкновенныхъ бойцовъ, для не выходящихъ изъ средняго уровня людей, свобода печати несравненно необходимѣе, потому что безъ нея у нихъ не является, съ одной стороны, смѣлости высказывать свою мысль, съ другой, исскуства полуфразою, полунамекомъ освѣтить передъ читателемъ цѣлыя страницы.

Естественно, что въ своихъ «Парижскихъ Письмахъ», говоря о Германіи, Бёрне часто возвращается къ требованію свободы печати, потому что ничто такъ не лежитъ у него на душѣ, ни въ чемъ онъ не видитъ такой необходимости, какъ въ освобожденіи человѣческаго слова: «Когда я думаю о цензурѣ, говоритъ онъ, я готовъ разбить себѣ голову объ стѣну. Отчаяніе можетъ взять. Свобода печати еще не побѣда, это даже еще не борьба, а только вооруженіе; но какимъ образомъ можно побѣдить безъ борьбы, какъ бороться безъ оружія? Это кругъ, отъ котораго можно помѣшаться. Мы должны бороться съ голыми руками, какъ борятся дикіе звѣри своими зубами. Добровольно намъ никогда не дадутъ свободы печати». Человѣческая мысль, безпрепятственно высказываемая, представлялась нѣмецкимъ правительствамъ такимъ пугаломъ, такимъ грознымъ привидѣніемъ, что, кажется, одного свободнаго слова достаточно, чтобы подкопать все государственное зданіе. Лишь только мало-мальски развяжутъ людямъ языкъ, какъ съ различныхъ сторонъ раздаются вопли изъ груди «преданныхъ», прежде всего себѣ, и своимъ интерассамъ, и эти вопли всѣ направлены къ одному стремленію, чтобы печать снова была «подтянута», и мысль человѣческая поставлена въ узкія рамки. Такимъ образомъ, положеніе печати въ нѣмецкихъ государствахъ всегда колебалось между худымъ и худшимъ. Это колебаніе печати отъ менѣе худого къ болѣе худому и отъ болѣе

худого къ менѣе худому представлялось какимъ-то perpetuum mobile нѣмецкихъ правительствъ. Эти правительства питали къ свободѣ печати какое-то инстинктивное отвращеніе, отвращеніе, которое впрочемъ, нужно сознаться, имѣло для нихъ самое существенное основаніе. Ничто не служитъ такимъ могущественнымъ орудіемъ для подавленія всякой лжи и для раскрытія истины, какъ человѣческое слово, не чувствующее надъ собою остраго Дамоклова меча. Сегодня «notre bon plaisir» заключался у нѣмцевъ въ томъ, что покровительствуется нѣкоторый либерализмъ, допускается бо́льшее или меньшее обсужденіе существенныхъ народныхъ интересовъ, либерализмъ подчасъ доходитъ до того, что позволяется даже сравнивать выгоды конституціоннаго, чуть не республиканскаго правительства съ невыгодами власти деспотической; завтра моментальный volte-face, налетаетъ какое-нибудь гнилое повѣтріе и «notre bon plaisir» получаетъ другое направленіе: что допускалось, теперь преслѣдуется, что́ не каралось, теперь карается, и на бѣдное, поруганное, израненное человѣческое слово обрушивается цѣлый рядъ гоненій. Спросите причину такого переворота, вамъ никто не съумѣетъ отвѣтить; спросите, случилось ли что-нибудь особенное, совершило ли слово какое-нибудь преступленіе, выказало ли оно чѣмъ-нибудь свою дерзость, свою «неблагодарность» за предоставленіе ему извѣстнаго простора? Ничуть не бывало; слово, подавленное десятками лѣтъ, столѣтіями, ни въ чемъ не провинилось, оно слишкомъ привыкло къ уздѣ, чтобы пользоваться всѣми выгодами нѣкотораго разнузданія, оно сликомъ привыкло сдерживать свои порывы, слишкомъ привыкло угодничать, раболѣпствовать, чтобы пользоваться даже тою урѣзанною свободою, которая ему предоставлялась, благодаря какому-то счастливому капризу. Что же, спрашивается, случилось, что слово, положенное на Прокустову кровать, опять начинаютъ урѣзывать? объясненія нѣтъ, кромѣ пожалуй одного: нашла такая полоса, нашелъ такой «стихъ». Вся причина быстраго измѣненія заключается въ капризѣ, да въ томъ, что Бёрне никакъ не могъ какъ слѣдуетъ охарактеризовать по-нѣмецки, но что отлично выражается русскими словами: «здорово живешь». Свободная печать какъ бы олицетворяетъ собою образъ истины, а истина была бичемъ для правительствъ «каприза», котораго они боялись хуже всякой чумы, они отворочивались отъ свѣта, сознавая, что свѣтъ для нихъ это страшная бездна, въ которой валяется уже столько обломковъ деспотизма. «Если бы, говоритъ Бёрне, они управляли какъ ангелы небесные и если бы самые требовательные граждане не находили на что жаловаться: они и тогда бы не допустили свободу печати. Я не знаю,

они обладаютъ какою-то совиною натурою — они не могутъ выносить дневного свѣта, они какъ привидѣнія, которыя исчезаютъ, какъ только пропоетъ пѣтухъ».

Конечно, всѣ подобныя разсужденія Бёрне могутъ относиться только къ той Германіи, гдѣ правительство, такъ сказать, пережило общество, гдѣ оно держалось отчасти въ силу инерціи, отчасти потому, что на его сторонѣ правильно организованная военная и административная сила; для подобнаго правительства свобода печати представляется, и въ дѣйствительности есть такое зло, котораго оно не можетъ допустить добровольно, такъ какъ свобода печати, обнаруживая всѣ язвы подгнившаго правленія, неминуемо влечетъ его къ гибели. Иное дѣло, когда рѣчь идетъ о правительствѣ такой страны, гдѣ оно не только не ниже общества, но значительно выше его, гдѣ отъ правительства исходятъ, и главнымъ образомъ по его собственной иниціативѣ, всевозможныя реформы и преобразованія, для такого правительства свобода печати не можетъ быть не только опасна, но напротивъ она оказываетъ ему, если только допускается, какъ нельзя большую пользу, указывая, на что должны быть направлены его усилія, и какъ отзываются на различныхъ сторонахъ народной жизни совершаемыя имъ преобразованія. Если такое правительство опасается свободы печати и не допускаетъ ее, то это не что иное какъ злая ошибка, непониманіе своихъ собственныхъ интересовъ или только результатъ вліянія злонамѣренныхъ, но сильныхъ людей, которые гораздо болѣе заботятся о собственныхъ выгодахъ, о возможности въ мутной водѣ ловить рыбу и о возможности совершать, безъ всякаго опасенія свѣта печати, всяческія неправды, чѣмъ о благѣ государства и того правительства, которому они служатъ. Для правительства, идущаго впереди или даже въ уровень съ общественнымъ развитіемъ и съ общественными требованіями, свобода печати представляется ничѣмъ невозмѣстимымъ благомъ, а вовсе не бѣдствіемъ и не зломъ, которое слѣдовало бы вырвать съ корнемъ. Свобода печати есть самый вѣрный оплотъ здороваго и дѣйствительно народнаго правительства.

Понимая все громадное значеніе свободы печати, Бёрне былъ совершенно счастливъ, когда въ Германіи образовалось «Общество для защиты свободы печати». Нѣсколько разъ возвращался онъ къ этому обществу, поддерживая его своимъ вѣскимъ словомъ, и старался, чтобы все живое въ Германіи приставало къ нему. Для этого общества онъ, между прочимъ, написалъ адресъ, который долженъ былъ быть представленъ отъ имени всей еврейской общины во Франкфуртѣ, и посылая изъ

Парижа этотъ адресъ, Бёрне, между прочимъ, говорилъ: «Подписывайтесь подъ этимъ адресомъ. Іерихонскія стѣны повалились передъ звуками трубъ—въ этомъ нѣтъ ни единаго слова правды. Подъ трубами священное писаніе понимало свободу печати. Стѣны деспотизма также повалятся передъ нею». Для того однако, чтобы слово разрушало, какъ онъ выражается, стѣны деспотизма, нужно, чтобы это слово было сильно, чтобы оно было мечомъ, чтобы оно гналось за насиліемъ съ насмѣшкою, ненавистью, презрѣніемъ, а не «ковыляло за нимъ съ тяжеловѣсными логическими доводами». Бёрне съ ожесточеніемъ нападалъ на тѣхъ оффиціальныхъ писателей, которые проповѣдывали, или вѣрнѣе, поддерживали правительство въ томъ, что не слѣдуетъ печати предоставлять полной свободы, мотивируя это тѣмъ, что народъ, не приготовленный къ принятію извѣстныхъ идей, не въ состояніи будетъ переварить ихъ. Все это буквально вздоръ, возражалъ Бёрне, и «нѣтъ ничего безжалостнѣе и смѣшнѣе той строгой діэты, которую правительства, страдающія совершенно испорченнымъ пищевареніемъ, предписываютъ своимъ народамъ, которые могутъ рѣшительно все переваривать. Эти правительства думаютъ, что если заставить поститься сердце, то отъ этого ослабѣетъ тоже голова и руки и, слѣдовательно, съ народомъ будетъ легче справиться». Народъ все можетъ переваривать, только давайте ему здоровую и достойную его пищу, при одномъ видѣ которой онъ не долженъ былъ бы краснѣть. Правительства могутъ заставлять печать играть жалкую, унизительную роль, это понятно; но когда сама печать охотно подчиняется даже безъ того, чтобы это было нужно, начинаетъ раболѣпствовать, это возмутительно; и Бёрне съ яростью накидывается на тѣхъ писателей, которые, угощая народъ гнилою, протухшею пищею, ползаютъ униженно передъ властью, заискивая ея расположенія. Ведите себя съ мужествомъ, ведите себя съ достоинствомъ, таково было обращеніе Бёрне къ нѣмецкимъ писателямъ, которые, впрочемъ, рѣдко слѣдовали его призыву. «Народъ не долженъ вымаливать свободу, говорилъ онъ этимъ писателямъ, и если вы отъ имени народа вымаливаете ее, то вы только позорите народъ; если вы за каждое сорвавшееся съ языка свободное слово начинаете рабски просить прощенія, то лучше не пишите, потому что иначе вы оскорбляете человѣческую мысль, человѣческое слово. Унижаясь, прося прощенія, вы какъ бы признаете за правительствомъ право обращаться съ вами такъ, какъ оно обращается, признаете право наказывать васъ, въ то время, когда оно не должно его имѣть. Правительство наказываетъ, если кто-нибудь побуждаетъ къ ненависти къ нему, воз-

буждаетъ противъ него неудовольствіе; но кто, спрашиваетъ, между прочимъ, Бёрне, виноватъ въ этой ненависти, въ этомъ неудовольствіи? наказывать прежде всего слѣдуетъ само правительство, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ оно само виновато, что своими поступками возбуждаетъ противъ себя злобу и ненависть».

До какой степени вкоренилось въ нѣмецкихъ писателяхъ это недостойное чувство страха, робости, униженія передъ правительствомъ, видно изъ того, что даже самые честные писатели попадаютъ въ этомъ отношеніи въ общую колею. Бёрне, не бросая въ нихъ камнемъ, тѣмъ не менѣе обращается къ нимъ съ такимъ упрекомъ: «Велькеръ, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ «Парижскихъ Писемъ», въ объявленіи своемъ о новой газетѣ, которая будетъ называться «Свободномыслящій», говоритъ: «новая газета покажетъ, что Баденъ достоинъ пользоваться безцѣннымъ благомъ свободы печати». Покажетъ—достоинъ:—кому покажетъ? правительству? союзному собранію? Показывать правительству, что нѣмецкій народъ достоинъ свободы? Добиваться одобренія правительствъ? Говорить отъ имени народа и такъ мало чувствовать достоинство гражданъ, достоинство народа, чтобы рѣшиться сказать, что хотятъ показать, что народъ достоинъ одобренія своего правительства? Правительства должны добиваться одобренія своихъ народовъ, а не наоборотъ; они выходятъ изъ народа, они отъ него зависятъ, они имъ дорого оплачиваются—они же и должны доказывать, что они достойны того довѣрія, которое возложили на нихъ, они должны доказывать, что они заслуживаютъ той власти, которая дана имъ народомъ для блага всѣхъ. Народу не о чемъ просить, народъ не долженъ льстить, ему принадлежитъ вся власть, все господство, и правительство есть только его подданный». Выходя изъ подобнаго начала, естественно, что Бёрне никакъ не могъ помириться съ тѣмъ, что нѣмецкіе писатели постоянно унижались, добиваясь, выпрашивая свободу печати. «Давайте свободу печати, или чортъ побери васъ всѣхъ вообще и каждаго порознь!» такъ, говоритъ Бёрне, началъ бы онъ, еслибы захотѣлъ писать о свободѣ печати, и при этомъ выражаетъ увѣренность, что это произвело бы совершенно иное дѣйствіе, чѣмъ всевозможныя просьбы и мольбы.

Вообще, Бёрне, въ своей борьбѣ за свободу печати, какъ и за всѣ другія блага общественной жизни, придерживается радикальныхъ средствъ и конечно совершенно справедливо полагаетъ, что будь только въ людяхъ порядочныхъ, которыхъ всегда найдется довольно, побольше рѣшимости бороться со зломъ, по-

больше энергіи и неустрашимости, побѣда была бы обезпечена за свободой. Добиваясь прежде всего вооруженія, т.-е. свободы печати, онъ спрашиваетъ себя, что̀ стоитъ для нея еще помѣхой, помимо страха правительства — пустить ее въ обращеніе? Помѣхой, думаетъ Бёрне, является то, что на зовъ правительства стекается всегда масса людей, иногда даже болѣе или менѣе порядочныхъ, готовыхъ во всякое время принять на себя гнусное ремесло—парализовать человѣческую мысль, человѣческое слово. «Я не понимаю, говоритъ Бёрне въ одномъ изъ своихъ «Писемъ», и никогда не пойму, какъ человѣкъ, который сколько-нибудь себя уважаетъ, и который безстыднымъ образомъ не отбросилъ отъ себя все человѣческое достоинство, чтобы подобно какому-нибудь животному валяться въ тепломъ стойлѣ и ублажать свое чрево—какъ такой человѣкъ можетъ согласиться быть цензоромъ, быть палачомъ — нѣтъ, хуже чѣмъ палачомъ, потому что этотъ убиваетъ только за вину осужденныхъ—быть убійцей идей, который подкарауливаетъ и нападаетъ въ темнотѣ, который разрушаетъ единственное, что есть въ человѣкѣ божественнаго — свободу духа........ Мое сердце, продолжаетъ Бёрне, не можетъ не возмущаться при видѣ повсюду глупости народа, который не понимаетъ своей власти, своего превосходства силы, который даже не предчувствуетъ, что ему сто́итъ только захотѣть, чтобы уничтожить всякую ненавистную тираннію».

Бросивъ анаѳему въ нѣмецкихъ цензоровъ, Бёрне предлагаетъ планъ, при помощи котораго можно добиться, что въ обществѣ не найдется людей, которые рѣшились бы принять на себя это «позорное» ремесло. Планъ этотъ заключается въ томъ, чтобы среди многихъ тысячъ человѣкъ въ каждомъ городѣ, которые чувствуютъ отвращеніе къ цензурѣ, какъ къ «грязному дѣлу», которые призираютъ ее какъ «крайнюю низость», выискалось всего человѣкъ двадцать почтенныхъ людей, которые заключили бы между собою союзъ «смотрѣть на каждаго цензора и обращаться съ нимъ, какъ съ безчестнымъ человѣкомъ, не жить съ нимъ подъ одною кровлею, не ѣсть съ нимъ за однимъ столомъ, не приближаться ко всему, что только касается его, избѣгать его какъ зачумленнаго, наказывать постоянно презрѣніемъ, преслѣдовать его постоянною насмѣшкою—тогда не нашлось бы болѣе сколько-нибудь честнаго человѣка, который согласился бы быть цензоромъ»; тогда, полагаетъ Бёрне, даже тѣ, которые не хорошо понимаютъ честь, и тѣ не рѣшились бы бравировать общественное мнѣніе, и правительства, волей неволей, чтобы добыть себѣ цензоровъ, должны были бы обращаться къ какимъ-нибудь «негоднымъ живодерамъ». Весь вопросъ только въ этомъ случаѣ,

какъ впрочемъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда дѣло идетъ только объ оппозиціи, какъ найти возможность соединить между собою порядочныхъ людей. Кто въ самомъ дѣлѣ не знаетъ, что одно изъ главныхъ золъ общества, живущаго въ неволѣ, заключается именно въ апатіи, которая является результатомъ разрозненности между людьми; кто не знаетъ, что въ обществѣ несвободномъ недовѣріе, подозрительность между людьми достигаетъ послѣднихъ предѣловъ, что каждый порядочный человѣкъ опасается другого человѣка, если не видитъ въ немъ врага, пожалуй шпіона. Эта-то подозрительность, это отчужденіе и составляетъ истинное препятствіе для торжества честныхъ людей надъ людьми негодными, и Бёрне выясняетъ это какъ нельзя лучше. «Въ каждой странѣ, говоритъ онъ, въ каждомъ городѣ, въ каждой общинѣ, въ каждомъ правительствѣ, въ каждомъ присутственномъ мѣстѣ найдется довольно благородныхъ людей; но каждый думаетъ, что онъ одинъ только имѣетъ честныя убѣжденія, и опасаясь такимъ образомъ имѣть всѣхъ противъ себя, никто не смѣетъ выступить впередъ съ своимъ голосомъ, и побѣда остается за негодными людьми, которые лучше умѣютъ отгадывать другъ друга, легче соединяться». Бёрне сознается, что только одна увѣренность, что есть тысячи въ нѣмецкомъ обществѣ, которые также хороши или даже лучше, чѣмъ онъ самъ, тысячи, которые отвѣчаютъ на его зовъ и присоединяются къ нему, только эта увѣренность и даетъ ему смѣлость бороться своимъ словомъ за свободу и право. Не будь въ немъ этой увѣренности, что его голосъ находитъ себѣ эхо въ тысячи сердцахъ, не имѣй онъ убѣжденія, что онъ дѣйствуетъ для соединенія честныхъ людей, онъ молчалъ бы какъ молчатъ всѣ другіе, онъ терпѣлъ бы произволъ, какъ терпятъ его другіе и не жертвовалъ бы безплодно своимъ спокойствіемъ «глупой, низкой и неблагодарной толпѣ». Бёрне надѣялся, что его голосъ вызоветъ другіе голоса, которые станутъ подтягивать ему, и что такимъ образомъ закипитъ работа пробужденія свободнаго духа Германіи. Но Германія находилась на слишкомъ низкой ступени политическаго развитія, и потому, вмѣсто цѣлаго хора сочувственныхъ голосовъ, онъ услышалъ только хоръ грубыхъ рѣчей, циническихъ криковъ, раздавшихся противъ него.

Но Бёрне не такъ легко было столкнуть съ того пути, на который онъ разъ рѣшился вступить. Вмѣсто того, чтобы испугаться цѣлой стаи спущенныхъ противъ него собакъ, онъ воспользовался даже погоней за нимъ, чтобы учить нѣмецкое общество, нѣмецкихъ писателей, какъ они должны дѣйствовать, какъ они должны бороться. Когда на него за «Парижскія Письма»

обрушивался цѣлый потокъ брани, когда оффиціальные писатели, чтобы ослабить его вліяніе, выступали противъ него, запасшись предварительно цѣлымъ лексикономъ бранныхъ словъ, когда самыя разнообразныя клеветы сыпались на его голову, Бёрне нисколько не конфузился всей этой грязи, не сторонился отъ нея, какъ дѣлаютъ это другіе отчасти изъ брезгливости, отчасти просто изъ боязни, а вступалъ въ рукопашный бой, во время котораго вырывалъ орудіе изъ рукъ своихъ противниковъ и старался бить ихъ собственнымъ ихъ орудіемъ. Друзья Бёрне упрекали его, что удары, которые онъ наноситъ своимъ противникамъ, недостойны его. «Да, вы правы, отвѣчалъ Бёрне; но въ такое время, какъ наше, не думать о моемъ достоинствѣ—совершенно достойно меня. Въ то время, когда я рискую за отечество спокойствіемъ, кровью и жизнію—пристало ли мнѣ заботиться о томъ, чтобы какъ-нибудь не запачкать моего платья? Когда враги свободы лежатъ въ грязи, вы хотите, чтобы я не подходилъ къ нимъ близко, не нападалъ на нихъ изъ боязни выпачкать сапоги». Нѣтъ, Бёрне не хочетъ знать вѣжливости, приличія съ людьми, которые умышленно употребляютъ брань, онъ хочетъ слѣдовать ихъ примѣру и онъ знаетъ причину, которая заставляетъ его бросать грязью во всѣхъ оффиціальныхъ писателей. «Знаете-ли, спрашиваетъ Бёрне, отчего наши придворныя и министерскія газеты выражаются такъ грубо, ругаютъ такою площадною бранью защитниковъ свободы? Вы думаете, что онѣ не умѣютъ выражаться тонко? О нѣтъ! Онѣ отлично справляются съ этимъ. Когда имъ приходится вести борьбу между собою, дворъ противъ двора, одинъ владѣтельный князь противъ другого, власть противъ власти, тогда даже въ самомъ сильнѣйшемъ гнѣвѣ онѣ ни мало не измѣняютъ себѣ. Въ душѣ у нихъ ненависть, но на губахъ сладчайшія слова, и съ самою утонченною вѣжливостью вонзаютъ онѣ другъ другу въ грудь красивый и изящный мечъ. Но когда этимъ господамъ приходится драться со свободой, когда слѣдовательно судьею спора является общественное мнѣніе, масса, тогда они становятся грубыми, чтобы имѣть возможность дѣйствовать на грубую и безсмысленную массу, которая составляетъ большинство во всѣхъ сословіяхъ, отъ самаго высшаго до самаго низшаго. Какъ поступаютъ они съ нами, такъ должны мы поступать съ ними». Для Бёрне мало того, чтобы свободные писатели въ борьбѣ своей съ обскурантами выражались рѣзко и грубо, т.-е. такъ, какъ можетъ понимать масса, въ глазахъ которой нужно опозорить прислужниковъ произвола, онъ хочетъ, чтобы народъ былъ выученъ рѣзко выражать свои требованія, и желанія. «Такъ не должно про-

должаться! восклицаетъ Бёрне. Мы должны отречься отъ всякой умѣренности и въ словахъ и въ дѣйствіяхъ. Пусть свобода будетъ отдѣлена отъ насъ цѣлымъ моремъ крови — мы все-таки добудемъ ее; пусть она лежитъ въ непроходимой грязи, мы и оттуда ее вытащимъ. Оттого-то злоба и побѣждаетъ всюду, оттого-то глупость всегда остается въ выигрышѣ, что она идетъ къ цѣли кратчайшей дорогой, не заботясь о томъ, чиста она или грязна.... Нѣтъ, продолжаетъ авторъ «Парижскихъ писемъ» выискивая только чистыя тропинки, мы теряемъ время и все; вѣдь гдѣ бы мы ни нагнали нашего врага, гдѣ бы ни напали на него, вездѣ будетъ грязь, и рано или поздно намъ придется вступить въ нее, если мы хотимъ, чтобы наше дѣло одержало побѣду. То, что другіе дѣлаютъ для тиранніи, неужели мы не можемъ дѣлать того же для свободы? Мечъ противъ меча, коварство противъ коварства, грязь противъ грязи, собачій лай противъ собачьяго лая.... Мы должны наконецъ понять, что деспоты боятся только тѣхъ орудій, которыя они сами употребляютъ, потому что другихъ они вовсе не знаютъ. Поэтому, нечего намъ противопоставлять коварству—искренность, пороку—добродѣтель, наглости — кротость, грубости — приличіе».

Бёрне доходитъ до ужасающаго радикализма, и съ полною откровенностью высказываетъ свое мнѣніе о томъ, ка́къ слѣдуетъ бороться съ врагами свободы; но онъ въ этихъ строкахъ рисуется несравненно болѣе страшнымъ писателемъ, чѣмъ то было на самомъ дѣлѣ, и нельзя не улыбнуться, читая его проповѣдь коварства и наглости. Самъ онъ никогда не пользовался такими ужасными орудіями, и нужно думать, что еслибы и хотѣлъ ими пользоваться, то оказалось бы, что въ этомъ отношеніи онъ совершенно невинный ребенокъ. У Бёрне было другое орудіе, которое замѣняло ему и грубость, и коварство, и наглость — орудіе это было насмѣшка, сатира, которою онъ пользовался съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ.

Впрочемъ, для подкрѣпленія своей теоріи, что съ врагами слѣдуетъ обращаться такъ, какъ обращаются они сами, что ихъ нужно бить ихъ же орудіемъ, Бёрне однажды только рѣшился воспользоваться всевозможными бранными словами, которыя въ продолженіи долгаго времени сыпались исключительно на его голову. Бёрне самъ приводитъ цѣлую страницу бранныхъ эпитетовъ, которыми сопровождалось его имя когда у оффиціальныхъ писателей заходила рѣчь о немъ, а это случалось чуть не каждый день, особенно послѣ выхода первой части «Парижскихъ писемъ». И прежде дѣятельность Бёрне возбуждала противъ него въ правительственной прессѣ страшную ненависть, когда же вышли его

«Парижскія Письма», то ненависть эта дошла до своей апогеи и перешла въ какую-то бѣшеную злобу. Аргументы, которыми вообще бываетъ такъ бѣдна оффиціальная журналистика, были рѣшительно отброшены въ сторону и мѣсто ихъ заступила брань въ родѣ слѣдующей: «пустой жидъ, безсердечный насмѣшникъ, жалкій болтунъ, глупый болтунъ, жалкая жидовская душа, безчестная, безстыдная, жалкая болтовня, бѣдный лакей революціи, безсовѣстное нахальство, громадное высокомѣріе, жидовская кичливость, грязная книга, отвратительная книга, гнусная книга, жалкое, грязное насѣкомое и т. д.» Долго Бёрне молчаливо сносилъ всю подобную брань, но наконецъ онъ рѣшился наказать всю эту шайку продажныхъ публицистовъ, и чтобы показать имъ, какъ они глупы и пошлы, какъ они мало умѣютъ даже преслѣдовать честныхъ писателей, и вмѣстѣ какъ глупо платить деньги людямъ за то только, что они умѣютъ браниться, что вовсе не трудно, а требуетъ только наглости, онъ собралъ всѣхъ своихъ противниковъ въ одну кучку и написалъ противъ нихъ памфлетъ, въ которомъ, казня одного за другимъ, онъ опрокидываетъ на нихъ, съ большимъ остроуміемъ, всевозможныя бранныя слова. «Горе вамъ, говоритъ онъ въ концѣ своего памфлета, если терпѣніе мое лопнетъ! Горе сволочи, когда я дамъ ей щелчокъ, чтобы нагнать на нее страхъ. Даю вамъ слово, что этотъ страхъ болѣе не покинетъ васъ. Да, я нѣмецъ! Да, мое терпѣніе лопается! Да, я ударю васъ, олухи, болваны, быки, ослы, свиньи, бараны, мошенники, бездѣльники, мерзавцы, ше.... — впрочемъ, безъ горячности! все по порядку.....» И тутъ Бёрне въ алфавитномъ порядкѣ приводитъ нѣсколько страницъ бранныхъ словъ, обращенныхъ къ его противникамъ, а когда дошелъ до бранныхъ словъ, начинающихся съ буквы Z, онъ дѣлаетъ обращеніе къ «первому знатоку искусства нашего времени г. кабинетъ-секретарю Сохриру въ Вѣнѣ» и проситъ его рѣшить, кто оказался грубѣе, кто кого превзошелъ, онъ ли или его противники. Мораль его памфлета была, кажется, понятна: «вы воображаете, говорилъ онъ, что ругаться значитъ бороться; это не мудрено, вотъ вамъ тысячи ругательныхъ словъ, но что же изъ этого?» Противники его были впрочемъ такого свойства, что не поняли или не хотѣли понять этой морали памфлета и продолжали противъ Бёрне свою грязную и вмѣстѣ бездарную полемику, которая главнымъ образомъ сводилась къ брани.

Помимо всей брани, пущенной тогда въ Бёрне, противъ него употреблялся также тотъ обыкновенный и вмѣстѣ безчестный пріемъ, который употребляется сплошь и рядомъ продажными писателями противъ честныхъ людей, когда они, не находя

возможнымъ писать на родинѣ, удаляются въ чужія страны и оттуда клеймятъ и выставляютъ къ позорному столбу всѣ дѣйствія деспотическихъ правительствъ. Пріемъ этотъ заключается въ слѣдующихъ словахъ: «нечего сказать, большая храбрость убѣжать въ безопасное мѣсто и оттуда извергать громы!» Противъ Бёрне выставлялось это обвиненіе буквально тѣми же словами: «большая храбрость убѣжать въ Парижъ и оттуда писать противъ нѣмецкихъ правительствъ!» «А вы бы хотѣли, спрашиваетъ ихъ Бёрне, чтобы я бросился добровольно въ львиную пасть; вы бы хотѣли, чтобы я, зная отлично всѣ ваши орудія, зная, какъ ночью вы вторгаетесь въ спальню, какъ стаскиваете вы съ постели и бросаете въ холодный казематъ; зная, что судьями являются наемные прислужники безъ чести, безъ совѣсти; зная, что вы умѣете такъ стирать съ лица земли, съ такой тайною, что потомъ никто не найдетъ и слѣда, зная, что вы употребляете въ дѣло, если даже не матеріальную, то нравственную пытку, зная, однимъ словомъ, всю бездну произвола, въ которую вы погружены, вы хотите, чтобы я, какъ мальчишка, сказалъ вамъ: вы обвиняете меня въ недостаткѣ храбрости, такъ вотъ вамъ, берите меня!»... «Дайте мнѣ, говоритъ Бёрне, гласное судопроизводство, дайте мнѣ ту защиту, которою во Франціи пользуется даже убійца, дайте мнѣ свободу печати, чтобы мои друзья могли узнать изъ газетъ о моей участи, и тогда я приду къ вамъ на судъ. Но вы, конечно, не сдѣлаете этого, потому что въ такомъ случаѣ не мнѣ придется отвѣчать вамъ, а вы должны будете дать отчетъ мнѣ и народу».

Бёрне очень хорошо зналъ, какую важную роль играетъ продажная журналистика въ странѣ, лишенной здороваго политическаго устройства, какое вліяніе пріобрѣтаетъ она порою, пользуясь самыми низкими инстинктами общества, какою серьезною преградою является она для протрезвленія общества, и потому очень часто въ своихъ «Письмахъ» возвращается къ подобной журналистикѣ и къ подобнымъ журналистамъ, стараясь внушить къ нимъ непреодолимое отвращеніе и презрѣніе въ обществѣ. Чтобы дать образчикъ той манеры, того искусства, съ которымъ онъ обращался съ этими плевелами общества и литературы, можно остановиться на портретѣ одного изъ самыхъ безсовѣстныхъ и вмѣстѣ извѣстныхъ продажныхъ писакъ Германіи, именно на портретѣ знаменитаго по своей позорной дѣятельности Ярке. Тѣмъ болѣе позволительно намъ остановиться на этомъ портретѣ, что въ сущности это вовсе не портретъ одного нѣмецкаго Ярке, это портретъ всевозможныхъ Ярке.

Въ этомъ портретѣ онъ изображаетъ всѣ стороны такого пи-

сателя, онъ указываетъ на всѣ оттѣнки, которые принимаетъ выраженіе его лица въ различныя минуты, смотря по тому, о чемъ онъ говоритъ. Онъ говоритъ о «сильныхъ міра»—улыбка на его губахъ, медъ на языкѣ; онъ говоритъ о демократахъ—на губахъ у него пѣна, происходящая отъ бранныхъ словъ; онъ говоритъ о революціи—на языкѣ у него: «преступленіе, разбой, варварство»; однихъ запугиваетъ ужасами революціи, другихъ благословляетъ на преслѣдованіе, свои доносы на честныхъ людей выдаетъ за свое самоотверженіе и любовь къ родинѣ; въ то время, когда онъ не что иное, какъ продажный, а слѣдовательно и вредный писака, онъ увѣряетъ, что онъ спаситель отечества отъ внѣшнихъ враговъ и внутреннихъ крамолъ, и что при этомъ самое любопытное—это то, что всегда находятся настолько простодушные люди, которые вѣрятъ и въ его навѣты, и въ то, что онъ дѣйствительно спасъ свое отечество. Такой писака, какъ водится, всегда имѣетъ свой журналъ, свою газету, иногда даже и журналъ и газету, и по цѣлой странѣ распространяетъ такимъ образомъ свое благоуханіе. Говоря про газету Ярке, Бёрне пишетъ: «Это очень забавная камера-обсура; въ ней проходятъ передъ вами, со всѣми своими тѣнями, всѣ склонности и антипатіи, желанія и осужденія, надежды и опасенія, радости и муки, трусливость и безумная смѣлость, цѣли и средства монархистовъ и аристократовъ. Услужливый Ярке! онъ открываетъ все, онъ предохраняетъ всѣхъ!» Какъ вѣрно подмѣчена эта послѣдняя черта; дѣйствительно всякій Ярке непремѣнна все открываетъ и все предохраняетъ! Тутъ онъ казнитъ революцію, тамъ билль о реформѣ, сегодня побѣждаетъ республику, завтра конституціонное правленіе. Отъ одной страны онъ переходитъ къ другой, отъ одного народа къ другому и вездѣ борется съ развращеннымъ духомъ времени. Онъ не ограничивается только тѣмъ, что казнитъ этотъ духъ въ настоящемъ, нѣтъ, онъ заглядываетъ въ въ будущее и углубляется въ прошедшее. Ярке, казнивъ всѣ пагубныя революціонныя стремленія, обращается къ исторіи и ей дѣлаетъ строгій выговоръ. «Все назадъ, все назадъ! За двѣ недѣли до этого онъ началъ рубить англійскую революцію 1688, т.-е. имѣющую сто пятьдесятъ лѣтъ отъ роду. Скоро очередь дойдетъ до старшаго Брута, изгнавшаго Тарквиніевъ, и такимъ образомъ господинъ Ярке доберется, наконецъ, до Господа Бога, который былъ такъ непредусмотрителенъ, что создалъ Адама и Еву прежде, нежели онъ позаботился создать королей, черезъ что человѣчество забрало себѣ въ голову, что оно можетъ обойтись и безъ нихъ». Относительно честныхъ публицистовъ употребляются также извѣстные пріемы. Помимо брани, на которую всевозможные Ярке

такъ щедры, они стараются увѣрить добродушную публику, что если и находятся писатели, которые борятся съ правительствомъ и толкуютъ о томъ, что народъ не пользуется своими правами, что онъ лишенъ свободы, что его деньги разстрачиваются непроизводительно и т. д., и т. д., то это только потому, что эти писатели—враги народа, и желаютъ ему зла, а что истинные патріоты — это они, журнальные лгуны. «Если бы мы ненавидѣли нѣмецкій народъ, — пишетъ Бёрне, обрисовавши Ярке, — развѣ употребляли бы мы всѣ усилія для того, чтобы помочь ему освободиться отъ позорнѣйшаго униженія, въ которомъ онъ томится, отъ высокомѣрія и презрѣнія его враговъ, отъ клеветы всѣхъ продажныхъ писателей—и это для того, чтобы предоставить его на произволъ мелкимъ, скоропроходящимъ и высокопочтеннымъ опасностямъ свободы? Ненавидь мы нѣмцевъ, мы писали бы такъ, какъ вы, господинъ Ярке, но все же мы не брали бы за это денегъ....»

Бёрне очень хорошо зналъ, что, несмотря на нравственную ничтожность всевозможныхъ Ярке, противъ нихъ, тѣмъ не менѣе, нужно бороться, такъ какъ при отсутствіи политическаго развитія въ странѣ, подобные писатели могутъ имѣть вліяніе на общество. Онъ взывалъ къ этой борьбѣ и долго не находилъ себѣ эха въ нѣмецкой литературѣ, на которую онъ много разъ горько жаловался, и при этихъ жалобахъ онъ не столько нападалъ на пошлость нѣмецкихъ писателей, сколько на ихъ безтактность. Одинъ изъ его біографовъ, именно Бейерманъ, передаетъ, что Бёрне часто повторялъ, говоря о нѣмецкихъ писателяхъ: еслибы они умѣли хоть во-время молчать! На помощь Бёрне долго никто не являлся и онъ одинъ боролся съ апатіею, въ которую было погружено современное ему общество. Бёрне, конечно, понималъ очень хорошо, что его литературная дѣятельность не можетъ вырвать общество, народъ изъ власти произвола, что для этого нужно, чтобы само общество, самъ народъ захотѣлъ принять дѣятельное участіе въ своемъ освобожденіи. Но весь вопросъ заключается именно въ томъ, чтобы народъ захотѣлъ «захотѣть». Какъ только это случится, народъ будетъ свободенъ. «Люди такъ глупы!—восклицаетъ Бёрне.—Если бы они только одинъ день хотѣли, или одинъ день не хотѣли, тогда былъ бы, по крайней мѣрѣ, конецъ всѣмъ страданіямъ, происходящимъ отъ людей, и остались бы только наводненія, землетрясенія, болѣзни, а эти бѣдствія ужъ не Богъ знаетъ что̀. Но *хотѣть!* Въ этомъ-то и дѣло. *Не хотѣть*—это еще больше. Императоръ Максимиліанъ имѣлъ придворнаго шута, который сказалъ ему однажды: *Еслибы мы всѣ въ одинъ прекрасный день не захотѣли*

болѣе, что ты сталъ бы тогда дѣлать? Я не знаю, — прибавляетъ Бёрне, — что̀ отвѣчалъ на это императоръ, но дуракъ, который болѣе, чѣмъ триста лѣтъ тому назадъ выразилъ такую великую мысль, долженъ былъ обладать возвышеннымъ умомъ». Все, что́ Бёрне могъ сдѣлать для нѣмецкаго народа, онъ сдѣлалъ. Конечно, онъ не освободилъ его отъ предразсудковъ; онъ не освободилъ его отъ того порядка, который былъ такъ ненавистенъ автору «Парижскихъ Писемъ»; онъ не далъ ему свободы печати; онъ не далъ истиннаго народнаго представительства; онъ не превратилъ пороковъ въ добродѣтели, но онъ будилъ его, словомъ, онъ училъ какъ и прежнею литературною дѣятельностью, такъ и своими «Парижскими письмами», ка̀къ народъ долженъ «хотѣть»; онъ, обращаясь къ нѣмецкому народу, говорилъ ему: встань и пойди! Имѣвшіе уши услышали, встали и пошли. Если нѣмецкій народъ не дошелъ еще, то онъ все-таки идетъ, и это уже не бездѣлица, и въ томъ, что онъ идетъ, Бёрне оказалъ ему громадную услугу. Безъ ложной скромности, Бёрне самъ опредѣлилъ то значеніе, которое онъ имѣлъ для нѣмецкаго народа, когда онъ говорилъ: «развѣ я не нагналъ пурпуръ гнѣва на тысячи безкровныхъ щекъ и не заставилъ ихъ въ то же время зардѣться румянцемъ стыда? Развѣ я не воспламенилъ множество холодныхъ сердецъ? Какое вамъ дѣло до того, что́ зажигаетъ это пламя — костеръ ли мой, или ѳиміамъ, принесенный на мой алтарь? Это только меня касается. Довольно того, что оно горитъ. Не будьте неблагодарны къ одному изъ вашихъ вѣрнѣйшихъ слугъ, который вмѣстѣ съ другими помогалъ будить васъ». Въ этомъ постоянномъ стремленіи будить, въ этой постоянной проповѣди на тему «хотѣть», заключается то значеніе, которое имѣли для нѣмецкаго общества «Парижскія письма» Бёрне, и главнымъ образомъ та доля ихъ, которая касается Германіи.

Подводя мысленно итогъ всему тому, что̀ Бёрне говорилъ въ «Парижскихъ Письмахъ» о Германіи, о безправномъ положеніи нѣмецкаго народа и произволѣ нѣмецкихъ правительствъ, въ головѣ невольно рождается вопросъ, который, быть можетъ, приходилъ на умъ и нашимъ читателямъ: не клеветалъ ли, въ самомъ дѣлѣ, Бёрне на политическое состояніе Германіи, когда онъ рисовалъ его такими мрачными и чуть не безнадежными красками? Развѣ самыя «Парижскія Письма» не должны, скажутъ намъ, служить доказательствомъ, что Бёрне дѣйствительно клеветалъ на Германію; развѣ, продолжаютъ насъ спрашивать, возможно въ странѣ, гдѣ властвуетъ произволъ, говорить о произволѣ то, что́ говоритъ о немъ Бёрне; развѣ въ странѣ, гдѣ граж-

дане безправны, возможно такъ пользоваться своими правами, какъ пользуется ими Бёрне; развѣ тамъ, гдѣ нѣтъ свободы печати, можно до такой степени свободно говорить о рабствѣ литературы и журналистики, какъ мы это видѣли въ «Парижскихъ Письмахъ», развѣ при деспотическомъ правительствѣ возможно такъ поражать деспотизмъ, какъ поражаетъ его Бёрне; развѣ мыслима такая борьба, развѣ мыслима такая публичная и позорная казнь, которой предаетъ Бёрне нѣмецкія правительства и раболѣпство народа, при господствѣ произвола, при безправности общества? Нѣтъ, политическое положеніе страны не такъ еще дурно, шевелится въ головѣ мысль, если такой писатель, какъ Бёрне, можетъ говорить то, что онъ высказывалъ въ своихъ «Парижскихъ Письмахъ»? Слѣдуетъ ли, однако, изъ этого, что Бёрне клеветалъ на свою родину и клеветалъ на свой народъ? Ни въ какомъ случаѣ. Изъ этого слѣдуетъ только одно, что когда какой-нибудь иностранный писатель говоритъ о дурномъ политическомъ положеніи своей страны, когда онъ жалуется на произволъ власти, когда онъ плачется на безправное положеніе народа, когда онъ толкуетъ объ отсутствіи свободы печати, то мы, ни въ какомъ случаѣ, не должны прилагать ко всему одного аршина. Требованія и идеалы политическаго писателя обусловливаются состояніемъ цивилизаціи той страны, который принадлежитъ самъ писатель, и Бёрне былъ потому правъ недовольствуясь для Германіи тѣмъ, что существовало въ Германіи. То, что въ одной странѣ можетъ казаться верхомъ благополучія, то въ странѣ болѣе развитой далеко еще не соотвѣтствуетъ требованіямъ ея передовыхъ людей.

Евг. Утинъ.

ИСТОЧНИКИ
КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ

Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II. Матеріалы для исторіи освобожденія крестьянъ. По оффиціальнымъ источникамъ составилъ *Александръ Скребицкій.* Четыре тома. Боннъ-на-Рейнѣ. 1862—1868 гг.

Не знаемъ, должны ли мы извиняться предъ г. Скребицкимъ, что такъ поздно даемъ отчетъ о его трудѣ. Почтенный объемъ этого труда и то обстоятельство, что посвященъ онъ предмету, интересъ котораго далеко не преходящій, достаточно объясняютъ, почему мы не спѣшили этимъ отчетомъ. Къ тому же думали мы, чтó за спѣхъ съ книгой, на роду которой точно написано было, только временемъ и терпѣніемъ побѣждать превратную судьбу! Ко многимъ курьезамъ, такъ часто сопровождающимъ лучшія человѣческія дѣянія и въ изобиліи сопровождавшимъ также, какъ извѣстно, великую реформу освобожденія, нельзя не отнести и слѣдующей подробности, которая кажется намъ не совсѣмъ безъинтересна. Многотомный трудъ г. Скребицкаго печатался въ Боннѣ-на-Рейнѣ, съ 1862 по 1868 годъ. Краткое предисловіе, объясняющее исторію происхожденія этого труда, на который г. Скребицкаго натолкнулъ покойный баронъ Гакстгаузенъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи богатое собраніе матеріаловъ по крестьянскому дѣлу, доставленнымъ ему Я. И. Ростовцевымъ, помѣчено 31-мъ мая 1868 г. Мы не вправѣ говорить здѣсь ни о какомъ другомъ просвѣщенномъ содѣйствіи, благодаря которому сочиненію г. Скребицкаго суждено

было увидѣть свѣтъ. Какъ бы то ни было—къ іюню мѣсяцу 1868 г., всѣ трудности, съ которыми должно бороться печатаніе заграницею обширнаго русскаго изданія, и устройство, усиліями автора, русской типографіи въ Боннѣ, окончательно побѣждены и экземпляръ сочиненія можетъ отправиться въ Петербургъ. Возникаетъ вопросъ цензурный. По объему сочиненія о предварительной цензурѣ рѣчи не могло быть. По содержанію своему оно, какъ составленное по оффиціальнымъ источникамъ, отличается строго-фактическимъ характеромъ. Но изданіе, появившееся за-границею, уже по одному этому, какою трезвостію оно ни отличалось бы, требуетъ у насъ, для свободнаго обращенія, предварительнаго разрѣшенія. Изъ появившагося лѣтомъ нынѣшняго года обозрѣнія коммиссій, учрежденныхъ, по разнымъ вопросамъ, при нѣкоторыхъ изъ высшихъ вѣдомствъ въ 1869 и въ началѣ 1870 г. («Правит. Вѣстникъ», 1870 г., № 105 и 106), мы знаемъ, что при II-мъ отдѣленіи учреждена была также особая коммиссія для разсмотрѣнія труда г. Скребицкаго, и что 8-го января 1870 г. окончательно разрѣшенъ, согласно заключенію коммиссіи, пропускъ этого сочиненія въ Россію для продажи. Но между тѣмъ, какъ при большей части другихъ коммиссій означено время ихъ, учрежденія или образованія, такъ что не представляется никакого труда судить, по самой продолжительности существованія ихъ, о той основательности, съ которою онѣ, не спѣша, занимались порученнымъ имъ дѣломъ,—время учрежденія коммиссіи, занимавшейся разсмотрѣніемъ труда г. Скребицкаго, не показано. Изъ такого умолчанія, останавливающаго внимательнаго читателя, не слѣдуетъ однако дѣлать невыгоднаго заключенія объ основательности, съ которою эта коммиссія разсматривала составленное по оффиціальнымъ источникамъ сочиненіе г. Скребицкаго. Къ тому же есть данныя для возстановленія, по крайней мѣрѣ, приблизительнаго срока ея существованія. Книга отпечатана была въ маѣ 1868 г., разрѣшена же она къ обращенію въ Россіи въ январѣ 1870 г. Положимъ какъ можно больше времени,—нѣсколько мѣсяцевъ, которые могли уйти на доставленіе экземпляра книги въ Россію и на разрѣшеніе вопроса, кому и въ какомъ порядкѣ ее разсматривать. Будемъ ли мы, за вычетомъ этихъ мѣсяцевъ, далеки отъ истины, если скажемъ, что на разсмотрѣніе книги г. Скребицкаго коммиссія употребила добрый годъ времени, а можетъ быть и болѣе того? Не позволяя себѣ послѣ этого сомнѣваться въ основательности, съ которою коммиссія разсматривала это сочиненіе, хотя она и употребила на то немногимъ меньше времени, чѣмъ сколько потребовалось для самихъ редакціонныхъ коммиссій по крестьян-

скому дѣлу для окончанія ихъ великаго труда (учреждены эти коммиссіи 17 февраля 1859 г., закрыты 10 октября 1860 г.),— будемъ довольны, что намъ, а не слѣдующему поколѣнію дана коммиссіей возможность пользоваться разсмотрѣннымъ ею сочиненіемъ г. Скребицкаго.

I.

Есть довольно много причинъ, по которымъ обращеніе къ источникамъ крестьянской реформы, разработаннымъ въ трудѣ г. Скребицкаго, можетъ, какъ намъ кажется, представить не малый интересъ. Прежде всего не подлежитъ сомнѣнію, что за исключеніемъ тѣхъ лицъ, которыя сами принимали бо́льшее или меньшее участіе въ трудахъ по крестьянскому дѣлу, съ ходомъ и въ особенности съ документальной стороной этого дѣла знакомы у насъ весьма немногіе. И это незнакомство представляетъ тѣмъ бо́льшее неудобство для пониманія нашей современной дѣйствительности, что наиболѣе интересный вопросъ, который становится теперь на очередь — каковы результаты крестьянской реформы? — предполагаетъ уже предварительное обращеніе къ исторіи и началамъ этой реформы, дабы уяснить себѣ, къ чему стремились и чего достигли. Когда подобные вопросы начинаютъ ставиться относительно какой-либо реформы, и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, становятся общедоступными такіе матеріалы этой реформы, которые до сихъ поръ находились подъ спудомъ, то очевидно, что для нея наступаетъ время первой исторической оцѣнки. Дѣйствительно, едва окончился первый девятилѣтній періодъ со времени обнародованія Положеній 19-го февраля, и эпоха великой реформы такъ отодвинулась отъ насъ, такъ уходитъ уже въ даль, что отзывы и рѣчи участниковъ реформы, когда читаешь ихъ въ сочиненіи г. Скребицкаго, звучатъ чѣмъ-то уже очень отдаленнымъ, и вся работа по освобожденію кажется уже дѣломъ давно минувшихъ дней.

Отчего это? Развѣ мы такъ быстро живемъ, развѣ наша общественная жизнь такъ ускоренно развивается, или она такъ богата прогрессивными началами, что достаточно какихъ-нибудь десяти лѣтъ, чтобы къ одному изъ великихъ дѣлъ нашего времени, поколѣніе, которое само пережило его, начинало относиться преимущественно съ историческимъ интересомъ,—съ интересомъ, съ которымъ относятся хотя и къ важному, но уже давнему дѣлу, съ которымъ справляются главнымъ образомъ потому, что не всѣ части рѣшенія этого дѣла оказались одинако-

ваго достоинства, а нѣкоторыя положительно требовали бы ревизіи, перевершенія?... Или другія реформы, судебная и въ особенности земская временно заслонили собою крестьянское дѣло? Мы думаемъ, что послѣднее дѣйствительно случилось, и вообще мало удавшаяся земская реформа значительно измѣнила взглядъ и на крестьянскую и заставила сосредоточить вниманіе всѣхъ интересующихся освобожденіемъ на наименѣе удовлетворительной сторонѣ крестьянскаго дѣла — на чрезмѣрно высокой оцѣнкѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьянскихъ надѣловъ и вслѣдствіе того на огромныхъ выкупныхъ платежахъ крестьянъ.

Такимъ образомъ, обыкновенная судьба великихъ законодательныхъ мѣръ, повидимому, готова постигнуть и Положеніе 19-го февраля: новый законъ вступилъ въ жизнь, и съ этого момента вся предварительная работа, которая предшествовала изданію закона, становится достояніемъ исторіи даже прежде еще, чѣмъ наступили для народной жизни всѣ тѣ послѣдствія, которыя заключаются для нея въ законѣ. И если уже до изданія закона лирическій періодъ непомѣрныхъ ожиданій отъ него — что онъ преобразитъ всю дѣйствительность — постепенно смѣняется болѣе критическимъ, то практическое проведеніе его въ жизни еще болѣе приводитъ къ спокойной оцѣнкѣ того, что̀ пріобрѣтено реформой и что̀ еще остается пріобрѣсти.

Все это справедливо и относительно крестьянской реформы, но при этомъ необходимо сдѣлать одну оговорку. Дѣло въ томъ, что люди въ одно десятилѣтіе, хотя становятся богаче опытомъ, но не перерождаются и, при измѣнчивости во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, остаются обыкновенно довольно неподвижны въ тѣхъ взглядахъ на общественную жизнь, которые обусловлены ихъ собственнымъ положеніемъ, ихъ собственными интересами. Какъ знать, поэтому, не произошла ли неудача земскихъ учрежденій въ иныхъ мѣстахъ именно отъ преобладанія въ нихъ тѣхъ самыхъ общественныхъ элементовъ, съ которыми должна была бороться и крестьянская реформа....

Съ этой точки зрѣнія знакомство съ источниками крестьянской реформы и съ тѣми мнѣніями и взглядами, которые высказывались заинтересованными лицами по поводу этой реформы, пріобрѣтаетъ уже довольно практическое значеніе. Другими словами, эти взгляды и мнѣнія устарѣли только отчасти и, принадлежа людямъ по большей части еще живымъ и подвизающимся на различныхъ поприщахъ, сохранили нѣкоторую долю современности и могутъ еще нѣсколько помочь оріентироваться въ нашемъ общественномъ быту. Воспроизведеніе ихъ въ

трудѣ г. Скребицкаго имѣетъ поэтому далеко не антикварный интересъ.

По отношенію къ крестьянской реформѣ, самые отчаянные противники ея должны были убѣдиться, что опасенія ихъ далеко не оправдались и что во многихъ мѣстахъ не они имѣютъ причину быть окончательно недовольными реформой; самые же горячіе защитники ея также, вѣроятно, должны были сказать себѣ, что въ томъ видѣ, какъ она перешла въ жизнь, она, конечно, измѣнила въ очень многихъ губерніяхъ народный бытъ къ лучшему, но далеко не въ мѣру ожиданій. Тотъ обще-историческій фактъ, что крестьянинъ у насъ освобожденъ *съ землею,* остается во всей своей силѣ, но рядомъ съ нимъ становится другой весьма прискорбный фактъ, который такъ громко сталъ заявлять себя въ послѣднее время,—что вслѣдствіе высокихъ повинностей, опредѣленныхъ за надѣлы, часто далеко превышающихъ доходъ съ земли, крестьянинъ у насъ такъ обремененъ платежами, что освобожденіе съ землею уже теперь не застраховало нѣкоторыхъ нашихъ уѣздовъ отъ сельскаго пролетаріата. Сегодня мы читаемъ о нищенскомъ состояніи крестьянства въ холмскомъ уѣздѣ Псковской губерніи, завтра мы узнаемъ, на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ, что положеніе крестьянства въ суражскомъ и мглинскомъ уѣздахъ Черниговской губ. въ полномъ смыслѣ слова отчаянное; послѣ еще оказывается, что въ серпуховскомъ уѣздѣ Московской губ. оно вполнѣ безвыходное [1]). А тамъ мы читаемъ, что «предполагается назначить коммисію для изслѣдованія причинъ обѣдненія нѣкоторыхъ уѣздовъ Смоленской губерніи, пріостановивъ продажу крестьянской движимости» [2]). Въ добрый часъ! Но, можетъ быть, такое изслѣдованіе окажется не менѣе необходимымъ и въ отношеніи нѣкоторыхъ уѣздовъ другихъ губерній. Реформа, какъ бы она добросовѣстно ни была предпринята, не можетъ всего предвидѣть и, какъ дѣло рукъ человѣческихъ, не можетъ, даже при лучшихъ условіяхъ, выйти настолько совершенною, чтобы не нуждаться послѣ нѣсколькихъ лѣтъ въ изслѣдованіи на мѣстахъ, къ какимъ результатамъ она повела и въ какихъ частяхъ необходима ревизія органическаго закона. Весь вопросъ только въ томъ, чтобы не трогать при этомъ основныхъ началъ, освященныхъ уже однажды этимъ закономъ. Относительно крестьянской реформы задача такого изслѣдованія достаточно уже выяснилась. Положимъ, что бѣдственное положеніе сельскаго населенія въ холмскомъ уѣздѣ въ зна-

---

¹) Спб. Вѣдомости 1870 г. №№ 184 и 185, 250 и 261.
²) Московскія Вѣдом. 1870 г. № 200.

чительной степени объясняется мѣстнымъ складомъ земскихъ учрежденій — о членахъ тамошней земской управы назначено, какъ извѣстно, сенатомъ слѣдствіе,—но все же первоначальная причина обнищанія такихъ уѣздовъ кроется въ несоразмѣрно высокой оцѣнкѣ предоставленной крестьянамъ земли. Что крестьяне послѣ истекшаго теперь девятилѣтняго періода не обязаны держать земли и могутъ ее оставить, также могло бы считаться сколько—нибудь серьезнымъ коррективомъ лишь въ томъ случаѣ, если бы они въ подобныхъ мѣстностяхъ знали, что́ съ собой начать на сторонѣ, куда дѣваться, если бы въ виду были какіе-нибудь промыслы. Но вѣдь и въ такомъ случаѣ освобожденіе въ этихъ мѣстностяхъ становилось бы, на лучшій конецъ, безземельнымъ. Иной вопросъ, могло ли одно Положеніе 19-го февраля повести вездѣ къ одинаковому матеріальному улучшенію крестьянскаго быта безъ соотвѣтствующихъ другихъ реформъ, которыя бы ему явились на помощь, въ особенности безъ существеннаго измѣненія общей податной системы. Слѣдовало ли вообще это Положеніе считать такимъ талисманомъ, который въ состояніи обезпечить улучшеніе матеріальнаго быта крестьянства даже и тогда, когда вслѣдъ за нимъ, и уже независимо отъ высокихъ выкупныхъ платежей, стали возрастать всѣ другія подати и сборы, которыми обложено крестьянство.... Или, въ самомъ дѣлѣ, дарованная свобода отъ крѣпостной зависимости должна была на первое же время такъ увеличить податную силу крестьянства, что на нее можно было взвалить очень многое, безъ опасенія разорить крестьянское хозяйство! Намъ припоминается по этому поводу, изъ сочиненія г. Скребицкаго, одно мѣсто въ отзывахъ тѣхъ сорока членовъ губернскихъ комитетовъ такъ-наз. втораго приглашенія, которые, возражая противъ заключенія редакціонныхъ коммиссій о правѣ неполной собственности помѣщиковъ на усадьбы и отведенныя крестьянамъ въ надѣлъ земли, прекрасно разсуждали о возбужденіи крестьянской самодѣятельности, которая одна должна вполнѣ обезпечить крестьянъ: «....Для опредѣленія современной потребности общества въ обезпеченіи крестьянъ, вслѣдствіе совершаемаго преобразованія, надобно дать себѣ ясный отчетъ, какая цѣль этого преобразованія? Освобожденіе крестьянъ нужно не для того только, чтобъ они не были помѣщичьими, а для того, чтобы возбудить ихъ самостоятельную дѣятельность, въ которой они и должны найти обезпеченіе всѣхъ своихъ потребностей. Если предположить, что самостоятельная дѣятельность не можетъ обезпечить свободнаго человѣка, и нужно еще обезпеченіе чужою собственностію, то это предположеніе говорило бы противъ освобожденія крестьянъ.

Но члены думаютъ, что нѣтъ основанія показывать такую недовѣрчивость къ преимуществамъ свободнаго положенія крестьянъ; они полагаютъ, что «свободный выборъ мѣста жительства и занятій, вольный наемъ земли и свобода договоровъ о работѣ составляютъ такое обезпеченіе, какого не дастъ крестьянамъ земля помѣщика» (Т. I, стр. 159). Земля, очень высоко оцѣненная, разумѣется, не могла дать крестьянамъ такого обезпеченія. Почтенные члены забывали при томъ, что по словамъ рескриптовъ земля крестьянамъ должна была быть отведена столько же для обезпеченія ихъ быта, сколько и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ.

Чтобы не заходить слишкомъ далеко впередъ, мы должны сказать, что какія бы тяжкія послѣдствія для крестьянскаго хозяйства ни возникли въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, вслѣдствіе слишкомъ высокой оцѣнки крестьянской земли и вслѣдствіе увеличенія, послѣ освобожденія, всѣхъ другихъ податей и сборовъ, которыми обложено крестьянство, — за крестьянской реформой навсегда останется то важное значеніе, что она была единственно возможнымъ и необходимымъ началомъ всѣхъ другихъ реформъ, потому что, безъ освобожденнаго народа, всѣ другія преобразованія висѣли бы на воздухѣ, не имѣя фундамента. Кромѣ того не слѣдуетъ забывать, что самый вопросъ о другихъ реформахъ, которыя должны сопровождать освобожденіе крестьянъ, возбужденъ былъ во время работъ по крестьянскому дѣлу. Кому неизвѣстно, что въ связи съ этимъ дѣломъ впервые заявлены у насъ были мысли о необходимости мѣстнаго самоуправленія, гласнаго суда съ присяжными и о непосредственномъ подчиненіи должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства общему суду? Въ этомъ анализѣ всѣхъ сторонъ нашего гражданскаго быта, возбужденномъ трудами по освобожденію крестьянъ, заключается непреходящій интересъ крестьянскаго дѣла. Въ адрессахъ того времени прямо заявлялось, что «бытъ сословій не можетъ быть улучшенъ безъ преобразованія существующаго порядка администраціи, полиціи и суда»... Нѣкоторыя изъ заявленныхъ тогда требованій и ходатайствъ были уважены, но многому въ тогдашнихъ адрессахъ дворянства и его депутатовъ суждено было остаться въ видѣ pia desideria. Просили тогда, напр., объ образованіи уѣзднаго и губернскаго хозяйственно-распорядительнаго управленія, общаго для всѣхъ сословій и основаннаго на выборномъ началѣ, причемъ разумѣлось мѣстное представительство, поставленное въ болѣе независимое отъ мѣстной администраціи положеніе, чѣмъ въ какомъ оно находится въ земскихъ учрежденіяхъ. Любопытнымъ сим-

птомомъ тогдашняго настроенія общества было также ходатайство «о допущеніи общества, посредствомъ гласности, обнаруживать предъ высшимъ правительствомъ злоупотребленія мѣстныхъ управленій». Надежды на гласность, какъ на радикальное средство противъ всевозможныхъ общественныхъ недуговъ, были тогда вообще самыя радужныя. Но рядомъ съ этимъ шли и болѣе практическія требованія, осуществленіе которыхъ было безусловно необходимо для освобожденнаго народа. Такъ всѣ сознавали необходимость, если не вполнѣ отмѣнить, то по крайней мѣрѣ значительно облегчить паспортную систему, такъ какъ стѣснительность ея для простого народа была слишкомъ очевидна. Поэтому, уже въ 1859 г. учреждена была особая коммиссія для пересмотра устава о паспортахъ и для составленія проекта новыхъ правилъ, болѣе сообразныхъ съ предстоявшимъ измѣненіемъ быта сельскаго населенія. Какая была судьба этой коммиссіи—мы не знаемъ, но работала она вѣроятно весьма основательно, потому что обнародованіемъ своихъ трудовъ она не спѣшила. Не знаемъ также, одна и таже ли это коммиссія, изъ которой, какъ мы еще недавно читали въ газетахъ, должны наконецъ выйти нѣкоторыя облегчительныя правила о паспортахъ. Эти правила, вѣроятно, не въ очень продолжительномъ времени пройдутъ всѣ законодательные пути, которые открываются предъ трудами какой-либо коммиссіи, когда она ихъ благополучно довела до конца и когда уже предварительно закончено плавное сихъ трудовъ теченіе, въ различныя вѣдомства «на заключеніе». Тогда, конечно, число лицъ, ежедневно цѣлыми сотнями, на пространствѣ Россіи, подвергаемыхъ штрафу и заарестованію за просроченные виды и паспорты, и клянущихъ свою судьбу въ столь хорошо устроенныхъ мѣстахъ заключенія, особенно при полиціи, станетъ, нужно надѣяться, менѣе значительнымъ.

Но, независимо отъ всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые возбуждены были крестьянской реформой, въ высшей степени интересно знакомство съ самымъ способомъ совершенія этого преобразованія, съ послѣдовательнымъ ходомъ его и со всѣми тѣми обстоятельствами, отъ которыхъ реформа получала новый толчокъ, и ей не суждено было оставаться въ видѣ проекта, какъ очень долгое время надѣялись сильные противники ея. Когда совершилось крупное историческое событіе, глубоко захватившее народную жизнь, то естественно интересуешься не только тѣмъ, что́ совершено и какія цѣли достигнуты, но и тѣмъ, какъ эти цѣли выяснялись и постепенно ставились, какъ первоначально задуманное дѣло постепенно разросталось, при-

нимало все бо́льшіе размѣры, какихъ оно находило себѣ дѣятелей, и съ какими препятствіями оно должно было бороться. Эта внутренняя, такъ-сказать, интимная сторона дѣла потому въ особенности любопытна, что время и люди характеризуются не только тѣмъ, что́ они производятъ, что́ дѣлаютъ, но, можетъ быть, въ гораздо большей степени тѣмъ, *какъ* они что-либо дѣлаютъ. Точно также извѣстный историческій періодъ характеризуется не только тѣми реформами, которыя задуманы и совершены, но и самымъ способомъ, какъ онѣ совершались и потомъ въ какомъ духѣ приводились въ исполненіе. Для практической государственной жизни, разумѣется, важно только то, что́ окончательно получило силу закона и чему суждено опредѣлять житейскія отношенія. Но для интересующихся дѣлами своей родины любопытно еще знать, какими путями прошло извѣстное дѣло, каковы были орудія и средства, избранныя для осуществленія его, кому по праву принадлежитъ починъ дѣла, чье участіе въ немъ особенно важно было, кто помогалъ ему и кто его задерживалъ. По отношенію къ крестьянскому дѣлу народный инстинктъ глубоко чувствовалъ, что починъ этого дѣла вполнѣ принадлежитъ Державной Волѣ, и что ей одной слѣдуетъ воздать честь и славу, если оно, несмотря на всѣ препятствія, не останавливаясь, двигается впередъ къ своему совершенію. Но кто болѣе всего помогалъ этому дѣлу и кто ему препятствовалъ,—на этомъ, какъ и на многихъ другихъ вопросахъ и обстоятельствахъ крестьянской реформы, естественно лежитъ еще завѣса, которую только исторія въ правѣ будетъ приподнять. Достаточно сказать здѣсь, что многія любопытныя свѣдѣнія даже о второстепенныхъ подробностяхъ движенія этого дѣла, въ самую пору совершенія крестьянской реформы, были вполнѣ доступны только для посвященныхъ. Не слѣдуетъ также забывать, что послѣ краткаго періода ликованій въ началѣ этого великаго дѣла (послѣдніе мѣсяцы 1857 и первые 1858 г.), наша печать, такъ усердно принявшаяся-было за разработку всѣхъ сторонъ сложнаго вопроса и оказавшая въ этомъ отношеніи несомнѣнныя услуги видамъ правительства, навлекла на себя нареканія со стороны противниковъ реформы, будто статьи, посвященныя этому вопросу, въ состояніи произвести опасное броженіе умовъ! Съ тѣхъ поръ начались бо́льшія или ме́ньшія, смотря по обстоятельствамъ, ограниченія печати и водворилась полугласность относительно одного изъ важнѣйшихъ государственныхъ преобразованій. Естественнымъ послѣдствіемъ было то, что многія статьи и произведенія, невозможныя въ ту пору, при предварительной цензурѣ, въ домашней печати, стали появ-

ляться за границей, такъ что тамъ образовалась цѣлая литература по крестьянскому вопросу. Къ заграничной печати одинаково стали прибѣгать и друзья и враги реформы. Произведенія этой печати, весьма различныя по внутреннему ихъ достоинству, появлялись потомъ въ Россіи, ходили по рукамъ, и часто разсылались самими ихъ авторами участникамъ крестьянскаго дѣла. Обращеніе этихъ произведеній, хотя не было собственно запрещено, но все-таки оставалось въ кругу посвященныхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній особенно много заставляли говорить о себѣ потому, что служили выраженіемъ крайнихъ стремленій той партіи, съ которой реформа должна была бороться, или прямо разсчитаны были на скандалъ. Къ этой категоріи принадлежатъ прежде всего произведенія авторовъ-крѣпостниковъ, какъ напр. брошюра «русскаго магистра законовѣдѣнія Н. Безобразова объ усовершеніи узаконеній, касающихся до вотчинныхъ правъ дворянства», или напечатанное въ Парижѣ, по французски, письмо члена одного изъ губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу къ предсѣдателю редакціонныхъ коммиссій г.-ад. Ростовцеву. Авторомъ этого письма [1]) нѣкоторые считали одного изъ богатѣйшихъ русскихъ землевладѣльцевъ, извѣстнаго впослѣдствіи оратора нѣкоторыхъ дворянскихъ и другихъ собраній, гр. Орлова-Давыдова, нигдѣ не возражавшаго, сколько намъ извѣстно, противъ этого авторства. Въ письмѣ этомъ наивно доказывалось, что вся задача редакціонныхъ коммиссій должна бы ограничиваться сведеніемъ во-едино предположеній губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу, но не начертаніемъ общихъ началъ освобожденія крестьянъ, и что самая инициатива этого освобожденія принадлежитъ дворянству. Въ послѣднемъ обстоятельствѣ, т.-е. относительно инициативы, конечно, тѣмъ менѣе позволено сомнѣваться, что и большая часть оффиціальныхъ актовъ того времени подтверждали это убѣжденіе, или по крайней мѣрѣ принимали его за исходный пунктъ и безспорное предположеніе...

II.

За границей же въ Лейпцигѣ появилась брошюра, которую приписывали рязанскому депутату Кошелеву: «Депутаты и редакціонныя коммиссіи по крестьянскому дѣлу». Мы не имѣемъ

---

[1]) Lettre d'un député de Comité à M. le Président de la Commission de rédaction, aide-de-camp général Rostovtzeff. Par. 1859.

повода передавать здѣсь содержаніе этой брошюры, служившей «злобѣ дня», или подвергать ее, послѣ многихъ лѣтъ, критическому разбору; но такъ какъ она затрогиваетъ одинъ изъ наиболѣе любопытныхъ эпизодовъ въ исторіи крестьянскаго дѣла, то не можемъ, упомянувъ о ней, не остановиться нѣсколько на этомъ эпизодѣ. Брошюра эта въ дѣйствительности касалась самаго больного мѣста крестьянской реформы. По первоначальному плану, оффиціально утвержденному, каждый изъ губернскихъ комитетовъ, разработывавшихъ мѣстные проекты положеній объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, долженъ былъ избрать изъ среды своей двухъ депутатовъ для представленія высшему правительству всѣхъ тѣхъ свѣдѣній и объясненій, которыя оно признаетъ нужнымъ имѣть при окончательномъ обсужденіи и разсмотрѣніи каждаго проекта. Къ концу мая 1859 г. работы редакціонныхъ коммиссій, по отдѣленіямъ, настолько уже подвинулись, что можно было приступить къ разсмотрѣнію ихъ въ общемъ присутствіи коммиссій. На это потребовалось тридцать три засѣданія, послѣднее изъ которыхъ было 5-го сентября. Этимъ заключался первый періодъ работъ редакціонныхъ коммиссій, такъ какъ второй долженъ былъ быть посвященъ пересмотру работъ по замѣчаніямъ, сдѣланнымъ депутатами губ. комитетовъ. Къ концу августа 1859 г. начали съѣзжаться въ Петербургъ депутаты губ. комитетовъ т.-н. перваго приглашенія. Они не безъ основанія ждали и желали участія при общемъ, законодательномъ разсмотрѣніи крестьянскихъ положеній. Въ этихъ ожиданіяхъ, конечно, не было ничего чрезмѣрнаго, особенно если принять въ разсчетъ, что для крестьянскаго дѣла, еслибы оно, положимъ, разрѣшалось въ XVII-мъ стол., навѣрное созванъ былъ бы «для великаго государева и земскаго дѣла», какъ бы тогда вѣроятно выразились, земскій соборъ изъ представителей всѣхъ сословій и на немъ присутствовали бы не только выборные отъ дворянъ, но и отъ крестьянъ. А еслибы эта реформа совершилась въ XVIII-мъ вѣкѣ, то по примѣру коммиссіи о сочиненіи Уложенія, дѣло также не обошлось бы, конечно, безъ депутатовъ отъ сословій. Очень можетъ быть, что бродившія уже въ періодъ нашей крестьянской реформы въ немногихъ головахъ идеи о selfgovernment'ѣ посредствомъ большой собственности, — идеи, имѣвшія своимъ органомъ одно время «Московскія Вѣдомости», потомъ покойную «Вѣсть» и вывѣтрившіяся теперь уже въ одно десятилѣтіе — воспользовались бы случаемъ, чтобы въ собраніи, созванномъ по историческимъ обычаямъ, заявить себя съ нѣкоторымъ краснорѣчіемъ. Бѣды отъ того, во всякомъ случаѣ, большой не было бы и, при предварительной подготовкѣ вопросовъ, кра-

сnорѣчіе этого рода вѣроятно скоро испарилось бы и уступило бы мѣсто толковому занятію дѣломъ.

Но зачѣмъ, могутъ намъ возразить, непремѣнно пускаться въ различныя гадательныя предположенія, когда реформа и притомъ способѣ разрѣшенія ея, которому слѣдовали, привела къ болѣе или менѣе удовлетворительнымъ результатамъ? — На это возраженіе мы должны сказать, что каково бы ни было направленіе большинства депутатовъ губернскихъ комитетовъ, какъ бы несправедливы ни были ихъ жалобы и нареканія на редакціонныя коммиссіи, но вопросы, которыми ихъ заняли по пріѣздѣ ихъ въ Петербургъ, были дѣйствительно такого свойства, что многіе ихъ приняли и только могли принять за злую иронію. Ихъ именно попросили изложить письменно свои соображенія: о мѣрахъ къ охраненію владѣльческихъ лѣсовъ, о порядкѣ заключенія условій по найму вольныхъ рабочихъ, о межевыхъ средствахъ, о сельскихъ хлѣбныхъ магазинахъ, о взаимномъ страхованіи и о нѣкоторыхъ другихъ такихъ же предметахъ, стоящихъ по важности для исхода цѣлой реформы чуть не на десятомъ планѣ. Чѣмъ больше современемъ исторія воздастъ редакціоннымъ коммиссіямъ по трудамъ ихъ, тѣмъ менѣе этотъ любопытный эпизодъ въ исторіи цѣлаго дѣла,—достаточно обезображенный въ свое время извѣстною запискою противъ редакціонныхъ коммиссій, за которую авторъ ея былъ уволенъ отъ службы—можно будетъ обойти безъ выводовъ и умозаключеній, едва ли очень выгодныхъ для извѣстнаго сорта либерализма. Какъ бы радикально мы ни расходились въ мнѣніяхъ по извѣстному дѣлу, но если это дѣло общественное и мы призваны къ участію въ немъ, то долгъ справедливости столько же, сколько самая простая политическая честность, кажется, требуютъ того, чтобы мы не оттирали отъ этого дѣла тѣхъ, которые думаютъ о немъ иначе, чѣмъ мы, но имѣютъ право участія въ немъ, во всякомъ случаѣ, не менѣе нашего. На фактическихъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ ходъ крестьянскаго дѣла, и даже не имѣвшихъ первостепенной политической важности, до сихъ поръ все еще лежитъ какая-то завѣса, и потому трудно понять вполнѣ, какая необходимость заставила поставить депутатовъ въ то положеніе, въ которое они были поставлены по пріѣздѣ ихъ въ Петербургъ, и на которое всѣ они жаловались, а не только депутаты или члены губ. комитетовъ, бывшіе по мнѣніямъ своимъ солидарными съ дѣйств. ст. сов. Мих. Безобразовымъ. Вѣдь словомъ «крѣпостники» вопросъ тутъ также мало разрѣшался, какъ и словомъ «бюрократы», обращеннымъ въ противоположный лагерь, хотя каждое изъ этихъ названій довольно вѣрно

опредѣляло по крайней мѣрѣ господствующее направленіе на той и другой сторонѣ.

Со стороны же дѣло представляется въ такомъ видѣ. Положимъ, что всѣ депутаты до единаго заражены были крѣпостническими тенденціями—въ дѣйствительности этого далеко не было и меньшинства комитетовъ нельзя въ томъ обвинять — и что такъ какъ депутаты отъ другого заинтересованнаго сословія, отъ крестьянскаго, не вызывались и не допускались къ участію въ дѣлѣ, то уже государственный интересъ, интересъ справедливаго разрѣшенія дѣла для обоихъ сословій требовалъ того, чтобы удерживать губернскихъ депутатовъ на почтенной дистанціи отъ дѣла, которому они могли бы только повредить. Но и въ такомъ случаѣ нельзя не замѣтить, что не всѣ способы, которыми достигается извѣстная цѣль, одинаково хороши. Въ періодъ начинаній и борьбы, и послѣ, въ первую минуту по достиженіи цѣли, объ этомъ обыкновенно не справляются. Но нѣсколько позже очень позволителенъ вопросъ: коммиссіонный способъ разрѣшенія великихъ законодательныхъ и государственныхъ вопросовъ долженъ ли облекаться въ канцелярскія формы, или онъ можетъ только выиграть отъ возможно бо̀льшаго призыва и серьезнаго участія въ немъ представителей общественной среды? Но если эта общественная среда положительно враждебно настроена къ предпринимаемому преобразованію, то не значитъ ли компрометтировать это преобразованіе допущеніемъ къ участію въ немъ людей, желающихъ свести его на самые мизерные размѣры? Не слѣдуетъ прежде всего забывать, что участіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, имѣетъ, при коммиссіонномъ способѣ законодательства, чисто совѣщательный характеръ. Въ дѣйствительности коммиссіи, работая надъ проектомъ закона, сами не обращаютъ своихъ постановленій, принятыхъ по большинству голосовъ, въ законъ. Когда проектъ выйдетъ изъ этого подготовительнаго періода, то законодательная власть можетъ окончательно согласиться еще съ меньшинствомъ коммиссіи, если на сторонѣ этого меньшинства будутъ болѣе разумныя основанія. Болѣе или менѣе обработанный проектъ закона или положенія — вотъ все, что можетъ выходить изъ редакціонныхъ коммиссій. Въ чемъ же допущеніе къ участію въ совѣщаніяхъ людей съ наиболѣе враждебными реформѣ мнѣніями,—въ періодъ даже окончательныхъ соображеній коммиссіи,—можетъ серьезно испортить, компрометтировать дѣло? Кромѣ того, съ отвлеченно-легальной точки зрѣнія можно еще возразить, что очень многое зависитъ отъ самаго выбора представителей общественной среды. Въ дѣйствительности нельзя разсчитывать, чтобы наиболѣе заинтересован-

ные въ стоящемъ на очереди вопросѣ, въ большинствѣ своемъ относились къ нему иначе, чѣмъ съ точки зрѣнія односторонних своихъ интересовъ. Но свойство общегосударственныхъ вопросовъ, интересующихъ цѣлое общество, цѣлую страну, обыкновенно таково, что представители исключительныхъ сословныхъ привилегій остаются въ большинствѣ только до тѣхъ поръ, пока ихъ привилегированная среда одна и признается тожественною съ общественной средой.

Мы не имѣемъ однако рѣшительно никакой причины вполнѣ довольствоваться здѣсь этою отвлеченно-легальною точкою зрѣнія. Посмотримъ, какъ дѣло происходило въ дѣйствительности. Депутаты отъ губернскихъ комитетовъ могли, очевидно, держаться по вопросамъ, разработаннымъ въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, того самаго направленія, въ которомъ дѣйствовали ихъ комитеты, и выражаться въ ихъ же духѣ. Мнѣнія же, выраженныя въ комитетахъ и воспроизведенныя теперь въ сочиненіи г. Скребицкаго, были раздѣлены въ одной оффиціальной запискѣ того времени, составленной въ концѣ іюля 1859 г., когда почти всѣ губ. комитеты окончили уже свои работы, на три категоріи. Къ первой отнесено большинство комитетовъ, мало сочувствовавшихъ освобожденію и въ сущности желавшихъ сохраненія крѣпостного права. Во главѣ ихъ стоитъ комитетъ московскій, за нимъ слѣдуютъ въ этой категоріи комитеты: воронежскій, черниговскій, курскій, костромской и другіе. Ко второй категоріи отнесены были комитеты, въ которыхъ, какъ напр. въ с.-петербургскомъ, «допускали личное освобожденіе крестьянъ, но съ сохраненіемъ за дворянствомъ полнаго права на землю, вотчинныхъ правъ надъ крестьянами и исключительнаго первенства дворянства надъ прочими сословіями». Здѣсь, какъ извѣстно, господствовали противники «средняго рода» людей. Наконецъ, третью категорію составляли комитеты, желавшіе дѣйствительнаго освобожденія крестьянъ и сочувствовавшіе въ этомъ отношеніи видамъ верховной власти не на словахъ только. Таковы были комитеты тверской и харьковской и меньшинства комитетовъ самарскаго, тульскаго, нижегородскаго и нѣкоторыхъ другихъ [1]). Въ меньшинствѣ различныхъ губерн. комитетовъ обнаружилось много хорошихъ силъ. Нѣкоторыя изъ нихъ вошли въ составъ самихъ редакціонныхъ коммиссій. Но къ этой же 3-й и послѣдней категоріи принадлежали и такіе депутаты, которые, какъ впослѣдствіи оказалось, по нѣкоторымъ довольно существеннымъ вопросамъ находили правила, предположенныя

---

[1]) Матеріалы для ист. упраздненія крѣп. сост. Т. I, стр. 316.

редакціонными коммиссіями, слишкомъ односторонне направленными къ огражденію выгодъ однихъ только помѣщиковъ [1]). Спрашивается, какою опасностію дѣлу могли угрожать общія совѣщанія депутатовъ этихъ комитетовъ, по прибытіи ихъ въ Петербургъ, такъ какъ въ запрещеніи имъ такихъ совокупныхъ оффиціальныхъ совѣщаній депутаты видѣли, справедливо или нѣтъ, прямую махинацію редакціонныхъ коммиссій и горько на нее жаловались? Проекты комитетовъ были уже закончены и достаточно извѣстны, и отъ такого или другого способа совѣщанія депутатовъ, проекты эти не могли пріобрѣсти никакого другого значенія, чѣмъ то, которое они въ дѣйствительности имѣли и могли лишь имѣть, т.-е. матеріаловъ, болѣе или менѣе пригодныхъ при соображеніи общихъ для всего государства началъ освобожденія, но въ сущности очень мало обязательныхъ для законодательной власти. Или депутаты эти, при общихъ совѣщаніяхъ, могли бы явиться силою, серьезно препятствующею успѣшному совершенію реформы? Чтобы допустить это, требуется нѣсколько смѣлая фантазія. Кромѣ того, хотя депутаты отъ комитетовъ, дѣйствительно желавшихъ реформу, были въ меньшинствѣ, но отчего же непремѣнно полагать, что при совокупныхъ совѣщаніяхъ они не имѣли бы никакого вліянія на остальныхъ членовъ и ихъ убѣжденія остались бы гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.... Всѣхъ же ихъ лучше вовсе не нужно было вызывать въ Петербургъ—этого мнѣнія держались нѣкоторые изъ нихъ— чѣмъ занимать ихъ здѣсь письменными соображеніями о межевыхъ средствахъ и заставлять давать, опять-таки письменно и въ одиночку, отзывы на труды редакціонныхъ коммиссій, также не бывшіе еще ничѣмъ законченнымъ, или даже иногда, формы ради, приглашать ихъ въ общее присутствіе этихъ коммиссій для словесныхъ объясненій. Эти словесныя объясненія происходили, по описанію автора брошюры о депутатахъ, такимъ образомъ, что «приглашали по три, по четыре и болѣе депутатовъ; съ ними диспутовали члены редакціонной коммиссіи, по назначенію предсѣдателя. Эти диспуты не имѣли никакого результата и только доставляли въ журналы общаго присутствія статьи слѣдующаго содержанія: «Въ настоящемъ засѣданіи общее присутствіе редакціонныхъ коммиссій, на основаніи высочайше данной 11-го августа инструкціи, имѣло совѣщанія съ нѣкоторыми изъ находящихся въ С.-Петербургѣ членовъ губернскихъ комитетовъ, которые изъявили желаніе предложить лично

---

[1]) См. напр. Скребицкаго т. II. стр. 394, по вопросу объ отводѣ и обмѣнѣ земель.

вопросы по содержанію нѣкоторыхъ докладовъ отдѣленій коммиссіи. Возбужденные въ семъ засѣданіи вопросы были обсуждены коммиссіями совокупно съ означенными членами, и представленныя разъясненія будутъ приняты въ соображеніе при дальнѣйшихъ работахъ редакціонныхъ коммиссій». Съ прискорбіемъ должны мы сознаться, что каждое слово въ вышеприведенной нами статьѣ совершенно ложно. Во-1-хъ, весьма немногіе депутаты изъявили желаніе совѣщаться съ редакціонною коммиссіею, потому что знали безполезность этихъ бесѣдъ, не оставлявшихъ по себѣ никакихъ слѣдовъ; большая часть членовъ были вызваны ею самою, единственно во исполненіе 7-го пункта инструкціи. Члены редакціонныхъ коммиссій, ex officio, предлагали вопросы, избирая самые немудреные, опасаясь, чтобы не завязалось изъ того настоящаго пренія. Депутаты, убѣжденные, что призываютъ ихъ только ради исполненія формальности, отвѣчали также какъ возможно короче, и общее присутствіе спѣшило закончить засѣданія, которыхъ безполезность была всѣми одинаково сознаваема» и т. д. Удивительно ли, что авторъ брошюры все это называетъ «бюрократическою продѣлкою?»

Во всякомъ случаѣ намъ кажется, что это была просто комедія очень двусмысленнаго содержанія, вставленная въ серьезное дѣло. Всего курьезнѣе то, что авторъ «Матеріаловъ», на которые мы сослались, опровергая приведенный отзывъ о сношеніяхъ редакціонныхъ коммиссій съ депутатами и называя все это чрезвычайно преувеличеннымъ, говоритъ: «Члены редакціонной коммиссіи, а особенно предсѣдатель, вели себя въ отношеніи депутатовъ весьма учтиво (еще бы!) и осторожно. Ростовцевъ даже не разъ обвинялся своими сотрудниками въ *послабленіи*. Вообще онъ, повидимому, боялся депутатовъ, приписывая имъ слишкомъ большое значеніе» [1]). Не забудемъ, что авторъ этихъ матеріаловъ старается доказать, что отношенія редакц. коммиссій къ депутатамъ были вполнѣ безупречны и не имѣли въ себѣ ничего бюрократически-отталкивающаго. Спрашивается, какого же свойства было это *обвиненіе въ послабленіи*?..

Намъ кажется, что чѣмъ важнѣе стоящій на очереди вопросъ, тѣмъ большій вредъ можетъ произойти отъ одного только мнимаго участія въ немъ людей, такъ или иначе къ нему призванныхъ. Мнѣнія, которыя почему либо подавляются и въ періодъ совѣщаній по законодательному дѣлу могутъ находить себѣ мѣ-

[1]) Матеріалы. Vol. II с. 145.

сто только въ подаваемыхъ бумагахъ, и потому съ тѣмъ большимъ упорствомъ распространяются на сторонѣ, — загоняются внутрь, скопляются, и послѣ, когда дѣло видимо торжествуетъ, засоряютъ его. А со стороны кажется совершенно непонятнымъ, откуда именно въ то время, когда дѣло восторжествовало и начинается приведеніе его въ исполненіе, выползаютъ противъ него изъ-за угловъ разные реакціонные гады! Въ періодъ исполненія, канцелярскій способъ, которому при совершеніи соціальной реформы слѣдовали, положимъ даже во имя прогрессивныхъ началъ, сказывается обыкновенно страшною пустотой, окружающею дѣло, какою-то изолированностью его, т.-е. именно отсутствіемъ живыхъ силъ, съ которыми ранѣе слѣдовало считаться, и которыя, еслибы не были оттолкнуты, служили бы дѣлу. Другое еще соображеніе. Какъ знать, еслибы въ періодъ редакціонныхъ коммиссій депутатовъ занимали не одними вопросами о межевыхъ средствахъ и сельскихъ хлѣбныхъ магазинахъ, то можетъ быть въ послѣдующихъ періодахъ крестьянскаго дѣла труды этихъ коммиссій подверглись бы меньшимъ исправленіямъ — мнѣнія, устраненныя въ одномъ періодѣ, обыкновенно вербуютъ себѣ сторонниковъ въ другомъ періодѣ законодательной дѣятельности,—такъ что результаты вышли бы одни и тѣже, не лучшіе, но едвали и худшіе, а въ странѣ нѣсколько болѣе укрѣпился бы добрый обычай не разрѣшать весьма важнаго вопроса народной жизни безъ дѣйствительнаго, а не мнимаго только участія представителей общественной среды. Теперь же дѣло представляется такъ: крестьянскіе надѣлы оказались въ очень многихъ мѣстахъ несоразмѣрно высоко оцѣненными. Кому же приписать эту высокую оцѣнку? Труды редакціонныхъ коммиссій имѣли своими источниками и матеріалами проекты губернскихъ комитетовъ, но въ свою очередь не могли составить окончательно готовое Положеніе и подверглись нѣкоторымъ, болѣе или менѣе существеннымъ измѣненіямъ и исправленіямъ при послѣдующемъ законодательномъ пересмотрѣ. А такъ какъ депутаты, которыхъ занимали вопросами о межевыхъ средствахъ и взаимномъ страхованіи, утверждали, что редакціонныя коммиссіи ихъ именно потому и устранили отъ всякаго дѣйствительнаго участія въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, чтобы рѣшить его исключительно въ интересѣ крестьянъ, то и выходитъ какъ будто, что несоразмѣрно высокая оцѣнка крестьянскихъ надѣловъ есть въ высшей степени либеральное дѣло редакціонныхъ коммиссій, многихъ членовъ которыхъ крѣпостническая партія въ свое время прокричала красными! Да съ точки зрѣнія этой партіи, всякое сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно ли эти надѣлы по ихъ оцѣнкѣ таковы, чтобы могли

обезпечить быть крестьянъ — это было самымъ первымъ условіемъ крестьянской реформы — устраняется просто тѣмъ, что вѣдь правила объ этихъ надѣлахъ и о повинностяхъ за нихъ установлены тѣми же редакціонными коммиссіями, значитъ, они должны быть выгодны для крестьянъ...

III.

Утверждая, что въ самую горячую пору разрѣшенія крестьянскаго дѣла, дѣйствительный ходъ его былъ извѣстенъ, по-крайней мѣрѣ въ подробностяхъ, только въ кругу лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ этомъ дѣлѣ, мы имѣли случай ссылаться на вышедшіе въ Берлинѣ лѣтъ десять тому назадъ «Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи» и должны были показать, по поводу послабленія, оказаннаго г.-ад. Ростовцевымъ членамъ губ. комитетовъ, какова точка зрѣнія автора этихъ матеріаловъ и можно ли ее вполнѣ раздѣлять. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ эти материалы весьма важнымъ источникомъ и пособіемъ при изученіи крестьянскаго дѣла. Три части этого изданія обнимаютъ весь ходъ крестьянскаго дѣла, со времени первыхъ предположеній о реформѣ и до окончательнаго ея совершенія, съ 1855 по 1861 г. Матеріалы эти собраны прежде всего въ защиту редакціонныхъ коммиссій отъ всевозможныхъ клеветъ, щедро на нихъ сыпавшихся, и заключаютъ въ себѣ въ большой полнотѣ всю анекдотическую часть дѣла. Мы не знаемъ ничего лучшаго этихъ матеріаловъ для перваго знакомства съ эпохой освобожденія. Исторія, конечно, не довольствуется апологіей и имѣетъ обыкновеніе переставлять нѣсколько точки зрѣнія на дѣла и дѣятелей, — и стремленія, которыя казались въ данную минуту геркулесовыми столбами либерализма, повѣряемыя практическими результатами, достигнутыми post factum, оказываются иногда далеко позади самыхъ скромныхъ требованій общественной справедливости. Но достоинство такихъ изданій, какъ «Матеріалы», заключается именно въ томъ, что сохраняя память о тѣхъ препятствіяхъ и затрудненіяхъ, которыя лежали въ обстоятельствахъ и людяхъ, и съ которыми дѣло должно было бороться, объясняютъ, съ какимъ трудомъ могли быть достигнуты и тѣ результаты, которые достигнуты. Относительно крестьянскаго дѣла это особенно слѣдуетъ не упускать изъ виду.

Черезъ всѣ фазисы освобожденія проходитъ одна характеристическая черта. Какъ ни радикально было преобразованіе, но оно на

видъ вовсе не должно было казаться такимъ. Тщательно избѣгали въ началѣ на оффиціальномъ языкѣ даже самаго выраженія «освобожденіе крестьянъ» и ему предпочтено было, какъ извѣстно, «улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ.» Когда стали употреблять первое выраженіе, то это уже означало рѣшительный поворотъ въ крестьянскомъ вопросѣ. Но и послѣ идея освобожденія, даже когда стало несомнѣнно, что правительство твердо за нее стоитъ, выражалась не только не торжественно, открыто, но въ болѣе, чѣмъ скромномъ видѣ, показывала себя какъ будто украдкой и должна была все еще прокладывать себѣ дорогу черезъ цѣлый міръ противорѣчій и пошлостей. И если въ исторіи человѣческихъ дѣлъ любопытны и глубоко поучительны тѣ моменты, когда новая идея, которой суждено преобразить гражданскій бытъ народа, является сначала какъ нравственное требованіе меньшинства, но постепенно охватываетъ всѣ общественные слои и наконецъ смѣло и открыто выступаетъ въ лицѣ своихъ поборниковъ, твердо держащихъ свое знамя, — то иного рода интересъ вызывается въ томъ случаѣ, когда великое дѣло должно совершиться такъ, чтобы какъ можно менѣе замѣтили, что оно дѣйствительно великое...

Человѣческое общество такъ создано, что въ немъ всегда найдутся люди, которые мысль о всякомъ дѣйствительномъ улучшеніи, если не считаютъ опаснымъ нововведеніемъ, то признаютъ полезною только тогда, когда она будетъ настолько урѣзана и сжата, оговорена и обезцвѣчена, что изъ первоначальнаго содержанія ея въ ней очень мало что останется. Такіе люди не считаютъ себя собственно противниками прогрессивнаго развитія общества, но только желали бы, чтобы это развитіе совершалось какъ можно болѣе на маниловскій манеръ. Рядомъ съ ними и какъ бы въ дополненіе къ нимъ необходимо являются другіе съ такими же предложеніями обществу реформъ, какія Кочкаревъ дѣлалъ у Гоголя пріятелю своему Подколесину на счетъ женитьбы: «Только не конфузься: я тебя женю такъ, что ты и не услышишь!» Тому быту, на почвѣ котораго выросли наши гоголевскіе типы, всѣ эти Чичиковы, Собакевичи, Ноздревы и Плюшкины, крестьянская реформа наносила смертельный ударъ. Развѣ могли они не завопить къ небу, что послѣднія времена пришли, что ихъ обираютъ и грабятъ, что надъ ними сочиняютъ споліацію... Что кричали они это,—то было совершенно въ порядкѣ вещей. Но ихъ голосовъ было такъ много, кричали они такъ громко и такъ заглушали въ общемъ хорѣ всѣ другіе голоса, что въ борьбѣ съ ними крестьянская реформа должна была поступиться всѣми тѣми яркими, лучезарными чер-

тами, какія свойственны бываютъ великимъ историческимъ событіямъ, и принять, подъ нашимъ петербургскимъ небомъ, какъ можно болѣе буднишній видъ.

IV.

Обращаясь къ труду г. Скребицкаго, невольно испытываешь нѣкоторый священный ужасъ и спрашиваешь себя, зачѣмъ трудъ этотъ вообще такъ громаденъ и не превышаетъ ли объемъ его дѣйствительной потребности читающей публики въ ознакомленіи съ крестьянскимъ дѣломъ? Четыре толстыхъ тома, изъ которыхъ второй въ двухъ книгахъ и которыя вмѣстѣ заключаютъ въ себѣ слишкомъ 7,000 страницъ, конечно, предназначены не для легкаго чтенія, а для изученія крестьянскаго дѣла. Мы думаемъ однако, что самой большой несправедливостью, которая могла бы быть сдѣлана этому труду, на основаніи одной его обширности, было бы счесть его компиляціей, заключающей въ себѣ одинъ сырой, неразработанный матеріалъ. Сочиненіе это прежде всего вполнѣ замѣняетъ собою восьмнадцать томовъ матеріаловъ редакціонныхъ коммиссій и приложеній къ онымъ. Изъ этого уже видно, что трудъ г. Скребицкаго есть нѣчто иное, чѣмъ простая перепечатка этихъ матеріаловъ. Если въ свое время журналы и труды этихъ коммиссій печатались въ значительномъ количествѣ экземпляровъ и разсылались по губерніямъ, преимущественно къ властямъ и предводителямъ дворянства — что́, какъ извѣстно, г. Мих. Безобразовъ съ К° считали вредною для народа пропагандою и обѣщаніемъ отдать толпѣ на добычу чужую собственность, — то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ настоящее время полные экземпляры этихъ матеріаловъ были такою общедоступною вещью. Не нужно именно забывать, что нѣкоторые томы трудовъ коммиссіи вовсе не проникли въ публику. Но источникомъ несравненно болѣе рѣдкимъ, который однако также исчерпанъ г. Скребицкимъ, слѣдуетъ считать въ настоящее время отзывы членовъ губернскихъ комитетовъ, въ четырехъ томахъ. Эти отзывы составляютъ теперь чуть не библіографическую рѣдкость, — по простой причинѣ, что печатались они въ довольно ограниченномъ, и даже — послѣ смерти генералъ-адъютанта Ростовцева — въ меньшемъ числѣ экземпляровъ, чѣмъ было разрѣшено, а въ продажу вовсе не поступали.

Когда имѣешь предъ собою сочиненіе подобныхъ размѣровъ, то съ самаго начала, чтобы сколько-нибудь оріентироваться въ немъ, необходимо уяснить себѣ общій его планъ и попытаться

найти мысль, связывающую отдѣльныя его части. Можетъ быть, открывъ ее, мы менѣе будемъ удивляться этимъ размѣрамъ, а убѣдимся, что они обусловливались самымъ предметомъ, которому посвященъ трудъ.

Крестьянская реформа должна была разрѣшить три главныя задачи: дарованіе личныхъ правъ крестьянамъ, обезпеченіе хозяйственнаго ихъ быта и устройство общественнаго ихъ управленія. Такъ ставились и формулировались эти задачи на оффиціальномъ языкѣ того времени, — крайне сдержанномъ и осторожномъ, избѣгавшемъ, даже при надѣленіи крестьянъ землею, говорить о поземельныхъ правахъ крестьянъ и предпочитавшемъ выраженіе—обезпеченіе хозяйственнаго ихъ быта. Въ виду этихъ задачъ, и всѣ вопросы, входившіе въ составъ крестьянскаго дѣла, были или *юридическіе*, къ которымъ относилось опредѣленіе личныхъ и имущественныхъ правъ крестьянъ, а также поземельныхъ правъ помѣщика, или *административные* — о внутреннемъ устройствѣ крестьянскихъ обществъ, объ отношеніяхъ ихъ къ помѣщикамъ и мѣстнымъ властямъ и объ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ, или наконецъ *хозяйственные*, обнимавшіе всѣ поземельныя отношенія крестьянъ, т.-е. вопросы объ усадьбахъ, надѣлѣ, повинностяхъ и выкупѣ. По этимъ, вытекавшимъ изъ существа дѣла вопросамъ, требовавшимъ разработки, и редакціонныя коммиссіи — на одну изъ нихъ, какъ извѣстно, возложено было составленіе проектовъ общихъ положеній, а на другую положеній мѣстныхъ, которыя должны быть примѣнены къ особенностямъ каждой мѣстности—подраздѣлились на отдѣленія юридическое, административное и хозяйственное. Сообразно съ этимъ и трудъ г. Скребицкаго, сосредоточенный на матеріалахъ редакціонныхъ коммиссій, обнимаетъ въ первомъ томѣ,—вслѣдъ за обширнымъ введеніемъ, посвященнымъ самому ходу работъ по крестьянскому дѣлу со времени перваго достопамятнаго рескрипта отъ 20-го ноября 1857 г. на имя виленскаго генералъ-губернатора Назимова — отдѣлы юридическій и административный. По существу реформы, имѣвшей преобладающее экономическое значеніе, хозяйственному отдѣлу посвящены два наиболѣе обширныхъ тома: второй—о надѣлѣ, объ усадьбахъ и размѣрѣ надѣла, и третій — о повинностяхъ крестьянъ въ пользу помѣщика, за полученную въ надѣлъ землю,—повинностяхъ натуральныхъ и денежныхъ, а также и о другихъ, лежащихъ на крестьянахъ повинностяхъ,—казенныхъ, мірскихъ и рекрутской. Наконецъ, четвертый томъ трактуетъ объ устройствѣ быта дворовыхъ людей, о выкупѣ крестьянами поземельныхъ угодій, о порядкѣ введенія въ дѣйствіе крестьянскаго положенія, а также

объ особыхъ видахъ крѣпостного права, именно о крестьянахъ, отбывающихъ обязательныя работы при помѣщичьихъ фабрикахъ, горныхъ заводахъ и соляныхъ промыслахъ, и объ особыхъ правилахъ освобожденія для Земли Войска Донского, для Ставропольской губерніи, для Бессарабской области и для Сибири. Здѣсь же идетъ рѣчь и о мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ, представлявшихъ не послѣдній интересъ въ цѣломъ крестьянскомъ дѣлѣ, если вспомнить, что изъ общаго числа отдѣльныхъ помѣщичьихъ владѣній въ Россіи, которое въ періодъ освобожденія простиралось до 103 т., почти половина имѣній, именно 43 т. заключали въ себѣ, каждое, менѣе 21 души. Наконецъ изъ заключительныхъ главъ четвертаго тома, нельзя не указать еще на двѣ главы, имѣющія особый интересъ, изъ которыхъ одна содержитъ общія замѣчанія членовъ губернскихъ комитетовъ на труды редакціонныхъ коммиссій—члены всѣ въ длинномъ спискѣ поименно названы и являются каждый съ своимъ особымъ, болѣе или менѣе пространнымъ мнѣніемъ (с. 774—890),—а другая заключаетъ въ себѣ отзывы такихъ, впрочемъ всего трехъ членовъ редакціонныхъ коммиссій, которые въ самой средѣ ихъ являлись защитниками исключительныхъ помѣщичьихъ интересовъ и которые были въ разногласіи съ остальными членами не по отдѣльнымъ какимъ-либо вопросамъ, а относительно общаго направленія работъ.

Упомянувъ о томъ, что члены губернскихъ комитетовъ всѣ поименно здѣсь названы, мы должны прибавить, что этого же самаго правила г. Скребицкій держался и вездѣ въ своемъ сочиненіи. Отдѣльныхъ мнѣній и отзывовъ приведено у него столько, что списки однихъ именъ авторовъ ихъ занимаютъ въ заглавныхъ листахъ цѣлыя страницы. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, историческій комментарій на Положеніе 19-го февраля, отражающій все разнообразіе мнѣній, высказанныхъ о предстоявшей реформѣ людьми изъ разныхъ концовъ Россіи. Это живое свидѣтельство о томъ, какъ смотрѣла на освобожденіе по крайней мѣрѣ одна заинтересованная въ немъ сторона, имѣвшая возможность формулировать свои мнѣнія. Помѣщичья Россія, когда пришли ея послѣдніе дни, высказалась здѣсь съ достаточною откровенностью. Это была ея лебединая пѣснь, печально замиравшая среди новыхъ государственныхъ требованій. И такъ какъ освобожденіе, въ какую бы форму оно окончательно ни установилось, затрогивало всѣ основы гражданскаго быта, то въ мнѣніяхъ и соображеніяхъ о новомъ устройствѣ крестьянскаго сословія сквозятъ часто нелишенныя интереса общія понятія и мысли о гражданской жизни, какъ онѣ сложились въ большинствѣ цѣ-

лымъ порядкомъ вещей, который и отстаивался этимъ большинствомъ. Что можетъ быть, напримѣръ, интереснѣе слѣдующей политической философіи одного изъ дѣятелей по крестьянскому вопросу, обнаруживающей, какъ намъ кажется, положительное знакомство этого дѣятеля съ ученіемъ Жанъ-Жака Руссо объ общественномъ договорѣ, но только примѣненномъ къ крѣпостному праву и приводимомъ въ защиту безземельнаго освобожденія крестьянъ: «...нѣкогда государство, въ видахъ болѣе прочнаго для себя устройства, создало законъ, которымъ установило такъ-называемое крѣпостное право, то-есть: споліировало въ свою пользу право гражданской свободы народа. Если теперь оно, въ подражаніе тому времени, создастъ новый законъ, по которому предоставлено будетъ административной власти произвольное распредѣленіе поземельнаго владѣнія, то оно споліируетъ право собственности землевладѣльцевъ, и уже не въ пользу свою, а въ пользу частную. Тогда *по необходимости* оно поколебало понятіе о правѣ личности и свободы гражданской; теперь *безнужно* потрясетъ понятіе о правѣ собственности». (Т. I, с. 151). Это вмѣстѣ съ тѣмъ любопытный образчикъ логики крѣпостного права: государство споліировало гражданскую свободу народа въ свою пользу, а не въ пользу помѣщиковъ, если же теперь крестьяне будутъ надѣлены землею, на которой они жили и которая, до закрѣпощенія ихъ, принадлежала государству, то этимъ самимъ государство споліируетъ право собственности землевладѣльцевъ даже не въ свою пользу, а въ пользу частную. Отожествленіе помѣщичьихъ интересовъ съ государственною, а крестьянскихъ съ частною пользою — таково основное положеніе этой логики. «Итакъ, если, какъ выше сказано, государство нѣкогда признало необходимость закона, которымъ одно сословіе народа лишилось правъ личности и гражданской свободы и ввѣрено было опекѣ, а потомъ и власти другого высшаго сословія; то, когда нынѣ оно признало, что необходимость въ томъ миновалась — оно можетъ прекратить силу и дѣйствіе того закона, согласно заявленному на то общему согласію, возвративъ одному сословію права гражданскія и вознаградивъ другое за ущербъ, ему тѣмъ наносимый. Такое уравновѣшиваніе и возрожденіе правъ гражданскихъ составляютъ аттрибуты силы и власти государственной. Но право собственности не можетъ и не должно быть при томъ потрясаемо: оно есть высшее право; оно не создано государствомъ, а предшествовало ему; оно есть родовое начало въ жизни народа; государство и законъ, призванные къ его охраненію, не могутъ располагать добромъ, имъ ввѣреннымъ. Конечно, можно это предположить, быть можетъ, въ томъ и успѣть; но такой

успѣхъ поколеблетъ то самое начало, изъ котораго истекаютъ и сила и власть, и въ которомъ заключено условіе ихъ жизненности. Къ счастію, въ настоящемъ случаѣ не нужны ни подобныя предположенія, ни искусственная обстановка и опасная ссылка на законы: дворянство, какъ собственникъ и первый охранитель порядка, пошло впереди предложенія, и само своимъ достояніемъ обезпечиваетъ мирное и законное развитіе предпринятаго преобразованія. Въ какой степени оно того достигаетъ, ему это извѣстно не изъ умозрѣній; оно возникло изъ народа; оно живетъ въ народѣ; всегда звалось и всегда было «кормильцемъ и отцемъ его», и знаетъ не изъ теорій его потребности, его характеръ и обычаи; пользы и нужды у него общія съ народомъ; не правомъ завоеванія, но правомъ поколѣннымъ оно осоюжено съ нимъ, и всякій судья, извнѣ и не вратами входящій въ огражденіе того народа, не будетъ ему пастыремъ добрымъ. Этими громкими фразами кн. Ив. Вас. Гагаринъ заключилъ свой замѣчательный отзывъ.» (Т. I. с. 152).

Рядомъ однако съ такими мнѣніями, преобладавшими въ большинствѣ, въ мнѣніяхъ меньшинства, которое образовывалось по наиболѣе важнымъ вопросамъ реформы, выражается сознаніе неизбѣжности реформы и необходимости положить въ основу ея сколько-нибудь справедливыя начала. Мнѣнія и большинства и меньшинства, какъ они высказывались прежде всего въ губернскихъ дворянскихъ комитетахъ и занесены въ составленные ими проекты мѣстныхъ положеній объ освобожденіи крестьянъ, приведены у г. Скребицкаго въ систематическомъ порядкѣ, по предметамъ. Каждая глава начинается именно съ предположеній губернскихъ комитетовъ по извѣстному предмету; идутъ затѣмъ по этому же предмету соображенія редакціонныхъ коммиссій; далѣе приводятся отзывы членовъ, вызванныхъ въ Петербургъ изъ губернскихъ комитетовъ, съ удержаніемъ за каждымъ его собственной рѣчи; потомъ слѣдуютъ отвѣты редакціонныхъ коммиссій и окончательныя ихъ заключенія. Такимъ образомъ, предъ читателемъ проходитъ весь состязательный процессъ о началахъ, принятыхъ въ основаніе Положеній 19 февраля 1861 г. Процессъ этотъ былъ бы вполнѣ закончепъ, еслибы ревизія, которой начала эти подверглись въ высшихъ законодательныхъ инстанціяхъ, въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу и въ государственномъ совѣтѣ, также могла быть включена въ это сочиненіе. Но въ этомъ отношеніи оно представляетъ пробѣлъ. Какъ ни чувствителенъ этотъ пробѣлъ, но такъ какъ въ заключеніе каждой главы авторъ приводитъ подлинныя статьи Положеній 19 февраля, въ которыя вошли начала, окончательно принятыя

редакціонными коммиссіями, то хотя мы и не узнаемъ, на какихъ именно вопросахъ останавливалась помянутая ревизія, кѣмъ и какія соображенія при томъ высказывались, но результаты этой ревизіи, именно въ чемъ видоизмѣнены были начала тѣхъ коммиссій, могутъ быть выведены изъ сравненія этихъ началъ съ содержаніемъ Положеній 19 февраля. Поэтому, самый интересъ этой ревизіи, обнаружившей, какія воззрѣнія господствовали въ высшихъ законодательныхъ сферахъ относительно крестьянской реформы, преимущественно историческій.

V.

Наиболѣе существенный вопросъ, около котораго все вертѣлось, какъ около оси, заключался въ томъ: какъ освободить крестьянъ, съ землею или безъ земли? Честь первой опредѣленной постановки вопроса объ освобожденіи крестьянъ не иначе, какъ съ землею, принадлежитъ, какъ извѣстно, К. Д. Кавелину. Его мысль о невозможности иного освобожденія крестьянъ, какъ съ существующимъ ихъ надѣломъ и за выкупъ, развитая въ запискѣ, впослѣдствіи частію напечатанной въ «Современникѣ» и имѣвшей свою исторію въ крестьянскомъ дѣлѣ, была принята и редакціонными коммиссіями. Но прежде еще, чѣмъ дѣло дошло до этихъ коммиссій, среди неизвѣстности и колебаній первой поры крестьянскаго вопроса, мнѣнія объ освобожденіи крестьянъ съ землею не только не были всѣми усвоены, но, напротивъ, производили въ извѣстныхъ сферахъ чуть не скрежетъ зубовъ, считались красными и вмѣнялись въ великій криминалъ. Въ самыхъ заинтересованныхъ классахъ существовали въ этомъ отношеніи діаметрально-противоположные взгляды. Крестьяне, какъ извѣстно, еще въ пору крѣпостного права высказывались на этотъ счетъ помѣщикамъ большею частью такимъ образомъ: «мы ваши, а земля наша». Съ другой стороны, еще въ 1858 году, когда прошелъ уже первый страхъ предъ освобожденіемъ и когда уже начали нѣсколько стихать раздававшіеся предъ тѣмъ возгласы, что Россія погибнетъ безъ крѣпостного права, потеряетъ силу и значеніе въ кругу европейскихъ государствъ, но когда еще не утвердилось убѣжденіе, что освобожденіе крестьянъ безъ земли просто невозможно — къ этому пришли только въ 1859 году, — а еще очень распространено было въ заинтересованномъ классѣ желаніе наградить крестьянъ одною личною свободою, землю же, и усадебную и полевую, оставить всю за помѣщиками, — тогда многіе изъ нихъ говорили: «крестьянъ мы знать не хотимъ, осво-

бодите насъ отъ нихъ, а не ихъ отъ насъ» [1]). Однако при признаніи за помѣщиками права собственности на всю землю, рескриптами, которые даны были на имя начальниковъ губерній, и пояснительнымъ отношеніемъ министра в. д. возлагалась на помѣщиковъ обязанность: изъ земель, принадлежащихъ имъ на правѣ собственности, предоставить крестьянамъ усадьбу, съ правомъ выкупа, и сверхъ того, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ помѣщикомъ и правительствомъ, надлежащее количество земли, на правѣ постояннаго пользованія за опредѣленныя повинности. Въ развитіе этихъ началъ губернскимъ комитетамъ, при опредѣленіи правъ помѣщиковъ на земли, пришлось коснуться и тѣхъ правъ, которыя остаются за помѣщиками на земли, отходящія въ надѣлъ крестьянамъ. Всего проще разрѣшали этотъ вопросъ тѣ комитеты, которые сохраняли за помѣщиками неприкосновенное право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, безъ всякаго различія земель, поступающихъ въ надѣлъ крестьянамъ, и земель, остающихся въ полномъ распоряженіи помѣщиковъ. Какъ ни просто и ни ясно было это опредѣленіе, оно имѣло то неудобство, что право собственности, изъ котораго вынуто, помимо воли собственника, право постояннаго пользованія, предоставленное крестьянамъ за опредѣленныя повинности, очевидно только уже въ очень неточномъ смыслѣ этого слова, могло назваться цѣльнымъ, неприкосновеннымъ, полнымъ. Полное право собственности въ этомъ смыслѣ—юридическій monstrum. Поэтому другіе комитеты, если не довольствовались говорить объ отводимыхъ крестьянамъ земляхъ, какъ объ исключеніяхъ и изъятіяхъ изъ общаго неприкосновеннаго права собственности на всѣ земли, и справлялись съ гражданскими законами, то приходили къ различію между полнымъ правомъ собственности—на помѣщичьи или владѣльческія земли, и неполнымъ, въ отношеніи усадебъ и земель, поступающихъ къ крестьянамъ. Это различіе, формулированное самими губернскими комитетами и представлявшее въ дѣйствительности лишь одно уподобленіе того, чтò признано въ гражданскихъ законахъ—потому что на основаніи частнаго гражданскаго права вопросъ вообще не былъ разрѣшимъ,—принято было сначала и редакціонными коммиссіями, впослѣдствіи отъ него отказавшимися, такъ что выраженіе «неполная собственность», въ отношеніи земель, отходившихъ къ

[1]) Приведено это характеристическое изреченіе въ одной передовой статьѣ «Сѣв. Пчелы» (1860 г. № 1), обратившей на себя въ свое время вниманіе. См. Матеріалы для ист. упраздн. крѣп. права. Ч. II, с. 339.

крестьянамъ, не было введено въ Положеніе 19 февраля. Но такъ какъ въ этомъ предположенномъ различіи, отъ удержанія или опущенія котораго дѣло ничего не выигрывало и не теряло, заключалось признаніе земель, поступающихъ за повинности въ надѣлъ крестьянамъ, неполною собственностью помѣщиковъ, то оно тѣмъ не менѣе испортило не мало крови многимъ дѣятелямъ по крестьянскому вопросу. Одни изъ нихъ разсуждали такимъ образомъ: «крестьяне наши незнакомы съ юридическими опредѣленіями и понятіе о поземельной собственности далеко еще въ нихъ не развито. Если одна часть земель будетъ названа неполною собственностью, то неминуемо возникнетъ у нихъ мысль о какомъ-то общемъ съ помѣщиками правѣ на земли. Послѣ этого мудрено будетъ увѣрить ихъ, что они должны отправлять за эти земли опредѣленныя повинности и еще труднѣе склонить ихъ къ выкупу». Другіе болѣе рѣшительные дѣятели утверждали: «....что въ законахъ нашихъ поземельныя права дворянства опредѣлены ясно и положительно. Если такая точность и опредѣлительность въ законѣ о поземельныхъ правахъ дворянства признавались необходимыми при крѣпостномъ правѣ, когда и земля и крестьянинъ, живущій на ней, принадлежали помѣщику, то можно ли, безъ опасенія величайшихъ безпорядковъ, ослабить силу этого закона теперь, когда крестьянинъ получаетъ свободу, но вмѣстѣ съ тѣмъ облагается повинностью за землю? Чтобы сдѣлать этотъ платежъ справедливымъ въ его понятіяхъ, надобно прежде сказать ему, что «онъ не имѣетъ никакихъ правъ на землю; что она составляетъ, по прежнему, неотъемлемую собственность помѣщика, и дается ему въ пользованіе только на опредѣленныхъ условіяхъ».... Хотя разсуждавшіе такимъ образомъ не говорили, кто долженъ вести такую успокоительную рѣчь, сами ли помѣщики, или мѣстныя власти, но очевидно, что предоставлялось это властямъ. «Юридическими опредѣленіями, принятыми редакціонными коммиссіями, понятіе о поземельной собственности, далеко не развитое у нашихъ крестьянъ, еще болѣе запутается и затемнится. Разграниченіе поземельныхъ правъ, предполагаемое въ такой степени подробности, какъ будто дѣло шло о раздѣлѣ между двумя равноправными наслѣдниками; крайнее и во многихъ случаяхъ совершенно излишнее стѣсненіе правъ помѣщика на земли, отведенныя крестьянамъ; наконецъ самое слово «неполная собственность», хотя и правильное въ смыслѣ юридическомъ, не возбудитъ ли въ крестьянинѣ мысль, что онъ прямой и законный участникъ въ поземельной собственности помѣщика; что, затѣмъ, повинности за землю наложены на него несправедливо, и что можетъ быть

самый раздѣлъ земли сдѣланъ не довольно уравнительно по его понятіямъ? Подобная мысль, разъ возникнувъ, поведетъ неминуемо къ весьма опаснымъ послѣдствіямъ». (Т. I, с. 141). Наконецъ были и такіе критики редакціонныхъ коммиссій, которые установленіе особаго «необходимаго» вида неполной собственности прямо называли «споліаціей» и приходили къ заключенію, что, *юридически говоря* (ipsissima verba!), «самое справедливое было бы освобожденіе крестьянъ безъ земли, съ признаніемъ за помѣщиками права полной собственности на всю землю».—«Но затѣмъ является вопросъ: возможно ли въ Россіи, государствѣ земледѣльческомъ, освобожденіе болѣе 10-ти милліоновъ земледѣльцевъ безъ земли? Офросимовъ и кн. Волконскій сознаются сами, что на вопросъ этотъ нельзя отвѣчать иначе, какъ отрицательно. Народъ нашъ никогда не пойметъ тѣхъ юридическихъ началъ, въ силу которыхъ онъ будетъ пущенъ на волю безъ земли, безъ крова и безъ хлѣба. Государство, при спутанности въ народѣ, вслѣдствіе крѣпостного права, идей общей справедливости, не будетъ въ состояніи удержать безземельное народонаселеніе въ предѣлахъ, необходимыхъ для гражданскаго устройства и порядка. Однимъ словомъ, пріобрѣтеніе земель для крестьянъ является необходимостью государственною». (Т. I, с. 145). Съ точки зрѣнія двухъ названныхъ губернскихъ депутатовъ и очень многихъ другихъ, надѣленіе крестьянъ землею, для обезпеченія ихъ быта, слѣдовало совершить по началамъ отчужденія частнаго недвижимаго имущества на государственную или общественную пользу, т.-е. по началамъ экспропріаціи и «за приличное вознагражденіе». Хотя эти начала и не были приняты, тѣмъ не менѣе вознагражденіе во многихъ мѣстахъ оказалось даже болѣе, чѣмъ только приличное.

Самое непріятное въ этомъ пользованіи, которое выдѣлялось изъ права собственности и предоставлялось крестьянамъ, было то, что оно признавалось постояннымъ и безсрочнымъ. Признаніе этого пользованія постояннымъ и безсрочнымъ прямо называлось нѣкоторыми провозглашеніемъ «коммунистическаго начала», которое поведетъ ко многимъ замѣшательствамъ (с. 170). Тѣ же самые два депутата, мнѣнія которыхъ мы сейчасъ привели, обвиняли коммиссіи, что ими упущено изъ виду, во-1-хъ, *что рескриптъ не уничтожалъ крѣпостного права, а только требовалъ улучшенія быта крестьянъ*, посредствомъ регулированія повинностей и предоставленія крестьянамъ права въ теченіе опредѣленнаго времени выкупить свои усадьбы, и во-2-хъ, таковое регулированіе допускалось лишь на время срочно-обязаннаго періода, въ продолженіе котораго 12 лѣтъ помѣщики сохраняли

право вотчинной надъ крестьянами полиціи. Теперь же ред. ком. совершенно упраздняютъ крѣпостное право и вмѣстѣ съ тѣмъ обязываютъ помѣщиковъ отдавать ихъ земли крестьянамъ въ пользованіе не на срочное, а на безсрочное время; не по добровольному договору, а за опредѣленныя ред. коммиссіями разъ навсегда и никогда неизмѣняемыя повинности, — это уже не есть, по мнѣнію Офросимова и кн. Волконскаго, улучшеніе быта *крѣпостныхъ* людей, но улученіе быта *свободныхъ поселянъ* на счетъ достоянія помѣщиковъ, чего никогда не требовалъ рескриптъ».

При такихъ взглядахъ, на обвиненія въ коммунизмѣ не скупились, особенно, когда дѣло дошло до угодій, поступающихъ въ поземельный надѣлъ крестьянъ и до отвода и обмѣна земель. Представляется, напр., вопросъ о снабженіи крестьянъ топливомъ и отводѣ имъ лѣса. По отношенію къ этому вопросу предположено раздѣлить Россію на три полосы: малолѣсную, лѣсистую и лѣсную. Въ малолѣсной полосѣ, на помѣщиковъ не возложено обязанности отпускать крестьянамъ какіе бы то ни было лѣсные матеріалы, или дѣлать имъ лѣсной отводъ. Но въ лѣсистой полосѣ предоставляется крестьянамъ пользованіе за повинность топливомъ изъ помѣщичьихъ лѣсныхъ дачъ: а) въ тѣхъ имѣніяхъ (и по возможности въ прежнихъ размѣрахъ), гдѣ отпускъ имъ производился въ видѣ постояннаго обычая, при чемъ самый обычай считается несуществующимъ въ имѣніяхъ, гдѣ такого отпуска не было въ теченіи послѣднихъ трехъ годовъ до обнародованія Положенія, и б) во всѣхъ, безъ исключенія, имѣніяхъ, гдѣ болѣе половины земли состоитъ подъ лѣсомъ. Наконецъ, относительно лѣсной полосы Россіи предположено было, что во всѣхъ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ совокупность усадебныхъ, пахатныхъ и луговыхъ угодій крестьянскихъ не достигаетъ цифры, установленной для высшаго размѣра надѣла въ той мѣстности, крестьянамъ, по ихъ желанію, должно быть нарѣзаемо изъ лѣсныхъ угодій, въ пользованіе за повинность, все недостающее количество надѣла. Самое распредѣленіе губерній и уѣздовъ между этими тремя полосами предположено было окончательно установить, по выслушаніи членовъ губ. комитетовъ. Обсужденіе этихъ предположеній вызвало крайне разнообразныя мнѣнія. Что лѣсныя порубки у насъ крайне распространены, что относительно лѣса всего менѣе развито въ нашемъ простонародьѣ уваженіе къ собственности и что воровство тутъ происходитъ не отъ одной нужды въ топливѣ или строевыхъ матеріалахъ, а часто для продажи дровъ на базаръ, этого къ сожалѣнію нельзя отрицать. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя мнѣ-

нія, высказанныя по этому поводу, нисколько не теряютъ отъ того своей оригинальности или прелести. Какъ и по другимъ вопросамъ освобожденія, такъ и здѣсь мы прежде всего встрѣчаемся съ мнѣніемъ, относительно-благонамѣреннымъ, что все слѣдуетъ предоставить обоюдному соглашенію помѣщика и крестьянъ, которымъ и должно опредѣляться дальнѣйшее пользованіе лѣсомъ. Оно имѣло только то неудобство, что нисколько не разрѣшало вопроса, чѣмъ топить печку въ случаѣ, если этого соглашенія не состоится, и было нѣсколько непрактично, или въ извѣстномъ смыслѣ черезъ-чуръ практично потому, что одна изъ договаривающихся сторонъ была въ слишкомъ большой зависимости отъ другой, чтобы свободно вступать въ добровольныя соглашенія. Затѣмъ и въ силу привычки,—обращать въ затруднительныхъ случаяхъ взоры на казну, нѣкоторые члены, принадлежавшіе къ губерніи, изобилующей хорошимъ лѣсомъ, были того мнѣнія, «что обезпеченіе крестьянъ топливомъ отъ помѣщиковъ, невозможное въ большой части имѣній по неимѣнію дровяного лѣса, несправедливо даже относительно тѣхъ помѣщиковъ, у которыхъ есть лѣсъ. Въ видахъ же доставленія срочно-обязаннымъ крестьянамъ топлива, они полагаютъ, что было бы благодѣтельной мѣрою, еслибы правительство обезпечило отпускъ дровъ изъ казенныхъ лѣсовъ (которыхъ много въ Казанской губ.), за половину попенныхъ денегъ». Слѣдуютъ затѣмъ болѣе откровенныя мнѣнія. «Развѣ, спрашиваютъ два члена, помѣщики для того сберегали свои лѣса, чтобы предоставить потомъ распоряженіе ими мѣстнымъ учрежденіямъ? Развѣ для того сберегали они лѣса свои, чтобы эти лѣса служили потомъ предметомъ спора между ними и крестьянами и предлогомъ для вмѣшательства въ дѣла ихъ невѣдомымъ чиновникамъ? *Какъ не позавидовать тѣмъ помѣщикамъ, которые давно лѣса свои продали и деньги прожили!*» Съ этимъ же мнѣніемъ совпадалъ отзывъ представителя другого губернскаго комитета, именно владимірскаго, по положенію котораго лѣсъ вовсе исключенъ былъ изъ надѣла. Во Владимірской губерніи, вслѣдствіе фабричныхъ промысловъ, лѣса, за исключеніемъ нѣкоторыхъ уѣздовъ, дѣйствительно сильно истреблены и вопросъ былъ спорный, къ какой мѣстности слѣдуетъ ее отнести. Но не этимъ спеціальнымъ вопросомъ ограничивается помянутый отзывъ, а вдается въ область болѣе общихъ разсужденій. Изъ нихъ слѣдуетъ, что «предоставленіе крестьянамъ топлива, въ какомъ бы то видѣ лѣса оно ни заключалось, даже въ лѣсистой полосѣ, слѣдуетъ допустить не иначе, какъ по полюбовному соглашенію помѣщика съ крестьянами, что́ послужитъ важною мѣрою къ сбереженію остатковъ

лѣса, столь необходимаго для потомства, плодородія земли, и къ обезпеченію цѣнности имѣній, какъ крайняго и послѣдняго средства противъ конечнаго разоренія помѣщиковъ. Многіе изъ помѣщиковъ, заботясь о сбереженіи остатковъ лѣсовъ, сами для своихъ нуждъ покупали лѣсъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, и даже нѣкоторые покупали мелкія лѣсныя поросли для крестьянъ. Почему же всѣ эти разсчетливые и благодушные помѣщики должны подвергаться налогу въ пользу крестьянъ, за то только, что они были болѣе заботливы о своемъ потомствѣ, чѣмъ тѣ, которые, продавъ лѣса, воспользовались капиталами, принесшими имъ особыя выгоды?» Окончательный выводъ тотъ, что предположеніе коммиссій объ отпускѣ крестьянамъ, въ лѣсистой полосѣ, топлива, за повинность, въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ этотъ отпускъ существовалъ по обычаю,—подлежитъ уничтоженію, или «во избѣжаніе недоумѣній слѣдуетъ постановить, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не занята лѣсомъ половина всей земли имѣнія, отпускъ онаго не обязателенъ и къ нормѣ надѣла не причисляется, ибо невозможно требовать всего, *увлекаясь ученіями Прудона, которыя, какъ негодныя къ дѣлу, отвергнуты всею просвѣщенною Европою!!»* Удивительно ли послѣ этого, что по поводу того же вопроса о топливѣ, редакціонныя коммиссіи, ограничивая обязательное снабженіе крестьянъ топливомъ исключительно лишь только на первый девятилѣтній періодъ, и притомъ за особую повинность, независимую отъ общей, признавали невозможнымъ отступить отъ этого основнаго начала и приходили къ заключенію, что члены губернскихъ комитетовъ почти постоянно упускали изъ виду одну весьма важную сторону крестьянскаго вопроса—«необходимость, въ видахъ общей пользы, по крайней мѣрѣ не ухудшать нынѣшняго положенія крестьянъ»... [1]). Чѣмъ же однако окончательно разрѣшенъ былъ этотъ споръ о снабженіи крестьянъ топливомъ, на который, сколько извѣстно было въ то время, обращено было вниманіе и въ главномъ комитетѣ? Окончательно постановлено было, чтобы въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ до освобожденія крестьяне не пользовались топливомъ изъ помѣщичьяго лѣса, тамъ, въ теченіи девяти лѣтъ со времени утвержденія Положенія (если, впрочемъ, по состоянію лѣсныхъ дачъ и безъ разстройства лѣсного хозяйства это окажется возможнымъ), они получали топливо за особую плату. Значитъ, въ настоящее время, по истеченіи девятилѣтняго періода, все въ этомъ отношеніи зависитъ уже отъ добровольныхъ, взаимныхъ, ничѣмъ неограниченныхъ соглашеній крестьянъ съ помѣщикомъ.

[1]) Скребицкаго, Т. II, 318, 320, 329 и 343 стр.

VI.

Чтобы понять и по достоинству оцѣнить другія обвиненія въ коммунизмѣ, необходимо предварительно коснуться нѣкоторыхъ, наиболѣе общихъ и спорныхъ началъ реформы. Мы видѣли уже, что при вопросѣ объ отводѣ крестьянамъ земли въ пользованіе противники реформы сокрушались о томъ, что не все предоставлено дѣйствію свободныхъ договоровъ между крестьянами и помѣщикомъ. На эту тему о добровольныхъ соглашеніяхъ съ крестьянами, извѣстная партія постоянно сводила всѣ наиболѣе крупные вопросы освобожденія. Собственно возможность добровольныхъ сдѣлокъ о надѣлѣ и повинностяхъ не была устранена, весь вопросъ заключался только въ томъ, въ какомъ объемѣ могутъ быть допущены эти сдѣлки и не должно ли законодательство установить общія, обязательныя правила освобожденія съ землею, рядомъ съ которыми добровольныя сдѣлки только и получали смыслъ и не могли обратиться въ легальный способъ освобожденія весьма сомнительнаго свойства? Тѣ, которые всего болѣе кричали о надѣлѣ крестьянъ землею на основаніи взаимныхъ, свободныхъ договоровъ съ помѣщиками, въ сущности желали второго изданія закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ, который, дѣйствуя съ начала царствованія Александра I, съ 1803 г., привелъ къ освобожденію всего какихъ-нибудь 140 т. душъ, или обнародованія для Россіи того самого Положенія о лифляндскихъ крестьянахъ 1819 года, которое послужило краеугольнымъ камнемъ всего законодательства о поземельныхъ отношеніяхъ въ остзейскомъ краѣ. Но именно неуспѣхъ этихъ законоположеній былъ полезенъ для крестьянской реформы, такъ какъ приводилъ къ необходимости принять для нея болѣе широкія основанія. Безъ установленія обязательныхъ правилъ, которыя обезпечивали бы одной сторонѣ право на земельный надѣлъ, а другой право на повинность за этотъ надѣлъ, дѣло не могло обойтись. Обязательный пріемъ надѣла и удержаніе его за установленную повинность на первые девять лѣтъ признано было, впрочемъ, необходимымъ не только въ интересѣ крестьянъ, которые иначе, при сильно возбужденныхъ надеждахъ на будущее, для облегченія своихъ повинностей, отказались бы во многихъ мѣстахъ отъ земли, на предлагаемыхъ имъ условіяхъ, но и для самихъ помѣщиковъ, которые, какъ бы уступчивы ни были, рисковали, при системѣ свободныхъ договоровъ, остаться безъ рукъ. Къ тому же, если для дѣйствительности договоровъ частнаго права требуется взаимное, непринужденное

согласіе договаривающихся лицъ, то при заключеніи договоровъ, которыми должны опредѣляться поземельныя отношенія двухъ крѣпко связанныхъ между собою общественныхъ классовъ, еще болѣе необходимо, чтобы обѣ договаривающіяся стороны находились въ независимыхъ одна къ другой отношеніяхъ и чтобы каждая изъ нихъ знала напередъ объемъ и предѣлы своихъ правъ, и могла сравнить предложенныя ей условія съ тѣмъ, чего она можетъ по закону требовать. Это глубоко сознавали въ эпоху освобожденія, когда съ одной стороны ожиданія были велики, а съ другой—высказывалось сожалѣніе о томъ, что помѣщики лѣсовъ своихъ не продали и денегъ не прожили, хотя интересъ заставлялъ какъ можно болѣе распространяться вообще о жертвахъ. «Положить предѣлъ безграничнымъ ожиданіямъ народа и облечь въ опредѣленную форму предстоящее ему улучшеніе быта могла только самодержавная власть, и потому, установленіе и обнародованіе правилъ для надѣла крестьянъ землею и опредѣленія ихъ повинностей въ пользу помѣщика правительство признало необходимымъ столько же для облегченія добровольныхъ соглашеній, сколько и для замѣны ихъ тамъ, гдѣ они не состоятся» [1]).

Для опредѣленія крестьянскаго надѣла признаны были, независимо отъ обязательности его на первые девять лѣтъ, два главныхъ основанія: сохраненіе за крестьянами, по возможности, существующаго ихъ надѣла, т.-е. того надѣла, на которомъ ихъ застало освобожденіе, и предоставленіе имъ этого надѣла въ безсрочное, постоянное пользованіе. Послѣднее оправдывалось тѣмъ соображеніемъ, что, еслибы право на надѣлъ ограничивалось, какъ требовала того извѣстная партія, однимъ срочно-обязаннымъ періодомъ, то безземельное освобожденіе отсрочено было бы только на нѣсколько лѣтъ и на лучшій конецъ повело бы къ водворенію у насъ арендной сдачи земель, по образцу той системы, которая недавно господствовала въ Ирландіи и которая, обращая немногихъ зажиточныхъ крестьянъ въ фермеровъ, осуждаетъ массу народа на бездомное, бродяжническое существованіе. Несравненно труднѣе представлялся вопросъ о сохраненіи за крестьянами надѣла, существовавшаго у нихъ въ послѣднее время крѣпостного права. Если назначеніе нормальныхъ надѣловъ, которые противопоставлялись существующимъ,—и притомъ противопоставлялись и такими участниками реформы, которымъ дѣйствительное обезпеченіе крестьянъ особенно дорого было [2]),—

---

[1]) Обозрѣніе высоч. утвержд. полож. о крестьянахъ. Спб. 1861 г. с. 75.

[2]) См. Скребицкаго. Т. II, стр. 33. Мнѣніе А. П. Татаринова, который согла-

отвергнуто было редакціонными коммиссіями по невозможности найти практическія основанія для опредѣленія такой нормы, которая въ различныхъ мѣстностяхъ одинаково обезпечивала бы крестьянъ землею, то съ другой стороны и безусловное сохраненіе существовавшаго надѣла также оказалось невозможнымъ. Могли встрѣтиться такія имѣнія, и они въ дѣйствительности встрѣчались, особенно въ нечерноземныхъ губерніяхъ, въ которыхъ по щедрости ли помѣщиковъ, или по другимъ причинамъ, всего чаще при оброчномъ положеніи, крестьянскіе надѣлы далеко превышали обыкновенный въ тѣхъ мѣстностяхъ, даже высшій размѣръ надѣла, и за крестьянами состояли огромныя пространства, иногда даже всѣ господскія земли, по 20, 30 и болѣе десятинъ на душу. Наоборотъ, встрѣчались и такія имѣнія — число ихъ полагали незначительнымъ,—въ которыхъ крестьянскіе надѣлы были чрезмѣрно уменьшены.

Кромѣ того, въ степныхъ мѣстностяхъ, по бо́льшей части вовсе не существовало постоянныхъ надѣловъ за крестьянами, которые пахали и косили по всей дачѣ или попеременно вспахивали тѣ пространства, которыя имъ указывали. Сколько-нибудь опредѣленнаго существующаго надѣла здѣсь не было и его по необходимости приходилось еще только устанавливать. Съ цѣлію возвращенія помѣщикамъ излишнихъ земель установлены были высшіе размѣры крестьянскаго надѣла, а съ цѣлію прирѣзки крестьянамъ земли тамъ, гдѣ за ними было ея уже слишкомъ мало — низшіе размѣры надѣла. Для степныхъ же мѣстностей признано было необходимымъ установить указные размѣры надѣла. Крайне сложная работа возможно-бо́льшаго уравненія существующихъ крестьянскихъ надѣловъ была неизбѣжна и къ ней приступлено было на основаніи тѣхъ статистическихъ данныхъ, которыя заключались въ описаніяхъ помѣщичьихъ имѣ-

---

сился съ редакціонными коммиссіями въ пользу сохраненія за крестьянами нынѣшняго ихъ земельнаго надѣла, только въ предположеніи, что найдется возможность, хотя приблизительно, соразмѣрить въ каждомъ имѣніи повинности крестьянъ, съ тѣми выгодами, которыя они получаютъ отъ оставляемыхъ въ ихъ пользованіи угодій, и безошибочно опредѣлить для каждой губерніи цифры maximum'а и minimum'а надѣла. Татариновъ полагалъ однако-же, что при этомъ представятся гораздо бо́льшія затрудненія, нежели при опредѣленіи одинаковаго по цѣнности крестьянскаго надѣла, съ равнымъ оброкомъ, какъ это предположено меньшинствомъ симбирскаго комитета.... Многіе утверждаютъ, что крестьяне всего болѣе дорожатъ землею, и скорѣе согласятся на несоразмѣрную съ чистымъ ея доходомъ плату, нежели на лишеніе части угодій. Татариновъ не могъ вполнѣ съ этимъ согласиться, по крайней мѣрѣ въ отношеніи тѣхъ мѣстностей, гдѣ по обилію, или малоцѣнности земли, слѣдующая за нее тяга налагается на крестьянъ *принудительно* помѣщикомъ или міромъ, и гдѣ промыслы на сторонѣ даютъ болѣе выгодъ, чѣмъ земледѣліе.

ній, составленныхъ по распоряженію губернскихъ комитетовъ самими помѣщиками. Разумѣется, что подобнаго рода статистикою можно было пользоваться только съ крайнею осторожностью, такъ какъ при самомъ составленіи ея имѣлось въ виду, что по ней будутъ опредѣляться размѣры крестьянскихъ надѣловъ. Всего еще откровеннѣе поступали тѣ губернскіе комитеты, которые сознавались, что они положили нормы менѣе существующаго надѣла—въ видахъ уменьшенія обязательнаго труда. Въ этомъ отношеніи большинство начальниковъ губерній признавали принятыя комитетами нормы недостаточными, а оренбургскій губернаторъ Барановскій объяснялъ, «что по неточности свѣдѣній, представленныхъ помѣщиками и сознательному уменьшенію въ нихъ количества земли, выведенные комитетомъ средніе надѣлы по уѣздамъ окажутся вездѣ менѣе существующихъ и слѣдовательно не поведутъ къ улучшенію крестьянскаго быта».... Необходима была провѣрка такого рода свѣдѣній данными, полученными изъ другихъ источниковъ. Съ этою цѣлію изъ описаній имѣній составлены были редакціонными коммиссіями извлеченія, напечатанныя вмѣстѣ съ ихъ трудами, и свѣдѣнія, заключавшіяся въ нихъ, сперва сравнены съ общимъ количествомъ помѣщичьихъ земель, по даннымъ, полученнымъ изъ комитетовъ земскихъ повинностей, и о надѣлѣ у государственныхъ крестьянъ, а потомъ провѣрены по уѣздамъ членами коммисій. Эта въ высшей степени кропотливая работа имѣла, послѣ тщательныхъ критическихъ провѣрокъ, по крайней мѣрѣ то достоинство, что она выяснила, какія числовыя данныя, извлеченныя изъ описаній помѣщичьихъ имѣній, могутъ считаться болѣе достовѣрными (напр. объ общемъ количествѣ всей помѣщичьей земли и объ усадебныхъ и пахатныхъ крестьянскихъ угодьяхъ) и на какія, по меньшей ихъ достовѣрности (напр. о сѣнокосахъ и выгонахъ), можно менѣе полагаться. Когда окончена была эта работа, сводившая на болѣе или менѣе опредѣленныя цифры хозяйственное положеніе крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ, тогда опредѣлены были высшіе и указные размѣры крестьянскихъ надѣловъ. Съ этою цѣлію Россія раздѣлена была на три полосы: первую—нечерноземную, вторую — черноземную, и третью — степную, и каждая изъ нихъ подраздѣлена на мѣстности, для которыхъ приняты различной величины надѣлы, опредѣленные по разсчету на ревизскую душу. Въ нечерноземной полосѣ назначено было редакціонными коммиссіями 11 мѣстностей, въ высшими душевыми надѣлами отъ $3^1/_4$ до 8 десятинъ [1]; въ черноземной полосѣ 10

[1]) При послѣдующемъ законодательномъ пересмотрѣ трудовъ редакціонныхъ ком-

мѣстностей, съ надѣломъ отъ $2^3/_4$ до 6 десятинъ [1]); степная полоса подраздѣлена на двѣ части: великороссійскія и новороссійскія губерніи; въ первыхъ положено 5 мѣстностей, съ указными душевыми надѣлами отъ $6^1/_2$ до $12^1/_2$ десятинъ и во-вторыхъ, 7 мѣстностей, съ надѣлами отъ 3 до 7 десятинъ [2]). По этимъ мѣстностямъ распредѣлены были уѣзды всѣхъ губерній. Оставались затѣмъ все-таки нѣкоторые уѣзды, отнесеніе которыхъ къ той или другой мѣстности, по неимѣнію точныхъ данныхъ, или по особеннымъ мѣстнымъ условіямъ, не могло быть сдѣлано законодательнымъ путемъ и потому предоставлено было губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ, отъ которыхъ зависѣло разрѣшить примѣненіе въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ размѣровъ надѣла, установленныхъ для другихъ ближайшихъ мѣстностей.

Таковы были высшіе размѣры надѣла; низшіе опредѣлены въ $^1/_3$ противъ высшихъ. По разсчету, который въ то время былъ сдѣланъ, уменьшеніе существовавшихъ у крестьянъ надѣловъ, вслѣдствіе установленія высшихъ размѣровъ, должно было послѣ освобожденія распространиться нѣсколько менѣе, чѣмъ на одну треть всего населенія помѣщичьихъ крестьянъ, а въ дѣйствительности это уменьшеніе выходило еще значительнѣе отъ предоставленія помѣщикамъ удержать въ своемъ непосредственномъ распоряженіи, во всякомъ случаѣ, въ черноземной и нечерноземной полосахъ не менѣе одной трети, а въ степной полосѣ половину ихъ земель. Прирѣзка же крестьянамъ земли должна была потребоваться всего для 56 т. душъ, въ количествѣ 22 т. десятинъ.

Въ моментъ уничтоженія крѣпостного права считалось помѣщичьихъ крестьянъ, во всѣхъ трехъ полосахъ, 6.971,291, а общее пространство земли въ помѣщичьихъ имѣніяхъ составляло 71.380,524 десятины, такъ что на душу приходилось немного болѣе 10 десятинъ. Изъ этого количества, послѣ реформы, въ непосредственномъ распоряженіи помѣщиковъ должно было остаться не менѣе двухъ третей всей принадлежащей имъ земли, именно 48.538,797 дес., на душу 6,92 дес.; въ пользованіе же

миссій, окончательно отнесено къ этой полосѣ 9 мѣстностей съ высшими душевыми надѣлами отъ 3 до 7 десятинъ.

[1]) Къ этой полосѣ окончательно отнесено было всего 8 мѣстностей, но высшіе душевые надѣлы отъ $2^3/_4$ до 6 десятинъ не уменьшены.

[2]) Число мѣстностей, отнесенныхъ къ степной полосѣ, окончательно осталось тоже, но надѣлы нѣсколько уменьшены: положено отъ 6 до 12 десятинъ и отъ 3 до $6^1/_2$ десятинъ.

крестьянъ отходило 22.841,787 дес., или на душу среднимъ числомъ немного болѣе 3 десятинъ [1]).

VII.

Каковы же были тѣ повинности, за которыя предоставлялись крестьянамъ въ пользованіе надѣлы означенныхъ размѣровъ? Желательны были, конечно, умѣренныя повинности, но при этомъ въ самый моментъ реформы сознавали, «что размѣръ тѣхъ повинностей, которыя окончательно будутъ утверждены, не всегда и не вездѣ будетъ соотвѣтствовать дѣйствительной стоимости крестьянскаго надѣла и, представляя переходную ступень отъ произвольно назначавшейся повинности къ справедливой поземельной рентѣ, будетъ иногда превышать тѣ выгоды, которыя обезпечиваются крестьянамъ ихъ надѣломъ». Другими словами говоря, въ цѣну повинностей входило нѣкоторое вознагражденіе помѣщиковъ за утрату крѣпостного права надъ личностію крестьянъ. Поэтому въ основаніе опредѣленія повинностей принято было только то общее правило, что повинности, назначаемыя съ крестьянъ за отводимый имъ въ постоянное пользованіе надѣлъ, не должны, ни въ какомъ случаѣ, превышать тѣхъ, которыя существовали до отмѣны крѣпостной зависимости. Благодѣтельныя послѣдствія реформы могутъ, такимъ образомъ, вполнѣ обнаружиться только въ будущемъ, такъ какъ оброчные платежи, каковы бы они ни были, должны оставаться неизмѣнными въ продолженіи 20-ти лѣтъ со времени освобожденія, и только по истеченіи этого періода, въ который, при возрастаніи цѣнности земельнаго надѣла, матеріальное положеніе крестьянъ должно нѣсколько улучшиться, — производится, по требованію помѣщика или крестьянъ, переоброчка на новое двадцатилѣтіе и на основаніяхъ, которыя будутъ указаны правительствомъ. Въ самое же первое время по отмѣнѣ крѣпостного права, облегченіе въ повинностяхъ должно было, главнымъ образомъ, заключаться въ устраненіи всѣхъ тѣхъ сборовъ съ крестьянъ, которые взимались, сверхъ оброка или барщины, исключительно въ силу крѣпостного права и не шли въ счетъ поземельнаго дохода помѣщиковъ. Другое облегченіе, которое должно было заключаться въ установленіи извѣстной соразмѣрности между повинностями и надѣломъ, могло, разумѣется, оказаться сколько-нибудь дѣйствительнымъ только подъ условіемъ умѣренной съ самаго начала

---

[1]) Обозрѣніе высочайше утвержд. Положеній 1861 г., стр. 105 и 106.

нормы повинностей. Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что повинности опредѣлялись «не соотвѣтственно стоимости земли, а по соображенію оброковъ, существовавшихъ при крѣпостномъ правѣ и значительно превосходящихъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ цѣнность земельнаго надѣла».

Всѣ тѣ полосы и мѣстности, которыя приняты были, какъ мы выше видѣли, для опредѣленія высшихъ размѣровъ надѣла, были въ крѣпостное время, по установившимся между помѣщиками и крестьянами отношеніямъ, издѣльныя или оброчныя. Гдѣ земля была хороша и давала порядочный доходъ, тамъ преобладала въ помѣщичьихъ имѣніяхъ барщина, гдѣ же напротивъ, почва не была очень плодородна, тамъ по бо́льшей части господствовала оброчная повинность. Это въ особенности можно было видѣть въ черноземной и степной полосѣ, гдѣ оброчныя имѣнія были рѣдкимъ исключеніемъ. Наоборотъ, въ бо́льшей части уѣздовъ нечерноземной полосы крестьяне были на оброкѣ, но затѣмъ въ очень многихъ мѣстностяхъ этой полосы существовали исключенія изъ общаго правила и крестьяне въ уѣздахъ съ относительно менѣе плодородной почвой были, при недостаткѣ почти всякихъ промысловъ, на барщинѣ. Къ такимъ мѣстностямъ нечерноземной полосы принадлежатъ губерніи Витебская, Могилевская, почти вся Псковская, болѣе половины Смоленской, нѣкоторые уѣзды Тамбовской и Казанской губ.

Оброкъ за высшій душевой надѣлъ въ оброчныхъ мѣстностяхъ нечерноземной полосы опредѣленъ былъ въ 9 руб. Оброкъ этотъ приближался къ прежде-существовавшимъ въ этихъ мѣстностяхъ среднимъ оброкамъ. Исключенія изъ этого 9-ти-рублеваго оброка опредѣлены были лишь для столичныхъ, промышленныхъ и болѣе выгодно расположенныхъ губерній. Такъ, для имѣній въ 25-ти-верстной окружности отъ Петербурга оброкъ за высшій душевой надѣлъ опредѣленъ былъ въ 12 руб. и въ 10 руб. для остальныхъ мѣстностей Петербургской губерніи, для всѣхъ уѣздовъ Московской [1]) и Ярославской губерній, для промышленныхъ уѣздовъ Владимірской и приволжскихъ Нижегородской губерніи. Для черноземной и степной полосы, на случай перехода крестьянъ съ барщины на оброкъ, размѣръ его опредѣленъ тотъ самый, какъ и для бо́льшей части нечерноземной полосы, т.-е. въ 9 руб. Затѣмъ, для издѣльныхъ мѣстно-

[1]) По поводу того, что оказалось въ серпуховскомъ уѣздѣ (см. выше), нельзя не замѣтить, что редакціонными коммиссіями 10-ти-рублевый оброкъ назначенъ былъ не для всей, а только для части Московской губерніи.

стей нечерноземной полосы оброкъ назначенъ въ 8 руб. за высшій душевой надѣлъ. Наконецъ установлены были еще, въ видахъ охраненія помѣщичьяго интереса, особыя спеціальныя правила соразмѣренія оброка съ самымъ качествомъ поступавшей крестьянамъ въ надѣлъ земли. Такъ, напримѣръ, въ имѣніяхъ тѣхъ мѣстностей нечерноземной полосы, въ которыхъ, положимъ, высшій душевой надѣлъ составляетъ 4 десятины, первыя двѣ десятины представляли бо́льшую цѣнность, чѣмъ остальныя двѣ, потому что удобреніе, какъ утверждали эксперты, обыкновенно далѣе второй десятины не распространяется. Если же въ такихъ мѣстностяхъ пришлось бы въ малоземельныхъ имѣніяхъ всего по двѣ десятины на душу, то оцѣнять такой надѣлъ лишь въ половину противъ 4-хъ-десятиннаго находили точно также несправедливымъ—въ предположеніи именно, что эти двѣ десятины заключаютъ только хорошую землю,—какъ и въ черноземныхъ и степныхъ мѣстностяхъ оцѣнять одинаково съ остальными десятинами надѣла первую, въ составъ которой входятъ усадьбы, огороды и конопляники. Въ тѣхъ же видахъ соразмѣренія оброка съ качествомъ земельнаго надѣла допущено, съ утвержденія губернскаго присутствія, въ тѣхъ имѣніяхъ, въ которыхъ земля особенно дурного качества, пониженіе повинности до 1 руб. съ души, и наоборотъ, допускается увеличеніе оброка на одинъ рубль съ души и даже выше одного рубля въ имѣніяхъ, въ которыхъ крестьяне надѣлены цѣнными поемными лугами, или обезпечены рыбными ловлями, или производятъ обширную торговлю или промышленность и т. д.

Разсматривая изъ повинностей, опредѣленныхъ за крестьянскіе надѣлы, прежде всего денежную, — оброкъ, мы только мимоходомъ упоминали о барщинѣ. Въ дѣйствительности барщина всего болѣе напоминаетъ крѣпостное право. Тѣмъ не менѣе, признано было невозможнымъ сдѣлать, при освобожденіи, переходъ съ барщины на оброкъ обязательнымъ для крестьянъ, но дозволено всѣмъ барщиннымъ крестьянамъ переходить на оброкъ, когда они сами того пожелаютъ. Было только постановлено, дабы не увѣковѣчивать барщины, что договоры о повинностяхъ, отбываемыхъ работою, могутъ быть заключаемы на сроки не болѣе 3-хъ лѣтъ. Съ другой стороны, чтобы оградить помѣщичье хозяйство, переходъ крестьянъ съ барщины на оброкъ обставленъ въ Положеніи извѣстными ограничительными условіями, — переходъ этотъ именно можетъ совершаться только въ опредѣленные въ году сроки, о желаніи своемъ перейти на оброкъ крестьяне должны заявлять помѣщику за годъ впередъ и при наступленіи срока перехода они обязаны внести оброкъ за полгода впередъ.

Такъ какъ выкупъ земель, при содѣйствіи со стороны правительства, представляется главнымъ способомъ развязки обязательныхъ отношеній и такъ какъ издѣльные, состоящіе на барщинѣ крестьяне, если желаютъ воспользоваться такимъ содѣйствіемъ, должны прежде перейти на оброкъ, то изъ этого уже видно, что если и по настоящее время, при общемъ успѣхѣ выкупной операціи, крестьяне во многихъ мѣстахъ все-таки остались еще на барщинѣ, то это, конечно, не по недостатку съ ихъ стороны желанія или по непониманію выгодныхъ для нихъ сторонъ выкупа, а вслѣдствіе невозможности перехода. Предвидѣли это, впрочемъ, при самомъ освобожденіи: «Крестьяне перейдутъ на оброкъ тамъ, гдѣ они имѣютъ средство заработывать деньги для уплаты оброковъ, а въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не представляется къ тому удобствъ, крестьяне останутся на издѣльи. Къ послѣднимъ мѣстностямъ принадлежитъ большая часть нашихъ самыхъ хлѣбородныхъ губерній, гдѣ у крестьянина нѣтъ другихъ средствъ къ заработкамъ, кромѣ хлѣбопашества или найма въ земледѣльческія работы» [1]). Говоря объ этомъ процвѣтающемъ остаткѣ крѣпостного права, слѣдуетъ, для полноты, упомянуть еще, что размѣръ прежней трехдневной барщины нѣсколько уменьшенъ и опредѣленъ сообразно величинѣ надѣла: высшій размѣръ ея за высшій душевой или указный надѣлъ опредѣленъ въ 40 дней мужскихъ и 30 женскихъ, что́, полагая на тягло среднимъ числомъ $2^1/_2$ души, составляетъ 100 дней мужскихъ и 75 женскихъ въ годъ съ тягла. Съ уменьшеніемъ надѣла уменьшается и число барщинныхъ дней, но какъ бы малъ надѣлъ ни былъ, барщина не можетъ быть понижена болѣе, чѣмъ на половину. Правило это установлено въ видахъ огражденія интересовъ помѣщика.

Съ подобными правилами мы въ предшествующемъ изложеніи встрѣчались на каждомъ шагу. Правила эти въ значительной степени дополнялись даннымъ помѣщикамъ правомъ, вмѣсто продажи крестьянамъ одной ихъ усадебной осѣдлости, предоставлять имъ на выкупъ, вмѣстѣ съ усадебною осѣдлостію, и полевой ихъ надѣлъ, хотя при этомъ и высчитано, что выкупные платежи должны быть на 20 и $25^0/_0$ ниже оброковъ, положенныхъ съ крестьянъ. Если бы мы, однако, не ограничились одними самыми крупными предположеніями редакціонныхъ коммиссій и самими общими началами Положеній 19 февраля, а углубились въ подробности дѣла, то такихъ правилъ, установленныхъ въ видахъ огражденія интересовъ помѣщичьяго хозяйства

---

[1]) Обозрѣніе высоч. утвержд. 19 февр. 1861 г. Полож. о крест. 1861 г., с. 91.

и внушенныхъ опасеніями ломки его, мы нашли бы еще безчисленное множество. Лучшее доказательство, скажетъ читатель, какъ бережно, осторожно и съ какою пощадою прикасались къ сложившемуся экономическому быту, который, однако, нужно было преобразовать въ самыхъ основаніяхъ. Мы сами вполнѣ раздѣляемъ такое мнѣніе читателя. Но какъ же объяснить въ такомъ случаѣ тѣ крики о споліаціи, тѣ жалобы на произвольное распоряженіе коммиссіями чужою собственностью и тѣ обвиненія въ коммунизмѣ, которыми оглашался воздухъ въ годину освобожденія? Тутъ возможны два объясненія. Можно сказать, что кричали просто отъ испуга, по безотчетному чувству страха, который вселяла реформа. И такое объясненіе относительно большинства недовольныхъ реформою, которое не въ состояніи было представить себѣ возможность существованія безъ крѣпостныхъ Машекъ и Палашекъ, будетъ совершенно вѣрно. Но иначе представляется дѣло относительно вожаковъ, ораторовъ и публицистовъ партіи, противившейся освобожденію. Они очень хорошо понимали, что какъ ни радикально поставленъ былъ вопросъ преобразованія, но при надѣленіи крестьянъ землею за повинности, въ которыя, до нѣкоторой степени, введенъ разсчетъ за потерю отъ утраты личнаго крѣпостного права и которыя по этому превышаютъ земельный доходъ съ крестьянскаго надѣла, потуги на жертвы, которыя слѣдовало принести на алтарь отечества, не чрезмѣрно же были велики. Ихъ разглагольствованія о споліаціи и коммунизмѣ могли поэтому быть внушены, конечно, не страхомъ, не испугомъ. Они относились къ дѣлу весьма сознательно, весьма разсчетливо: ораторствовали на тему о разореніи какъ можно больше, чтобъ уступить какъ можно меньше. Въ этомъ можно убѣдиться, читая у г. Скребицкаго подлинныя разсужденія о споліаціи и коммунизмѣ. Такихъ разсужденій было не мало и повторялись они на всевозможные лады по очень многимъ вопросамъ. Были, однако, такіе ораторы, которые дали себѣ трудъ свести воедино, если не всѣ, то многія изъ предположеній редакціонныхъ коммиссій, въ которыхъ усматривалось коммунистическое направленіе. Приведемъ одно такое мѣсто. Кн. (И. В.) Гагаринъ, неутомимый въ критикѣ редакціонныхъ коммиссій, отправляется прежде всего отъ общихъ соображеній, что безсрочность отвода земель крестьянамъ есть споліація собственности и что по крайней мѣрѣ долженъ быть изданъ новый законъ для «пересвоенія» собственности отъ одного сословія въ пользу другого; что помѣщикъ есть полноправный вотчинникъ принадлежащей ему земли – редакціонныя коммиссіи, кажется, никогда не посягали на эти вотчинныя права, — что дворянство призывалось только къ улучшенію положенія своихъ крестьянъ, а

не къ отчужденію или пересвоенію поземельной своей собственности и что въ самомъ этомъ улучшеніи должна быть разумная постепенность; что, изъявляя полное сочувствіе и готовность содѣйствовать столь благой цѣли, оно не только отказалось отъ личныхъ своихъ правъ въ пользу правъ гражданскихъ укрѣпленныхъ за ними крестьянъ, но и озаботилось доставленіемъ имъ средствъ на первое, опредѣленное извѣстнымъ срокомъ, время, продолжать земледѣльческій свой промыслъ безъ затрудненія, съ полною свободою труда, и тѣмъ обезпечивать свое благосостояніе. «Дворянство, — говоритъ кн. Гагаринъ, — руководясь этими основаніями, не можетъ согласиться на правила, предлагаемыя редакціонными коммиссіями и въ послѣдующихъ вопросахъ настоящей главы (объ отводѣ и обмѣнѣ земель), какъ, напр.: 1) въ необходимости согласія крестьянъ на опредѣленіе степени того добра и участія, которое помѣщики комитетскими положеніями своими уже доказали въ ихъ пользу; 2) на безсрочный отводъ земель своихъ въ пользованіе крестьянъ; 3) на правила отрѣзки и прирѣзки по придуманному maximum'у и minimum'у; 4) на правила, предполагаемыя вообще при переноскѣ крестьянскихъ усадебъ; 5) на правила замѣны угодій другими, при самомъ составленіи уставныхъ грамотъ; 6) на право крестьянъ требовать отъ помѣщика перенесенія съ его помощію своихъ усадебъ и отмежеванія себѣ угодій; наконецъ, 7) на общій смыслъ правила о дозволеніи помѣщику вымѣнивать у крестьянъ участки отведенной имъ въ пользованіе земли. Всѣ эти предлагаемыя правила противорѣчатъ прямому пониманію о правахъ собственности, *вводятъ, по убѣжденію кн. Гагарина, административнымъ путемъ начало коммунизма*, и колеблятъ всѣ основы государственнаго благоустройства уничтоженіемъ довѣрія въ охранительную силу закона». (Т. II, с. 397). А въ дѣйствительности весь этотъ коммунизмъ, при отводѣ и обмѣнѣ земель, заключался въ томъ, что такъ какъ maximum, т.-е. высшій размѣръ крестьянскаго надѣла введенъ былъ въ интересахъ помѣщика, то въ томъ случаѣ, когда бы, при первоначальномъ утвержденіи этого надѣла, представилась необходимость уменьшить его до высшаго размѣра, или сохранить въ полосахъ черноземной и нечерноземной за помѣщикомъ не менѣе трети принадлежащихъ ему земель, слѣдовало предупредить отрѣзку отъ крестьянъ особенно цѣнныхъ для нихъ угодій. Поэтому отрѣзка отъ крестьянъ, изъ существующаго ихъ надѣла, такихъ частей его, на которыя они положили особый трудъ, какъ-то: огородовъ, коноплянниковъ, навозныхъ пашенъ, дозволена была не иначе, какъ съ согласія самихъ же крестьянъ. Затѣмъ, чтобы не оставлять помѣщика въ черезполосномъ владѣніи съ крестьянами и устранить

поводы къ столкновеніямъ, ему, какъ вотчиннику земли, предоставлено право требовать разверстанія угодій. Такое разверстаніе признано обязательнымъ для крестьянъ, но при этомъ, разумѣется, необходимо было въ точности опредѣлить, черезъ сколько лѣтъ, если не послѣдовало добровольнаго соглашенія насчетъ развода крестьянскихъ угодій отъ господскихъ, требованіе помѣщика въ этомъ отношеніи перестаетъ быть обязательнымъ для крестьянъ, и что, взамѣнъ отходящихъ отъ нихъ земель, имъ должны быть отводимы смежные участки одинаковаго достоинства. Вотъ въ этомъ и заключался весь коммунизмъ, вводимый административнымъ путемъ.

Баронъ Гакстгаузенъ, въ сочиненіи, изданномъ въ 1866 г. объ устройствѣ сельскаго состоянія въ Россіи послѣ крестьянской реформы—сочиненіи, для котораго матеріалы также обработаны были г. Скребицкимъ—говоритъ о Положеніи 19 февраля, что «ни одинъ народъ, ни одно государство въ Европѣ не имѣло и не дожило до всеобъемлющаго законодательства такихъ величавыхъ размѣровъ, и при которомъ такъ внимательно были бы соображены всѣ соціальныя и политическія отношенія» [1]. Такой авторитетъ, какимъ былъ Гакстгаузенъ въ дѣлѣ аграрнаго законодательства, конечно, нельзя упрекать въ нѣсколько оптимистическомъ взглядѣ на нашъ сельскій бытъ подъ тѣми условіями, въ которыя онъ поставленъ Положеніемъ 19 февраля. Дѣйствительно, это было полное и цѣльное законодательство о поземельныхъ отношеніяхъ, какого не существовало въ другихъ европейскихъ государствахъ. Положеніе 19 февраля подводило такія основанія для здороваго развитія народной жизни въ Россіи, которыя въ значительной степени обезпечивали будущность сельскихъ классовъ въ Россіи, можетъ быть лучше, чѣмъ во многихъ другихъ мѣстахъ. Но не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ. Какъ ни неполно было, относительно пользованія землею, освобожденіе сельскаго люда изъ крѣпостной зависимости въ европейскихъ государствахъ, но тамъ крестьянинъ, освобождаясь изъ этой зависимости, входилъ въ составъ общаго полноправнаго населенія, для котораго существовали вездѣ не только въ смыслѣ обезпеченія личности, но главное — народнаго образованія, несравненно болѣе выгодныя условія, чѣмъ у насъ. Трудъ г. Скребицкаго потому и кажется намъ въ высшей степени любопытнымъ, что онъ за время губернскихъ комитетовъ

---

[1]) Die ländliche Verfassung Russlands, ihre Entwickelungen u. ihre Feststellung in der Gesetzgebung von 1861. Leipzig. 1861. стр. 371.

и редакціонныхъ коммиссій даетъ понятіе о всей работѣ освобожденія, почти во всемъ ея объемѣ, во всей ея полнотѣ. Такой трудъ важенъ потому, что показываетъ, на какіе вопросы, на какіе предметы, находившіеся въ связи съ уничтоженіемъ крѣпостного права, обращено было вниманіе въ эпоху освобожденія. Между тѣмъ вопросъ объ образованіи народа, который выводился изъ крѣпостного состоянія, остался при этой работѣ въ сторонѣ. Правда, вопросъ о сельскихъ школахъ поднимался во время работъ по освобожденію, но онъ предоставленъ былъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими предметами, которые должны были войти въ сельскій уставъ, на обсужденіе особой коммиссіи, а соображенія этой коммиссіи не привели ни къ какимъ практическимъ результатамъ. Оставшись внѣ круга собственныхъ занятій редакціонныхъ коммиссій, вопросъ о сельскихъ школахъ для освобожденнаго народа остался до сей поры вопросомъ будущаго и ждетъ еще своего органическаго закона, хотя коммиссіи эти и признавали изданіе сельскаго устава «въ самое непродолжительное время» совершенно необходимымъ. Вообще это недодѣланное дѣло возбуждало въ началѣ работъ по освобожденію гораздо больше заботъ, чѣмъ при концѣ ихъ. Изъ заключительныхъ главъ 4-го т. сочиненія г. Скребицкаго, посвященныхъ матеріаламъ для сельскаго устава, мы знаемъ, что въ отношеніяхъ, препровожденныхъ, по высочайшему повелѣнію, министромъ внутреннихъ дѣлъ къ генералъ-губернаторамъ и начальникамъ губерній, въ дополненіе къ высочайшимъ рескриптамъ объ учрежденіи губернскихъ комитетовъ, въ обязанность комитетовъ вмѣнялось, между прочимъ, указаніе мѣръ, необходимыхъ для распространенія между крестьянами грамотности. Но изъ полученныхъ проектовъ губ. комитетовъ только въ *восьми* находились кое-какія указанія о средствахъ содержанія сельскихъ училищъ. Сама особая коммиссія, которая занималась этимъ вопросомъ, потому, между прочимъ, считала особенно необходимымъ распространеніе грамотности, какъ единственнаго способа ознакомленія крестьянъ съ распоряженіями правительства, что грамотность «дѣйствительнѣе всякихъ другихъ мѣръ предупредитъ безотчетное увлеченіе несбыточными ожиданіями и слѣпую вѣру, съ которою принимаются часто самые неосновательные слухи». Эта особая коммиссія въ соображеніяхъ своихъ добросовѣстно указывала на тотъ фактъ, что въ большей части протестантскихъ государствъ Европы существуетъ обязательное для родителей посѣщеніе дѣтьми ихъ училищъ, до извѣстнаго возраста. Приводился также фактъ обязательнаго учрежденія сельскихъ училищъ и хожденія въ нихъ дѣтей въ остзейскихъ гу-

берніяхъ на основаніи положенія о лифляндскихъ крестьянахъ 1819 г. Заставить крестьянъ содержать сельскія училища вполнѣ на собственный счетъ и вводить съ этою цѣлію особую подать, очевидно нельзя было. Государство должно было явиться на помощь. Если гдѣ либо вопросъ о первоначальномъ образованіи есть вопросъ чисто государственный, и притомъ въ гораздо большей степени, чѣмъ вопросъ о среднемъ и высшемъ образованіи, то это именно у насъ. Расчитывали тогда, что при системѣ правительственныхъ субсидій, потребуется на 5,000 сельскихъ школъ расходъ въ 625,000 руб. въ годъ, т. е. при крайне скромномъ разсчетѣ все таки болѣе того, чѣмъ сколько ассигновано было не очень давно въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія спеціально на устройство народныхъ училищъ. Предполагалось, что, независимо отъ опредѣленнаго пособія отъ правительства, всѣ расходы по устройству и содержанію сельскихъ училищъ должны быть отнесены къ обязанности тѣхъ обществъ, которыя ихъ учреждаютъ, и, по ежегодной смѣтѣ, должны быть включаемы въ число мірскихъ повинностей и раскладываемы подушно на сельскихъ или волостныхъ сходахъ. Окончательно однако предположенія особой коммиссіи, признававшей невозможнымъ дѣлать тогда повсемѣстное учрежденіе сельскихъ училищъ обязательнымъ для обществъ и полагавшей, что однимъ «поощреніемъ» крестьянъ къ открытію училищъ можно достигнуть сколько-нибудь серьезныхъ результатовъ,— окончательно всѣ эти предположенія остались предположеніями и должны были быть переданными тѣмъ вѣдомствамъ, которымъ поручено будетъ составленіе сельскаго устава. На сколько же подвинулось съ тѣхъ поръ въ этихъ особыхъ вѣдомствахъ составленіе сельскаго устава? Онъ остается, какъ и прежде, вопросомъ будущаго. Въ Положеніяхъ же 19-го февраля, въ которыхъ мы находимъ особые отдѣлы о сельскихъ и волостныхъ сходахъ, о сельскомъ старостѣ и волостномъ старшинѣ, о волостномъ правленіи и волостномъ судѣ, мы напрасно будемъ искать особаго отдѣла о сельской или волостной школѣ. Можно, конечно, сказать, что не дѣло аграрнаго законодательства заниматься вопросомъ о сельскихъ школахъ,—хотя это несовсѣмъ справедливо, такъ какъ даже положеніе о лифляндскихъ крестьянахъ 1819 г. содержитъ кое-что въ этомъ отношеніи. Но главное то, что безъ особыхъ, усиленныхъ мѣръ школьнаго образованія для освобожденнаго населенія, наша народная среда останется такою же темной и печальной, какъ и въ былыя времена.

Въ первое время послѣ крестьянской реформы многіе были такого мнѣнія: теперь оставьте народъ въ покоѣ, не тормошите

его никакими новыми перемѣнами и требованіями, какъ бы они сами по себѣ благодѣтельны ни были, дайте народу сперва освоиться съ его новымъ экономическимъ бытомъ, а тамъ придетъ время и другихъ реформъ. Какъ будто бо̀льшія заботы о распространеніи первоначальнаго образованія составляютъ какой-либо переворотъ, исходъ котораго еще неизвѣстенъ, а не предположеніе и условіе успѣха всѣхъ другихъ реформъ. Но, однако, вѣдь кое-что же дѣлается у насъ по части народнаго образованія? Это кое-что въ высшей степени недостаточно и оно составляетъ именно кое-что лишь по отношенію къ тому методу, котораго такъ давно держится наше учебное вѣдомство, въ бюджетѣ котораго, — какъ о томъ безчисленное множество разъ было заявляемо въ печати,—до сихъ поръ нѣтъ никакого отношенія между средствами, назначаемыми на высшее и среднее образованіе, которымъ пользуется болѣе или менѣе достаточное меньшинство, и на первоначальное образованіе для народныхъ массъ. Но развѣ не вездѣ такъ, какъ у насъ? Развѣ не вездѣ средства народнаго образованія поглощаются преимущественно высшимъ и среднимъ образованіемъ, такъ что собственно на первоначальное обученіе народа остаются однѣ крохи? Во-первыхъ, не вездѣ, какъ въ томъ убѣждаетъ Сѣверная Америка, въ которой каждый штатъ имѣетъ особый поземельный фондъ, доходы съ котораго идутъ на элементарное образованіе. Да вѣдь это страшная демократія! На чемъ же, въ такомъ случаѣ, собственно основано наше сочувствіе къ заатлантическимъ друзьямъ? Когда ихъ русское общество принимало съ такимъ восторгомъ и съ такими увѣреніями въ дружбѣ, въ нихъ, кажется, ничего особенно страшнаго не находили. Тѣхъ, которые думаютъ, что то, что у насъ дѣлается для первоначальнаго образованія, достаточно, мы отсылаемъ къ сочиненію князя Васильчикова. Онъ въ 2-мъ томѣ своего «Самоуправленія» (с. 177) высчитываетъ, что для того, чтобы подвинуть у насъ первоначальное образованіе и поставить его на ту ступень, на которой оно находилось еще въ началѣ настоящаго столѣтія у другихъ европейскихъ народовъ, нужно найти неменѣе 12.600,000 р.! Во-вторыхъ: мы находимся, по отношенію къ обязанностямъ дать народу средства къ образованію, въ нѣсколько другомъ положеніи, чѣмъ въ какомъ находится большинство европейскихъ государствъ. Дѣло въ томъ, что у насъ закрѣпощеніе народа и лишеніе его въ теченіи вѣковъ возможности доходить собственными усиліями до нѣкотораго благосостоянія, за которымъ могло бы послѣдовать пробужденіе умственныхъ его потребностей, совершилось не въ силу феодальнаго порядка и завоеванія одного племени другимъ, а во имя вре-

менныхъ потребностей государственной жизни и необходимости обезпечить государству службу служилыхъ классовъ. Служилые люди несли тягло государственной службы, крестьяне, сидѣвшіе на государственныхъ земляхъ, несли тягло служилыхъ людей. Не обязано ли поэтому государство особой заботой объ образованіи тѣхъ классовъ, естественное матеріальное развитіе которыхъ, въ свое время, было остановлено по чисто-государственнымъ потребностямъ, какъ ихъ въ тѣ темные вѣка понимали? Кромѣ того, вслѣдствіе общихъ историческихъ причинъ, нигдѣ въ прошедшемъ не было въ той средѣ и обстановкѣ, среди которой жили народныя массы, такъ мало образовательныхъ, просвѣтительныхъ элементовъ, какъ у насъ. Государство шло у насъ часто впереди отсталой части общества, но тѣ агенты его, тѣ низшія власти, которыя непосредственно соприкасались съ народомъ, были, даже въ лучшіе періоды, не особенно достойными представителями государственной идеи, всего менѣе годились въ воспитатели народа, не могли разумнымъ образомъ направить его къ добропорядочной, гражданской жизни, и больше, по выраженію нашихъ древнихъ памятниковъ, «своего прибытка смотрѣли». По низкому состоянію уровня образованія въ массѣ нашего духовенства и по совершенному отсутствію въ немъ, до самаго послѣдняго времени, всякаго призванія къ пробужденію умственной жизни въ народѣ посредствомъ ученія, нельзя было и съ этой стороны ждать сколько-нибудь просвѣтительнаго вліянія. Тутъ умственная жизнь могла и можетъ имѣть своимъ источникомъ только школу.

Время между тѣмъ уходитъ. И съ тѣхъ поръ, какъ прусскій «школьный учитель» началъ одерживать свои побѣды и передѣлывать карту Европы, вопросъ народной школы становится вопросомъ народнаго могущества. Намъ нечего уже такъ далеко обращать свои взоры, какъ въ Сѣверную Америку. Примѣръ для насъ не за-морями, а на нашей европейской границѣ. Но не рано ли вводить у насъ, по примѣру Пруссіи и остальной Германіи, начало обязательнаго образованія? Въ странѣ Петра Великаго это начало не будетъ новымъ, мы думаемъ, что исторически оно у насъ раньше явилось, чѣмъ гдѣ-нибудь, но остановилось на одномъ высшемъ классѣ, и потомъ заглохло. А безъ этого начала развѣ можетъ совершиться освобожденіе народа отъ оковъ вѣкового невѣжества?...

В. О.

ГОДИЧНАЯ ВЫСТАВКА

въ

АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ.

Теперь ли, когда гремитъ военная гроза и льетъ потоки человѣческой крови; когда крики побѣдъ заглушаютъ вопли мукъ и отчаянія; когда сокровища ума и науки, накопленныя вѣками, когда спокойствіе, счастье, домашній очагъ и самая жизнь многихъ сотенъ тысячъ людей, когда все, — даже понятіе о чести и долгѣ, о человѣколюбіи, о просвѣщеніи и братствѣ, — все принесено и повергнуто къ подножію алтаря «бога битвъ»; когда самыя адскія бойни человѣческія приписываются самыми искренними вѣрующими «милости» именно этого бога, — теперь ли говорить, теперь ли думать, теперь ли знать объ искусствѣ! Не вопіющая ли это безчувственность, не просто ли преступленіе передъ лицомъ во-очію ступающей своею грозною стопою исторіи? Искусство! Теперь другого не должно быть искусства, кромѣ искусства наступать, мять, громить, отбрасывать и брать на капитуляціи; отторгать земли съ ихъ населеніемъ, точно злачныя пастбища со скотомъ; обѣщать, чтобъ не дать, давать, чтобъ получить вдесятеро... Словомъ, теперь ли у мѣста мирныя, чистыя, благія намѣренія и исполненія, задачи и замыслы этого кроткаго «бога искусствъ», который никого не мнетъ и не отбрасываетъ, ничего не пріобрѣтаетъ и ничего не даетъ! Теперь-ли? Да, именно теперь! И теперь именно оттого, что добрый богъ этотъ одинъ еще въ состояніи показать во-очію, что есть вещи, которыхъ мѣдная стопа исторіи не въ силахъ затоптать; что нива, измятая копытами конницы, ногами пѣхоты и колесами лафетовъ, не лишится корней и что эти корни пустятъ новые ростки, только бы унялись конница съ пѣхотой и лафетами. Бѣлая горячка человѣчества пройдетъ и выздоравливающее оно

благословитъ — вѣчное, какъ каждая весна обновляющее душу искусство! Будемъ же говорить о немъ, говорить чаще и больше, ростить его гуще и выше — и авось оно своими вѣтками мирта и дуба заглушитъ тѣ лавровыя вѣтви, изъ которыхъ такъ неумѣренно наплетаются вѣнки за увѣчья, кровь и бѣдствія людей...

Но если надо вообще говорить объ искусствѣ, то о русскомъ говорить надо въ особенности. Оно не привыкло къ этому; оно тщетно прислушивается къ толкамъ: толкуютъ обо всемъ понемножку, о многомъ толкуютъ даже помногу — не исключая размалеванной посуды, отдающей деревяннымъ масломъ,—только о самомъ-то искусствѣ и не говорятъ. А если кто заговоритъ, обнаружитъ только нетонкую эстетическую кожу: начнетъ восхвалять то, чего нѣтъ никакой возможности похвалить—лишь бы хвалить именно то, чего похвалить невозможно; пойдетъ носиться съ новинкой, только за то, что она новинка; сегодняшнее ставить въ примѣръ и назиданіе за то, что оно не похоже на вчерашнее, часто за то, что оно ни на что не похоже! Художникъ становится въ тупикъ и опускаетъ голову. Но хорошо еще, когда опускаетъ. А вотъ бѣда, какъ онъ ее подымаетъ, да и пустится съ выданнымъ ему печатно пропускомъ по дебрямъ здраваго смысла и вкуса... Не говорящіе, но пекущіеся объ искусствѣ многочисленнѣе; только и имъ не всегда счастливится. Затѣятъ они, положимъ, съ намѣреніями самыми похвальными, почтить историческую драму великаго отечественнаго поэта; вызовутъ изъ кабинетовъ науку и изъ мастерскихъ художество; станкамъ на фабрикахъ закажутъ ткать особыя ткани, рукамъ — вязать особыя ферязи; кистямъ писать пейзажи и дворцы, а электрическому солнцу обливать все это своими лучами. Ни одна подробность археологіи, ничто не ускользнетъ отъ зоркаго глаза... онъ все предусмотритъ, — но не предусмотритъ одного, а именно, что люди, на которыхъ работаютъ станки и которыхъ озаряетъ электричество, пребываютъ въ нѣкоторой неизвѣстности касательно не только исторіи или археологіи, но и самаго искусства чтенія стиховъ, — обстоятельство едвали способствующее съ тѣмъ же успѣхомъ, съ какимъ они привыкли передавать брантмейстеровъ и департаментскихъ сторожей, — передать

Земли родной минувшую судьбу....

Судьба, разумѣется, выходитъ плачевная, и попеченіе пропадаетъ даромъ.

Попечительница «свободныхъ» искусствъ—Академія, печется о нихъ, какъ и слѣдуетъ, сугубо. Она матерински разставляетъ руки около ступающаго на ноги художества и не можетъ себѣ вообразить, какимъ образомъ оно можетъ не набить себѣ шишекъ на лбу, ступая безъ нея. Она устроиваетъ для него помочи въ видѣ программъ, конфекты

въ видѣ медалей, и когда оно уже совсѣмъ «папька»—разныя почетныя званія, съ присвоенными имъ «классами» и мундирами по классу. Начиная съ классовъ, художникъ и оканчиваетъ классами; появляясь на свѣтъ съ программою какого-нибудь «Іова съ друзьями», или «Довѣрія Александра Македонскаго къ врачу», онъ удаляется съ иконою и довѣріемъ къ своему высокому дару, засвидѣтельствованному высокимъ чиномъ... Напрасно говорятъ и пишутъ, смѣются и досадуютъ, — ни иронія, ни гнѣвъ не выводятъ этихъ Іововъ, ни иронія, ни гнѣвъ не роняютъ Александровъ, и тщетно художники, злоупотребившіе довѣріемъ къ нимъ и признанные за то къ дальнѣйшему прохожденію художественнаго поприща негодными, обнаруживаютъ замѣчательныя способности къ изображенію горькой доли какого-нибудь Пахома, или довѣрія мелкаго чиновника ко всемогуществу двадцати-пяти рублей въ мѣсяцъ, чтобъ накормить, одѣть и пріютить съ семьею... Напрасно отличившіеся въ «Александрахъ» и «Іовахъ» всѣмъ своимъ дальнѣйшимъ прохожденіемъ доказываютъ, что они только способны проходить по лѣстницѣ чиновъ и выгодныхъ мѣстъ, а въ искусствѣ оставаться вѣчно на одномъ мѣстѣ... Всѣ знаютъ и видятъ, что первымъ суждено создать возникающее у насъ художество, что *они* плодъ нивы, а тѣ—репейники и сорныя травы;—не хочетъ этого видѣть одно сугубое попеченіе и систематически плодитъ исполнителей. Говорятъ, заданная программа, скомпанованная и набросанная художникомъ, тутъ же, не выходя изъ залы, даетъ возможность судить объ его способности сочинять и выполнять; а дайте ему на произволъ сочинить и выполнить, что̀ ему самому вздумается, — и онъ явится совсѣмъ приготовленный; между тѣмъ, какъ захваченный въ расплохъ, обнаружитъ всю свою несостоятельность. Не знаю, въ какой мѣрѣ вообще военныя хитрости приложимы къ мирному искусству; но даже допустивъ преимущества захватовъ въ расплохъ, нельзя, кажется, не согласиться, что кто неспособенъ къ вымыслу, не одаренъ сообразительностью и вкусомъ, а только *вы-учился* компановать и рисовать, тотъ хоть и справится съ вымышленнымъ за него другими, но никогда ничего не съумѣетъ сдѣлать, если ему не зададутъ, или за него не выдумаютъ. Человѣкъ же съ воображеніемъ, художественнымъ чутьемъ и вдохновеніемъ, навѣрное не отличится, въ пляскѣ подъ чужую дудку: у него свои представленія, свои симпатіи, свой міръ, имъ самимъ, хоть слабо, но уже ощущаемый, смутно, но уже видимый; онъ непремѣнно помѣшаетъ ему ощущать и видѣть тотъ—другой міръ, чуждый ему и, можетъ быть, антипатичный, въ который его толкаютъ силою, заманиваютъ въ расплохъ. Да и въ одной ли живописи или скульптурѣ это встрѣчается: великіе художники сценическіе, потрясавшіе сердца въ комедіи и драмѣ, были признаваемы, *по экзамену*, неспособными и обращаемы въ балетъ... Я убѣжденъ, что Гоголь гораздо хуже сочинялъ на тэму «вос-

ходъ солнца», чѣмъ какой-нибудь столоначальникъ, а Михаилъ Глинка никогда не возвысился бы до сочиненія кантаты на тезоименитство своего начальника... Даровитѣйшіе изъ живописцевъ русскаго быта, Ѳедотовъ и Перовъ,—первый ни за что не овладѣлъ бы мало-мальски приличнымъ «довѣріемъ», а второй за свою мадонну, выставленную нѣсколько лѣтъ назадъ, долженъ бы, по настоящему, быть признанъ къ дальнѣйшему прохожденію негоднымъ... И выходитъ, что попеченіе плодитъ столоначальниковъ, съ актерами и художниками съ подряда, а отвергнутые имъ Гоголи, Мартыновы, Ѳедотовы и Глинки насаждаютъ цѣлыя школы въ искусствѣ...

Однако, — остановятъ насъ люди практическіе, благоразумно-преданные разъ установленному порядку,—однако, скажутъ они, покуда существуютъ испытанія на экзаменѣ и поощрительныя медали съ тѣмъ болѣе поощряющими въ перспективѣ мундирами по классу, нельзя же хоть чего-нибудь не задавать, хоть въ чомъ-бы то ни было не испытывать и во всякомъ случаѣ не поощрять? Справедливо. И такъ какъ съ такою силою не считаться нельзя, то я готовъ даже пойти на компромиссы. Извольте, продолжайте испытывать и задавать; продолжайте запирать испытуемыхъ и не выпускать изъ стѣнъ залы, покуда они не исчертятъ многихъ листовъ бумаги богами и героями, лицами церковной и свѣтской исторіи; я оставляю за вами вашу тактику захватовъ, а вы за это уступите мнѣ вотъ что: собравъ художественную молодежь, скажите ей прежде всего, что для нея открыты — древность и современность, исторія и библія, писанія евангелистовъ и книги свѣтскихъ писателей, тоги и мундиры, кафтаны, армяки и фраки, — словомъ, что ей открыто все, и пусть каждый выбираетъ себѣ по сердцу тотъ *родъ* (замѣтьте, только родъ), на которомъ ему хотѣлось-бы попытать силы. Тогда любителю исторіи уже *вы*, по своему выбору, задаете сюжетъ историческій; поклонникамъ тоги, мундира, фрака, указываете *вы* героя, генерала, чиновника и т. д. Значитъ, приготовиться никто не успѣетъ—ему останется неизвѣстно, Александра ли Македонскаго, или Геліогабала, Нептуна или Кентавра готовитъ ему слѣпая судьба; онъ знаетъ одно, что если имъ возлюблена древность, то передъ нимъ не предстанетъ Акакій Акакіевичъ, или если онъ скромный витатель мирныхъ чердаковъ и департаментовъ Петербурга, то на него не обрушится шлемъ Ахиллеса или Дмитрія Донского. Затѣмъ, запирайте съ богомъ вашн жертвы и заставляйте ихъ показывать лицомъ умѣнье стряпать программы, безъ которыхъ выбитыя медали не нашли бы себѣ примѣненія. Кажется, хоть съ этимъ-то можно бы согласиться?

Но покуда мой реформъ-билль доживетъ до своего осуществленія, приходится обозрѣвать ежегодно *одинъ* сюжетъ, заданный цѣлому сонму учениковъ, и видѣть или перевороченнаго на всѣ стороны Іова,

какъ то было въ прошломъ году, или «довѣряющаго» на всѣ лады Александра, какъ въ нынѣшнемъ. Вся разница въ томъ, что прошлогоднее лежанье изображалось одними красками, а нынѣшнее довѣріе проявилось и въ краскахъ и въ глинѣ. Принявъ лекарство, мужественный царь совершенно овладѣлъ академическимъ совѣтомъ, который, надо полагать, лекарства боится, и потому рѣшено царя обезсмертить. Но вѣдь то, что Александръ Македонскій — герой, еще гораздо раньше зналъ учитель уѣзднаго училища и даже по этому поводу стулья ломалъ. Зачѣмъ же опять причинять убытокъ казнѣ?

Будучи склоненъ вообще относиться съ осторожностью къ произведеніямъ родного художества — этого цвѣтка не настолько окрѣпшаго, чтобъ выносить суровые удары критики, — я тѣмъ менѣе могу допустить суровость относительно программъ. Напротивъ, я укажу даже на одну изъ нихъ, работы г. Семирадскаго, какъ на удачную, серьезно обдуманную, хорошо сочиненную, по аксессуарамъ весьма похвальную и удовлетворительно написанную. Маленькій недочотъ въ размѣрѣ согнутаго колѣна больного Александра хотя и составляетъ прегрѣшеніе противъ рисунка, но его можно скорѣе объяснить невниманіемъ; гораздо болѣе вредитъ картинѣ неудачный выборъ типа для головы главнаго дѣйствующаго лица. Кто, какъ не македонскій герой могъ дать совершенный просторъ воображенію въ созданіи идеала мужественной и изящной красоты? чѣмъ красивѣе, чѣмъ поразительнѣе была бы эта голова, тѣмъ она ближе отвѣтила бы представленію объ Александрѣ. Между тѣмъ, мы видимъ типъ довольно простой и невыдающійся изъ ряда обыкновенныхъ. Болѣзнь не оправдываетъ здѣсь ничего, — строгая красота, красота линій, не теряетъ отъ недуга,—отъ него теряетъ одинъ колоритъ, и изможонное страданіемъ прекрасное лицо пріобрѣтаетъ особенно привлекательную, а для живописи и очень выгодную поблеклость. Скорѣе надо предположить, что начинающій художникъ благоразумно придерживался натуры и не рѣшился писать безъ нея: а какую же, скажите, натуру для антика могли представить современные обыватели Васильевскаго острова? Но можетъ быть и то, что вовсе не античная красота на умѣ у г. Семирадскаго, а простая реальная курносость Пахома, которую онъ и изобразилъ бы отлично,—да его заставили (и для этого заперли) непремѣнно изобразить «а́нтикъ». Безъ а́нтика, дескать, никакъ невозможно!

И тянутся вереницей, изъ года въ годъ, испытывая послушаніе учениковъ, неумолимые а̀нтики, эти латинскія склоненія художества, чтобъ забываться также легко и скоро, какъ медленно и трудно они достаются. Найдите мнѣ чудаковъ, которые въ зрѣломъ возрастѣ разговаривали бы по-латыни. Укажите на художника, одѣвающаго тогой натурщика по своей доброй волѣ? Мнѣ, по крайней мѣрѣ, не удава-

лось слышать латинской болтовни между друзьями. Тога уцѣлѣла всего одна, да и та въ римской мастерской г. Бронникова. Но судя по нѣкоторымъ признакамъ, можно ожидать, что и ея дни сосчитаны. Вѣтерокъ съ улицы повѣялъ и въ эту сторону; тога на минуту сложена въ уголъ—и современная жизнь (пока еще римская), во фракахъ и треугольныхъ шляпахъ, уже переступила ея порогъ. Безъ Алкивіада съ Аспазіей дѣло, конечно, не обошлось; императора Августа заставилъ-таки г. Бронниковъ поиграть съ дѣтьми, а Пиѳагорейцевъ—пропѣть гимнъ восходящему солнцу. Во всей этой античности обнаружилось опять умѣнье вѣрно и строго рисовать, умно сочинять, съ искусствомъ и опытностью писать, и еще разъ — полное отсутствіе именно античнаго чувства. Даже такой мотивъ, какъ гимнъ Пиѳагорейцевъ, счастливо отысканный художникомъ, не въ состояніи былъ исторгнуть изъ него поэтическаго порыва, разогрѣть его палитру. А мотивъ совсѣмъ лирическій!

Надъ голубыми равнинами Эгейскаго моря, на горѣ еще повитой послѣдними покровами передразсвѣтной мглы, поклонники свѣтила дня, подъ складками длинныхъ бѣлыхъ тогъ, съ кудрями вѣнчанными лавромъ, ударяя въ цевницы, гнутъ свои колѣни передъ первыми алыми лучами трепетно ожидаемаго бога.... Тутъ и убѣленные старцы, и мужи и юноши; даже малый отрокъ прибѣжалъ тайкомъ и съ какимъ-то благоговѣйнымъ страхомъ вытягиваетъ свою тонкую шею въ сторону, откуда брызнули священные лучи.... Вотъ они разольются по голубому небу и затопятъ червоннымъ золотомъ лазурь Эгейскаго моря, и гору, и тоги поклонниковъ, и сгонятъ съ нихъ, съ земли и съ моря послѣдніе слѣды ночи. Лиризма и красокъ столько, что даже въ г. Бронниковѣ какъ-будто что-то дрогнуло, будто мелькнула нѣкоторая наклонность выразить что-то поэтическое.... Но и только. Самаго гимна не пропѣлъ художникъ. Такъ пѣвецъ безъ голоса тщетно силится передать волны музыкальныхъ звуковъ....

Толкнулся нашъ профессоръ и въ скромныя стѣны чистенькаго мѣщанскаго довольства современности, и въ скорбные, пустые, сырые чердаки нищеты; но какъ съ пиѳагорейцами не утратилъ своего ровнаго душевнаго настроенія, такъ не разстроился и при видѣ «Бѣднаго семейства, прогоняемаго съ квартиры», пребылъ непоколебимъ и отъ идилліи «Имянинницы» — разодѣтой, милой старушки, не безъ грусти празднующей, можетъ быть, послѣдній разъ со старымъ другомъ день, который праздновала съ нимъ такъ долго! Передъ нею на столѣ букетъ свѣжихъ цвѣтовъ—издавна установленное приношеніе когда-то свѣжей, какъ они, имянинницѣ, теперь съ серебряными локонами и тонкими морщинами на щекахъ.... Давній юноша, тоже весь убѣленный зимою долгой жизни, въ чистомъ, бѣломъ колпакѣ и туфляхъ, поднялъ въ рукѣ стаканъ краснаго вина. Съ доброю

улыбкою, полною памяти чего-то еще свѣтлаго, чего-то розоваго, онъ привѣтствуетъ пожеланіями умиленную старушку... На третьемъ мѣстѣ, пустомъ, помѣстилась хозяйкина собачка и съ степенной пристойностью глядитъ на обѣдающихъ.

А вотъ и трагическое въ жизни. Жирный домовладѣлецъ привелъ папскаго жандарма—выживать изъ сырыхъ стѣнъ неплатящаго работника. Кругомъ нищета; дѣти, рыдающая жена — на мокромъ полу. Вчера еще казалось, что хуже этого и быть не можетъ. Сегодня онъ видитъ, что можетъ быть еще хуже. Дверь открыта настежь и въ нее косо хлещетъ дождь съ улицы. Тамъ твое мѣсто!—указываетъ неумолимый хозяинъ. Жандармъ въ треуголкѣ безучастно смотритъ по сторонамъ. Когда дойдетъ до того, чтобъ брать за шиворотъ, онъ себя покажетъ, а покуда ему тутъ дѣлать нечего. Выгоняемый стоитъ убитый, отупѣлый и ждетъ своей судьбы...

Опять счастливо и умно отысканный мотивъ; умное и добросовѣстное исполненіе, и опять-таки невозмутимость человѣка, незабывающаго латынь.

Да, безъ поэзіи, безъ огня и увлеченія, безъ юмора, безъ слезъ и смѣха нѣтъ полнаго художника! Его мотивы не трогаютъ, его драма не поражаетъ, типы не мечутся передъ глазами. Онъ можетъ быть дѣльнымъ, почтеннымъ, строгимъ хранителемъ законовъ и правилъ искусства, но двигателемъ сердецъ онъ никогда не будетъ.

Не менѣе ума и знанія своего дѣла представляетъ и выставленная г. Худяковымъ картина изъ исторіи Казани. Послѣдняя татарская царица Сююнбека увозится въ Москву, обставленная всѣмъ почотомъ ея прежняго сана. Полувосточная роскошь окружаетъ ее въ лодкѣ, на которой она, можетъ быть, совершала свои царственныя прогулки по Волгѣ, а теперь отплываетъ развѣнчанною и навсегда отъ провожающаго ее народа. Этотъ провожающій народъ очень искусно раскиданъ по всему заднему плану картины: толпы бѣгутъ, заглядываютъ подъ яркій балдахинъ, гдѣ сидитъ убитая, опустивъ голову, Сююнбека. Маленькій сынъ ея, типичный татарченокъ, вопросительно-испуганно смотритъ на мать,—онъ не понимаетъ что̀ съ нею сдѣлалось. Онъ ее прежде такою не видывалъ, когда катался съ нею въ этой лодкѣ.... Приставы русскаго царя составляютъ контрастъ татарамъ своими славянскими лицами и кафтанами.... Позади плывутъ еще лодки.... Вдали виднѣется Казань.... и изъ нея толпы валятъ да валятъ со всѣхъ сторонъ, бѣгутъ, тѣснятся — кто даже повалился на земь.... Прискакалъ конный татаринъ: самъ онъ и его лошадь еще сохранили въ своихъ позахъ только что остановленное быстрое движеніе—и оба уставились въ ту сторону, гдѣ тянется процессія.... Перепуганное стадо овецъ шарахнулось отъ берега и сбилось въ кучу. Эти подробности чрезвычайно хорошо задуманы и выполнены. Татар-

скій характеръ, изученный художникомъ на мѣстѣ, переданъ вѣрно. Отчего же картина не производитъ впечатлѣнія? Отчего она никому не нравится? А вотъ отчего: бѣдствія Сююнбеки, можетъ быть, еще и способны вызывать сочувствіе въ татарскихъ сердцахъ, но ужъ никакъ не въ нашихъ. Притомъ въ картинѣ, хотя и написанной очень тщательно, краски черезъ-чуръ ярки и пестры... А все же жаль, что потрачено столько ума, знанія, соображеній, изученій и трудовъ, почти безплодно.

Г. Сѣдовъ изъ исторіи того же времени выбралъ сюжетъ гораздо интереснѣе и благодарнѣе. Передъ нами царь Иванъ Грозный, съ знаменитымъ остроконечнымъ жезломъ въ рукахъ, а передъ Иваномъ— знаменитый опричникъ Малюта Скуратовъ. Чего еще интереснѣе и благодарнѣе! Какого художника не прельстила бы та богатая игра выраженія дѣйствующихъ лицъ, какая неминуемо сопровождала бесѣды съ глазу на глазъ этихъ двухъ человѣкъ? Трудно вѣдь допустить, чтобъ они преимущественно о погодѣ разговаривали. А между тѣмъ г. Сѣдовъ избралъ предметомъ именно разговоръ о погодѣ. Можетъ быть, случалось и это, — сказалъ онъ себѣ, и посадилъ царя Ивана истово и вѣжливенько на бархатную скамью, а рыжаго Малюту заставилъ рапортовать ему о томъ, что погода ноньче, благодареніе Всевышнему, отмѣнная. Слушаетъ царь и думаетъ: предобрый право этотъ Малюта, и даже преглупый, — о чемъ рѣчь только завелъ. А самъ ничего, тоже добрый и вовсе на себя даже мало похожъ. Намъ кажется, что и Малюта больше похожъ на дрянного рыжаго мужичонку, чѣмъ на злого татарина, какимъ онъ былъ на дѣлѣ; но синій бархатъ его кафтана, но его соболья шапка, и сапоги, и все что́ есть въ этой царской палатѣ и все что есть на царѣ и около царя—парча, кожа, бархатъ, — ковры и молитвенникъ, — все это послужило такимъ источникомъ вдохновенія для художника, что невозможно не отозваться на эти мѣха, на эти ткани, на эти кожи и вообще на все, кромѣ того, что въ нихъ или подъ ними.... Видя такое душевное влеченіе живописца къ предметамъ надѣваемымъ и раскладываемымъ, готовъ подумать, что не затѣмъ ли ужъ тутъ и царь Иванъ, и Малюта, чтобъ только было на кого эти предметы надѣть и около кого разложить? Археологія, конечно, имѣетъ свое мѣсто въ искусствѣ, но она еще не искусство. За доказательствомъ— просимъ обратиться къ работѣ г. Сѣдова и къ петербургской сценѣ съ пушкинскимъ Годуновымъ.

Полными и истинными художниками являются гг. Гунъ, Перовъ, баронъ Клодтъ (пейзажистъ) и Дюккеръ. Такія работы могутъ занять всегда мѣсто и на большихъ европейскихъ выставкахъ, гдѣ онѣ если и не будутъ особенно замѣчены, то во всякомъ случаѣ одобрены. У насъ же это лучшіе перлы художественныхъ трудовъ за цѣлый годъ.

Г. Гунъ, уже прежде показавшій рѣзкое искусство—въ одной фигурѣ стараго фанатика, который нашиваетъ торопливо при ночной лампѣ сухою жилистою рукою большой бѣлый крестъ на свою шляпу, выразить близкій ужасъ готовящейся варѳоломеевской рѣзни,—возвращается снова къ той же кровавой ночи. Только эпизодъ, теперь избранный художникомъ, сложнѣе и число фигуръ больше. Подъ покровомъ ночи и креста тутъ совершается и нѣчто мірское: грубый солдатъ-католикъ, очевидно разсчитывая угодить вельможѣ, своему начальнику, а можетъ быть и исполняя его приказаніе, только-что убилъ благороднаго гугенота въ его замкѣ. Молодая, прекрасная жена оплакиваетъ простертую на полу бездыханную жертву, а счастливый вельможа прибѣжалъ на шумъ, и съ напряжоннымъ вниманіемъ всматривается въ помертвѣлыя черты: точно ли докучная помѣха между нимъ и любимою женщиною перестала существовать? Убійца-солдатъ съ развязнымъ торжествомъ смотритъ на своего повелителя и принимается безцеремонно тащить отъ трупа бѣдную вдову, которая впилась въ него скорбнымъ взоромъ, какъ бы желая напечатлѣть на вѣки тотъ помертвѣлый образъ... Блѣдное утро освѣщаетъ кровавую сцену...

Драма, и сосредоточена, и выражена превосходно. Типы лицъ, контрасты выраженій и ощущеній; позы дѣйствующихъ и особенно смѣлый мастерской ракурсъ тѣла убитаго, обращеннаго затылкомъ на первый планъ картины, — (такъ и хочется заглянуть ему въ лицо сверху) все прекрасно задумано и выполнено. Обстановка и стѣны комнаты, опрокинутая въ минуты борьбы мебель, коверъ на полу, всѣ малѣйшія мелочи костюмовъ, дополняютъ общее достоинство картины. Они не предъявляютъ своихъ правъ на исключительное вниманіе, но привлекаютъ его уже послѣ, путемъ естественнаго перехода отъ живыхъ существъ, отъ ихъ страстей и движеній; они, какъ и слѣдуетъ быть, фонъ и аксессуаръ картины, а не самая картина. Ступая такъ, г. Гунъ обѣщаетъ достигнуть высотъ искусства. А если на послѣдней парижской выставкѣ, гдѣ былъ этотъ холстъ, художникъ непритворно выражалъ соотечественникамъ сознаніе своего ничтожества рядомъ съ произведеніями европейскихъ мастеровъ и искренно говорилъ, что онъ только теперь узналъ, что ничего не знаетъ, — то обѣщаніямъ этимъ, конечно, суждено осуществиться.

Г. Перовъ—реальный русскій бытовой поэтъ. Его «Птицеловъ» уже извѣстенъ по весенней выставкѣ въ обществѣ поощренія художниковъ. Рядомъ съ нимъ всталъ «Странникъ»—всего одна фигура; но до чего только достигъ художникъ въ этой фигурѣ! Такихъ людей писалъ одинъ Гоголь, да иногда Островскій. Длинная, на вѣху похожая фигура; рыжая разсусленная борода и усы какъ-то пошли въ одну сторону, а плутоватые, быстрые глазки такъ вотъ и впиваются въ душу—точно хотятъ влѣзть въ нее, чтобъ посмотрѣть: нѣтъ ли такого уголка

въ ней, куда бы удобно забраться. Набожныя московскія барыни должны бѣжать какъ кролики на эти змѣиные глазки. Руки—жилистыя, заскорузлыя, большія руки, сложенныя одна на другую, рыжій балахонъ, лапти, затасканная котомка за спиною и холщевой зонтикъ, жестяная кружка за поясомъ,—все до послѣдней мелочи все дышетъ рѣзкимъ, твердымъ, вѣрнымъ типомъ и послѣднею тонкостью художественной отдѣлки...

«Спящіе мальчики» не такъ особенны. Они даже нѣсколько сродни знаменитымъ мурильевскимъ, а ступня ноги одного изъ нихъ какъ будто не по росту...

Кромѣ этихъ картинъ, г. Перовъ выставилъ еще одну—портретъ извѣстнаго пьяниста Антона Рубинштейна. Такая живопись встрѣчается у Рембрандта, изъ нашихъ же на лучшихъ портретахъ Брюллова. Нѣсколько невыгодный наклонъ головы, отчего вѣки, и безъ того нависшіе, нависли на глаза еще болѣе, оправдывается естественностью позы и характеромъ натуры. Г. Перовъ понятія не имѣетъ о томъ, какъ можно сажать «красиво», вывихивая члены, свертывая головы и вообще обращаясь съ позирующими, какъ принято. У него и не позируютъ даже, а просто сидятъ. Онъ какъ будто возьметъ да и напишетъ совсѣмъ живого человѣка, какъ его засталъ.

Портретъ Николая Рубинштейна не вполнѣ удаченъ. Доказательствомъ служитъ то, что только отъ костяного набалдашника его трости, удивительно написаннаго, не можешь отвести глазъ.

Какъ г. Перовъ воплощаетъ съ необычайною правдою и трезвою простотой русскую жизнь, такъ баронъ Клодтъ воспроизводитъ русскую природу. Онъ живописецъ ея убогой красы, неяркаго ея неба, избушекъ на курьихъ ножкахъ и задумчивой плоской дали...

Работая послѣднее время настойчиво и упрямо надъ полнымъ достиженіемъ русскаго пейзажа, онъ отыскалъ, можно сказать, его типъ. Настоящая работа — тотъ идеалъ, къ которому онъ стремился. Какое-то спокойствіе истины разлито по этому холсту, принявшему на себя цѣликомъ тихій родной полдень, курчавыя березки, поле, которое стелется и зеленѣетъ, даль, которой словно конца нѣтъ.... а впереди, отражаясь въ стеклянной рѣкѣ, по колѣни въ водѣ ищутъ слабой прохлады коровы... Да, это она, незатѣйливая, кроткая и въ самой невзрачности своей милая русская природа, безъ прикрасъ и обличенія, ставшая достояніемъ искусства.

Что касается выполненія, то далѣе не должна идти оконченность и лучше невозможно согласовать подробности съ цѣлымъ. Картина не имѣетъ диссонансовъ—все въ ней гармонично, стройно и въ мѣру.

Порывистая кисть г. Дюккера уловила иной моментъ изъ жизни природы, — моментъ случайный, преходящій, но полный поэзіи и заманчивыхъ переходовъ изъ тона въ тонъ. Надъ землею только-что пролился дождь —

Послѣдняя туча разсѣянной бури
еще темнитъ край неба; деревья еще крутитъ вѣтеръ; а золотой лучъ нетерпѣливаго солнца уже охватилъ кольцомъ пригорокъ, побѣжалъ лугомъ—и все блеститъ и лоснится, смоченное дождемъ...

Картина написана сразу—*alla prima* и *con una furia*, какъ говорятъ въ Италіи,—«нарвана», какъ выражаются у насъ, за что многіе и упрекаютъ художника.

— Помилуйте, говорятъ,—вѣдь картину эту ему *заказала* Академія, чтобъ по ней учились; а развѣ по ней можно учиться?

По ней учиться, точно, нельзя; но можно научиться Академіи, что «заказываютъ» сапоги и не заказываютъ картины — ихъ покупаютъ, когда онѣ написались безъ заказа и удались. Г. Дюккеръ, по моему, заслуживаетъ особенной похвалы за то, что онъ не съумѣлъ написать заказаннаго, что взявшись за кисть, не думалъ объ Академіи, а вылился тѣмъ моментомъ вдохновенія, какое вызвалъ изъ его души поэтическій моментъ природы. Значитъ, онъ истинный художникъ, и вдохновенный художникъ. А это у насъ особенная рѣдкость.

Маленькая приписка «Указателя» выставки къ имени г. Дюккера: «жительство въ Дюссельдорфѣ», пріятно дѣйствуетъ на ожиданія въ будущемъ.

Послѣ перечисленныхъ лучшихъ работъ, укажу на такія, которыя могутъ занять мѣсто вслѣдъ за ними. Это труды гг. барона Клодта 2-го, Брюллова (сына архитектора), Лагоріо, двухъ Маковскихъ, Боброва (портретиста), Беллоли, Коцебу, Бирштэта и другихъ.

«Антикварій» и «Евреи» б. Клодта отличаются свойственною этому даровитому художнику оконченностью и тонкостью работы. Евреи очень типичны, а антикварій, съ аппетитомъ потирающій руки передъ разставленными старыми вещами, какъ лакомка передъ закуской, — былъ-бы превосходенъ, еслибы обращено было столько же вниманія на рисунокъ и выполненіе тѣла, сколько употреблено его на чашки, вазы и другіе аксессуары, выполненные удивительно, и въ тоже время съ необыкновеннымъ вкусомъ и мѣрою, нисколько не въ ущербъ мягкости и изяществу.

Молодой Брюлловъ пріятно напоминаетъ своимъ именемъ, что таланты иногда даются цѣлому роду, и переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Его «Отдыхъ послѣ работы» не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что дебютанту суждено съ честью носить заслуженное имя. Жатвенное поле разстилается кругомъ золотою парчою и на ней высятся копны, а на копнахъ въ разсыпную отдыхаютъ жницы. Лѣтній день и поле почувствованы и переданы художникомъ съ тѣмъ молодымъ инстинктомъ, какой дается немногимъ; жницы очень живописно (можно бы даже менѣе живописно) раскинулись для отдыха. Письмо вкусное и красивое, нѣсколько небрежно; колоритъ пріятный... Словомъ, г. Брюл-

ловъ — надежда. Пускай только не обманываетъ онъ, какъ то иногда случается съ «надеждами»....

Маковскій, старшій, исполнилъ по заказу «Петра Великаго въ мастерской», и насколько можно сдѣлать картину изъ заказного сюжета, онъ сдѣлалъ. Его Петръ не похожъ на копію портретовъ Романовской галлереи; это человѣкъ написанный съ натуры, и потому полный жизни и свободнаго выраженія. Говорятъ, г. Маковскій искалъ долго, присматривался къ лицамъ встрѣчныхъ и оказался счастливѣе г. Семирадскаго — нашелъ Петра. Такая находка поистинѣ сокровище, и ей-то обязанъ художникъ успѣху своей работы. Писать онъ, какъ извѣстно, большой мастеръ, и какая-нибудь брошенная на полъ старинная книга, въ грубомъ кожаномъ переплетѣ, съ обитыми углами и мѣдными застежками, или отраженіе оконной рамы на стѣнѣ комнаты, какъ здѣсь, всегда выйдутъ картиной изъ-подъ его щегольской кисти....

Къ удивленію, портретъ пѣвца Петрова гораздо менѣе удался. При поразительномъ сходствѣ, художникъ не воспользовался тѣмъ отличительнымъ и крайне выгоднымъ для живописи однотоннымъ, оливковымъ колоритомъ, который характеризуетъ энергическую наружность оригинала. Это тѣмъ непонятнѣе, что г. Маковскій колористъ.

Меньшой братъ его видимо идетъ впередъ. Его «Пріемная у доктора» обличаетъ большую наблюдательность. Разговоръ двухъ изъ ожидающихъ очереди — священника въ фіолетовой рясѣ и барыни съ подвязанными зубами—на лету уловленная дѣйствительность.

— Объясню вамъ, сударыня,— слышишь, кажется, попа, который сложилъ въ кольцо большой и указательный пальцы правой руки и повѣствуетъ о вѣрныхъ средствахъ къ исцѣленію зубной боли: объясню вамъ, сколь чудеснымъ образомъ излечился я — и еще отъ руки совершенно простой женщины, можно сказать, бабы...

Тутъ кстати упомянуть о работѣ другого, только-что начинающаго юноши, г. Савицкаго: «Посѣщеніе больного сына». Солдатъ съ женою пришли повидать сынишку въ больницѣ, и такъ-то грустно сидится имъ всѣмъ: мать подперла рукою щеку, отецъ въ казенной сермягѣ понурилъ голову, а блѣдный мальчикъ въ больничномъ колпакѣ смотритъ изнуренно и кротко. Хорошо задумано, просто сочинено и весьма не дурно исполнено все это....

Совершенно по другимъ фибрамъ ударяетъ своею «Купальщицею» г. Беллоли. Посѣщающимъ балеты такіе удары должны быть не безъизвѣстны и ощущенія отъ нихъ сердцу близки. Купальщица по преимуществу картина для ощущеній.... Самое названіе ея уже обѣщаетъ что-то неодѣтое, что-то такое, что въ дѣйствительности надо подсматривать и уловлять, а здѣсь можно преспокойно смотрѣть, разсматривать и даже, для бóльшаго удобства, усѣсться въ кресла. Вы сидите, а передъ вами купаются—и удобно, и завлекательно.

Говорить серьезно о картинѣ, составленной изъ наготы женскаго тѣла, вообще странно. Это тѣмъ страннѣе, что въ большинствѣ произведеній такого рода кромѣ наготы ничего и не бываетъ. Странность однакоже должна смѣниться удивленіемъ, когда я скажу, что акварелистъ-портретистъ, лѣтъ пятнадцать назадъ скромко начинавшій принимать въ пятомъ этажѣ своей студіи, на пьяцца Боргезе въ Римѣ, русскихъ путешественниковъ, которые не могли не сгарать желаніемъ предать себя краскамъ (иные даже въ костюмѣ итальянскаго разбойника, представьте!), что этотъ самый, манерный синьоръ Беллоли, сочинявшій впослѣдствіи, уже на берегахъ Невы, рѣдкой красоты дамскія и дѣтскія головки, какихъ тамъ никогда и не бываетъ,—что онъ въ масляной живописи даетъ вдругъ и правду, и рисунокъ, и прекрасное письмо, даже настоящее, реальное тѣло.... Не говоримъ о вкусѣ и колоритѣ—они родятся вмѣстѣ съ итальянцемъ. Просто не достаетъ только лакомыхъ старичковъ подлѣ, чтобы купальщицѣ, въ качествѣ цѣломудренной Сусанны, занять мѣсто въ какой угодно галлереѣ.

Опасаюсь однако, какъ бы моя статья не перешла въ толковый указатель выставки, и потому—останавливаюсь. Но останавливаясь, не могу не указать хоть мимоходомъ еще кое-на-что, а именно: на кавказскій пейзажъ, который не обозначенъ именемъ г. Лагоріо, но ясно обозначенъ его манерою, его вкусомъ и изяществомъ; другой, итальянскій пейзажъ (присланный изъ Варшавы), который былъ бы гораздо лучше, еслибъ художникъ возложилъ меньше упованія на бѣлую краску, призванную выразить серебряный полуденный блескъ южнаго моря и выражающую всегда въ подобныхъ случаяхъ съ бо́льшимъ правдоподобіемъ снѣгъ или сметану; прекрасный поясной портретъ немолодой дамы съ свѣтлыми глазами, г. Боброва 1-го; большія, очень хорошія работы г. Коцебу—«Сдача Риги» и «Сраженіе русскихъ со шведами»; пейзажъ—левіафанъ американскаго Калама, г. Бирштета, снискавшій себѣ такую незаслуженную ненависть публики за свою левіафанскую цѣну—30,000 р. с.!! (убавьте ему нуликъ—и онъ непремѣнно будетъ нравиться, потому что онъ очень хорошъ); граціозные гипсы и мраморы г. Лаверецкаго и превосходная голова старика, его-же... Упомяну о томъ, что онъ дѣлаетъ мраморъ мягкимъ и сочнымъ, точно пишетъ кистью, какъ человѣкъ видѣвшій это дѣло у римскаго Розетти—перваго мастера по части рубки мрамора. Не могу пройти мимо бронзовыхъ группъ г. Лансера, большею частью изъ простонароднаго быта, отличающихся движеніемъ, типами и тонкимъ исполненіемъ; ни мимо г. Премацци, который скудными средствами акварели, въ крошечномъ подобіи, совершенно повторяетъ роскошныя залы въ дворцахъ и домахъ богатыхъ людей, до мельчайшихъ подробностей орнаментаціи стѣнъ, убранства каминовъ, отлива и свойства матерій на мебеляхъ, даже до узора и зеркальнаго блеска навощенныхъ паркетовъ,—и все

это со вкусомъ и мѣрою истиннаго художника.... Наконецъ, чтобы не оскорбить вещей, замѣтныхъ въ какомъ-бы то ни было смыслѣ, укажу на двухъ совсѣмъ чорныхъ и растрепанныхъ женщинъ г. Мясоѣдова, которыхъ мететъ вѣтромъ.... Въ прошломъ году поползновеніе молодого художника къ вычурности обнаружилось уже въ изломанной и таки-достаточно подчерненной Франческѣ ди-Римини; въ нынѣшнемъ оно достигло до каррикатуры. Самое названіе картины.... впрочемъ, она даже и названія не имѣетъ: вмѣсто того, длинный ярлыкъ, приклеенный къ рамѣ, несетъ такой вздоръ: «Плачетъ тоска, рыдаетъ тоска, бѣла свѣта дожидается... Мечется тоска, рвется тоска...»; и потомъ опять: «мечись тоска, кидайся тоска....» а немного погодя: «плачь тоска, рыдай тоска...» и еще: «несите ее буйные вѣтры, несите не оброните!...» и такъ далѣе — на цѣлую страницу текста. Картина съ литературнымъ приложеніемъ можетъ быть пріобрѣтена за 450 р. Что же, это еще милостиво! Говорятъ, художникъ ищетъ дороги. Въ такомъ случаѣ ему можно посовѣтовать искать ее совершенно въ другомъ направленіи — иначе онъ забредетъ въ омутъ....

На многихъ изъ упомянутыхъ картинъ можно замѣтить таинственныя 1,000 р. и 500 р. Можетъ быть, читатель не повѣритъ, если я ему скажу, что эти вдохновительныя цифры, означающія преміи *свободнаго* конкурса, для котораго никого не запирали и ничего не задавали, — даяніе той самой Академіи, которая запираетъ и задаетъ! Боже мой! вѣдь и Ватиканъ ничего не хотѣлъ уступить, — а ужъ какъ его просили! покуда наконецъ не взяли всего безъ спросу. Да, вѣтеръ времени отыскалъ себѣ щели и въ твердыхъ стѣнахъ храма художествъ! Удастся ли ему продуть и нѣкоторую гласность въ сокровенныя тайны присужденія премій? Или раздача ихъ, подобно раздачѣ медалей и званій, будетъ продолжать свою многолѣтнюю непогрѣшимость за крѣпкимъ запоромъ? Свободныя художества будутъ ли по прежнему такъ мало свободны въ храмѣ, начертавшемъ надъ входомъ: «Свободнымъ художествамъ»? Отчего науки, напримѣръ, свободнѣе, и присужденіе ученыхъ степеней производится публично и гласно? Странные вопросы, на которые еще страннѣе не имѣть навѣрное никакого отвѣта!

Однакоже послѣ того, какъ самая непогрѣшимость папы встрѣтила сомнѣніе, жрецамъ Академіи едвали можно разсчитывать, чтобъ ихъ непогрѣшимость признавалась несомнѣнною. Это тѣмъ невѣроятнѣе, что малѣйшая неосторожность съ ихъ стороны лишаетъ ихъ того обаянія, какое имъ успѣла снискать недоступность. Отважились они, напримѣръ, на вылазку, чтобъ попытать силъ въ открытомъ полѣ. И что же? Все, что только представляетъ выставка жалкаго, немощнаго, бездарнаго, иногда смѣшного, произведено именно ими!

Въ отдѣлѣ ваянія, между трудами даровитой молодежи, чей бюстъ

поражаетъ своею плоскостью, мертвенностью, даже отсутствіемъ сходства? Бюстъ работы профессора академіи фонъ-Бока! Среди пейзажей, частію прекрасныхъ, частію удовлетворительныхъ, кто могъ натыкать эти пѣгія, забавныя, невозможно-фальшивыя картинки, точно вышитыя бисеромъ какою-нибудь дѣвочкою къ именинамъ маменьки? Профессоръ академіи, — г. Воробьевъ.... Этотъ династическій *профессоръ-преподаватель* пейзажа въ Академіи — сынъ дѣйствительнаго пейзажиста Воробьева, г. Воробьевъ 2-й, а по бонапартическому счисленію пожалуй 3-й, начинаетъ собою новый родъ пейзажа. Родъ этотъ можетъ быть названъ сатирическимъ и состоитъ онъ въ томъ, что увидитъ, положимъ, почтенный профессоръ, какъ пишутъ закаты солнца и озаряютъ ими деревья, — онъ сейчасъ: «дай, говоритъ, напишу я и закатъ, да только такъ, чтобы отбить у всякаго охоту къ закатамъ». И такъ какъ у г. Воробьева 3-го умъ сатирическій, какъ у Чичикова, то изъ-подъ его кисти (пишетъ ли однако кистью, я не знаю) выходитъ презлая каррикатура: кораллъ не кораллъ, ракъ не ракъ, не то морской паукъ или каракатица,—словомъ, что-то уморительное; а г. Воробьевъ возьметъ еще, да освѣтитъ это чудовище малиновымъ фонарикомъ *аля-кіакингъ*. Происходитъ недоумѣніе зрителя. А г. профессоръ только усмѣхается, словно приговариваетъ:—нутко, братъ, раскуси! угадаешь, молодецъ будешь! Но не угадываетъ никто, и молодцомъ оказывается самъ профессоръ.

— Да вѣдь это закатъ, вразумляетъ онъ наконецъ, — закатъ, братецъ ты мой, солнца, а тутъ, братъ, посажена сосна—вишь какая сосна! И замѣть ты, какъ это оно забралось, солнце-то, вотъ въ эту самую сосну, просто чортъ его и знаетъ ка́къ; и кружочекъ одинъ только охватило.... Это, я тебѣ скажу, мудрено придумать. Я одинъ только и могу. Кромѣ меня никто не можетъ.

И точно, не можетъ никто. Г. Воробьевъ 3-й не имѣетъ соперниковъ, ему нѣтъ равнаго и между начинающими дѣтьми, ему даже нѣтъ подобнаго—онъ безподобенъ! Утѣшительна именно эта безподобность профессора. Она-то, безъ сомнѣнія, причиной тому, что слѣдовъ вліянія преподавателя нигдѣ на ученикахъ не замѣтно: самый плохой изъ нихъ такъ не напишетъ. Выходитъ одно изъ двухъ: или у него не учатся (и хорошо дѣлаютъ), или онъ не учитъ — и это лучшее, что онъ можетъ дѣлать.

Будемъ надѣяться, что съ г. Воробьевымъ 3-мъ династія не прекратится, но явятся 4-й, 5-й, и т. д., все такіе же полезные преподаватели пейзажа въ Академіи.... Посовѣтуемъ также и ей быть послѣдовательною, и такъ какъ ужъ она пріобрѣтаетъ произведенія г. Дюккера, чтобъ ученики могли во всякое время видѣть, какъ надо писать,—то пусть обезпечитъ она за собою въ вѣчную собственность

и бисерное шитье г. Воробьева, чтобы до скончанія вѣка была возможность учиться тому, какъ писать не надо.

Вообще вылазки профессоровъ произвели дѣйствіе, на которое они едвали разсчитывали. Такъ, между прочимъ, картоны для Исаакіевскаго собора, авторы которыхъ съ благоразумной скромностью скрыли свои имена, приписываются тоже гг. профессорамъ-преподавателямъ... Нельзя опредѣлить, насколько такое подозрѣніе справедливо, но нельзя не видѣть въ немъ, во всякомъ случаѣ, знаменія времени. Такъ или иначе, а картоны эти, передъ которыми первые, выставленные болѣе 20-ти лѣтъ назадъ, являются картонами Рафаэля, — должны быть признаны за работы дѣтей... если только не будетъ доказано, что они работы профессоровъ....

И что́-же? Судя по обычному теченію дѣлъ, одно изъ этихъ дѣтскихъ упражненій *должно* будетъ получить премію (въ 4,000 р., какъ слышно!) — и заказъ!! Премія положена и заказъ утвержденъ — значитъ картина *должна* быть. Простѣнокъ собора отсырѣлъ и старая живопись стекла: пустой простѣнокъ *долженъ* быть занятъ новою — и онъ займется. Значитъ, дѣло будетъ «очищено» и благополучно поступитъ въ архивъ, а 4,000 р. — въ карманъ избранника.

Да, покуда удержится тотъ взглядъ на произведенія искусства, по которому пустые простѣнки должны вызывать работы, а не работы находить для себя простѣнки, до тѣхъ поръ наши храмы и дворцы не станутъ вмѣстилищами и кормилицами искусствъ, — чѣмъ они должны быть, но останутся зданіями по штату, съ живописью по смѣтѣ.... Они будутъ *расписываться*, но не будутъ имѣть картинъ, будутъ очень цѣнны — по затраченнымъ рублямъ, но не по затраченнымъ талантамъ; а истинные таланты, не имѣвшіе счастья родиться въ тотъ короткій промежутокъ времени, когда художественныя работы требовались оптомъ, останутся безъ средствъ, безъ сбыта работъ и безъ всякой будущности, оттого только, что всѣ простѣнки, къ сроку опредѣленному контрактами, уже расписаны съ подряду! Въ Европѣ, зданія, начатыя въ средніе вѣка, строятся донынѣ; въ соборѣ Петра въ Римѣ еще и теперь не всѣ холсты переведены въ мозаику; а у насъ работы, лучшею участью которыхъ было-бы скорѣйшее исчезновеніе, поспѣшно увѣковѣчиваютъ мозаикою, точно боятся, что потомство не увидитъ до чего плохи были подлинники!

Pas trop de zèle, messieurs, pas trop de zèle!

П. Ковалевскій.

20 октября, 1870.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Мнѣнія о военномъ преобразованіи.—Различіе цѣлей.—Вопросъ объ увеличеніи нашихъ военныхъ силъ.—Происхожденіе прусскаго военнаго устройства.—Значеніе его въ общихъ успѣхахъ Пруссіи. — Наши обстоятельства. — Трудное положеніе нѣкоторыхъ патріотовъ. — «Крутой поворотъ» «Вѣстника Европы». — Что такое патріотизмъ? — Новый съѣздъ петербургскаго духовенства. — Ревизія присутственныхъ мѣстъ въ Перми. — Утѣшительный фактъ для нашей печати.

Ничто не способно въ такой степени увлекать мышленіе большинства, какъ аналогія; масса скорѣе всего усвояетъ себѣ аналогію, и выводами самыми популярными бываютъ именно выводы по аналогіи. Выводы эти бываютъ обыкновенно самаго не-критическаго свойства; вниманіе большинства останавливается на какомъ-либо крупномъ фактѣ, въ которомъ видятъ *непосредственную* причину крупнаго результата, и затѣмъ большинство убѣждается, что простымъ усвоеніемъ себѣ *одного* этого факта, простымъ перенесеніемъ *одного* его на свою почву, можно обезпечить себѣ тотъ самый результатъ. Самый крупный результатъ въ исторіи года, это—побѣда Германіи надъ Франціею, непрерывный рядъ пораженій, нанесенныхъ Франціи Германіею, такъ что успѣхъ послѣдней ни на минуту даже не колебался, несмотря на то, что Германія, ведущая съ Франціею войну, не превосходитъ Франціи по численности населенія.

Непосредственной причиной такого неудержимаго и неожиданно-легкаго успѣха Германіи представляется прусское военное устройство, которому подчинилась остальная Германія; и вотъ отсюда весьма просто и легко выводится такое заключеніе, что для Россіи нѣтъ ничего проще, какъ принять прусское военное устройство, увеличить численность своихъ боевыхъ силъ въ размѣрѣ Германіи, и однимъ этимъ заимствованіемъ у Германіи мы могли бы и ограничиться. Между тѣмъ, самый элементарный здравый смыслъ указываетъ, что прежде всего мы должны заимствовать у Германіи ея общественные успѣхи, а именно съ воен-

ными преобразованіями можно еще подождать, развѣ политическія обстоятельства будутъ признаны такими, что намъ необходимо сейчасъ же поголовно вооружиться. Это былъ бы ужъ особый, лично касающійся насъ поводъ, а не чужой примѣръ. При сколько-нибудь внимательномъ взглядѣ на факты, элементы нынѣшняго успѣха Германіи оказываются нѣсколько сложнѣе, чѣмъ тотъ огульный, хотя и неоспоримый фактъ, что у Франціи было войска мало, въ сравненіи съ Германіею. Весьма существенною причиною пораженія Франціи было и то, что Франція *не знала*, сколько у нея въ дѣйствительности войска и вооруженій. На бумагѣ, военныя силы Франціи не уступали германскимъ. Численность французской арміи по мирному времени опредѣлялась въ 439 т. чел., по военному — въ 1 м. 200 т. чел. Численность армій германскихъ (включая южныя государства) опредѣлялась по мирному времени въ 407 т. чел., по военному времени — въ 1 м. 100 т. чел. (цифры Блока). Число орудій во Франціи (съ флотомъ) опредѣлялось въ 2,150, а въ Сѣверо-германскомъ Союзѣ въ 547. Вотъ почему и во Франціи, и во всей Европѣ, благодаря системѣ лжи, какою жила вторая имперія, полагали, при открытіи кампаніи, что война будетъ происходить между силами равными, или почти равными, и это убѣжденіе высказывалось даже первыми военными авторитетами. Но когда война началась, то оказалось, что у Германіи всѣ силы, на какія она полагалась, въ самомъ дѣлѣ были налицо, а французское правительство не смогло выставить и половины того мнимаго количества силъ, которымъ оно ослѣпляло французское общество. Система лжи, расхищенія національныхъ средствъ, система обмана правительствомъ народа, а подчиненныхъ начальниками и наоборотъ — вотъ причина, игравшая весьма важную роль въ пораженіи, которому подвергла себя Франція, и результатъ нынѣшней войны, какъ иные ни стараются не видѣть въ немъ ничего, кромѣ численнаго превосходства войскъ Германіи, несомнѣнно представляетъ и нравственное значеніе, составляя осужденіе цѣлой системы, которую нельзя назвать иначе, какъ надувательною системою.

Вотъ этимъ-то поученіемъ, вытекающимъ изъ современныхъ событій, прежде всего и слѣдуетъ проникнуться, для того, чтобы оцѣнка эта была полна. Затѣмъ, фактъ громадной численности войскъ Германіи все-таки остается. Но развѣ это — фактъ новый, бывшій намъ доселѣ неизвѣстнымъ? Не только численность германскихъ войскъ, но и годность этихъ молодыхъ солдатъ въ бою, доказанная въ 1866 году, были намъ извѣстны. Все новое, что̀ мы узнали о нихъ изъ нынѣшней войны, собственно то, что ихъ оказалось въ самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности, именно столько, сколько мы ихъ предполагали, а не на половину меньше.

Между тѣмъ, большинство нашихъ печатныхъ органовъ не столько

обращаютъ вниманія именно на этотъ послѣдній урокъ, то-есть на побѣду реальной работы и знанія надъ самообольщеніемъ и иллюзіями, сколько собственно на тотъ не новый, хотя и несомнѣнный фактъ, что у Германіи войска очень много и что войско это очень хорошее. И вотъ, большинство ихъ начинаютъ высказывать пожеланія, чтобы и въ Россіи совершилось военное преобразованіе по прусскому образцу. При этомъ приводятся въ совокупности такія соображенія и такія цѣли, которыя другъ изъ друга не необходимо истекаютъ, и не находятся въ безусловной логической связи. Говорятъ, что нужно усилить, умножить нашу армію, и что надо придать ей болѣе народный характеръ посредствомъ значительнаго сокращенія сроковъ службы, и еще, что надо распространить воинскую повинность на всѣ сословія, дабы все бремя ея не лежало на одномъ сословіи и т. д.

Ясно, что въ этихъ требованіяхъ совмѣщаются нѣсколько цѣлей, изъ которыхъ каждая могла бы быть достигнута и отдѣльно. Такъ, можно значительно усилить армію и не измѣняя нынѣшняго ея устройства, просто посредствомъ увеличенія военнаго бюджета. Съ другой стороны, всѣ аргументы въ пользу приданія арміи болѣе народнаго характера, сокращеніемъ сроковъ службы, останутся вѣрными, если и не имѣть въ виду усиленія нашего состава по военному времени; наконецъ, вопросъ объ обязательности рекрутской повинности для всѣхъ сословій можетъ быть рѣшенъ такъ и иначе, безъ существеннаго вліянія на численность нашихъ военныхъ силъ.

Изъ числа предъявляющихъ нынѣ, вслѣдствіе прусскихъ побѣдъ, *голыя* желанія о преобразованіи нашей арміи на прусскій манеръ, одни имѣютъ въ виду преимущественно одну изъ тѣхъ цѣлей, другіе другую. Однихъ преимущественно прельщаетъ мысль, что и у насъ дворянъ будутъ сдавать въ солдаты, что и у насъ доценты университетовъ будутъ водить лошадей на водопой и при этой внѣшней сторонѣ сходства они и остаются, забывая при этомъ, что все подражаніе прусской организаціи можетъ у насъ окончиться тѣмъ, что будутъ именно «сдавать въ солдаты» и тѣхъ, кого до сихъ поръ не сдавали, а о доцентахъ не будетъ больше и помину, между тѣмъ какъ армія увеличится ими человѣкъ на тридцать. Изъ-за осуществленія такой мысли, они готовы помириться и съ усиленіемъ состава нашей арміи, которое ихъ мало интересуетъ, ибо прогресса въ себѣ не вмѣщаетъ, и вообще съ обремененіемъ земли одною страшною тягостью прусской организаціи. Другимъ болѣе всего нравится краткосрочность военной службы, имѣющая, по ихъ словамъ, совершенно измѣнить характеръ арміи, превратить ее въ армію народную, отнять у нея всякій кастовый военный духъ. Эти мечтатели забываютъ, что наша армія и теперь не имѣетъ характера анти-народнаго, какъ прежняя австрійская, что духъ

нашихъ крестьянъ и духъ нашихъ солдатъ совершенно одинаковъ, и наконецъ, что если и будетъ сдѣлано преобразованіе на прусскій манеръ, то это преобразованіе непремѣнно и во всякомъ случаѣ будетъ поведено такъ, чтобы не ослабить въ арміи именно того, что́ они называютъ духомъ военной касты, и что называется также «духомъ воинскаго званія». Напрасно думаютъ, что и въ прусской арміи этого духа совсѣмъ нѣтъ: нѣтъ военнаго сословія болѣе исключительно-военнаго, чѣмъ сословіе прусскаго офицерства, сословіе чисто-профессіонное, даже наслѣдственно-профессіонное, въ значительной долѣ. Забываютъ, что спеціальный, военный духъ сообщается арміи именно сословіемъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, до которыхъ краткіе сроки военной службы не касаются. Наконецъ, забываютъ и то, что даже англійская армія, состоящая исключительно изъ солдатъ по ремеслу, солдатъ-наемниковъ и изъ офицеровъ, которые за мѣста свои заплатили деньги, гораздо менѣе чужда обществу, гораздо менѣе склонна презирать все «штатское», и игнорировать въ извѣстныхъ случаяхъ общественныя стремленія, чѣмъ войско, исходившее изъ французской конскрипціи, и даже изъ краткосрочной и общеобязательной военной повинности. Значитъ, не въ одной краткосрочности дѣло, и сама краткосрочность, во всякомъ случаѣ, можетъ еще быть обставлена такъ, чтобы нисколько не ослабить въ арміи особый духъ воинскаго званія. Неестественно, чтобы было иначе, и странно думать, что если всѣхъ забрать въ солдаты, такъ это-то именно и осуществитъ государству самую либеральную программу будущности.

Третьи, наконецъ, соглашаясь и на краткосрочность, и на общеобязательность, главною цѣлью имѣютъ собственно усиленіе арміи, увеличеніе и мирнаго, и военнаго ея состава. Вотъ это-то и есть люди практическіе, и можно навѣрное сказать, что если коренное преобразованіе арміи будетъ сдѣлано, то оно сдѣлано будетъ именно для достиженія *этой* практической цѣли, будетъ обусловлено по мысли тѣхъ, которые убѣждены просто въ необходимости еще бо́льшихъ пожертвованій со стороны государства на вооруженія, чѣмъ тѣ, какія оно несетъ нынѣ. Въ конечномъ результатѣ у насъ, тѣ, кто требовалъ преобразованія арміи на прусскій манеръ собственно въ качествѣ гуманиста, будутъ изумлены, увидѣвъ совсѣмъ не то, о чемъ они мечтали. Тѣмъ не менье мы вполнѣ сочувствуемъ нашимъ гуманистамъ, взглядъ которыхъ на преимущества прускаго военнаго устройства развилъ въ самой популярной формѣ авторъ статьи: «Въ гостяхъ и дома», помѣщѣнной недавно (сентябрь и октябрь) въ нашемъ журналѣ. Но нашлись люди (см. передовая статья «Москов. Вѣд.» № 222), которые, помимо своихъ неприличныхъ выходокъ, истолковали превратно намѣренія автора и «съ удовольствіемъ» заявили публикѣ, что Вѣстникъ Европы сталъ на одну дорогу съ «Московскими Вѣдомостями».

«Самая разумная военная система — говорилъ нашъ авторъ — только въ Пруссіи; *вся бѣда въ томъ, что она требуетъ для себя и такого образованнаго народа, какъ Германія.*» На нашей хроникѣ лежитъ обязанность развить эту мысль, брошенную мимоходомъ среди прочихъ замѣтокъ туриста о Германіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ указать именно—практическія границы и степень своевременности въ примѣненіи этой мысли, ибо хроника имѣетъ дѣло уже не съ теоріею только, а съ жизнью, какъ она дана и какъ отправленія ея обусловлены. При этомъ мы обязаны указать здѣсь и на тѣ пункты, въ которыхъ практика противорѣчила бы теоретическимъ выводамъ. Это не значило бы противорѣчить нашему автору, тѣмъ болѣе, что онъ никакъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ «патріотовъ», которые готовы заимствовать у Германіи все, кромѣ ея общественныхъ успѣховъ, и въ картинѣ той нравственной и матеріальной силы, какую нынѣ развернула Германія, видятъ только одно поучительное и пригодное для насъ—численность армій (хотя въ самой Пруссіи палата была противъ послѣдняго военнаго преобразованія), да еще, пожалуй, недопущеніе въ университеты воспитанниковъ реальныхъ гимназій (хотя въ самой Пруссіи общество протестуетъ противъ этого ограниченія).

Указавъ, что въ поводахъ, приводимыхъ въ пользу примѣненія прусскаго военнаго устройства къ Россіи, есть существенное различіе, и что гуманисты могли бы весьма разочароваться, увидя результаты своихъ предложеній на практикѣ, спросимъ себя еще: почувствуетъ ли масса населенія Россіи большое облегченіе отъ такой системы, которая конечно увеличила бы на $^1/_{80}$ долю все число лицъ подлежащихъ военной повинности, но за то привлекла бы всю эту массу, всѣ $^{80}/_{80}$ къ поголовному, поочередному отбыванію этой повинности, и при какихъ условіяхъ и обстановкѣ всей остальной нашей общественной жизни?

Все это необходимо хорошенько разобрать и обо всемъ этомъ слѣдуетъ пораздумать, прежде чѣмъ провозглашать необходимость *голаго* введенія у насъ прусскаго военнаго устройства на томъ только основаніи, что Пруссія побѣдила Францію. И такъ какъ безусловно-главною цѣлью преобразованія арміи на практикѣ было бы собственно усиленіе вооруженій Россіи, то прежде самаго возбужденія вопроса о преобразованіи арміи, слѣдуетъ убѣдиться, нужно ли намъ собственно это *усиленіе*, оставивъ въ сторонѣ всѣ прочія соображенія, которымъ, очевидно, предоставилась бы на практикѣ роль второстепенная?

Для того, чтобы поставить этотъ вопросъ не нужно было ждать и нынѣшней войны. Сколько намъ извѣстно, онъ и былъ уже въ самыхъ общихъ, впрочемъ, выраженіяхъ поставленъ *до* нынѣшней войны и былъ поставленъ именно только въ видѣ вопроса: не слѣдуетъ ли приступить къ усиленію нашихъ военныхъ средствъ, и обсудить

средства, представляющіяся для этого? Мы сами, нынѣ нѣсколько озадаченные, почти общимъ требованіемъ газетами военнаго преобразованія, вслѣдствіе прусскихъ побѣдъ, еще въ апрѣльскомъ нашемъ обозрѣніи ставили вопросъ: «Въ виду коренныхъ реформъ, въ огромной степени увеличившихъ военныя силы остальной Европы, не должна ли предстоять и намъ, быть можетъ, въ недалекомъ времени, такая же радикальная реформа, т.-е. учрежденіе подвижного резерва и поголовнаго народнаго ополченія?» Возможности этого мы не отвергали и тогда, хотя сознавали, что коренное преобразованіе въ этомъ смыслѣ наложило бы на страну новыя, большія тягости. Теперь, какъ и въ то время, до войны, мы допускаемъ мысль, что увеличеніе военныхъ силъ можетъ быть признано для Россіи необходимымъ — если насъ удостовѣрятъ компетентные спеціалисты въ томъ, что иначе безопасность Россіи не будетъ обезпечена. Противъ такого аргумента мы никогда спорить не будемъ; но затѣмъ, допустивъ мысль о преобразованіи арміи, мы уже не будемъ обольщать себя насчетъ главнаго результата такого преобразованія, и будемъ идти къ увеличенію жертвъ страны на вооруженіе сознательно, потому что необходимо именно *оно*, а не потому, что насъ подкупаетъ мысль объ общеобязательности и краткосрочности военной службы въ видѣ какихъ-то особенно благодѣтельныхъ общественныхъ факторовъ.

Такимъ образомъ, наше сужденіе о томъ—необходимо ли усилить оборону государства, мы прямо ставимъ въ зависимость отъ приговора государственныхъ людей. Наша роль здѣсь ограничится только остереженіемъ общества насчетъ неблагонадежности выводовъ, основанныхъ на одной кажущейся аналогіи, а также и насчетъ тѣхъ иллюзій, какими у насъ иные окружаютъ мысль о краткосрочности и общеобязательности военной повинности въ примѣненіи къ Россіи. Не придавая этимъ замѣткамъ значенія окончательнаго приговора, мы только представляемъ ихъ, какъ говорится, «къ соображенію».

Пруссія и вмѣстѣ съ нею Германія, какъ мы видѣли, выставили въ настоящую войну до 1.200,000 солдатъ. Если признается необходимымъ, въ виду успѣховъ Германіи, чтобы вооруженныя силы Россіи не отставали отъ силъ этой могущественной націи, чтобы численность нашихъ войскъ была не менѣе численности войскъ германскихъ, то намъ предстоитъ сдѣлать весьма немного. Въ Германіи (считая и южную) составъ мирнаго времени опредѣляется въ 407 тысячъ человѣкъ; составъ нашей арміи въ настоящее время—726 тысячъ человѣкъ; составъ военнаго времени въ Германіи, какъ уже сказано, до 1.200,000 человѣкъ; у насъ въ настоящее время до военнаго состава недостаетъ 430 тысячъ человѣкъ; но сверхъ полнаго состава по военному времени, т.-е. 1.156,000 чел., у насъ уже теперь есть лишнихъ 120 тыс. чел. отпускныхъ (сверхъ тѣхъ 430 тыс., которые нужны на пополненіе по

военному времени), а число этого готоваго дополнительнаго резерва съ каждымъ годомъ будетъ увеличиваться и безъ всякаго измѣненія нынѣшней военной организаціи. Но считая только то число отпускныхъ, которое можетъ составить дополнительный резервъ въ настоящее время, мы, присоединивъ ихъ къ итогу военнаго времени, получимъ цифру 1.276,000 челов., т.-е. цифру превосходящую численность германскихъ армій.

Правда, у Россіи протяженіе границъ не то, что у Германіи; но еслибы и Германія была, какъ нѣкоторые наши теоретики, убѣждена въ необходимости при войнѣ на одной границѣ выставлять обсерваціонные корпуса и на всѣхъ прочихъ границахъ, то-есть противъ всѣхъ сосѣдей: и Россіи, и Австріи, и Франціи, и Даніи, и Италіи вмѣстѣ, то оказалось бы, что она находится въ положеніи еще гораздо менѣе благопріятномъ чѣмъ Россія. Германія—страна открытая, страна, которую непріятельская армія можетъ пройти изъ конца въ конецъ въ очень непродолжительное время, страна лежащая въ центрѣ нѣсколькихъ могущественныхъ державъ. Россія же неуязвима со стороны востока, и само громадное пространство ея, при войнѣ оборонительной, не столько способно раздробить ея армію, сколько обезсилить наступленіе всякаго, самаго могущественнаго врага. Изъ гадательныхъ соображеній можно вывесть все что́ угодно; но у насъ есть дѣйствительные примѣры: наше пространство, наше удаленіе отъ запада одолѣли, въ эпоху отечественной войны, 600-тысячную армію, то-есть армію превосходившую ту, какую нынѣ Германія могла ввесть во Францію. Въ 1853—1856 годахъ мы, при устройствѣ гораздо менѣе совершенномъ чѣмъ нынѣшнее, выдержали войну съ четырьмя государствами, почти три года боролись противъ нихъ и хотя были принуждены наконецъ уступить, но наше пораженіе не представляло ничего сколько-нибудь даже похожаго на пораженіе Австріи въ 1859 и 1866 годахъ, и пораженіе Франціи въ 1870 году. И вдругъ являются теоретики, даже теоретики-спеціалисты, которые утверждаютъ, что именно намъ, именно по протяженію нашихъ границъ, нужно имѣть войска болѣе, чѣмъ кому бы то ни было!

И что еще страннѣе, находятся либералы, то-есть люди постоянно заявляющіе свой либерализмъ, которые для того только, чтобы щегольнуть осуществленіемъ равенства въ солдатчинѣ, являютъ невиданный еще нигдѣ примѣръ — либераловъ, требующихъ увеличенія вооруженной силы! И все это—просто по аналогіи, потому что Пруссія побѣдила Францію, все это, когда сами военные авторитеты не рѣшились еще выступить съ рѣшеніемъ этого вопроса, не произнесли еще приговора, что при нынѣшнемъ военномъ устройствѣ нельзя отвѣчать за безопасность Россіи.

Самое происхожденіе нынѣшняго военнаго устройства въ Пруссіи,

причины, побудившія Пруссію ввесть у себя это устройство первоначально, а затѣмъ и цѣли, которыя впослѣдствіи дали этому оборонительному устройству назначеніе силы наступательной, наконецъ,средства, при которыхъ оно существовало и существуетъ въ Пруссіи и Германіи, не имѣютъ почти ничего общаго съ обстоятельствами, въ какихъ находится Россія, съ ея средствами, наконецъ съ тѣмъ назначеніемъ, какое будетъ представляться ея силамъ, если только въ основу ихъ разсчета и устройства не будетъ принята какая-либо химерическая мысль о возсозданіи или пересозданіи міровъ.

Та система, которая прельщаетъ нынѣ нашихъ идеалистовъ краткосрочностью и общеобязательностью, а нашихъ практиковъ тою массою солдатъ, какую она производитъ, возникла и въ Пруссіи именно по этому послѣднему практическому соображенію, а не по любви къ равенству и братству, къ которымъ прусское правительство 1813 года не имѣло особой склонности. Когда Наполеонъ обязалъ побѣжденную Пруссію содержать войска не болѣе 45 тысячъ человѣкъ, прусскому правительству не осталось иного выбора, какъ подготовлять ополченіе, для котораго малочисленное регулярное войско должно было служить школою и кадрами на случай войны. Въ 1813 году, когда, вслѣдъ за первыми пораженіями Наполеона, въ Пруссіи поднялся народъ, ополченскія или ландверскія дружины и могли быть снабжены достаточнымъ числомъ уже обученныхъ военному дѣлу людей. Затѣмъ, въ 1814 году, то страшное напряженіе, какого стоила эта борьба Пруссіи, было сдѣлано постояннымъ, наложено на страну навсегда потому собственно, что, какъ убѣдилось правительство, иначе, безъ такого хотя и чрезмѣрнаго напряженія, безъ такой тягости, Пруссія съ ея населеніемъ не въ состояніи была бы играть роль великой державы, къ какой она привыкла со временъ истиннаго своего основателя Фридриха Великаго. Въ одномъ письмѣ, писанномъ послѣ пораженій при Іенѣ и Ауэрштедтѣ, умная королева Луиза, мать нынѣшняго короля откровенно высказывала эту мысль: «Мы были введены въ заблужденіе побѣдами Фридриха Великаго, и считали себя великой державой; но для того, чтобы быть такою, намъ необходимо сдѣлать еще величайшія усилія».

Вотъ съ какою цѣлью установлены были навсегда, закономъ 3-го сентября 1814 года, такія тягостныя условія, которыя казались возможными сперва только временно; а именно: всякій пруссакъ, достигшій 20-лѣтняго возраста, обязанъ прослужить 5 лѣтъ въ дѣйствующей арміи (изъ коихъ 3 подъ знаменами и 2 въ резервѣ), затѣмъ 6 лѣтъ въ первомъ призывѣ ландвера, 7 лѣтъ во второмъ призывѣ ландвера, и наконецъ 11 лѣтъ числиться еще въ поголовномъ ополченіи, ландштурмѣ. По нынѣшнему закону сроки службы таковы: 3 года подъ знаменами, 4 года въ резервѣ, 5 лѣтъ въ ландверѣ. Въ мирное время

содержится подъ ружьемъ одинъ процентъ населенія, при чемъ законъ (Сѣверогерманскаго Союза) принялъ въ основаніе населеніе конца 1867 года и на содержаніе каждаго солдата опредѣлилъ 225 талеровъ въ годъ.

Каковъ былъ результатъ собственно военнаго устройства 1814-го г. для Пруссіи? Тотъ ли, что въ ней, при «народномъ войскѣ», сдѣлалось невозможно раздвоеніе между правительствомъ и народомъ? Вовсе нѣтъ. Опираясь на то самое народное войско, которое впервые образовалось въ 1813-мъ году во имя свободы, при ясныхъ обѣщаніяхъ внутренней свободы, данныхъ правительствомъ, это правительство отказывало народу въ свободѣ въ продолженіи 35-ти лѣтъ. Но вотъ какого результата прусское правительство дѣйствительно достигло посредствомъ своего военнаго устройства: Пруссія при немъ, и только исключительно благодаря ему, продолжала считаться великою державой, и имѣя всего 14 — 18 милліоновъ населенія, возвышала свой голосъ, наравнѣ съ Россіею, Франціею, Англіею и Австріею.

Впослѣдствіи, располагая такими средствами, она избрала себѣ назначеніемъ объединить Германію, и такъ какъ эта цѣль была не произвольная, не химерическая, а соотвѣтствовала постепенно возникшему и наконецъ окрѣпшему стремленію самой германской націи, то этой цѣли Пруссія, какъ мы видимъ, уже почти и достигла. Но здѣсь уже важнѣйшимъ факторомъ является не военное устройство, а именно общее народное стремленіе и внутренніе успѣхи самой Пруссіи. Военная сила здѣсь только ускорила то единство, которое уже въ 1848-мъ году было провозглашено совершенно независимо отъ военной силы и на-оборотъ—враждебно этой силѣ.

Теперь спрашивается, гдѣ же сходство между положеніемъ Россіи, ея средствами и ея разумными цѣлями со всѣми тѣми обстоятельствами, которыя произвели и которыя объясняютъ собою несеніе Пруссіею бремени ея военной организаціи? Похоже ли нынѣшнее положеніе Россіи на положеніе Пруссіи послѣ тильзитскаго мира? Нѣтъ; мы содержимъ постоянно подъ ружьемъ не 45, а 700 тысячъ солдатъ. Необходимо ли намъ прусское военное устройство, чтобы оставаться великою державой въ Европѣ, когда мы и безъ него можемъ имѣть болѣе 1 милл. 200 тысячъ солдатъ? Предстоитъ ли Петербургу объединить русскій народъ, разрозненный на разныя государства, осуществить это единство въ виду зависти остальной Европы и съ этой цѣлью создать въ маленькомъ гнѣздѣ большую силу? Нѣтъ; эту роль уже давно исполнили у насъ Владиміръ-на-Клязьмѣ и Москва. Находимся ли мы, наконецъ, по отношенію къ прочимъ славянамъ въ такомъ положеніи, въ какомъ находилась Пруссія по отношенію ко всей Германіи? Нѣтъ; весьма сомнительно еще, чтобы славяне желали простого присоединенія къ русскому государству. А чтобы оказывать имъ по-

кровительство, для этого у насъ и теперь есть средства не такія, какія имѣла Пруссія до 1866 года. И главное, мы должны помнить, что Германію объединило общее ясное желаніе, а не военная сила; выгодность, удобство *всего* прусскаго устройства, а не сила одного только устройства военнаго.

Опять-таки повторимъ: если задаваться произвольными, фантастическими представленіями о призваніи Россіи къ пересозданію міра — въ такомъ случаѣ нечего и обращать вниманіе вообще на какія бы то ни было реальныя основанія. Для осуществленія фантастическихъ плановъ могутъ быть нужны и фантастическія средства, и фантастическія пожертвованія. Но здравый смыслъ побуждаетъ насъ никакими фантастическими планами не задаваться, а потому убѣдить насъ въ необходимости усиленія русской арміи можетъ единственно только приговоръ государственныхъ людей, основанный на положительномъ убѣжденіи, что при нынѣшнемъ устройствѣ нашихъ силъ нельзя отвѣтствовать за безопасность государства и что этой безопасности угрожаютъ, не сегодня, такъ завтра.

Но пока такой компетентный приговоръ не произнесенъ, мы отказываемся изъ однихъ побѣдъ Пруссіи выводить такое заключеніе, что одно прусское военное устройство надо прежде всего ввесть въ Россіи, и что если Пруссія при 18-милліонномъ населеніи *могла* имѣть на-готовѣ 600 тыс. чел. солдатъ, то Россія при 80-милліонномъ населеніи *должна* имѣть на-готовѣ два съ половиной милліона солдатъ. Мы довольствуемся пока и нынѣшнею весьма почтенною цифрой.

Скажемъ теперь кое-что и собственно о той краткосрочности и общеобязательности, которыя плѣнили у насъ многихъ въ пользу введенія прусскаго военнаго устройства.

Отмѣнѣ всякихъ наслѣдственныхъ привилегій мы сочувствуемъ вполнѣ и почитаемъ отмѣну дворянской привилегіи—освобожденія отъ обязательной службы въ званіи солдатъ, дѣломъ въ принципѣ рѣшеннымъ. Но допуская общеобязательность военной повинности въ этомъ смыслѣ, мы однако сомнѣваемся, чтобы обязательность натуральной военной повинности могла быть проведена у насъ въ настоящее уже время вполнѣ или хотя бы даже такъ, какъ въ Пруссіи. Доцентовъ у насъ ужъ не придется зачислять въ ландверъ потому, что ихъ и на университеты не хватаетъ. Учителей и техниковъ у насъ вообще такъ мало, что въ пользу ихъ придется сдѣлать изъятіе изъ общеобязательности военной службы. Патріоты-теоретики могутъ думать въ этомъ отношеніи какъ угодно, и даже полагать, что для усовершенствованія самихъ учителей и техниковъ весьма полезна военная выправка, но общество держится иного взгляда на это дѣло, какъ то видно изъ ходатайства земствъ объ освобожденіи отъ военной службы народныхъ учителей, приготовляемыхъ особыми семинаріями.

Да и вообще-то образованныхъ людей у насъ едва ли такъ много, чтобы вооруженный контингентъ ихъ могъ значительно усилить составъ какихъ либо армейскихъ корпусовъ. А между тѣмъ, надо помнить, что имъ пришлось бы не только нѣсколько лѣтъ своей дѣятельности посвятить выправкѣ, но и посвящать себя этому занятію не въ прусской, а въ русской казармѣ, и не въ прусской деревнѣ, а въ деревнѣ русской, гдѣ изба не только проста, и постель не только жестка (это бы ничего), а гдѣ зачастую нѣтъ никакого сообщенія со свѣтомъ, нельзя достать печатнаго листка, гдѣ не только газеты—нѣтъ и дымовой трубы. Едва ли не больше пользы можно ожидать для всего народа, если люди средняго и высшаго образованія посвятятъ эти годы на дѣятельность иного рода, въ которой Россія нуждается никакъ не менѣе, чѣмъ въ умѣньи обращаться со скорострѣльнымъ оружіемъ, и общую военную повинность исполнятъ не натурою, а деньгами. Но допущеніе выкупа уже нарушаетъ прусскую систему.

Такимъ образомъ и создалось бы опять-таки сословіе, не подлежащее натуральной воинской повинности. Улучшеніе было бы въ томъ собственно, что сословіе это не было бы наслѣдственное. Важность и этого улучшенія въ отношеніи принципа мы не оспариваемъ. Мы только не рѣшаемся вполнѣ согласиться съ тѣмъ пущеннымъ въ ходъ мнѣніемъ, что необходимо именно образованныхъ-то людей въ Россіи забрать въ солдаты, «для возвышенія умственнаго уровня нашей арміи». Умственный уровень нашей арміи, благодаря полковымъ школамъ, и теперь выше того же уровня въ массахъ: и массы должны ожидать себѣ учителей изъ арміи, а не сдавать своихъ учителей въ солдаты.

Не знаемъ, останавливались ли мыслители, которыхъ соблазняетъ краткосрочность прусской военной службы, на мысли о томъ, въ какой мѣрѣ такая система, соединенная съ поголовнымъ призывомъ къ службѣ, соотвѣтствовала бы и самымъ важнымъ изъ государственныхъ интересовъ—непосредственнымъ интересамъ массы рабочихъ? Сравнили ли они между собою такіе факты, какъ *недостатокъ* у насъ рабочихъ рукъ, на который всѣ жалуются и *излишество* рабочихъ рукъ въ Германіи, которая ежегодно выбрасываетъ изъ себя сотню тысячъ эмигрантовъ? Вольтеръ видѣлъ главный «недостатокъ» нѣмцовъ въ томъ, что ихъ слишкомъ много. Но прусская военная система только и возможна при этомъ «недостаткѣ», т.-е. при густотѣ населенія. Думаютъ ли теоретики, что у насъ, на пространствѣ европейской и азіатской Россіи такъ легко дѣлать періодическіе сборы ландвера для обученія, отрывая людей отъ занятій и заставляя ихъ путешествовать на свой счетъ? Сообразили ли они, что нельзя говорить о введеніи прусской системы прежде, чѣмъ у насъ измѣнится система прямыхъ податей? Помнятъ ли они, что у насъ еще недавно только произошло коренное

преобразованіе въ условіяхъ быта массы крестьянъ, и готовы ли они къ отвѣтамъ, какимъ образомъ, при поголовномъ призывѣ на службу, будутъ уплачиваться выкупные платежи? Увѣрены ли они, что при круговой порукѣ, когда всѣ члены общины будутъ попеременно извлекаться въ армію, устоитъ сама община?

Вотъ немало пунктовъ, которые должны быть обсуждены прежде, чѣмъ можно будетъ безусловно увлекаться краткосрочностью и общеобязательностью военной повинности. Нельзя въ такомъ дѣлѣ основывать все сужденіе на чувствѣ радости, что-молъ вотъ и барченка, да заставятъ тереть лямку. Замѣтимъ, что и это чувство даже не получитъ полнаго удовлетворенія введеніемъ прусскаго военнаго устройства. «Барченки», то-есть дѣти богатыхъ семействъ и при прусскомъ устройствѣ могутъ поступать прямо въ военныя училища, стало быть «лямки не тереть», а выходить въ армію прямо офицерами; они могутъ также, не дожидаясь своей очереди, прямо поступать въ армію волонтерами, содержа себя на свой счетъ и въ такомъ случаѣ служатъ уже не три года, какъ всѣ, а *одинъ* годъ. И изъ нихъ-то и избираются офицеры для ландвера. Такъ что какой-нибудь юный нашъ либералъ, мечтавшій о прусской системѣ собственно на томъ основаніи, что она установляетъ полное равенство богатыхъ съ бѣдными, могъ бы самъ, лѣтъ подъ тридцать, очутиться въ родномъ ландверѣ подъ командою богатенькаго офицера изъ одногодныхъ волонтеровъ. Относительно же краткосрочности можно навѣрное сказать, что у насъ спеціалисты тотчасъ признали бы прусскій трехъ-годичный срокъ непримѣнимымъ къ образованію ловкаго солдата изъ нашего крестьянина.

И въ общемъ, при введеніи у насъ военнаго преобразованія на прусскій образецъ, всѣ побужденія теоретиковъ на практикѣ остались бы непремѣнно на заднемъ планѣ, такъ какъ главною цѣлью было бы именно увеличеніе вооруженныхъ силъ Россіи, а не удовлетвореніе такихъ или иныхъ, чьихъ-либо политическихъ тенденцій. Увеличеніе же вооруженныхъ силъ не обошлось бы и безъ увеличенія пожертвованій со стороны государства. И гдѣ у насъ средства для новыхъ пожертвованій? Россія страна менѣе богатая, чѣмъ Германія. Тягость прусской системы ощутительна и для самой казны, такъ какъ, несмотря на малый относительно составъ постояннаго войска, военныя издержки въ Германіи въ обыкновенное время составляли $32\frac{1}{3}\%$ всей суммы чистаго ежегоднаго дохода (цифра Кольба). А какихъ пожертвованій стоитъ за то самому народу, чтобы поддерживать эту систему не разоряя казны? Извѣстный фактъ, что эмиграціи изъ Германіи въ равной степени содѣйствуетъ, какъ недостатокъ работы, такъ и общеобязательность военной повинности и невозможность выкупа. Нѣмецкихъ эмигрантовъ прибыло въ одинъ только Нью-Йоркъ въ 1866 году болѣе 100 тысячъ человѣкъ (Кольбъ).

Въ заключеніе, замѣтимъ еще разъ, что не одно военное устройство Пруссіи было причиною ея успѣховъ и что на самую ея армію нельзя смотрѣть исключительно, какъ на продуктъ хитраго военнаго устройства, въ которомъ будто бы и для всѣхъ представляется единое средство спасенія. Германская армія прежде всего — продуктъ германскаго народа, между тѣмъ какъ русская армія и нынѣ стоитъ *выше* массы народа и по умственному развитію, и по образу жизни и по сознанію личныхъ правъ и личнаго достоинства.

Настоящія событія крайне непріятно дѣйствуютъ на нашу партію самохвальства. Они ей рѣшительно — не съ руки. Самохвальство поражено на полѣ битвы; весь ходъ нынѣшней войны представляетъ рядъ самыхъ поразительныхъ доказательствъ, что одного раздуванія въ себѣ «уваженія къ самимъ себѣ», одного укрѣпленія своей вѣры въ свое призваніе, одного ликующаго и болтающаго о самомъ себѣ патріотизма, да еще процвѣтанія сыскного начала, слишкомъ недостаточно не только для поддержанія умственнаго развитія націи, но даже и для созданія той наступательной силы государства, къ которой исключительно стремится шовинизмъ. Сдѣлалось ясно, какъ дважды два, что одно «питаніе въ себѣ чувствъ» и одно повтореніе патріотическихъ фразъ безсильны противъ скромной, молчаливой, но упорной и непрерывной работы, которая съ одной стороны доставляетъ народу нравственное здоровье, отстраняя отъ него пустыя мечтанія и упражненія въ самообожаніи, а съ другой своевременно подготовляетъ вѣрныя средства къ достиженію тѣхъ цѣлей, которыя ставятся не увлеченіемъ, а холоднымъ разсудкомъ, практическимъ смысломъ.

Немудрено, что органы «національнаго» самодурства и сыскного патріотизма, поставившіе себѣ задачею возвратить наше общество къ настроенію «досевастопольскому», были непріятно поражены событіями, наводящими общество на цѣлый рядъ мыслей въ нелюбезномъ имъ смыслѣ. Неловкое положеніе такихъ органовъ выразилось и въ томъ духѣ недовѣрія и неблагопріятства, съ какимъ всѣ они единодушно отнеслись къ ходу нынѣшнихъ событій. Особенно забавно видѣть, какъ, желая выпутаться изъ своего неловкаго положенія, они иногда ссылаются на туже Пруссію. Въ безплодномъ умѣ гимнастовъ «Голоса» и «Московскихъ Вѣдомостей» очевидно происходитъ борьба—не идей, конечно, а потребностей минуты. Они привыкли плыть съ вѣтромъ, и имъ крайне хотѣлось бы конфисковать въ свою сторону смыслъ нынѣшнихъ событій. Но какъ согласить съ нимъ всю ихъ прежнюю дѣятельность, и возможно ли успѣхамъ скромной, долговременной работы, изученія, трезвости мысли придать иное значеніе, чѣмъ то, какое они представляютъ съ такой очевидностью? А между тѣмъ, въ виду успѣховъ нѣмецкой скромной, но великой работы, какъ жалка́, какъ пуста́ должна представляться нашимъ кухмистерамъ патріотизма та стряпня

славянскихъ блюдъ и патріотическихъ пельменей, которою они хотѣли сразу выкормить и величіе Россіи, и обновленіе славянскаго міра!

Можно ли сердиться за то, что, утопая въ морѣ своей безплодности, они теперь такъ жадно хватаются за соломенки разныхъ полемическихъ ухищреній? Дѣйствительно, непріятно положеніе, въ какомъ очутились теперь тѣ наши органы, которые сами себѣ выдали патенты на званіе «русской» партіи. Взявъ любезный имъ патентъ, украсивъ свои двери вывѣскою патріотизма, они все еще только заняты расписываніемъ этой самой вывѣски. И въ самыхъ лавочкахъ у нихъ ничего своего нѣтъ, кромѣ ярлыковъ. Но списокъ этихъ ярлыковъ можетъ современемъ составить объемистый лексиконъ. Туда войдутъ «культуртрегеры», «шляхтопапизмъ», «гезаммтфатерландъ», и т. п. Придумали они было одинъ составъ, названный «безотлагательнымъ обрусеніемъ» и рекомендовали его, какъ отвѣтъ на всѣ вопросы. Но отвѣтъ этотъ самъ оказался вопросомъ. Какъ обрусить, чѣмъ обрусить? Военнымъ положеніемъ, пояснили они. Но военное положеніе не можетъ быть вѣчно, и притомъ развѣ военное положеніе само въ себѣ заключаетъ всю суть русскихъ силъ, достаточную для обрусенія? Тогда они предложили еще средство: обрусить всѣ фамиліи, посредствомъ измѣненія окончаній. Вотъ все, что они вложили въ сокровищницу человѣческаго преуспѣянія. И вдругъ, общественное вниманіе поражено событіями, которыхъ игнорировать нельзя, которыя исказить уже весьма затруднительно, и событія эти даютъ краснорѣчивое, неоспоримое свидѣтельство, что все дѣло именно и состоитъ въ человѣческомъ преуспѣяніи, въ исправности отправленій организма, и что въ сравненіи съ этими истинными основами величія — національное самодовольство и полицейскій патріотизмъ—совершенные пустяки, и никакого величія произвесть не могутъ.

Въ положеніи нашихъ органовъ самохвальства есть траги-комическая сторона, которая заставляетъ извинять отчасти самыя отчаянныя натяжки съ ихъ стороны и даже прямое сочинительство небывалыхъ фактовъ. «Московскія Вѣдомости», сознавая, что они въ нынѣшнемъ положеніи своемъ виновны не только предъ собою, но еще и передъ «Голосомъ», который довѣрчиво поступилъ къ нимъ на службу, и самъ не виноватъ ни въ чемъ серьезномъ, — совсѣмъ пали духомъ и уже не рѣшаются сами придумывать возраженіе, а повторяютъ то, что имъ внушаетъ «Голосъ». Такъ ламанчскій рыцарь, заведя своего вѣрнаго слугу Санхо-Панчу въ бѣду, отъ него же ждетъ совѣта и спасенія.

Оставимъ ихъ въ этой ямѣ, и поставимъ на ноги только касающіеся насъ факты. «Голосъ» и «Московскія Вѣдомости» нашли для себя соломенки въ нашемъ послѣднемъ обозрѣніи, гдѣ мы говорили, что смѣшно заниматься изъявленіемъ ненависти къ нѣмцамъ, а надо

у нихъ учиться очень многому, между прочимъ и тому, чтобы обезпечивать заблаговременно свои государственные интересы. Такъ какъ «Моск. Вѣдомости» по этому поводу почти буквально повторяютъ продиктованное имъ «Голосомъ», съ прибавленіемъ только сплетень, то достаточно указать на выдумки «Голоса».

Охраняя свою привилегію, свой патентъ на право держать у себя патріотизмъ, «Голосъ» удивляется, какъ смѣемъ мы упоминать о государственномъ интересѣ, и затѣмъ читаетъ намъ нотацію о томъ, что русскій народъ создалъ русское государство, орошая своею кровью прибрежья Балтійскаго и Чернаго морей, берега Вислы и Дуная; наконецъ, въ самомъ томъ обстоятельствѣ, что мы говоримъ объ интересахъ государства, видитъ фактъ, что «Вѣстникъ Европы» круто повернулъ въ сторону. Но въ первой же нашей ежемѣсячной хроникѣ (январь 1868 г.) отмѣтчики «Голоса» могутъ найти *наше* убѣжденіе, что «русская національность создала русское государство и что этотъ элементъ представляетъ въ государствѣ самый надежный источникъ жизни, изъ чего и истекаетъ необходимость предпочтенія въ Россіи и русскому языку, и всѣмъ русскимъ особенностямъ; что національности въ Россіи есть разныя и всѣ онѣ имѣютъ полное право существовать, но что народность въ Россіи должна быть одна — народность русскихъ гражданъ; наконецъ, что въ отношеніи неприкосновенности національныхъ особенностей, прежде всего приходится соображаться съ первымъ *интересомъ государства*, съ его самосохраненіемъ, цѣлостью, и что въ виду этого интереса приходится, иногда даже въ значительной степени, нарушать равноправность въ ущербъ какой-либо національности, но съ тѣмъ непремѣнно, чтобы это нарушеніе равноправности было только временное».

Неловко цитировать самихъ себя, но что же дѣлать, когда не перевелись еще менцелисты, которые, при всякомъ случаѣ, прямо указываютъ на васъ, какъ на органъ *противонародной партіи* (слова «Голоса»). Программы нашей мы держались неуклонно, и о необходимости рѣшенія крестьянскаго вопроса въ остзейскомъ краѣ говорили много разъ. Въ той самой статьѣ о книгѣ г. Самарина, съ которою «Голосъ» нынѣ хочетъ поставить насъ въ противорѣчіе и которую при этомъ не потрудился перечесть, мы рекомендовали ту сторону этой книги, которая посвящена насильственной германизаціи латышей и эстовъ и закрѣпощенію крестьянъ подъ видомъ улучшенія ихъ быта, и по поводу той же книги г. Самарина въ хроникѣ (ноябрь 1868) мы спрашивали: «Неужели же она, эта великая идея нынѣшняго времени (надѣленіе крестьянъ землею) остановится, какъ безсильная волна передъ пергаментными привилегіями горсти людей на одной изъ окраинъ Россіи? Прибалтійскій край—говорили мы—единственный теперь во всей русской имперіи — остается замкнутымъ, неприступнымъ для

величайшей мысли, какую выработала русская исторія. Очередь за нимъ. Неужели же мы, въ противорѣчіе обновленной жизни всего государства, оставимъ Мекленбургъ въ Курляндіи?» Въ книгѣ г. Самарина мы не одобряли только сыскныхъ пріемовъ. Понятно, что «Голосъ» не понялъ такого патріотизма.

Когда вышла книга Ширрена, мы говорили по поводу ея именно о несостоятельности теоріи исторической законности Балтійскаго края. Однимъ словомъ, всегда мы говорили тоже самое, потому что высказывали опредѣленное убѣжденіе, а не занимались балансированіемъ. Мы «круто повернули въ сторону»—говорятъ намъ теперь, и кто же взводитъ на насъ эту небылицу?—Тотъ самый «Голосъ», который нѣкогда находилъ, что графъ Муравьевъ ничего существеннаго не сдѣлалъ для усмиренія Западнаго края, а съ тѣхъ поръ..... Но довольно о «Голосѣ». «Голосу» и «Московскимъ Вѣдомостямъ», которые en désespoir de cause взялись обличать насъ въ мнимыхъ промахахъ, мы совѣтуемъ заняться первоначальнымъ обученіемъ, по ланкастерской методѣ. «Моск. Вѣдомости» могутъ обстоятельно напомнить «Голосу» о его дѣятельности до 1866 года, а «Голосъ» можетъ вразумить Моск. Вѣдомости» насчетъ неудобствъ классицизма, съ которымъ они вновь пристали къ намъ. И это—*партія*, эти органы называютъ себя партіею! Все согласіе между ними состоитъ въ безсчетномъ повтореніи слова патріотизмъ, и все единство ихъ мысли въ томъ, что если нѣмцы въ чемъ-нибудь намъ не уступаютъ или когда-либо могутъ стать намъ опасными, то ихъ слѣдуетъ поносить всѣхъ безъ разбора (а если бы представилась возможность ихъ еще преслѣдовать, то-то было бы наслажденіе!).

У этихъ господъ всегда такъ: взбунтовались поляки — валяй ихъ какъ попало, все равно; и литературы у нихъ нѣтъ, и образованность уродливая, и нравственность испорченная, самой исторіи у нихъ нѣтъ, наконецъ самихъ ихъ нѣтъ—а просто есть какіе-то пришельцы, самозванцы-лехиты. Остзейскіе нѣмцы берегутъ привилегіи, нѣмцы въ Германіи становятся слишкомъ сильны — тотъ же пріемъ: катай во что попадетъ; и нѣмцевъ тоже у насъ нѣтъ, а есть только выродившіеся чухны, и нѣмецкая литература—одна мелкота, и порохъ изобрѣтенъ прежде нѣмцевъ китайцами, и что говоритъ «мой пріятель» Карлъ Карловичъ Колбасникъ, и такъ далѣе. Это ли серьезное отношеніе къ дѣлу, въ этомъ ли задатки истиннаго, неослабнаго патріотизма? Взгляните опять-таки на Германію. Несмотря на страшное потрясеніе и массу горя, причиненнаго войною, тамъ нѣтъ ничего подобнаго. Вотъ что пишетъ нынѣ въ «Моск. Вѣдомости» изъ Ахена корреспондентъ, судя по фамиліи скорѣе французъ, чѣмъ нѣмецъ: «Все, что я слышалъ предъ отъѣздомъ о *галлофобіи*, будто бы свирѣпствующей въ Германіи, оказалось чистою выдумкой. Въ вагонѣ

я свободно говорилъ пофранцузски, читалъ французскія книги и даже откровенно выражалъ свое сочувствіе къ французамъ, не встрѣтивъ при этомъ ни одного косаго взгляда даже со стороны коренныхъ пруссаковъ. *Гр. де-Бальменъ.*» А у насъ именно ничѣмъ такъ охотно не занимаются, какъ какою-нибудь *фобіею*; англофобіею (въ крымскую войну, когда все печаталось на тонъ «Правды объ Англіи»), полякофобіею, нигилистофобіею, нѣмцофобіею, однимъ словомъ *травлею*. Для многихъ у нихъ нѣтъ ничего любезнѣе какъ давать тумаки, когда тому не препятствуетъ полиція.

Не такъ дѣйствуютъ люди, у которыхъ есть убѣжденія; не такъ, потому именно, что въ нихъ есть убѣжденія, а не пошлая охота къ гиканью и скверный разсчетъ на выгодность, на барышъ подстрекательства. Уваженіе къ высокообразованной германской націи и къ тѣмъ общественнымъ успѣхамъ, какихъ она достигла у себя до́ма, никогда не заставитъ насъ молчать о необходимости дать отпоръ сословной несправедливости и сословнымъ интригамъ у насъ до́ма, пусть представителями такой несправедливости и ходатаями ея являются русскіе или нѣмцы. Мы отказываемся только отъ того, чтобы къ дворянамъ бессарабскимъ примѣнять одну мѣрку, а къ дворянамъ остзейскимъ другую. Необходимость подчиненія сословныхъ и частныхъ интересовъ и стремленій—интересамъ государственнымъ, мы всегда будемъ утверждать одинаково по отношенію къ русскимъ, нѣмцамъ, полякамъ, грузинамъ и татарамъ, однимъ словомъ, ко всѣмъ членамъ Россіи, всѣмъ русскимъ гражданамъ. Мы отвергаемъ то ребяческое воззрѣніе, по которому если остзейскіе дворяне держатся исключительныхъ правъ, и если германская печать несправедливо относится къ нашимъ остзейскимъ дѣламъ, то изъ этого слѣдуетъ выводить возбужденіе къ ненависти противъ всего нѣмецкаго, и забавлять себя смѣшными потугами самохваленія «въ ущербъ» будто бы нѣмцамъ. Патріотизмъ нашъ не есть темный патріотизмъ предразсудковъ и незнанія, тотъ патріотизмъ, который нѣкогда призналъ весь міръ, кромѣ святой Руси, бусурманскимъ, и нынѣ проповѣдуетъ въ сущности тоже самое, толкуя о какомъ-то особомъ философскомъ призваніи Россіи, посредствомъ котораго она, и не устроивъ у себя ничего порядкомъ, обновитъ міръ. Мы отказываемся вѣрить въ какое-то таинственное—«Сезамъ отворись», которое давало бы право намъ, русскимъ, считать себя ковчегами особой благодати, и въ силу того относиться ко всѣмъ инымъ національнымъ свойствамъ и особенностямъ свысока, какъ то дѣлаютъ тѣ, которыхъ мы назвали «мамелюками». И настоящіе мамелюки, какъ извѣстно, не желали общечеловѣческаго развитія для себя и не считали нужнымъ изучать и уважать его тамъ, гдѣ его встрѣчали. Свой коранъ они считали началомъ и концомъ премудрости, которая должна обновить міръ, а средство для этого у нихъ было простое—разрушеніе.

Пусть нѣмцы будутъ у насъ защитниками какой-либо несправедливости, существующей въ ихъ пользу; эту несправедливость слѣдуетъ отмѣнить; пусть нѣмцы станутъ намъ враждебны — надо будетъ съ ними бороться. Но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не слѣдуетъ презирать ихъ, считать ихъ науку и работу ненужною, негодною, слишкомъ низкою для себя. Даже при борьбѣ съ нѣмцами самое худшее, что́ мы можемъ сдѣлать, это—перестать у нихъ учиться. Этимъ мы показали бы только самихъ себя. Напротивъ, мы должны помнить, что факты, добытые обще-европейской мыслью, обще-европейской наукою, умственныя завоеванія и общественныя гарантіи — факты намъ родные, которые должны быть усвоены и нашею жизнью, и что путь для усвоенія ихъ есть внимательное изученіе, а не гримасы наркотическаго патріотизма.

Обратимся къ примѣру. Ровно годъ тому назадъ, насъ порадовало первое весьма замѣтное заявленіе въ пользу выборнаго начала въ такой средѣ, которая доселѣ считалась какъ бы совсѣмъ непроницаемою для мірскихъ истинъ, въ средѣ православнаго духовенства. Гдѣ же мы можемъ найти болѣе полную практическую обработку этого вопроса, какъ не въ протестантской Германіи? Сближеніе съ обществомъ, устройство приходскихъ собраній для содержанія, опредѣленія и контроля хозяйства училищнаго и даже церковнаго, сила протестантской церковной общины, создающая и здѣсь, на нашихъ глазахъ, въ Петербургѣ, огромныя превосходныя благотворительныя и учебныя заведенія, пасторскіе съѣзды, наконецъ примѣненіе выборнаго начала не только къ хозяйственной части, но и къ самому избранію приходскихъ проповѣдниковъ—какое плодоносное, превосходно обработанное, поучительное поле для изученія и заимствованія. Такъ и во всей нашей внутренней работѣ: нѣтъ такой отрасли ея, въ которой мы не могли бы воспользоваться чужимъ опытомъ, если подвергнемъ его добросовѣстному изученію и серьезной, просвѣщенной критикѣ.

Прошлогодній съѣздъ духовенства петербургской епархіи раскрылъ важныя несовершенства въ устройствѣ здѣшняго училища. Это несовершенство и вопросъ о дѣйствіяхъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія послужили краснорѣчивыми данными въ пользу необходимости какъ внесенія въ такія дѣла общественнаго, хотя бы только сословнаго, контроля, такъ и въ пользу примѣненія выборнаго начала къ церковному управленію вообще. Нынѣшній съѣздъ представилъ лучшее доказательство, что это не было безплодною агитаціею: избранная съѣздомъ коммиссія нашла въ училищѣ большую перемѣну въ благопріятномъ смыслѣ, нашла его въ удовлетворительномъ состояніи, какъ въ учебномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи. Въ числѣ этихъ утѣшительныхъ перемѣнъ коммиссія указала, между прочимъ, и на то, что училище пріобрѣло новыхъ свѣтскихъ учителей,

которые успѣли возбудить въ воспитанникахъ интересъ и къ тѣмъ предметамъ, къ которымъ ученики въ прежнее время относились особенно равнодушно. Вотъ первые плоды гласности и общественнаго контроля въ нашей духовной средѣ, остававшейся до сихъ поръ вполнѣ замкнутою для этихъ благотворныхъ началъ. Замѣчательно, что на съѣздѣ былъ возбужденъ также вопросъ объ ограниченіи непомѣрнаго преобладанія въ духовныхъ училищахъ древнихъ языковъ. При этомъ нашему классицизму слѣдовало бы воскликнуть: tu quoque, Brute! Ужъ если духовное сословіе находитъ, что нельзя приносить въ жертву древнимъ языкамъ предметы общеобразовательные, то спрашивается, что̀ же можетъ оправдывать преобладаніе этихъ языковъ въ свѣтскихъ гимназіяхъ? Древніе языки для тѣхъ учениковъ, большинство которыхъ предназначаютъ себя къ духовной дѣятельности, еще можетъ имѣть профессіональное значеніе. Но и тутъ компетентный голосъ общества требуетъ, чтобы изученію древнихъ языковъ былъ все-таки положенъ предѣлъ, дабы обезпечить и общее умственное развитіе. Съѣздъ положилъ ходатайствовать объ уменьшеніи числа часовъ, назначенныхъ для преподаванія древнихъ языковъ въ духовныхъ училищахъ.

Въ виду такого знаменательнаго факта, удивляться ли, что изъ среды свѣтской раздается все болѣе рѣшительныхъ голосовъ въ доказательство необходимости приняться, наконецъ, серьезно за обезпеченіе въ Россіи средствъ для реальнаго образованія и снятія съ него того интердикта, который совершенно произвольно приставленъ противъ него къ дверямъ нашихъ университетовъ.

Въ послѣдней хроникѣ мы приводили извѣстіе о ходатайствѣ физико-математическаго факультета кіевскаго университета о допущеніи учениковъ реальныхъ гимназій въ университеты, по крайней мѣрѣ на факультетъ физико-математическій; въ ходатайствѣ своемъ факультетъ вполнѣ основательно ставилъ, между прочимъ, и самый успѣхъ предполагаемыхъ министерствомъ реальныхъ гимназій въ рѣшительную зависимость отъ открытія воспитанникамъ ихъ доступа на физико-математическій университетскій курсъ. Теперь извѣщаютъ, что и въ новороссійскомъ университетѣ возникаетъ такое же ходатайство, и что это ходатайство уже прямо основывается на фактѣ недостаточной подготовки къ слушанію университетскаго физико-математическаго курса, какая оказывается у учениковъ классическихъ гимназій. Дѣло высшаго образованія органически связано съ дѣломъ средняго образованія. Безъ доступа въ университеты среднее реальное образованіе не разовьется у насъ въ значительныхъ, необходимыхъ для Россіи размѣрахъ; а въ тоже время и высшее естественно-научное образованіе, принужденное снисходить до низкаго уровня познаній учениковъ, приступающихъ къ нему безъ подготовки, должно будетъ или принизиться до гимназическаго курса, или, оставаясь на университетской высотѣ,

сдѣлаться безплоднымъ. Если единодушный голосъ общества въ Россіи имѣетъ какое-либо значеніе, то преобладанію классицизма въ нашей учебной системѣ, очевидно, грозитъ паденіе. Правда, въ его пользу былъ устроенъ своего рода плебисцитъ. Но, какъ мы видимъ это и на другомъ примѣрѣ, плебисцитъ не спасаетъ отъ паденія то, что по самой своей сущности непригодно, неперваримо для общественнаго организма. Относительно же газеты г. Каткова мы не ошиблись, предсказывая ея негодованіе въ случаѣ справедливости слуха изъ кіевскаго университета. Опровергнуть этого слуха она не могла и ограничилась по этому поводу тѣмъ, что разжаловала кіевскій университетъ, назвавъ его «soi-disant ученая корпорація». Но кому же неизвѣстно, что въ Россіи существуетъ всего одна настоящая ученая корпорація, это именно, редакція газеты г. Каткова, а кіевскій университетъ, теперь же и одесскій, все это soi-disant! Гдѣ же имъ тягаться въ пониманіи научныхъ вопросовъ съ «Московскими Вѣдомостями?!» Но возвратимся къ нашему главному предмету.

Наши передѣлыватели міровъ и проповѣдники спеціальныхъ миссій Россіи, наши юмористы по части «культуртрегеровъ» и «гезамmтфатерланда» сдѣлали бы хорошо, еслибы вникли въ такой вопросъ: не есть ли прямое призваніе Россіи въ томъ, чтобы, еще прежде возсозданія славянскаго міра, учредить человѣческій порядокъ въ своей обыденной жизни, хотя бы въ самыхъ первоначальныхъ своихъ отправленіяхъ? Эта работа кажется имъ слишкомъ мелочною, имъ непремѣнно хочется заниматься какимъ-нибудь великимъ призваніемъ: de minimis non curat praetor! Это хорошо для нѣмцевъ, говорятъ они, и что же либеральнаго въ томъ, что у Пруссіи почты хорошо устроены и правильно ходятъ: какая въ томъ польза для прогресса? И къ сожалѣнію, такое словцо у насъ можетъ найти воспріимчивыхъ слушателей, потому собственно, что лѣность въ насъ еще очень сильна. А лѣность гораздо лучше уживается съ «великими призваніями», чѣмъ съ серьезнымъ дѣломъ. Въ Пруссіи почты, дѣйствительно, хорошо устроены, и къ счастью ея не однѣ почты: изучите прусское общество во всѣхъ его обыденныхъ отправленіяхъ, познакомтесь съ прусскою администраціею, какъ высшею, такъ и мѣстною, во всѣхъ ея отрасляхъ, а потомъ, возьмите любую корреспонденцію о результатахъ ревизіи, производимой нынѣ сенаторомъ Клушинымъ въ Пермской губерніи — вотъ тогда и увидите, о пересозданіи какого міра мы прежде всего должны позаботиться, и стоитъ ли намъ обращаться за поученіями къ мелочной работѣ нѣмцевъ и къ «почтовому либерализму» Пруссіи. Еслибы въ Перми не сѣкли купцовъ и не было опасности, за одно поползновеніе написать что-либо о мѣстной администраціи въ газетахъ — «прогуляться изъ одного края губерніи въ другой» (выраженіе корреспондента «Московскихъ Вѣдомостей»), еслибы хоть въ

этомъ наши порядки походили на прусскіе, то это-то и было бы осуществленіе у насъ того «почтоваго либерализма», которымъ гнушаются наши философы. А между тѣмъ, спросите самихъ высѣченныхъ купцовъ и «гулявшихъ изъ края въ край» господъ, что́ было бы либеральнѣе: осуществленіе миссіи Россіи, какъ ее рисуетъ «Голосъ», хотя бы даже вполнѣ, и съ перемѣною окончаній всѣхъ фамилій— или просто избавленіе отъ тѣхъ удовольствій, какими, повидимому, изобилуетъ и Пермь. Прогуляться изъ края въ край Пермской губерніи—легко сказать; ужъ и въ Пермь-то прогуляться не совсѣмъ удобно, хотя иногда неизбѣжно.

Заключимъ нашу хронику указаніемъ на одинъ весьма утѣшительный и свѣтлый фактъ въ исторіи нашей литературы и публицистики. Едва ли не въ первый разъ у насъ заслуги литературы предъ правительствомъ и обществомъ были признаны столь несомнѣнно и оцѣнены, какъ того всегда слѣдовало желать. На-дняхъ «Правительственный Вѣстникъ» объявилъ о выходѣ изъ печати еще одного тома «Матеріаловъ», печатаемыхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ для коммиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ. Настоящій томъ относится къ полицейскому отдѣлу. Все изданіе будетъ заключать въ себѣ восемь томовъ, и вотъ содержаніе восьмого тома: «Въ составъ восьмого тома— говоритъ «Правительственный Вѣстникъ»—войдутъ двѣ руководящія записки къ обѣимъ частямъ историческихъ матеріаловъ и *сборникъ появившихся въ періодической печати статей по поводу послѣдневнесенныхъ, въ январѣ 1870 года, основныхъ положеній административно-полицейской реформы.* Тутъ будутъ собраны передовыя статьи, по этому поводу, появившіяся въ «С. Петербургскихъ», «Московскихъ» и «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Голосѣ» и «Вѣстникѣ Европы».

Мы привѣтствуемъ этотъ фактъ просвѣщеннаго вниманія къ свободному мнѣнію органовъ общественнаго мнѣнія, чему примѣръ такъ наглядно подаетъ министерство внутреннихъ дѣлъ, поставляя на видъ упомянутой коммиссіи все, что́ было высказано въ печати по предмету, занимающему правительство. Этотъ фактъ даетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ случай вспомнить о значеніи реформы печати, по закону 6 апрѣля 1865 года. Освобожденіе печати начинаетъ приносить свои плоды, которыми пользуется теперь и само правительство. Представьте себѣ, что министерство внутреннихъ дѣлъ возъимѣло бы прежде, при существованіи предварительной цензуры, мысль воспользоваться общественнымъ мнѣніемъ по тому или другому предмету, который заинтересовалъ бы его. Каковъ былъ бы результатъ? Такъ какъ общественное мнѣніе выражалось тогда подъ предварительнымъ одобреніемъ цензуры, то министерство внутреннихъ дѣлъ получило бы въ данномъ

случаѣ мнѣніе своихъ же собственныхъ цензоровъ и впало бы въ невольный обманъ, полагая, что оно имѣетъ дѣло съ общественнымъ мнѣніемъ.

Мы приводимъ этотъ фактъ новаго отношенія одного изъ правительственныхъ мѣстъ къ дѣятельности русской публицистики тѣмъ болѣе охотно, что толки о пересмотрѣ закона о печати, въ связи съ перемѣною въ личномъ составѣ Главнаго Управленія по дѣламъ печати произведенною въ октябрѣ, были неблагопріятны для будущаго печати. М. Н. Похвисневъ, нынѣ сенаторъ, оставилъ свое мѣсто начальника Главнаго Управленія; всѣмъ извѣстно, что такой трудный у насъ постъ требуетъ не одного точнаго и буквальнаго исполненія служебныхъ обязанностей, но и извѣстныхъ личныхъ качествъ и пониманія того значенія литературы и публицистики, какое, какъ мы только-что видѣли, выразило министерство внутреннихъ дѣлъ. Если замѣна М. Н. Похвиснова возбудила тѣ толки, то мы склонны объяснить ихъ прежде всего именно тѣмъ, что общество, сохраняя о комъ-нибудь пріятныя воспоминанія, всегда выражаетъ свое сожалѣніе объ удаляющемся въ формѣ сомнѣнія относительно близкаго будущаго. Одна изъ петербургскихъ газетъ, сообщая объ увольненіи М. Н. Похвиснева, завѣряла въ опроверженіе всякихъ слуховъ, что въ этомъ обстоятельствѣ напрасно усматриваютъ признаки реакціи; но указанный нами выше фактъ не оставляетъ, по нашему мнѣнію, ни малѣйшаго сомнѣнія относительно неосновательности всякихъ неблагопріятныхъ слуховъ. Мы продолжаемъ потому сохранять увѣренность, что наше правительство въ вопросѣ о печати, какъ оно дѣлаетъ то и въ другихъ, не менѣе важныхъ вопросахъ, будетъ попрежнему почерпать свои силы изъ прогрессивнаго развитія общественныхъ силъ.

НОВОЕ ГОРОДОВОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

Значеніе новаго городового положенія. — Устройство городскихъ учрежденій. — Кругъ ихъ дѣятельности. — Отношенія къ администраціи.

I.

Еще недавно обнародовано и въ настоящемъ году будетъ приведено въ дѣйствіе въ сорока пяти городахъ новое городовое положеніе, которое передаетъ наше городское хозяйство въ руки представителей мѣстнаго общества. Едва ли кому неизвѣстно, въ какомъ положеніи находится хозяйство нашихъ городовъ въ настоящее время; вѣрнѣе сказать, всякій знаетъ, что въ настоящее время въ нашихъ городахъ вовсе нѣтъ хозяйства. Въ нихъ есть городскія думы и городскіе головы, которые всецѣло подчинены губернаторамъ и губернскимъ правленіямъ. Эти послѣдніе, или непосредственно или съ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ, утверждаютъ приговоры городскихъ обществъ, наблюдаютъ за ихъ дѣятельностью, ревизуютъ дѣлопроизводство городскихъ учрежденій, подвергаютъ представителей города дисциплинарнымъ взысканіямъ и, въ случаѣ неповиновенія, предаютъ суду. Словомъ, они составляютъ относительно городскихъ учрежденій высшую ревизіонную и апелляціонную инстанцію и въ тоже время ихъ начальство. Понятно, что при этихъ условіяхъ вся сила переходитъ въ руки администраціи, которая и является исключительнымъ блюстителемъ нуждъ и пользъ города. Чтобы не распространяться дальше, мы можемъ сказать, что въ такомъ же приблизительно положеніи находится дѣло даже въ столицахъ, гдѣ городское управленіе основано на болѣе широкихъ началахъ и, повидимому, представляетъ нѣкоторыя гарантіи самостоятельности. Для полнаго убѣжденія въ этомъ мы предлагаемъ читателямъ прочесть внимательно хотя нѣсколько нумеровъ «Извѣстій» здѣшней думы.

Со введеніемъ новаго положенія все это должно, *повидимому*, измѣниться. Мы говоримъ: «повидимому», потому что не считаемъ возможнымъ проницать будущее. Еслибы новое городовое положеніе вышло нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда у насъ господствовало оптимистическое настроеніе, то, конечно, этотъ «новый шагъ на пути самоуправленія» былъ бы встрѣченъ самыми радужными надеждами и отъ

нашихъ горожанъ стали бы ожидать того-же, чего ожидали отъ «земскихъ людей», т.-е. ни больше ни меньше, какъ полнаго обновленія всего строя государственной жизни. Но жизнь научаетъ быть скептикомъ... и въ настоящее время многіе были бы очень довольны, еслибы «новый шагъ по пути самоуправленія» имѣлъ своимъ практическимъ результатомъ хоть повсемѣстное мощеніе улицъ и улучшеніе пожарной команды...

Но каковы бы ни были послѣдствія городского самоуправленія, какъ-бы хорошо или дурно ни привилось оно у насъ, въ средѣ нашихъ горожанъ, такъ мало привыкшихъ до сихъ поръ заниматься своими дѣлами и отстаивать свои интересы, — все-таки новое городское положеніе уже само по себѣ, какъ законодательный актъ, представляетъ большой интересъ. Городское положеніе есть какъ-бы продолженіе земскаго; оно совершенно сходно съ нимъ по общимъ началамъ, ибо и то и другое уступаетъ обществу такія функціи общественной дѣятельности, которыя прежде de facto или de jure отправляла администрація. Самый кругъ дѣятельности городскихъ и земскихъ учрежденій почти одинъ и тотъ-же; по крайней мѣрѣ различіе между ними гораздо болѣе территоріальное, нежели матеріальное. И тутъ и тамъ — распредѣленіе маленькой части общихъ государственныхъ повинностей, и тутъ и тамъ — завѣдываніе мѣстными расходами, большею частью обязательными, и тутъ и тамъ—нѣкоторыя заботы о здравіи, просвѣщеніи и продовольствіи; наконецъ, и тутъ и тамъ право ходатайства о своихъ пользахъ и нуждахъ, отъ котораго мы такъ много ждали и такъ мало получили.... Но городовое положеніе вышло спустя пять лѣтъ послѣ земскаго, когда результатъ земской дѣятельности былъ уже на лицо; слѣдовательно, этотъ новый законодательный актъ долженъ отражать въ себѣ тотъ взглядъ, къ которому пришло въ эти пять лѣтъ наше законодательство относительно общественныхъ учрежденій, познакомившись съ ихъ практической дѣятельностью. Этотъ законодательный актъ долженъ выяснить намъ, какую рамку намѣрено поставить законодательство для нашего самоуправленія, какую организацію общественныхъ учрежденій оно находитъ болѣе удобною, въ чемъ именно оно считаетъ нужнымъ расширить или съузить кругъ дѣятельности этихъ учрежденій, какія дать имъ новыя права и какія наложить обязанности. Поэтому, сравненіе земскаго и городского положеній представляется намъ весьма интереснымъ, и мы позволимъ себѣ занять читателей тѣми выводами, которые мы извлекли изъ этого сравненія.

Общественныя учрежденія вообще должно разсматривать со стороны ихъ организаціи, круга ихъ дѣятельности и тѣхъ отношеній, въ которыя они поставлены къ другимъ учрежденіямъ. Поэтому, мы должны указать: лучше или хуже организованы городскія учрежденія, сравни-

тельно съ земскими, какое значеніе предоставлено въ нихъ интеллигенціи и какія требованія поставлены относительно имущественнаго ценза. Затѣмъ нужно опредѣлить, съуженъ или расширенъ, сравнительно, кругъ ихъ дѣятельности, и наконецъ уяснить ихъ отношенія къ мѣстнымъ и высшимъ властямъ, которыя, какъ извѣстно, играютъ у насъ самую рѣшительную роль и въ частной и въ общественной дѣятельности. Отвѣчая на эти вопросы, мы конечно должны будемъ руководиться въ оцѣнкѣ полученныхъ данныхъ нашими личными взглядами, такъ какъ результаты дѣятельности городскихъ учрежденій еще впереди. Тѣмъ не менѣе читатели имѣютъ возможность провѣрить наши выводы тѣми результатами, которые представляетъ дѣятельность нашего земства. Эти результаты, съ которыми мы имѣли случай познакомить читателей въ статьѣ «Земскіе итоги» *), могутъ вполнѣ уяснить, чего должны мы ожидать отъ городскихъ учрежденій, если они будутъ поставлены въ одинаковыя условія съ земскими. Кромѣ того, зная причины успѣшности или неуспѣшности земскаго хозяйства и примѣнивъ ту-же мѣрку къ вновь созданному хозяйству городскому, читатели могутъ съ полной достовѣрностью предугадать возможныя послѣдствія тѣхъ уклоненій, которыя они найдутъ въ городскомъ положеніи сравнительно съ земскимъ. Когда, такимъ образомъ, результаты сравненія будутъ передъ глазами, то выводъ каждый можетъ сдѣлать самъ.

II.

Общая организація новыхъ городскихъ учрежденій почти цѣликомъ взята изъ земскаго положенія, съ тѣмъ, конечно, различіемъ, что управленіе губернскаго города не составляетъ для уѣздныхъ городовъ высшей инстанціи, какъ это существуетъ до нѣкоторой степени относительно губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій. Это различіе совершенно понятно, такъ какъ въ хозяйствѣ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго, что̀ могло бы установить между ними іерархическія отношенія. Затѣмъ, городскія учрежденія совершенно подходятъ къ уѣзднымъ земскимъ учрежденіямъ. Тѣже три избирательные съѣзда, то же выборное собраніе, которое носитъ здѣсь названіе думы, и таже выборная управа, которая только называется не земской, а городовой. Но въ составѣ и организаціи избирательныхъ съѣздовъ есть существенная разница, которая отчасти обусловливается самымъ составомъ городского общества, отчасти же показываетъ нѣкоторое движеніе нашего законодательства въ вопросѣ о цензѣ, такъ какъ оно стремится замѣнить въ городскихъ учрежденіяхъ имущественный цензъ податнымъ.

*) См. выше: мар. 403; апр. 829; іюль, 326; авг. 753 стр.

Надо сознаться, что цензъ былъ у насъ всегда одной изъ самыхъ слабыхъ сторонъ въ тѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ онъ имѣлъ примѣненіе. Привыкнувъ къ сословнымъ рамкамъ, наше законодательство весьма медленно отдѣлывается отъ нихъ, и эти сословныя рамки чувствуются почти вездѣ, несмотря на кажущееся желаніе замѣнить ихъ чѣмъ-либо болѣе подходящимъ къ современнымъ условіямъ общества. Сперва, какъ извѣстно, у насъ были только сословныя учрежденія, и тогда дѣло рѣшалось очень просто: одинъ чиновникъ выбирался дворянами, другой купцами, третій сельскими обывателями. Иногда, какъ это было въ судебныхъ мѣстахъ, они сидѣли вмѣстѣ, но значеніе ихъ всегда зависѣло отъ сословія, къ которому они принадлежали. Фактически это значеніе имѣли только представители дворянскаго сословія или, лучше сказать, чиновники, выбранные этимъ сословіемъ. Съ упраздненіемъ крѣпостного права нужно было отказаться отъ этой системы и поставить для допущенія въ общественныя должности другой, несословный принципъ. Это и дѣлалось, но дѣлалось медленно, съ большими уступками прежнему порядку вещей. Можно сказать, что вновь поставленный имущественный принципъ служилъ не столько выраженіемъ новаго стремленія привлечь къ государственной службѣ людей обезпеченныхъ, сколько прикрытіемъ прежнихъ сословныхъ привилегій, которыя являлись по прежнему, только въ новой формѣ.

Понадобились, напримѣръ, мировые посредники; назначеніе ихъ было обусловлено, между прочимъ, и имущественнымъ цензомъ, но какимъ? Имъ нужно было имѣть или прежнія сто душъ, или 500 десятинъ земли, хотя бы эта земля находилась въ разныхъ губерніяхъ и была отдана въ пользованіе крестьянъ, или наконецъ 150 десятинъ, если они кончили курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи съ извѣстными правами. Повидимому, здѣсь дано значеніе и имуществу и даже образованію; но фактически все это неважно; гораздо важнѣе то, что здѣсь нужно согласіе губернатора и предводителей дворянства, и что мировые посредники должны быть *мѣстные потомственные дворяне помѣщики*. Вѣроятно, при установленіи этого правила предполагалось, что отъ мѣстныхъ помѣщиковъ можно ожидать болѣе безпристрастія въ разрѣшеніи имущественныхъ споровъ между помѣщиками и крестьянами, нежели отъ лицъ, принадлежащихъ къ другимъ сословіямъ.

Затѣмъ создаются земскія учрежденія, приходится призвать къ общей дѣятельности людей всѣхъ сословій, и земство дѣйствительно дѣлается *всесословнымъ*, но не *безсословнымъ*. Напротивъ, для лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ сословіямъ установляется различный порядокъ выборовъ, и законодательство наблюдаетъ, чтобы въ земскихъ собраніяхъ преобладало именно дворянское сословіе. Съ этой цѣлью оно дѣлаетъ предсѣдателями земскихъ собраній, eo ipso, пред-

водителей дворянства и назначаетъ въ огромномъ большинствѣ уѣздовъ половину гласныхъ отъ землевладѣльцевъ, или по крайней мѣрѣ назначаетъ ихъ больше, нежели гласныхъ отъ крестьянъ. Если при этомъ имущественный цензъ играетъ нѣкоторую роль, то взносъ повинностей—почти никакой. Дворянское сословіе можетъ владѣть одной третьей частью всѣхъ недвижимыхъ имуществъ въ уѣздѣ, но отбывать одну десятую часть земскихъ повинностей, и тѣмъ не менѣе оно имѣетъ иногда, при этихъ условіяхъ, численное преобладаніе въ земскихъ собраніяхъ [1]). Этого мало: то или другое лицо изъ дворян-

---

[1]) Мы полагали до послѣдняго времени, что неравномѣрное представительство въ земскихъ собраніяхъ въ пользу помѣщичьяго элемента — фактъ общеизвѣстный, отвергать который могла, для извѣстныхъ цѣлей, только покойная газета «Вѣсть»; но оказывается, что есть публицисты нѣкоторыхъ журналовъ, которые, по незнанію или по другой причинѣ, также совершенно отвергаютъ этотъ фактъ. Во внутреннемъ обозрѣніи 9-ой книжки «Отеч. Записокъ», между прочимъ, посвящено вопросу о земскомъ представительствѣ нѣсколько страницъ, въ которыхъ прямо заподозриваются выводы, сдѣланные по этому вопросу, между прочимъ и нами, въ статьѣ «Земскіе итоги», въ августовской книжкѣ «Вѣстника Европы». Пользуемся случаемъ, чтобы отвѣтить въ нѣсколькихъ словахъ. Указавъ на 72 уѣзда во всей Россіи, гдѣ гласныхъ отъ крестьянъ больше, нежели гласныхъ отъ помѣщиковъ, хроникеръ «Отеч. Записокъ» восклицаетъ: «гдѣ-же, въ какомъ уѣздѣ, какой губерніи публицисты нашли численный перевѣсъ землевладѣльческихъ гласныхъ надъ всѣми другими?..» Отвѣчать на это очень легко: мы нашли его въ двѣнадцати уѣздахъ Владимірской губерніи, въ шести—Екатеринославской, девяти—Калужской, двѣнадцати Костромской, восьми—Курской, девяти—Московской и т. д. (См. вѣдомость, приложенную къ ст. 33 и 52 ст. Положенія о Зем. учр.). Въ исчисленныхъ уѣздахъ (составляющихъ большинство) гласныхъ отъ землевладѣльцевъ столько же, сколько *всѣхъ остальныхъ*; прибавьте къ нимъ предсѣдателя и перевѣсъ будетъ полный и неоспоримый. О тѣхъ уѣздахъ, гдѣ гласныхъ отъ землевладѣльцевъ болѣе, чѣмъ гласныхъ отъ *крестьянъ*, нечего и говорить, ихъ громадное большинство. Затѣмъ, если публицистъ «Отеч. Записокъ» думаетъ, что число гласныхъ соотвѣтствуетъ количеству земли, то онъ сильно ошибается. Мы можемъ ему указать, что въ Воронежской губерніи крестьянамъ принадлежитъ 3.800,000 десятинъ земли, а личнымъ землевладѣльцамъ *и казнѣ* только 1. 700,000; между тѣмъ гласныхъ землевладѣльцевъ 252, а крестьянъ только 245; въ Курской губерніи гласныхъ землевладѣльцевъ на 1.300.000 десятинъ земли 260 человѣкъ, а крестьянъ на 2.300.000 дес. только 252, и т. д. Впрочемъ публициста «Отеч. Записокъ» это врядъ-ли смутитъ, ибо онъ прямо объявляетъ, что «малограмотные крестьяне полезны *исключительно* на поляхъ, лугахъ и гумнахъ, *а никакъ не на совѣщательныхъ собраніяхъ*». Входить по этому поводу въ полемику мы не будемъ, но замѣтимъ только, что земское дѣло ведется лучше именно тамъ, гдѣ большинство гласныхъ составляютъ крестьяне, дающіе опору тѣмъ «глубоко преданнымъ общественнымъ интересамъ людямъ», на которыхъ возлагаетъ надежды самъ публицистъ «Отеч. Зап.». Такъ, всего лучше земское дѣло ведется въ Вятской губерніи, гдѣ гласные отъ крестьянъ составляютъ почти абсолютное большинство, и всего хуже въ Смоленской, гдѣ они въ значительномъ меньшинствѣ. Что же касается до грамотности крестьянъ, факты указываютъ, что развитіе ея находится теперь въ прямой зависимости именно отъ преобладанія въ земскихъ собраніяхъ крестьянскаго элемента. Въ 1866 г., за который есть свѣдѣнія по всѣмъ губерніямъ, 16 уѣздовъ на-

скаго сословія можетъ владѣть имуществомъ ничего не стоющимъ, можетъ не платить ни копѣйки земскаго сбора, если, напримѣръ, его земля вся поступила въ надѣлъ крестьянамъ, и тѣмъ не менѣе это лицо будетъ и избирателемъ, и гласнымъ, и членомъ управы. При этомъ отъ представителей земства не требуется не только никакого образованія, но даже грамотности; имъ нужно только имѣть двадцать пять лѣтъ. Это послѣднее условіе, конечно, не безполезно, какъ общій принципъ, но въ настоящемъ случаѣ оно представляется нѣсколько страннымъ, такъ какъ предсѣдатель земскаго собранія, гдѣ каждый гласный долженъ имѣть двадцать пять лѣтъ, можетъ самъ быть гораздо моложе.

Далѣе, пишутся Судебные уставы и учреждаются выборные мировые судьи. Опять двадцать пять лѣтъ, которые неизбѣжны для мирового судьи и необязательны не только для члена окружнаго суда, но и для сенатора кассаціоннаго департамента, и опять извѣстное количество десятинъ земли, которое доказываетъ только, что человѣкъ принадлежитъ къ извѣстному *сословію*. Въ самомъ дѣлѣ, какое значеніе имѣютъ у насъ эти четыреста, шестьсотъ десятинъ, необходимыхъ для мирового судьи? Развѣ онѣ въ большей половинѣ Россіи составляютъ цѣнность, обезпечивающую владѣльца? Развѣ въ какомъ-нибудь Кологривскомъ уѣздѣ Костромской губерніи доходъ съ этихъ шестисотъ десятинъ не ничтоженъ сравнительно съ тѣми полутора тысячами, которыя составляютъ minimum жалованья мирового судьи? Развѣ, наконецъ, у насъ можно набрать изъ людей, дѣйствительно имущихъ, достаточный контингентъ для замѣщенія и земскихъ, и крестьянскихъ и судебно-мировыхъ учрежденій, и развѣ желательно такое замѣщеніе этихъ учрежденій людьми, интересы которыхъ такъ далеки отъ интересовъ громаднаго мало-имущаго большинства? Все это вопросы, на которые человѣкъ, знающій наши провинціальныя условія, не затруднится отвѣчать, и отвѣтъ этотъ, если онъ будетъ искрененъ,—будетъ, конечно, не въ пользу десятиннаго ценза. Повторяемъ, этотъ цензъ имѣетъ значеніе только какъ доказательство принадлежности къ дворянскому сословію, которое *фактически* владѣетъ почти всѣми землями, непринадлежащими крестьянскимъ обществамъ и казнѣ. Отъ мирового судьи законъ не требуетъ даже, чтобы онъ былъ мѣстнымъ жителемъ; онъ можетъ имѣть пятьсотъ десятинъ въ Вятской губерніи и, заручившись этимъ обезпеченіемъ, баллотироваться въ мировые судьи въ Петербургѣ. И такой господинъ, если

значили на народное образованіе болѣе 6,000 р., и изъ этихъ уѣздовъ только въ трехъ преобладаетъ элементъ личнаго землевладѣнія. Затѣмъ 95 уѣздовъ не назначили ничего, и изъ нихъ только въ девяти преобладаетъ сословіе крестьянское. Надѣемся, что этого довольно для уразумѣнія дѣла.

только онъ кончилъ курсъ, напримѣръ, въ кадетскомъ корпусѣ, предпочитается лицу, получившему юридическое образованіе, но не имѣющему столько десятинъ, сколько показано. Тутъ даже не установлено для лицъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ пониженнаго ценза, какъ это сдѣлано для мировыхъ посредниковъ, и единственная нравственная гарантія—это окончаніе курса въ среднемъ учебномъ заведеніи, то-есть, между прочимъ, въ кадетскомъ корпусѣ.

Въ городскихъ учрежденіяхъ, конечно, не могло быть рѣчи о цензѣ по числу десятинъ земли, и вообще не могло быть сословнаго ценза, такъ какъ интересы лицъ различныхъ сословій, владѣющихъ одинаковымъ городскимъ имуществомъ, совершенно тожественны. Здѣсь можно было допустить чисто имущественный цензъ, но онъ былъ бы вопіющей несправедливостью, такъ какъ при этомъ пришлось бы отдать городское управленіе въ руки немногихъ собственниковъ, отстранивъ отъ участія въ немъ лицъ, доставляющихъ, главнымъ образомъ, средства городу, т.-е. купцовъ, ремесленниковъ, и т. п. Чтобы избѣжать этого, законодательство приняло за основаніе для избирательныхъ правъ платежъ городскихъ повинностей и повело этотъ принципъ такъ далеко, что связало избирательныя права съ исправностью во взносѣ платежей: «Всякій городской обыватель — говоритъ положеніе,—къ какому бы состоянію онъ ни принадлежалъ, имѣетъ право голоса въ избраніи гласныхъ при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если онъ русскій подданный; 2) если ему не менѣе двадцати пяти лѣтъ отъ рожденія; 3) если онъ, при этихъ двухъ условіяхъ, владѣетъ въ городскихъ предѣлахъ, на правѣ собственности, недвижимымъ имуществомъ, подлежащимъ сбору въ пользу города, или содержитъ торговое или промышленное заведеніе по свидѣтельству купеческому, или же, проживъ въ городѣ въ теченіе двухъ лѣтъ сряду предъ производствомъ выборовъ, — хотя бы и съ временными отлучками, — уплачиваетъ въ пользу города установленный сборъ со свидѣтельствъ: купеческаго, или промысловаго на мелочной торгъ, или прикащичьяго 1-го разряда, или съ билетовъ на содержаніе промышленныхъ заведеній, указанныхъ въ статьѣ 37 положенія о пошлинахъ за право торговли, и 4) *если на немъ не числится недоимокъ по городскимъ сборамъ»* (стр. 17).

Конечно, не всѣ лица, указанныя въ приведенной нами статьѣ, имѣютъ право дѣйствительнаго участія въ городскомъ управленіи; здѣсь, также какъ и въ земскихъ учрежденіяхъ, исключаются лица, подвергшіяся извѣстнымъ наказаніямъ, несостоятельные должники, лишенные духовнаго званія, исключенные изъ обществъ, и наконецъ мѣстныя полицейскія власти. Мы не считаемъ нужнымъ входить въ подробности всѣхъ этихъ ограниченій, а также объяснять порядокъ избраній по довѣренности за лицъ женскаго пола, который здѣсь приблизительно тотъ-же, какъ и въ земскихъ учрежденіяхъ. Для насъ го-

раздо важнѣе прослѣдить, какой способъ приняло законодательство для уравновѣшенія различныхъ элементовъ, входящихъ въ составъ городского общества. Раздѣлить избирателей на сословія и предоставить каждому изъ нихъ право избрать соотвѣтственное число гласныхъ, какъ это сдѣлано въ земскихъ учрежденіяхъ,—здѣсь было невозможно потому, что принадлежность къ тому или другому сословію не имѣетъ въ городскомъ обществѣ никакого реальнаго, экономическаго значенія. Съ другой стороны, допустить одно общее безразличное избирательное собраніе законодательство не рѣшилось, боясь, по всей вѣроятности, придать большое значеніе демократическому элементу, который имѣетъ численное преобладаніе въ городскихъ обществахъ. Для того, чтобы избѣжать этого, придумывались различныя комбинаціи. Одни предлагали раздѣлить избирателей на категоріи по оцѣнкѣ ихъ имущества, другіе находили возможнымъ прямо отнести къ первой категоріи купцовъ 1-й гильдіи, фабрикантовъ и крупныхъ собственниковъ, ко второй мелкихъ собственниковъ и купцовъ 2-й гильдіи, а къ третьей всѣхъ остальныхъ. Но, въ концѣ концовъ, здѣсь получилъ преобладаніе принципъ соотвѣтствія избирательныхъ правъ съ количествомъ вносимыхъ платежей. На основаніи 24-й статьи положенія «для производства выборовъ въ гласные учреждаются въ каждомъ городѣ изъ обывателей, имѣющихъ право голоса на выборахъ, три избирательныя собранія, изъ коихъ каждое выбираетъ одну треть всего числа гласныхъ. Для сего обыватели вносятся въ списокъ избирателей въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ по суммѣ причитающихся съ каждаго изъ нихъ въ доходъ города сборовъ, дающихъ право голоса на выборахъ; затѣмъ лица, внесенныя въ означенный списокъ, дѣлятся на три разряда или собранія, такимъ образомъ: къ первому разряду причисляются тѣ изъ показанныхъ въ началѣ списка избиратели, которые, внося высшіе размѣры сборовъ, уплачиваютъ вмѣстѣ одну треть общей суммы сборовъ, платимыхъ всѣми избирателями; ко второму—причисляются слѣдующіе за ними по списку избиратели, уплачивающіе вмѣстѣ также треть всѣхъ сборовъ; къ третьему — всѣ остальные избиратели». Затѣмъ въ слѣдующей статьѣ говорится, что «еслибы въ которомъ либо изъ городовъ или посадовъ по малочисленности избирателей *или однородности ихъ состава*, оказалось болѣе соотвѣтственнымъ раздѣлить избирателей, вмѣсто трехъ на два разряда, то ходатайство о семъ городской думы разрѣшается министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Эта остроумная комбинація, придуманная, очевидно, для того, чтобы не дать преобладанія въ избирательныхъ собраніяхъ численному большинству, тѣмъ не менѣе не обезпечиваетъ этого преобладанія ни за однимъ классомъ городскихъ жителей. Ея практическіе результаты зависятъ чисто отъ случайности. Много въ городѣ лицъ, платящихъ

значительныя повинности—будутъ имѣть преобладаніе эти лица; мало ихъ — преобладаніе останется за массою мелкихъ плательщиковъ. Это еще, конечно, довольно раціонально, но можетъ быть и такъ, что *немногія* лица, если они обладаютъ большимъ недвижимымъ имуществомъ, будутъ не только избирателями, но и членами думы, такъ какъ по количеству платежей они могутъ составить отдѣльное избирательное собраніе и избрать сами себя.

Впрочемъ, въ этой системѣ есть несомнѣнно хорошая сторона. Богатые люди, получивъ преобладаніе въ городскомъ управленіи, чтобы сохранить это преобладаніе, должны будутъ постоянно нести сравнительно высокія повинности, ибо иначе имъ придется допустить въ свое избирательное собраніе небогатыхъ плательщиковъ и остаться въ меньшинствѣ. Какая разница въ этомъ отношеніи съ земскими собраніями! Тамъ личные землевладѣльцы — т.-е. именно болѣе богатые люди, имѣютъ преобладаніе, платя очень мало, и часто пользуются этимъ преобладаніемъ, чтобы платить еще меньше. Даже удивительно, какъ въ одномъ и томъ же государствѣ, почти въ одно и тоже время издаются два совершенно тожественныя учрежденія и между тѣмъ за основаніе избирательныхъ правъ въ каждомъ изъ нихъ будутъ столь различные принципы. Объяснить это можно однимъ: въ городскихъ учрежденіяхъ дѣло идетъ о городскихъ жителяхъ и тутъ не признается необходимымъ поддерживать однихъ противъ другихъ; въ земскихъ учрежденіяхъ дѣло шло о помѣщикахъ и крестьянахъ и явилось стремленіе раздѣлить ихъ трудъ, обезпечивъ за первыми право распредѣлять повинности, а за послѣдними обязанность платить ихъ.

Не имѣя ничего противъ того избирательнаго принципа, который проведенъ въ городскомъ положеніи и ставя его несравненно выше принципа сословнаго и даже просто имущественнаго, мы не можемъ не пожалѣть однако, что, благодаря случайнымъ условіямъ нашей податной системы, отъ участія въ городскомъ управленіи устранены люди, наиболѣе интеллигентные, занимающіеся такъ - называемыми свободными профессіями. Читатели видѣли, кто именно имѣетъ избирательныя права въ городскомъ обществѣ. Перечень этихъ лицъ соотвѣтствуетъ перечню источниковъ городского дохода, ибо городу предоставлено только установлять сборы съ недвижимыхъ имуществъ, съ документовъ на право торговли и промысловъ и съ трактирныхъ заведеній, постоялыхъ дворовъ и съѣстныхъ лавочекъ. Затѣмъ въ положеніи сказано, что городской думѣ предоставляется также вводить въ пользу города сборы съ извознаго и перевознаго промысловъ, съ лошадей и экипажей и съ собакъ, съ тѣмъ, чтобы высшій размѣръ сбора былъ утверждаемъ законодательнымъ порядкомъ; наконецъ, дума можетъ ходатайствовать и объ установленіи сбора съ квартиръ или жилыхъ помѣщеній. Этотъ послѣдній сборъ, если онъ будетъ учреж-

денъ, будетъ имѣть ту хорошую сторону, что введетъ въ городскіе избирательные съѣзды людей интеллигентныхъ. Но, кромѣ того, нѣтъ ничего неудобнаго обложить прямымъ сборомъ въ пользу города лицъ, занимающихся свободными профессіями, т.-е. докторовъ, преподавателей, адвокатовъ и т. п. Налогъ этотъ не могъ бы быть для нихъ тяжелъ, а между тѣмъ, благодаря ему, въ среду городского управленія могли бы войти люди болѣе развитые, которые, конечно, были бы полезнѣе, нежели содержатели трактирныхъ заведеній и съѣстныхъ лавочекъ.

Познакомивъ читателей съ составомъ городскихъ учрежденій, мы должны сказать нѣсколько словъ объ ихъ устройствѣ. Устройство это, какъ мы уже замѣтили выше, почти тоже, что и въ земскихъ учрежденіяхъ. Распорядительная власть ввѣрена городской думѣ, которая составляется, — подъ предсѣдательствомъ городского головы, — изъ гласныхъ, избираемыхъ на четыре года, въ числѣ, соотвѣтствующемъ числу лицъ, пользующихся правомъ голоса на выборахъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ число жителей, пользующихся правомъ голоса, не превышаетъ трехсотъ, въ городской думѣ должно быть тридцать гласныхъ; тамъ же, гдѣ число избирателей болѣе трехсотъ, на каждые сто пятьдесятъ человѣкъ прибавляется по шести гласныхъ до тѣхъ поръ, пока общее число ихъ не достигнетъ семидесяти двухъ. Дума должна собираться не менѣе двухъ разъ въ годъ для разсмотрѣнія отчетовъ, но можетъ быть собираема и чаще по усмотрѣнію головы, требованію губернатора и желанію по крайней мѣрѣ одной пятой части гласныхъ. Доклады по дѣламъ, назначаемымъ къ слушанію въ думѣ, могутъ быть печатаемы *подъ личною отвѣтственностію городского головы*; копіи съ опредѣленій думы представляются немедленно губернатору, а этотъ послѣдній, *«если не найдетъ въ нихъ нарушенія законовъ»*, передаетъ ихъ для печатанія въ губернскихъ вѣдомостяхъ. Затѣмъ порядокъ производства дѣлъ въ думѣ опредѣляется ею самою, «съ соблюденіемъ правилъ о производствѣ дѣлъ въ земскихъ дворянскихъ и городскихъ общественныхъ и сословныхъ собраніяхъ» (Общ. учр. губ. особ. прил. по прод. 1868 г.). Ссылка на эти правила, изложенныя въ извѣстномъ законѣ 13 іюня 1867 г., показываетъ, что засѣданія думы будутъ публичны, но что предсѣдатель ея (городской голова) будетъ пользоваться всѣми правами, предоставленными въ 1867 г. предсѣдателямъ общественныхъ собраній, т.-е., между прочимъ, и правомъ изгонять публику. Кромѣ того, думѣ предоставлено «приглашать, черезъ посредство городского головы, въ свои засѣданія (однако безъ права голоса) лица постороннія, отъ коихъ, по ея мнѣнію, можно ожидать полезныхъ объясненій (ст. 62 Положенія).

Власть исполнительная принадлежитъ управѣ, предсѣдатель которой (городской голова) и члены (не менѣе двухъ) избираются думою

не только изъ гласныхъ думы, но вообще изъ лицъ, имѣющихъ право выбора. Но въ небольшихъ уѣздныхъ и безъуѣздныхъ городахъ, а также посадахъ, городскимъ думамъ предоставляется, не учреждая городской управы, возлагать, съ утвержденія министра внутреннихъ дѣлъ, лежащія на думѣ обязанности единолично на городского голову. Кромѣ городского головы и членовъ управы, дума избираетъ также кандидатовъ къ нимъ, членовъ торговой депутаціи, гдѣ она существуетъ, а также предсѣдателя и членовъ въ коммиссію для оцѣнки недвижимыхъ имуществъ, гдѣ она будетъ признана необходимою. Во всѣ эти должности не могутъ быть избираемы духовныя лица, предсѣдатели и члены судебныхъ мѣстъ, за исключеніемъ почетныхъ мировыхъ судей, прокуроры и ихъ товарищи и чиновники казначействъ. Въ городскіе головы, кромѣ того, не могутъ быть избираемы евреи, которые не имѣютъ права даже исправлять должность городского головы. Вообще постановлено, что число членовъ городской управы изъ нехристіанъ не должно превышать одной трети всего ея состава.

Дѣла, подлежащія разсмотрѣнію городской управы, рѣшаются по большинству голосовъ; *но если голова найдетъ, что опредѣленіе большинства противно законамъ*, то можетъ *остановить исполненіе его*, представивъ дѣло губернатору. Затѣмъ въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, голова *самъ вправѣ принимать мѣры, предоставленныя обсужденію управы*, но обязанъ довести объ этомъ до ея свѣдѣнія.

Въ организаціи городскихъ учрежденій, которая вообще имѣетъ обычный характеръ, — особеннаго вниманія заслуживаетъ та значительная власть, которая предоставлена городскому головѣ. Онъ—предсѣдатель городской управы и кромѣ того можетъ останавливать ея опредѣленія и разрѣшать своею властію дѣла ей предоставленныя. Въ тоже время онъ — предсѣдатель думы, слѣдовательно можетъ останавливать пренія по всякому предмету, можетъ лишать гласныхъ права голоса, изгонять публику и прекращать засѣданія. Кромѣ всего этого, городской голова есть еще членъ особаго «губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія», которое составляетъ административную инстанцію надъ городскими думами. Ниже мы поговоримъ подробно о значеніи этой инстанціи, а теперь скажемъ только, что присутствіе по городскимъ дѣламъ будетъ состоять изъ губернатора, вице-губернатора, управляющаго казенною палатою, прокурора окружнаго суда, предсѣдателя или члена мирового съѣзда и городского головы губернскаго города. Такимъ образомъ, въ губернскомъ городѣ городской голова будетъ составлять въ то же время «начальство» надъ тѣмъ собраніемъ, которымъ онъ предсѣдательствуетъ. Стоитъ ему сойтись какъ слѣдуетъ съ губернскими властями—и онъ будетъ всемогущъ. При этихъ условіяхъ городскому обще-

ству нужно будетъ имѣть много энергіи, чтобы отстоять свое значеніе и не подчиниться вліянію одного лица, которое имѣетъ такое рѣшительное участіе при разрѣшеніи городскихъ дѣлъ во всѣхъ трехъ инстанціяхъ городского управленія, и нѣтъ ничего мудренаго, что здѣсь повторится исторія предсѣдателей земскихъ собраній, съ тою только разницею, что эти послѣдніе заботятся объ интересахъ своего сословія, а городской голова, пожалуй, будетъ заботиться лично о себѣ; и это очень легко можетъ быть, потому что онъ положительно будетъ самъ себѣ судья. Положимъ, что при обсужденіи въ думѣ дѣйствій городской управы онъ не будетъ предсѣдательствовать, но его вліяніе не можетъ прекратиться на одно засѣданіе; онъ всегда будетъ его имѣть и всегда будетъ оставаться начальникомъ. Каждое предложеніе гласнаго должно быть заранѣе сообщено ему, доклады онъ можетъ печатать или не печатать по своему усмотрѣнію. Понятно, что при этихъ условіяхъ ему легко направить дѣло какъ угодно, не говоря уже о томъ, что каждый гласный, обсуждая дѣйствія городского головы, будетъ помнить, что завтра онъ очутится подъ предсѣдательствомъ того же лица, дѣятельность котораго онъ обсуждаетъ и что это лицо можетъ во всякое время воспользоваться тою широкою властью, которую предоставляетъ законъ предсѣдателямъ собраній.

Все это было заявлено при самомъ обсужденіи проекта городового положенія. Неудобства соединить исполнительную должность съ обязанностью руководителя распорядительнаго собранія была очевидна для многихъ и потому было высказано предложеніе, чтобы въ думѣ предсѣдательствовало лицо, избранное для этой обязанности самою думою. Но... въ коммиссіи, обсуждавшей этотъ проектъ, засѣдали *восемь городскихъ головъ* и только двое членовъ думъ...

Мы обращаемъ на все это вниманіе городскихъ обществъ. Имъ предстоитъ теперь быть осмотрительнѣе въ выборѣ лицъ, которому они должны ввѣрить такую значительную власть, иначе придется сильно раскаяваться. Городское положеніе даетъ право избирать должностныхъ лицъ не только изъ гласныхъ думы, но вообще изъ лицъ имѣющихъ право выбора, т.-е. изъ всѣхъ, что-либо платящихъ въ пользу города. Это нововведеніе даетъ широкій просторъ... Впрочемъ, чтобы быть городскимъ головой, нужно получить утвержденіе отъ губернатора, а въ губернскихъ городахъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ. Можетъ быть это и объясняетъ ту готовность, съ которою были предоставлены городскому головѣ тѣ широкія права, которыя ему принадлежатъ по положенію...

III.

Обязательные расходы, возложенные на города новымъ «положеніемъ», въ сущности тѣ же, какіе лежали на нихъ и прежде. Длинный списокъ этихъ расходовъ не уступаетъ списку расходовъ земскихъ, помѣщенному въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ. Сюда входитъ содержаніе городскихъ сооруженій, издержки по отправленію воинскаго постоя, отопленіе и освѣщеніе тюремъ, содержаніе пожарныхъ командъ, расходы на помѣщеніе полицейскихъ управленій, выдача полицейскимъ чиновникамъ квартирныхъ денегъ, вещественное довольствіе пожарныхъ командъ, и наконецъ, въ нѣкоторыхъ городахъ, участіе въ расходахъ на содержаніе чиновъ городскихъ полицій.

Само собою разумѣется, что участіе городскихъ учрежденій въ большей части этихъ расходовъ чисто пассивное: они должны только выдавать деньги, не имѣя возможности провѣрить, съ пользой ли эти деньги идутъ и нѣтъ ли возможности тратить ихъ поменьше. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить выдачу изъ городскихъ доходовъ разныхъ пенсій, «производство разнымъ учрежденіямъ, установленіямъ и вѣдомствамъ пособій на содержаніе благотворительныхъ и иныхъ общеполезныхъ заведеній», и наконецъ, *«производство государственному казначейству пособій, занесенныхъ въ государственную роспись»*. «За удовлетвореніемъ указанныхъ потребностей—говорится въ 140 ст. положенія—городскія средства могутъ быть употребляемы, по усмотрѣнію городской думы, на всякіе вообще предметы, относящіеся къ пользамъ города и его обывателей и законамъ непротивныя».

Повидимому, городское положеніе признаетъ «пособіе разнымъ вѣдомствамъ» мѣрою временною, но она грозитъ обратиться въ постоянную. Такъ въ положеніи говорится, что въ теченіи трехъ лѣтъ со времени приведенія въ дѣйствіе въ городѣ настоящаго положенія, отпускъ пособій разнымъ учрежденіямъ, установленіямъ и вѣдомствамъ на содержаніе учебныхъ, благотворительныхъ и иныхъ общеполезныхъ заведеній, производится въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ пособія эти до того времени производились. По истеченіи же этого срока, обязательнымъ для города остается производство только тѣхъ пособій, относительно которыхъ послѣдуетъ соглашеніе между городскимъ общественнымъ управленіемъ и подлежащимъ учрежденіемъ, установленіемъ или вѣдомствомъ, или *«которыя будутъ возложены на городъ законодательнымъ порядкомъ»*. Выраженіе это, конечно, довольно неопредѣленно и не даетъ никакого понятія о будущихъ расходахъ города. Но еще неопредѣленнѣе обязанность пособій государственному казначейству; относительно ихъ «положеніе» упоминаетъ только, что «пособія казнѣ назначаются въ суммахъ, занесенныхъ въ государственную роспись»...

Эти пособія бросаютъ довольно яркій свѣтъ на нашу податную систему. Житель города есть вмѣстѣ съ тѣмъ подданный государства, если съ него можно брать городскіе налоги, то можно брать и налоги государственные. Съ какой же стати тѣ или другіе города будутъ приплачивать что-либо государству, другими словами: съ какой стати *государство* будетъ брать съ человѣка за то, что онъ живетъ въ томъ, а не въ другомъ городѣ? Но дѣло въ томъ, что у насъ очень хорошо сознается нераціональность податной системы, изъ которой исключены именно богатые люди; но вмѣсто того, чтобы позаботиться объ улучшеніи этой системы, изыскиваются средства привлечь имущихъ лицъ къ участію въ государственномъ бюджетѣ какимъ-нибудь косвеннымъ образомъ, отнести, напримѣръ, какой-нибудь расходъ на земскій сборъ или взять что-нибудь съ богатаго города. Само собою разумѣется, что при такихъ случайныхъ привлеченіяхъ о равномѣрности налога нельзя и думать.

Но этого мало; не установляя по собственной инціативѣ никакого раціональнаго сбора съ городскихъ сословій, наше законодательство не даетъ возможности установить его и общественнымъ учрежденіямъ. Такъ, земскія учрежденія могутъ облагать земли и строенія, но не могутъ облагать торговлю и промышленность иначе, какъ извѣстнымъ процентомъ казеннаго сбора съ гильдейскихъ свидѣтельствъ и патентовъ, т.-е. именно такимъ сборомъ, который отличается самою крайнею неуравнительностью. Положимъ, что въ земскихъ учрежденіяхъ это ограниченіе можетъ быть объяснено тѣмъ, что гласныхъ отъ городовъ сравнительно мало и что законодательство принуждено было взять города подъ свою защиту. Но, къ сожалѣнію, тоже ограниченіе мы видимъ и относительно городскихъ учрежденій, и здѣсь возможенъ довольно уравнительный сборъ съ недвижимыхъ имуществъ и пожалуй съ трактирныхъ заведеній и съѣстныхъ лавочекъ, но буквально невозможна никакая уравнительность въ сборахъ съ торгующаго сословія.

Оцѣночный сборъ съ недвижимыхъ имуществъ опредѣляется, по «Положенію», городскою думою «въ процентахъ съ чистаго дохода, опредѣленнаго городскимъ общественнымъ управленіемъ посредствомъ оцѣнки, или, при невозможности опредѣлить доходъ, со стоимости недвижимыхъ имуществъ». При этомъ прибавлено, что «размѣръ этого сбора не можетъ превышать 10% чистаго дохода съ имуществъ или 1% ихъ стоимости». Зачѣмъ установлена эта норма—мы не знаемъ, такъ какъ оцѣнка будетъ зависѣть отъ городского общества. Нужны ему будутъ деньги—оно оцѣнитъ недвижимыя имущества выше дѣйствительной стоимости и законъ будетъ соблюденъ. Любопытно впрочемъ знать, что должно дѣлать городское общество, если, при соблюденіи установленной нормы, городскихъ доходовъ не хватитъ на удо-

влетвореніе обязательныхъ повинностей. А это можетъ случиться, потому что нормы постановлены и для сбора съ трактирныхъ заведеній, (который долженъ производиться по правиламъ, существующимъ теперь), и для сбора съ торговли и промышленности.

Форма этого послѣдняго сбора остается все таже, т.-е. облагаются тѣ же гильдейскія свидѣтельства, билеты и патенты, которые составляютъ альфу и омегу нашего торговаго налога. Извѣстно, что у насъ до сихъ поръ купецъ, ведущій значительную торговлю, и купецъ, берущій гильдейское свидѣтельство, чтобы избѣгнуть рекрутства,—платятъ одно и тоже. Этотъ сборъ законодательство рекомендовало и земскимъ учрежденіямъ, предоставивъ имъ накидывать опредѣленный % на то, что получаетъ само государство. Этотъ же сборъ становится обязательнымъ и для городскихъ учрежденій. «Сборы съ документовъ на право торговли и промысловъ—говорится въ положеніи — могутъ быть опредѣляемы городскою думою: со всѣхъ установленныхъ положеніемъ о пошлинахъ за право торговли свидѣтельствъ купеческихъ и промысловыхъ и билетовъ на торговыя и промышленныя заведенія, и со всякаго рода патентовъ, выдаваемыхъ, по питейному уставу, на заводы для выдѣлки напитковъ и издѣлій изъ спирта или вина, а также на заведенія для продажи питей. Размѣръ этого сбора устанавляется городскою думою въ процентахъ съ казенной пошлины». Въ заключеніе прибавлено, что «высшій размѣръ обложенія, въ пользу города, свидѣтельствъ, билетовъ и патентовъ имѣетъ быть опредѣленъ ко времени выдачи оныхъ на 1871 годъ».

Признаемся, намъ трудно понять, почему законодательство не воспользовалось городскими учрежденіями для того, чтобы дать хотя имъ возможность установить сколько-нибудь раціональный налогъ на торговое и промышленное сословіе. Неужели-же не очевидно для каждаго, какъ мало соотвѣтствуетъ теперешній гильдейскій сборъ самымъ основнымъ требованіямъ равномѣрности?... Конечно, городскія учрежденія могутъ современемъ сами изобрѣсти какой-нибудь видъ сбора съ торгующаго сословія, но для этого нужно, во-первыхъ, чтобы большинство въ думѣ не принадлежало къ этому сословію, во-вторыхъ, чтобы къ нему не принадлежалъ городской голова, который, пожалуй, также будетъ останавливать сужденія объ этомъ предметѣ, какъ останавливаютъ предводители дворянства сужденія объ облегченіи крестьянскихъ повинностей, и наконецъ, въ-третьихъ, для этого нужно, чтобы ходатайство думы по этому предмету было разрѣшено законодательнымъ порядкомъ.... Условій, слѣдовательно довольно много.

До сихъ поръ мы видѣли, что въ финансовомъ отношеніи городскія учрежденія поставлены въ такія же условія, какъ и земскія. И тѣ и другія имѣютъ массу обязательныхъ расходовъ, и тѣмъ и другимъ указаны опредѣленные источники для покрытія этихъ расходовъ. Но

относительно заботъ о благоустройствѣ городскимъ учрежденіямъ предоставлены гораздо болѣе широкія права нежели тѣ, какія имѣютъ земскія учрежденія. Такъ, напримѣръ, земскія учрежденія могутъ заботиться объ охраненіи народнаго здравія только устраивая больницы и приглашая докторовъ, но не имѣютъ права дѣлать никакихъ обязательныхъ распоряженій въ видахъ предупрежденія болѣзней; далѣе на нихъ лежитъ обязанность вести дѣло земскаго страхованія, но они не только не имѣютъ права предписывать о соблюденіи тѣхъ или другихъ предосторожностей отъ пожаровъ, но даже не имѣютъ права наблюденія за исполненіемъ тѣхъ правилъ, которыя существуютъ въ законѣ. Въ этомъ отношеніи городовое положеніе идетъ гораздо дальше земскаго; оно предоставляетъ думѣ издавать обязательныя постановленія по весьма многимъ предметамъ городского благоустройства. Сюда относятся не только мѣры по содержанію въ исправности зданій, улицъ, площадей, и пр., или устройство пристаней, перевозовъ, желѣзно-конныхъ и другихъ усовершенствованныхъ путей, но также установленіе правилъ предосторожности противъ порчи воды и пожаровъ и принятіе мѣръ предупрежденія и прекращенія заразительныхъ повальныхъ и мѣстныхъ болѣзней [1]). Постановленія эти не должны противорѣчить существующимъ законамъ. Проекты ихъ, «прежде окончательнаго утвержденія думою сообщаются городскою управою начальнику мѣстнаго полицейскаго управленія, который достав-

[1]) Всѣ эти предметы перечислены въ 103 ст. положенія, по силѣ которой городской думѣ предоставлено издавать обязательныя для жителей постановленія: а) о порядкѣ содержанія въ исправности и чистотѣ улицъ, площадей, мостовыхъ, тротуаровъ, мостовъ и гатей, а также сточныхъ трубъ, каналовъ, прудовъ, колодцевъ, канавъ и естественныхъ протоковъ, не исключая и тѣхъ, которые находятся на земляхъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, учрежденіямъ и вѣдомствамъ; б) о мѣрахъ къ охраненію цѣлости и чистоты и къ огражденію отъ поврежденій принадлежащихъ городу общественныхъ сооруженій и памятниковъ, а равно садовъ, бульваровъ и другихъ общественныхъ мѣстъ: в) объ устройствѣ пристаней, переправъ и перевозовъ, а также желѣзно-конныхъ и иныхъ усовершенствованныхъ путей, о порядкѣ ихъ содержанія и пользованія ими, о производствѣ извознаго промысла, о городскихъ омнибусахъ и другихъ общественныхъ экипажахъ; г) о чисткѣ дворовъ, объ устройствѣ и чисткѣ помойныхъ ямъ и отхожихъ мѣстъ; д) объ устройствѣ и порядкѣ содержанія боенъ и пользованія ими; е) о мѣрахъ къ соблюденію чистоты въ помѣщеніяхъ для продажи съѣстныхъ припасовъ и напитковъ и къ обезпеченію безвредности оныхъ; ж) о мѣрахъ предосторожности противъ порчи воды; з) о внутреннемъ распорядкѣ на ярмаркахъ, рынкахъ и базарахъ; и) объ устройствѣ кровель и объ устройствѣ, чисткѣ и осмотрѣ дымовыхъ трубъ и печей, и вообще о мѣрахъ предосторожности противъ пожаровъ; і) о мѣрахъ, гдѣ не допускаются склады дровъ, сѣна, соломы, масла, спирта и другихъ легко воспламеняющихся веществъ, и о порядкѣ храненія этихъ веществъ; к) о мѣрахъ предупрежденія и прекращенія заразительныхъ, повальныхъ и мѣстныхъ болѣзней, а равно скотскихъ падежей; л) о принятіи, для охраненія благочинія и порядка въ публичныхъ мѣстахъ, мѣръ, сопряженныхъ съ расходами или ограниченіями въ производствѣ торговли и промысловъ.

ляетъ по нимъ свое заключеніе. Съ своей стороны начальникъ мѣстнаго полицейскаго управленія вправѣ самъ сообщать городскому общественному управленію проекты такихъ постановленій, которыя, представляясь, по его мнѣнію, необходимыми для благоустройства города, могутъ быть изданы думою». Если соглашенія между думою и начальникомъ полицейскаго управленія не состоится, то дѣло переходитъ на рѣшеніе губернскаго присутствія. Туда же переходитъ оно въ томъ случаѣ, если губернаторъ встрѣтитъ самъ препятствіе въ изданіи подобныхъ постановленій. Затѣмъ, эти постановленія печатаются и тогда они становятся обязательными, полиція обязана наблюдать за ихъ исполненіемъ, за нарушеніе ихъ полагается наказаніе, установленное 29-ю статьею устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями; возбужденіе судебнаго преслѣдованія по такимъ нарушеніямъ предоставляется городскому управленію на одинаковыхъ основаніяхъ съ административною властью.

Читатели видятъ, что право городскихъ учрежденій издавать обязательныя постановленія обставлено весьма многими условіями; но, тѣмъ не менѣе, это право весьма важное. До сихъ поръ всѣ подобныя правила были излагаемы съ самою мелочною подробностью, въ различныхъ уставахъ (въ XII томѣ, напримѣръ, существуетъ относительно государственныхъ крестьянъ законодательное воспрещеніе ѣсть падаль). Замѣняя всѣ эти уставы мѣстными постановленіями, вызванными опытомъ и сообразованными съ мѣстными условіями, законодательство дѣлаетъ значительный шагъ впередъ. Само собою разумѣется, что подобныя же права, относительно уѣздовъ, должны быть предоставлены и земскимъ собраніямъ, и мы убѣждены, что земскія собранія не преминутъ обратиться съ ходатайствами по этому предмету въ настоящую же сессію.

IV.

Исторія земскихъ учрежденій доказала намъ, что отношенія къ администраціи играютъ довольно важную роль въ судьбѣ общественныхъ учрежденій; поэтому очень важно прослѣдить, какъ далеко ушло въ этомъ отношеніи городовое положеніе отъ земскаго. Нужно замѣтить, что въ бóльшей части печатныхъ отзывовъ по этому предмету мы встрѣчали большое сочувствіе къ городовому положенію, именно потому, что оно представляетъ контроль надъ дѣйствіями земскихъ учрежденій не единоличной власти губернатора, а особому коллегіальному учрежденію, о которомъ мы уже имѣли случай упомянуть выше. Повидимому, этотъ взглядъ имѣетъ свои основанія, но внимательное разсмотрѣніе тѣхъ условій, въ которыя поставлено городское управленіе, приводитъ насъ къ убѣжденію совершенно противоположному.

Земскія учрежденія, дѣйствительно, имѣютъ дѣло съ единоличною

властью губернатора, но эта власть довольно ограничена: губернаторъ имѣетъ только право протеста противъ постановленія земскаго собранія и затѣмъ, въ случаѣ несогласія, пріостанавливаетъ это постановленіе и переноситъ дѣло въ сенатъ. Если этотъ порядокъ и тормозитъ иногда ходъ земскаго дѣла, то справедливость требуетъ сказать, что протесты губернаторовъ довольно рѣдко доходятъ до сената и еще рѣже признаются сенатомъ уважительными. По крайней мѣрѣ, всѣ отчеты земскихъ собраній свидѣтельствуютъ о томъ, что случаи отмѣны постановленій земскихъ собраній очень рѣдки, и если земскія учрежденія имѣютъ основаніе жаловаться на администрацію, то, конечно, не за это. Они могутъ жаловаться на весьма малый размѣръ власти, который имъ предоставленъ и который заставляетъ ихъ обо всемъ спрашиваться у разныхъ административныхъ начальствъ, но въ томъ кругѣ дѣятельности, который имъ отведенъ, они стѣснены очень мало.

Въ городскихъ учрежденіяхъ власть губернатора, *повидимому*, переходитъ въ руки особаго присутствія, которое именно учреждается «для разсмотрѣнія возникающихъ по жалобамъ, пререканіямъ или непосредственному усмотрѣнію губернатора, дѣлъ о незаконности опредѣленій городского общественнаго управленія, а равно для обсужденія составленныхъ городскими думами обязательныхъ для жителей постановленій, въ тѣхъ случаяхъ, когда губернаторъ встрѣтитъ препятствіе къ изданію ихъ, или когда относительно изданія такихъ постановленій не состоится соглашенія между городскимъ общественнымъ и мѣстнымъ полицейскимъ управленіями». Мы говоримъ, что власть особаго присутствія только *видимая*, потому что, въ случаѣ несогласія съ нимъ, губернаторъ точно также имѣетъ право перенести дѣло въ сенатъ. Такимъ образомъ, вмѣсто одной инстанціи являются двѣ и каждое постановленіе городской думы можетъ быть измѣнено два раза. Частая отмѣна этихъ постановленій тѣмъ болѣе вѣроятна, что право жалобы въ сенатъ на постановленіе губернскаго присутствія принадлежитъ каждому правительственному учрежденію и даже частному лицу. Какъ отразится этотъ рядъ пересмотровъ на городскомъ хозяйствѣ—мы предоставляемъ судить самимъ читателямъ.

Вообще трудно понять, зачѣмъ нужно было губернское присутствіе, когда оно составляетъ только лишнюю инстанцію, всѣ опредѣленія которой могутъ подлежать отмѣнѣ. Мы бы еще поняли это, еслибы лица, составляющія присутствіе, были спеціалисты по городскому хозяйству; но мы видимъ здѣсь губернатора, вице-губернатора, прокурора, управляющаго казенной палатою, мирового судью и предсѣдателя губернской земской управы.... Многіе ли изъ этихъ лицъ могутъ быть компетентны въ разрѣшеніи вопросовъ, касающихся хозяйства какого-нибудь уѣзднаго города, въ которомъ они, быть можетъ, никогда

не бывали?.. Одна надежда на то, что дѣлопроизводство присутствія возлагается на городского секретаря губернскаго города.

Но всего важнѣе, что эти присутствія будутъ разсматривать не только пререканія съ губернаторомъ и правительственными учрежденіями [1]), но и жалобы частныхъ лицъ. Это — нововведеніе городского положенія, такъ какъ на земскія собранія частныхъ жалобъ не приносится и существуютъ только судебные иски въ случаѣ нарушенія гражданскихъ правъ.

Нужно замѣтить, что въ практикѣ земскихъ учрежденій возникалъ уже, года четыре тому назадъ, вопросъ о порядкѣ принесенія жалобъ частными лицами. Нашлись администраторы, которые предлагали учредить инстанціонный порядокъ, въ силу котораго всякое постановленіе собранія могло бы быть отмѣнено министромъ внутреннихъ дѣлъ; но первый департаментъ сената, разрѣшавшій этотъ вопросъ, категорически отвергъ такой порядокъ, и въ настоящее время постановленіе земскаго собранія можетъ быть отмѣнено только сенатомъ, и то по протесту губернатора или министра внутреннихъ дѣлъ [2]). Это очень понятно, потому что опредѣленія земскихъ собраній, по самому свойству ихъ, могутъ подлежать отмѣнѣ только тогда, когда они незаконны, а на этотъ случай существуетъ право протеста со стороны губернатора; что же касается хозяйственныхъ соображеній, то въ нихъ земское собраніе должно быть совершенно самостоятельно.

Для городскихъ учрежденій установленъ въ этомъ отношеніи совершенно другой порядокъ; городовое положеніе опредѣляетъ правило для обжалованія всѣхъ распоряженій, дѣлаемыхъ городскими властями. На управу можно жаловаться думѣ (относительно управъ тоже самое существуетъ и въ земскихъ учрежденіяхъ), на думу губернскому присутствію или, въ тѣхъ случаяхъ, когда опредѣленіе думы утверждено губернаторомъ или министромъ внутреннихъ дѣлъ [3]), въ первый департаментъ сената. Сюда же приносятся жалобы на губернскія при-

---

[1]) Въ этихъ случаяхъ въ присутствіе приглашаются, съ правомъ голоса, начальники того управленія, до котораго пререканіе относится, а если оно касается денежныхъ разсчетовъ, то и управляющій контрольною палатою.

[2]) При этомъ нельзя не упомянуть, что со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ врядъ ли было десять протестовъ за все время существованія земскихъ учрежденій.

[3]) Эти случаи перечислены въ положеніи; сюда относятся: установленіе правилъ по устройству торговой полиціи и по надзору за производствомъ торговли, измѣненіе въ утвержденныхъ для города планахъ, постановленія объ отдачѣ, впервые, въ исключительное пользованіе, земель, назначенныхъ по планамъ подъ улицы, площади, и пр., и объ устройствѣ на этихъ земляхъ сооруженій, установленіе платы за проходъ и проѣздъ по воздвигнутымъ городомъ сооруженіямъ, и, наконецъ, заключеніе займовъ и принятіе обязательствъ и гарантій на сумму, превышающую сумму доходовъ города за послѣдніе два года.

сутствія, для подачи которыхъ установленъ шестинедѣльный срокъ. Этому порядку мы никакъ не можемъ симпатизировать. Конечно, можетъ быть, что и губернскія присутствія и сенатъ отнесутся благосклонно къ городскому хозяйству и будутъ отмѣнять постановленія только дѣйствительно незаконныя; но можетъ быть и иначе: опредѣленія думъ могутъ быть разсматриваемы *по существу*, и тогда городское самоуправленіе будетъ существовать только по имени.

Въ виду этого очень трудно признать за городскимъ положеніемъ тѣ достоинства, которыя ему приписываютъ именно въ этомъ отношеніи, и намъ кажется, что всѣ похвалы имѣютъ здѣсь особое происхожденіе, мало зависящее отъ содержанія того, что́ хвалятъ. Дѣло въ томъ, что прежде существовалъ проектъ дать губернатору не только право протеста, но и право разрѣшенія частныхъ жалобъ. Противъ этого многіе возстали и явилась мысль создать для этой цѣли коллегіальное учрежденіе. Когда выборъ былъ между этими двумя предложеніями, то конечно всѣ болѣе благонамѣренные люди были на сторонѣ коллегіальнаго учрежденія. Объ этомъ было заявлено въ печати и въ обществѣ укоренилось убѣжденіе, что проектированное коллегіальное учрежденіе будетъ очень полезно. Но затѣмъ дѣло приняло другой оборотъ: лица, защищавшія власть губернатора, отказались отъ его права разрѣшать жалобы, а защитники особаго присутствія должны были признать за тѣмъ же губернаторомъ право переноса дѣла въ сенатъ. Такимъ образомъ, вопросъ шелъ уже здѣсь не о губернаторѣ или губернскомъ присутствіи, а объ одномъ губернаторѣ или губернаторѣ плюсъ губернское присутствіе, которое составляло такимъ образомъ среднюю инстанцію. Кромѣ того, противники губернскаго присутствія отвергали и самое принесеніе частныхъ жалобъ, и такимъ образомъ являлись прямо защитниками самостоятельности городскихъ учрежденій. Но ихъ усилія остались тщетными и общество, руководствуясь правиломъ «timeo Danaos et dona ferentes»—продолжаетъ думать, что одержали верхъ либеральныя стремленія. Конечно, мы отъ души желаемъ, чтобы практика городскихъ учрежденій не заставила скоро разочароваться въ этомъ....

Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ отвѣтственности должностныхъ лицъ городского управленія. Этой отвѣтственности они подвергаются не иначе какъ по суду, тогда какъ для земскихъ управъ существуетъ удаленіе отъ должности безъ суда. Преданіе суду должностныхъ лицъ городского управленія, кромѣ городского головы, можетъ послѣдовать по опредѣленію думы, городскіе же головы предаются суду по опредѣленію 1-го департамента сената, основанному на опредѣленіи городской думы, т.-е. для нихъ установленъ тотъ порядокъ, который, по силѣ устава уголовнаго судопроизводства, существуетъ теперь для преданія суду всѣхъ членовъ земскихъ управъ и собраній. Но

интересно здѣсь то, что городовое положеніе установляетъ совершенно особый порядокъ преданія суду городскихъ должностныхъ лицъ *въ тѣхъ случаяхъ, когда на нихъ пожалуется губернаторъ.* Тогда дѣйствія ихъ разсматриваются уже не думою, а тѣмъ самымъ губернскимъ присутствіемъ, на которое возлагается такъ много надеждъ и въ которомъ губернаторъ можетъ имѣть преобладающе вліяніе. Присутствіе можетъ постановить опредѣленіе о преданіи суду всѣхъ должностныхъ лицъ, не исключая городского головы, и думѣ предоставляется только право пожаловаться на это опредѣленіе сенату. Само собою разумѣется, что этотъ порядокъ ставитъ городскихъ должностныхъ лицъ въ очень сильную зависимость отъ губернатора и губернскаго присутствія, и въ этомъ отношеніи порядокъ, установленный для учрежденій земскихъ, несравненно лучше, такъ какъ тамъ жалобы губернатора на должностныхъ лицъ разсматриваются въ губернскомъ земскомъ собраніи.

Изъ всего сказаннаго нами читатели могутъ видѣть, что городское положеніе во многомъ идетъ дальше земскаго, но во многомъ и уступаетъ ему. Резюмируя результаты, добытыя сравненіемъ, мы можемъ сказать, что городское положеніе написано вообще отчетливѣе и опредѣленнѣе, что въ немъ принятъ гораздо болѣе справедливый принципъ представительства, нежели въ земскомъ положеніи, гдѣ замѣтна сильная наклонность покровительствовать одному сословію, и что, наконецъ, кругъ дѣятельности городскихъ учрежденій, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, шире нежели кругъ дѣятельности учрежденій земскихъ. Но за то городскія учрежденія поставлены въ бо́льшую зависимость отъ администраціи, зависимость, которая прямо переходитъ въ опеку.

—инъ

ЗАМѢТКИ О РУССКОМЪ ОВЦЕВОДСТВѢ.

По поводу выставки мериносовъ въ Харьковѣ.

Въ минувшемъ іюнѣ мѣсяцѣ, въ Харьковѣ была устроена выставка мериносовъ, съ цѣлью опредѣлить точнѣе положеніе и нужды тонкорунпаго овцеводства и помочь ему выйдти изъ того критическаго положенія, въ которомъ оно находится нынѣ. Избранный на этотъ случай комитетъ изъ опытныхъ овцеводовъ, сельскихъ хозяевъ и ученыхъ озаботился составить програму вопросовъ, подлежащихъ обсужденію на съѣздѣ овцеводовъ, имѣющемъ быть во время выставки.

Предложенные вопросы обсуждались; результаты преній до сихъ поръ еще не опубликованы. Мы знаемъ только, что на съѣздѣ избранъ былъ предсѣдатель, секретарь и его товарищъ, былъ приглашенъ стенографъ, что пренія шли довольно вяло, съ нѣкоторою заминкою, что экспертная коммиссія представила свой отчетъ; но какъ рѣшена на съѣздѣ задача, предложенная министерствомъ государственныхъ имуществъ, публикѣ неизвѣстно, да едва ли и всѣ члены съѣзда знаютъ результаты своихъ совѣщаній.

Изъ отчета экспертной коммиссіи, напечатаннаго въ 96 № «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», мы знаемъ, что, несмотря на запоздалость распоряженій, на выставку доставлены бараны разныхъ мериносовыхъ породъ и въ достаточномъ количествѣ; повидимому, оцѣнка животныхъ сдѣлана тщательно и правильно; по крайней мѣрѣ не слышно было никакихъ возраженій.

Нѣтъ сомнѣнія, что наша почти импровизованная выставка, при всей своей спѣшности и неподготовкѣ, принесетъ нѣкоторую долю пользы, и если бы на съѣздѣ, послѣ преній не все достаточно уяснилось, то для почина и этого довольно; если же ограничимся однимъ починомъ и если предполагается бывшею выставкою рѣшить только вопросы, вызванные временнымъ кризисомъ, то интересы промысла останутся далеко неудовлетворенными: нужно, не ограничиваясь тонкошерстными овцами, привлечь къ выставкѣ всѣ вообще породы овецъ, разводимыхъ въ предѣлахъ имперіи, оцѣнить ихъ качества, чтобы изъ своихъ туземныхъ породъ избрать такую, которая бы наиболѣе намъ была пригодна не только для производства шерстяныхъ тканей, но и для другихъ цѣлей промышленныхъ; надобно, чтобы мы, пользуясь указаніями выставки, могли согласовать овцеводство съ условіями нашего хозяйства, такъ какъ овцеводство на югѣ Россіи не составляетъ самостоятельнаго, исключительнаго промысла подобно тому, какой мы видимъ у калмыковъ, киргизовъ и другихъ племенъ, кочующихъ на востокѣ Россіи. У насъ овцеводство составляетъ только отрасль сельскаго хозяйства хотя важную, но не исключительную. Оно тѣсно связано съ земледѣліемъ, и связь эта современемъ еще болѣе усилится.

Тонкорунное овцеводство у насъ преимуществуетъ тамъ, гдѣ есть обиліе земли и гдѣ производство хлѣбовъ затрудняется при недостаткѣ и дороговизнѣ рабочихъ рукъ; но оно уступаетъ мѣсто земледѣлію и вовсе даже прекращается, если хлѣбопашество не встрѣчаетъ затрудненій и сѣно находитъ для себя выгодный сбытъ; поэтому вопросъ о тонкорунномъ овцеводствѣ, отдѣльно отъ хозяйства разсматриваемый, не можетъ быть вполнѣ разрѣшенъ.

Овцеводы на съѣздѣ признали положеніе ихъ промысла затруднительнымъ, нашли, что размѣры овцеводства значительно сократились, что цѣны на шерсть слишкомъ низки,—но не были представлены статистическія

данныя о числѣ овецъ за прежнее время и сколько ихъ осталось теперь; во что обходится содержаніе овцы простой и тонкорунной въ разныхъ мѣстностяхъ; сколько овецъ можно содержать на десятинѣ; какъ великъ доходъ съ овцы шерстью, мясомъ, саломъ и овчиною? Все это предполагалось извѣстнымъ, или ненужнымъ или невозможнымъ имѣть, но такія статистическія свѣдѣнія, очевидно, необходимы для разрѣшенія высказанныхъ жалобъ.

Обращаясь затѣмъ къ причинамъ затруднительнаго положенія, въ которомъ находится въ настоящее время наше тонкорунное овцеводство, овцеводы соглашались въ томъ, что это стѣсненное состояніе въ настоящее время происходитъ отъ внѣшнихъ причинъ: отъ политическаго и финансоваго положенія Европы и Сѣверной Америки; отъ колебанія торговли на всемірныхъ рынкахъ; ближайшею же причиною признали быстрое развитіе овцеводства въ Австраліи и легкій ввозъ австралійской шерсти въ Россію. Не говоря о внѣшнихъ вліяніяхъ, мы посмотримъ пристальнѣе на наше сельское хозяйство вообще и скотоводство въ особенности, и у себя мы отыщемъ причины болѣе для насъ понятныя, очевидныя и, быть можетъ, болѣе вліятельныя: наше сельское хозяйство, безъ сомнѣнія, находится въ переходномъ состояніи; въ немъ совершился радикальный переворотъ, съ которымъ мы еще не справились; у насъ еще не установилась та культура національная, которая бы вполнѣ отвѣчала нашему климату, нашей почвѣ и мѣстнымъ экономическимъ условіямъ. Пробуя развить у себя промыселъ, мы прибѣгаемъ къ тѣмъ мѣрамъ и тѣмъ орудіямъ, употребляемымъ на Западѣ, которыя, при нашемъ климатѣ и при искусствѣ нашихъ рабочихъ рукъ, оказываются мало пригодными; притомъ же наша широкая русская натура не любитъ ни мѣры, ни счета, двигается на просторѣ по глазомѣру, обращая взоры на Западъ, вдаль, и не замѣчая того, что́ дѣлается кругомъ ея. Мы любимъ подражать другимъ и заимствовать чужое, пренебрегая свое собственное, можетъ, лучшее, или способное сдѣлаться таковымъ. Мы изучили иностранныя породы овецъ, разводимъ у себя рамбулье, негрети, инфантадо, но не знаемъ русскихъ овецъ и не думаемъ улучшить ихъ; у насъ еще не нашелся свой Беквель, и разводя у себя чужое, мы чужимъ продуктомъ стремимся соперничать съ иностранцами на ихъ почвѣ и произведеніями ихъ же искусства, и, конечно, въ этой борьбѣ мы должны уступить, какъ ученикъ уступаетъ учителю, какъ подражаніе уступаетъ подлиннику. Мы забываемъ, что качества породъ животныхъ зависятъ отъ климата, корма и содержанія ихъ. Мы полагаемся слишкомъ на кровь, но эта кровь скоро портится, измѣняется при вліяніи мѣстныхъ, несвойственныхъ ей условій. Не говоря объ уходѣ и зимнемъ помѣщеніи животныхъ, первая жизненная потребность — кормъ оказывается у насъ недостаточнымъ или недоброкачественнымъ. Не-

достатокъ кормовъ заставляетъ часто овцеводовъ уменьшать стада наполовину, а голодъ и дурное качество корма портятъ остальную половину. Зимою кормятъ овецъ лишь въ той мѣрѣ, чтобы онѣ пережили зимніе мѣсяцы; но хорошій и обильный кормъ нашему животному нуженъ болѣе зимою, нежели лѣтомъ. Онъ нуженъ не только для поддержанія силъ и тѣла животнаго, но и для нагрѣванія его. Взглянувши на наши выродившіяся степи, поросшія чаполочью, ковылемъ и разными сорными травами, невольно подумаешь: чѣмъ же кормятся наши овцы и какъ онѣ могутъ не только поправиться, но и держаться въ своемъ тѣлѣ. Случалось мнѣ встрѣчать коннозаводчиковъ, которые, покупая кровныхъ дорогихъ лошадей, держали ихъ на такой діэтѣ, что на осунувшихся костяхъ можно было удобно повѣсить шляпу — такъ нерѣдко случается и съ овцами. Овцеводы полагаютъ, что въ имѣніяхъ должно быть не менѣе 1 десятины на овцу, разумѣя здѣсь и посѣвъ хлѣбовъ и содержаніе еще другихъ животныхъ въ количествѣ, достаточномъ для хозяйственнаго обихода — это обстоятельство указываетъ на скудость нашихъ кормовыхъ средствъ.

Къ этому же надобно добавить, что флора на степяхъ нашихъ ежегодно мѣняется, пока къ постоянно зеленѣющей чаполочи не присоединится ея товарищъ, неувядающій ковыль, а эта неровность корма, безъ сомнѣнія, должна вліять и на качество шерсти и на кровь животнаго.

При такихъ обстоятельствахъ трудно судить объ упадкѣ или развитіи овцеводства, развѣ сужденіе наше можетъ быть основано только на количествѣ содержимыхъ животныхъ, но не на качествѣ ихъ — по крайней мѣрѣ замѣчаніе это можно справедливо примѣнить къ огромному большинству нашихъ стадъ.

Овцеводы, впрочемъ, не видятъ въ этомъ плохомъ содержаніи овецъ причины упадка промысла. Они полагаютъ категорически, что цѣны на шерсть упали до того, что не выгодно содержать овецъ. Вѣрно то, что шерсть въ настоящее время сдѣлалась дешевле и, быть можетъ, она настолько дешева, что овцеводство дѣлается невыгоднымъ, если слѣдовать обычному способу содержанія овецъ; но кажется, что измѣнивши способъ содержанія и при умѣньи извлечь всю возможную пользу отъ продуктовъ овцеводства, мы могли бы свести свои счеты и нашли бы производство выгоднымъ. Дешевизна, сама по себѣ, не есть признакъ упадка промысла, скорѣе же она является какъ слѣдствіе развитія его. Въ давно минувшее время, въ двадцатыхъ годахъ, пудъ перегона въ Харьковѣ продавался по 70 р. асс., цѣна, по тогдашнему курсу, огромная, равнявшаяся 20-ти четв. ржаной муки, и тонкое сукно, по цѣнѣ своей, едва только доступно было для людей богатыхъ—цѣны съ тѣхъ поръ на шерсть и сукно постоянно съ каждымъ годомъ упадали, и однако же овцеводство болѣе и болѣе распространялось и суконныя фабрики увеличивались въ размѣрахъ и числѣ.

Всякій фабрикантъ и всякій заводчикъ долженъ стремиться къ тому, чтобы продуктъ его отвѣчалъ вкусу и желаніямъ потребителей, т.-е., чтобы онъ имѣлъ хорошія качества и былъ *дешевъ*. Отъ его искусства и изобрѣтательности зависитъ сообщить издѣлію тѣ или другія качества и найти тѣ способы производства, при которыхъ продуктъ можетъ быть проданъ дешево съ выгодою для самихъ производителей; тогда не будетъ надобности ни въ искусственномъ возвышеніи цѣнъ, ни въ покровительствѣ тарифа. Но, спрашивается, дѣйствительно ли овцеводство въ томъ видѣ, какъ оно ведется у насъ, оказывается невыгоднымъ для сельскихъ хозяевъ? рѣшить этотъ вопросъ весьма трудно: арендная плата земли въ разныхъ уѣздахъ южной Россіи оказывается разнообразная, отъ 3 до 1 рубля и ниже; цѣны рабочимъ въ такомъ же размѣрѣ не сходны и стоимость кормовъ и другихъ сельскихъ продуктовъ также не одинакова. О Харьковскомъ уѣздѣ положительно можно сказать, что содержать въ немъ тонкорунныхъ овецъ не слѣдуетъ, и это я знаю по собственному небольшому опыту: у меня было до 1,500 головъ овецъ, о которыхъ я впрочемъ мало заботился. Они доставляли круглымъ числомъ въ годъ около 1,500 р. дохода, т.-е. по 1 р. съ овцы, кормъ для нихъ употреблялся безразсчетно: все накошенное сѣно безъ остатка потреблялось овцами (отъ 6 до 12 т. пудовъ), и кромѣ того давалась лучшая солома, овесъ, соль. Сведши счеты и оцѣнивши скотскій кормъ, наемъ и содержаніе пастуховъ, я увидѣлъ, что расходъ мой простирается до 2,000 р., слѣдовательно заводъ для меня былъ убыточенъ и пять лѣтъ тому назадъ я его уничтожилъ. Мой убытокъ маскировался тѣмъ, что, кромѣ найма пастуховъ, все прочее было непокупное. Сознаюсь, что при болѣе внимательномъ надзорѣ содержаніе овецъ обошлось бы гораздо дешевле, но все-таки выгоднѣе, не имѣя овецъ, продавать ихъ кормъ. Отъ продажи 10 т. пуд. сѣна на мѣстѣ теперь я получаю до 2,500 р. с., и расходъ на наемъ пастуховъ, на соль и овесъ остается не нужнымъ; солома также продается или идетъ на кормъ рогатаго скота. Мой разсчетъ по Харьковскому уѣзду, безъ сомнѣнія, окажется невѣрнымъ въ примѣненіи къ другимъ южнымъ и степнымъ уѣздамъ—разница въ цѣнѣ кормовъ слишкомъ значительна: въ Харьковскомъ уѣздѣ всегда можно продать пудъ сѣна отъ 20 до 30 коп. на мѣстѣ — во многихъ другихъ уѣздахъ сбытъ сѣна невозможенъ и оно только продается въ продуктахъ овцеводства.

На югѣ въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ овцеводство необходимо, чтобы утилизировать степи, остающіяся невоздѣланными за недостаткомъ рабочихъ рукъ, а въ интересахъ земледѣлія, для поддержанія плодородія въ почвѣ, требуется, чтобы значительная часть полей оставалась въ покоѣ, подъ степью. Мы не должны уничтожать степей, но улучшать ихъ травосѣяніемъ; тогда мы въ состояніи будемъ улуч-

шить и вѣрнѣе обезпечить нашъ промыселъ и, быть можетъ, намъ выгодно будетъ продавать шерсть по дешевымъ цѣнамъ.

Одинъ изъ овцеводовъ на съѣздѣ заявилъ, что нѣкто изъ друзей его въ Австраліи пишетъ къ нему, будто-бы тамъ пастбища до того тучны, что на одной десятинѣ содержатъ 50 овецъ и болѣе; очень вѣроятно, что въ австралійской корреспонденціи вкралась ошибка—мы будемъ довольны, если на нашей десятинѣ вмѣсто одной прокормятся хорошо 3—4 овцы. Быть можетъ, съ улучшеніемъ кормовыхъ средствъ наши овцы переродятся, пріобрѣтутъ лучшія качества и выростутъ если не до величины вола, то по крайней мѣрѣ сравняются съ порядочнымъ теленкомъ; не напрасно-же на выставкѣ г. Абазѣ, представившему лучшаго, полновѣснаго барана, выдана золотая медаль съ изображеніемъ вола!

Коснемся теперь другой стороны нашего промысла, именно сбыта продуктовъ его. Овцеводы жалуются, что требованіе русской шерсти на иностранныхъ рынкахъ уменьшилось, что русская мериносная шерсть цѣнится дешевле другихъ. Мнѣніе это, основанное почти на однихъ оборотахъ Харьковской ярмарки, не подтверждается таможенными таблицами, и если-бы фактъ былъ справедливъ, то нужно разслѣдовать тому причины: быть можетъ, все это происходитъ отъ состоянія нашего денежнаго курса, или оттого, что намъ доставка за границу обходится слишкомъ дорого, что нашимъ добромъ заграницею распоряжаемся не мы, но иностранцы въ качествѣ нашихъ опекуновъ, или наконецъ неправильною сортировкою и ненадлежащею подготовкою шерсти мы не умѣемъ удовлетворить прихотливымъ требованіямъ нашихъ иноземныхъ покупателей; если это справедливо, то для чего винить нашихъ овечекъ и рѣзать ихъ—лучше-бы было обратить вниманіе на условія нашей внѣшней торговли, которыя, очевидно, намъ не благопріятны. Предположимъ, что эти условія непоправимы и допустимъ даже, что для насъ иностранные рынки совсѣмъ заперты и мы должны потреблять продукты овцеводства только у себя—оглянемся-же кругомъ себя: у насъ 70 мил. душъ, что составляетъ $^1/_3$ населенія Европы. Неужели 70 м. французовъ, англичанъ или нѣмцевъ, если-бы они исключительно потребляли наши продукты, неудовлетворили-бы нашихъ овцеводовъ? Посмотримъ-же ближе на своихъ русскихъ потребителей: наши крестьяне постничаютъ и только заговляясь и въ большіе праздники позволяютъ себя мясную пищу, носятъ грубую шерстяную одежду и носятъ до тѣхъ поръ, пока держится на плечахъ, одинъ тулупъ служитъ нерѣдко для цѣлаго семейства, сало замѣняютъ лучинами для освѣщенія. Если-бы русскій человѣкъ въ теченіе недѣли потреблялъ по 1 ф. мяса (хотя бы баранины) и 5 ф. шерсти, то въ годъ для всего 70-мил. населенія потребовалась бы до 80 мил. овецъ и до 9 мил. пудовъ шерсти; кажется, эти числа удовлетворили бы же-

ланіямъ овцеводовъ; слѣдовательно если-бы увеличить порцію мясной пищи крестьянамъ и солдатамъ, если-бы наше низшее сословіе одѣвалось теплѣе и пригоднѣе, то вѣроятно овцеводы перестали-бы сѣтовать на недостатокъ сбыта заграничнаго. Отчего же въ Россіи постничаютъ и плохо одѣваются и какъ тому помочь—это выходитъ изъ предѣловъ нашей статьи.

Безъ сомнѣнія, овца есть полезнѣйшее домашнее животное. Она насъ кормитъ и одѣваетъ; весь ея составъ служитъ для удовлетворенія нашихъ существенныхъ потребностей, ничто въ ней не пропадаетъ. Мы цѣнимъ преимущественно шерсть и сало; мясо же считается какъ побочный продуктъ, и совершенно напрасно. Мы не умѣемъ или не желаемъ развести у себя мясную породу. Овцеводы заботятся лишь о тонинѣ и количествѣ шерсти и въ ней ищутъ для себя вознагражденія. Они передаютъ стриженную овцу другимъ промышленникамъ, которые, нанимая у тѣхъ же овцеводовъ степи, едвали не болѣе ихъ получаютъ пользы. Овцы, откормленныя на зеленомъ корму, перегоняются на бойни въ началѣ октября; тамъ извлекаютъ изъ нихъ овчину, сало и мясо. При каждой значительной бойнѣ есть и салотопня; главное вниманіе обращается на количество сала, мясо же и здѣсь цѣнится какъ побочный продуктъ; — его, какъ извѣстно, солятъ и въ видѣ солонины оно поступаетъ въ торговлю; только молодыя овцы до 1 года назначаются на мясо, потребляемое въ свѣжемъ состояніи.

Многіе изъ купцовъ, впрочемъ, передерживаютъ купленныхъ овецъ до слѣдующаго года, кормятъ ихъ сухимъ кормомъ на зимовлѣ и снявши шерсть осенью убиваютъ, т.-е. они пользуются и шерстью, подобно овцеводамъ, и другими продуктами овцеводства, и хотя они землю большею частью нанимаютъ и хотя наемная плата земли возрастаетъ съ каждымъ годомъ, но купцы не отказываются отъ своего промысла.

Оцѣнимъ, хотя поверхностно, стоимость шпанской овцы въ ея потребленіи:

6 ф. шерсти.	1 р.
1 шт. овчины.	1 »
20 ф. сала по 11 коп. . .	2 » 20 к.
20 » мяса по 4 коп. . .	— 80 »
Итого . .	5 руб.

Овцеводу даетъ овца въ три года слѣдующій валовой доходъ:

12 ф. шерсти въ 2 стрижки. . .	2 р.	
Стриженная матка стоитъ. . . .	2 »	50 к.
Ягненокъ.	1 »	
Въ три года . .	5 р.	50 к.
а въ годъ . .	1 »	83 »

Если разсматривать овцеводство какъ доходъ съ земли, то слѣдуетъ вычесть стоимость ухода и проценты на затраченный капиталъ; мы готовы даже согласиться, что прибыль отъ овцеводства, въ настоящемъ его видѣ, весьма незначительна; но мы не беремся опредѣлять чистаго дохода; въ опредѣленіи его можетъ оказаться разница на 100 процентовъ болѣе или менѣе, и притомъ разница эта будетъ зависѣть не отъ возвышенія или пониженія цѣнъ на продукты, получаемые съ овцы, но отъ условій хозяйственно-экономическихъ; прежде всего отъ количества и качества кормовъ, съ которымъ идетъ неразрывно количество и качество овецъ, какъ бы эти животныя выростали изъ той же земли и составляли ея урожай. Огромная разница будетъ, если землевладѣлецъ на той же десятинѣ содержитъ 1, 2, 3, 4 овцы, и при этомъ замѣтимъ, что разсматривая счеты за нѣсколько десятковъ лѣтъ, мы извлечемъ для себя весьма поучительные выводы: цѣны на тонкую шерсть послѣдовательно уменьшались и хотя были въ нѣкоторые годы колебанія, но въ общемъ итогѣ цѣны упали, точно такъ, какъ падаютъ онѣ на предметы искусствъ и на фабричныя издѣлія; но цѣны на простую шерсть, на сало, держатся и даже возрастаютъ, особенно замѣтно возвышеніе цѣнъ на мясо; въ послѣднія 20 лѣтъ оно сдѣлалось вдвое дороже. Очевидно, что наши овцеводы слишкомъ много заботятся о качествѣ шерсти, пренебрегая другими продуктами, способными увеличить значительно ихъ доходы, и которыхъ стоимость не падаетъ, не возрастаетъ.

Предположимъ, что мы уже имѣемъ овецъ, которыя даютъ въ 1½ раза болѣе мяса и сала (чего достигнуть очень легко), то стоимость продуктовъ овцы, по оцѣнкѣ выше приведенной, опредѣлится такимъ образомъ:

30 ф. сала. . . .	3 р.	30 к.
30 » мяса. . . .	1 »	20 »
Овчина.	1 »	
Итого . .	5 р.	50 к.

Слѣдовательно стоимость увеличилась на 50 коп. и притомъ здѣсь шерсть вовсе не цѣнится—она остается какъ подарокъ овцеводу.

Примемъ еще въ соображеніе, что кромѣ увеличенія количества мяса и сала въ овцѣ, отъ умѣнія овцевода, отъ способа содержанія овцы зависитъ улучшеніе качества, а слѣдовательно и цѣнности мяса, что можно на этотъ предметъ ускорить созрѣваніе овцы, а слѣдовательно сократить время и издержки не въ ущербъ нашему дѣлу. Преслѣдуя интересы мясного промысла, мы бы легко могли распространить сбытъ свѣжей баранины и у себя, и за границею, пользуясь желѣзными дорогами и нашею зимою. Какъ сказано выше, овецъ откар-

мливаютъ лѣтомъ и убиваютъ осенью въ началѣ октября, а мясо поступаетъ на солонину; но можно-бы откормъ продлить еще недѣль 6, на сухомъ фуражѣ, и тогда съ наступившею зимою тоже мясо въ свѣжемъ состояніи продавалось бы не по 4, но по 7 коп. и болѣе (принимая здѣсь мѣстныя цѣны). Можно-бы мясо въ значительномъ количествѣ, не опасаясь соперничества, отправлять за-границу, принявши извѣстныя мѣры для сбереженія его, и при этомъ случаѣ нельзя не пожалѣть о неудачахъ нашего общества обработки животныхъ продуктовъ, котораго прекрасная цѣль не могла быть достигнута по неопытности и крайне безразчетному увлеченію руководителей.

Говоря о сбытѣ русской тонкой шерсти, нельзя не упомянуть о соперницѣ ея—хлопчатой бумагѣ. Потребленіе этой послѣдней у насъ быстро распространилось; мы приготовляемъ хлопчато-бумажныя матеріи въ огромныхъ размѣрахъ и притомъ въ ущербъ нашимъ собственнымъ продуктамъ—шерсти, льну и пенькѣ. Хлопчато-бумажныя одежды насъ не согрѣваютъ; они не прочны, мало пригодны для крестьянъ. По климату и образу жизни имъ нужны: пенька, ленъ, шерсть и мѣха, и если-бы даже потребовалось болѣе убранства для крестьянокъ, то сдѣлавши легкія шерстяныя ткани, болѣе доступныя по цѣнѣ, онѣ бы оставили ситецъ—это было бы выгодно и для экономіи государства: мы бы сберегли милліоны, которые вывозятся на покупку иностраннаго продукта, котораго легко замѣнить, по крайней мѣрѣ въ значительной долѣ, своимъ собственнымъ, и если уже нужно увеличить таможенный налогъ, то именно на хлопчатую бумагу, а не на австралійскую шерсть.

Харьковская выставка устроена была съ цѣлью рѣшить вопросъ о затруднительномъ положеніи русскаго тонкоруннаго овцеводства—цѣль, какъ видно, слишкомъ ограниченная и результаты ея не могутъ быть довольно удовлетворительные. На выставкѣ были одни только тонкорунныя овцы; но если онѣ не удовлетворяютъ заводчиковъ, то какою породою ихъ замѣнить? а другихъ русскихъ породъ мы не видѣли.

Вопросъ, касающійся только мериносовыхъ овецъ, не могъ быть разрѣшенъ вполнѣ безъ связи со всѣмъ овцеводствомъ и положеніемъ нашего сельскаго хозяйства. Мы заботимся объ участи тонкорунныхъ овецъ, конечно, не изъ пристрастія къ нимъ, не изъ любви къ искусству, но какъ средство къ тому, чтобы поддержать наше расшатавшееся хозяйство и утилизировать степи, готовыя превратиться въ пустыни; будутъ-ли пастись на нашихъ степяхъ тѣ или другія породы овецъ, для насъ все равно—лишь бы промыселъ былъ выгоденъ. Овцеводы будутъ сожалѣть, если эта первая выставка, сдѣланная экстренно, на скорую руку, останется и послѣднею.

Выставки животныхъ учреждаются съ цѣлью, чтобы по нимъ можно было судить о постепенномъ развитіи и усовершенствованіи

заводовъ, сдѣлать извѣстными ихъ успѣхи и чтобы возбудить соревнованіе между экспонентами, но одиночная выставка пройдетъ безслѣдно. Думается, что на выставкѣ, кромѣ мериносовъ, должны участвовать всѣ породы русскихъ овецъ, дабы имѣть въ виду не только тонкую шерсть, но и мясо, сало и мѣха.

У насъ найдутся породы овецъ крупныхъ, мясистыхъ, способныхъ къ ожирѣнію, породы съ замѣчательнымъ мѣхомъ, и есть овцы, производящія густую и длинную шерсть, которой недостаетъ только тонины, и это свойство легко ей сообщить. Усовершенствуя эти породы, развивая въ нихъ природныя качества и обращая вниманіе на мѣстныя условія: климатъ, кормъ и уходъ, мы успѣли бы извлечь всю возможную пользу изъ нашего овцеводства.

Въ интересахъ русскаго овцеводства слѣдовало-бы:

1) Прежде всего озаботиться улучшеніемъ нашихъ степей — это есть conditio sine qua non. Только на хорошей землѣ можно ожидать богатой жатвы и только на обильномъ и здоровомъ кормѣ можно улучшать породу животныхъ.

2) Обратить вниманіе не только на качество шерсти, но и на другіе продукты овцеводства: на мясо, сало и овчины, и сообразно тому улучшить свою туземную породу овецъ.

3) Усилить потребленіе шерсти, мяса у себя въ Россіи и замѣнять поболѣе бумажныя издѣлія шерстяными.

4) Выставка эта не должна быть первою и послѣднею. Нашему промыслу было-бы полезно открывать выставку каждые четыре года, и притомъ: а) въ Харьковѣ, какъ центральномъ пунктѣ, куда тяготѣетъ промыселъ; б) съ болѣе обширною программою, какъ объяснено выше.

Въ заключеніе скажемъ, что въ промыслахъ техническихъ и, быть можетъ, во многихъ другихъ мы не скоро опередимъ иностранцевъ; но Россія должна первенствовать въ дѣлѣ приготовленія сырыхъ матеріаловъ и особенно матеріаловъ для пищи и одежды. Она должна быть кормилицею Европы и на то ей дано обширное черноземное поприще. Мы судьбою призваны къ труду сельско-хозяйственному, изъ всѣхъ занятій наиболѣе солидному и по преимуществу человѣчному. Исполняя нашу роль, мы не должны призывать покровительства, поддержки, указаній извнѣ, за которыми необходимо слѣдуютъ вмѣшательства, зависимость отъ постороннихъ вліяній, ограниченія; намъ же нужна свобода промысла, безъ которой мы не можемъ быть самодѣятельными хозяевами.

Е. Гордѣенко.

Харьковъ. 28 августа, 1870.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го ноября, 1870 г.

Вопросъ о мирѣ. — Общій характеръ дѣятельности турскаго и парижскаго временного правительства во Франціи. — Республиканскій régime personnel. — Свиданіе Ж. Фавра съ гр. Бисмаркомъ въ Феррьерѣ. — Метцское правительство и его катастрофа 27 октября. — Гамбетта и Греви. — Свиданіе Тьера съ гр. Бисмаркомъ. — Вопросъ о будущемъ Германіи. — Освобожденіе Якоби и два послѣдніе королевскіе декрета.—Повтореніе извѣстной басни въ московской публицистикѣ по поводу современной войны.

Въ эти послѣдніе два мѣсяца исторія Европы, можно сказать, умолкла предъ колоссальною борьбою Германіи съ Франціей. Только то и имѣетъ теперь интересъ и значеніе, что́, такъ или иначе, можетъ подѣйствовать на исходъ той борьбы. Потому-то взятіе Рима итальянскими войсками, новая испанская кандидатура итальянскаго принца, ожидаемый министерскій кризисъ въ Австріи, какъ слѣдствіе оппозиціи чеховъ — все это прошло и проходитъ малозамѣченнымъ. Самыя военныя дѣйствія хотя и внушаютъ попрежнему ужасъ и отвращеніе, но интерессъ представляетъ не военная сторона дѣла, тѣмъ болѣе, что, при отсутствіи арміи въ полѣ со стороны французовъ, война приняла въ послѣднее время характеръ простой военной экзекуціи. Можно подумать, что дѣло идетъ только объ усмиреніи Франціи, составлявшей уже давно провинцію Германіи, а не о войнѣ со страною, еще недавно внушавшею страхъ даже тѣмъ, которые неожиданно для самихъ себя завоевали ее теперь въ самое короткое время. Европу въ настоящую минуту занимаетъ исключительно вопросъ о мирѣ. Самое ближайшее время покажетъ намъ, будетъ ли европейская дипломатія имѣть болѣе силы для заключенія мира, нежели сколько она обнаружила для предупрежденія войны.

Когда два мѣсяца тому назадъ временное правительство въ Парижѣ взяло на себя, въ настоящемъ смыслѣ слова, бремя правленія Франціи, оно вызвало къ себѣ всѣ симпатіи, такъ какъ рѣдко кто

соглашается принять на себя наслѣдство проигравшагося игрока. Симпатіи къ временному правительству возрасли еще болѣе, когда оно постановило своею задачею возстановленіе мира; но теперь, по истеченіи двухъ мѣсяцевъ, мы видимъ, что если Франція нуждалась для войны въ хорошей военной организаціи, въ энергіи своихъ вождей, то и заключеніе мира требовало серьезныхъ государственныхъ способностей, не одной энергіи словъ, но и сильнаго характера, большой смѣлости— не только для борьбы съ непріятелемъ, а еще болѣе для того, чтобы высказать всю истину странѣ. Къ сожалѣнію, временное правительство, состоящее изъ членовъ оппозиціи при имперіи, дѣйствовало въ эти два мѣсяца такъ, какъ будто бы и теперь дѣло шло опять не болѣе, какъ объ оппозиціи гр. Бисмарку и королю Вильгельму. Можно подумать, что Ж. Фавръ и Гамбетта видятъ въ своей новой дѣятельности одно продолженіе прежней своей дѣятельности парламентской и адвокатской, и потому у нихъ циркуляръ слѣдуетъ за циркуляромъ, какъ прежде рѣчи удобно слѣдовали за рѣчами.

Какъ ни велико нравственное различіе личнаго состава нынѣшняго временного правительства отъ личнаго состава правительства императорскаго, но такъ-называемый *régime personnel* пережилъ, видно, во Франціи своего творца, и республика не совсѣмъ свободна отъ порока, подъ гнетомъ котораго выросло все современное поколѣніе Франціи. При имперіи, Наполеонъ возлагалъ на одного себя отвѣтственность за судьбу страны, и не довѣрялъ истинному представительству страны; между тѣмъ, Франція теперь обливается кровью и лежитъ въ развалинахъ, тогда какъ отвѣтственное за нея лицо спокойно прогуливается въ садахъ Вильгельмсгёэ. Наполеонъ и французскіе шовинисты предъ началомъ войны объявляли Францію «invincible», и съ гордостью отклоняли всякое посредничество иностранныхъ государствъ. Временное правительство точно также считаетъ излишнимъ представительство страны, все беретъ на свою отвѣтственность, и также щедро на лестные эпитеты для своего отечества. Точно также оба правительства обнаружили склонность объяснять всякую неудачу измѣною, между тѣмъ какъ многое иногда зависитъ отъ политической неспособности лицъ, принимающихъ на себя всю отвѣтственность.

Дѣло въ томъ, что истинная и единственная задача временного правительства должна была состоять въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе сдѣлать себя излишнимъ, т.-е. сдать судьбу Франціи въ руки ея самой, вмѣсто того, чтобы ограничиваться передачею этой судьбы изъ рукъ Наполеона въ руки Ж. Фавра и Гамбетты. Конечно, Франція сдѣлала хорошую перемѣну рукъ; честный и благородный характеръ членовъ временного правительства не допускаетъ даже мысли сравненія ихъ съ личнымъ составомъ павшаго правительства; но въ режимѣ не произошло никакой перемѣны: режимъ остался личнымъ, какимъ

онъ былъ и прежде. И этотъ-то личный режимъ произвелъ то, что, въ такую опасную минуту, Франціи угрожаютъ внутренніе раздоры несравненно болѣе, нежели побѣды пруссаковъ, и даже послѣдніе много обусловливаются первыми. Нѣмецкіе публицисты прямо обвиняютъ Ж. Фавра и Гамбетту въ боязни обращенія къ странѣ, такъ какъ представительство страны можетъ быть концомъ ихъ власти, а французскія газеты изъ оппозиціоннаго лагеря идутъ еще гораздо дальше. Вотъ какимъ образомъ газета извѣстнаго Бланки характеризуетъ членовъ временного правительства вмѣстѣ съ Ж. Фавромъ, Гамбеттою и Рошфоромъ:

«Это люди безъ совѣсти и убѣжденій (!), готовые носить всякую ливрею; это люди, не пожертвовавшіе ни однимъ волосомъ съ своей головы, ни однимъ часомъ своей свободы. Прежде они были слугами бонапартизма за 12,000 франковъ въ годъ; теперь они сдѣлались диктаторами республики и распоряжаются самовластнѣе, чѣмъ могли бы распоряжаться преемники пятнадцати-вѣковой монархіи. Имъ никто не давалъ власти: они сами взяли ее. Они захватили ее на глазахъ у обезкураженнаго народа, и теперь никто не смѣетъ слова сказать безъ того, чтобы не прослыть за общественнаго врага. Власть этихъ людей тоже священна: они въ правѣ дѣлать не только ошибки, но и преступленія; въ правѣ рѣшать судьбу Франціи въ интимныхъ разговорахъ съ Бисмаркомъ и переговариваться о мирѣ; въ правѣ губить Парижъ, оставляя его безъ ружей и артиллеріи. Правительство отказалось отъ перемирія и пытается вызвать народное ополченіе; оно предлагаетъ народу сражаться, когда тотъ не желаетъ этого, съ отчаяніемъ предвидя побѣды пруссаковъ...»

Самый отчаянный нѣмецкій шовинистъ не въ состояніи такъ характеризовать членовъ временного правительства Франціи; еще недавно Рошфоръ въ такомъ родѣ отзывался объ императорскомъ правительствѣ. Рошфоръ, конечно, былъ правъ: издаваемые нынѣ временнымъ правительствомъ секретные документы наполеоновской канцеляріи идутъ дальше самого «Фонаря» Рошфора; но всякій увѣренъ, что временное правительство не оставитъ потомству такихъ курьезныхъ документовъ, и ничто не подтвердитъ вышеприведеннаго отзыва Бланки. Но такова участь всякаго личнаго режима, будетъ ли онъ помѣщенъ въ монархіи или въ республикѣ. Исторія сдѣлаетъ временному правительству тяжелый упрекъ за то, что оно не могло или не хотѣло понять той простой истины, что въ данномъ положеніи Франціи самое дурное представительство страны было бы лучше и дѣйствительнѣе всякаго личнаго режима, какъ бы тамъ ни была высока честность и нравственное достоинство лицъ, его представляющихъ. И не одна исторія, но и самъ французскій народъ можетъ потребовать

отъ временного правительства отчета за пролитую кровь въ эти два мѣсяца его дѣятельности.

Говорятъ обыкновенно, что Ж. Фавръ, еслибы онъ и имѣлъ наклонность къ миру, то малѣйшее выраженіе того могло бы ему стоить власти, а можетъ быть и жизни, при настроеніи парижскаго населенія—этого властителя Франціи. Но развѣ не за то упрекаютъ, напримѣръ, Олливье, который, будучи противникомъ войны съ Германіею, тѣмъ не менѣе остался министромъ и послѣ объявленія войны, зная, что иначе думаетъ тогдашній властитель Франціи; онъ также не рѣшился подать въ отставку, чтобъ не навлечь тѣмъ немилость этого властелина? Конечно, въ боязни Ж. Фавра не могло быть корыстныхъ разсчетовъ, какъ у Олливье, но тоже отсутствіе характера, которое сдѣлалось опять гибельно для самого властелина — народа.

Такимъ образомъ, временное правительство представило собою новый и яркій примѣръ того, какъ пагубенъ *régime personnel* даже и въ такомъ, повидимому, выгодномъ случаѣ, какъ настоящій, когда честность и благородство личнаго состава не оставляютъ желать ничего лучшаго. Временное правительство назвало себя правительствомъ «народной обороны», и именно оно упустило изъ виду главное орудіе такой обороны—народное представительство. Въ такомъ положеніи, въ какомъ находилась Франція послѣ седанской катастрофы, ея спасеніе могло заключаться не въ однѣхъ новыхъ арміяхъ, городскихъ стѣнахъ и пушкахъ, а въ поспѣшной организаціи верховной власти народа, что́ вовсе было не такъ трудно два мѣсяца тому назадъ, если оно окажется возможнымъ теперь, послѣ того, какъ нѣмцы овладѣли Орлеаномъ и дошли, такимъ образомъ, до сердца Франціи, а по ту сторону Лоары 15 департаментовъ задумали отложиться отъ турскаго правительства и составить такъ-называемую Южную Лигу.

Временное правительство сдѣлало только одинъ серьезный шагъ къ окончанію войны, но и этотъ шагъ былъ дѣломъ личнымъ Ж. Фавра, принявшаго на себя всю отвѣтственность за послѣдствія свиданія съ гр. Бисмаркомъ въ Феррьерѣ, въ концѣ сентября. Даже товарищи Ж. Фавра не должны были знать о его удаленіи въ главную квартиру прусскаго короля. При такомъ личномъ характерѣ свиданія, оно могло бы привести къ счастливому результату въ невозможномъ въ то время случаѣ, а именно, еслибы нѣмецкія войска согласились считать себя не побѣдителями, а полупобѣжденными, и уже готовились къ немедленному выступленію изъ Франціи. Между тѣмъ Ж. Фавръ самъ зналъ такъ мало объ истинномъ положеніи вещей, что не считалъ возможнымъ допустить въ число условій перемирія сдачу Страсбурга и Туля, которые сами сдались нѣсколько дней спустя послѣ свиданія.

Неудача переговоровъ въ Феррьерѣ стоила Франціи новой крови и новыхъ развалинъ, и исторія возложитъ за нихъ отвѣтственность на

временное правительство, между тѣмъ какъ вина, повторяемъ, собственно заключается въ личномъ режимѣ самого временного правительства. Вина же правительства состоитъ опять въ томъ, что оно не воспользовалось хотя бы и самыми дурными условіями перемирія, для прекращенія во Франціи личнаго режима.

Кромѣ турскаго правительства во Франціи продолжало существовать, хотя менѣе замѣтно, метцское правительство съ одноличною властью «notre glorieux» Базена. Еще въ началѣ сентября, нашъ корреспондентъ писалъ намъ изъ Реймса, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, этому лицу предстоитъ играть главную роль въ окончательной развязкѣ всей кровавой борьбы Германіи съ Франціей. Это убѣжденіе сдѣлалось всеобщимъ, и до послѣдней катастрофы, 15-го октября, метцское правительство продолжало сохранять свой загадочный и таинственный характеръ, дававшій мѣсто самымъ различнымъ толкованіямъ.

Ограничиваясь территоріею одного города и его ближайшихъ окрестностей не далѣе выстрѣла укрѣпленій, метцское правительство распоряжалось тѣмъ, чего не имѣло турское правительство, а именно, громадною регулярною арміею, хорошо, какъ полагали, снабженною и хорошо вооруженною. Какой политической религіи держалось это правительство—этотъ вопросъ оставался оффиціально неизвѣстнымъ, по крайней мѣрѣ турское правительство имѣло возможность извѣщать страну о надежномъ положеніи метцскаго гарнизона, о затрудненіяхъ и неудачахъ, испытываемыхъ осаждающими городъ нѣмцами, но ни разу не дало яснаго отчета ни себѣ, ни странѣ, провозглашена ли республика въ Метцѣ, или нѣтъ. Даже братъ Базена, публиковавшій письмо въ защиту маршала, выразился какъ Пиѳія, а именно опровергалъ увѣренность тѣхъ, которые считали Базена маршаломъ *имперіи*, и просилъ считать его маршаломъ *Франціи* (но не республики).

Похожденія генерала Бурбаки, высланнаго Базеномъ изъ Метца въ Англію для совѣщанія съ бывшею регентшею и очутившагося теперь въ распоряженіи турскаго правительства, намекнули на роль Базена, но не выяснили настоящаго положенія метцскаго правительства. Посылка Базеномъ другого генерала Бойэ въ главную прусскую квартиру и потомъ опять въ Англію, не оставляла болѣе сомнѣнія, что маршалъ Франціи не оборвалъ связей съ имперіею; но въ чемъ состоятъ эти связи и какая ихъ цѣль—все это попрежнему оставалось во мракѣ. Наконецъ, 27 октября завѣса надъ Метцомъ разорвалась, чтобъ открыть предъ нами ужасную и возмутительную картину сдачи Метца на капитуляцію, причемъ нѣмцы взяли, по вторичной депешѣ прусскаго короля, 173,000 плѣнныхъ, въ томъ числѣ три маршала и болѣе 6,000 офицеровъ. Это одна сторона несчастія Франція; другая—состоитъ въ томъ, что съ этой минуты дѣйствующая армія непріятелей Франціи въ одинъ день возрасла на 200,000: войска, осаждавшія

Метцъ, были до сихъ поръ сами привязаны къ Метцу, а съ этой минуты они получили полную свободу дѣйствія.

Паденіемъ Метца и небывалымъ плѣномъ громадной арміи, составлявшей «цвѣтъ» французскаго войска, заключилось фактическое существованіе второй имперіи. Эпоха полнаго ея величія отдѣляется такимъ образомъ отъ эпохи такого же полнаго и глубочайшаго паденія небольшимъ пространствомъ трехъ мѣсяцовъ. Германія, можно сказать, занята французскими войсками: въ Германіи въ настоящую минуту мы видимъ императора французовъ, нѣсколькихъ маршаловъ, цѣлыя сотни генераловъ, тысячи офицеровъ и сотни тысячъ солдатъ.

Какъ ни громадно было всеобщее впечатлѣніе, произведенное метцскою катастрофою, предъ которою поблѣднѣла даже исторія седанской сдачи, но истинный интересъ всей Европы былъ немедленно перенесенъ на вопросъ: насколько можетъ сдача Метца содѣйствовать заключенію мира? Впрочемъ, по нашему мнѣнію, источникъ мира продолжаетъ попрежнему находиться въ нѣдрахъ временного правительства, въ Турѣ. Въ Турѣ, если вѣрить, впрочемъ, весьма вѣроятнымъ, сообщеніямъ мѣстныхъ корреспондентовъ, идея мира начинаетъ высказываться, несмотря на терроръ, и притомъ лицами весьма авторитетными. Извѣстный депутатъ лѣвой стороны распущеннаго законодательнаго корпуса, Греви, вмѣстѣ со многими другими депутатами лѣвой стороны и лѣваго центра вступилъ въ переговоры съ Гамбеттой, имѣя въ виду склонить его къ согласію на заключеніе перемирія и на созваніе представителей страны.

Если Гамбетта пользуется уваженіемъ за свой нравственный характеръ, то на такое уваженіе имѣетъ право и Греви, а любовь послѣдняго къ родинѣ еще менѣе можетъ быть подвергнута сомнѣнію, такъ какъ Греви давно уже подвизается на политическомъ поприщѣ. Еще во дни іюльской революціи 1830 года онъ доказалъ свое личное мужество, а его гражданскія доблести нашли случай обнаружиться вполнѣ въ 1848 году. Будучи тогда вице-президентомъ конституанты, онъ обращалъ на себя постоянное вниманіе палаты, какъ ораторъ. Онъ сдѣлалъ знаменитое *proposition-Grévy*, отвергнутое большинствомъ, и слѣдствіемъ котораго была бы невозможность декабрьскаго переворота: по смыслу предложенія Греви, Наполеону предстояло бы быть президентомъ совѣта министровъ, и онъ могъ, по конституціи, быть всегда удаленъ. Послѣ 2-го декабря, Греви прожилъ 17 лѣтъ въ полной тишинѣ и только два года тому назадъ выступилъ снова на поприщѣ общественной дѣятельности, принявъ кандидатуру въ законодательномъ корпусѣ. Онъ былъ всегда въ оппозиціи съ бонапартистскими стремленіями, еще со времени вопроса о занятіи Рима французами, чему онъ всѣми силами сопротивлялся.

Вотъ въ какихъ словахъ передаютъ мнѣніе Греви, высказанное имъ Гамбеттѣ, не за долго до паденія Метца:

«Франція желаетъ мира, — объявляетъ Греви — Германія желаетъ того-же; графъ Бисмаркъ также не отказывается отъ заключенія мира. Но онъ хочетъ имѣть дѣло съ правильнымъ правительствомъ, а правительство народной обороны онъ не можетъ признать такимъ (въ началѣ своей дѣятельности оно само было такого мнѣнія о себѣ). Съ другой стороны, условія, при которыхъ вы приняли власть, задача, которую вы возложили на себя, не дозволятъ вамъ согласиться на требованія Бисмарка, хотя бы и умѣренныя съ его точки зрѣнія, даже и въ случаѣ признанія имъ вашего правительства фактическимъ. Итакъ, мы въ безвыходномъ положеніи; но все-же есть одно средство выйти—а именно, назначить выборы и созвать національное собраніе, изъ среды котораго выйдетъ законное правительство для переговоровъ съ Пруссіею».

Въ подтвержденіе своей мысли и для отвѣта на возраженія, Греви присоединилъ: «Графъ Бисмаркъ объявилъ, что онъ допуститъ выборы въ занятыхъ непріятелемъ частяхъ Франціи. Черезъ мѣсяцъ мы не получимъ болѣе выгодныхъ условій мира, нежели теперь, а черезъ мѣсяцъ Франція потеряетъ еще нѣсколько тысячъ человѣкъ и увидитъ новыя развалины» и т. д.

Нельзя имѣть еще увѣренности, что голосъ, подобный этому, получитъ явный перевѣсъ во Франціи; но важно первое уже его заявленіе. Государственные люди, стоящіе во главѣ временного правительства, показали много личнаго самоотверженія, безкорыстія и патріотизма; но они, какъ видно теперь, не имѣли никакой опредѣленной программы и могли предложить французамъ спасать отечество пожертвованіями, преданностью; между тѣмъ нужно было умѣть организировать эти пожертвованія, направить эту преданность. Однимъ словомъ, временное правительство, начавъ самыми миролюбивыми заявленіями, дошло до того, что сдѣлало невозможнымъ для себя миръ, а слѣдовательно сдѣлало и само себя невозможнымъ.

При такомъ тяжеломъ положеніи временного правительства, всѣ возложили надежды на свиданіе гр. Бисмарка съ Тьеромъ, который, по предварительномъ совѣщаніи съ парижскими властями, отправился въ главную прусскую квартиру. Главнымъ препятствіемъ къ перемирію можетъ послужить, между прочимъ, позднее время года: statu quo можно возстановить во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ времени года: въ концѣ ноября, когда, предположимъ, можетъ окончиться будущее перемиріе, погода и температура будутъ уже не тѣ, какъ при началѣ перемирія, и выгоды окажутся не на сторонѣ нѣмцевъ.

Рядомъ съ мыслью о мирѣ Европа занята не менѣе размышленіями о практическихъ послѣдствіяхъ мира для будущей, а можетъ быть

весьма близкой исторіи. Это безконечная канва, допускающая всевозможные узоры. Но весь вопросъ въ томъ: слѣдуетъ ли сожалѣть объ успѣхахъ нѣмецкаго оружія, о Седанѣ, о Метцѣ и т. д.? Совершенно подобный вопросъ предложилъ, еще до начала нынѣшней войны, бельгійскій писатель Эм. Лавелэ въ предисловіи къ своему новѣйшему труду [1]), обращаясь при этомъ къ французамъ:

«Слѣдуетъ ли сожалѣть — говоритъ онъ — о послѣдствіяхъ Садовы и желать, чтобы единство Германіи не совершилось окончательно? Я иногда слышу во Франціи выраженіе подобныхъ сожалѣній и желаній со стороны людей просвѣщенныхъ и справедливыхъ, но я полагаю, что эти чувства внушены имъ ложнымъ патріотизмомъ. Если взять *не военное соперничество сосѣднихъ государствъ, но дѣйствительный интересъ всѣхъ европейскихъ народовъ*, то нельзя отрицать, что единство Германіи большое благо».

Если мы выражали подобное мнѣніе и отстаивали права германской націи не дозволять другимъ вмѣшиваться въ ея дѣла, то и нами руководила не мысль о военномъ соперничествѣ, а о союзѣ съ народомъ, образованнымъ и трудолюбивымъ. «Сожалѣть Садову! восклицаетъ Лавелэ — но подумайте, что̀ случилось бы, еслибъ Австрія побѣдила? Это было бы торжествомъ ультрамонтанскихъ идей и принциповъ конкордата, это вело бы къ угнетенію Италіи и Венгріи, къ уничтоженію свободы, къ возстановленію меттерниховской системы»! Точно также и мы можемъ сказать: сожалѣть Седанъ, Метцъ! но подумайте, что̀бы случилось, еслибы вторая имперія побѣдила? Отвѣчать на это можно однимъ словомъ, потому что въ этомъ словѣ заключается весь ужасъ, и это слово — бонапартизмъ!

Переговоры, которые теперь ведутся въ Версали между канцлеромъ Сѣверо-германскаго Союза и уполномоченными южной Германіи представляютъ величайшій интересъ для будущаго всей Европы; но ихъ подробности неизвѣстны. Относительно же того, что прусское правительство вовсе не такъ уже упоено своими побѣдами, какъ можно было ожидать того, мы заключаемъ по нѣкоторымъ оффиціальнымъ же распоряженіямъ прусскаго правительства, не говоря уже о томъ, что протестъ Кёнигсбергской ратуши и всего общественнаго мнѣнія Германіи по дѣлу ареста Якоби заключился признаніемъ Бисмарка въ незаконности дѣйствій администраціи и наконецъ въ освобожденіи Якоби. Въ самый день взятія Метца, въ прусскомъ «Государственномъ Указателѣ» напечатанъ приказъ короля къ генералъ-губернатору при-

---

[1]) Этотъ трудъ, замѣчательный по основательности познаній автора и его рѣдкому безпристрастію, переведенъ на русскій языкъ и вышелъ недавно подъ заглавіемъ: «Современная Пруссія въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ», съ приложеніемъ статьи Ренана и его переписки съ Штраусомъ. Спб. 1870. Мы особенно рекомендуемъ эту книгу вниманію нашихъ читателей.

морскихъ областей Фогель-фонъ-Фалькенштейну, которымъ повелѣвается, во время приготовленій къ предстоящимъ выборамъ въ новый ландтагъ, несмотря на военное положеніе, не ставить никакихъ препятствій къ свободному выраженію политическихъ мнѣній, и позволить избирателямъ участвовать въ публичныхъ собраніяхъ, не взирая на пріостановленіе дѣйствія 30-й ст. конституціи объ ассоціаціяхъ и собраніяхъ; сверхъ того повелѣно освободить немедленно всѣхъ тѣхъ, которые были арестованы въ силу пріостановленія дѣйствія этой статьи.

Мы указываемъ на эти «признаки времени» тѣмъ, которые гадаютъ о будущемъ Европы въ связи его съ будущимъ Германіи. Это будущее можетъ пока представляться грознымъ лишь тѣмъ, которые, подобно французскимъ публицистамъ второй имперіи, не хотятъ видѣть въ Пруссіи ничего, кромѣ военной ея силы, да и ту они величаютъ «ордою», и которые потому полагаютъ, что безопасности въ наше время можно достигнуть однимъ развитіемъ военныхъ силъ, т.-е. устроеніемъ противъ одной «орды» другой «орды». Мы продолжаемъ настаивать на этомъ, и это мы утверждали въ самомъ началѣ нынѣшней войны, когда вовсе нельзя было знать объ исходѣ ея; а потому совершенно напрасно почтенная редакція «Московскихъ Вѣдомостей» заявляетъ (№ 222), что «нужно было пруссакамъ сжечь массу пороха, истребить десятки тысячъ народа и опустошить нѣсколько областей, чтобы наши самозванные (?) прогрессисты извѣстнаго сорта очнулись отъ своего угара и стали немножко присматриваться къ условіямъ европейской цивилизаціи». Нѣтъ надобности прибавлять, что подъ «самозванными прогрессистами» вышеупомянутая газета разумѣетъ не себя, какъ то слѣдовало бы ожидать, а именно «Вѣстникъ Европы». Всѣ бойни и пожары нынѣшней войны нужны были не намъ, а московскимъ публицистамъ, которые, при началѣ войны, вмѣстѣ съ сотрудниками «Figaro», морочили нашу публику относительно нѣмецкихъ силъ и съ наслажденіемъ разсказывали о варварскомъ ихъ характерѣ, и распинались за вторую имперію. Что́ говорилъ «Вѣстникъ Европы» въ августовской книжкѣ, которая печаталась при началѣ военныхъ дѣйствій? Вотъ слова нашего Иностраннаго Обозрѣнія: «опасаться, какъ это дѣлаютъ всѣ враги прусскаго объединенія Германіи,—что Пруссія, соединивъ всю Германію подъ своимъ скипетромъ, станетъ слишкомъ сильною военною державою и будетъ увлекаться завоевательными планами—подобное опасеніе всего меньше можетъ имѣть мѣсто относительно Пруссіи, потому что прусская военная организація, послѣ швейцарской, самая демократическая во всей Европѣ, а прусское войско всего менѣе способно служить какимъ-либо завоевательнымъ планамъ». Затѣмъ, у насъ было изложено вкратцѣ описаніе военнаго устройства Пруссіи съ слѣдующими

заключительными словами: «этотъ *гражданскій* характеръ военной организаціи, *вслѣдъ за всеобщимъ распространеніемъ образованія въ прусскихъ войскахъ* (въ Пруссіи нѣтъ почти безграмотныхъ солдатъ), и вмѣстѣ съ сліяніемъ въ нихъ всѣхъ общественныхъ элементовъ: богатства, образованія, сословности и труда, могутъ служить довольно хорошимъ ручательствомъ тому, что нѣмецкое государство, охраняемое подобною арміей, не можетъ воспитывать въ себѣ завоевательные планы. Эта армія — не армія наемщиковъ, не имѣющихъ ни дома, ни семьи, ни ремесла; это вооруженный народъ, а народъ, какъ союзъ самозащищающихся гражданъ, не только не способенъ служить и потворствовать хищническимъ инстинктамъ завоевателей, но и можетъ самъ, по собственному почину, сдерживать подобные инстинкты». Что въ то время, когда въ «Вѣстникѣ Европы» писались эти строки, не было еще сожжено много пороху и были истреблены развѣ десятки, но никакъ не десятки тысячъ людей — доказательствомъ тому служатъ заключительныя слова того же августовскаго обозрѣнія: «Обѣ стороны (т.-е. нѣмцы и французы) надѣются на успѣхъ и горятъ нетерпѣніемъ сразиться; чья возьметъ — покажетъ будущее, можетъ быть, не скорое» (въ этомъ отношеніи мы вмѣстѣ со всѣми ошиблись).

Надобно имѣть въ самомъ дѣлѣ безпримѣрное литературное безстыдство, чтобы, подобно «Московскимъ Вѣдомостямъ» увѣрять теперь своихъ же читателей, что всѣ нелѣпости, сказанныя ими же въ августѣ и сентябрѣ, по поводу войны французовъ съ нѣмцами, были будто бы напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы».

«Вотъ октябрьская книжка *Вѣстника Европы*—восклицаютъ «Московскія Вѣдомости» (№ 222). Съ удовольствіемъ замѣчаемъ, что *безименные* *) сотрудники этого почтеннаго журнала начинаютъ по немногу очеловѣчиваться. Приглядѣвшись къ тому, что́ происходитъ на нашихъ глазахъ, они ратуютъ теперь (т.-е. въ половинѣ октября) за необходимость всеобщей военной повинности, хотя еще вовсе не съ тою цѣлью, чтобы Россія могла съ честью поддерживать свое положеніе въ Европѣ и не быть въ расплохъ застигнутою событіями. Нѣтъ, войско, по ихъ мнѣнію, имѣетъ совершенно иное назначеніе,— назначеніе болѣе мирнаго свойства, — оно должно внести въ общество тотъ «демократизмъ, безъ котораго ни одно государство процвѣтать не можетъ, что бы ни говорили различные спасители общества».

Оставляемъ въ сторонѣ главное намѣреніе газеты г. Каткова, а именно, найти случай указать кому слѣдуетъ, что въ «Вѣстникѣ

*) Не можемъ понять, въ чемъ тутъ заключается иронія газеты г. Каткова: статья «Московскихъ Вѣдомостей», изъ которой мы заимствуемъ это мѣсто, даже совсѣмъ не подписана и слѣдовательно, тоже безъименная. Почему газета г. Каткова такъ часто возвращается къ этому эпитету? Рѣшительно не понимаемъ. — *Ред.*

Европы» что-то толкують о демократизмѣ; при своей любви къ аѳинской цивилизаціи, самъ г. Катковъ знаетъ, что̀ значитъ это слово, но онъ разсчитываетъ на простодушіе своихъ согражданъ, и хочетъ пугнуть ихъ греческою терминологіею. Но дѣло именно и состоитъ въ демократическомъ характерѣ прусскаго военнаго устройства, въ томъ, что прусскіе военные порядки находятся въ тѣсной связи съ извѣстными государственными и экономическими порядками, съ извѣстнымъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ народной массы (δῆμος; просимъ г. Каткова не смѣшивать этого слова съ словомъ: δημὸς), которое составляетъ ея силу и вліяніе (κράτος) на общее движеніе государственныхъ и общественныхъ дѣлъ. Демократія совсѣмъ не то, что̀ демагогія, когда какой-нибудь политическій или литературный пройдоха ищетъ эксплуатировать невѣжество народной массы, прибѣгаетъ для того къ клеветѣ, обвиняетъ другихъ въ интригѣ, въ измѣнѣ, и все это съ цѣлью выдать себя за спасителя отечества. Газета г. Каткова, по поводу современной войны, усмотрѣла только одно, а именно, что ея сосѣдъ всякій разъ, когда читаетъ книгу, надѣваетъ очки; и сдѣлавъ это открытіе, она объявила, что сто́итъ всякому только надѣть очки, хотя бы то и на хвостъ, и всякій будетъ читать; но и малолѣтніе знаютъ изъ басни, что сила не въ однихъ очкахъ. Вотъ эту-то простую истину имѣлъ въ виду и «Вѣстникъ Европы», говоря о прусскомъ ландверѣ. Вторая имперія, послѣ Садовой, поспѣшила также надѣть на себя прусскіе очки и распорядилась даже объ устройствѣ gardes mobiles; но вмѣсто гардъ-мобиль вышло «мобло́» — французскій, а не прусскій ландверъ. Но обо всемъ этомъ подробнѣе было сказано выше, въ нашемъ «Внутреннемъ Обозрѣніи».

«Гдѣ-то таятся послѣднія нити *нашей* (?) интриги» — тоскливо восклицаетъ газета г. Каткова, заключая свою статью о «демократизмѣ» «Вѣстника Европы». Съ такимъ вопросомъ на устахъ, газета г. Каткова напоминаетъ намъ того господина, который, со шляпою на головѣ, искалъ своей шляпы.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ РИМА.

Италія послѣ присоединенія Рима.

5 октября, 1870 г.

Въ моихъ корреспонденціяхъ изъ Флоренціи, ваши читатели, безъ сомнѣнія, могли замѣтить, что я относился съ грустнымъ скептицизмомъ, — который былъ далекъ однако отъ равнодушія, — къ дѣламъ моей родины. Я боялся, что едва воскреснувшая Италія можетъ снова погибнуть за недостаткомъ у насъ идеала по отношенію будущаго и за отсутствіемъ необходимаго согласія: я не видѣлъ никакого центра, никакого рычага, на который она могла бы опереться, и вмѣстѣ съ тѣмъ не видѣлъ ни малѣйшей возможности водворить въ нашей странѣ автономію провинцій на принципѣ безусловной свободы, послѣ того какъ объединительная программа принята всѣми, и затѣмъ всякое дальнѣйшее сомнѣніе касательно ея полезности и пригодности могло, пожалуй, иному показаться преступной измѣной національному дѣлу. Я видѣлъ, какъ преемники централизующей политики графа Кавура, не обладая ни его геніемъ, ни его волей, ни его авторитетомъ, усиливались соединить то, что стремилось къ разъединенію, и не знали какъ направить единство. Единство было пустой фразой, лишенной всякаго содержанія и плохо ладившей съ фактами. Въ настояще время я, разумѣется, не могу еще сказать, чтобы мы прониклись бо́льшимъ довѣріемъ къ составу нашего правительства: по смерти Кавура оно отличалось лишь неспособностью и отсутствіемъ всякихъ высокихъ замысловъ. Но въ настоящее время, быть можетъ, нашелся тотъ рычагъ, котораго не доставало и который былъ необходимъ, чтобы соединенный народъ могъ показать, наконецъ, есть ли въ немъ дѣйствительная сила; если этотъ опытъ окажется удачнымъ, то вмѣстѣ съ величіемъ народа будетъ возрастать и величіе правительства, такъ какъ у свободнаго народа правительство бываетъ великое или ничтожное, смотря по тому, великъ или ничтоженъ народъ, выдвигающій его на сцену и вручающій ему свои бурныя судьбы.

Римъ будетъ теперь для итальянскаго народа тѣмъ центромъ, въ которомъ ему возможно будетъ давать и получать руководящія начала. Я не хочу толковать, хорошо или дурно то, что только воспоминанія о прошломъ придали итальянцамъ необходимую силу для того, чтобы слиться во-едино; конечно, я предпочелъ бы, чтобы основаніемъ къ ихъ объединенію послужило сознаніе взаимныхъ интересовъ, симпатія и воля, независимо отъ того или другого географическаго пункта; мнѣ

пріятно было бы думать, что съ риторикой покончено на вѣки; но такъ какъ риторикѣ, и ей одной, мы обязаны преимуществомъ нашего объединенія и оживляющихъ насъ надеждъ и добрыхъ намѣреній, то и я готовъ воскликнуть въ послѣдній разъ въ жизни: «да здравствуетъ риторика»!

Я пожелалъ лично присутствовать при торжественномъ зрѣлищѣ римскаго плебисцита; я пожелалъ удостовѣриться собственными глазами, какая разница существуетъ между Римомъ угнетеннымъ и Римомъ свободнымъ, и по истинѣ говорю вамъ, что никогда еще въ жизни и ни одно событіе не производило на меня такого сильнаго впечатлѣнія. Поводовъ къ умиленію было много. Первый поводъ представился во время путешествія, при видѣ безчисленныхъ римскихъ эмигрантовъ, возвращавшихся въ вѣчный городъ, чтобы подать свой голосъ. По мѣрѣ приближенія къ Риму, припадки конвульсивной радости овладѣвали путниками; они обнимались другъ съ другомъ и цѣловались, проливая слезы умиленія; они оставили Римъ въ полномъ цвѣтѣ молодости, и возвращались теперь, послѣ 21 года изгнанія, посѣдѣлые не столько отъ лѣтъ, сколько отъ страданія. Я видѣлъ, какъ одинъ работникъ выскочилъ изъ своего вагона, прежде чѣмъ поѣздъ остановился, и въ позѣ античнаго героя, протянувъ руки къ Риму, вскричалъ: «священный Римъ! священный Римъ! Все въ тебѣ священно. Каждый твой камень»! Послѣ этого онъ съ благоговѣніемъ поклонился почвѣ и облобызалъ ее.

Едва вступили мы въ Римъ, какъ замѣтили общее волненіе. Тѣ самыя площади и улицы, которыя недавно были угрюмы и пустынны, теперь были залиты народомъ. Кто говорилъ, что Римъ не что иное какъ скопище князей, поповъ, монаховъ и наемниковъ, тотъ клеветалъ безсовѣстно.

Когда Римъ стоналъ подъ игомъ папы-государя, тогда весь этотъ людъ мозолилъ глаза, разыгривая роль господствующаго населенія. Но онъ составлялъ дерзкое меньшинство, постоянно выставлявшее себя на показъ. Настоящій Римъ, какъ весталка, запирался у домашняго очага, не желая смѣшиваться съ толпой профановъ. Въ тотъ день, когда итальянское войско очистило улицы Рима отъ притѣснителей, народъ хлынулъ въ нихъ и громко заявилъ о своемъ существованіи. Болѣе сорока тысячъ римскихъ гражданъ съ спокойнымъ достоинствомъ подали свой голосъ за присоединеніе Рима къ Италіи. Все населеніе Рима составляетъ около двухъсотъ тысячъ; болѣе половины женскаго пола; изъ девяносто тысячъ мужескаго пола, около сорока тысячъ недостигшихъ 21 года; затѣмъ остается пятьдесятъ тысячъ избирателей; изъ этихъ пятидесяти тысячъ 40,785 сказали *да;* 46 голосовъ отвѣчали *нѣтъ.* Недостающіе девять тысячъ распредѣляются между престарѣлыми, калѣками, отсутствующими папскими солдатами,

задержанными въ качествѣ военно-плѣнныхъ, попами, монахами и ихъ самыми жаркими послѣдователями. Несмотря на запрещеніе, сдѣланное генералами различныхъ орденовъ и различными духовными властями своимъ подчиненнымъ подавать голосъ, эти послѣдніе нарушали полученное приказаніе. Въ провинціальныхъ городахъ и селеніяхъ число непослушныхъ было еще значительнѣе и многіе сказали *да*, изъ чего слѣдуетъ заключить, что само духовенство въ провинціяхъ участвовало въ либеральномъ движеніи и что большинство его не сочувствуетъ свѣтской власти папы.

Папѣ, безъ сомнѣнія, не долженъ быть особенно пріятенъ результатъ подобной подачи голосовъ, который показываетъ ему, что не только народъ, но и духовенство возстановлено противъ него и косвенно протестуетъ противъ его претензій на непогрѣшимость. Папа съ 20 сентября заперся въ Ватиканѣ, какъ въ крѣпости; онъ разъигрываетъ роль жертвы, между тѣмъ какъ итальянское правительство отнюдь не желаетъ относиться къ нему какъ къ жертвѣ и окружаетъ возможнымъ и невозможнымъ почетомъ. Но Пій IX остается глухъ ко всѣмъ любезностямъ. Непогрѣшимость интересовала болѣе іезуитовъ, которыхъ онъ былъ орудіемъ, а не его самого; для него всего важнѣе свѣтская власть, прерогативы государя. Пій IX страдаетъ чисто дѣтскимъ тщеславіемъ; для него невыносимо то, что онъ не будетъ видѣть кругомъ себя полчища солдатъ и лакеевъ, не будетъ фигурировать предъ министрами и посланниками, окружать себя придворнымъ штатомъ, и долженъ ограничиваться, раздачею благословеній. Подстрекаемый кардиналами Антонелли и Берарди, папа протестуетъ въ ожиданіи лучшихъ временъ; онъ возлагаетъ большія надежды на Пруссію; онъ увѣренъ, что какъ скоро будетъ заключенъ миръ, Пруссія заставитъ Францію признать королемъ графа Шамбора и первымъ дѣйствіемъ послѣдняго будетъ побудить Италію не только отказаться отъ Рима, но и возстановить папскія владѣнія въ ихъ прежнихъ границахъ. Папа вѣритъ въ возможность новаго Священнаго Союза и поговариваетъ о соглашеніи, состоявшемся между Австріей, Россіей и Пруссіей, имѣющемъ цѣлію задушить гидру свободы во всей Европѣ.

Римскій вопросъ—вопросъ итальянскій, а не всемірный; если римскій народъ хочетъ перемѣнить господина и выйти изъ невѣжественной тьмы, въ которой его держалъ папа-государь и войти въ составъ итальянскаго государства, и если насъ радуетъ его присоединеніе къ намъ, то всѣ попытки чужеземцевъ помѣшать нашему союзу окажутся тщетными. Кто присутствовалъ при нынѣшнемъ плебисцитѣ, когда сорокъ тысячъ римскихъ избирателей прошли на глазахъ у сорока тысячъ свидѣтелей, явившихся въ Римъ изъ различныхъ итальянскихъ провинцій, тотъ могъ удостовѣриться, что фактъ присоединенія Рима

къ Итали столько же необходимъ, какъ и доброволенъ. Зрители невольнымъ образомъ переносились мысленно за двѣ тысячи лѣтъ назадъ, а яркое солнце, освѣщавшее римскія зданія, довершало очарованіе. Не слышно было шумныхъ и безпорядочныхъ криковъ. По всѣмъ улицамъ проходили въ стройномъ порядкѣ различныя корпораціи, съ музыкой впереди, и направлялись къ урнамъ, размѣщеннымъ на различныхъ пунктахъ Рима. Когда музыка умолкала, народъ громко произносилъ *si*, *si*! (да) во время своего шествія, и это мѣрное и торжественное восклицаніе длилось нѣсколько минутъ и производило изумительный эффектъ, пока не сливалось въ дружный кликъ: да здравствуетъ Италія! И во всемъ этомъ не было ничего натянутаго, ничего вызывающаго насмѣшку. Никто изъ насъ не ожидалъ найти такого бодраго и многочисленнаго народа; всѣ мы были введены въ заблужденіе обманчивой внѣшностью и безсовѣстными выдумками; мы видѣли Римъ и утраченная вѣра ожила въ насъ, какъ бы по волшебству; въ насъ воскресли надежды на спасеніе Рима и величіе нашей страны.

Я видѣлся съ депутатомъ Дина, редакторомъ «Opinione», который нѣсколько дней тому назадъ высказывалъ полнѣйшее равнодушіе къ римскимъ дѣламъ; онъ былъ исполненъ энтузіазма и постоянно повторялъ мнѣ, что правительству слѣдуетъ немедленно пріѣхать сюда и удостовѣриться собственными глазами въ невѣроятномъ, и что мысль обезпечить для папы независимый престолъ въ *Città Leonina*—смѣшная и дикая мысль, которая бы никогда не пришла въ голову флорентинскому правительству, еслибы оно было хоть сколько-нибудь знакомо съ римскими дѣлами. *Città Leonina* единодушно вотировала за безусловное присоединеніе къ итальянскому государству. Я видѣлъ престарѣлаго федералистскаго патріота, Кунео, сподвижника Гарибальди въ Монтевидео и вѣрнаго сподвижника Мадзини до вчерашняго дня; онъ былъ сильно растроганъ и благословлялъ римскій плебисцитъ. И такихъ превращеній было много. Если въ такіе дни можно было опасаться чего-нибудь, то это именно вялости и нерѣшительности нашего правительства: многимъ могло приходить на мысль въ эту минуту, что наше правительство, съ его маніей примирять непримиримое, можетъ испортить все дѣло? Въ Римѣ никто не можетъ взять въ толкъ старанія правительства оградить папу. Противъ кого? спрашивается. Что́ ему угрожаетъ? Народъ ведетъ себя безукоризненно; онъ ни разу при всемъ этомъ переворотѣ не произнесъ слова угрозы! Онъ желаетъ только иного гражданскаго управленія, но никогда и не помышлялъ преслѣдовать духовенство и угрожать религіи. О чемъ думаютъ наши министры? Я говорилъ съ однимъ изъ нихъ и заявилъ ему, что робость итальянскаго правительства въ дипломатіи кажется мнѣ чрезмѣрной; онъ горячо защищалъ сдержанный образъ дѣйствій правительства и даже находилъ, что оно слишкомъ рис-

куетъ; такъ какъ я, натурально, настаивалъ на своемъ, то онъ замѣтилъ мнѣ только: «вы, что ли, будете вести войну противъ Пруссіи и Австріи?» Я возражалъ: «правительство сдѣлало самый важный шагъ, никто не можетъ выискать *casus belli*, если оно пойдетъ до конца, тѣмъ болѣе, что папа нисколько не будетъ ему благодаренъ, если оно остановится на пол-дорогѣ; ласкать того, кого лишилъ достоянія не только безполезно, но еще подрываетъ это уваженіе къ побѣдителю». Разговоръ нашъ на этомъ прекратился, но онъ можетъ показать, каковы тенденціи настоящаго итальянскаго кабинета; часть его министровъ одушевлена мужествомъ, другая же страдаетъ трусостью. Которая права—покажутъ дальнѣйшія событія. Но я не буду заниматься дипломатіей и министрами, а поговорю о надеждахъ, которыя внушаетъ Римъ Италіи. Добрый геній охраняетъ наши судьбы и самое пораженіе наше онъ всегда обращалъ въ побѣду; мы надѣемся потому, что Европа, занятая своими работами, предоставитъ намъ и на этотъ разъ распоряжаться своей судьбой по нашему усмотрѣнію и что опасенія нерѣшительныхъ умовъ происходятъ ни отъ чего иного, какъ отъ воображенія, мрачно настроеннаго. Если иностранная либеральная печать окажетъ намъ сочувствіе, возбудивъ симпатіи къ нашему дѣлу, то это послужитъ намъ гарантіей противъ возможныхъ козней подозрительной дипломатіи.

Что́ можетъ ожидать современный Римъ? Я отчасти вѣрю въ нашу счастливую звѣзду: вопросъ о вооруженномъ вмѣшательствѣ иностранныхъ санфедистовъ я устраняю вполнѣ: вмѣшательство протестантовъ-пруссаковъ представляется мнѣ чудовищной безсмыслицей. Для окончательнаго рѣшенія вопроса, озабочивающаго Италію, кажется мнѣ, существуетъ одинъ только путь: выдти изъ заколдованнаго круга. Понятно, что министры короля столько же католическаго, какъ и конституціоннаго, которымъ приходится приводить въ исполненіе декретъ, начинающійся заявленіемъ преданности католической вѣрѣ, должны сопровождать всѣ свои гражданскія дѣйствія противъ папства самыми униженными и почтительными увѣреніями въ своемъ благоговѣйномъ уваженіи къ власти первосвященника. Папа, какъ папа, принадлежитъ всему католическому міру: это значитъ, что никакая земная власть не можетъ свергнуть его съ духовнаго трона, безъ согласія всего католическаго міра; но папа, какъ свѣтскій государь, есть созданіе одной Италіи, которая свободно можетъ лишить его этой власти, подобно тому, какъ свободно вручила ему ее, и ни одна иностранная держава не имѣетъ права вмѣшиваться въ наше рѣшеніе. Нашимъ министрамъ, которые, безъ сомнѣнія, понимаютъ это элементарное различіе, слѣдовало бы запастись необходимымъ мужествомъ, чтобы воздать божіе Богови, а Кесарю кесарево и оградить себя энергически отъ всякихъ попытокъ иностранныхъ политиковъ затормозить ихъ

смѣлыя и законныя дѣйствія. Но для этого имъ необходимо увѣриться, что папы не прощаютъ и не дѣлаютъ уступокъ, или если и сдѣлаютъ уступку, то затѣмъ лишь, чтобы приготовиться къ мести. Это хорошо дисциплинированная каспа, которая исподтишка строитъ козни и потому очень опасна; но ея смѣлость будетъ рости прогрессивно съ нашей трусостью. Наши политическіе дѣятели всегда проводили чрезвычайно рѣзкую роль между нравственностью и политикой; но пока они ограничиваются словами, мы не безпокоимся, хотя конечно предпочли бы, чтобъ они воздержались также и отъ подобной лжи; что же касается дѣйствій, то нельзя поздравить итальянское правительство, если его дѣйствія не будутъ согласны съ національной волей.

Вотъ уже десять лѣтъ, какъ мы падаемъ, едва успѣвъ стать на ноги, благодаря тому, что нами управляетъ дѣтскій страхъ того, что́ скажутъ въ Парижѣ; теперь мы вторично оживаемъ, свободные отъ императорскаго ига, и вотъ вдругъ наши правители выказываютъ все туже робость, потому что предвидятъ возможность, что наши домашнія распоряженія не понравятся иностраннымъ державамъ; вслѣдствіе этого они готовы ничего не предпринимать, не испросивъ ихъ общаго согласія, то-есть, это значитъ, что итальянское правительство, лишившись одного опекуна, не смѣя, не желая, не умѣя ничего предпринять по собственной иниціативѣ, вмѣсто одного опекуна желаетъ навязать себѣ десять и будетъ еще безсильнѣе прежняго. Я не говорю, что министры наши не заслуживаютъ ровно никакой похвалы за вступленіе итальянцевъ въ Римъ — фактъ болѣе удачный, чѣмъ славный, потому что на этомъ сходились желанія всей Италіи; — итальянцамъ есть теперь поводъ прославлять свою побѣду и радоваться ей, но намъ нѣтъ никакой причины поднимать шумъ изъ-за того, что столицей будетъ Римъ, а не Флоренція; но такъ какъ риторикѣ мы обязаны огромнымъ преимуществомъ нашего объединенія, то намъ слѣдуетъ также понять и то, что́ риторика, связанная съ послѣдними событіями въ Римѣ, налагаетъ на насъ; первымъ долгомъ нашимъ относительно Рима будетъ поменьше говорить; вторымъ — побольше дѣйствовать и дѣйствовать такъ, чтобы дѣла наши были громче нашихъ словъ; но прежде всего намъ слѣдуетъ быть единственными распорядителями нашихъ судебъ, не поддаваться трусости и заимствуя отъ иностранцевъ все полезное, не позволять имъ распоряжаться нашими домашними дѣлами.

Настоящая минута рѣшительная, какъ для Италіи, такъ и для ея правительства; горе намъ, если мы не съумѣемъ понять всю ея важность и не съумѣемъ сообразоваться въ своихъ рѣшеніяхъ съ торжественностью минуты. Энтузіазмъ не вѣченъ; горе, если онъ охладится, не произведя тѣхъ чудесъ, какія могъ бы произвести. Риторика побѣдила и опьянѣла

отъ своей побѣды; въ настоящую минуту она великодушно настроена и если мы будемъ дѣйствовать дружно и рѣшительно, она уплатитъ свои вѣковыя обязательства. Уже цѣлые вѣка какъ мы, вмѣсто того, чтобы творить новыя чудеса, опираясь на свою волю и силу, извиняемъ свою инерцію или свое безсиліе, и проповѣдуемъ, что въ тотъ день, какъ Римъ проснется, начнутся наши геройскія дѣйствія; ну, вотъ мы въ Римѣ; не время больше толковать о нашихъ надеждахъ, пора привести ихъ въ исполненіе. Римъ привлекаетъ всѣ мысли, всѣ чувства итальянцевъ; въ немъ сходятся всѣ нервы Италіи; одушевимъ Римъ и вся Италія проникнется благороднымъ одушевленіемъ и озаритъ міръ своимъ свѣтомъ. Но для этого не надо разъединять ее, а она будетъ разъединена, если создать изъ Ватикана неприступный островъ, жителямъ котораго дана будетъ привилегія безнаказанности. Папа можетъ свободно проповѣдывать міру свою религію, въ храмѣ св. Петра, но разъ въ государствѣ учреждена карающая власть, то она также мало должна церемониться съ первымъ изъ епископовъ, какъ и съ послѣднимъ, когда его слова или дѣйствія противны установленному, общественному порядку и оскорбляютъ этотъ порядокъ въ лицѣ его правителей; тѣмъ скандалезнѣе такого рода вещи, когда примѣръ подается старцемъ и тѣмъ рѣшительнѣе должны быть карательныя мѣры законовъ. Всякія уступки власти папѣ и его двору наносятъ ущербъ гражданскому обществу; а всякій ущербъ, наносимый гражданскому обществу, неизбѣжно подрываетъ силу Рима. Присутствіе папы въ Римѣ не грозитъ опасностью ни правительству, ни странѣ, если только правительство не дастъ папѣ превышать власть. Это элементарная истина, которую всѣ повторяютъ, потому что она понятна для всѣхъ, но которую, тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ неустанно повторять и проповѣдывать, чтобы самый воздухъ пропитался ею и чтобы она вошла въ плоть и кровь нашимъ правителямъ. Новому Риму, начинающему новую жизнь, не слѣдуетъ брать отъ прошлаго никакихъ обязательствъ, тѣмъ болѣе, что теократія, которую мы желали бы видѣть мертвою, но которая, благодаря итальянскому правительству, еще не умерла, а лишь находится при послѣднемъ издыханіи,—не есть созданіе нашихъ предковъ; теократія пришла къ намъ извнѣ; она внѣдрилась у насъ помощью насилія и происковъ, но не родилась у насъ; она прозябала въ Римѣ какъ крапива на развалинахъ; но какъ крапива оставалась безплодна и жгла тѣхъ, кто къ ней прикасался. Чтобы улучшить почву Рима, слѣдуетъ вырвать крапиву.

Но я не думаю, чтобы наши теперешніе министры нашли въ себѣ мужество на такія нововведенія, хотя ихъ малодушіе можно отчасти извинить тѣмъ, что они еще не дышали воздухомъ свободнаго Рима. Они, быть можетъ, станутъ благословлять счастливую звѣзду, которая оградила ихъ отъ увлеченія и позволила сохранить ровное и спокой-

ное настроеніе духа; но я скажу, что хладнокровіе не всегда бываетъ верхомъ мудрости и что я желалъ бы на этотъ разъ, на этотъ единственный разъ, чтобы наши министры показали, что у нихъ есть также и сердце. Тѣмъ болѣе, что нѣтъ ничего хуже полумѣръ, которыя никого не удовлетворяютъ и которыми нельзя угодить ни Богу, ни сатанѣ. Однако итальянское правительство постоянно къ нимъ прибѣгаетъ; оно не рѣшается отстаивать Италію, какъ слѣдуетъ, но осмѣливается задѣвать папу: такимъ образомъ, оно теряетъ право на благодарность первой и возбуждаетъ къ себѣ положительную непріязнь въ послѣднемъ и презрѣніе за непрестанныя попытки къ невозможному примиренію. Мы похожи въ нашихъ дѣйствіяхъ на ребенка, который, отколотивъ братишку, начинаетъ ласкать его, чтобы онъ не кричалъ, а мамаша не услыхала; папа — играетъ роль братишки, а европейская дипломатія—роль мамаши. Но у братишки не только прорѣзались всѣ первые зубы, но даже вывалились всѣ вторые, и онъ конечно не можетъ тронуться нашими платоническими ласками; онъ захватываетъ все, что́ можно и никому не говоритъ спасибо, а если раскрываетъ ротъ, то затѣмъ, чтобы проклинать насъ.

На мой взглядъ или не слѣдовало вовсе затѣвать всего дѣла, или же, разъ затѣявъ его—идти *до самаго конца.* Настоящей минутой слѣдуетъ воспользоваться не только затѣмъ, чтобы подчинить римскаго епископа всѣмъ законамъ, которымъ подчинены всѣ другіе итальянскіе епископы, но и затѣмъ, чтобы преобразовать въ Римѣ, торжественнымъ актомъ, нашу гражданскую конституцію, уничтоживъ, въ виду необходимости, первый параграфъ Альбертовскаго статута и замѣнивъ его единственнымъ возможнымъ въ современномъ обществѣ принципомъ, единственнымъ принципомъ достойнымъ быть провозглашеннымъ въ Римѣ, единственнымъ раціональнымъ принципомъ *свободныхъ церквей* (я нарочно напираю на множественное число) *въ свободномъ государствѣ.*

Между тѣмъ въ отвѣтъ на рѣшеніе избирателей, поднесенное итальянскому королю римской депутаціей, рѣшеніе, которое показало, что въ небольшихъ экс-папскихъ владѣніяхъ изъ 135,291 избирателей, только 1507 высказались противъ присоединенія Рима къ Италіи, въ отвѣтъ, говорю я, на такое краснорѣчивое и торжественное рѣшеніе итальянское правительство не придумало ничего лучшаго, какъ послать въ Римъ генерала Альфонса Ламармору, на неограниченныхъ правахъ диктатора. Римляне были изумлены, потому что нѣтъ города, который менѣе чѣмъ Римъ нуждался-бы въ диктаторскомъ правленіи; кромѣ того, выборъ лица въ высшей степени безразсуденъ. Имя Ламарморы слишкомъ тѣсно связано съ нашимъ недавнимъ національнымъ бѣдствіемъ—сраженіемъ при Кустоццѣ, въ которомъ общественное мнѣніе его обвиняетъ; замѣчу къ тому же, что Ламармора всегда пытался вмѣстѣ съ Рикасоли вступить въ соглаше-

ніе съ папой. Римляне основательно спрашиваютъ себя, зачѣмъ понадобилось присутствіе генерала Ламарморы въ Римѣ въ настоящую минуту. Кромѣ того, онъ назначилъ намѣстническій совѣтъ, какъ будто бы дѣло шло не о новыхъ провинціяхъ, присоединенныхъ къ итальянскому королевству, но объ обособленномъ государствѣ, долженствующемъ управляться спеціальными законами. Это естественнымъ образомъ возбуждаетъ недовѣріе; но я надѣюсь, что это продлится недолго, потому что парламентъ, который не замедлитъ вновь собраться, измѣнитъ, безъ сомнѣнія, такой ненормальный порядокъ вещей и будетъ просить правительство о перенесеніи столицы, вмѣстѣ съ чѣмъ для Италіи наступитъ новая эра. Нельзя сказать, чтобы правительство выставляло важныя затрудненія, задерживающія его прибытіе въ Римъ; самое существенное затрудненіе заключается въ квартирахъ, требующихся для служащихъ въ министерствахъ, число которыхъ доходитъ до трехъ тысячъ. Дѣйствительно, найти въ Римѣ квартиру меблированную или безъ мебели очень трудно, а немногія, которыя имѣются, ходятъ по баснословнымъ, по нашему, цѣнамъ; напр. 100 франковъ въ мѣсяцъ за одну меблированную комнату. Сюда было явилось много аферистовъ изъ разныхъ провинцій въ надеждѣ пріобрѣсти землю подъ дома; но по большей части они отступились, услышавъ о цѣнѣ (50 фр. за квадратный метръ). Только правительство могло бы разрѣшить вопросъ о квартирахъ, объявивъ общественнымъ имуществомъ нѣкоторые монастыри, церкви, зданія, покинутыя ихъ владѣльцами; но оно не смѣетъ этого сдѣлать. Оно порѣшило кажется не вмѣшиваться ни во что, гдѣ только замѣшаны церковные интересы, и такимъ образомъ въ то время, какъ французскіе солдаты, наемники, папскія войска спокойно размѣщались по различнымъ монастырямъ, итальянское войско, явившееся на помощь Риму, было принуждено размѣститься на улицахъ и за городскими стѣнами, рискуя своимъ здоровьемъ, потому что правительство не желаетъ себя компрометировать. Правительство могло бы доставить квартиры служащимъ, но оно не хочетъ этого сдѣлать потому, что боится протестовъ изъ Ватикана и дипломатическихъ отголосковъ этихъ протестовъ, потому, наконецъ, говоря откровенно, что ему не особенно хочется переселиться сюда, такъ какъ вопли тосканской клики, которая желала бы удержать возможно долѣе столицу во Флоренціи, вліятельнѣе чѣмъ желанія римскихъ гражданъ и стремленія цѣлой Италіи. Это не помѣшало имъ при этомъ случаѣ почтить подвиги президента совѣта министровъ, доктора Джіованни Ланца, того самаго, который, будучи министромъ народнаго просвѣщенія, писалъ *Itaglia*, вмѣсто *Italia*, — самой высшей наградой, какую только можетъ получить итальянскій подданный—орденомъ *dell'Annunziata*.

Но римляне находятся теперь въ самомъ блаженномъ періодѣ своего политическаго существованія; они до того счастливы, что имъ не

приходится больше отдавать отчетъ папскимъ жандармамъ въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ вздохѣ, что до поры, до времени будутъ находить прекраснымъ все исходящее изъ Флоренціи и даже генерала Ламармору, который, по правдѣ сказать, вовсе не Адонисъ. Все ихъ нетерпѣніе сводится теперь къ ожиданію пріѣзда короля, чтобы почтить его должнымъ образомъ. Римскія женщины порѣшили вышить собственноручно коверъ - *monstre*, который долженъ устилать путь итальянскаго короля отъ самыхъ городскихъ стѣнъ до Капитолія. Одного этого факта достаточно, чтобы показать вамъ, какой энтузіазмъ царствуетъ въ Римѣ. И достойный отвѣтъ, данный королемъ Викторомъ-Эммануиломъ, — котораго на этотъ разъ настроили какъ слѣдуетъ, — на краткія слова, которыми герцогъ Микель-Анжело Каэтани ди Сермонета передалъ рѣшеніе римскаго населенія, долженъ, разумѣется, вселить симпатію въ душу этого народа ко дню торжественнаго въѣзда короля въ Римъ. Вотъ рѣчь, которая соотвѣтствуетъ, въ главныхъ чертахъ, желаніямъ и надеждамъ, одушевляющимъ націю:

«Наконецъ, выполнена трудная задача и отечество возстановлено. Имя Рима, величайшее изъ именъ, произносимыхъ устами людей, связывается нынѣ съ именемъ Италіи, самымъ дорогимъ для моего сердца. Плебисцитъ, доказавшій такое изумительное согласіе римскаго населенія и встрѣченный радостнымъ сочувствіемъ во всѣхъ частяхъ государства, послужитъ основаніемъ для нашего національнаго дѣла и доказываетъ еще лишній разъ, что если мы многимъ обязаны счастію, то еще бо́льшимъ обязаны очевидной правотѣ нашего дѣла. Добровольное соглашеніе, искренній обмѣнъ обѣщаній—вотъ силы, создавшія Италію и которыя, согласно моимъ предположеніямъ, привели ее къ благополучному исходу. Теперь итальянскій народъ сдѣлался дѣйствительно господиномъ своихъ судебъ. Объединяясь, послѣ розни, длившейся цѣлыя столѣтія, въ городѣ, который былъ столицей міра, онъ съумѣетъ, безъ сомнѣнія, извлечь изъ воспоминаній древняго величія предзнаменованія о новомъ величіи, и отнесется съ благоговѣніемъ къ средоточію того духовнаго владычества, которое водрузило свои мирныя знамена и тамъ, куда не проникали языческіе орлы.

«Я, какъ король и какъ католикъ, провозглашая единство Италіи, сохраняю твердое намѣреніе обезпечить свободу церкви и независимость верховнаго первосвященника и съ этимъ торжественнымъ заявленіемъ я принимаю изъ вашихъ рукъ, почтенные синьоры, римскій плебесцитъ и передаю его итальянцамъ, надѣясь, что они съумѣютъ показать себя достойными славы нашихъ предковъ и настоящаго ихъ счастія».

Удостовѣренія въ глубокомъ уваженіи къ папѣ были неизбѣжны для католическаго короля. Желательно только, чтобы это личное и законное уваженіе короля не перешло въ національное раболѣпство и, между прочимъ, чтобы іезуиты были изгнаны изъ Рима также, какъ

и изъ другихъ итальянскихъ провинцій. Пока іезуиты будутъ оставаться въ Римѣ, папа будетъ строить козни; пока іезуиты будутъ въ Римѣ, будутъ происходить похищенія еврейскихъ дѣтей; пока іезуиты будутъ въ Римѣ, не будетъ свободы преподаванія и сокровища архивовъ и библіотекъ будутъ закрыты для учащейся молодежи. Хотя Римъ и свободенъ, однако я тщетно пытался проникнуть въ ватиканскую библіотеку, въ библіотеку *de Propaganda Fede* и въ римскую коллегію; я уже не говорю о *Sant-Ufficio*. Попы еще безусловно завѣдываютъ этими учрежденіями, такъ что изученіе ихъ остается вполнѣ невозможнымъ. Будемъ надѣяться на скорыя и энергическія дѣйствія правительства, которыми оно возвратитъ наукѣ весь принадлежащій ей научный матеріалъ.

Среди всѣхъ этихъ непріятностей, причиняемыхъ нерѣшительностью нашего робкаго правительства, мы имѣли на этихъ дняхъ истинное и глубокое утѣшеніе по случаю освобожденія изъ казематовъ св. Михаила политическихъ заключенныхъ: престарѣлаго адвоката Романьоло Петрони и публициста Луиджи Кастеллаццо (извѣстный въ литературномъ лагерѣ подъ именемъ Анзельмо Ривальта, какъ авторъ романа «Tito Vezio»). Бѣдный Кастеллаццо, который три года томился въ папской тюрьмѣ за то, что организовалъ въ 1867 г., въ Римѣ, народное возстаніе, вышелъ изъ тюрьмы въ такомъ жалкомъ видѣ, что сдѣлался неузнаваемъ. Онъ почти не могъ ходить и страдалъ полнымъ истощеніемъ силъ, потому что дышалъ въ тюрьмѣ гнилымъ воздухомъ и былъ лишенъ свѣта; все это произвело лихорадку, не покидающую его нѣсколько мѣсяцевъ. Теперь онъ отправился на нѣсколько дней въ Сан-Марчелло, чтобы на свободѣ подышать чистымъ воздухомъ. Тюрьмы папы могутъ вполнѣ соперничать съ знаменитыми австрійскими тюрьмами.

D. G.

P. S. Въ то время, какъ мы радовались рѣчи итальянскаго короля, вышла «la Gazetta Ufficiale», содержащая два реакціонныхъ декрета, скрѣпленныхъ всѣми министрами. Парламентъ обсудитъ эти акты правительства, столь противорѣчащія всѣмъ стремленіямъ и правамъ націи. Вотъ эти два декрета: 1) Папа сохраняетъ достоинство, неприкосновенность и всѣ личныя прерогативы государя. 2) Особенными законами будутъ опредѣлены условія, необходимыя для того, чтобы гарантировать независимость папы, такъ же какъ и *территоріальныя уступки* и свободное отправленіе духовной власти.

Итакъ, свѣтская власть папы не упраздняется. Итальянское правительство, такимъ образомъ, оскорбляетъ и безсовѣстно насилуетъ чувства цѣлой націи.

ШВЕЙЦАРСКІЯ ПИСЬМА.

15 (27) октября, 1870.

Отъ Седана до Метца.

Пишу вамъ не «съ поля битвы»; да и гдѣ нынче поле битвы? Увы! полемъ битвы въ эту минуту служитъ вся Франція, и нѣтъ дня, чтобъ гдѣ-нибудь, въ томъ или другомъ углу, не шла битва, не лилась кровь, не горѣли жилища.... Вездѣ поспѣть нельзя, а быть въ одномъ мѣстѣ, выжидать, пока пруссаки придутъ и нападутъ — какъ ни грустно сознаваться, но и это могло бы, по всей вѣроятности, оказаться напраснымъ: печальные останки бонапартовской стратегіи завѣщали французамъ — бѣгство предъ появленіемъ одного прусскаго полка или рабскую угодливость предъ появленіемъ *четырехъ* улановъ, сѣющихъ повсюду *легендарную панику*.... Кромѣ того, по газетамъ вы исправно прочтете сегодня, что была битва и пруссаки были побиты, завтра — вы увидите поправку, что битва была, но пруссаки не были побиты, и, наконецъ послѣ завтра—вы убѣдитесь, что и вовсе никакой битвы не было! Вы знаете, что подобное приключеніе случилось съ импровизаціей Гамбетты по поводу слуховъ о разбитіи пруссаковъ въ прахъ подъ стѣнами Парижа 11-го октября.

Но если даже и имѣть шансы попасть на поле битвы,—военные люди говорятъ, что о битвѣ всякій можетъ судить лучше того, который участвуетъ въ ней, — потому что для участника существуетъ только одинъ пунктъ, одна точка. И участь военныхъ корреспондентовъ становится все болѣе тяжелою и неблагодарною: если на нихъ долю не выпадетъ пуля, какъ то случилось съ корреспондентомъ «Таймса», то на нихъ голову сыплется рядъ упрековъ почтеннаго «Saturday-Review», который сильно поноситъ военныхъ корреспондентовъ за то, что они разсказываютъ, въ родѣ корреспондента того же «Таймса», о своемъ паденіи съ лошади и объ ушибѣ колѣна, какъ будто подобное обстоятельство даетъ понятіе о войнѣ или о положеніи Франціи! Еще худшая доля постигаетъ корреспондента, когда онъ вздумаетъ надѣлять міръ дипломатическими извѣстіями: благородный Россель «Таймса» разсказалъ до мельчайшихъ подробностей сцену свиданія Седанскаго героя съ «Гильомомъ», — и всѣ европейскіе журналы безъ исключенія повторили патетическое описаніе свиданія; они сообщили о дрожащемъ голосѣ Наполеона, когда онъ обратился къ побѣдителю: Sire, mon frère (Cire, mon frère! передалъ одинъ комическій журналъ, т.-е.

«чисти, братъ, теперь мнѣ сапоги!»), и о внезапной блѣдности Наполеона при какихъ-то словахъ Гильома; и только чрезъ нѣсколько недѣль явилось опроверженіе патетической сцены, и тогда всѣ тѣже журналы стали смѣяться надъ своимъ собратомъ и указывать на несообразности его разсказа: какимъ-де образомъ Россель могъ видѣть внезапную блѣдность лица, когда самъ сознавался, что монархи оставались на-единѣ и даже наслѣдный принцъ ждалъ ихъ за дверью....

Еслибъ я могъ прежде предвидѣть, что изобрѣтательность пуститъ въ ходъ воздухоплавательную почту, я могъ бы пребывать въ Парижѣ и посылать вамъ оттуда свои корреспонденціи, рискуя, что онѣ или вовсе не дойдутъ до васъ, или дойдутъ чрезъ три мѣсяца, по причинѣ весьма скуднаго количества тонкой бумаги, принимаемой каждымъ шаромъ.... И еслибъ даже и во́ время дошли, то я ничего не могъ бы сказать особенно новаго о военныхъ дѣлахъ: мой собратъ, корреспондентъ «Daily News», жалуется весьма горько на Трошю, за то, что Трошю не пустилъ его на форты, и даже ему сказали, что нельзя ходить на форты, ибо «мобили» такъ подозрительны, что даже заарестовали разъ самого Трошю. Все это вздоръ и, конечно, никто не арестовалъ Трошю, а между тѣмъ мнѣ грубо отказали въ моемъ правѣ изслѣдователя»!...

Затѣмъ, въ какомъ городѣ Франціи устроить свою резиденцію? Событія идутъ такимъ шальнымъ образомъ, что сегодня нельзя предвидѣть, гдѣ очутятся пруссаки завтра и какъ сочтутъ они нужнымъ расправляться съ «представителемъ интеллигенціи?» Если оставаться въ Ліонѣ, и если интересоваться наиболѣе важнымъ по своему теперешнему значенію элементомъ,—населенію Круа-Русса и Гильотеры— то съ вами въ одно утро поступятъ, какъ съ «краснымъ» и хорошо, если только выгонятъ вонъ, а не засадятъ, какъ «прусскаго агента»! Если отправиться еще далѣе, въ Марсель, и вести себя прилично и мирно, но высказывать сочувствіе къ турскому правительству, то васъ опять-таки могутъ арестовать, судя по примѣру гораздо болѣе важной особы, судя по аресту самого Марка Дюфреса, посланнаго въ Марсель изъ Тура!...

Журналы Ліона, Марселя и вообще южной Франціи наполняются корреспонденціями изъ Швейцаріи; изъ нея, повидимому, лучше и всего удобнѣе судить о томъ, что́ творится *во всей* Франціи и *вокругъ* всей Франціи; депеши, корреспонденціи и журналы приходятъ въ Женеву и Невшатель быстрѣе изъ центральной, сѣверной и южной Франціи, чѣмъ изъ одного мѣста сѣверной Франціи въ другое мѣсто южной.... Всѣ отели, всѣ «гарни» полны въ Женевѣ: на улицахъ француженки, разряженныя точно на парижскихъ бульварахъ, парижскіе экипажи съ кавалерами «почетнаго легіона», и офицеры съ палкою вмѣсто шпаги, это страсбургскіе плѣнные на слово....

Таже картина въ Бельгіи, въ Брюсселѣ.... «Indépendance» указывала на бонапартистскихъ заговорщиковъ: часть столповъ бонапартовскаго режима наводнила Бельгію и замышляетъ наполеоновскую реставрацію. Разнесся-было слухъ о заготовленіи цѣлой вооруженной экспедиціи изъ Монса. Брюссельская газета съ большимъ ядомъ выставляетъ на видъ эти происки бонапартистовъ, и напоминаетъ этимъ господамъ про ихъ 20-ти-лѣтнее покушеніе на вмѣшательство въ бельгійскія дѣла изъ-за бѣглецовъ и изгнанниковъ, вмѣшательство, которое заставляло бельгійское правительство поступать весьма безцеремонно съ французами, непріятными бонапартизму, въ силу закона о правѣ изгнанія съ бельгійской почвы въ 24 часа иностранцевъ, вредящихъ безопасности страны. «Indépendance» спрашиваетъ, что́ было бы, еслибъ нынѣшнее французское правительство потребовало изгнанія бонапартистовъ, кующихъ новыя смуты противъ Франціи?

Подобный же вопросъ представляется и въ радикальной прессѣ швейцарской. Всего годъ тому назадъ бонапартовское правительство заключило трактатъ съ Швейцаріей, по которому всякаго эмигранта можно подвести подъ статью о выдачѣ за гражданское или уголовное преступленіе. Въ эту минуту примѣненіе трактата къ французскимъ бѣглецамъ было бы весьма невыгодно для друзей Бонапарта. Эти друзья нисколько не стѣсняются заниматься въ Женевѣ и окрестностяхъ своими реставраціонными планами; вилла Пранженъ, резиденція принца Наполеона «Плонъ-Плонъ», составляетъ главную квартиру заговорщиковъ; два Cafés служатъ мѣстами ихъ rendez-vous; злополучный генералъ Ліона, Мазюръ, весьма серьезно подозрѣвался ліонскими комитетами въ сношеніяхъ съ бонапартистами Женевы, и они считали даже нужнымъ отправить въ Женеву своихъ коммиссаровъ, для изслѣдованія козней бонапартистовъ на мѣстѣ преступленія.

Рядомъ съ подобными бѣглецами, въ Женеву является куча корреспондентовъ и «репортеровъ» всѣхъ странъ, и наконецъ есть еще другого рода изгнанники, les proscrits de la République: такъ сюда явился генералъ *Клюзере* и президентъ федераціи коммюнъ *Сенъ*, — послѣдній дѣйствительный герой ліонскихъ смутъ 28-го сентября; первый невольно замѣшанный въ смуту своими партизанами и врагами. Но объ нихъ рѣчь впереди....

Дѣлать однако нечего! превращусь въ странствующаго туриста и буду ждать у моря *погоды!* Когда эта *погода* наступитъ опять для Франціи, обуреваемой, истощаемой гигантскими грозами и бурями—въ этомъ весь вопросъ, и я предоставлю всякому разрѣшать его по своему, прося позволенія ограничиться простымъ изображеніемъ того, что́ творится теперь въ несчастной странѣ, задыхающейся въ хаосѣ надеждъ и отчаянія, стремленій и пораженій!

Извѣстіе о Седанѣ привело къ провозглашенію республики 4-го сентября. Въ одинъ и тотъ же день она была провозглашена прежде всего въ Ліонѣ, потомъ въ Марселѣ, Тулузѣ, Парижѣ. Въ Ліонѣ республика шла изъ Фебурга Круа-Руссъ съ краснымъ знаменемъ; въ Парижѣ—республика была провозглашена преимущественно національной гвардіей, которая пустила народъ ворваться въ залу законодательнаго корпуса и провозгласить республику вопреки мнѣнію Ж. Фавра.

Фактъ, замѣченный всѣми и отличавшій нынѣшнее провозглашеніе перемѣны режима отъ всѣхъ прежнихъ, заключался въ томъ, что цѣлая Франція не ждала на этотъ разъ приказа изъ Парижа, а сама, повидимому, хотѣла встать на ноги. И тѣмъ не менѣе парижская депутація была провозглашена «правительствомъ *національной* защиты», съ генераломъ Трошю во главѣ. Радикальное предмѣстье Белльвиля,—замѣнившее, по своему значенію въ революціонной исторіи Парижа, предмѣстье С. Антуана, мирилось съ новымъ правительствомъ, потому что въ его составъ былъ введенъ любимецъ предмѣстья, Рошфоръ, за которымъ цѣлыя толпы отправились сначала въ С. Пелажи, оттуда въ Венсенъ...

Началась лихорадочная жизнь «собраній», клубовъ; кіоски снова наполнились запрещенными и новыми журналами; «бульварный міръ смутился - было при взглядѣ на республиканствующую суматоху, но скоро успокоился и возложилъ надежды на новое правительство.

«Къ оружію!» раздалось во всѣхъ клубахъ. Но оружія нѣтъ: «намъ не хотятъ давать его, не можетъ быть, чтобъ не было!» и манифестаціи двинулись къ городской думѣ; новый мэръ Этьеннь Араго принималъ ихъ и обѣщалъ, что все будетъ доставлено въ свое время. Партизаны всѣхъ старыхъ, падшихъ, режимовъ исчезли на время въ республиканской тогѣ: пораженіе при Седанѣ слишкомъ возмутило французовъ, чтобъ кто-нибудь осмѣлился прямо являться партизаномъ имперіи, всѣ стали республиканцами, и видимая борьба поневолѣ сосредоточилась на двухъ группахъ: на умѣренныхъ и красныхъ республиканцахъ,—умѣренными явились всѣ;—красными, сравнительно, немногіе. Умѣренные говорили, что надо согласіе и единодушіе, что все дѣло теперь состоитъ только въ изгнаніи врага; красные отвѣчали, что для того, чтобы изгнать врага, надо дать власть самому народу, что не будетъ единодушія, когда нѣтъ народу удовлетворенія. Рабочія группы и правительство помирились на учрежденіи комитетовъ *бдительности*, ставшихъ рядомъ съ муниципальной властью въ каждомъ изъ 20-ти парижскихъ округовъ. Но ропотъ не умолкалъ: «мы хотимъ правильнаго управленія, а не этихъ *непризванныхъ* распорядителей; но пусть *правительство* національной защиты само распоряжается безъ вмѣшательства Белльвиля», — говорили умѣренные. «Реакція не дремлетъ, — объявляли красные въ журналахъ и клубахъ, — она по-

прежнему хочетъ держать народъ на привязи, она боится народа; она не даетъ намъ ружей, какъ и Бонапартъ не давалъ, потому что боялся насъ: она кричитъ о единодушіи и требуетъ нашего подчиненія; она вовсе не хочетъ защищать страны отъ пруссаковъ; она только помогаетъ пруссакамъ побѣдить насъ и разорить страну для того, чтобъ возстановить снова какую-нибудь монархію и свалить всю отвѣтственность на республику»... «Мы всѣ преданы республикѣ, — снова заявлялъ умѣренный лагерь, — но теперь дѣло не въ ней, а въ спасеніи отечества; оставьте свои претензіи, потому что иначе вы предатели, вы пруссаки, которыхъ слѣдуетъ разстрѣлять»! (Дѣло въ Лавиллетѣ показывало, что дѣйствительно могутъ разстрѣлять за то, что народъ хочетъ обладать оружіемъ!). — «Мы накануне осады,—доказывали ораторы на собраніяхъ. Чего же мы ждемъ? Надо отправить коммиссаровъ въ провинцію, чтобъ они тамъ организовали помощь намъ!

Снова манифестаціи въ городской думѣ и снова успокоительныя обѣщанія властей. Стали возвращаться изгнанники; вернулся Клюзере и объявилъ, что можетъ доставить 100 тысячъ ружей немедленно, но что правительство отмалчивается и не находитъ денегъ для закупки! Явился старикъ Бланки изъ Брюсселя и высказалъ прямо свое недовѣріе къ военнымъ приготовленіямъ; «плохой патріотъ, обличаетъ насъ предъ пруссаками!» раздалось въ бульварныхъ газетахъ. А предмѣстья ждали *своей* газеты—«Марсельезы». Она появилась и ее *сожгли!* Что это значитъ?—значитъ то, что, съ одной стороны, была устроена коммерческая конспирація: продавцы «Gaulois» и «Figaro» приняли дѣятельное участіе въ сожженіи, боясь подрыва *своимъ* журналамъ; съ другой стороны, многихъ она запугала и встревожила не на шутку: въ ней прямо говорилось о несостоятельности временного правительства, въ ней прямо обвинялись Гамбетта и его товарищи въ реакціонныхъ тенденціяхъ! Рошфоръ поспѣшилъ отклонить всякую солидарность; Мильеръ сдѣлалъ тоже; бывшіе сотрудники «Марсельезы», видя неудачу, рѣшились прекратить изданіе: «мы не могли говорить свободно при Бонапартѣ и мы замолчали; мы и теперь не свободны и потому предпочитаемъ молчать»,—такъ объясняли они въ кружкахъ друзей и знакомыхъ свое рѣшеніе. Мѣсто «Марсельезы» заняли Делеклюзъ съ «Réveil'емъ»; Феликсъ Піа съ «Combat»; Бланки съ «La Patrie en danger»; наибольшее вліяніе изъ нихъ могъ имѣть «Réveil», и онъ повелъ атаку противъ новаго правительства, за его уступчивость, за его «компромиссы» съ буржуазіей, за его недовѣріе къ предмѣстьямъ, къ народу: «Les faubourgs grondent! писалъ Делеклюзъ; народъ хочетъ защищать Парижъ, но онъ долженъ знать, на кого покинетъ онъ своихъ вдовъ и дѣтей; нищета увеличивается въ фобургахъ; работы нѣтъ, чего же вы смотрите, предпринимайте энергическія мѣры». Вмѣстѣ съ этимъ, Делеклюзъ, какъ и Бланки и Піа, повели пропаганду «сопротивленія до послѣд-

ней крайности», «войны до послѣдней степени»; въ видѣ девиза «Réveil» печаталъ въ заголовкѣ слова изъ перваго циркуляра Ж. Фавра: «мы не уступимъ ни одной крѣпости, ни одного камня изъ нихъ». Замѣтить здѣсь это направленіе очень важно, потому что оно можетъ дать намъ основаніе вѣрить извѣстіямъ, что крайняя партія въ Парижѣ и теперь стоитъ за борьбу до конца и ничего не хочетъ слышать объ уступкахъ, что́ весьма грустно!

Правительство же національной защиты думало, повидимому, иначе и хотѣло дѣйствовать дипломатіей: оно, повидимому, мечтало даже о возможности вооруженной союзной помощи; оно гадало, что Австрія или Россія, опасаясь слишкомъ растущаго могущества Пруссіи, захотятъ воспользоваться возможностью союза съ Франціей, готовой сдѣлать имъ всякія уступки во внѣшней политикѣ, начиная съ восточнаго вопроса; оно гадало также, что Италія не откажетъ въ помощи хотя бы въ сто тысячь войска, и въ тоже время оно надѣялось на вліяніе Америки и Англіи, на ихъ внушительный совѣтъ Пруссіи объ умѣренности. Когда разнеслось извѣстіе о скептическомъ отношеніи Бисмарка къ новому *неправильному* правительству, которое, по мнѣнію Бисмарка, врядъ ли могло представить достаточныя гарантіи для выполненія условій мира; когда въ газетахъ стали толковать о безобразныхъ покушеніяхъ на возстановленіе Наполеона III, силою иностранныхъ штыковъ, — временное правительство декретировало созваніе учредительнаго собранія, конституанты, назначивъ выборы на 16-е октября. Крайняя партія готова была принять конституанту, но она требовала, чтобъ правительство взяло на себя *республиканскую* пропаганду: «реакція—говорила она,—господствуетъ повсюду, особенно въ селахъ, повсюду до сихъ поръ остаются тѣ же власти, которыя осквернявли suffrage universel своими террористическими мошенничествами при Бонапартѣ; мы видѣли плоды бонапартистской пропаганды, когда, ранѣе Седана, въ селахъ готовы были истребить и сжечь человѣка за то, что онъ смѣлъ говорить противъ императора; реакція и теперь дѣйствуетъ, увѣряя народъ, что республиканцы губятъ Францію, что они мѣшаютъ императору вернуться и уничтожить пруссаковъ; надо дѣйствовать, надо немедленно вывѣсить на всѣхъ стѣнахъ всѣхъ селъ и городовъ картину бѣдствій, грабежа и убійствъ, которыя творилъ бонапартовскій режимъ, иначе мы опять пропадемъ!...

Недовольство приняло окончательно враждебный характеръ, когда правительство хотѣло ускорить выборы, перенося ихъ съ 16-го на 2-е октября!

«Это дѣлается изъ угоды Бисмарку! Бисмаркъ намъ приказываетъ избрать конституанту! Это предательство, вы не съумѣли или не хотѣли дѣйствовать революціоннымъ способомъ, ну такъ мы же воспротивимся выборамъ и не допустимъ ихъ!»...

Но выборовъ и безъ того не допустили сами пруссаки! Вамъ извѣстна поѣздка Ж. Фавра въ прусскій лагерь и его объясненіе съ Бисмаркомъ. Мы не знаемъ положительно, чтó именно предлагалъ Ж. Фавръ Бисмарку — предлагалъ ли онъ ему, какъ говорили, нѣсколько милліардовъ, уступку половины флота, и значительное уменьшеніе арміи, или ничего не предлагалъ, а только слушалъ предложенія Бисмарка? Во всякомъ случаѣ вышло нѣчто странное: Ж. Фавръ объявляетъ, что Бисмаркъ требуетъ форта Mont Valérien (а владѣть Mont Valérien, значитъ, владѣть всѣмъ Парижемъ по его стратегическому положенію) и пр. и пр. Бисмаркъ отрицаетъ заявленіе такого требованія. Очевидно, Ж. Фавръ надѣялся на *успѣхъ* своего слова, Бисмаркъ—на *неуспѣхъ* своихъ предложеній; Ж. Фавръ не вынесъ холодно сформулированныхъ и жестоко-непоколебимыхъ требованій Бисмарка, слезы прервали его голосъ; Бисмаркъ удержался отъ улыбки торжества и на этой безплодной встрѣчѣ свиданье порвалось.

Безплодно было бы и съ моей стороны входить въ разбирательство разумности или безумія тѣхъ или иныхъ требованій. Я могъ бы исписать цѣлыя страницы и изложить на нихъ, почему ни та, ни другая сторона не правы, но это ни къ чему не поведетъ, тѣмъ болѣе, что еще далеко не извѣстно, къ какимъ новымъ условіямъ приведетъ конецъ борьбы и чтó уступитъ Франція, отъ чего отступится Пруссія? Я укажу только на то впечатлѣніе, которое произвелъ отчетъ Фавра о его поѣздкѣ: онъ возбудилъ ропотъ и негодованіе на Пруссію по всей Франціи, читающей, мыслящей, слушающей и понимающей Франціи,—по всѣмъ тѣмъ слоямъ, которые дѣйствительно остаются французами, т.-е., для которыхъ сознательно или безсознательно дорогà принадлежность къ Франціи, которые считаютъ себя ея сынами, а не слугами того или другого династическаго или частнаго интереса. Такое впечатлѣніе доказываетъ вамъ то, что въ сущности,—и это мое крайнее убѣжденіе, вынесенное изъ всѣхъ самыхъ близкихъ наблюденій, — Франція вовсе не хочетъ войны и положительно жаждетъ мира! Привыкшая къ условному *«декоруму»*, она не допускаетъ на своемъ языкѣ, — на своемъ международномъ жаргонѣ слова униженія и т. п., и потому она боится сознаться, что хотѣла бы мира, но тѣмъ не менѣе она надѣялась услышать отъ Бисмарка предложенія, *возможныя* для ея *чести. Какія* это предложенія? на это не отвѣтитъ мнѣ ни одинъ французъ, и каждый изъ нихъ скажетъ только одно: мы не хотѣли и не начинали войны, ее хотѣлъ Бонапартъ, мы теперь борцы за свободу, а пруссаки — за реакцію; если Пруссія не варварская страна, то она должна оставить насъ въ покоѣ и не позорить болѣе нашу землю своимъ присутствіемъ.

Странная непослѣдовательность, непонятная и простительная въ горячечномъ состояніи, въ агоніи. Взрывъ негодованія и худо-скрытая

печаль при извѣстіи о требованіяхъ Бисмарка указывали, что французы до послѣдней минуты надѣялись на возможность мира и, понося *варварство* нѣмцевъ, разсчитывали собственно на ихъ *великодушіе*, на ихъ отступленіе безъ территоріальной поживы. И если хоть разъ во все это время вырвался изъ груди французовъ искренній крикъ патріотизма, искренній призывъ къ рѣшительной и отчаянной борьбѣ—то это было вслѣдъ за объясненіемъ Ж. Фавра. Васъ можетъ быть удивятъ мои слова: «если хоть разъ во все это время»,—но они справедливы, и я васъ увѣряю, что иностранные журналисты гораздо болѣе горячатся, чѣмъ сами французы: напрасно пустили въ ходъ сравненіе съ великой эпохой 1792 года; нынѣшнее моральное состояніе Франціи, взятой не въ отдѣльныхъ личностяхъ, и не въ извѣстныхъ группахъ, а въ цѣлой массѣ своей, столько же похоже на состояніе въ первую революцію, сколько намалеванная декорація на истинную природу! Кажется, даже сами французы начинаютъ мало-по-малу чувствовать неловкость подобнаго вызыванія героическихъ тѣней; замѣтили ли вы, что звуки Марсельезы не потрясаютъ болѣе Франціи, со всѣхъ сторонъ идутъ «мобили», движутся останки регулярныхъ войскъ, но они идутъ съ едва сдержаннымъ недовѣріемъ, безъ всякаго энтузіазма, и вмѣсто звуковъ Марсельезы у нихъ вырываются слова брани и проклятія «предателямъ!» Даже послѣднее плохое подраженіе Гамбетты Базиру: «если мы не можемъ заключить договора съ побѣдою, заключимъ его со смертью» [1]) — вызвало только нѣсколько риторическихъ адресовъ прославленному гражданину Гамбеттѣ—illustre citoyen Gambetta, между тѣмъ какъ призывы первыхъ революціонеровъ дѣйствительно вызывали словно изъ земли цѣлые легіоны отважныхъ бойцовъ, стекавшихся къ границѣ, «à la frontière», изо всей Франціи.

— «Но отчего же мы не похожи на нашихъ отцовъ! отчего мы не можемъ выгнать «варваровъ», какъ ихъ выгнали великіе патріоты 92-го г.? Развѣ мы меньше любимъ нашу Францію? развѣ наша родина снова не представляетъ дѣла свѣта и свободы въ отчаянной схваткѣ съ дѣломъ обскурантизма и тиранніи?»—раздаются вопросы на народныхъ собраніяхъ.—И вотъ они начинаютъ сравнивать положеніе, они не понимаютъ, почему вся Европа—l'Europe populaire, l'Europe des peuples—не идетъ на помощь къ нимъ отъ Дублина до Неаполя,

---

[1]) Когда жирондисты въ конвентѣ предложили, въ своемъ увлеченіи, провозглашеніе, что Франція не заключаетъ мира съ монархами и призываетъ къ свободѣ всѣ народы, то Мерсье — скептикъ и циникъ Мерсье, авторъ Tableaux de Paris и Le nouveau Paris — картины жизни Парижа во время революціи, извѣстный своимъ признаніемъ: «я готовъ бы умереть, но мнѣ хочется жить единственно для того, чтобъ посмотрѣть, что́ еще будетъ дальше»,—Мерсье воскликнулъ: «да развѣ вы заключили договоръ съ побѣдою»?—Мы заключили договоръ съ смертью — отвѣтилъ ему Базиръ при громѣ рукоплесканій.

отъ Барцелонны до Волги! И ища причинъ своей немощи, они отвѣчаютъ себѣ съ одного конца Франціи до другого: — «мы проданы, мы преданы!»

Вы можете оцѣнить эти слова, особенно среди такого народа, какъ французы, въ которыхъ нервная система доведена до той степени раздраженности и чувствительности, когда легко вызывать въ нихъ столько же безграничный паническій страхъ и упадокъ духа, сколько и безпредѣльную смѣлость и отчаянную рѣшимость! *Недовѣріе*, какъ злая болѣзнь — овладѣло ими, и какъ червь подтачиваетъ всѣ ихъ порывы, всѣ ихъ стремленія. Конечно, ни у кого не хватитъ духу попрекать ихъ за ихъ недовѣріе: ils sont bien payés pour cela! — они слишкомъ сильно поплатились за свое летаргическое подчиненіе волѣ бонапартистовъ, и съ той минуты, какъ разбитъ въ дребезги тронъ Бонапарта, они мало видятъ перемѣны: пруссаки все болѣе расширяютъ свое солдатское господство въ ихъ странѣ, и голодъ все болѣе грозитъ осажденнымъ городамъ и коситъ жертвы въ завоеванныхъ мѣстностяхъ.

И вотъ, ища въ своей исторіи мѣръ и средствъ для успѣшной борьбы съ врагомъ, они останавливаются повсюду на *Соттипе*.

«Намъ нужна *Коммюна*, *Коммюна* спасетъ насъ!»

Чтó такое *Коммюна?* — Подъ этимъ разумѣютъ народный элементъ во главѣ управленія дѣлами, строгое примѣненіе выборнаго начала къ мѣстному управленію. Въ Парижѣ 20 округовъ, съ 20-ю мерии (mairie—муниципалитетъ); главный меръ Парижа, Эт. Араго, *назначилъ* мерами разныхъ журналистовъ и адвокатовъ; между прочимъ, «нравственное давленіе» (pression morale) популярныхъ кварталовъ ввело въ муниципальные совѣты нѣсколькихъ людей, пользующихся полнымъ довѣріемъ ихъ населенія, какъ Бенуа Малона, Варлена, Комбо; но это представляется радикальной партіи слишкомъ недостаточнымъ потому что «голосъ нѣсколькихъ преданныхъ людей заглушается рутиною лицемѣровъ и предателей». Намъ надо *Коммюну!* это значитъ представительное управленіе Парижемъ, составленное изъ лицъ, извѣстныхъ населенію своимъ республиканизмомъ и всегда готовыхъ слушать голосъ народныхъ собраній.

Но одно слово «*Коммюна*» заставляетъ дрожать мирныхъ гражданъ. На бѣду самимъ же радикаламъ,—Бланки и К° ораторствуютъ о воскрешеніи Коммюны 92 и 93 годовъ; фигуры Мюрата и Гебера встаютъ предъ испуганнымъ воображеніемъ мирныхъ гражданъ, и Коммюна является имъ въ своемъ всеоружіи террора, съ своей гильотиной, тюрьмами, обысками, конфискаціями! Этого довольно, чтобъ взбунтовать мирныхъ гражданъ и въ свою очередь повести ихъ къ «нравственному давленію» на временное правительство, съ тѣмъ, чтобъ оно не

допускало подобныхъ введеній, чтобъ оно не дозволяло муниципальныхъ выборовъ.

Но правительство не можетъ прямо отказать народу въ избраніи муниципальнаго совѣта, потому что это значило бы идти по слѣдамъ бонапартистскаго режима, лишавшаго Парижъ и Ліонъ выборныхъ муниципалитетовъ, а правительство, какъ на зло, состоитъ изъ депутатовъ оппозиціи, однимъ изъ коньковъ которой было требованіе возвращенія муниципалитета! Начались переговоры и обѣщанія.

18-го сентября правительство объявило выборъ 80-ти муниципальныхъ совѣтниковъ на 28-ое сентября. Но 24-го, правительство вдругъ отмѣнило выборы, а 29-го снова появилось въ «Journal Officiel» извѣщеніе о томъ, что правительство намѣрено въ наивозможно-скорѣйшемъ срокѣ приступить къ муниципальнымъ выборамъ. И наконецъ, 8-го октября новое извѣщеніе, что выборовъ не будетъ вовсе впредь до приказанія: «Положеніе совершенно измѣнилось,—объявлялъ органъ правительства—со времени обложенія Парижа врагами; выборы въ данный моментъ, подъ огнемъ непріятеля были бы опасны для *республики.* Все рѣшительно должно уступить теперь предъ военною обязанностью каждаго гражданина, и предъ настоятельнымъ долгомъ каждаго заботиться о согласіи.» Рядомъ съ этимъ, въ тысячный разъ повторяемымъ стереотипнымъ призывомъ къ согласію, правительство объявляло, что «предъ требованіемъ и угрозами, заявленными вооруженнымъ отрядомъ національной гвардіи, долгъ правительства поддержать уваженіе къ его достоинству и къ власти, которую ему вручилъ народъ».

Радикальная партія забушевала: насъ опять обманули, правительство объявляетъ, послѣ всѣхъ своихъ лживыхъ обѣщаній, что выборы отложены вслѣдствіе обложенія города; но пруссаки обложили окончательно Парижъ уже 19-го сентября, въ тотъ самый день, когда былъ объявленъ первый декретъ! насъ обманули, насъ водятъ за носъ!

Вотъ откуда вышли всѣ демонстраціи, манифестаціи и контр-манифестаціи. Уже 5-го октября Флурансъ отправился съ своими вооруженными батальонами Белльвиля къ городской думѣ и, оставивъ батальоны внизу, самъ взошелъ въ думу, для объясненія съ властями. Видя, что онѣ положительно не хотятъ уступить требованіямъ радикальной партіи, онъ отвелъ обратно свои баталіоны и послалъ правительству свою отставку отъ маіорскаго званія и должности. Но когда его солдаты и офицеры вознегодовали и просили его остаться, онъ послалъ сказать Тамизье (главному начальнику національной гвардіи), что онъ беретъ назадъ свою отставку. Въ субботу, 8-го октября, манифестація приняла болѣе широкіе размѣры, «тревога» «la générale» замѣнявшая набатъ, — le tocsin — первой революціи, забила по всѣмъ кварталамъ: батальоны Белльвиля выстроились вооруженные противъ

городской думы. Вслѣдъ затѣмъ противъ нихъ выстроились другіе батальоны національной гвардіи; явился Кератри и занялъ военною силою дворъ Hotel-de-Ville'я, явился на лошади Трошю и Тамизье, явился Ж. Фавръ. Національная гвардія мирныхъ гражданъ привѣтствовала «правительство защиты», Ж. Фавръ привѣтствовалъ защитниковъ «правительства защиты».... «Вы дождетесь до того, что пруссаки нападутъ на насъ такъ, что мы и не замѣтимъ изъ-за нашихъ гражданскихъ смутъ» — попрекали умѣренные красныхъ; «мы не хотимъ дожидаться того, чтобъ насъ сюрпризомъ отдали пруссакамъ...» отвѣчали красные. Но не пруссаки, а природа готовила сюрпризъ, котораго не ждали: пошелъ дождь какъ изъ ведра, и національная гвардія, мирная и воинственная—обратилась съ позоромъ въ бѣгство. Пожаръ демонстраціи былъ залитъ дождемъ! «Правительство осталось побѣдителемъ на полѣ битвы» т.-е. въ городской думѣ — говоритъ «Rappel». Но «Journal Officiel» признаетъ вліяніе умиротворенія демонстраціи не за дождемъ, а за рѣчью Ж. Фавра.

Разсказъ въ «Journal officiel» вообще интересенъ. Онъ говоритъ, что всего явилась небольшая группа въ 400 человѣкъ съ крикомъ: «Vive la Commune!» для осады этой группы и *для защиты правительства защиты* явились въ свою очередь 84 батальона національной гвардіи; собрались кучи любопытныхъ, *но* равнодушныхъ; болѣе того, «вокругъ площади, въ сосѣднихъ улицахъ протестовали весьма энергично противъ вожаковъ, которые *компрометтируютъ успѣхъ* національной защиты мятежными возбужденіями». Казалось бы, все дѣло обстояло благополучно и *мятежники* должны бы разойтись, а во всякомъ случаѣ очевидно, что правительству не угрожало никакой опасности. Но «Journal Officiel» спѣшитъ тутъ же засвидѣтельствовать какъ о храбромъ подвигѣ президента правительства, что «генералъ Трошю прискакалъ на конѣ и *одинъ*, оставивъ позади свой штабъ, онъ объѣхалъ толпу (il parcourut la foule) и былъ привѣтствованъ кликами самыми радушными». Немного позже тѣ же клики привѣтствовали генерала Тамизье. Но уже по Парижу разнесся шумъ и говоръ, что сдѣлано покушеніе на свободу—моральную—правительства, и батальоны спѣшили за батальонами на выручку власти. «*Враждебныя группы*», понимая свое безсиліе, *удалились*, и когда національная гвардія заняла всю площадь предъ городской думой, члены правительства, присутствовавшіе въ «Hôtel de Ville—спустились, чтобъ произвести смотръ національной гвардіи. *Нельзя описать* энтузіазма національной гвардіи и *населенія* (la population). Клики: Да здравствуетъ Республика! да здравствуетъ *Конституція* (?) вылетали изъ 50-ти-тысячной груди! Послѣ смотра *офицеры* стали въ кругъ, и Ж. Фавръ произнесъ рѣчь: «Господа! (Messieurs! онъ могъ бы въ этомъ случаѣ болѣе прилично употребить «граждане» citizen-citoyens!» замѣчаетъ одинъ англійскій

корреспондентъ, любящій формальности!) этотъ день хорошъ для защиты, ибо онъ еще разъ подтверждаетъ блестящимъ образомъ нашу твердую рѣшимость оставаться *единодушными* для спасенія отечества... Парижъ спасетъ Францію вашимъ самоотверженіемъ, вашею смѣлостью, вашими гражданскими добродѣтелями, и если нѣсколько смѣлыхъ головъ попытаются бросить въ его среду сѣмена раздора, вашъ здравый смыслъ задушитъ ихъ безъ труда. Мы всѣ были бы счастливы дать муниципальнымъ властямъ правильную основу свободнаго выбора. Но мы всѣ также поняли, что, когда пруссаки угрожаютъ городу, граждане не могутъ быть въ иномъ мѣстѣ, какъ на валахъ и даже внѣ валовъ, куда они горятъ нетерпѣніемъ идти на встрѣчу врагу. Когда они побѣдятъ врага, они вернутся къ избирательнымъ урнамъ, и въ этотъ самый моментъ, когда я говорю вамъ, слышите вы этотъ высшій призывъ (l'appel suprême), который прерываетъ меня: это призывъ пушки, которая гремитъ и которая указываетъ намъ всѣмъ, *гдѣ* нашъ долгъ. Господа! еще одно слово! дайте мнѣ прибавить братскій совѣтъ: пусть этотъ день не породитъ между нами никакого гнѣва и даже никакого раздраженія. Въ этомъ великомъ и великодушномъ населеніи у насъ нѣтъ враговъ. Мы даже не можемъ ихъ назвать противниками: они были увлечены, вернемъ ихъ къ намъ нашимъ патріотизмомъ. *Урокъ* не будетъ потерянъ для нихъ, они увидятъ на вашемъ примѣрѣ, сколь прекрасно быть соединенными для служенія отечеству и отнынѣ они полетятъ на защиту вмѣстѣ съ нами».

«Во время этой рѣчи привѣтствія національной гвардіи мѣшались съ отдаленнымъ громомъ канонады.» Часомъ позже, несмотря на потоки дождя и на наступленіе ночи, новые батальоны наполнили площадь предъ городской думой, и члены правительства снова должны были произвести смотръ среди тѣхъ же *демонстрацій симпатіи и энтузіазма.*

«Такъ кончился этотъ великій день, который обратился противъ мятежниковъ и привелъ ихъ въ смущеніе и который доказалъ, что народъ Парижа рѣшился примѣрно расправиться (à faire bonne justice) со всякой попыткой возмущенія».

Разсказъ въ «Journal Officiel» не могъ не вызвать толковъ въ провинціяхъ: что это? какую *Конституцію* привѣтствовала національная гвардія? развѣ существуетъ теперь какая-нибудь конституція? не вздумали же они кричать, да здравствуетъ Конституція 52-го года! И далѣе, — изъ-за чего столько шуму, — изъ за чего воззваніе къ единству, изъ-за чего мольбы Ж. Фавра, чтобъ національная гвардія не вздумала преслѣдовать «мятежниковъ», которые пришли къ городской думѣ, заявили свое желаніе и ушли, несмотря на то, что были вооружены и, еслибъ были дѣйствительно мятежники, то могли бы за-

тѣять свалку? И если дѣло всѣхъ гражданъ на валахъ, а поэтому нельзя нѣсколькихъ часовъ употребить на выборы, то къ чему эти смотры и рѣчи, къ чему даже нѣсколько часовъ спустя послѣ смѣны національно-гвардейской бури бурею природы снова стали цѣлые батальоны собираться къ городской думѣ? Значитъ, они не заняты на валахъ? Значитъ, они свободны? Зачѣмъ, съ одной стороны, — благородный, честный призывъ Ж. Фавра къ *братству* и миролюбію, а съ другой — угроза «Journal Officiel'я»: «народъ-де парижскій учинитъ добрую расправу съ мятежниками», угроза, напоминающая стереотипное *клише* бонапартовскаго «Journal Officiel'я»?

Но суровѣе и серьезнѣе, по своему значенію, всѣхъ подобныхъ упрековъ національному правительству со стороны республиканцевъ, явился упрекъ за обѣщаніе выборовъ, «когда мы побѣдимъ врага». «А если вы не побѣдите врага, что́ тогда будетъ? тогда вы отдадите снова французскій народъ въ жертву династическихъ реставрацій, на съѣденіе волкамъ! Въ этомъ-то и состоитъ для насъ весь существенный вопросъ, способны ли вы организовать защиту или нѣтъ? Мы думаемъ, что *нѣтъ*, и хотимъ, чтобъ народъ самъ организовалъ защиту; вы согласны, что теперь самое насущное дѣло — это защита противъ врага, зачѣмъ же вы отказываете намъ въ полноправномъ участіи въ ней: республика означаетъ верховное право народа распоряжаться своими дѣлами—это право выражается въ *Коммюнѣ*, а не въ васъ— vive la Commune!»

Въ этихъ нѣсколькихъ словахъ вся суть требованій радикальной партіи, которая зоветъ себя просто республиканской партіей, обнаруживая этимъ самымъ названіемъ свое полное недовѣріе къ республиканизму всѣхъ остальныхъ партій и «группъ».

Но манифестація не остановилась на 8-мъ октября. На другой день, въ воскресенье, дождь опять разогналъ любопытныхъ, собравшихся къ городской думѣ поглазѣть, не будетъ ли опять «манифестаціи Коммюны». На третій день, понедѣльникъ 10-го октября, «правительство защиты» поблѣднѣло не на шутку: оно получило отъ бельльвильскаго мера депешу, что Флурансъ и его батальоны снова задвигались и, вѣроятно, пойдутъ на городскую думу во всеоружіи. «Тревога» забила по всѣмъ улицамъ; но оказалась *«фальшивая тревога»*: Флурансъ вовсе не шелъ болѣе на городскую думу, и бельльвильскіе батальоны вовсе не собирались идти на нее, они даже очень ласково встрѣтили одного изъ членовъ правительства, Ж. Ферри.

Манифестаціи такимъ образомъ кончились на время, можетъ быть на нѣсколько дней, но этимъ не хотѣла закончить умѣренная партія: правительство должно соблюсти свое достоинство и наказать крамольниковъ.

Что же это такое—завопилъ «Фигаро», имѣющій смѣлость *патріот-*

ствовать, несмотря на документы, найденные въ Тюльери, обличавшіе его въ сдѣлкѣ съ правительствомъ Бонапарта, — что это такое! майоръ Флурансъ распоряжается нами! *Пора*, чтобъ кончилась эта траурная комедія. Вотъ уже цѣлыя недѣли, какъ мы стиснуты между молотомъ и наковальней—между *майоромъ* Флурансомъ съ одной стороны и *полковникомъ* Бисмаркомъ съ другой, съ Парижемъ въ серединѣ».

«Майоръ Флурансъ, значитъ, внѣ всякихъ законовъ (дѣйствительно, при Бонапартѣ Флурансъ былъ внѣ закона), онъ, значитъ, съ Белльвилемъ выше правительства, выше общественнаго спасенія, и даже выше націи?» И затѣмъ слѣдуетъ угроза правительству, что вожаки бонапартистовъ, орлеанистовъ и легитимистовъ могутъ задумать такіе же вооруженные походы на Городскую Думу и тогда не хватитъ ни пушекъ, ни цѣпей для подавленія мятежныхъ замысловъ!

Слова «Фигаро» подѣйствовали на правительство больше, чѣмъ призывъ Ж. Фавра, и противъ майора Флуранса началось судебное слѣдствіе. Два письма по этому поводу весьма характеристично обрисовываютъ двѣ личности, которыя, если только прусскія ядра не скосятъ ихъ—конечно, призваны играть весьма важную роль въ дальнѣйшей судьбѣ Французской республики — при ея грядущемъ основаніи или паденіи.

Первое письмо принадлежитъ Рошфору, и читателю будетъ интересно знать мнѣніе человѣка, который болѣе чѣмъ кто-либо изъ класса такъ-называемаго образованнаго общества—насолилъ Бонапарту своими смѣлыми нападками и прямыми обличеніями. Второй разъ уже въ этомъ году онъ сталкивается съ болѣе отчаянною рѣшимостью своего друга Флуранса. Въ первый разъ—размолвка вышла на похоронахъ Виктора Нуара, когда Флурансъ настаивалъ на принятіи вызова, т.-е. на битвѣ съ выставленнымъ на Елисейскихъ поляхъ войскомъ, и когда Рошфоръ, подъ вліяніемъ Делеклюза и громадной отвѣтственности—счелъ нужнымъ остановить безполезное кровопролитіе, въ которомъ неминуемо погибъ бы безоружный цвѣтъ парижской демократіи отъ шаспо и митральезъ бонапартовской арміи, бывшей столько же храброй въ гражданской войнѣ, сколько безсильной въ войнѣ съ пруссаками! Друзья поссорились тогда, но при взаимной преданности, размолвка скоро сгладилась, и друзья торжественно, при громкихъ рукоплесканіяхъ тысячной толпы—обнялись за день до того, какъ Рошфоръ былъ арестованъ и какъ Флурансъ провозгласилъ по этому поводу республику въ собраніи залы Марсельезы и въ свою очередь заарестовалъ коммисара. Съ тѣхъ поръ, одинъ другъ—Рошфоръ томился до паденія имперіи въ тюрьмѣ, Флурансъ—въ изгнаніи въ Англіи. Провозглашеніе республики освободило обоихъ друзей: одинъ попалъ въ высшее правительство; другой въ майоры цѣлыхъ пяти

батальоновъ національной гвардіи. И Белльвиль дѣйствительно отдался всѣмъ сердцемъ своему молодому вожаку, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ Флурансомъ стоятъ коменданты другихъ батальоновъ національной гвардіи, его друзья: Люилье, Ульр. де Фонвьель, Жакларъ; вмѣстѣ, всѣ ихъ батальоны могли бы представить болѣе 10-ти тысячъ войска. Ихъ требованій правительство не уважило, и Флурансъ послалъ свою отставку, какъ выраженіе невозможности идти съ этимъ правительствомъ и довѣрять ему. Повидимому, республиканцы ждали того же и отъ Рошфора, и два друга снова столкнулись на разногласіи, потому что Рошфоръ счелъ долгомъ поступить иначе.

— «Мой дорогой Флурансъ, вы настаиваете, чтобъ я подалъ въ отставку отъ члена правительства. Вы знаете, что я *сопротивлялся до послѣдней степени* принятію моего назначенія, но теперь имѣю ли я право отказаться отъ него? вотъ въ чемъ вопросъ. *Я требовалъ* муниципальныхъ выборовъ и *еще многихъ другихъ вещей. Я сожалѣю, что все это не было сдѣлано* въ первые дни республики; теперь же вопросъ о Коммюнѣ сталъ полемъ битвы, и еслибъ я по этому случаю поднялъ вопросъ кабинета, то поручитесь ли вы, что въ этотъ часъ мы не услышали бы въ одно и то же время пушечныхъ выстрѣловъ на валахъ и ружейныхъ выстрѣловъ на улицахъ?

«Я спустился почти въ самые непроницаемые подвалы своей совѣсти (je suis descendu presque dans les sous-sols les plus impénétrables de ma conscience) и я поднялся изъ нихъ, сказавъ себѣ, что мой уходъ могъ бы вызвать столкновеніе и что вызвать столкновеніе теперь, это значило бы открыть брешу пруссакамъ. Вотъ почему я подписался подъ отсрочкою выборовъ. Имперія отсрочивала насъ 20 лѣтъ, будемте имѣть терпѣніе еще вытянуть связывающій насъ ремень до снятія осады.

«Вы замѣтите мнѣ, мой дорогой и прекрасный другъ, что я иду на капитуляцію съ моими убѣжденіями; если это такъ, то вы простите мнѣ, ибо я дѣлаю это для того, чтобъ не быть принужденнымъ идти на капитуляцію съ врагомъ. Въ данныхъ обстоятельствахъ моя отставка была бы, можетъ быть, началомъ катастрофы. Вы это очень хорошо знаете, вы, столь патріотически взявшій назадъ свою отставку. Я заставляю молчать мои политическіе инстинкты; пусть же наши храбрые друзья 1-го округа оставятъ дремать пока и свои. Когда наступитъ моментъ, т.-е. когда пруссакъ уйдетъ, мы съумѣемъ снова оказаться всѣ вмѣстѣ.

Тысячу братскихъ объятій—Генри Рошфоръ».

9-го октября.

Еслибъ я хотѣлъ выйти изъ своей роли безстрастнаго хроникера, то я, конечно, сказалъ бы, что врядъ ли можно отнестись безъ глу-

бокой симпатіи къ такому самоотверженному поведенію Рошфора, и я, конечно, только пожалѣлъ бы не менѣе глубоко о томъ, что врядъ ли можно ожидать хоть намека на подобное же самоотверженіе отъ людей партій, враждебныхъ Рошфору и его друзьямъ. — Въ этомъ-то и есть вся бѣда, вся трагическая сторона современнаго положенія Франціи. Но я воздержусь на сегодня отъ длинныхъ разсужденій о такомъ безотрадномъ отношеніи старыхъ партій къ судьбѣ Франціи, я воздержусь на сегодня отъ предсказанія что̀ можетъ выйти изъ такого отношенія, какихъ катастрофъ носитъ оно въ себѣ зародышъ, и можно ли предупредить тѣ катастрофы. Постараемся быть объективными зрителями, потому что, все равно, *упорныхъ* людей не убавимъ —

А на умныхъ тоску наведемъ!...

Закончу лучше поскорѣе мой современный разсказъ о борьбѣ политическихъ партій въ Парижѣ, и потомъ обратимся хоть на минуту къ провинціи.

Говорили, что вліяніе Рошфора подѣйствовало на членовъ правительства и они остановили судебное слѣдствіе; но въ «Rappel'ѣ» 19-го октября явилось слѣдующее письмо Флуранса, показывающее, что слухъ о прекращеніи преслѣдованія не оправдался:

«Получивъ требованіе — явиться предъ г. Фильбертомъ, докладчикомъ военныхъ совѣтовъ, въ Palais de Justice, я считалъ моимъ долгомъ не отвѣчать на подобное приглашеніе. Но мои друзья такъ настаивали на противномъ,—желая во что̀ бы то ни стало знать, какое такое преступленіе могъ я совершить противъ Республики, что я отправился на призывъ. Со всѣми предписанными формами г. Фильбертъ объявилъ мнѣ, что я обвиняюсь въ слѣдующихъ преступленіяхъ: 1) въ узурпаціи въ національной гвардіи титула, на который будто я не имѣлъ никакого права; 2) въ желаніи свергнуть правительство Республики; 3) въ лишеніи жалованья тѣхъ граждапъ, которые не хотѣли принять участія въ сверженіи Республики.

«Всѣ эти преступленія предвидѣны ст. 97 и пр. и пр. уголовнаго военнаго постановленія, статьями, которыя по *меньшей мѣрѣ* требуютъ смертной казни! Я достаточно былъ пріученъ во время имперіи къ смертнымъ приговорамъ, чтобъ не страшиться ихъ во время Республики. — 17 октября, 1870. Флурансъ».

«Правительство—пишетъ «Rappel»—вступаетъ на путь репрессалій, который можетъ быть одинаково гибеленъ для насъ всѣхъ. Для того, чтобъ хорошо вести войну *внѣ*, оно должно твердо желать мира *внутри*. Мѣрами суровости и раздражающими воззваніями оно, конечно, не

добьется до того спокойствія и единодушія, которыя намъ такъ необходимы».

Въ одно время съ Флурансомъ преданъ военному суду Сапіа, обвиняемый въ раздачѣ картушей своему батальону для шествія на городскую думу и сверженіе правительства.

Вотъ всѣ подробности спора, родившагося изъ-за коммюны и выросшаго въ цѣлую борьбу съ вооруженными манифестаціями, съ преслѣдованіемъ и военными судами; источникъ этого спора о коммюнѣ кроется въ народномъ недовольствѣ и недовѣріи, и оно будетъ проситься наружу до тѣхъ поръ, пока не устранятъ причинъ недовольства, пока не исчезнутъ поводы къ недовѣрію.

Между тѣмъ непріятель подошелъ къ Парижу и осадилъ его.

II.

Парижъ осажденъ и прерваны его сообщенія съ Франціей. Парижъ куетъ свой щитъ изъ митральёзъ и шаспо для защиты отъ вторженія пруссаковъ, и ждетъ помощи отъ Франціи: провинція придетъ намъ на выручку, она ударитъ пруссаковъ съ тылу и пруссаки найдутъ здѣсь свою могилу, сдавленные между Франціей и Парижемъ, стремящимися обнять другъ друга.

Что же дѣлаетъ провинція?

Къ сожалѣнію, рамки моего письма не позволяютъ мнѣ распространяться и изобразить вамъ обстоятельно состояніе Франціи; ей вы удѣлите мнѣ мѣсто въ декабрьской книгѣ, и я подѣлюсь съ вашими читателями моими наблюденіями и взглядами, хотя, тѣмъ не мен не хочу оставить ихъ и на этотъ разъ безъ общаго очерка, à vol d'oiseau. Vol d'oiseau—птичій полетъ, какъ вы сами знаете, играетъ теперь громадную роль—не будь голубей-путешественниковъ, не было бы многихъ свѣдѣній и толковъ, хотя надо сознаться и предостеречь вашего читателя въ томъ, что безцеремонность журналистовъ заставляетъ часто *голубей высиживать утокъ!* т.-е. по просту говоря, выдавать плодъ фантазіи своего ремесла за плодъ, принесенный изъ Парижа голубемъ!

То же недовольство и то же взаимное недовѣріе царитъ во всей Франціи. Турская делегація ни на минуту не съумѣла пріобрѣсти довѣрія провинцій; съ перваго же дня на нее посыпались упреки и жалобы; и рядомъ съ нею, южная Франція задумала свою организацію защиты — она объявляла себя совершеннолѣтней и правоспособной, и 13 департаментовъ образовали *южную лигу*, съ своимъ центромъ въ *Марселѣ*. Въ этомъ центрѣ собирается иного рода делегація, чѣмъ въ Турѣ; делегація, состоящая изъ выборныхъ отъ всѣхъ мѣстностей,

входящихъ въ составъ лиги. «Мы не хотимъ идти противъ парижскаго или турскаго правительства, но мы хотимъ идти вмѣстѣ съ ними на защиту Франціи, а для этого мы должны быть самостоятельными въ организованіи нашихъ силъ; мы должны вызвать національную энергію изъ всѣхъ угловъ и ушелій нашей страны, — мы хотимъ бороться за свободу противъ гнета, которымъ намъ грозитъ чужеземное вторженіе». На счастіе Лиги, верховный уполномоченный правительства Эскиросъ оказался человѣкомъ, который призналъ разумность ея инціативы и сталъ содѣйствовать ея дѣятельности. Но какая должна была быть ея дѣятельность? ей надо было организовать батальоны и высылать ихъ на врага—надо слѣдовательно оружія и денегъ—ни того, ни другого не оказывалось. Лига обратилась за содѣйствіемъ къ турскому правительству; это правительство даже не отвѣтило признаніемъ ея. Лига рѣшила добыть средства патріотическимъ займомъ; но заемъ не давалъ быстрыхъ результатовъ, за немногими почетными исключеніями, какъ одного грека, который далъ въ заемъ два милліона и получилъ за то отъ народной признательности званіе марсельскаго гражданина. Депутаты Лиги заговорили о насильственномъ займѣ, о налогѣ, пропорціональномъ съ богатствомъ и доходами; этого было болѣе чѣмъ достаточно, чтобъ вызвать давно собиравшуюся надъ ея головой бурю. «Эти внутренніе пруссаки сѣютъ раздоръ между гражданами—закричали «Union», «France», «Gazette du Midi» и пр. и пр. органы клерикальной, легитимистской и орлеанской партій; они учреждаютъ государство въ государствѣ! они отдѣляютъ отъ Франціи 13 департаментовъ; мы требуемъ, чтобъ турское правительство усмирило ихъ, положило предѣлъ ихъ кознямъ».

Лига не слушалась и шла дальше, и въ своемъ предпріятіи военной организаціи наткулась на военную власть. Гроза на этотъ разъ шла изъ Ліона. Въ Ліонѣ генералъ Мазюръ вызвалъ шумный ропотъ своей отчаянной бездѣятельностью; укрѣпленія стояли пустыми, безъ пушекъ; національная гвардія не готовилась къ защитѣ, «мобили» не вооружались и не обучались. Отвѣтъ на всѣ тревожные спросы населенія былъ одинъ и тотъ же: нѣтъ денегъ и нѣтъ оружія. «Дѣло вовсе не въ этомъ, а въ томъ, что Мазюръ предатель, бонапартистъ, онъ ждетъ пруссаковъ и продаетъ насъ» — раздалось въ народныхъ собраніяхъ.... Еще ранѣе, чѣмъ Парижъ былъ осажденъ, Ліонскій комитетъ общественнаго спасенія послалъ Андріё объясниться съ правительствомъ національной защиты, но Андріё явился изъ Парижа и вмѣсто всякаго утѣшительнаго извѣстія привезъ только для самого себя званіе прокурора республики. «Мы не затѣмъ посылали тебя въ Парижъ, гражданинъ Андріё»,—попрекали его на собраніяхъ демократы. Раздраженіе приняло болѣе энергическіе размѣры, когда Андріё вздумалъ выпустить изъ заключенія прежнія бонапартистскія власти, арестованныя коми-

тетомъ общественнаго спасенія, — группою смѣлыхъ людей, вышедшихъ изъ Круа-Руса и Гильотера и занявшихъ съ оружіемъ въ рукахъ Hôtel de Ville, 4-го сентября. Андріё стоялъ на трибунѣ въ собраніи Ротонды предъ трехъ-тысячной толпой, въ красивомъ нарядѣ, и одной рукой игралъ своей золотой цѣпочкой, а другую засунулъ въ карманъ и произнесъ роковыя для себя слова: «я получилъ приказъ отъ высшаго правительства и я не унижу своего достоинства передъ давленіемъ толпы». Толпа оскорбилась. «Тащите его въ тюрьму съ его достоинствомъ»! Прокуроръ республики оказался дѣйствительно въ тюрьмѣ, изъ которой его выпустили на другой день.

Вражда рабочихъ классовъ и высшей власти разгаралась. Комитетъ общественнаго спасенія хотѣлъ подать примѣръ парижской депутаціи, очутившейся во главѣ правленія, и созвалъ тотчасъ же гражданъ Ліона на выборы муниципальнаго совѣта, уступая ему свою временную, случайную власть. Выборы состоялись и ими остались недовольны обѣ крайнія партіи. Съ одной стороны, только девять человѣкъ изъ муниципальнаго совѣта готовы были дѣйствовать, соображаясь съ требованіями народныхъ собраній; съ другой стороны, всѣ остальные должны были во всякомъ случаѣ принимать,—для добытія средствъ и оружія—мѣры болѣе энергичныя, чѣмъ того желало промышленное и торговое населеніе богатыхъ кварталовъ Ліона. Муниципальный совѣтъ сталъ принимать одни рѣшенія, префектъ — другія, военная власть — третьи, или, вѣрнѣе сказать, военная власть не принимала никакихъ рѣшеній, а только не исполняла ни одной изъ требуемыхъ мѣръ. «Пусть префектъ смѣнитъ генерала или пусть не мѣшается въ дѣла муниципальнаго совѣта; муниципалитетъ долженъ быть верховною *коммюною*, мы не выбирали префекта». Народныя собранія, клубы шумѣли. Явился Клюзере, по призыву народа, и муниципальный совѣтъ привѣтствовалъ его и поручилъ формированіе отрядовъ. Клюзере встрѣтился съ оппозиціей — префекта и генерала.

Въ одномъ изъ народныхъ собраній онъ изложилъ свои требованія, свои средства, въ формѣ прогрессивнаго налога, и свой взглядъ на необходимость новой, партизанской войны. Рабочіе кварталы стали за него, финансовые кварталы—противъ. Какъ всегда, одна крайность вызываетъ другую, такъ случилось и въ Ліонѣ: упорство префекта, парализованіе дѣйствій муниципальнаго совѣта, подозрѣніе генерала въ измѣнѣ, подали извѣстной, небольшой группѣ людей мысль провозгласить совершенный переворотъ, политическій и экономическій— дѣло значитъ не останавливалось на установленіи Коммюны, какъ требовали въ Парижѣ; эту Коммюну захотѣли создать по новому образцу.

28-го сентября городская дума была окружена народомъ — одни

пришли для низверженія военной власти, другіе—для огражденія власти префекта. Явился Клюзере и его заарестовали по приказанію властей; но объявленіе о томъ Сеня съ балкона повело къ взрыву; толпы ворвались въ городскую думу, муниципальные совѣтники исчезли; префектъ скрылся, нѣсколько людей, принявшихъ названіе «комитета спасенія Франціи», вошли въ залы муниципальнаго совѣта и стали разсуждать объ устройствѣ новаго правленія.

Клюзере былъ освобожденъ и благодаридъ народъ тоже съ балкона; но въ то время, когда Клюзере думалъ, что наконецъ получитъ возможность организовать военныя силы, онъ увидѣлъ, что нѣкоторые люди замышляютъ переворотъ, т.-е. согнаніе муниципальнаго совѣта и диктатуру новой группы, помимо выбора suffrage universel'емъ; онъ понялъ, что дѣло плохо, увидѣвъ скопленіе батальоновъ національной гвардіи и зная миролюбивое на этотъ разъ настроеніе Круа-Руса. Онъ только-что пришелъ оттуда, гдѣ время шло въ спорѣ, идти ли съ оружіемъ или безъ оружія къ городской думѣ. Онъ рѣшился поддержать муниципальный совѣтъ, какъ избранный правильнымъ вотомъ народа.

Гора родила мышь! Забилъ барабанъ, явился префектъ, окруженный стражею и сталъ читать батальонамъ депешу изъ Тура, о врученіи ему полной, безраздѣльной гражданской и военной власти; штука была съиграна; народъ привѣтствовалъ префекта, рѣшивъ, что споръ между гражданской и военной властью поконченъ! Генералъ Мазюръ полетитъ вонъ съ своего мѣста; народъ не размышлялъ о томъ, у кого въ рукахъ будетъ верховная власть: у муниципальнаго совѣта или у префекта; а *не* народъ очень хорошо зналъ и торжествовалъ свою побѣду и надъ революціонной попыткою, и надъ муниципальномъ совѣтомъ, осмѣлившимся мечтать о насильственномъ налогѣ! Въ 6 часовъ вечера муниципальные совѣтники явились въ сопровожденіи національныхъ гвардейцевъ и попросили любезно удалиться людей, занявшихъ ихъ мѣста; и тѣ также любезно поспѣшили исполнить просьбу и даже произошло пожатіе рукъ. Когда они вышли на улицу, вокругъ городской думы стояли еще національные гвардейцы, но въ ихъ числѣ не было людей ни изъ Круа-Русъ, ни изъ Гильотеръ, ни изъ Брото.

И вотъ эта-то сцена возлѣ городской думы и внутри ея—должна была вызвать взрывъ протестовъ, воззваній, негодованій, обвиненій со стороны всѣхъ партій! Клерикалы и бонапартисты не поцеремонились и прямо объявили въ своихъ газетахъ, что лучше пусть пруссаки возьмутъ Ліонъ и усмирятъ по заслугамъ бунтовщиковъ, чѣмъ терпѣть ихъ покушенія на общественный порядокъ! и тѣ же самыя газеты объявляли въ то же время, что «бунтовщики» суть продажные агенты Бисмарка. А префектъ грозилъ арестами, и Клюзере долженъ

былъ оставить Ліонъ и поспѣшилъ въ Марсель, на призывъ Лиги Юга. Но когда онъ шелъ на засѣданіе делегатовъ Лиги, Эскиросъ подошелъ къ нему и показалъ депешу. «Вы видите, изъ Тура требуютъ, чтобъ я арестовалъ васъ, но я не хочу этого дѣлать, уѣзжайте отсюда». Клюзере долженъ былъ отправиться на итальянскую границу, и оттуда пробрался въ Женеву, и въ ожиданіи болѣе удобнаго момента, пока занялся изобличеніемъ своихъ клеветниковъ, требуя надъ собою формальнаго суда. Такимъ образомъ, правительственная кара постигала въ Парижѣ Флуранса, въ Ліонѣ—его друга Клюзере.

Чередъ былъ за Марселемъ.... Клерикальная партія въ Марсели обрадовалась ліонскимъ событіямъ и начала громить республиканцевъ. Населеніе волновалось; garde civique, образовавшаяся изъ рабочихъ, уже разъ расправилась по военному съ членами трибунала, отведенными связанными въ префектуру за приговоръ, который имъ показался ложнымъ! Боясь новыхъ смутъ, Эскиросъ запретилъ изданіе «Gazette du Midi» за ея провокаціи республиканцамъ. Гвалтъ и шумъ поднялся: какъ! свобода прессы, свобода мысли стѣсняются, это хуже чѣмъ при Бонапартѣ,—такъ голосили какъ разъ тѣ органы, которые рукоплескали каждой реакціонной мѣрѣ Бонапарта. Іезуиты вышли изъ предѣловъ своего благоразумія и макьявельскихъ конспирацій и стали тоже громко поносить всѣ мѣры, предпринимаемыя для защиты Лигою юга и Эскиросомъ, стали сѣять смуты въ Марсели и въ окрестностяхъ. Эскиросъ рѣшился строго примѣнить къ нимъ законъ, запрещающій существованіе подобной *конгрегаціи* во Франціи и изгналъ ихъ орденъ изъ Марселя. Разразилась гроза! Самъ турскій архіепископъ обратился къ Гамбеттѣ, какъ разъ подоспѣвшему на этотъ скандалъ изъ Парижа: «*Если* вы хотите установить республику, два раза уже оказавшуюся несостоятельною во Франціи, то не гоните свободы мнѣнія и совѣсти, не начинайте противъ насъ притѣсненій, которыхъ не смѣла употребить даже вторая имперія».

Это значило въ переводѣ съ монастырскаго на свѣтскій языкъ: если вы не хотите, чтобъ мы своими католическими интригами и заговорами сбросили сейчасъ же, несмотря на пруссаковъ, и вашу третью республику, какъ сбросили первую, поднявъ противъ Франціи Вандею, въ ту минуту, когда ее ожидала со всѣхъ сторонъ коалиція; какъ сбросили вторую, когда заставили Францію положить начало реакціи въ Европѣ занятіемъ Рима,—то ведите себя учтиво съ нами и оставьте насъ приготовлять исподоволь клерикальную династическую реставрацію. Гамбетта поспѣшилъ послушаться пастырскаго увѣщанія и отправилъ Эскиросу свое телеграфическое повелѣніе о снятія запрещенія съ «Gazette du Midi» и объ отмѣнѣ декрета объ изгнаніи іезуитовъ. Вмѣсто отмѣны декрета, Эскиросъ сообщилъ депешу Гамбетты департаментскому совѣту, а совѣтъ рѣшилъ распространить мѣру из-

гнанія іезуитовъ на весь департаментъ Устьевъ-Роны! Многотысячная народная манифестація пришла подъ окна Эскироса выразить ему полное сочувствіе, и готовность содѣйствовать его рѣшительнымъ мѣрамъ. «Если турское правительство захочетъ покинуть меня, то вы не покинете меня—говорилъ Эскиросъ.

«Граждане! я останусь между вами, увѣренный въ содѣйствіи національной гвардіи и народа Марселя. Я выйду изъ префектуры только въ тотъ день, когда я долженъ буду выступить съ вами въ походъ противъ нашествія пруссаковъ».

«Если правительство,—говоритъ «l'Emancipation», тулузскій журналъ «Южной Демократіи», все время проповѣдующій необходимость общаго и единодушнаго дѣйствія, безъ всякихъ внутреннихъ раздоровъ, если центральное правительство захотѣло бы упорствовать въ отмѣнѣ двухъ марсельскихъ декретовъ, то оно само себя подвергло бы опасности вызова, страшнаго столкновенія, которое, въ виду прусскаго вторженія, могло бы повести къ послѣдствіямъ самымъ серьезнымъ и самымъ бѣдственнымъ. Оно рисковало бы возжечь гражданскую войну въ 13-ти или 14-ти департаментахъ, составляющихъ *Южную Лигу*, и оно увидѣло бы себя вынужденнымъ послать солдатъ противъ Ліона и противъ Марселя! Но неужели оно не считаетъ лучшимъ приберечь солдатъ единственно для пруссаковъ, вмѣсто того, чтобъ отдавать ихъ въ услуженіе іезуитамъ, которые, конечно, никогда, не станутъ благодарными ни за его содѣйствіе, ни за его помощь....» «Нечего удивляться мѣрамъ и рѣшеніямъ, предпринимаемымъ Южною Лигою. Департаменты, составляющіе Лигу—Ронскій, Варскій, Альповъ, Устьевъ-Роны, Гаръ, Геро,—слишкомъ чувствительно пострадали отъ декабрьскаго переворота, и естественно, что они теперь организуются сильно и прочно для того, чтобъ быть въ состояніи оказать серьезное сопротивленіе всякой попыткѣ реакціи, или какой бы то ни было монархической реставраціи. Вмѣсто того, чтобъ порицать эти департаменты, всѣ республиканцы должны бы брать съ нихъ примѣръ, и организоваться повсюду, подобно Ліону и Марселю». Несмотря на эти воззванія, правительство надѣется своею умѣренностью привлечь къ себѣ клерикальную партію. Оно уже давно разрѣшило людямъ, носящимъ легендарныя имена шефовъ Вандейцевъ, формировать военные отряды; вандейцы объявили, что они теперь пойдутъ на борьбу «за Бога и Францію».

Очевидно, что ведя вандейцевъ на битву, ихъ вожаки разсчитываютъ позже на возстановленіе Бурбоновъ, и манифестъ герцога Шамбора, изъявляющаго свою готовность вернуться на родительскій престолъ, вполнѣ подтверждаетъ общее опасеніе. Очевидно также, что правительство надѣется воспользоваться ихъ услугами и потомъ имѣть силу смирить ихъ; и во всякомъ случаѣ—говоря относительно войны,

конечно, вандейцы будутъ жестоко биться противъ пруссаковъ, — католики противъ еретиковъ-протестантовъ; но... на бѣду подвернулся Гарибальди! и теперь совершенно неизвѣстно, что будетъ: захотятъ-ли вандейцы бить пруссаковъ, или прежде всего бить самого Гарибальди!!

Пріѣздъ Гарибальди обманулъ всѣхъ. Или его вовсе не ждали, или его ждали иначе. Гарибальди былъ больной на островѣ Капрерѣ. Когда я прочелъ въ англійскихъ газетахъ его письмо къ одному изъ друзей о томъ, что онъ не отправится во Францію, — я не совсѣмъ зналъ что̀ должно думать — стратегическій-ли это отводъ для того, чтобъ лучше бѣжать съ Капреры, или же сорвавшееся, неуспѣшное похожденіе. Дѣло вотъ въ чемъ. Случай свелъ меня съ Панталео: бывшій попъ, бывшій революціонный проповѣдникъ, онъ чтитъ теперь прежде всего Гарибальди и потомъ свободу Франціи. Онъ задумалъ непремѣнно освободить Гарибальди изъ плѣна, потому что это фактъ, что Гарибальди стерегли денно и нощно на Капрерѣ: его стерегли раньше, чтобъ онъ не бросился на Римъ, его стерегли позже, чтобъ онъ не бросился «на Бисмарка» и не огорчилъ тѣмъ прусскаго и итальянскаго королей. Молодая иностранка-энтузіастка отдала Панталео всѣ свои брилліанты и золотыя вещи, чтобъ достать денегъ; Панталео отправился въ Марсель и Авиньонъ; старый знакомый докторъ Гарибальди и еще одинъ молодой поклонникъ Гарибальди, и юный богатый искатель приключеній изъ Авиньона, отправились въ Италію, употребили нѣсколько дней, пока, наконецъ, могли пробраться къ Гарибальди. Докторъ ужаснулся, увидѣвъ исхудалую, постарѣвшую фигуру Гарибальди. «Я теперь мало на что годенъ, но моя жизнь принадлежитъ странѣ, бьющейся за свободу....» Гарибальди проводилъ посѣтителей, давши согласіе на побѣгъ; Панталео явился съ пароходомъ изъ Марселя, Гарибальди бѣжалъ отъ надзора и, въ маленькой баркѣ, пробрался на назначенное мѣсто свиданія. Черезъ два дня я неожиданно получилъ депешу: «La sainte chemise rouge, entre aujourdhui avec Pantaléo à Marseille. Bon espoir! La Républicaine» — (святая красная рубашка входитъ сегодня съ Панталео въ Марсель. Добрая надежда! «Республика».) Это моя полузнакомая энтузіастка считала долгомъ осчастливить меня телеграмою! Иностранцы вообще считаютъ россійскихъ туристовъ непремѣнно за республиканцевъ; таковъ ужъ нашъ удѣлъ,—за границей! Мнѣ случилось какъ-то сидѣть въ café и глотать нѣмецкую газету за англійской, англійскую за французской. Противъ меня сидѣлъ, или вѣрнѣе, вертѣлся среднихъ лѣтъ французъ, съ красною ленточкою въ петличкѣ: очевидно хотѣлъ душу отвести. «Вы русскій»?—вдругъ спросилъ онъ.—Съ какой стороны васъ это интересуетъ? спросилъ я въ свою очередь. «Я такъ полагаю, потому что только русскіе знаютъ всѣ языки».—Благодарю за комплиментъ. «Вы

жентельманъ, monsieur! вы жентельманъ, потому что только русскіе любятъ свободу»! Pas d'illusions! citoyen, озадачилъ я его и пересѣлъ за другой столъ, предпочитая іереміады газетъ іереміадамъ почетнаго Легіона.

Рѣчь однако идетъ о томъ, что Гарибальди высадился въ Марсели.... Всѣ ждали, т.-е. народъ и республиканцы ждали, что онъ начнетъ немедленно формировать легіоны и пойдетъ съ ними отъ Марселя и Тулона на Ліонъ и т. д., повсюду вербуя тысячи смѣлыхъ воиновъ, и это навѣрное удалось бы ему при его легендарномъ дѣйствіи на умы и на воображеніе, при полномъ недовѣріи народа къ генераламъ и офицерамъ Бонапарта, при общемъ кликѣ: дайте намъ человѣка, который съумѣлъ бы съорганизовать насъ и повелъ бы насъ на бой!—Гарибальди исчезъ, и депеша скоро оповѣстила, что онъ прибылъ въ Туръ, «гдѣ не успѣли ему оказать пріема». — Qui s'excuse, s'accuse—говоритъ пословица, поэтому вы можете навѣрное знать, читая подобныя депеши, что если они говорятъ «не успѣли», то это значитъ *не хотѣли* успѣть.

Туране не отличаются революціонными тенденціями и гордятся своимъ благочестіемъ; объ ихъ нравственномъ воспитаніи заботится архіепископъ, о политическомъ образованіи—меръ, благородный легитимистъ. Туране, напримѣръ, услышали, что повсюду идутъ козни «республиканцевъ», и что дѣло *честныхъ* гражданъ ограждать порядокъ и дѣлать манифестаціи *противъ* республиканцевъ, и вдругъ ни съ того ни съ сего они выкинули на дняхъ, къ великому посмѣянію или злобствованію разныхъ органовъ, манифестацію, будто ихъ отечество было въ опасности, когда даже извѣстно, что къ нимъ скорѣе заберутся пруссаки, чѣмъ республиканцы.

Принимая во вниманіе подобныя качества гражданъ Тура, делегація правительства боится растревожить ихъ: она учредила манифестацію генералу Ульриху, она было-хотѣла таковую-же устроить Гарибальди и даже Глэ-Бизоэнъ торжественно расцѣловалъ «генерала Гарибальди»,—но вскорѣ явился протестъ архіепископа и все смолкло. Архіепископъ объявилъ, что онъ не только не ходилъ на встрѣчу *еретику*, но что онъ даже спеціально просилъ Кремьё, чтобъ нога Гарибальди не оскверняла его архіепископскаго дворца!

Понятно, что вслѣдъ за архіепископомъ раздался хоръ клерикальныхъ газетъ: «къ чему пустили во Францію этого vieux mannequin!» Такъ понимаютъ люди гостепріимство относительно человѣка, приносящаго жизнь ихъ странѣ! впрочемъ правда, у нихъ и нѣтъ страны, кромѣ неба и fleur de lis!

Гарибальди дали начальство надъ волонтерами въ Вогезахъ и онъ отправился въ Безансонъ и Доль, куда его сопутствовала *просьба* Гам-

бетты къ бонапартистскому генералу Камбріэлю о мирѣ и согласіи,—просьба, оставшаяся тщетною!

А надняхъ самъ Кератри назначенъ *главнокомандующимъ* «силъ запада» — «des forces de Bretagne» — и ему не велѣно сообразоваться ни съ какими генеральскими симпатіями и воззрѣніями, онъ получилъ pleins pouvoirs — полную власть. Это сравненіе, этотъ болѣе высокій и важный постъ, данный Кератри, предпочтительно предъ Гарибальди, слишкомъ краснорѣчиво говоритъ самъ за себя. По частнымъ свѣдѣніямъ, которыя я могу считать за достовѣрныя, Гарибальди врядъ ли въ состояніи будетъ много дѣйствовать. Онъ связанъ и жалуется на отсутствіе денегъ и ружей! Вездѣ одна и та же пѣсня!

Такъ скосили совершенно сознательно энтузіазмъ, который Гарибальди могъ навѣрное возбудить во всемъ югѣ Франціи, и вызвать изъ него десятки тысячъ смѣлыхъ бойцовъ. «Они вовсе не хотятъ серьезной защиты, эти господа Тура — говорилъ мнѣ съ тяжелымъ вздохомъ одинъ изъ членовъ муниципальнаго совѣта Ліона, — это не защита, это только призракъ защиты — ce n'est qu'un simulacre de défense!» —Одну минуту, Гамбетта, повидимому, поколебался предъ національнымъ требованіемъ и издалъ декретъ объ уничтоженіи іерархическихъ повышеній въ войскѣ — a highly revolutionnary decree! — воскликнули англійскіе корреспонденты; но и этотъ «въ высшей степени революціонный декретъ»—оказывается только *призракомъ*, а не дѣйствительностью!

Бонапартистскіе генералы царятъ-себѣ въ крѣпостяхъ, портахъ и городахъ и остаются бонапартистами въ полномъ смыслѣ этого слова, становящагося ругательнымъ или, по меньшей мѣрѣ, неприличнымъ! Посмотрите, что̀ произошло надняхъ въ Тулонѣ. Давно уже носился слухъ, что въ Тулонѣ напрасно стоятъ пушки и находится цѣлый складъ ружей. Ихъ не только не отправляютъ въ Ліонъ, но даже не вооружаютъ ими и мѣстную національную гвардію. Эта гвардія обратилась съ запросами къ морскому префекту де-ла-Грандьеръ и къ адмиралу Шопаръ, и получила въ отвѣтъ, что никому нѣтъ дѣла до арсеналовъ Тулона, кромѣ высшихъ военныхъ властей! Тулонское населеніе рѣшилось на демонстрацію. Безоружныя многочисленныя группы отправились къ морской префектурѣ, желая объясниться съ властями. И вдругъ, ни съ того, ни съ сего, безъ предупрежденія, безъ всякаго вызова, на безоружную толпу бросились съ штыками жандармы, спрятанные заранѣе во дворѣ, и переранили и перебили попавшихся имъ подъ штыкъ или прикладъ гражданъ!

Если бы вамъ случилось, какъ мнѣ въ іюнѣ 69 г., во дворѣ «Rappel'я», когда шло дѣло о выборѣ Рошфора, присутствовать и.... увы! сознаюсь—участвовать въ побѣгѣ въ разсыпную отъ кассъ-тетовъ и тесаковъ парижскихъ сержантовъ, — то вы легко представили бы себѣ

всю безобразную дѣйствительность подобной западни! И это повторяется теперь, при республикѣ! Не даромъ журналы указываютъ, что солдатамъ до сихъ поръ даже не объявлено ни однимъ дневнымъ приказомъ о провозглашеніи республики, такъ что они могутъ еще признавать имперію, — а времени было достаточно съ 4-го сентября!

И не только въ Тулонѣ, въ Брестѣ скандалъ случился не меньшій, хотя финалъ былъ отраднѣе. 500 американскихъ волонтеровъ прибыло на кораблѣ въ Брестъ. Адмиралъ порта, узнавъ, что́ за *товаръ* привезъ корабль, *отказалъ* капитану въ правѣ высадки! Капитанъ вытаращилъ глаза, подумалъ не *прусскій* ли ужъ адмиралъ командуетъ Брестомъ, и не постигая, съ какой стати французскій адмиралъ могъ бы безпокоиться о нарушеніи американцами ихъ нейтралитета, когда даже изъ Америки они могли безпрепятственно уѣхать—капитанъ рѣшилъ начать свои военныя дѣйствія противъ французскаго адмирала, и, несмотря на запретъ, высадился съ своими волонтерами, привѣтствуемый національною гвардіею и всѣмъ городомъ!... До васъ, конечно, дошли слухи объ обвиненіи генерала Уриха въ предательствѣ въ Страсбургѣ. Офицеры, отпущенные на̀-слово, негодуютъ на генерала, доказывая, что въ крѣпости были и пушки, и боевые припасы, что населеніе вовсе не хотѣло сдачи, и что Урихъ не исполнилъ даже такихъ военныхъ предписаній предъ сдачею, за нарушеніе которыхъ законъ предаетъ коменданта военному полевому суду. Какъ бы то ни было, но фактъ тотъ, что генералъ даже и не подумалъ включить въ капитуляцію условіе о безопасности республиканскаго префекта! Бѣдному Валантену пришлось сослужить республикѣ тяжелую службу. Онъ могъ попасть въ Страсбургъ, послѣ цѣлаго ряда приключеній, не иначе, какъ *вплавь*, привѣтствуемый градомъ пуль съ обѣихъ сторонъ — нѣмецкой и французской, пока, наконецъ, его не схватили на французскомъ берегу и не потащили къ коменданту, которому онъ вручилъ свое назначеніе, зашитое въ его блузѣ. Чрезъ двѣ недѣли Страсбургъ сдали, и нѣмцы отправили Валантена въ крѣпость Эренбрейтштейнъ!... Республиканская Франція волнуется и все болѣе готова подозрѣвать даже само національное правительство въ измѣнѣ.

Вы читали въ газетахъ о похожденіяхъ генерала Бурбаки,—ка́къ и зачѣмъ онъ ѣздилъ въ Лондонъ, къ императрицѣ, въ отставкѣ, — ничего неизвѣстно, а турское правительство дало ему команду «сѣверной арміей», и республиканскіе органы напрасно требовали успокоительныхъ объясненій. Въ эту минуту свершилось еще не менѣе странное похожденіе: генералъ Бойе отправился изъ Метца прямо въ Версаль къ Бисмарку и Мольтке, и вступаетъ съ ними въ переговоры, не обращая никакого вниманія на правительство французской респуб-

лики! Говорятъ даже, что Бойе изъ Версаля отправился уже съ порученіемъ къ императрицѣ!

III.

Моя хроника подошла къ концу, а я ничего не говорилъ еще о военныхъ дѣйствіяхъ! Но вы врядъ ли упрекнете меня за это и я врядъ ли ошибся, полагая, что вамъ гораздо интереснѣе было бросить бѣглый взглядъ на внутреннее состояніе Франціи. Вы видите, что вездѣ идетъ борьба, антагонизмъ, вездѣ взаимное недовѣріе, вездѣ тлѣетъ огонь, вездѣ разбросаны искры.... И это вѣдь я говорилъ только о лицевой, о наглядной, *политической* сторонѣ; я вовсе не коснулся иного антагонизма — болѣе суроваго и мрачнаго, болѣе коренного и всосавшагося, такъ-сказать, въ мозгъ и кости современнаго общественнаго организма; еслибъ я коснулся *этой* стороны, то я долго не кончилъ бы и вы увидѣли бы, что искры могутъ ежечасно раздуться въ пожаръ, и что борьба можетъ принять неожиданный и ожесточенный характеръ. Объ этой сторонѣ современнаго состоянія Франціи будетъ еще не разъ и случай и необходимость говорить обстоятельно; а теперь возвращаюсь къ вопросу о военныхъ дѣйствіяхъ. Я полагаю, что всѣмъ самимъ ясно, каковы могутъ быть результаты при тѣхъ обстоятельствахъ, которыя мы изложили. Французскіе генералы сохранили свою рутину и упорно подтверждаютъ общественное мнѣніе въ своей неспособности, трусости или предательствѣ. Клюзере давно уже указывалъ, что нѣмецкіе генералы внесли въ военную тактику всѣ улучшенія, взятыя ими изъ опыта гигантской американской войны, знакомой и ему, одному изъ всѣхъ французовъ, потому что онъ одинъ только участвовалъ въ американской войнѣ. Клюзере же доказывалъ на всѣхъ собраніяхъ и во всѣхъ своихъ «циркулярахъ», т.-е. обращеніяхъ къ французамъ, что при нынѣшнемъ военномъ состояніи Франціи безумно мечтать объ образованіи большихъ армій, которыхъ все же не образуютъ, и о регулярныхъ сраженіяхъ съ нѣмецкими войсками: «будемте формировать летучіе отряды, будемте вести *естественную* войну, партизанскую, будемте перерѣзывать сообщенія непріятелей, накрывать его врасплохъ, пусть наши лѣса будутъ нашими крѣпостями». Напрасны были его совѣты, пока Гарибальди не повторилъ того же самаго; но теперь, по всей вѣроятности, уже поздно; а между тѣмъ взятіе Орлеана покрыло новымъ позоромъ французскій генералитетъ имперіи. Офицеры сидѣли въ cafés и ресторанахъ, а солдаты бродили по улицамъ, напрасно ожидая распоряженій; офицеры равнодушно объявляли, что они сами не получили никакихъ приказовъ; солдаты бросали свои ружья и съ отчаянья шли въ кабаки! «Мобили», иностранный легіонъ, легіонъ зуавовъ дрались отчаянно, «сами на свой страхъ»; Орлеанъ былъ, конечно, взятъ, и нѣмцы заставили французовъ сложить

все оружіе у памятника Іоанны-Даркъ и зажгли его, освѣтивъ статую исторической Орлеанской Дѣвы: историки могутъ предаваться сравненіямъ по этому поводу и врядъ ли рѣшатъ, что положеніе Франціи теперь не болѣе печальное, чѣмъ тогда, когда Іоанна являлась ея спасительницей! Солдаты, мобили дрались отчаянно храбро, но распоряженій не было никакихъ, и генералы исчезаютъ неизвѣстно куда! Въ битвѣ при Артене, предъ непріятельской артиллеріей французскіе отряды дрогнули и обратились въ бѣгство; вся дорога была устлана шасспо! Во всѣхъ стычкахъ и битвахъ было замѣчено тоже самое, что и при первой вылазкѣ изъ Парижа: регулярныя войска бѣгутъ предъ врагомъ, между тѣмъ какъ «мобили» ведутъ себя гораздо воздержнѣе, и еще безъ сравненія ведутъ себя храбрѣе просто волонтеры, мѣстные жители. Браконьеры усѣяли весь орлеанскій лѣсъ и затѣяли отчаянную перестрѣлку съ врагомъ; одинъ изъ браконьеровъ попался и его хотѣли повѣсить, но онъ ушелъ изъ-подъ стражи, переплывъ рѣку, попросилъ новаго ружья и снова отправился драться: «Я самъ возвращусь добровольно въ плѣнъ, если прусскій генералъ опровергнетъ мое показаніе, что я убилъ у него сегодня 50 человѣкъ!» Такихъ отдѣльныхъ индивидуальныхъ и мѣстныхъ фактовъ смѣлости и героизма весьма много; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне встаютъ и бьютъ врага, который ихъ безпощадно разстрѣливаетъ и вѣшаетъ. Война принимаетъ все болѣе ожесточенный характеръ, тѣмъ болѣе печальный, что все это въ сущности ни къ чему не поведетъ,—все это лишнее для побѣдителей и напрасное для побѣжденныхъ: нѣмецкій комендантъ Лана объявилъ, что за каждаго убитаго нѣмца онъ разстрѣляетъ 4-хъ французовъ. Капитанъ волонтеровъ Эна, Ларъ, послалъ ему въ отвѣтъ приказъ своимъ волонтерамъ: у насъ въ плѣну 157 пруссаковъ, за каждаго разстрѣляннаго француза я приказываю повѣсить 10 нѣмцевъ!...

«Неужели это требованіе войны, — спрашиваетъ одна мѣстная газета—неужели это сгладитъ и ненадолго возродитъ вражду двухъ націй, которымъ сосѣдство приказывало бы жить въ мирѣ». Въ селѣ Бургансъ битва имѣла болѣе *непривычный* видъ: вооружились женщины чѣмъ попало: топорами, ножами, косами и бросились на нѣмцевъ и прогнали ихъ! Женщины, старики и дѣти вооружились точно также въ одномъ селѣ подъ Руаномъ и отчаянно бились съ врагомъ, потому что они видятъ, что имъ нѣтъ спасенія, и что тамъ, гдѣ «меры» спѣшатъ покориться пруссакамъ, тамъ идетъ не меньше разоренія, пожоговъ и насилія! Женщины, наконецъ, и въ Парижѣ вооружаются особо-заготовленными для нихъ небольшими ружьями и образуютъ легіонъ сенскихъ амазонокъ: «Что же еще мы увидимъ! — восклицаютъ англійскіе журналы — до какого варварства доведетъ насъ еще война! Женщины не хотятъ болѣе сидѣть въ домахъ въ томливомъ, мучи-

тельномъ ожиданіи погребальныхъ свѣдѣній объ участи своихъ мужей, онѣ сами идутъ на валы, онѣ сами готовятся къ сраженію, онѣ влекутъ съ собою своихъ дѣтей, — семейная жизнь разрушена, домашній очагъ погашенъ!»

Послѣднія вылазки изъ Парижа весьма ободрили парижское населеніе: въ дѣлѣ 13 октября мобили особенно отличились; раздался старый французскій крикъ: «à la bayonette!» и они бросились на непріятельскіе редуты, и напрасно нѣмцы подняли вверхъ свои ружья: французы боялись обмана и кололи и стрѣляли нѣмцевъ, занимая Баньё. Но въ самомъ Баньё нѣмцы, оказалось, засѣли въ погреба, въ дома: изъ оконъ, изъ чердаковъ, съ крышъ посыпался градъ пуль на французовъ. «Чего же, друзья! — вскричалъ молодой капитанъ ихъ, Дампьеръ, — впередъ!» и онъ бросился, а за нимъ его отрядъ. Дампьеръ не сдѣлалъ двухъ шаговъ, какъ пуля сразила его наповалъ. «Какое счастье, — прошепталъ онъ, — я не буду болѣе въ разлукѣ съ ней! (у него умерла незадолго до того молодая жена). Впередъ!» и мобили сбили позицію врага и заняли деревню до тѣхъ поръ, пока высшій приказъ не велѣлъ начать отступленія къ стѣнамъ Парижа. Страннымъ образомъ, несмотря на всѣ положительные и удостовѣряющіе факты въ томъ, что при нынѣшнемъ положеніи, вольные отряды, франктиреры гораздо болѣе оказываютъ успѣха и наносятъ вреда врагамъ, національное правительство держится за регулярную армію, за военную ферулу, за отжившую и невозможную теперь во Франціи дисциплину. Вотъ старикъ Эдгаръ Кине, возвратившійся въ Парижъ послѣ 19-ти-лѣтняго уединеннаго изгнанія въ Швейцаріи, обращается съ призывомъ къ провинціямъ. Что́ онъ говоритъ имъ? возбуждаетъ ихъ энтузіазмъ? Напоминаетъ имъ великую историческую традицію! Нѣтъ, Кине изъ историка обратился въ *стратегика:* «Мы ждемъ отъ провинцій не движеній энтузіазма, не слѣпого повстанья, не нравственной экзальтаціи или пламени одного момента, нѣтъ! въ Парижѣ *достаточно* этого энтузіазма; въ случаѣ нужды, онъ одинъ возьмется сообщить свое пламя департаментамъ (?!) Чтобъ насъ спасти, достаточно, чтобъ провинція исполняла строго, добросовѣстно то, что́ повелѣваютъ законы» (какіе?).

«Дѣло не въ томъ, чтобъ возбуждать, а въ томъ, чтобъ привести всѣхъ въ порядокъ. *Мы не просимъ волонтеровъ*, у которыхъ остается выборъ между дѣйствіемъ и бездѣйствіемъ и которые могутъ ждать, пока ихъ вдохновеніе толкнетъ ихъ или удержитъ. Мы просимъ людей, записанныхъ по закону, указанныхъ закономъ, которымъ отечество приказываетъ, не ожидая, пока каждый сдѣлаетъ выборъ между спасеніемъ и разрушеніемъ.... Люди здѣсь налицо; они толпятся въ городахъ и въ деревняхъ въ безчисленныхъ массахъ. *Законъ* долженъ, а не *индивидуальная воля*, направить на шествіе эту націю, которая

ждетъ приказа. Пусть же этотъ приказъ будетъ, наконецъ, произнесенъ. Пусть правительство повелѣваетъ, его будутъ слушаться».

Этотъ манифестъ, очевидно, выражаетъ собою мнѣніе и желаніе самого правительства,—я говорю такъ, потому что извѣстно, что нынѣшнее правительство придаетъ весьма важное значеніе всякимъ воззваніямъ, обращеніямъ и циркулярамъ; сочтите только число циркуляровъ Ж. Фавра и его намѣстника, гр. де-Шадорди; правительство просило Л. Блана написать воззваніе къ англичанамъ; правительство просило В. Гюго ѣхать въ провинцію, для возбужденія энтузіазма, т.-е. *регулярнаго возбужденія, закономъ* приказаннаго энтузіазма, сообразно съ совѣтами Кине. (В. Гюго отказался, объявивъ, что онъ рѣшился умереть въ Парижѣ).

Въ концѣ своего обращенія Эд. Кине сообщаетъ интересную новость: «У насъ есть такіе города, въ которыхъ находятся пушки для артиллеріи цѣлой арміи!»

Это совершенно неожиданное открытіе! На этихъ дняхъ еще, 20 октября, Siècle рѣшился сказать правду, и другія республиканскія газеты повторили за нимъ: «Пушекъ! пушекъ! Франція будетъ опустошена и разорена съ одного конца до другого, если мы не создадимъ артиллерію, способную бороться съ артиллеріею врага. Въ битвахъ при Артене наши бойцы падали подъ картечью невидимаго врага. Пушки прямо противъ насъ, на право, на лѣво, на возвышенности, повсюду и нигдѣ прусской пѣхоты! И ни одного генерала, чтобъ насъ вести въ бой! ни одного военачальника не было видно на полѣ битвы! Неужели нельзя имѣть пушекъ? Пусть ищутъ ихъ заграницею! пусть *покупаютъ* ихъ на вѣсъ золота, пусть бросаютъ *милліоны* обѣими горстями; но пусть дадутъ оружіе нашимъ защитникамъ. Теперь побѣда принадлежитъ артиллеріи. La furie française безсильна! ея воодушевленіе разбивается о желѣзный кругъ! организуемъ же могучую артиллерію или... *откажемся отъ борьбы.* Или денегъ нѣтъ? дѣлайте насильственные налоги, общественное спасеніе того требуетъ».

Скряжническое лицо реакціи вытянулось при такомъ призывѣ, она заскрежетала зубами и ухватилась за свой карманъ, грозя заговоромъ и прямою борьбою противъ покушеній на ея пóтомъ добытые милліоны! «Насильственные налоги и займы—(вопитъ «Constitutionnel» во имя всей реакціи), — вотированные какими-то самозванными комитетами общественнаго спасенія—размножаются по всей поверхности *нашей* территоріи. Беззаконіе слѣдуетъ за беззаконіемъ; истязанія за истязаніями (?), повсюду настоящее dechainement произвольныхъ мѣръ, предпринимаемыхъ болѣе изъ желанія все разстроить, изъ желанія вредить и мстить, чѣмъ изъ истинной любви къ странѣ. Каждой изъ этихъ мѣръ предшествуетъ: братство, свобода, равенство! Въ Лиможѣ комитетъ поставилъ себѣ за долгъ спасти отечество, разоряя

гражданъ...» (т.-е. декретируя заемъ въ одинъ милліонъ) и т. д. слѣдуютъ примѣры другихъ мѣстностей. «Это, конечно, не будетъ ни для кого новостью, если мы скажемъ, что вездѣ *организуется сопротивленіе собственниковъ*, столь беззаконно обиженныхъ; деньги будутъ *припрятаны*; эти произвольныя таксы поведутъ къ уменьшенію общественнаго капитала, и обѣдненія казны».

Это «Constitutionnel» и К° такъ разсуждаютъ въ виду нѣмцевъ, облагающихъ не однимъ, а 10-ю милліонами и жгущими въ благодарность за то города и деревни!

Народныя собранія отвѣчаютъ на угрозы старыхъ партій все бóльшими и бóльшими требованіями насильственнаго налога. «Къ чему дѣлать займы? Тѣмъ, кто отдаетъ свою жизнь отечеству, ее не возвращаютъ; тѣмъ болѣе нечего возвращать и деньги! Я согласенъ, что насильственный налогъ равняется *requisition*. Но развѣ лучше предпочесть *прусскія реквизиціи*—французскимъ?» такъ говорилъ гражданинъ Сейсонъ въ многочисленномъ собраніи въ «Альгамбрѣ» въ Марсели, вечеромъ 20-го октября. Собраніе это было замѣчательное: оно вотировало требованіе, чтобъ немедленно было приступлено къ общему повстанію, чтобъ генералъ Клюзере былъ возвращенъ во Францію для принятія команды, и чтобъ Эскиросъ сохранилъ полную власть вопреки требованіямъ Гамбетты.

Среди собранія выступилъ одинъ американецъ и едва понятнымъ, ломанымъ языкомъ, но съ весьма энергичными жестами произнесъ рѣчь, потрясшую все собраніе: «Франція-ли прекрасная, наводненная 500-тысячъ пруссаковъ, не можетъ встать поголовно, женщины, старики, дѣти, мужчины вооруженные или нѣтъ, въ числѣ 30 или 40 милліоновъ? Что вы тутъ дѣлаете каждый день на вашихъ площадяхъ, прогулкахъ и улицахъ, бездѣйствуя, точно вы не находитесь подъ сапогомъ Бисмарка или шпорою Гильома! Вы пьете, вы ѣдите, вы курите, вы отправляетесь на балы, въ театры, вы говорите, вы кричите, и вы не дѣйствуете! Вставайте все до едина! и пусть тѣ, у кого нѣтъ ружей, берутъ косы, пики, палки и за неимѣніемъ ихъ ногти и зубы и гвозди сапоговъ. Belle France! которую я люблю потому, что я американецъ; Франція богатая и великодушная, которой я обязанъ своей независимостью уже цѣлый вѣкъ; Франція, которая даетъ все, ничего не сохраняя для себя самой, Франція! я исполняю мой долгъ и я прихожу, чтобъ принести тебѣ мое служеніе и мою любовь».

Такъ говорилъ американецъ и слезы полились не изъ однихъ глазъ, и стоны вырвались не изъ одной груди присутствовавшихъ!

Франція—богатая и великодушная — чему она обречена теперь? какія катастрофы ждутъ ее? Какія испытанія выпадутъ еще ей на долю для поученія глупаго легкомысленнаго человѣчества? Франція, бѣдная и нищая! Кровь льется изъ всѣхъ жилъ ея! ея сердце — Па-

рижъ оторвано отъ нея, и ея кормители, крестьяне мрутъ, буквально мрутъ съ голоду; напрасно англичане организовали фондъ для помощи крестьянамъ сѣверо-западной Франціи: имъ даютъ денегъ, но имъ негдѣ купить ни одежды, ни съѣстныхъ припасовъ, и если они попадутся непріятелю, то онъ отниметъ у нихъ все, что̀ дала благодѣтельная рука чужеземца. И дико смотритъ крестьянинъ, то на англичанина, то на нѣмца: оба они *чужіе*, оба они не вѣрятъ въ Бога такъ, какъ онъ вѣритъ, оба они не боятся ксендза, какъ онъ боится; отчего же одинъ, которому онъ не сдѣлалъ никакого зла—убиваетъ его и грабитъ? отчего другой, для котораго онъ ничего не наработалъ, даетъ ему даромъ денегъ и пищу? А земля? — земля стоитъ, орошенная кровавымъ дождемъ и сиротѣетъ безъ рукъ, холющихъ ее и кормящихъ ее засѣвами,—голодъ теперь, голодъ впереди, а тутъ еще язва коситъ жизни, полузастывшіе отъ нужды и холода! — будетъ ли конецъ всему этому, да и какой конецъ? Кто и когда возвратитъ крестьянину его нищенское достояніе, его очагъ, его сыновей? Кто и когда возвратитъ городскому рабочему тѣхъ дѣтей, которые умрутъ съ голоду во время все болѣе растущаго прекращенія всѣхъ работъ, и не только во Франціи, но и въ Бельгіи, Германіи, Швейцаріи? Кто дастъ ему средствъ для ухода за больною женою, истомленнаго голодомъ ребенка? Кто станетъ работать за него, когда *рынокъ* потребуетъ его рукъ, и когда руки опустятся отъ истощенія. Война, голодъ, язва—это три бича — три вѣчныхъ спутника народной жизни темныхъ среднихъ вѣковъ. Будетъ ли и XIX-й вѣкъ занесенъ *по ошибкѣ* въ средніе вѣка или онъ вынесетъ на своихъ плечахъ всѣ бѣдствія, причиненныя людскимъ неразуміемъ, и произнесетъ, наконецъ, *свое* катоновское: ceterum censeo, bellum esse delendum!

Наше дѣло слѣдить за прошлымъ и не гадать вслухъ о будущемъ. Гадальщику всегда плохо приходится: если я нагадаю вамъ свѣтлое и отрадное впереди, вы засмѣетесь и не повѣрите мнѣ, а если я предскажу темное и печальное, вы накинетесь на меня. Не будемте же начинать хоть мы-то войны между собою, тѣмъ болѣе, что сейчасъ пришелъ ко мнѣ мой молчаливый пріятель-корреспондентъ, чтобъ объявить, что есть извѣстія о предстоящемъ заключеніи мира! Если мой молчаливый пріятель рѣшился нарочно придти и заговорить о войнѣ, то, пожалуй, дѣйствительно миръ будетъ скоро... но чтобъ не очень обсчитаться, скажемъ перемиріе! А тутъ вслѣдъ за пріятелемъ явилась и депеша — о сдачѣ Метца съ колоссальною арміею. Дѣло вступаетъ въ новый фазисъ—остановимся на этомъ. Какой этапъ придется теперь проходить Франціи: отъ Седана до Метца пройдено; куда поведутъ ее дальше?

Ав. Семъ.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Первые опыты исторіи русскаго дворянства.

Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права. *А. Романовичъ-Славатинскаго*, профессора государственнаго права въ императорскомъ университетѣ св. Владиміра. Сводъ матеріала и пріуготовительные этюды для историческаго изслѣдованія. Спб. 1870. Стр. XXVI и 564.

Въ началѣ прошлаго десятилѣтія разсказывали анекдотъ, что будто какой-то дворянинъ Тверской губерніи захотѣлъ поступить въ мужики; желаніе это было такъ сильно, что когда предводитель дворянства, взявшійся отговорить его отъ пагубнаго намѣренія и истощившій уже все свое краснорѣчіе, сказалъ: «да вѣдь васъ, накопецъ, станутъ сѣчь», дворянинъ отвѣчалъ: «чтожъ, пускай сѣкутъ»! Анекдотъ этотъ хорошо выражаетъ тогдашнія стремленія дворянскаго меньшинства, которое говорило о необходимости слиться съ народомъ; часть журналистики въ ту пору тоже проповѣдовала довольно свободно такое сліяніе. Но въ чемъ должно было выразиться это «сліяніе», во имя какихъ общихъ интересовъ оно должно было совершиться, за какую путеводную нить должны были ухватиться дворянинъ и крестьянинъ — объ этомъ едвали многіе отдавали себѣ отчетъ. Земскія учрежденія покончили теперь съ этимъ вопросомъ, и напрасно приверженцы обособленности дворянства выражали печатно, что сливаться съ земствомъ—значитъ продать дворянскія права и дворянскую исторію за чечевичную похлебку Исава: есть ли земство чечевичная похлебка, разовьется ли оно въ болѣе питательное блюдо—вопросъ будущаго, но несомнѣнно, что оно вмѣстѣ съ новыми судебными учрежденіями и вводящимся теперь городскимъ положеніемъ наноситъ послѣдній ударъ стремленіямъ къ обособленію дворянства въ прежнемъ смыслѣ этого слова. Въ чемъ же будетъ состоять его исторія въ будущемъ?

Широкое поле предположеній открывается всякому охотнику читать въ будущемъ, особенно такому, который не заглядываетъ въ прошлое и не повѣряетъ имъ своихъ сужденій. А прошлое дворянства до сихъ поръ не находило себѣ историка, и опытъ г. Романовича-Славатинскаго можно считать первымъ камнемъ въ томъ зданіи, которое будетъ хранить въ себѣ историческія судьбы русскаго дворянства. Конечно, исторія русскаго народа есть вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія дворянства, но для того, чтобъ ясно усвоить себѣ существеннѣйшія черты этого сословія, необходимо было выдѣлить его изъ общей исто-

ріи, показать его особнякомъ, безъ освященія при помощи громкихъ историческихъ событій, славныхъ именъ государственныхъ людей: это освѣщеніе даетъ иногда слишкомъ яркій блескъ, подъ лучами котораго легко уживаться самымъ притязательнымъ воззрѣніямъ на историческую роль того или другого сословія, самымъ преувеличеннымъ понятіямъ о заслугахъ его. Не въ сіяніи военной славы и статскихъ дѣлъ надо видѣть его, не въ отдѣльныхъ личностяхъ, имѣющихъ право на всѣ наши симпатіи, а въ совокупномъ составѣ, на практикѣ его привилегій и общественной жизни. Искуственно созданное и искуственно поставленное впереди всего русскаго народа, оно одно пользовалось привилегіею и средствами выдѣлять изъ себя лучшіе соки: оно давало полководцевъ, министровъ, дипломатовъ, писателей, и являлось во всѣхъ видныхъ сферахъ государственной и общественной жизни, и конечно можетъ сказать: вотъ дѣянія нашихъ предковъ, не вправѣ ли мы гордиться своими преимуществами передъ другими сословіями, которыя не могутъ указать такого блестящаго ряда болѣе или менѣе великихъ людей? Оно можетъ это сказать, оно это говорило; но гордость славными предками должна значительно ослабнуть, если принять въ разсчетъ, что дѣянія эти зрѣли не на поприщѣ свободной конкуренціи, а на поприщѣ привилегій. Тутъ естественнѣе не гордость, а анализъ: какимъ образомъ дворянство воспользовалось своими привилегіями, на сколько превышаетъ сумма выгодъ, для государства и для націи, отъ ихъ дѣяній сумму невыгодъ отъ привилегій? Матеріаловъ издано довольно для того, чтобъ не оставлять пустыми обѣ чашки вѣсовъ, но ихъ все еще не достаточно, чтобъ положительно сказать, которая чашка перевѣшиваетъ. Только на этой почвѣ и возможны выводы о роли дворянства въ исторіи, только эта почва и можетъ дать матеріалы для предположеній о его будущемъ.

Дворянство у насъ образовалось изъ «дворни», придворныхъ чиновъ княжескихъ и царскихъ; въ старый періодъ нашей исторіи дворянами назывались иногда даже дворовые люди намѣстниковъ, а въ Малороссіи еще въ XVIII столѣтіи дворянами именовалась дворня старшинъ и шляхетства. Слово «дворянинъ» въ первый разъ встрѣчается въ лѣтописи въ XII вѣкѣ; въ московскій періодъ нашей исторіи «дворянинъ» означалъ низшій чинъ, и бояринъ счелъ бы себя оскорбленнымъ, еслибъ его назвали дворяниномъ. Дворяне и дѣти боярскіе отбывали преимущественно военную службу, но отбывали ее не постоянно, а періодическими ополченіями. Высшіе чины, бояре, окольничіе и проч. назначались на воеводства, въ посольство, въ приказы, а въ военное время становились впереди полковъ и армій. Такимъ образомъ—до Петра Великаго, дворянства, какъ сословія, не существовало; дворяне входили только въ составъ служилыхъ людей и были надѣлены за свою службу землями и крѣпостными; даже и всѣ царскіе служилые

люди не составляли одного сословія и не имѣли между собою никакой внутренней солидарности; собралъ ихъ въ одно цѣлое впервые Петръ Великій, и всѣхъ вмѣстѣ, то есть дворянъ, бояръ, окольничихъ и проч., окрестилъ польско-нѣмецкимъ словомъ «шляхетство», которое впервые встрѣчается въ Полномъ Собраніи законовъ въ 1712 году. Перестроивая Россію по иностраннымъ образцамъ и разрывая связь съ прошлымъ, онъ учредилъ, по примѣру западному, свое шляхетство, прекратилъ производство въ старые чины, бояръ, окольничихъ и проч., создалъ табель о рангахъ, основанную на служебной годности, тогда какъ старые чины основывались на породѣ, и ввелъ майораты. Табель о рангахъ привилась къ русскому обществу скоро, майораты не привились совсѣмъ и были впослѣдствіи отмѣнены. Петръ думалъ ими поднять свое шляхетство до феодальнаго дворянства, но это слишкомъ противорѣчило нашимъ нравамъ, и кромѣ того майораты — это аристократическое учрежденіе — не клеились съ табелью о рангахъ, открывшею широкій путь въ дворянство всѣмъ. Новые чины быстро вытѣснили старые, и чиновная честь вытѣснила породовую, отческую. Извѣстно, что эта породовая честь ничего не имѣла общаго съ тѣмъ point d'honneur'омъ, который развился на западѣ. Нашъ бояринъ разсчиталъ за безчестье сидѣть за столомъ ниже, чѣмъ указывали разрядныя книги, предпочитая этому сидѣнье подъ столомъ, и не считалъ за безчестье, если его били, по царскому приказу, батогами; онъ совершенно искренно считалъ себя царскимъ холопомъ, и современному человѣку было бы очень трудно понять, въ чемъ собственно заключалась боярская гордость — въ бородѣ ли особенно длинной и густой, въ дорогой ли шапкѣ, въ особенномъ ли приближеніи къ царю, въ длинномъ ли рядѣ предковъ; какъ бы то ни было, но табель о рангахъ пріучила русскихъ людей придавать особенное значеніе не своей личности, а своему чину: одинъ жалуется на «учиненный афронтъ характеру дѣйствительнаго тайнаго совѣтника», другой «о своей персонѣ не говоритъ, только характеръ канцеляріи совѣтника не допускаетъ не токмо побои, но и брани терпѣть». Хотя дубинка Петра Великаго ходила по всѣмъ чинамъ одинаково, не оставляя ни на комъ безчестья, но перенесеніе оскорбленія съ породы на чинъ уже потому было прогрессомъ, что захватывало гораздо большую массу людей.

Г. Романовичъ-Славатинскій, считая дворянство учрежденіемъ новымъ, начинаетъ его исторію съ Петра Великаго, то-есть съ того времени, когда въ ряды его могъ, при случаѣ, стать всякій. Дворянъ расплодилось много; дворянство по истинѣ представляло странную смѣсь —

Племенъ, нарѣчій, состояній,

ибо было еще, кромѣ русскаго, дворянство отзейское, малороссійское, а потомъ польское, грузинское и проч. Но въ первую половину

XVIII вѣка оно еще называлось шляхетствомъ, «благороднымъ» шляхетствомъ, по примѣру западнаго; это благородство было повышеніемъ сравнительно съ прежнимъ, такъ какъ до Петра Великаго благородными были только члены царской фамиліи, принявшія также въ началѣ XVIII вѣка другія наименованія. Оффиціально дворянствомъ оно стало называться только съ 1754 года, отчего, впрочемъ, сущность его нисколько не измѣнилась. Оно служило, служило, цѣлый вѣкъ служило; ка́къ служило—это другой вопросъ: оно искало чиновъ, искало всѣми средствами, именно—прислужничествомъ, интригою и, конечно, дѣлами достойными; чинъ—важная вещь; онъ скоро потерялъ то значеніе, которое имѣлъ при Петрѣ, когда напр., коллежскій совѣтникъ былъ дѣйствительно совѣтникомъ коллегіи; чинъ сдѣлался почетнымъ титуломъ, дававшимъ право на высшую должность, чинъ же возводилъ въ дворянство, гдѣ вскорѣ очутились придворные истопники, повара, карлы, которыхъ, случалось, прямо производили въ бригадиры и майоры. Съ другой стороны, князья Голицынъ, Волконскій и графъ Апраксинъ принуждены служить въ качествѣ официальныхъ шутовъ при Аннѣ Іоанновнѣ; Биронъ грозитъ сенаторамъ, что онъ положитъ ихъ вмѣсто мостовинъ на скверныхъ дорогахъ, по которымъ растрясло его особу. Казакъ Разумовскій быстро попадаетъ изъ пѣвчихъ въ графы; родные его: ткачъ Гудлянскій, закройщикъ Закревскій и казакъ Дараганъ, поженившіеся на дочеряхъ вдовы Разумихи, получаютъ шляхетство и богатыя помѣстья. Раболѣпство передъ всякой силой, которая выдвигалась впередъ какими бы то ни было средствами, искательство у фаворитовъ, шутовъ, истопниковъ, подчиненіе чувства собственнаго достоинства личной выгодѣ, жесткому эгоизму—вотъ заурядныя явленія въ средѣ нашего дворянства въ XVIII вѣкѣ, который можно бы назвать фантастической сказкой довольно грубаго издѣлія. И указанныя явленія не мѣшали, однакоже, возникнуть какой-то особенной, тоже грубой гордости, которая основывалась не столько на длинномъ рядѣ предковъ, сколько на длинномъ рядѣ помѣстій, и замыкала богатыя фамиліи въ особый аристократическій кругъ, не желавшій имѣть ничего общаго съ остальнымъ, бѣднымъ дворянствомъ. Это былъ старшій, любимый сынъ въ Россіи XVIII вѣка, на котораго работали всѣ остальные члены семьи, для того, чтобъ дать ему средство пріобрѣсти европейскій лоскъ, сладко пить, сладко ѣсть и хорошо одѣваться. Во то время, когда самые младшіе сыновья этой широкой семьи умирали съ голоду, погибали подъ плетьми и боcикомъ, въ рваномъ кафтанишкѣ, спасались въ безлюдныя степи и дремучіе лѣса, къ дикимъ звѣрямъ отъ людей, старшій сынъ пользовался всѣмъ, что́ даетъ человѣку возможность безмятежно смотрѣть на міръ, считать себя явленіемъ исключительнымъ, благорожденнымъ, по праву пользующимся трудомъ милліоновъ бѣдняковъ, ко-

торые окрещены презрительнымъ словомъ «подлыхъ». Понятія французскаго дворянства временъ Людовика XV усвоиваются тѣмъ быстрѣе, что для этого не требовалось глубокаго образованія. Личности, стоявшія въ уровень съ вѣкомъ, съ лучшими его идеями, начавшимися тогда обращаться, были весьма рѣдкимъ исключеніемъ и при этомъ же не всегда могли служить своимъ образованіемъ общественному и государственному дѣлу. Естественно, что прежде всего, между чувствами облагороживающими человѣка, явилось чувство того человѣческаго достоинства, которое не выноситъ ужъ слишкомъ грубаго обращенія съ своей особой; это чувство—элементарное, стоящее почти на степени инстинкта; въ средѣ дворянства и стали раздаваться рѣчи противъ тѣлесныхъ наказаній для своего сословія и затѣмъ противъ обязательной службы, хотя только такая служба и оправдывала существованіе крѣпостного права; еслибъ дворянству предложено было тогда освободить его отъ обязательной службы цѣною освобожденія крѣпостныхъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что оно предпочло бы остаться in statu quo; но обстоятельства сложили эту службу иначе: Петръ III даровалъ ему «вольность», 18 февраля 1762 г., Екатерина подтвердила эти права грамотою 1785 г. Дворянство почувствовало, что ему «развязаны ноги», стихотворцы возглашали, что «Россія» получила теперь «благоденство», но до благоденствія было далеко: только черезъ сто лѣтъ, почти въ тотъ же день, когда Петръ III далъ вольность дворянству, получили вольность и крѣпостные. До этого же времени продолжали улучшать бытъ дворянства, заводили дворянскія заведенія, дворянскіе институты, старались, въ особенности Екатерина II, создать нѣчто въ родѣ западной аристократіи. Она сама говорила, что въ душѣ аристократка (Зап. Сегюра), и любила блескъ и пышность богатой аристократіи. Господство французскаго языка, обычаевъ, нравовъ привилось къ нашему обществу въ особенности при ней, отчасти, какъ слѣдствіе господства французской образованности, отчасти благодаря революціи 1789 г., которая выслала цѣлыя толпы маркизовъ и жантильомовъ въ Петербургъ и Москву. Этотъ цвѣтъ французскаго дворянства разносилъ кастическія идеи и феодальныя понятія въ нашихъ салонахъ. Екатерина организуетъ дворянство, даетъ «личныя преимущества», производитъ только-что родившихся младенцевъ аристократическихъ фамилій въ дѣйствительные статскіе совѣтники, и т. п. Къ этимъ первымъ усиліямъ возлелѣять на русской почвѣ дворянство присоединяются усилія послѣдующихъ царствованій и въ результатѣ получается, что въ меньшинствѣ своемъ, благодаря образованію, университетамъ, дворянство выставляетъ полкъ образованныхъ людей, честно сослужившихъ службу русскому просвѣщенію, но куплено это Россіею страшно дорогою цѣною, пожертвованіями, которыя вознаграждаются только вѣками.

Крѣпостное право, какъ это ни странно, до сихъ поръ находитъ своихъ поклонниковъ, и сколько есть еще людей, которые готовы защищать его въ прошломъ, готовы находить, что оно было полезно, что оно пріучало народъ къ осѣдлой жизни, къ труду и т. п. Въ настоящее время мы очень хорошо уже можемъ судить, что нашъ мужикъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ онъ въ XVII вѣкѣ, и крѣпостное право скорѣе привило къ нему отвращеніе къ труду и страсть къ бродяжничеству, что и не могло быть иначе при тѣхъ безправныхъ отношеніяхъ, о которыхъ упоминаетъ манифестъ 19 февраля 1861 г.: «права помѣщиковъ были до нынѣ обширны и не опредѣлены съ точностью закономъ, мѣсто котораго заступали преданіе, обычай и добрая воля помѣщика». Въ этихъ словахъ цѣлая исторія крѣпостнаго быта, и они, какъ нельзя лучше, подтверждаются книгою г. Романовича-Славатинскаго. Крестьянъ раздавали, какъ извѣстно, до 1801 года, и раздавали широкою рукою. Всякое событіе при дворѣ, каждая побѣда или миръ сопровождались раздачей помѣстій. Г. Романовичъ-Славатинскій не собралъ подробныхъ свѣдѣній о томъ, сколько было роздано крестьянъ въ разныя царствованія, но изъ тѣхъ немногихъ данныхъ, которыя онъ приводитъ, видно, что самою щедрою раздавательницею была Екатерина II. «Помѣстья, говоритъ онъ, щедрою рукою раздавались официальнымъ (генералъ-адъютантамъ) и тайнымъ фаворитамъ. Вотъ рядъ этихъ фаворитовъ, въ хронологическомъ порядкѣ: Орловъ, Васильчиковъ, Завадовскій, Потемкинъ, Зоричъ, Корсаковъ (одновременно Страховъ, тайный фаворитъ), Ланской (одновременно Мордвиновъ, тайный), Ермоловъ, Дмитріевъ-Мамоновъ, Платонъ Зубовъ. Всѣ эти фавориты, въ началѣ бѣдные дворяне, едва имѣвшіе средства содержать себя въ гвардіи, сдѣлались потомъ богатѣйшими помѣщиками, цвѣтомъ нашей аристократіи». Всѣ они вмѣстѣ, сколько извѣстно, получили болѣе 150 тысячъ душъ. Императоръ Павелъ, выходя изъ того убѣжденія, что крестьяне могутъ быть счастливѣе подъ управленіемъ помѣщиковъ, которыхъ онъ называлъ своими полиціймейстерами, чѣмъ подъ властію лицъ, назначенныхъ для завѣдыванія крестьянами казенными, роздалъ ихъ тоже очень много. Россія наполнилась громадными имѣніями, о которыхъ и помину не было въ XVII вѣкѣ, и замѣчателенъ тотъ фактъ, что большія имѣнія, накопленныя трудомъ и постепеннымъ пріобрѣтеніемъ цѣлымъ рядомъ дворянскихъ поколѣній составляютъ исключенія изъ числа богатыхъ состояній, пожалованныхъ правительствомъ. Это естественное послѣдствіе отчасти обязательной службы, удалившей помѣщика отъ деревенской жизни, отчасти того широкаго, безалабернаго образа жизни, которымъ въ богатыхъ классахъ ознаменовалъ себя XVIII вѣкъ. Такъ какъ раздача имѣній производилась, не обращая вниманія на нравственную сторону жалуемаго лица и такъ какъ законы о пространствѣ власти помѣщи-

ковъ были весьма неопредѣленны, то произволу была широкая дорога. Помѣщики устраивались царьками, заводили свои штаты, мало обращали вниманія на администрацію и распоряжались своими крѣпостными, какъ хотѣли, особенно съ того времени, когда Екатерина II дала имъ право ссылать своихъ «подданныхъ» на каторгу; впослѣдствіи это право было отмѣнено, но правомъ ссылки помѣщики пользовались до самого 19 февраля, и въ этомъ отношеніи преданія сохранили, напр., такіе случаи, что одна помѣщица, выбирая себѣ любовниковъ изъ крѣпостныхъ, ссылала ихъ въ Сибирь послѣдовательно, по мѣрѣ того, какъ они ей надоѣдали: новый любовникъ, такимъ образомъ, не видѣлъ себѣ соперника, но въ тоже время видѣлъ въ перспективѣ отдаленную Сибирь. Такъ называемыхъ злоупотребленій помѣщичьей власти г. Романовичъ-Славатинскій приводитъ довольно много: цѣпи, желѣза, рогатки, колодки, пытки — явленія не рѣдкія даже въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія: jus primae noctis было тоже не исключительнымъ явленіемъ, хотя нашъ авторъ упоминаетъ только о тайномъ совѣтникѣ Жадовскомъ, помѣщикѣ Оренбургской губерніи, процессъ котораго напечатанъ г. Любавскимъ, и изъ котораго видно, что этимъ правомъ Жадовскій пользовался въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Гаремы изъ крѣпостныхъ, правильно, на восточный образецъ устроенные, существовали такъ часто, что въ этомъ отношеніи не было бы недостатка въ фактахъ, еслибы ихъ собрать. Какъ ни снисходительно относилась администрація къ подобнымъ злоупотребленіямъ помѣщичьей власти, но все же дѣла нашихъ архивовъ могли бы представить довольно обильный матеріалъ. Разумѣется, нечего говорить о Солтычихѣ, которая лежитъ ужъ слишкомъ яркимъ пятномъ на крѣпостномъ правѣ.

Несмотря на указы, не разъ повторявшіеся, крѣпостными торговали, проигрывали ихъ въ карты, платили ими долги, давали ими взятки, платили врачамъ за леченіе. Торговля крестьянами, какъ скотомъ (выраженіе Петра Великаго), производилось во все царствованіе Екатерины II и къ концу его самымъ циническимъ образомъ. Г. Романовичъ-Славатинскій просмотрѣлъ «Спб. Вѣд.» за 1796 годъ и нашелъ тамъ много объявленій о продажахъ крестьянъ семьями и порознь, чаще всего о продажѣ «молодыхъ дѣвокъ собою видныхъ». На эту продажу смотрѣли также невозмутимо какъ на продажу вещи, напр.: «Нѣкто, отъѣзжая изъ С.-Петербурга, продаетъ 11 лѣтъ дѣвочку и 15 лѣтъ парикмахера, за котораго даютъ 275 р., да сверхъ того столы, 4 кровати, стулья, перины, подушки, платяной шкафъ, сундуки, кіота для образовъ и прочій домашній скарбъ»; или: «Желающіе продать лѣтъ 30 бабу, которая бы умѣла шить и гладить бѣлье, да лѣтъ 13 дѣвочку, могутъ о семъ дать знать на Петербургскую сторону, въ Зелейной улицѣ, въ 3 отъ перевозу домъ». Особенно раз-

вилась при Екатеринѣ продажа крѣпостныхъ въ Малороссіи, гдѣ ихъ выгоняли на ярмарки вмѣстѣ съ баранами и другими животными. Продажа въ розницу продолжалась не только при Павлѣ, но и при Александрѣ I, когда, напр., изъ Рязанской губерніи и другихъ мѣстъ привозились на урюпинскую ярмарку *скованные* помѣщичьи люди, для продажи ихъ въ розницу. Департаментъ законовъ еще въ 1820 году отстаивалъ продажу крѣпостныхъ безъ земли и не находилъ надобности въ изданіи воспретительнаго закона, основываясь на томъ, что продажа людей, при «нынѣшнемъ» гражданскомъ состояніи Россіи, не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго. Только въ 1833 г. состоялся законъ, дополнительный въ 1841 г., которымъ продажа крестьянъ значительно была стѣснена. Надо сказать, что для этой стороны вопроса г. Романовичемъ-Славатинскимъ сдѣлано не много, и онъ опустилъ даже то, что могъ бы найдти въ запискахъ иностранцевъ: онъ имъ не довѣряетъ, на основаніяхъ тѣмъ болѣе шаткихъ, что показанія ихъ по большей части находятъ себѣ подтвержденіе въ оффиціальныхъ документахъ. Что можетъ быть краснорѣчивѣе, напр., такого оффиціально засвидѣтельствованнаго факта: кіевская помѣщица Разлачева была невѣрна своему мужу; дочь это замѣтила и передала отцу; отсюда ненависть матери къ дочери, кончившаяся тѣмъ, что мать, назвавъ свою дочь крѣпостною дѣвкою, выдала довѣренность на продажу ея донскому казаку, по полученіи отъ него 90 р. Мѣстные судьи ограничились выговоромъ Разлачевой въ 1811 г., но сенатъ сослалъ ее на поселеніе. Другой фактъ болѣе веселаго характера: мелкопомѣстная помѣщица вышла замужъ за своего крѣпостного, не выдавъ ему отпускной; супруги прожили два года и прижили дочь; затѣмъ помѣщица продала свой хуторъ одному дворянину, который, спустя три года, потребовалъ, черезъ уѣздный судъ, своего крѣпостного съ семействомъ, т.-е. мужа помѣщицы и съ дочерью. Дѣло было улажено дворянствомъ, которое убѣдило покупщика выдать отпускную мужу помѣщицы съ семействомъ. Такіе факты проходили мимо иностранцевъ.

Мы не рѣшаемся подводить итоговъ всему тому, что́ сдѣлано дворянствомъ — для этого, быть можетъ, еще не настало свое время; намъ кажется однако, что исторія довольно ясно указываетъ на одну выдающуюся черту русскаго дворянства, какъ сословія, это—неспособность его группироваться для общественнаго дѣла и понимать его, неспособность, зависящую, конечно, отъ его исключительнаго положенія, разобщеннаго отъ крестьянъ, духовенства и купцовъ, въ которое поставлено оно силою вещей, и за которое оно держалось, какъ за якорь спасенія. Немногіе рѣшались выпускать изъ рукъ этотъ якорь, съ тѣмъ чтобы сдѣлать попытку выйти въ открытое море; тѣмъ не менѣе нельзя не сознаться, что такіе дворяне, при всемъ небольшомъ

своемъ числѣ, мало по малу подготовляли почву для всѣхъ великихъ преобразованій настоящаго времени; о нихъ-то мы и говорили выше, какъ о полку, честно сослужившемъ службу свою отечеству. Но, въ своемъ цѣломъ, дворянство оставалось сословіемъ служилымъ, отдѣлявшимъ себя отъ остальной Россіи и преимущественное вниманіе обращавшимъ на сохраненіе важнѣйшей своей привилегіи—крѣпостного права. Полнѣйшій консерватизмъ былъ для него необходимъ, поэтому для него общіе интересы существовали мало, и даже въ такую минуту грозной опасности, какъ въ 1812 году, оно, какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые документы, отозвалось не столь единодушно и не столь патріотично, какъ слѣдовало бы ожидать отъ передового сословія. Во время крымской войны тоже явленіе повторилось; мы знаемъ губерніи, гдѣ во время ополченія, дворянство не жалѣло денегъ и людей, но жалѣло себя, и вмѣсто того, чтобъ служить самому, прибѣгало къ найму за себя, разныхъ отставныхъ военныхъ, канцелярскихъ, учителей и т. п. Ту значительную роль, которую дало ему правительство участіемъ въ управленіи страны черезъ выборы судей, исправниковъ и проч., оно опять выполнило въ смыслѣ своихъ исключительныхъ интересовъ такъ, что наши уѣздные суды и земская полиція сдѣлались синонимомъ произвола и взяточничества. Напрасно правительство обращалось къ дворянству съ надеждою, что оно «устремится къ исполненію одной изъ важнѣйшихъ своихъ обязанностей»; напрасно императоръ Николай I говорилъ въ указѣ отъ 1-го января 1838 года:» «Изъ свѣдѣній, доходившихъ до меня, я съ прискорбіемъ видѣлъ, что выборы дворянскіе не всегда соотвѣтствовали ожиданіямъ правительства. Лучшіе дворяне или уклонялись отъ служенія, или не участвовали въ выборахъ, или съ равнодушіемъ соглашались на избраніе людей, не имѣющихъ потребныхъ качествъ къ исполненію возложенной на нихъ обязанности»; — дворянство не проникалось этими напоминаніями и продолжало выбирать такихъ людей, которые часто позорили занимаемыя ими должности и лакействовали передъ крупнымъ дворянствомъ. Естественно, что тотъ образованный московскій дворянинъ, который говорилъ Гакстгаузену, что «администрація губерніи много бы выиграла, еслибъ дворянскіе выборы были уничтожены, а всѣ должностныя лица замѣщались бы отъ короны», былъ по тому времени правъ; но правительство не хотѣло лишать дворянство этой привилегіи, весь смыслъ которой покоился единственно въ крѣпостномъ правѣ.

Тоже обличеніе неспособности организироваться видимъ мы и въ тѣхъ немногихъ политическихъ попыткахъ, которыя оно дѣлало; вспомнимъ попытку ограничить монархическую власть при вступленіи на тронъ Анны Іоанновны. Во имя чего ратовало дворянство? Во имя того, чтобъ «себѣ полегчить»; еще прежде, въ смутное время, тоже начало руководило имъ, когда оно съ завистью взирало на магнат-

скія привиллегіи поляковъ; при императорѣ Александрѣ I оно опрокинулось со всею силою на Сперанскаго, который очищалъ канцелярію отъ «полотеровъ» — такъ называлъ императоръ Александръ I сыновей богатыхъ фамилій, ринувшихся въ гражданскую службу, когда, съ одной стороны, строгая военная дисциплина при Павлѣ, съ другой— постоянныя войны, начавшіяся со вступленіемъ на престолъ его сына, охладили рвеніе дворянства къ службѣ военной; оно не было довольно и конституціей Сперанскаго, потому что въ ней предполагалось постепенное уничтоженіе крѣпостного права.

Нынѣшнее царствованіе, касаясь всѣхъ основъ русской жизни, не коснулось прямо дворянства, предоставивъ его своей судьбѣ, естественному теченію событій. Это сдѣлано правительствомъ съ тѣмъ тактомъ, который отличалъ его во всѣхъ реформахъ; оно не могло не видѣть, какъ каждая новая реформа подтачиваетъ въ корнѣ дворянскія привилегіи, но оно дѣйствовало во имя всей страны и дворянство мало по малу очутилось въ томъ положеніи, что ему предстоитъ распуститься въ земствѣ; оно попробовало-было въ извѣстномъ московскомъ адресѣ формулировать свои нужды, спасти свое значеніе, снять свой корабль съ якоря, но адресъ остался явленіемъ одиночнымъ, не поддержаннымъ дворянствомъ остальныхъ губерній и не встрѣтившимъ сочувствія въ тѣхъ слояхъ русскаго общества, которые не держались за дворянскія привилегіи и которые не могли промѣнять правительственной инщіативы на инщіативу дворянскую: первая постоянно давала о себѣ знать, не безъ колебаній, правда, но рѣшительно настолько, что движеніе впередъ совершалось, тогда какъ инщіатива дворянская не имѣла за собой ничего въ прошломъ, никакого успѣха, а въ настоящемъ — это всѣ чувствовали — заявляла только о своей корпоративной слабости, о безсиліи своего корабля, съ котораго постоянно эмигрировали лучшіе матросы.

Чего ждать въ будущемъ—мы не знаемъ, но несомнѣнно, что для удержанія за собой значенія дворянство должно измѣнить свои задачи, тѣмъ болѣе, что старое содержаніе ихъ, и безъ того бѣдное, умерло; оно можетъ остаться передовымъ сословіемъ лишь въ томъ случаѣ, если дѣйствительно будетъ угадывать всѣ потребности русскаго общества, и идти впереди его всегда и вездѣ. Не въ безсмысленную оппозицію оно должно играть, не утѣшаться—этой оппозиціей, благо ее признаютъ нѣкоторые и даже даютъ ей значеніе, а работать въ своихъ имѣніяхъ, возвышать свое и народное благосостояніе, развиваться и развивать, горячо принимать къ сердцу свои нужды, не отдѣляя ихъ отъ нуждъ народныхъ. Мы не говоримъ о пожертвованіяхъ, не говоримъ о возлюбленіи ближняго какъ самого себя—это удѣлъ натуръ исключительныхъ, но хотя бы умѣли принимать горячо къ сердцу свои нужды, не отдѣляя ихъ отъ нуждъ народныхъ. Об-

шивка дворянскаго корабля покрылась мхомъ, онъ неуклюже выглядываетъ теперь своимъ строемъ временъ царя Алексѣя Михайловича, прежняя стоянка на якорѣ потеряла свой смыслъ, на морѣ вѣетъ попутный вѣтеръ, но воспользоваться имъ безопасно можетъ только тотъ, кто на рулѣ поставитъ не эгоизмъ и своекорыстіе, а стремленіе къ общему благу и общей пользѣ.

ПИСЬМА КЪ РЕДАКТОРУ.

I.

ПО ПОВОДУ «ПЕРЕПИСКИ МИТРОПОЛИТА ЕВГЕНІЯ».

М. Г. Въ «Библіографическомъ Листкѣ» іюльской книжки вашего журнала за текущій годъ, по поводу выхода въ свѣтъ второго выпуска «Переписки митрополита Евгенія съ графомъ Румянцовымъ», — издаваемой воронежскимъ статистическимъ комитетомъ, высказанъ упрекъ комитету въ томъ, что онъ не указалъ въ своемъ изданіи источника, откуда имъ были пріобрѣтены матеріалы, помѣщенные въ «Перепискѣ». Спѣшу оправдаться въ качествѣ секретаря воронежскаго статистическаго комитета и редактора II выпуска «Переписки».

Нѣсколько глухое указаніе на источникъ пріобрѣтенія матеріаловъ находится въ 1 примѣч. къ I-му выпуску (стр. 1), гдѣ, между прочимъ, сказано, что нѣкоторыя бумаги митрополита Евгенія достались по смерти родственнику его Ст. Гр. Устиновскому, но какія бумаги и кто этотъ Устиновскій — этого необъяснено.

Я считаю необходимымъ сообщить вамъ слѣдующія данныя. Вопервыхъ, укажу вамъ на статью г. Веселовскаго, перваго, по времени, редактора «Переписки», помѣщенную въ «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» (1867 г. № 80), подъ заглавіемъ: *«Приготовленія къ празднованію въ городѣ Воронежѣ юбилея митрополита кіевскаго Евгенія»*. Въ статьѣ этой, между прочимъ, говорится слѣдующее:

«Переписка эта сохранилась въ рукахъ одного изъ родственниковъ митрополита Евгенія, Степана Григорьевича Устиновскаго, которому достались бумаги послѣ смерти митрополита. Когда поднята была мысль о празднованіи 100-лѣтняго юбилея со дня рожденія митрополита Евгенія, имѣющаго быть 18-го декабря настоящаго года, то въ

г. Воронежѣ эта мысль была принята всѣми истинными любителями просвѣщенія тѣмъ съ бо̀льшимъ сочувствіемъ, что митрополитъ Евгеній былъ уроженецъ города Воронежа и до 32-го года своей жизни всецѣло принадлежалъ городу Воронежу. Евгеній Степановичъ Устиновскій, къ которому перешли потомъ бумаги митрополита Евгенія, подъ вліяніемъ юбилейной мысли сталъ ихъ пересматривать и нашелъ между ними переписку Евгенія съ графомъ Румянцовымъ и съ нѣкоторыми другими его современниками, между прочимъ и съ бывшимъ псковскимъ губернаторомъ А. Пещуровымъ, съ которымъ митрополитъ Евгеній находился въ весьма пріязненныхъ и близкихъ отношеніяхъ. Узнавъ, что Пещуровъ приходится близкимъ родственникомъ настоящему воронежскому губернатору, князю Владиміру Александровичу Трубецкому (онъ женатъ на дочери А. Пещурова), Устиновскій подѣлился своею находкою съ княземъ В. А. Трубецкимъ и, вмѣстѣ съ письмами тестя, показалъ ему и переписку Евгенія съ графомъ Румянцовымъ. Заинтересованный этими драгоцѣнными сокровищами, и пользуясь наступающимъ днемъ юбилея митрополита Евгенія, князь В. А. Трубецкой просилъ г. Устиновскаго уступить эти бумаги воронежскому статистическому комитету съ тѣмъ, чтобы издать ихъ къ юбилейному дню и такимъ образомъ достойно почтить одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей, которому пришлось въ городѣ Воронежѣ родиться, воспитаться и начать свою общественную дѣятельность».

Евгеній Степановичъ Устиновскій приходится родственникомъ митрополиту Евгенію по своей бабкѣ. Евфросинія Алексѣевна, замужняя родная сестра митрополита, имѣла двухъ сыновей [1]), умершихъ бездѣтными, и двухъ дочерей,—Глафиру и Вѣру. Сама Евфросинія Алексѣевна умерла вдовою, а дочери ея были замужемъ, старшая Глафира за Ст. Григ. Устиновскимъ, а младшая, — Вѣра за г. Постниковымъ. Такъ какъ у самого Евгенія Болховитинова не было дѣтей, то Евгеній Степановичъ Устиновскій, сынъ Степана Григорьевича, внучатный племянникъ митрополита, оказывается ближайшимъ его родственникомъ, къ которому должны были перейти бумаги, завѣщанныя покойнымъ митрополитомъ Евгеніемъ своимъ наслѣдникамъ [2]).

Вотъ, милостивый государь, тѣ данныя, на основаніи которыхъ «Переписку», печатаемую воронежскимъ статистическимъ комитетомъ, нельзя подвергать сомнѣнію относительно ея подлинности и досто-

---

[1]) Объ одномъ изъ своихъ племянниковъ упоминаетъ митрополитъ Евгеній въ своихъ письмахъ къ Македонцу. (См. Русскій Архивъ 1870 г. № 4 и 5.)

[2]) По 5-му пункту завѣщанія митрополита Евгенія, помѣщенному въ его біографіи, всѣ свои переплетенныя записки и письменныя бумаги онъ завѣщалъ своимъ наслѣдникамъ. См. Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, изданный М. Погодинымъ, 1845 г. т. I, біографія Евгенія, стр. 19.

вѣрности. Ваше замѣчаніе о необходимости въ слѣдующемъ выпускѣ «Переписки» приложить объясненіе происхожденія ея матеріаловъ, уже предусмотрѣно мною. Къ сожалѣнію, I-й выпускъ «Переписки митрополита Евгенія и т. д.» былъ изданъ безъ всякаго объяснительнаго предисловія; помѣстить его во II-мъ выпускѣ, изданномъ подъ моею редакціею, мнѣ казалось неумѣстнымъ. Но III-й, послѣдній выпускъ, который я надѣюсь окончить изданіемъ въ концѣ текущаго года, я предполагаю снабдить запоздавшимъ предисловіемъ, въ которомъ, во-первыхъ, изложу въ подробности исторію пріобрѣтенія статистическимъ комитетомъ печатаемой имъ «Переписки», во-вторыхъ, укажу на особенности «Переписки» относительно каллиграфіи, орѳографіи и т. п., и кромѣ того постараюсь приложить нѣсколько автографическихъ факсимиле митрополита Евгенія и графа Румянцова.

Вполнѣ сознавая всю трудность и отвѣтственность выпавшей на мою долю задачи, я обращаюсь къ гг. спеціалистамъ и лицамъ, интересующимся изданіемъ, редактируемымъ мною, съ покорнѣйшею просьбою не оставить меня своими совѣтами, замѣчаніями и указаніями на недостатки и ошибки.

Всякое заявленіе такого рода будетъ принято мною съ благодарностью.

Примите, и пр.

Воронежъ.

М. Веневитиновъ.
И. д. секр. воронеж. статистич. комитета.

II.

НЕКРОЛОГЪ.

Преподаватель народной школы, И. С. Зоричъ.

М. Г. Еще 19-го сентября, мы обращались къ нѣкоторымъ газетамъ съ заявленіемъ о смерти приходскаго учителя Зорича, прося заявить о потерѣ, которая чувствительна главное намъ, давно раздѣляющимъ труды покойника; но вѣроятно въ нашемъ отечествѣ труды маленькаго человѣка, какъ бы они ни были велики и честны, не должны быть публикованы, такъ какъ наши заявленія остались безъ напечатанія. Такое грустное заключеніе навело насъ на мысль обратиться къ вашему журналу, не напечатается ли въ немъ наше заявленіе? Дѣло вотъ въ чемъ:

19-го сентября мы получили прискорбное извѣстіе изъ Ельца,

что вновь переведенный туда изъ Трубчевска учитель приходскаго училища Николай Спиридоновичъ Зоричъ, на дняхъ пріѣхавшій въ Елецъ 12-го сентября лишился жены, а 14-го умеръ отъ холеры, оставивъ 4-хъ малолѣтнихъ дѣтей.

Смерть его унесла одного изъ полезнѣйшихъ дѣятелей для нашего народнаго образованія. Болѣе всѣхъ дѣятельность этого неусыпнаго труженика извѣстна намъ потому, что съ нами онъ началъ свою трудную, учительскую службу, 7 лѣтъ мы были сослуживцами и вотъ на восьмомъ году, когда счастье улыбнулось человѣку, когда правительство и общество обратили на его труды вниманіе (въ этомъ году онъ высочайше награжденъ былъ медалью за усердіе, а въ каникулярное время его вызвало Болховское земство быть руководителемъ съѣзда учителей въ томъ уѣздѣ), пріобрѣтя такимъ образомъ нѣкоторую извѣстность въ губерніи, онъ былъ переведенъ въ Елецъ на службу съ гораздо большимъ окладомъ жалованья. И поѣхалъ онъ искать счастье — а нашелъ могилу!

Не длинна біографія этого человѣка. Бѣднякъ отъ рожденія, сынъ мелкаго чиновника, окончилъ онъ курсъ въ Трубчевскомъ училищѣ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, полюбивъ трудъ учителя, поступилъ онъ сначала въ сельское училище, а въ 1862 году перешелъ учителемъ въ Трубчевское приходское училище. Съ того времени, почти неразлучно, мы служили вмѣстѣ.

Не общественный человѣкъ былъ покойникъ. Школа, книга и семья были постоянными его занятіями и развлеченіями. Къ достиженію предвзятой цѣли относительно его міра — школы, онъ не имѣлъ препятствій, и если они являлись, являлась вмѣстѣ съ тѣмъ и сила воли, уничтожающая ихъ. Первая, основная мысль его была та, чтобы въ его школѣ не было дурныхъ учениковъ, и онъ достигалъ этого, несмотря на то, что менѣе 100 учащихся не бывало тамъ. Умѣнье сортировать учениковъ по познаніямъ и умѣнье вести занятіе съ этой массой такъ, чтобы всѣ были заняты и другъ другу не мѣшали, удивляли не одного меня. Послѣ двухлѣтняго занятія въ его первоначальной школѣ, большая часть учениковъ выходили хорошо подготовленными изъ русскихъ предметовъ во всякое среднее учебное заведеніе, ибо, кромѣ правильнаго и разумнаго чтенія и письма, они были ознакомлены со всѣми видимыми явленіями природы; имъ были передаваемы въ краткихъ разсказахъ свѣдѣнія объ отчизновѣдѣніи; а умственныя вычисленія съ помощію счетовъ и доски дѣлались ими быстро, съ разумнымъ выясненіемъ, почему такъ дѣлается. Сколько усиленнаго труда было употреблено тутъ для того, чтобы достигнуть желанныхъ результатовъ! Сколько здоровья было потрачено, чтобы привести эту неразвитую массу учащихся къ такому правильно-разум-

ному порядку! Объ этомъ могутъ судить подобные покойнику труженики, хорошіе школьные учителя.

И вотъ этотъ честный труженикъ умеръ. На службѣ онъ состоялъ только 8 лѣтъ, хотя принесъ пользы своимъ трудомъ гораздо болѣе иного того, кто служилъ десятки годовъ. Но что же съ этого? Дѣти его все-таки бóльшее, что могутъ получить для своего насущнаго пропитанія, это незначительное единовременное пособіе. А на долго ли его станетъ, когда ихъ несчастный отецъ только и могъ оставить имъ доброе имя о себѣ?

Пожалѣемъ же вмѣстѣ со всѣми лицами, сочувствовавшими народному образованію, о покойникѣ, и поможемъ чѣмъ Богъ послалъ его сиротамъ.

Кто пожелаетъ помочь сиротамъ, пусть адресуетъ свою лепту *въ Трубчевскъ, на имя Александры Григорьевны Соколовой*, ближайшей родственницы покойника. Е. Фесенко.

Трубчевскъ. 16-го октября, 1870 г.

III.

По поводу ассигновокъ на народное образованіе.

М. Г. Такъ какъ я посвящаю значительную долю своей дѣятельности народному образованію, то я, конечно, съ особеннымъ интересомъ прочелъ статью, озаглавленную «Земскіе итоги» въ получаемомъ мною экземплярѣ «Вѣстника Европы»; авторъ ея составилъ, между прочимъ, сводъ денежныхъ пожертвованій земства на народныя училища. Въ статьѣ этой, на стр. 758 (августов. книга), сказано, что въ 1868 г. 24 уѣзда только ассигновали на народное образованіе сумму свыше 5,000 рублей, и эти уѣзды исчислены въ выноскѣ. Въ этомъ перечнѣ пропущенъ Новосильскій уѣздъ Тульской губерніи, между тѣмъ этотъ уѣздъ съ 1868 года ежегодно ассигнуетъ на народное образованіе по 6,000 рублей изъ земскихъ суммъ, а въ очередное засѣданіе нынѣшняго года 22-го сентября земство опредѣлило, сверхъ 6,000, еще 3,400 рублей изъ земскаго капитала на пособія при постройкѣ училищъ, единогласно опредѣливъ выдавать оные безвозвратно. Въ виду того участія, которое въ «Вѣстникѣ Европы» высказывается къ дѣлу народнаго образованія и ходу его развитія въ нашемъ отечествѣ, я указываю на сдѣланный пропускъ, и въ подтвержденіе моихъ словъ препровождаю при семъ отчеты, читанные въ очередномъ собраніи Училищнымъ Совѣтомъ, которымъ я уже второе

трехлѣтіе имѣю честь быть предсѣдателемъ, въ качествѣ члена отъ земства. Изъ общихъ выводовъ этихъ отчетовъ вы довольно подробно узнаете, какъ у насъ идетъ дѣло, и какихъ мы успѣли достигнуть результатовъ. Нашъ училищный совѣтъ предъ многими другими представляетъ ту особенность, что онъ не разъединенъ съ земскимъ собраніемъ, и эта-то степень солидарности, по моему убѣжденію, и есть главная причина того, что намъ удается достигать бóльшихъ и болѣе прочныхъ результатовъ, чѣмъ во многихъ другихъ уѣздахъ, гдѣ земство и Училищный Совѣтъ представляются какъ бы двумя отдѣльными и нерѣдко въ антагонизмѣ стоящими вѣдомствами....

Примите и пр. *I. Шатиловъ.*

13-го октября, 1870.

Редакція «Вѣстника Европы» съ величайшею готовностью помѣщаетъ на страницахъ своего журнала возстановленіе пропуска, сдѣланнаго въ упомянутой выше статьѣ. Какъ оказывается изъ отчета, въ Новосильскомъ уѣздѣ расходъ на народное образованіе слагается изъ трехъ цифръ: 1) земство—6,000 р.; 2) 45 сельскихъ обществъ—2,397 р., и 3) городская дума съ частными лицами—162 р.; а всего—9,559 рублей. И эта сумма была однако признана недостаточною: училищный совѣтъ опредѣлилъ, во-1-хъ, исходатайствовать у земства единовременно 3,400 р.; а во-2-хъ, просить у мирового съѣзда и начальника губерніи, чтобы упраздняющіеся дома волостныхъ правленій отдать подъ училища, а штрафныя деньги отдать на ремонтъ ихъ. «Конечно, ни земство, ни сельскія общества, благодаря денежнымъ пожертвованіямъ которыхъ, въ 44 училищахъ, изъ числа 58, введены: звуковой методъ, толковое чтеніе, умственное счисленіе, не захотятъ, чтобъ эти предметы, характеризующіе лучшія народныя училища, и впредь передавались ученикамъ во мракѣ курныхъ избъ, или въ волостныхъ правленіяхъ, подъ шумъ арестантской руготни, или кудахтанья домашней птицы старшины или писаря» — такъ заключаются «Общіе выводы и замѣчанія о состояніи начальныхъ народныхъ училищъ Новосильскаго уѣзда за 1869 — 70 годъ». Вышеприведенное письмо показываетъ, что ходатайство Совѣта предъ земствомъ было не напрасное; земство не пожалѣло новыхъ денегъ на народное образованіе, и хорошо сдѣлало: это такого рода расходъ, о которомъ можно сказать: сѣется тлѣнное, выростаетъ нетлѣнное.

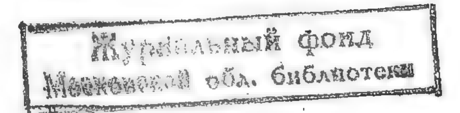
Отъ Редакціи. — Пріостановивъ въ октябрѣ окончаніе романа В. Крестовскаго-Псевдонима: «Большая Медвѣдица», мы надѣялись возобновить печатаніе въ ближайшей книгѣ, но, къ сожалѣнію, болѣзнь автора не позволила ему заняться окончательною отдѣлкою послѣдней части, и мы должны отложить конецъ романа до будущаго времени.

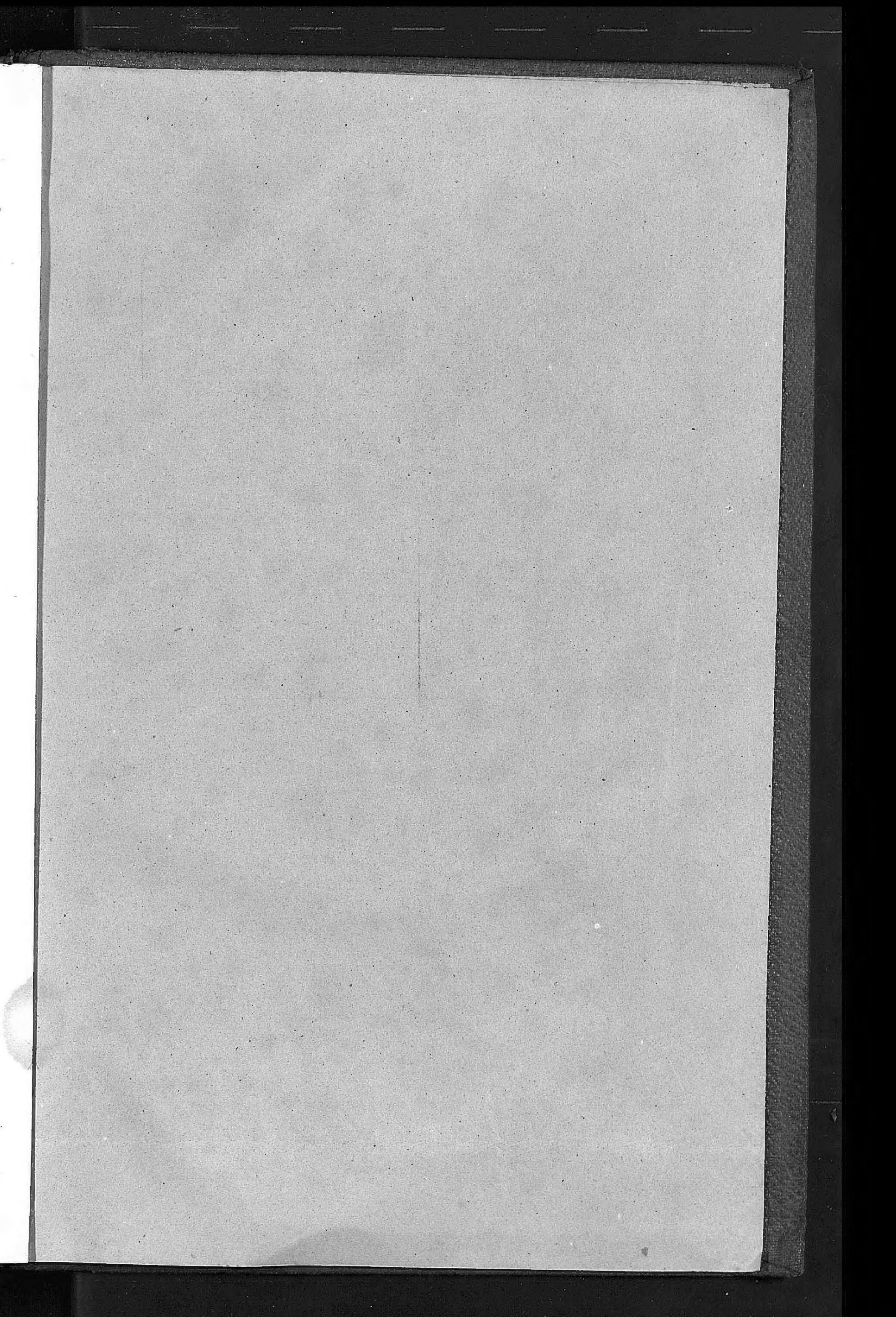
ПОПРАВКА.

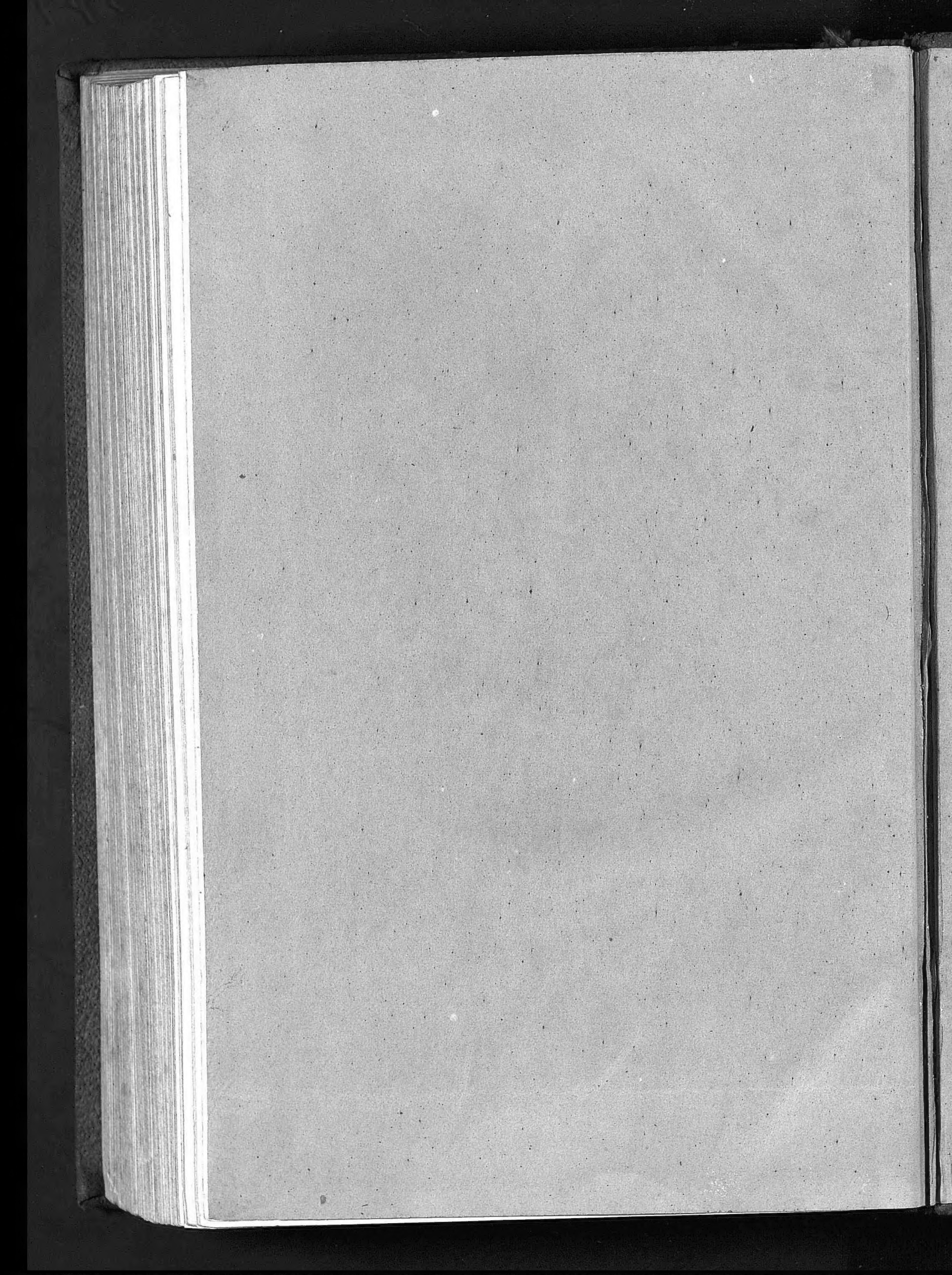
Въ октябрьской книгѣ просятъ сдѣлать слѣдующія исправленія:

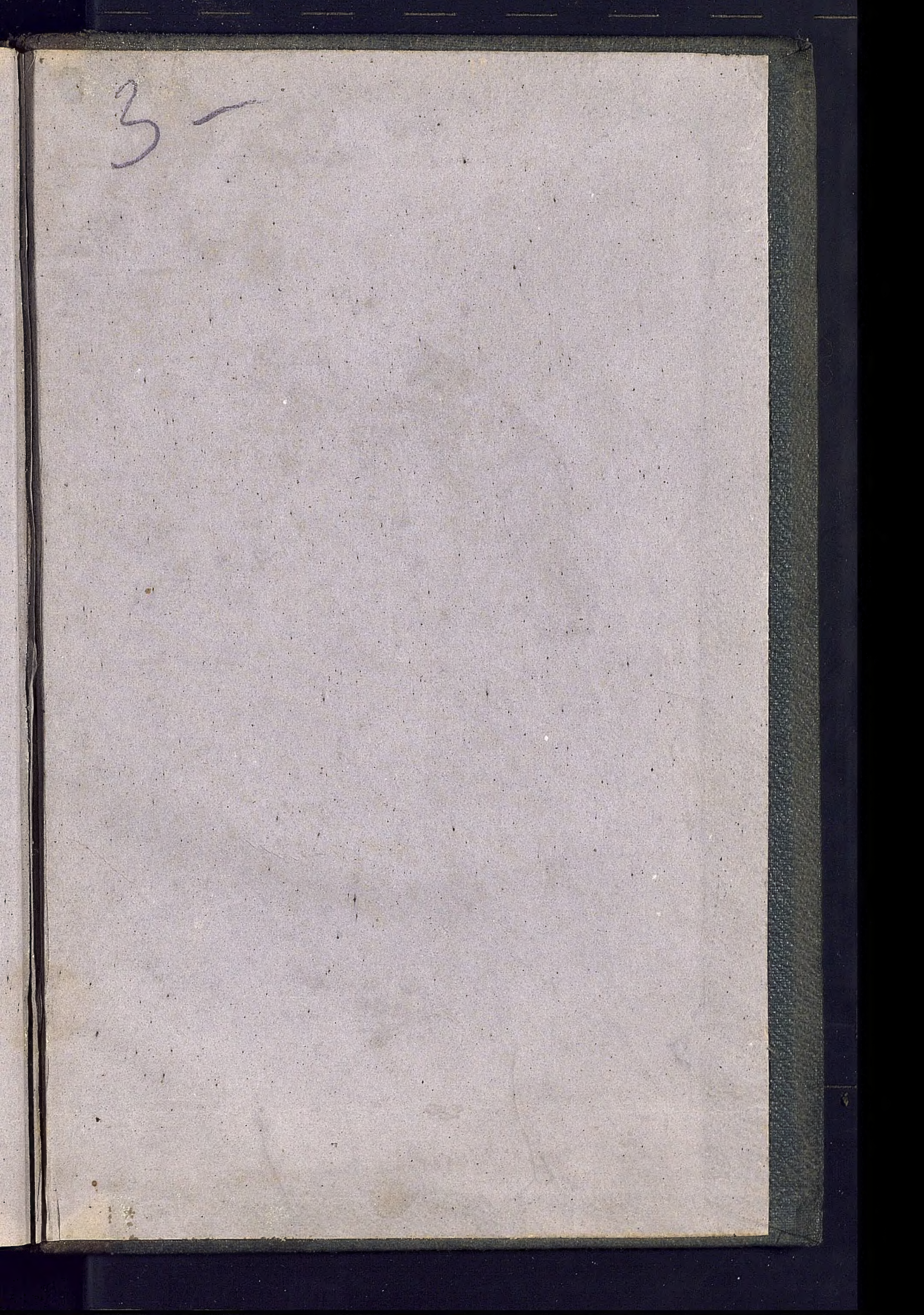
				Напечатано:	*Слѣдуетъ:*
449	стран.	20	стр. сн.	по новый	поновѣй
458	»	17	» св.	поползъ	полѣзъ
474	»	12	» сн.	злодѣй	змѣй
476	»	12	» св.	закочевало	заполевали
482	»	23	» сн.	почему	потому

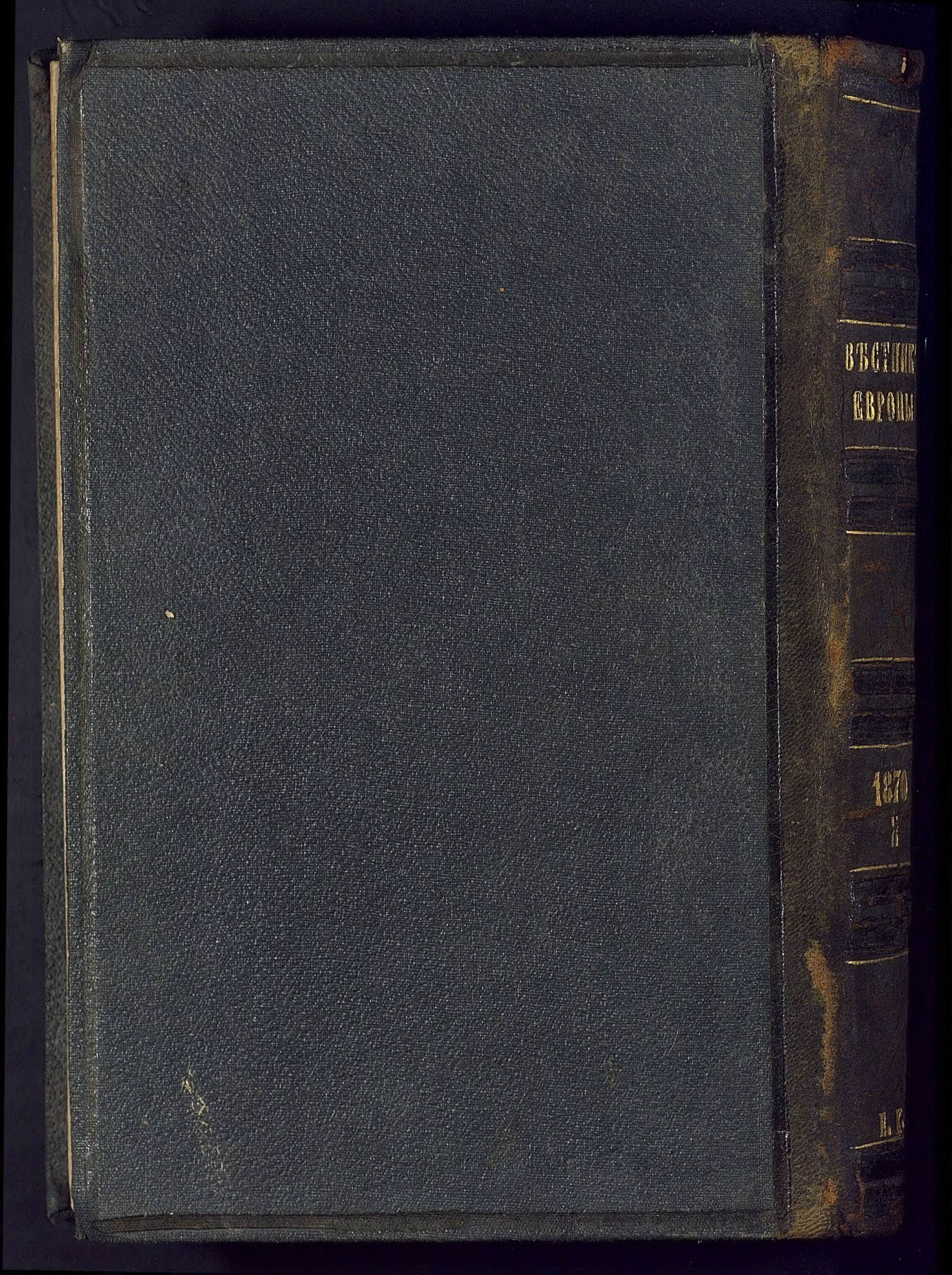
М. Стасюлевичъ.

ВѢСТНИК
ЕВРОПЫ
1870